

АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
Академии наук СССР
Москва, Г-19, ул. Маркса-
Энгельса, дом 1/14 525

ОСНОВЫ ИРАНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ ✠ ДРЕВНЕИРАНСКИЕ ЯЗЫКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1979

В коллективной монографии (в пяти книгах) описываются все известные в настоящее время иранские языки. По каждому из них даются основные сведения — экстралингвистические (территория распространения, письменность, источники) и собственно лингвистические (фонетика, морфология, лексика в синхронном и историческом освещении).

Первая книга содержит исследование по древнеиранским языкам (авестийский, древнеперсидский, скифский), а также обширное теоретическое введение.

Редколлегия:

доктор филологических наук В. П. АБЛЕВ,
член-корреспондент АН СССР М. Н. БОГОЛЮБОВ,
доктор филологических наук
В. С. РАСТОРГУЕВА (ответственный редактор)

ПРЕДИСЛОВИЕ

На рубеже XIX и XX столетий объединенными усилиями иранистов разных стран (с участием ведущих русских ученых — акад. К. Г. Залемапа и Вс. Ф. Миллера) был создан и опубликован фундаментальный труд «Grundriss der iranischen Philologie» (Strassburg, 1895—1901). В нем были воплощены все новейшие достижения науки того времени в области изучения языков и литературы иранских народов. Публикация этого труда была для иранистики событием огромной важности, во многом определившим ее дальнейшее развитие. А сам «Grundriss» на многие годы стал для иранистов настольной книгой. Без учета его основных положений, особенно по исторической грамматике иранских языков, невозможна была ни одна серьезная работа по иранскому языкознанию.

С тех пор прошло почти 80 лет. За это время иранистика значительно продвинулась вперед. Неизмеримо расширились границы ирановедческих исследований, накопилось множество новых языковых материалов, в орбиту научного исследования вовлечен целый ряд новых иранских языков и диалектов.

Из числа наиболее значительных открытий за эти истекшие восемь десятилетий прежде всего необходимо упомянуть о многочисленных новых письменных памятниках, найденных в Турфане, Советской Средней Азии, Афганистане, Иране — на языках — парфянском, согдийском, хорезмийском, сакском, бактрийском, что позволило положить начало изучению этих пяти языков среднеиранского периода, ранее фактически неизвестных. Тексты большинства этих памятников дешифрованы, многие из них изданы с переводами и комментариями. Опубликован ряд грамматических исследований по этим языкам, глоссарии и пр. В Турфане были найдены также манихейские памятники на среднеперсидском языке, в отличие от так называемого «книжного пехлеви» написанные фонетически (т. е. без исторического написания и без идеограмм), что дало возможность внести значительные коррективы в существовавшее прежде представление о фонетической системе данного языка в сасанидский период.

Открытие новых памятников на среднеиранских языках и изучение содержащегося в них языкового материала послужило

основанием для пересмотра и уточнения классификации иранских языков. Они были разделены по горизонтали — на западные и восточные. Кроме того, были выявлены некоторые вертикальные изоглоссы, позволившие внутри западной группы выделить подгруппы — юго-западную и северо-западную, а внутри восточной — юго-восточную и северо-восточную [Tedesco 1915, 184—268; Фрейман 1928, 46—59; Оранский 1960, 137—140; 212—222; 341—352].

Существенно пополнились и углубились наши сведения по древнеиранским языкам. Пайдены новые памятники, хотя и немногочисленные, на древнеперсидском языке. Весьма плодотворным оказалось изучение древнеперсидских слов, извлеченных из так называемых «побочных» источников, т. е. из аккадских, эламских, арамейских, греческих памятников [Hinz 1975]. Созданы новые, более полные грамматики древнеперсидского языка [Johnson 1917; Meillet 1931; Kent 1950; Brandenstein-Mayrhofer 1964]. Значительные поправки были внесены в фонетическую интерпретацию древнеперсидских текстов. Изданы новые грамматические исследования по авестийскому языку [Reichelt 1909; Соколов 1961 и др.]. Разработана и введена в практику фонологическая транскрипция текста Авесты [Morgenstierne 1942; Benveniste 1968; Соколов 1961, 1964]. На основе анализа скифских собственных имен, зафиксированных в эпиграфических памятниках и в произведениях древнегреческих историков, установлены некоторые характерные черты фонетики, лексики и частично грамматики скифского языка [Абаев 1949]. По материалам побочных источников («мидизмы» в древнеперсидском, а также мидийские имена собственные, содержащиеся в древнеперсидских и эламских текстах) предпринята попытка реконструкции мидийского языка [Mayrhofer 1968].

Однако особенно велики достижения в изучении современных, живых иранских языков и диалектов. Изданы исследования по фонетике и грамматическому строю, а также словари по языкам — таджикскому, афганскому дари (фарси-кабули), пушту, курдскому, талышскому, татскому, белуджскому, осетинскому, парачи, ормури, мушджаанскому, язгулямскому, шугнанскому, рушанскому, сарыкольскому, орошорскому (рошорвскому), грамматические очерки языков — гилянского, мазандеранского, семнанского, текстовые материалы (с краткими очерками грамматики и без них) по многочисленным бесписьменным языкам и диалектам Фарса, Центрального, Западного и Северного Ирана, из которых в период создания «Grundriss» одни были очень мало изучены, а другие вовсе неизвестны или известны только по своему наименованию. В качестве самостоятельной отрасли иранского языкознания развилась диалектология, давшая много интересных и важных материалов для понимания процессов развития иранских языков. При изучении фонетической системы иранских языков последовательно стал применяться фонологический принцип.

Накопленные за истекшее восьмидесятилетие огромные материалы по иранистике ждут своего обобщения, причем одной из первоочередных задач является несомненно их сравнительно-историческое осмысление. Без этого было бы затруднено дальнейшее развитие ирановедческих исследований, которые после длительного периода сбора материалов должны все более решительно переходить в полосу различного рода теоретических работ.

Все эти соображения и побудили нас приступить к созданию пятитомного сводного труда «Основы иранского языкознания». В нем обобщены основные достижения в исследовании иранских языков за период, прошедший после выхода в свет «Grundriss der iranischen Philologie». Все известные в настоящее время иранские языки представлены здесь в историческом освещении. Каждому языку или группе близкородственных языков или диалектов отведен отдельный раздел, где даются все основные сведения, как экстралингвистические, т. е. место распространения, памятники, письменность, история изучения и пр., так и собственно лингвистические — фонетика и морфология в синхронном и историческом аспекте, краткие сведения о лексике. Изложение материала в разделах, посвященных отдельным языкам или группам близкородственных языков (или диалектов) строится, насколько это позволяет своеобразие каждого из языков, по единому плану.

Весь исследуемый материал публикуется в пяти книгах: «Древнеиранские языки», «Среднеиранские языки», «Новоиранские языки юго-западной группы и прикаспийские языки (из северо-западной группы)»; «Новоиранские языки северо-западной группы» «Новоиранские языки восточной группы». В первой книге помещено также обширное «Введение», где освещены такие вопросы, как определение понятия «иранские языки», их отношение к другим индоевропейским языкам, периодизация истории иранских языков, их контакты и взаимодействие между собой и с языками других семей и групп, классификация иранских языков и пр.

Работа создана большим авторским коллективом, который включает в свой состав, кроме сотрудников сектора иранских языков Института языкознания АН СССР, являющегося ее инициатором, также ряд ведущих советских иранистов из Института востоковедения АН СССР, из Ленинградского, Московского и Таджикского Государственных университетов. Руководители и организаторы работы — В. И. Абаев и В. С. Расторгуева.

Для того чтобы материал по разным языкам был легко сопоставим, он за редким исключением подается в единой транскрипции. За основу при этом принята система транскрипционных знаков, которая использована в «Grundriss der iranischen Philologie», усовершенствованная и дополненная трудами советских иранистов, довольно последовательно ее применяющих (см. табл. 1, 2).

Таблица 2
Согласные

					1	2	3	4	5	6	7	8	9	
Простые	Смыч- ные	чистые	неносо- вые	простые (однофокусные)	p b		t d	ʈ ɖ	k ɡ	q ɢ¹	ɕ²			
				палатализованные (со 2-м ср.-яз. фокусом)	p' b'		t' d'		k' ɡ'²	q'				
				лабиализованные (со 2-м губным фокусом)				k° ɡ°	q°					
		посовые				m		n	ɲ	ɳ	ŋ			
		аффри- каты	однофокусные						ɕ ʑ	ɕʝ				
	двух- фокус- ные		со 2-м ср.-яз. фокусом со 2-м заднеяз. фокусом						ɕʝ ɕʝ⁴	ɕʝ				
	Щеле- вые	средня- ные	одно- фокус- ные	круглощелевые плоскощелевые		ɸ w	f v	s z θ ð		ʂ ʐ ɣ	ɣ̌ ɣ̌̌	x ɣ	ħ ɕ²	h
				лабиализованные (со 2-м губным фокусом)						ɣ̌°	x° ɣ°			
			двух- фокус- ные	со 2-м ср.-яз. фокусом со 2-м заднеяз. фокусом				ʂ ʐ ʂ ʐ²	ʂ ʐ					
				боковые						l ɭ	l			

Таблица 2 (окончание)

Таблица 2 (окончание)				Губные		Язычные			Увулярные	Фарингальные		
				губно-губные	губно-зубные	переднеязычные		среднеязычные		заднеязычные	верхнефарингальные	нижнефарингальные
						неперелатальные	перелатальные					
				1	2	3	4	5		6	7	8
Простые	Дрожащие	полносмычные				l	r					
		неполносмычные				ʀ ^h						
Придыхательные	Смычные	чистые	неносовые носовые	p ^h b ^h m ^h ʔ		t ^h d ^h n ^h	t ^h d ^h ɳ ^h		k ^h g ^h			
		аффрикаты	однофокусные двухфокусные			c ^h ʃ ^h j ^h						
	Щелевые	срединные		w ^h								
		боковые				l						
			дрожащие				r ^h					
	Смычно-гортанные	Смычные	чистые	простые (однофокусные) лабиализованные (со 2-м губным фокусом)	p ^h		t ^h			k ^h k ^h ʕ		
аффрикаты			однофокусные двухфокусные			c ^h ʃ ^h						

6. В курдоведческой фонологической транскрипции принято изображение неполноударного [f̥] как ɣ, а полноударного «раскати́стого» [ɣ] как ɣ̇ или ɣɣ.

Основные диакритические знаки для согласных:

' (k') — палатализация	˘ (k) — озвончение
˘ (k˘) — придыхательность	˘ (g) — оглушение
° (k°) — лабиализация	˙ (t) — церебральность
ˆ (kˆ) — абруптивность	

В разделах, посвященных древнеиранским и среднеиранским языкам, наряду с транскрипцией нередко применяется также транслитерация. Для разграничения транскрипции и транслитерации используются скобки: 1) прямые — для фонологической транскрипции /o/; 2) квадратные — для фонетической транскрипции [o].

Список использованной литературы включает названия работ, на которые ссылаются авторы данного труда. При ссылке на источник в тексте работы в квадратных скобках помещается фамилия автора, на работу которого сделана ссылка, год издания работы и страницы; например: [Зарубин 1960, 5—10]. Название работы читатель найдет в списке литературы.

Авторы разделов первой книги: «Предисловие» — В. С. Рас-торгуева (таблицы составлены Д. И. Эдельман); «Введение. Иранские языки в историческом освещении» — И. М. Оранский; «Язык Авесты» — С. Н. Соколов; «Древнеперсидский язык» — С. Н. Соколов; «Скифо-сарматские наречия» — В. И. Абаев.

ВВЕДЕНИЕ

ГРУППА (СЕМЬЯ) ИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ. ОСНОВНЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Термином «иранские языки» обозначается группа (семья) генетически родственных языков, происходящих от одного общего языка, называемого обычно «общеиранский» (*l'iranien commun*), «общеиранский язык-основа» (*iranische Grundsprache*), «праиранский» (*uriranische Sprache*), или же «древнеиранский» (*l'iranien ancien*), «Altiranisch», «Old Iranian»). Иранские языки вместе с ближайшими им родственными языками индийскими (индоарийскими) образуют индоиранскую (арийскую) ветвь обширной группы индоевропейских языков [Мейе 1938; Георгиев 1958; Порциг 1964].

Термин «иранский» (совр. перс. *irānī*, относительное прилагательное к *irān* 'Иран') восходит к слову *агуа-* — самоназванию древних индоиранских (арийских) племен, занявших во II—начале I тыс. до н. э. равнины Северной Индии и Иранское нагорье.

В указанном значении термин *агуа-* засвидетельствован в древнейшем памятнике индийской словесности — в гимнах Ригведы, сложение которых специалисты относят примерно к середине II тыс. до н. э. и к территории Индии [Елизаренкова 1972, 13—16]. В этом же значении зафиксирован термин *агуа-* в древнейших памятниках иранских языков — в древнеперсидских надписях и Авесте (др.-перс. *ariya-*, ав. *ariya-*), а также в составе древнеиранских имен собственных, топонимов и племенных названий.

Арийцами называли себя и происходившие из персидских племен цари династии Ахеменидов (VI—IV вв. до н. э.): *adam dārayava^buš xšāyaθiya vazrka xšāyaθiya xšāyaθiyānām... vištāspa-hyā ruθ'a bahāmanišiya pārsa pārsahyā ruθ'a ariya ariyaθiθ'a* 'Я, Дарий, царь великий, царь царей, ... сын Виштаспы, Ахеменид, перс, сын перса, ариец, арийского рода (происхождения)' [DNa, 8—15; аналогичная формула и в других надписях Дария I, например DSe, 7—14, и в надписях Ксеркса I, например XPh, 6—13].

Ср. также этнонимы Ἀριζαντοί (*arya-zantu- букв. 'арийское племя') — название одного из шести мидийских племен по Геродоту [Геродот I, 101]¹, Ariasrai (*arya-asra- букв. 'обладающий арийскими копытами') — название племени или народности по нижнему течению Гильменда (совр. Афганистан) [Арриан, III, 27, 4], Ariakai (*arya-ka 'арийцы') — название оседлой народности или племени в низовьях Сырдарьи [Птоломей, VI, 14], Ariei, Alani (др.-греч. Ἀλιανοί)² — названия скифо-сарматских племен в греческих и латинских источниках и т. д.; Страбон [XV, 724] относил к арийцам (Ἀριανῆς) персов и мидийцев, бактрийцев и согдийцев, говоривших, по его словам, почти на одном и том же языке (εἰς γὰρ τὴν καὶ ὁμόγλωττον παραμύθον).

Многочисленны древнеиранские имена собственные, включающие в себя компонент агуа-. Ср., например, др.-перс. агуагамна (*агуа-ā-gam- букв. 'обладающий мирными арийцами' или *агуа-га-тап- букв. 'приносящий арийцам мир (покой)') — имя одного из предков Дария I; Ἀριαβιγνής (*агуа-bigna- с этимологически неясной второй частью композита) — имя сына Дария I; Ἀριζαπής (*агуа-asra- букв. 'обладающий арийскими копытами') — имя отца Атоссы; Ἀριαπερθής (*агуа-rajsa- букв. 'обладающий арийским обликом (украшением?)') — имя скифского царя [Геродот, IV, 76, 78]. Многие древнеиранские имена с этим компонентом зафиксированы также в эламских табличках из Персеполя [Mayrhofer 1973, 155 сл.; см. также Register, *ibid.*, 320].

К форме родительного падежа множественного числа этого слова (āgyānām) закономерно восходит ср.-перс. и н.-перс. ēgān, совр. перс. irān: āgyānām > *a'gānām > ēgān > irān (с эпентезой и падением безударного конечного слога)³. Ср. ав. aīryanəm vaējo > ēgānvēj букв. 'арийцев (иранцев) простор (распространение)' — название полумифической области, которая в эпоху редактирования Авесты рассматривалась как прародина иранцев и одновременно как родина зороастризма; др.-ир. āgyānām xšadram 'страна арийцев (иранцев)' > ср.-перс. ēgānšahr 'страна (царство) Иран'⁴.

¹ По сообщению Геродота (VII, 62), в древности «все называли их (мидян) ариями (Ἀριοί)».

² alai < др.-ир. *āgyāna- с характерным для скифского или некоторых диалектов скифского переходом gy > l.

³ В греческой передаче (в форме Ἀριανῆς) этот термин впервые встречается в географическом смысле, по-видимому, у Эратосфена (ок. 276—194 гг. до н. э.). Под этим названием Эратосфен и вслед за ним Страбон поименовали восточные области Иранского нагорья вплоть до Инда. Карту Востока по Эратосфену см. у Дж. О. Томсона [Томсон 1953, рис. 9, вклейка между стр. 200 и 201]. См. также [PW Real-Encyclopadie, Halbband III, Stuttgart, 1895, Sp. 813—814; *ibid.*, Supplement, H. 1, 1903, Sp. 128].

⁴ В новое время (официально с 1953 г.) слово «Иран» стало употребляться для обозначения современного государства Переднего Востока, именовавшегося ранее Персией. Название современного государства «Иран» не следует, разумеется, отождествлять со словом *Иран* в историческом смысле, т. е. с областью распространения древних ираноязычных племен и народов.

КРАТКИЙ ОБЗОР ИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ

ДРЕВНЕИРАНСКИЕ И СРЕДНЕИРАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Древнеперсидский язык — язык персидских племен эпохи Ахеменидов (VI—IV вв. до н. э.), локализуемый для указанного времени в древней Персиде (др.-греч. Πέρσης, Περσίς, др.-перс. pārsa-, ср.-перс. pārs, н.-перс. pārs, fārs 'Фарс', юго-западная часть современного Ирана). Древнеперсидский известен по монументальным клинообразным надписям, высекшимся от имени и по повелению ахеменидских царей и современным описываемым в них событиям. Посвященные, как правило, прославлению ахеменидских царей и их деяний, они содержат много стандартных повторяющихся формул, и словарь их относительно небогат. Дополнением к лексикону надписей могут служить довольно многочисленные древнеперсидские слова (имена собственные, топонимы, титулы, военно-административные термины, названия оружия и т. п.), не представленные в собственно древнеперсидских надписях, но сохранившиеся в иноязычной передаче («Nebenüberlieferung») — эламской, арамейской, аккадской, греческой.

Авестийский (авестский) язык — под этим термином понимают язык Авесты — собрания священных зороастрийских текстов. По своему звуковому составу и грамматическому строю язык этих текстов, особенно той их части, которая называется Гаты («Песнопения», проповеди, приписываемые самому пророку Заратустре), представляет наиболее архаичную из всех известных разновидностей иранской речи. Авестийские тексты не датированы, однако, поскольку язык этих текстов отражает ступень развития не менее, а в ряде случаев и более архаичную, чем древнеперсидский, сложение их должно быть отнесено ко времени, предшествующему составлению древнейших древнеперсидских надписей (VI в. до н. э.).

Сакскими или скифскими языками (или диалектами) называют языки (диалекты) ираноязычных сакских или скифских племен, распространившихся к середине I тыс. до н. э. на огромной территории — от берегов Черного моря до границ Китая. В древнеперсидских надписях эти племена известны под названием sakā, в санскритских источниках — под названием śakāḥ, в китайских — под названием sak (позднее sa, sai). Греческие авторы называли эти племена скифами (Σκῆραι), сарматами (Σαρμαται), позднее аланами (Ἀλανοί).

В древнеперсидских надписях засвидетельствованы следующие обозначения сакских племен: 1) saka [DB I, 16f; II, 8], sakā [DPe, 18] 'саки' (как обозначение провинции); 2) sakā tigraxaudā [DNa, 25f; DSe, 25 и т. д.] 'саки с остроконечными шлемами' (<tigra- 'острый' + xaudā- 'шлем, головной убор'); 3) *sakā tyaiy para sugdam [DPh, 5f] 'саки, которые за Согдом'; 4) sakā tyaiy

paradraya [DNa, 28f], sakā paradrāya [A?P, 24] 'саки заморские'; 5) sakā haṁmavargā [DNa, 24f; DSe, 24f и т. д.] 'саки приготавливающие' (? или: 'почитающие', 'восхваляющие' ?) хаому' (< haṁma- 'хаома' + vargā (?)). Отождествляются обычно с амюргиями (Ἀρῦριοι) Геродота⁵.

Присутствие ираноязычных скифо-сарматских и аланских племен в Причерноморье, Приазовье и на Северном Кавказе фиксируется сообщениями греческих и латинских авторов, данными ономастики, этнонимии, топонимии и гидронимии по крайней мере с VI в. до н. э. (а, возможно, и раньше) по IV—V вв. н. э. [Абаев 1949, 147—244; Bailey 1958, 131].

Сакские племена Восточного Туркестана были распространены, согласно китайским источникам, к северу от р. Тарим, к северо-западу от Кашгара и на запад, в направлении к Бактрии. Начиная с II в. до н. э. отмечается продвижение сакских племен в Бактрию, Дрангиану⁶, Арахозию и впоследствии в Северо-Западную Индию, где следы сакских диалектов сохранились в надписях сакского и кушанского периода письменами кхароштии и брахми.

В более узком смысле термин «скифский язык» применяется обычно для обозначения языка западносакских (скифо-сарматских) племен Северного Причерноморья, Приазовья и Северного Кавказа, а термины «сакский язык» или «сакские языки» (иногда также «индоскифский») — для обозначения языка сакских племен Восточного Туркестана.

Связных текстов на языке сакских племен Средней Азии и скифо-сарматских племен Южной России не имеется. Скифская лексика, извлеченная из эпиграфических источников, сообщений античных авторов, топонимики и т. п., собрана В. И. Абаевым, составившим на основе этой лексики «Словарь скифских основ» (около 200 основ) и наметившим основные черты звукового состава и грамматического строя скифского языка [Абаев 1949, 150—242].

Один из сакских языков (диалектов) Восточного Туркестана зафиксирован довольно значительным числом документов, происходящих из Хотанского оазиса и датируемых преимущественно VII—X вв. (хотя имеются, как кажется, тексты, относящиеся к IV—V вв.). В самих текстах этот язык называется hvatanau, hvatano 'хотанский', и этот локального происхождения термин закрепился за языком указанных текстов в научной литературе («хотанский», «хотаносакский»). Хотанские тексты дошли до нас

⁵ Новейшую сводку мнений о локализации сакских племен см. у Б. А. Литвинского (1972, 158—174).

⁶ По имени продвинувшихся сюда сакских племен эта область получила впоследствии название Сакастан, Сеистап, Систан — парф. [skstn] *saṣastān, греч. Segistene в надписи Шапура I (III в. н. э.), арм. Sakastan, Sagastan, согд. sḡst'n, н.-перс. sistān. Ср. также в форме прилагательного: арм. sagčik, сир. sagzig, н.-перс. sagzi.

в оболочке письма брахми (индийского происхождения) и содержат преимущественно буддийские сочинения в стихах и в прозе. Известен также другой сакский язык Восточного Туркестана, представленный относительно небольшим числом документов из Тумшуча и Муртука, дошедших до нас в той же системе письма, что и хотанские документы, но в отличной от последних орфографии. Родственный хотанскому сакский язык (диалект) был распространен, по-видимому, также в районе Кашгара. Во всяком случае, по свидетельству ал-Кашгари (al-Kāshgarī), еще в XI в. в близлежащих к Кашгару селениях употреблялся язык kṇč'k *kānčāk (*kañčaka-), отдельные сохранившиеся слова которого указывают на близость его к хотанскому [Bailey 1958, 131]. Опыт картографирования восточной границы распространения сакских диалектов предложен Л. Г. Герценбергом [Герценберг 1965, вклейка между стр. 8 и 9].

Мидийский язык — язык мидийских племен, распространенных в древности в северо-западной части Иранского нагорья и образовавших в VIII—VII вв. до н. э. государство с центром в г. Экбатана (совр. Хамадан). Связных текстов на мидийском языке не сохранилось. Отдельные слова — преимущественно имена собственные и племенные названия — сохранились в ассирийских и греческих источниках, а также в древнеперсидских надписях.

Среднеперсидский язык, как показывает само название, представляет собою средний период истории персидского языка, являясь, таким образом, продолжением древнеперсидского и предшественником новоперсидского. В эпоху Саманидов (III—VII вв.) персидский (среднеперсидский) язык, ставший официальным языком государства и господствовавшей зороастрийской церкви, языком довольно значительной по тем временам литературы, вышел за пределы древней Персиды и стал распространяться в северном и северо-восточном направлениях. К периоду арабского завоевания (VII—VIII вв.) персидский язык был распространен уже на значительной части территории современных Ирана, Афганистана и Средней Азии, включая обширные пространства Хорасана. Среднеперсидский язык представлен довольно значительным количеством памятников, дошедших до нас преимущественно в двух системах письма — пехлевийской и манихейской. В различных разновидностях пехлевийского письма дошли памятники среднеперсидской эпиграфики (на скальных надписи, монетные легенды, надписи на сосудах, геммах, печатях и пр.), папирусы (VII в.) и обширная литература духовного (зороастрийского) и светского содержания, созданная в эпоху господства Сасанидов и в первые века после арабского завоевания. Манихейским письмом написаны документы религиозной секты манихеев (древнейшие сочинения относятся к III в., сохранившиеся списки — преимущественно к VIII—IX вв.), обнаруженные в начале XX в. в Турфанском оазисе (Синьцзян) и имеющие

исключительно важное значение для изучения истории персидского языка.

Парфянский язык — язык древней Парфии (др.-перс. *parāvā-*) — исторической провинции к юго-востоку от Каспийского моря. В эпоху политического господства происходившей из Парфии династии Аршакидов (III в. до н. э.) парфянский в качестве языка управления получил, по-видимому, известное распространение на всей территории Парфянского царства. Как и среднеперсидский, парфянский представлен памятниками в двух системах письма — собственно парфянской (*parhlavik*) и манихейской. В собственно парфянском письме дошли до нас парфянские версии сасанидских надписей, хозяйственные документы I в. до н. э. на острака из древней Нисы (неподалеку от современного Ашхабада) и некоторые другие памятники парфянской эпиграфики, не дающие, впрочем, сколько-нибудь значительного языкового материала. Лексика парфянских надписей учтена в глоссарии Ф. Жинью [Gignoux 1972]. Начиная с III в. н. э. манихеи использовали парфянский язык, наряду со среднеперсидским, для своей миссионерской деятельности в Хорасане, Мавераннахре и Восточном Туркестане. Созданные в ту эпоху и частично дошедшие до нас манихейские тексты на парфянском языке и служат основным источником для его изучения.

Согдийский язык — язык древнего Согда (др.-перс. *suguda-*, греч. *Σογδιανή*) — долины Зеравшана и прилегающих к ней районов. В связи с большой ролью, которую играли согдийцы в торговых сношениях Средней Азии с Дальним Востоком и создании торговых колоний вдоль Великого шелкового пути⁷, согдийский язык приобретает в первые века нашей эры значение *lingua franca* и употребляется далеко за пределами своей родины — от Мерва на юго-западе до Китая и Монголии на востоке и северо-востоке. Согдийские тексты дошли до нас в различных разновидностях письма — так называемое «согдийское национальное письмо» (буддийские, отчасти и христианские тексты, «Старые письма», Мугский архив и др.), манихейское (тексты манихейского содержания) и сирийское (тексты христианского содержания) письмо. Последние письменные памятники согдийского языка и последние свидетельства о нем современников относятся к рубежу I и II тыс. н. э. — периоду, когда происходит постепенный процесс вытеснения согдийского языка частично персидским (таджикским), частично тюркскими диалектами.

Хорезмийский язык — язык древнего Хорезма (др.-перс. *huvāraz-miš*, ав. *xvārizam*, греч. *Χωραζμία*) — области по нижнему течению Амударьи. Сохранившиеся памятники древнехорезмийской эпи-

⁷ Важнейший путь мировой торговли того времени, связывавший Дальний Восток со Средней Азией и через нее — с Ираном и побережьем Средиземного моря.

графики, написанные письмом арамейского происхождения (с идеограммами), близко родственным парфянскому и ранне-согдийскому, относительно немногочисленны и небогаты языковым материалом. Основным источником наших сведений о хорезмийском языке служат хорезмийские слова и фразы, даже целые диалоги, сохранившиеся в арабоязычных сочинениях X—XIII вв. (разумеется, в оболочке арабского, точнее арабо-персидского письма, дополненного несколькими знаками для передачи специфически хорезмийских звуков).

Бактрийский (или «эteo-тохарский») язык — язык древней Бактрии — исторической области по верхнему и среднему течению Амударьи, между Гиссарским хребтом на севере и Гиндукушем на юге (др.-перс. *bāxtriš*, ав. *bāxdi*, др.-гр. *Βάκτρα*). Захваченная во II в до н. э. передвижениями сакских и тохарских племен, эта область стала называться впоследствии в источниках «Тохаристаном» («Страною тохаров»), а язык ее «тохарским» («тохарӣ»). Единственным значительным памятником бактрийского языка является надпись из Сурх-Котала (Сев. Афганистан), открытая в 1957 г. французской археологической экспедицией и впервые опубликованная А. Мариком [Marick 1958]. Надпись содержит 25 строк текста, высеченных особой разновидностью греческого письма, приспособленного при Кушанах для записи местного языка и называемого обычно «тохарским».

Древние языки (диалекты) Мавераннахра, Тохаристана и Систана (конец I тыс. н. э.). В сочинениях арабоязычных авторов, писавших на рубеже I и II тыс. н. э., сохранились отрывочные сведения об этих языках, сопровождаемые иногда цитацией (разумеется, в оболочке арабской графики) отдельных слов на этих языках. Особенно ценны в этом отношении труды ал-Бируни, содержащие не только согдийскую и хорезмийскую лексику (названия месяцев и дней, праздников, различных растений, лекарственных средств), но и отдельные слова на языках Бухары (*bil-buxāriya*), Самарканда (*as-samarqandiya*), Термеза, Балха и Тохаристана (*bil-balxiya wa 't-tuxāriya*), Систана (*as-sijziya*) и других областей. Так, например, по подсчетам У. И. Каримова [Каримов 1971, 37], в «Китаб ас-сайдана» («Фармакогнозии») ал-Бируни содержится свыше 1100 названий растений, животных, минералов на различных иранских языках и диалектах (персидские, систанские, забульские и пр.). Некоторые местные слова из языка Бухары приводятся также в «Tarīḫ-i Buxāgā» [Frue 1954, 135 и сл.], и можно думать, что этот язык был очень близок согдийскому, известному по письменным памятникам. Об особом языке Ферганы, отличавшемся от языка других владений, сообщают китайские паломники Сюань-Цзян и Хой-Чао. Поскольку в другом месте Хой-Чао отмечает «тюркский» язык Хуттая, можно заключить, что под особым языком Ферганы этот автор понимал один из иранских языков Мавераннахра [Давидович, Литвинский 1955, 206—209]. В последние века I тыс. н. э. все

эти местные языки (диалекты) вытеснялись постепенно, с одной стороны, персидским языком, с другой, тюркскими и находились уже в стадии своего исчезновения.

НОВОИРАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Под термином «новоиранские» понимаются иранские языки в новый период их истории, т. е. примерно с VIII—IX вв. до наших дней. История некоторых новоиранских языков (персидский и таджикский) зафиксирована обширной письменной литературой, традиция которой не прерывалась на протяжении всего этого периода, другие стали известны по письменным памятникам позднее (курдский с XI—XII вв., афганский с XVI в. и т. д.), третьи представлены лишь фрагментарными записями, отражающими попытки зафиксировать в письменности местные иранские языки и диалекты. Фиксированная история многочисленных бесписьменных иранских языков и диалектов (ягнобский, мунджанский, ормури, парачи, семнани и др.) может быть прослежена лишь по диалектологическим записям последнего времени.

Всего в настоящее время насчитывают до сорока живых иранских языков, «диалектов» и «диалектных групп» [Расторгуева и др. 1975, 1, 6], при этом следует учитывать, что далеко не все эти языки, «диалекты» и «диалектные группы» учтены, описаны и изучены, так что при нынешнем состоянии их исследования не всегда даже возможно определить, какой из них следует считать самостоятельным языком и какой — диалектной разновидностью какого-либо иного иранского языка. Применительно к таким случаям названия «диалект», «диалектная группа», «говор», «говоры» в значительной мере условны: они не предполагают, что данная разновидность иранской речи представляет разновидность какого-либо конкретного иранского языка.

Современные иранские языки и диалекты распространены, хотя, разумеется, и не сплошным массивом, на обширной территории, простирающейся от бассейна Тигра на Западе до Инда и Восточного Туркестана на Востоке, от Кавказских гор на севере до побережья Персидского залива и Аравийского моря на юге (см. карту).

Новоперсидский (персидский классический) язык, как отмечалось выше, к эпохе арабского завоевания (VII—VIII вв.) получил уже широкое распространение на территории Западного Ирана и Хорасана. В последующие века наблюдается относительно быстрый (особенно в городских центрах) процесс распространения этого языка в Мавераннахре. К этому же времени (IX в.) относятся первые известные науке попытки фиксации персидского языка средствами арабской графики. Этот персидский язык, дошедший до нас в памятниках арабского, точнее, арабско-персидского письма и известный в источниках под названиями *parsi*,

fārsī, pārsī-yi darī, получил в научной (преимущественно западноевропейской и русской) литературе название «персидского классического» («persan classique») или новоперсидского («Neupersische Schriftsprache», «Das Neupersische») ⁸ (в отличие от средне- и древнеперсидского, продолжением которых он является).

Источниками для изучения новоперсидского языка служат многочисленные памятники новоперсидской письменности (художественная и научная литература, средневековые толковые словари-фарханги, официальные и деловые документы и т. п.), дошедшие до нашего времени в громадном числе рукописей, хранящихся в общественных библиотеках, частных собраниях и научных учреждениях разных стран мира. Лишь часть этого поистине необъятного материала учтена, каталогизирована и научно описана, и лишь незначительная часть научно издана.

Современный персидский язык (zābān-e fārsī) — язык персов, составляющих основную часть (не менее половины) населения современного Ирана, и в то же время государственный язык всей страны. В качестве государственного и литературного языка, в качестве языка обучения и межнационального общения современный персидский распространен по всему Ирану, и, помимо собственно персов, им владеет, в той или иной степени, по-видимому, преобладающая часть населения страны.

Для письменности на современном персидском языке применяется то же арабское, арабско-персидское письмо, о котором говорилось выше. Предпринимавшиеся, начиная с 30-х годов нашего века попытки латинизации персидской письменности успеха не имели.

Таджикский язык — национальный и литературный язык таджикской социалистической нации, государственный язык Таджикской ССР. За пределами Таджикской ССР распространен на территории Советского Союза преимущественно в Узбекистане, отчасти и в других республиках Средней Азии.

Формирование современного литературного таджикского языка, сложившегося на основе живой таджикской речи, с одной стороны, и языка классической персидско-таджикской литературы, с другой, относится уже к советскому периоду истории таджикского народа. Для письменности на современном таджикском языке в период с 1930 (частично уже с 1928 г.) по 1940 г. использовалась

⁸ Хотя под «новоперсидским» и понимается язык преимущественно арабграфических текстов и сам термин «новоперсидский» определялся часто как «язык Ирана, с тех пор как он представлен в арабской графике» [Норг, 1901, 1], следует заметить, что древнейшие известные науке документы, отражающие «новоперсидские» (в лингвистическом смысле слова) особенности, дошли до нас не в арабском, а в манихейском [Müller, 1904, II, 4, 95, 106; Henning, 1958, 77; 1962], сирийском [Henning, 1958, 77; Lazard, 1963, 31] и еврейском [Henning, 1957, 2; 1958, 79—81; Lazard, 1963, 31, 128] письме. Древнейшая дошедшая до нас персидская рукопись в арабской графике относится к 447/1056 г. [Lazard, 1963, 45].

графика на основе латиницы и с 1940 г. используется графика на основе кириллицы, пришедшие на смену арабской.

Персидско-таджикские диалекты на территории Афганистана и язык дари (фарси-кабули). Среди многочисленных разновидностей персидско-таджикской диалектной речи, распространенных на территории Афганистана, выделяется по своему значению говор Кабула, выдвигающийся по отношению к остальным на роль наддиалектного койне. На основе этого говора, с одной стороны, и на основе многовековой языковой традиции персидско-таджикской классической литературы, с другой, в Афганистане сложилась местная разновидность письменно-литературного языка, несколько отличающегося и от современного персидского, и от современного таджикского. В литературе этот язык называют обычно «персидско-кабульским» (фарси-кабули) или просто «кабульским» (кабули), в официальном словоупотреблении (согласно афганской конституции 1965 г.) — «язык дари». В настоящее время этот язык является, наряду с пашто, одним из двух официальных языков Афганистана.

Из других разновидностей персидско-таджикской речи Афганистана наиболее известны бадахшанский диалект [Lorimer 1922], а также диалекты хазара (хезарейцев-берберы), распространенные в горной области Хезареджан (между Кабулом и Гератом) [Ефимов 1965]. На различных диалектах персидско-таджикского типа говорят также племена, входящие в группу чор-аймак (фирюзкухи, джемшиды, таймены, хезарейцы «дех-и зейнат») и населяющие районы Северо-Западного и Западного Афганистана. К этой же группе говоров относятся, по-видимому, говоры племен тимури или теймури (к югу от Герата и вдоль ирано-афганской границы по обеим ее сторонам) ⁹.

Отдельные группы хазара (хезарейцев-берберы) и чор-аймаков отмечаются также в пограничных с Афганистаном районах Ирана и в республиках Средней Азии (преимущественно в Туркменской ССР). О происхождении и расселении этих групп [см. Кисляков 1973].

Отдельные диалекты таджикско-персидского типа отмечались также на территории современного Пакистана — в Читрале и в Белуджистане (в селениях близ Мастунга и в Келате) [Morgenstierne 1932, 14, 67]. Некоторые из этих диалектов, как, например, диалект мадаглатши в Читрале (по течению р. Шиши, левого притока Кунара), описаны [Lorimer 1922].

Афганский язык (пашто) — язык афганского народа — распространен на территории Афганистана (преимущественно в южных и центральных провинциях) и в северо-западных провинциях Пакистана. Афганоязычное население отмечается также в Белуджистане и незначительные количественно группы — в Читрале, Кашмире и Иране (вдоль ирано-афганской границы).

⁹ В литературе эти племена включаются иногда в группу чор-аймак.

Афганский является государственным языком Афганистана, языком развитой общественно-политической и художественной литературы. Основой для литературно-письменного пашто Афганистана издавна служил кандагарский диалект; несколько отличная форма литературно-письменного афганского языка, в основе которой лежит афганский диалект (-ы) Пешаварской долины, используется в Пакистане.

В афганской письменности используется арабо-персидская графическая основа. Первые достоверные памятники афганского языка относятся к XVI в.

Осетинский язык — национальный и литературный язык осетинской социалистической нации — распространен преимущественно в Северо-осетинской автономной республике (РСФСР) и Юго-осетинской автономной области (ГрузССР).

Основные диалекты осетинского языка — иронский и дигорский. Большая часть осетин говорит на иронском диалекте, и именно он лежит в основе современного литературного осетинского языка, однако, в районах, населенных дигорцами, некоторая часть печатной продукции издается и на дигорском диалекте [Исаев 1966, 4, 27, 185 сл.].

Хотя отдельные попытки фиксации осетинского (аланского) языка в письменности известны начиная с X в., устойчивая и непрерывная письменная традиция на осетинском языке существует только с конца XVIII в., при этом в разное время использовались системы письма на основе кириллицы, латиницы и грузинской графики. Современный литературный осетинский язык использует (с 1938 г.) письмо на русской графической основе.

Курдский язык распространен преимущественно в Курдистане — исторической провинции, входящей своими частями в состав современного Ирана, Ирака, Турции и Сирии. За пределами Курдистана курдоязычное население имеется также в некоторых других районах Ирана (преимущественно в Западном Азербайджане и Северном Хорасане), в центральных районах Турции, в некоторых районах Сирии и — на территории Советского Союза — в закавказских республиках и Туркменской ССР. Курдский язык представлен большим числом местных диалектов, говоров и подговоров. В основе литературного языка курдов Советского Союза лежит один из северных (или северо-западных, курманджи) говоров, именно говор курдов Армении [Бакаев 1969, 158—159]; центральные и южные курдские говоры представлены в письменности в двух основных разновидностях — сулеймани (с центром в г. Сулеймание, Ирак), и мукри (с центром в г. Мехабад, Иран) [Эйюби, Смирнова 1968, 5—6].

Письменность и письменная литература на курдском языке известны, начиная с XI—XII вв. В качестве графической основы средневековой курдской письменности использовалось арабское письмо, и по настоящее время используемое курдами Ирака. Курды Сирии пользуются в настоящее время (с 1931 г.) письмен-

ностью на основе латиницы, курды Советского Союза — на основе русской графики (с 1945 г.).

Белуджский язык (балу́чи) распространен главным образом на территории исторической провинции Белуджистана, получившей свое название по имени населяющей ее народности (балу́ч, балу́дж) и входящей ныне частично в состав Ирана и частично в состав Пакистана. За пределами Белуджистана белуджский язык отмечается также в южных районах Афганистана, в юго-западной части Пенджаба и в Синде, а на территории Ирана в Кермане, Ларистане, Систане и Хорасане. Из Хорасана небольшие группы белуджей проникали с конца прошлого века на территорию нынешней Туркменской ССР, где они и живут по настоящее время в нескольких районах Марыйской области. Имеются белуджи на территории Омана и Федерации арабских эмиратов.

Белуджская письменность (на арабо-персидской графической основе) не получила большого развития, однако известно некоторое количество рукописей на белуджском языке, а с середины XX в. в Пакистане (преимущественно в Кветте) издается современная печатная литература, журналы и газеты на белуджском языке.

Татский язык (tatı́), язык небольшой ираноязычной народности, называющей себя tat и живущей небольшими островками в Азербайджанской ССР, в Дагестанской АССР, а также в некоторых городах Северного Кавказа¹⁰. Татский язык представлен двумя основными диалектными разновидностями — так называемый «татско-мусульманский» и «татско-иудейский» (или «еврейско-татский»), — отражающими бывшее конфессиональное разделение двух групп местного населения. К «татско-мусульманскому» примыкает также говор небольшого числа татов-христиан (армяно-татов).

В Дагестане с конца 20-х годов нашего века существует татская письменность, первоначально созданная на основе латиницы, затем (с 1938 г.) — на основе русского алфавита.

Талышский язык распространен отдельными островками в южных районах Азербайджанской ССР (Астаринский, Ленкоранский, Лерикский и Масаллинский), а также в прикаспийской полосе Северо-Западного Ирана (дехистаны Керганруд, Асале, Талеш-Доляб, Шандермин и Масал). Проводившиеся в начале 30-х годов нашего века мероприятия по созданию в Азербайджане письменности на талышском языке ввиду малочисленности талышцев успеха не имели.

Памирские (припамирские) языки. Под этим названием объединяют в иранистике ряд бесписьменных иранских языков, распространенных среди горных (припамирских) таджиков Горно-Ба-

¹⁰ Термином tatı́ обозначается также ряд диалектов Северо-Западного Ирана, которые не следует смешивать с татским языком, распространенным в указанных районах Советского Союза.

дахшанской автономной области Таджикской ССР и прилегающих к Памиру районов Афганистана (по левому берегу Пянджа) и Синьцзяна (КНР).

К числу памирских языков относятся (следуя сверху вниз по течению Пянджа) следующие.

1. Ваханский язык (*ʁik zik*), распространенный главным образом по верхнему течению Пянджа (по обоим берегам) и его истокам. Отмечается ваханский язык также в сопредельных областях Пакистана, Индии и Синьцзяна (КНР).

2. Ишкашимский язык (*škošmi zəvûk*), распространенный в северной части Афганского Бадахшана и — в пределах Советского Союза — преимущественно в селении (далее: сел.) Рын (на правом берегу Пянджа, несколько выше центра Ишкашимского р-на). Ишкашимский известен в трех основных разновидностях — зебакский и сангличский диалекты (в Афганском Бадахшане) и собственно ишкашимский (сел. Рын).

3. Шугнано-рушанская языковая группа, включающая в себя несколько близких друг к другу языков:

1) шугнанский (с диалектом Баджу), распространенный по обоим берегам Пянджа [по правому берегу — от селения Дармо-рахт (выше Хорога) до сел. Нижний Хуф (примерно в 50 км ниже Хорога)], а также по долинам правых притоков Пянджа-Гунта и Шах-Дары. Шугнанские селения на левом (афганском) берегу Пянджа расположены напротив Горнобадахшанской АО;

2) рушанский (с хуфским диалектом), распространенный по обоим берегам Пянджа (по правому берегу — от сел. Нижний Хуф до с. Шипад, включая боковую долину Хуф, где говорят на хуфском диалекте); рушанские селения на левом берегу Пянджа расположены напротив рушанских селений Таджикской ССР;

3) бартагский, распространенный по течению правого притока Пянджа — р. Бартаг (основные говоры — басидский и сипанджский);

4) орошорский, распространенный в верхнем течении р. Бартаг — в сел. Орошор (*Rošorv*) и прилегающих кишлаках;

5) сарыкольский, распространенный в высокогорной долине Сарыкол на территории Синьцзяна (КНР);

6) язгулямский язык (*yuzdômi zəveg* — букв. «язык долины Язгуляма»), распространенный в долине р. Язгулям — правого притока Пянджа.

Ягнобский язык (*yaġnobî zivók*). На нем говорят в Таджикской ССР — в высокогорной долине Ягноба — правого притока р. Фандарья, впадающей в Зеравшан. Ягнобский сохраняют также выходцы из этой долины, живущие в кишлаках по южным склонам Гиссарского хребта (долина р. Варзоб и боковые ущелья), куда они переселились лет 250 тому назад [Неменова 1969, 40], в Гиссарской долине и других районах.

Бесписьменные (или малописьменные) иранские языки и диалекты на территории Ирана, Ирака, Турции и на Аравийском

полуострове. Наряду с диалектами собственно персидскими, курдскими и белуджскими, в различных, преимущественно сельских, местностях Ирана, Ирака, Турции и Аравийского полуострова сохранились (или сохранялись до недавнего времени) и другие иранские языки и диалекты. В большинстве случаев на этих бесписьменных языках и диалектах говорят относительно небольшие, территориально или конфессионально изолированные группы населения, и сами эти местные языки и диалекты подвергаются — по-видимому, в условиях массового двуязычия — сильнейшему влиянию персидского языка (в некоторых случаях также курдского и тюркских языков). За редкими исключениями, изучены все эти языки и диалекты недостаточно, и вопрос об их группировке, классификации, об их отношении друг к другу, равно как и к другим иранским языкам и диалектам, остается не вполне ясным. В условиях передвижения населения, диалектного смешения, массового двуязычия и сильнеешего влияния персидского языка не всегда возможно даже с достоверностью отделить диалекты собственно персидские от диалектов неперсидских [ср. Morgenstierne 1958, 170].

Основные материалы по бесписьменным языкам и диалектам Ирана и Турции собраны и опубликованы В. А. Жуковским, О. Манном, А. Кристенсеном, Д. Л. Р. Лоримером, Г. Моргенштерне, В. А. Ивановым, А. А. Ромаскевичем и другими учеными. В последние десятилетия работа по изучению бесписьменных языков и диалектов Ирана интенсивно ведется иранскими лингвистами [A. Karang, S. Kiyā, M. Muqaddam, M. Sotoodeh, E. Yarshater, Y. Zuqā' и др.], опубликовавшими ряд важных материалов, исследований и диалектных словарей. Новейшие обзоры работ по бесписьменным иранским языкам и диалектам (с библиографией) опубликованы Ж. Редаром [Redard 1970] и Э. Яршатером [Yarshater 1970, 674—676].

Ниже приводятся краткие сведения о бесписьменных (или малописьменных) иранских языках и диалектах на территории Ирана, Ирака, Турции и на Аравийском полуострове, при этом перечисление их ведется в направлении с северо-запада на юг и юго-восток.

1. Говоры заза. Под этим названием известен в науке ряд говоров (говорящее на них население называет себя и свой язык «димли»), зафиксированных в истоках Евфрата (на территории Турции, примерно между 39 и 41° в. д. и 38 и 40° с. ш.). По сведениям О. Манна, относящимся к началу XX в., говоры заза были распространены в многочисленных селениях, расположенных от района Малатья-Адиаман на западе до района г. Муш на Востоке и от Эрзинджана и Эрзерума на севере до Караджа Даг на юге [Mann-Hadank 1906—1932, Abt. III, Bd. IV, 6 и сл., карта-вклейка в конце тома]. В последующие десятилетия посетители этих говоров подвергались различным переселениям, и достоверных сведений о распространении говоров заза в настоящее время не имеется.

2. Говоры северо-западной части Ирана. Значительное число местных иранских говоров, объединяемых иранскими учеными под названием «татские», зафиксировано в районах Северо-Западного Ирана, в полосе Табриз — Зенджан — Казвин — Саве. Из числа этих говоров могут быть названы:

1) харзані (к северо-западу от Табриза) с родственными ему говорами сел. Гелинкай и Бабра, керингані (к северо-востоку от Табриза), халхалі (диалект Шахруда — юго-восточная часть Иранского Азербайджана) и т. д.;

2) «татские» говоры Раманда и прилегающих районов (к юго-западу от Казвина) — говоры сел. Такистан (в 30 милях к юго-западу от Казвина), Иштихард, Ибрахимабад (Бермова), Сагзабад (Сезгова) и т. д.;

3) говоры горных районов (Таликан, Аламут, Рудбар), лежащих к северо-востоку от Казвина (по течению р. Шахруд и ее притоков) и далее на восток (по южным склонам хребта Эльбурз, к северу от Тегерана).

3. Гилянский и мазандеранский языки. Эти два языка, распространенные вдоль южного берега Каспийского моря и часто объединяемые в научной литературе под названием каспийские (прикаспийские) диалекты, представлены значительным числом говоров.

Попытки издания произведений (преимущественно поэтических) местных писателей на гиланском языке (в арабо-персидской графике) сколько-нибудь широкого распространения не получили. Известны образцы древней мазандеранской (табаристанской) письменности, собранные и исследованные иранским ученым С. Кийа [Kiya 1947; см. также Kiya 1951].

4. Диалекты полосы города Семнана. Ряд местных говоров (семнані, ласгерді, сурхей, сэнгисэрі, шемерзаді, афдарі или афтарі, биябунеки) зафиксирован в г. Семнани (к востоку от Тегерана) и в прилегающем к нему районе.

5. Гурани. Язык гурани (gūrānī) известен в нескольких диалектных разновидностях, распространенных частично в Загросских горах к западу от Керманшаха (диалекты кандулай, авромані и др.), частично в районе Мосула (диалект баджалані). Письменность на языке гурани представлена рукописями поэтических легенд и других сочинений; некоторые из них изданы (с переводами, грамматическим комментарием и глоссариями) современными исследованиями [см., например: Mokri 1966; 1967; 1970, 197—230; 1974, 47—57 и др. работы].

6. Лурские и бахтиярские диалекты — диалекты лурских (фейли, мамасени, кухилуйе) и бахтиярских племен, населяющих обширные районы на западе и юго-западе Ирана по обе стороны Загросского хребта от Керманшаха и Боруджирда на севере до Хузистана на юге. Отдельные группы лурских племен отмечаются также в районах Хамадана и Рудбара (к северо-западу от Казвина), в Фарсе и Хузистане. Бахтияры сосредоточены в основном

в горных районах к западу от Исфагана (Бахтиярские горы), в восточной (предгорной) части Хузистана, а также в районе Боруджирда.

7. Диалекты полосы между Хамаданом и Саве. Из распространенных в этой полосе местных говоров известны, благодаря работе иранского ученого М. Мокаддама [Muqaddam 1949], говоры сел. Вафс, Аштиан и Тафриш.

8. Диалекты Центрального Ирана. В сельских местностях Центрального Ирана зафиксировано значительное число местных говоров, среди которых могут быть названы:

1) говоры сел. Хунсар и Махаллат (к западу от линии Кашан — Исфаган);

2) говоры близ г. Кашан: говоры сел. Воншун, Кеше и Эзфре;

3) говоры селения Мейме (на дороге Кум — Исфаган) и Джавшакан (несколько севернее);

4) говоры района Исфагана: говоры сел. Сэдэ, Гяз, Кяфрон;

5) говоры полосы Натанз—Наин. Ряд иранских говоров распространен в сельских местностях, расположенных вдоль западной окраины Большой соляной пустыни (Дашт-е Кавир). Из числа этих говоров известны говоры сел. Натанз и Наин, а также говоры расположенных к северо-западу от Наина селений Яран(д), Фаризанд и Ардистан. Опубликовано также исследование о говоре сел. Абиане, расположенного в 50 км к западу от Натанза [Lescq 1974].

6) говоры оазисов Большой соляной пустыни (Дашт-е Кавир): говор Хура и Михрджана [Ivanow 1926; 1930], а также соседних с ними сел. Аббасабад, Чахмалек, Фаррохи (Фарви), Гармаб и Ирадж [см. Redard 1962; 1970, 109]. Известен также говор сел. Энарек, расположенного в 82 км к северо-востоку от Наина [Ivanow 1926];

7) говоры парсов Йезда (с округой) и Кермана, объединяемые часто в литературе под названием «габри» [Ivanow 1935—1936].

9. Диалекты провинции Фарс. Среди многочисленных местных иранских говоров, распространенных на территории Фарса, зафиксированы и описаны следующие:

1) «таджикские говоры» сел. Сомгун, Папун, Масарм, Буригун и некоторые другие;

2) говор сел. Сивенд, расположенного на дороге Шираз—Исфаган, примерно в 70 км к северо-востоку от Шираза;

3) говор сел. Кондази, расположенного примерно в 30 км. к северо-западу от Сивенда [Morgenstierne 1960, 121—123];

4) говор сел. Даван, расположенного примерно в 8 км к северу от Казеруна [Morgenstierne 1960, 123—129];

5) говоры Шираза; помимо распространенного в Ширазе местного персидского говора, здесь существовал в средние века еще собственно ширазский (неперсидский) диалект, дошедший до нас в нескольких текстах (XV в.), записанных арабской гра-

ффикой [Lazard 1968, 92]. Известен также говор евреев г. Шираза [Morgenstierne 1960, 129—132];

6) курдшули — говор небольшого одноименного племени, зимовья которого расположены между Сивендом и Мадар-е Солейман (древние Пасаргады) [Morgenstierne 1960, 133—134];

7) говоры Ларистана: говоры города Лар и прилежающих к нему районов в юго-восточной части Фарса [Ромаскевич 1945].

10. Говоры башкарди. Распространены в области Башкардии, прилегающей к юго-восточному углу Персидского залива между 26° и 27° с. ш., 57° и 59° в. д. По сообщению И. Гершевича [Gershevitch 1952₂], среди них выделяются две различные группы — говоры Северной Башкардии и Южной Башкардии. Большинство носителей этих говоров понимают персидский язык, но для персов башкардские говоры в значительной степени непонятны.

11. Диалект кумзари — единственный иранский диалект, отмеченный к югу от Персидского залива (на южном берегу Ормузского пролива, напротив Бендер-Аббаса) [Thomas 1930].

Бесписьменные иранские языки и диалекты на территории Афганистана и Пакистана. Помимо многочисленных диалектов персидско-таджикского типа, белуджского и памирских языков, на территории Афганистана и Пакистана распространены еще следующие бесписьменные иранские языки и диалекты.

1. Мунджанский-йидга. На мунджанском языке говорит немногочисленное население Мунджан (в истоках р. Кокча, Северо-Восточный Афганистан). Тесно связан с мунджанским диалект йидга, распространенный в долине р. Луткух (правый приток Кунара, в Читрале), куда он был занесен переселенцами из Мунджана [Morgenstierne 1932, 44].

2. Язык парачи. Язык парачи распространен лишь отдельными небольшими островками среди территории, занятой персидско-таджикскими, афганскими (пашто) и индоарийскими диалектами. В 20-е годы нашего века население, говорившее на языке парачи, отмечалось в сел. Куроба (долина Пянджшира), в Ниджрау (к северу от Кабула) и в трех селениях по течению р. Шуту.1 (также к северу от Кабула) [Андреев 1927, 3, прим.].

3. Язык ормури (барáки, баргиста). Ормури — язык небольшой народности, известной в литературе под названием ормури или барáки. Зафиксирован в двух основных диалектах: диалект ормуров Логара (к югу от Кабула) и диалект ормуров Канигурама (в Пакистане, между городами Банну и Дера-Исмаил-Хан). Последний считается более архаичным.

ВЫДЕЛЕНИЕ ИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ В САМОСТОЯТЕЛЬНУЮ ЯЗЫКОВУЮ ГРУППУ. ИХ ОТНОШЕНИЕ К ЯЗЫКАМ АРИЙСКИМ И ИНДОАРИЙСКИМ

Арийская (индоиранская) языковая общность. Как уже отмечалось, внутри индоевропейских иранские языки связаны особо тесной близостью с языками индоарийскими, образуя вместе с ними индоиранскую (или арийскую) ветвь индоевропейских языков. Особенно важно здесь то обстоятельство, что индоарийские и иранские языки проявляют общность не только в сохранении унаследованных от общеиндоевропейского элементов, но и в одинаковом (в ряде случаев) их развитии. Прежде всего здесь должны быть названы некоторые характерные особенности развития звукового состава индоиранских (арийских) языков, отличающие их от всех остальных индоевропейских:

1) совпадение в арийском *а, *ā трех индоевропейских гласных и двух сонантов — соответственно *а, *е, *о, *п, *ш и *ā, *ē, *ō, *ñ, *ñ;

2) отражение н.-е. *ə («шва» индоевропейское) как і;

3) переход н.-е. *s после *i (включая *i < н.-е. *ə), *u, *r (включая *r < н.-е. *l), *k в ж-образный звук (др.-инд. ś, др.-ир. š)¹¹ и т. д.

В области грамматического строя особенно показательны историческая общность именной и глагольной флексии, местоименного склонения, системы словообразования, синтаксических конструкций. Многочисленны также лексические изоглоссы, объединяющие индоарийские языки с иранскими (примеры см.: Оранский 1960, 44 и сл.; 1963, 23 и сл.). Отдельные попытки опровергнуть положение об особо близком родстве иранских и индоарийских языков указанием на то, что большинство изоглосс, объединяющих эти две языковые семьи, распространяется и на другие семьи индоевропейской группы [см., например, Макаев 1971], не встретили поддержки компаративистов. По новейшим подсчетам [Герценберг 1972, 8 и сл.], число изоглосс, объединяющих языки индоарийские с иранскими (57), более чем вдвое превышает число изоглосс, объединяющих их с языками балтийскими (22), греческим (27), славянскими (24), армянским (13) и т. д. Тем самым еще раз подтверждается давно известное положение, «требующее признания особого индоиранского праязыкового состояния, более позднего, чем общеиндоевропейское» [Абаев, Додыхудоев 1974, 130], и более раннего, чем общеиндоарийское, с одной стороны, и общеиранское, с другой. Из признания этого положения необ-

¹¹ Этот переход не происходит, если *s выступает в группе *sr.

ходимо вытекает, что в ходе расселения древних племен индоевропейской речи племена, говорившие на диалектах индоиранских (арийских), относительно дольше сохраняли языковую (и, по-видимому, географическую, историко-культурную) общность друг с другом [см., например: Оранский 1960, 43—44], чем с племенами, говорившими на других индоевропейских диалектах.

Иранская языковая группа. История иранских языков как самостоятельной языковой группы начинается с периода обособления, выделения этих языков (диалектов) из индоиранской (арийской) языковой общности. Для суждения о времени этого процесса решающим является тот факт, что древнейшие памятники индоарийской словесности — гимны Ригведы складывались около середины II тыс. до н. э. и складывались — как об этом свидетельствуют отраженные в ведических гимнах этнографические условия и природа — уже на равнинах Северной Индии (Елизаренкова 1972, 13 и сл.). Таким образом, по отношению к времени существования индоиранской (арийской) языковой общности и к времени распада ее на индоарийскую и иранскую языковые семьи¹² середина II тыс. до н. э., может рассматриваться как *terminus ante quem*. Предполагается, что процесс распада арийской языковой общности и выделения из нее иранских языков (диалектов) относится к первой половине II тыс. до н. э. или к рубежу III и II тыс. до н. э.

Вряд ли можно представить себе распад арийской языковой общности как некий единовременный акт. По-видимому, этот процесс происходил в ходе длительных и сложных племенных перемещений и переселений, в результате которых часть ариоязычных племен, перейдя Гиндукуш, вышла в бассейн Инда. Диалекты этой группы племен, отраженные в языке ведических гимнов, легли в основу индоарийских языков. Исходя из того, что эта группировка ариоязычных племен проникала в бассейн Инда с севера, через перевалы Гиндукуша, можно полагать, что другая крупная группировка ариоязычных племен, диалекты которой легли в основу иранских языков, находилась в этот период севернее Гиндукуша — на территории Средней Азии и сопредельных областей. Такая установка наиболее удовлетворительным, по-видимому, образом объясняет распространение одной группировки ариоязычных племен в бассейне Инда и Ганга и другой — на территорию Средней Азии и Иранского нагорья. Такая установка согласуется также со сложившимися в настоящее время в науке представлениями о путях распространения

¹² В качестве третьей языковой семьи, выделившейся из древней арийской общности, рассматриваются некоторыми исследователями (Morgenstienre, 1973, 327—343) языки кафирские, характеризующиеся, в частности, специфическим отражением индоевропейских палатализованных *k̥, *g̥, *gh: позднейшеар. *č/*s, *j/*ž, *(h/*žh; др.-инд. ś, j, h; др.-ир. s, z, z; каф. c, ȝ/z, ȝ/z [Дельман 1973, 543—544].

древних племен — носителей индоевропейских диалектов [Георгиев 1958, 276 и сл.; Порциг 1964, 97¹³].

Основные признаки, отличающие древнеиранские языки от общеарийского и древнеиндийского. В ходе постепенного распада арийской языковой общности и обособления языков индоарийских, с одной стороны, и иранских, с другой, между двумя этими языковыми группами сложился ряд исторических дифференций. Основные признаки, отличающие древнеиранские языки от общеарийского и древнеиндийского, особенно отчетливы в области фонетики, преимущественно в системе консонантизма:

1) арийские звонкие смычные придыхательные *bh, *dh, *gh (др.-инд. bh, dh, gh) отражаются в древнеиранском как звонкие смычные простые (непридыхательные) b, d, g:

ар. *bh (др.-инд. bh) // др.-ир. b: ар. *bhrātar- (др.-инд. bhrātar-) // ав. и др.-перс. brātar- 'брат'; ар. *bhar- (др.-инд. bhar-) // ав. и др.-перс. bar- 'нести'; ар. *grabh- (др.-инд. grabh-) // ав. и др.-перс. grab- 'хватать', 'захватывать';

ар. *dh (др.-инд. dh) // др.-ир. d: ар. *dhār- (др.-инд. dhār-) // ав. и др.-перс. dār- 'держат', 'иметь'; ар. *dhā- (др.-инд. dhā-) // ав. и др.-перс. dā- 'создавать', 'устанавливать'; ар. *bandh- (др.-инд. bandh-) // ав. и др.-перс. band- 'связывать';

ар. *gh (др.-инд. gh) // др.-ир. g: ар. *gharma- (др.-инд. gharmā-) // ав. gaṛəma-, др.-перс. garma- 'горячий'; ар. ghauša- (др.-инд. ghōṣa 'звук', 'слух') // ав. gaoša-, др.-перс. gauša- 'ух';

ар. *dṛgha- (др.-инд. dirghá-) // ав. (rat.) darəga-, др.-перс. darga- 'длинный'¹⁴;

2) арийские глухие смычные придыхательные *ph, *th, *kh (др.-инд. ph, th, kh) отражаются в древнеиранском как соответствующие щелевые (f, θ, x):

ар. *ph (др.-инд. ph) // др.-ир. f: ар. *kapha (др.-инд. kapha-) // ав. kafa, ср.-перс. kaf 'слизона', 'слизь'; ар. *śapha- (др.-инд. śapha-) // ав. safa-, осет. sāf 'копыто';

¹³ Представление о Средней Азии как об отправном пункте для миграций ариозычных племен на территорию Индии, с одной стороны, и Иранского нагорья, с другой, не противоречит, разумеется, положению о том, что в еще более древнюю эпоху, в период, непосредственно следовавший за выделением арийских диалектов из индоевропейской языковой общности, эти диалекты локализовались значительно западнее. См., например, карту В. Н. Георгиева [1956, 64], где «индоиранский» локализован для IV—III тыс. до н. э. к северу от Черного и Азовского морей. Ср. мнение В. Порцига [1964, 238] о соседстве греческого и арийского языков к северу от Черного моря в начале II тыс. до н. э. К вопросу о возможных путях миграции ариозычных племен на восток см. [Порциг 1964 228 (с литературой)].

¹⁴ Таким образом, в общеиранских b, d, g совпали два древних общеарийских ряда звонких смычных — ряд придыхательных (bh, dh, gh; примеры выше) и ряд простых (b, d, g): др.-инд. bhrātar- 'брат', bandh- 'связывать' // ав. и др.-перс. brātar, band-; др.-инд. dhār 'держат', dha- 'создавать', 'устанавливать' (и.-е. *dhe-), dā- 'давать' (и.-е. *dō-) // ав. и др.-перс. dār-, dā- (1. 'создавать', 'устанавливать'; 2. 'давать'); др.-инд. gharmā- 'горячий', gaṛ- 'корова', gaṇ- 'качество', 'цвет' // ав. gaṛəma-, др.-перс. garma-, ав. gav, ав. gaona-.

ар. *th (др.-инд. th) // др.-ир. θ: ар. *yathā (др.-инд. yáthā) // ав. yaθa, др.-перс. yaθā 'как'; ар. *path- (др.-инд. path-) // ав. paθ-, paθā-, др.-перс. paθi- 'путь', 'дорога'; ар. *rátha- (др.-инд. rátha-) // ав. raθa-, др.-перс. °raθa- 'колесница';

ар. *kh (др.-инд. kh) // др.-ир. x: ар. khara- (др.-инд. khāra-) // ав. xara-, ср.-перс. и н.-перс. xar 'осёл'; ар. *sakha- (др.-инд. sákha) // ав. haḫā°, др.-перс. haḫā- 'друг' (в имени собств. haḫā-maniš букв. 'обладающий дружественной мыслью');

3) арийские глухие смычные *p, *t, *k (др.-инд. p, t, k) перед последующим согласным отражаются в древнеиранском как соответствующие щелевые (f, θ, x):

ар. *p (др.-инд. p) // др.-ир. f: ар. *praś- (др.-инд. praś) // ав. fras-, др.-перс. fraθ- 'спрашивать' (например в др.-перс. ^hn-frasta- 'хорошо (крепко) спрошенный', 'наказанный'); ар. *drapsa- (др.-инд. drapsá-) // ав. drafšō, н.-перс. dīrafš 'знамя'; ар. *pra- (др.-инд. prá-) // ав. frā-, др.-перс. fra- — префикс со значением движения вперед¹⁵;

ар. *t (др.-инд. t) // др.-ир. θ: ар. *putra- (др.-инд. putra-) // ав. puθra-, др.-перс. puθ'a- 'сын'; ар. *kšatra- (др.-инд. kṣatra-) // ав. xšadra, др.-перс. xšad'a- 'царство', 'царствование'; ар. *tvām (др.-инд. tvām) // ав. θwām, др.-перс. θuvām 'тебя';

ар. *k (др.-инд. k) // др.-ир. x: ар. *kšar- (др.-инд. kṣar-) // ав. и др.-перс. xšar- 'ночь'; ар. *kšay- (др.-инд. kṣáy-) // ав. xšā (y)-, др.-перс. xšay- 'владеть', 'править'; ар. *kruga- (др.-инд. krūrā-) // ав. xruḡa- 'кровавый';

4) арийское *ć (н.-е. *ĕ, др.-инд. ś) отражается в древнеиранском (авестийском) как s (др.-перс. θ); арийские *j, *jh (н.-е. *ĝ, *ĝh др.-инд. j¹⁶, h¹⁷) совпадают в древнеиранском (авестийском) z (др.-перс. d):

ар. *ć (др.-инд. ś) // др.-ир. (ав.) s: ар. *śapha- (др.-инд. śapha-) // ав. safa-, осет. sāf 'колыто'; ар. *śata- (др.-инд. śata-) ав. satəm,

¹⁵ Исключение составляет ар. *p, сохраняющееся в авестийском в группе -pt-: ар. *sapta- (др.-инд. sapta-) // ав. hapta 'семь'; ср., впрочем, ср.-перс. и н.-перс. haft.

¹⁶ В индологической транскрипции знаком j обозначается переднеязычная звонкая аффриката (-j международной иранской транскрипции).

¹⁷ Вопрос о реальном фонетическом значении общеарийского ряда согласных *ĕ, *j, *jh, ограждающих индоевропейские заднеязычные палатальные (*ĕ, *ĝ, *ĝh), остается не вполне ясным, и представленная здесь картина носит, разумеется, в значительной степени схематический и условный характер. Учитывая многообразие рефлексов согласных этого ряда в индоиранских (в том числе и в кафирских, см. прим. 2) языках, некоторые исследователи [Герценберг 1972, 11—12 и табл. 1; ср. Абаев, Подыхудов 1974, 130] предполагают, что в общеарийском еще сохранялись н.-е. *ĕ, *ĝ, *ĝh. Переход индоевропейских заднеязычных палатальных в древнеиранские (авестийские) сибиланты можно представить и в виде процесса: н.-е. *ĕ, *ĝ, *ĝh > раннеар. *ć, *j, *jh > позднеар. *ć/s, *j/z, *jh/zh > др.-ир. (ав.) s, z [Эдельман 1973, 543—544]. При этом под позднеар. *ć/s, *j/z, *jh/zh следует, по-видимому, понимать какие-то ближе не определяемые шипящие или свистящие звуки — переходную ступень между соответствующей аффрикатой и простым свистящим.

н.-перс. sad 'сто'; ар. *śyāva- (др.-инд. śyāva-)//ав. syāva-, хс. šāva,

н.-перс. siyāb, осет. sau 'черный', 'темный'; ар. *daśa- (др.-инд. dáśa)//ав. daśā 'десять'; ар. *āśru- (др.-инд. āśru)//ав. asrū- 'слеза'; ар. *āśu- (др.-инд. āśu-)//ав. āsu- 'быстрый'; ар. *śarād- (др.-инд. śarād- 'осень')//ав. sarəd-, н.-перс. sāl 'год', осет. sārđ 'лето'; ар. *raśu- (др.-инд. raśu-)//ав. rasu- 'мелкий рогатый скот'¹⁸;

ар. *j (др.-инд. j)//др.-ир. (ав.) z: ар. *jraya (др.-инд. jráyas-)//ав. zrayah- 'море', др.-перс. drayah-; ар. *yaj- (др.-инд. yaj-)//ав. yaz- 'поклоняться', др.-перс. yad-; ар. *jantu- (др.-инд. jantú-)//ав. zantu- 'род', 'племя'; ар. *jāta- (др.-инд. jātāh)//ав. zātō 'рожденный'; ар. *jarant- (др.-инд. jarant-)//ав. zarant- 'старик';

ар. *jh (др.-инд. h)//др.-ир. (ав.) z: ар. *vajh- (др.-инд. va-hati)//ав. vaz- 'везти'; ар. *ajham (др.-инд. aham)//ав. azəm 'я', др.-перс. adam; ар. *jhasta- (др.-инд. hāsta-)//ав. zasta- 'рука', др.-перс. dasta-; ар. *br̥hant- (др.-инд. br̥hānt-)//ав. bərəzant 'высокий';

5) арийское *s (др.-инд. s) отражается в древнеиранском как h¹⁹: ар. *sapta- (др.-инд. saptá)//ав. bapta 'семь'; ар. *śacā (др.-инд. śacā)//ав. hača, др.-перс. hačā 'от', 'из'; ар. *asmi (др.-инд. āsmi)//ав. ahmi '(я) есмь', др.-перс. āham '(я) был'; ар. *śajna- (др.-инд. śēnā-)//ав. haēnā-, др.-перс. haīnā-, 'вражеская армия'; ар. *sindhu- (др.-инд. sindhu-)//ав. и др.-перс. hindu- 'Инд'; ар. *śajtu- (др.-инд. śētu-)//ав. hactu- 'мост'; ар. *śajma- (др.-инд. śóma-)//ав. haoma- 'хаома'.

Как видно из изложенного, сдвиги, характеризующие иранские языки в их отличиях от общеарийского и индоарийского, носят системный характер. Присущее общеарийскому и индоарийскому противопоставление глухих смычных простых глухим смычным придыхательным (p—ph, t—th, k—kh) сменилось в древнеиранских языках противопоставлением глухих смычных глухим щелевым (p—f; t—θ; k—x), а противопоставление ś—s сменилось противопоставлением s—h. При этом переходы ар. *ś (*ś) > ир. s и ар. *s > ир. h стоят в диалектической связи:

¹⁸ Возможно, однако, что переход ар. *ś(→*s) > др.-ир. s охватил не все древнеиранские диалекты: «факт совпадения в осетинском языке (возможно, еще в скифскую эпоху) этого ś с арийским š указывает на то, что в данной части иранских диалектов в ту эпоху ś скорее всего еще не успел стать «свистящим.» [Эдельман 1973, 544; ср. Расторгуева и др. 1975, 1, 51].

¹⁹ За исключением следующих основных случаев: 1) когда за этим *s следуют глухие смычные (p, t, k) аффиката ē или сонант n; 2) когда *s следовало за р. В первом случае древнее *s сохраняется: ар. *asti (др.-инд. āsti)//ав. asti, др.-перс. astiy — глагол-связка 3-го л. ед. ч. наст. вр.; ар. *asthi- (др.-инд. āsthi-)//ав. ast-, хс. astai, н.-перс. ustuxān 'кость'; ар. *stri- (др.-инд. stri-)//ав. stri- 'женщина'; ар. *rasā (др.-инд. raśā)//ав. rasā, др.-перс. rasā 'после', ар. *snā- (др.-инд. sna-)//н.-перс. sinā 'купанье', 'плавание' и т. д. Во втором случае группа *ps отражается как fš: ар. *drapsa- (др.-инд. drapsā-)//ав. drafšō, н.-перс. dirafš 'знамя', 'стяг'.

тенденция к переходу ар. *s > др.-ир. h способствовала совпадению ар. *é (*ś) и ар. *s в общеиранском s²⁰.

Общеиранское состояние (*общеиранский язык-основа*). Поскольку между двумя древнейшими исторически засвидетельствованными иранскими языками — древнеперсидским и авестийским уже наблюдаются определенные расхождения (дифференции) в области звукового состава и грамматического строя, общеиранское состояние должно быть отнесено ко времени, предшествующему первым точно датированным ираноязычным текстам, т. е. во всяком случае к периоду до VI в. до н. э. Это не зафиксированное никакими письменными памятниками общеиранское состояние («общеиранский язык», «иранский язык-основа», «иранский праязык», «uriranische Sprache») может быть реконструировано только на основе сравнения реально засвидетельствованных иранских языков — древних и современных (с привлечением, разумеется, сравнительного материала ближайше родственных древнеиндийских языков). Под общеиранским языком понимается, следовательно, не что иное как ретроспективная проекция историко-лингвистической ситуации, которая воссоздается лингвистами на основе реально засвидетельствованных иранских (и древнеиндийских) языков и отражает их представление о древнейшем постулируемом для иранских языков состоянии.

При этом необходимо иметь в виду следующее.

1. Период от выделения иранских языков (диалектов) из индоиранской (арийской) языковой общности до появления первых датированных ираноязычных текстов (VI в. до н. э.) охватывает во всяком случае не менее тысячелетия. В течение этого времени иранские диалекты, выделившиеся из индоиранской (арийской) языковой общности, несомненно должны были претерпеть известные изменения в своей фонетической и грамматической структуре. Вряд ли можно представить себе общеиранский язык как нечто монолитное, абсолютно единое во времени, и потому, опираясь на данные реконструкции, неизбежно приходится учитывать известную неопределенность ее во времени.

Исходной точкой для реконструкции истории общеиранского языка-основы служит общеарийское состояние (также реконструируемое), предельной точкой — язык древнейших исторически засвидетельствованных ираноязычных текстов — древнеперсидских надписей и Авесты. Поэтому при реконструкции общеиранского языка-основы выделяют обычно два синхронных среза в его эволюции — а) древнейший период и б) период «накануне распада языка-основы». Оба понятия, конечно, условны, ибо никакого единовременного распада общеиранского языка-основы, разумеется, не происходило, а происходил перманентный процесс

²⁰ О фонологических предпосылках этих переходов, а также перехода глухих смычных придыхательных в соответствующие глухие щелевые см. [Benveniste, 1968, 63—64].

языковой филиации, и, как бы ни углублялся исследователь в историю иранской языковой семьи, он никогда не достигает периода полного языкового единства, которое только постулируется. Поскольку общеиранский реконструируется преимущественно на основе сопоставления древнеперсидского и авестийского (см. ниже), то исходят обычно из «поздне-общеиранского состояния», т. е. из состояния, непосредственно предшествующего формированию диалектов, зафиксированных древнеперсидскими надписями и Авестой.

2. Точно так же невозможно, по-видимому, представить себе общеиранский язык как нечто абсолютно единое в пространстве. К середине I тыс. до н. э. ираноязычные племена и народности были распространены уже на огромном пространстве от берегов Персидского залива на юго-западе до Сырдарьи на северо-востоке и от Причерноморья на западе до границ Китая на Востоке. В этих условиях уже а priori можно предположить существование ряда более или менее близких друг другу диалектов общеиранского. Такое предположение подтверждается и тем, что уже древнейшие дошедшие до нас ираноязычные тексты (древнеперсидские, авестийские), а также иные свидетельства о древнеиранских языках (мидийском, скифском) отражают наличие диалектных дифференций между этими языками.

3. Явлениями общеиранскими или праиранскими считают обычно явления, совпадающие в авестийском и древнеперсидском или же в авестийском и более поздних иранских языках, преимущественно в новоперсидском [Bartholomae 1901, 3]. При этом нельзя, однако, не учитывать, что древнеперсидский и авестийский представляют только два (или, если иметь в виду диалектную неоднородность Авесты, три) древнеиранских диалекта и что наряду с ними существовали еще другие многочисленные иранские диалекты, не зафиксированные в письменности. И вполне вероятно, что некоторые древнеиранские диалекты имели ряд особенностей, отличающих их от авестийского и древнеперсидского и соответственно от того «общеиранского», который выводится из сопоставления двух этих древнеписьменных языков.

В пользу такого предположения говорит, например, тот факт, что ряд средне- и новоиранских языков (согдийский, сакско-хотанский, хорезмийский, афганский, осетинский, памирские) не разделяют некоторых важных признаков, отделяющих авестийский и древнеперсидский от древнеиндийского, и продолжают собою, по-видимому, не тот диалектный тип, который лег в основу засвидетельствованных в письменности древнеиранских языков. Как уже отмечалось, общеарийские глухие смычные (p, t, k) перед последующим согласным сохраняются в индоарийских, но переходят в соответствующие щелевые (f, θ, x) в древнеиранских: др.-инд. *putra-* 'сын' // ав. *puθra-* (др.-перс. *puθ'a-*), др.-инд. *trāyaḥ* 'три' // ав. *θrāuō* (др.-перс. *θ'rītiya-* 'третий'), др.-инд. *catvāraḥ* 'четыре' // ав. *śadwārō* и т. д. Следует, однако, иметь в виду, что переход

смычного элемента общеарийских консонантных групп типа *tr, *tv в соответствующий щелевой, фиксируемый на авестийском и древнеперсидском (частично, возможно, и на скифском) материале, мог не охватывать (и, вероятно, не охватывал) все древнеиранские диалекты. Ср., например, осет. fərt, вах. рыtr, шугн. рус, язг. рос и т. д. 'сын'; хс. drai, draya, согд. *δry, šy, 'три'; хорезм. arcivak, arcivak [Фрейман 1947, 164; 1951, 34] или 'rey'd(y)k, 'rey'my 'треть' (*arc- < *ərti-) (Henning 1958, 109—110), афг. dre, осет. artā, вах. trūi, язг. cūi, ягн. (зап.) tiraī и т. д. 'три'; согд., будд. ctβ'r, согд.-ман. и согд.-христ. ctfr, осет. cəppar [< *catbār, см. Абаев 1958—1973, 1, 322], афг. calor, вах. сыбыг и т. д. 'четыре'. Такие рефлексy общеарийских консонантных групп указывают на то, что часть иранских (восточно-иранских) языков или сохраняет в отдельных случаях древние общеарийские группы согласных с глухим смычным в качестве первого компонента (типа tr, tv и т. п.), или же дает «их рефлексy, не подразумевающие переходной ступени в виде спирализации» [Эдельман 1968, 84; ср. Расторгуева и др. 1975, 1, 47—48]. Имея в виду эти факты, следует предположить, что:

а) или в истории отдельных иранских языков произошел обратный переход указанных групп согласных (θr > tr, θv > tv и т. д.) к общеарийскому типу, т. е., что индо-ир. tr > обще-ир. θr, а затем обще-ир. θr > вах. tr, осет. tr (>rt), хс. и афг. dr и т. д.

б) или же (поскольку первое предположение не является ни необходимым, ни доказанным), что в какой-то группе древнеиранских диалектов сохранялись общеарийские группы согласных и что эта диалектная особенность нашла свое продолжение в ряде средне- и новоиранских языков.

Из вышеизложенного следует, что общеиранский язык-основу, общеиранское языковое состояние скорее всего можно себе представить как некую совокупность близкородственных иранских диалектов, распространенных примерно с середины II до середины I тыс. до н. э. на очерченной ниже территории, постепенно развивавшихся во времени и постепенно дифференцировавшихся.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ В РАЗЛИЧНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭПОХИ

Распространение иранских языков в древнейший период. В ходе длительных и сложных исторических, этногенетических и этнолингвистических процессов, протекавших в течение тысячелетий на землях Средней Азии, Иранского нагорья и сопредельных

регионов, территория распространения иранских языков претерпела значительные изменения. В период обособления, выделения иранских диалектов из индоарийской языковой общности иранские диалекты локализуются на территории Средней Азии и прилегающих областей. Помимо соображений, высказанных выше, положение о Средней Азии и сопредельных с ней областях как о древнейшей известной науке территории распространения ираноязычных племен подтверждается также географическим и этногеографическим кругозором составителей сохранившихся частей Авесты (в той, разумеется, мере, в какой вообще данные Авесты могут претендовать на историческую достоверность). Составителям Авесты были известны, в частности:

Аррейя (ав. *harōiva-*) — область по течению р. Герируд (термин сохранился в названии города Герат, н.-перс. *harāt*, совр. перс. *hārāt*, тадж. *hirot*);

Хорезм (ав. *x'ārizam-*) — область по нижнему течению Амударьи; по мнению ряда видных ученых, к этой же области относится термин Ариана-Веджа (ав. *airiyanəm vaējō*, ср.-перс. *ērān-vēj*) — букв. «Арийский (=Иранский) простор, Арийское (=Иранское) распространение» — название мифической области, которая в эпоху редактирования Авесты рассматривалась как прародина иранцев и одновременно как родина зороастризма; согласно Авесте (Vid. I, 1—2), Ариана-Веджа лежит по течению Доброй Дайты (ав. *vanhuuā daityauā*) — реки, отождествляемой обычно с Амударьей;

Бактрия (ав. *bāxδi-*) — область по верхнему и среднему течению Амударьи, по обоим ее берегам, ограниченная на юге хребтом Гиндукуш и на севере Гиссарским хребтом (термин сохранился в названии города Балх, Северный Афганистан);

Согдиана (ав. *suṛda-*) — область по течению р. Зеравшан и примыкающие к ней районы; к Согдиане, Согду относится, по-видимому, и другой употребляемый в Авесте географический термин — Гава (ав. *gava-*), область, о которой говорится как об «обиталище (стране) согдийцев» (Vid. I.4);

Маргиана (ав. *mōuru-*) — Мервский оазис, область современного г. Мары (Туркменская ССР);

Арахозия (ав. *haraxvaiti-*) — область, лежащая в бассейне р. Хильменд (ав. *haētumant-*) (юго-западная часть современного Афганистана);

Нисая (ав. *nisāya-*) — область, лежащая, согласно Авесте (Vid. I.7), между Мервом и Балхом (не исключено, что название этой области отразилось в названии Нисы — древней столицы парфянских царей, находившейся неподалеку от современного Ашхабада);

Баекрта (ав. *vaēkarēta-*) — область, отождествляемая обычно с Кабулистаном. Ср., однако, топоним *Wukrt*, засвидетельствованный в документах из Нисы (I в. до н. э.) и обозначавший, по-видимому, какое-то селение или сельскую округу в районе совре-

менного Ашхабада [Дьяконов 1961, 361, прим. 96; ИТН, 514, прим. 176];

Бадгис (ав. *vāiti.gaēsa*) — историческое название области, лежащей между Гератом и Серахсом; согласно Авесте (Yt. 19.2) *vāiti.gaēsa* — название одной горы;

дахи (ав. *dāha*) — группа племен, отождествляемых обычно с племенами *Δάχ* греческих источников и локализуемых к востоку от Каспийского моря. В. В. Струве [Струве 1968, 111] идентифицировал племена, обозначаемые термином *dahā* в «Антидэвовской» надписи Ксеркса (XPh, 26) с «саками, которые за морем» на кируместемской надписи Дария I (DNa, 28—29);

туранцы (ав. *tūra*) — группа племен, локализуемых в северной части Средней Азии и отождествляемых с сакскими племенами [Абаев 1956, 38 и сл.].

Авестийские тексты, в которых сохранились эти этно-географические термины, восходят, разумеется, к различному времени и дошли до нас, возможно, в относительно поздней редакции, однако как бы ни расходились мнения ученых по этому вопросу, большинство исследователей признает, что «Михр-яшт» (Yt, X) и — в своей основе — 1-й фрагмент Видевдата (Vid. I), донесшие до нашего времени упоминания Согдианы, Мерва, Балха, Арии и Хорезма, относятся к глубокой древности [Christensen 1943; Gershevitch 1959,] ²¹. Характерно, что области Западного и особенно Юго-Западного Ирана (Мидия, Персида и др.) ²² никогда в Авесте не упоминаются и были, по-видимому, неизвестны авторам древнейших ее частей.

К середине I тыс. до н. э. зона распространения иранских языков значительно расширяется, при этом совокупность историко-лингвистических и историко-культурных данных укрепляет уверенность в том, что именно территория Средней Азии и сопредельных с ней областей была во II (?)—I тыс. до н. э. центром иррадиального распространения ираноязычных племен на запад (скифо-сарматские племена Причерноморья и Приазовья), на восток (саки Восточного Туркестана) и на юго-запад, на территорию Западного и Юго-Западного Ирана, вплоть до берегов Персидского залива (персы и другие ираноязычные племена) ²³.

²¹ А. Кристенсен относит редакцию 1-го фрагмента Видевдата к V в. до н. э., отмечая при этом, что древнейшую (метрическую) его часть составляют § 4, 5, 6 и 8, в которых повествуется о сотворении Гавы (Согдианы), Мерва (Маргианы), Балха (Бактрии) и Арии. Другие исследователи (Ф. Андреас, Э. Херцфельд, И. М. Дьяконов) склонны относить редакцию 1-го фрагмента к несколько более позднему времени (II в. до н. э.).

²² Крайняя, по-видимому, на западе область, упоминаемая Авестой, — это гага- 'Рей' (район совр. Тегерана).

²³ Сказанному не противоречит то обстоятельство, что отдельные подвижные (кочевнические) группировки ираноязычных племен могли проникать на северо-западную территорию Ирана через Кавказ, на чем особенно настаивают в последнее время некоторые исследователи [см., например: Грантовский 1970, 340 и сл.; и др.]

Об исторических и языковых свидетельствах присутствия ираноязычных племен в Причерноморье, Приазовье, на Северном Кавказе (скифо-сарматские племена) и Восточном Туркестане (сакские племена) говорилось уже выше. Распространение ираноязычных племен в западной части Иранского нагорья фиксируется, начиная с первых веков I тыс. до н. э., иранскими именами собственными в Северо-Западном Иране [Грантовский 1970, 67 и сл.], под 835 годом до н. э. впервые упоминаются (в надписи ассирийского царя Шулмануашариду III) ираноязычные племена мидийцев (madai, др.-перс. māda-), а под 843 г. до н. э. (в анналах Синнахериба III) упоминается к западу и югу от озера Урмия страна Парсуа, в названии которой многие исследователи склонны видеть первое засвидетельствованное упоминание о персах. Как считают, отсюда персидские племена продвинулись вдоль Загроса в район Аншана, в область, получившую по их этнониму название Parsuaš или Parsumaš, др.-перс. pārsa- [Ghirshman 1971, 659; Дандамаев 1971, 94; contra: Дьяконов 1956, 161. Ср. Оранский 1960, 479—480]. Во всяком случае, уже в VII—VI вв. до н. э., а возможно, и несколько раньше иранская (персидская) речь распространилась вплоть до берегов Персидского залива.

Лингвистическая карта Средней Азии, Иранского нагорья и сопредельных территорий около середины I тыс. до н. э. Общую картину распространения иранских языков и диалектов около середины I тыс. до н. э. можно представить примерно следующим образом: южнорусская степная полоса (Причерноморье, Приазовье, Северный Кавказ) — скифо-сарматские диалекты, северная (по преимуществу) часть Средней Азии, области по Сырдарье и к северу от нее — сакские диалекты Средней Азии, далее на восток, в бассейне Тарима — сакские диалекты Восточного Туркестана. В долинах и оазисах Средней Азии — согдийские (в бассейне Зеравшана, Кашкадарьи и в прилегающих районах) и хорезмийские (по нижнему течению Амударьи) диалекты. Южнее, по верхнему и среднему течению Амударьи с ее правыми и левыми притоками — бактрийские диалекты. В Хорасане (включая южную часть современной Туркменской ССР) — парфянские диалекты, в северо-западной части Иранского нагорья — мидийские, в юго-западной — персидские (см. карту).

В ходе своего распространения на запад, северо-запад, юго-запад и на восток древнеиранские диалекты неизбежно контактировали с языками и диалектами (индоевропейскими и неиндоевропейскими), на которых говорило аборигенное население этих территорий или же соседние племена и народности. В бассейне Дуная иранская (скифская) речь соседствовала (вероятно, уже с VIII в. до н. э.) с фракийской, в бассейне Волги и Урала — с угро-финской; в Закавказье иранские языки контактировали с армянским и аборигенным неиндоевропейскими языками, на западе соседями ираноязычных племен были многочисленные племена и народности, говорившие на неиндоевропейских языках; в бас-

сейне Инда и в Памирско-гиндукушском регионе иранские диалекты соседствовали с индоарийскими (и, частично, с аборигенными неиндоевропейскими) языками. В последующие века и тысячелетия направления межъязыковых контактов становятся все более разносторонними, их масштаб и интенсивность непрерывно нарастают, накладывая заметный отпечаток на всю историю отдельных иранских языков и иранской языковой семьи в целом. Результаты этих контактов — в зависимости от конкретных историко-культурных условий — могли быть различными. Иногда они находили свое отражение в виде более или менее многочисленных лексических заимствований, в других случаях следствием таких контактов было двуязычие определенной части населения или же постепенное вытеснение одних языков другими, изменение лингвистической (и этнолингвистической) карты той или иной территории и связанные с этими процессами явления языковой конвергенции, субстрата и суперстрата. В процессе длительного взаимодействия иранские языки вытесняли в ряде случаев неиранскую речь тех или иных областей, расширяя тем самым территорию своего распространения; в других случаях наоборот, иранская речь вытеснялась в тех или иных областях неиранскими языками, и, соответственно, территория распространения иранских языков сужалась. Аналогичные процессы происходили и между отдельными иранскими языками.

Два фактора сыграли наиболее существенную роль в изменениях лингвистической (и этнолингвистической) карты древних ираноязычных областей: 1) распространение на эту территорию тюркских (и тюрко-монгольских) языков и 2) распространение персидского (таджикского) языка на территорию Хорасана, Тохаристана и Мавераннахра. Немаловажную роль в изменении этнолингвистической карты Средней Азии, восточной части Иранского нагорья и Северо-западной Индии сыграло также распространение на этих территориях сакских диалектов. неизбежно привнося в изложение некоторый элемент схематизма, целесообразно подразделить все эти процессы на две группы: 1) процессы взаимодействия иранских языков с неиранскими и 2) процессы взаимодействия между отдельными иранскими языками.

ПРОЦЕССЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ С НЕИРАНСКИМИ

Контакты с древнеписьменными неиндоевропейскими языками Ближнего Востока и греческим. Древнейшие лексические заимствования из иранских языков — имена собственные, этнические названия, топонимика, военно-административная терминология

и т. п. — зафиксированы в древнеписьменных неиндоевропейских языках Ближнего Востока (эламском, аккадском, арамейском и др.) и в греческом. Учитывая, что дошедшая до нас в авестийских и древнеперсидских текстах лексика достаточно специфична по своему характеру и представляет, разумеется, лишь относительно небольшую часть древнеиранского словаря, и что громадный слой древнеиранской лексики безвозвратно утрачен вместе с незафиксированными в письменности древнеиранскими диалектами, выявление и исследование древнеиранской лексики, сохранившейся в иноязычной передаче [«Nebenüberlieferung»], весьма существенно пополюет (особенно в отношении ономастики) наши представления о древнеиранском словаре. Широко представлена древнеиранская лексика в богатейших по материалу эламских документах ахеменидского времени из древнего Персеполя [Cameron 1948; Hallock 1969], послуживших бесценными источниками для исследований древнеиранской титулатуры и ономастики [Benveniste 1966; Gershevitch 1969₁; 1969₂; Mayrhofer 1973 и др.].

Немало слов иранского происхождения выявлено в аккадских [Eilers 1940; 1962; Дандамаев 1966; 1968] и арамейских текстах [см., например: Benveniste 1934], в частности, в арамейских текстах из Египта [Benveniste 1954; Боголюбов 1966₂; 1971 и др.], в арамейских надписях на культовых предметах из Персеполя [издание: Bowman 1970], в греко-арамейской билингве Ашоки [Schlumberger et al. 1958; Боголюбов 1967 и др. работы], в сочинениях греческих авторов (из последних работ см. [Schmitt 1967]), в надписях из Малой Азии [Schmitt 1971; Боголюбов 1974].

К древнеиранскому восходят, например, греч. *παράσχυρος*, арам. *hrasax*, *prs'* (талм.), *p'rs'* (манд.), сир. *prsh'* 'мера длины (пути)' < др.-ир. **frasanga-*, **frasaxa-* (ср.-перс. *frasang*, н.-перс. *farsang*); элам. *ba-ri-ba-ra*, библ. *parbār* и т. д. 'ворота, портик' < др.-ир. **pari-bāra-*; аккад. *bāru*, *bagru* 'налог', 'подать' < др.-ир. *bar-* 'нести' (ср. ср.-перс. и н.-перс. *bār* 'ноша'; сюда же, возможно, арам. *prbr* 'приношение' < др.-ир. **frā-bāra-*) [Боголюбов 1974, 106—108]; элам. *Mas-da-ya-aš-na* (и. с.), аккад. *Ma-az-da-is/z-na*, арам. *Mzdyzn* < др.-ир. (ав.) *mazdayasna-* 'поклонник Мазды' [Mayrhofer 1973, 193], греч. *σατράπης*, арам. *ʾhšdrpn-* 'сатрап', 'правитель провинции', 'наместник', элам. (и.с.) *ša-at-ra-ba-ma* (< др.-перс. *xšādrapāvan-*); греч. *παράδεισος* 'райское место', 'рай', 'парадиз' (< др.-ир. **para-daiza-* букв. 'огороженное место' от ав. *daēz-*, ср. ср.-перс. и н.-перс. *diz* 'крепость'), греч. *γάλα*, арам. *gnz'* 'сокровищница', аккад. *ganzabara* 'казначей', и т. д. (< др.-ир. **ganza-*, **ganzabara-*); вав. *gardu* 'раб, слуга', *gardupati* 'начальник над рабами', арам. *grd'*, элам. *kur-laš* (< др.-ир. **grda-*, *grda-pati*, ср. ср.-перс. *gāl*); арам. *'zdā* 'извещение' (< др.-ир. *azdā*, ср. ср.-перс. *azd*), *zyn'* 'оружие, (воинское) снаряжение' (ав. *zaēna-*, ср. ср.-перс. *zēn* '(воинское) снаряжение', н.-перс. *zīn* 'седло'), *hrmn'* (талм.) 'приказ' (др.-ир. **framāna-*, ср.-перс. *framān*, н.-перс. *farmān*), *prystq'* (талм.) 'посланец' (ав. *fraēšta-*, ср.-перс. *frēštak*, н.-перс. *firišta*

‘ангел’); аккад. (вав.) ú-ma-su-pi-it-ru-ú ‘(наследный) принц’ < др.-ир. vāspuṣri- (ав. vīśō.puṣra- букв. ‘сын рода, клана’) [Eilers 1962], аккад. bit as-ra-tum букв. ‘дом коня’, наименование земельного надела, предоставлявшегося всаднику (= вав. bit sīsi), отражающее во второй части др.-ир. asra- ‘конь’ и т. д.

В свою очередь древне- и среднеиранские языки заимствовали некоторые слова из древнеписьменных неиндоевропейских языков Ближнего Востока. Ср. например, др.-перс. dipī- ‘надпись’ (< аккад. tur-pi), ср.-перс. kaivān ‘планета Сатурн’ (ассир. kaiaṁānu через посредство арамейского, ср. сир. kēwān) и т. д.

Ряд слов, в том числе названия металлов, минералов, денежных единиц и пр., восприняли иранские языки из греческого. Ср., например, ср.-перс. almāst (пехл.), ’gm’s (ман.) название твердого металла, вероятно, стали (н.-перс. almās), восходящее к греч. ἄλμας; ср.-перс. asēm (пехл.), ’sym (ман.), н.-перс. sīm ‘серебро’ (< греч. ἄσημον); ср.-перс. denār ‘динар’ (< греч. δηνάριον из лат. denarius); ср.-перс. drahm ‘драхма’ (< греч. δραχμή); ср.-перс. kālraḍ (пехл.), k’lbyd (ман.) н.-перс. kālbad, kālbud ‘образ’, ‘внешний вид (человека или животного)’ (< греч. καλοπόδιον), ср.-перс. murvārit, парф. (ман.) mwrgr’r’yd, mwrgr’ryd, н.-перс. murvārīd ‘жемчуг’ (< греч. μαργαριτης); ср.-перс. yākind, yākind ‘яхонт’ (< греч. βάκινθος) и т. д.

Контакты с языками Кавказа и Закавказья (армянский, грузинский, нахско-дагестанские и др.). Значительное число разновременных иранских заимствований, многие из которых восходят к весьма древним периодам, засвидетельствовано в армянском, грузинском, в нахско-дагестанских и других языках Кавказа. Ср., например, арм. dr-and ‘порог’ (< др.-ир. *antā- ‘дверной брус’) [Mayrhofer 1953—1975, 2, 72]; margarē ‘колдун’ (ср. согд. mārkarē, парф. māregar), matakarar ‘интендант’ (< др.-ир. *mātakadāra-, ср. парф. mtkdr=mātakdār), hark ‘повинность’, ‘обязанность’, ‘(принудительный) труд’ (ср. ср.-перс. harg) [Henning 1958. 41—42, 93], axoṛ ‘стойло’, ‘конюшня’ (< др.-ир. *ā-x’ar-, ср. ср.-перс. āx’ar), azat ‘знатный’, ‘благородный’ (< др.-ир. ā-zāta-, ср. ср.-перс. āzāt, н.-перс. āzād), den ‘вера’, ‘религия’ (ав. daēna-, ср.-перс. dēn, н.-перс. din), dpir ‘писец’, ‘секретарь’ (< др.-ир. *dipī-vara-, ср. ср.-перс. dipivar, н.-перс. dibīr, dabīr), hraman ‘приказ’ (< др.-ир. *frāmana, ср. ср.-перс. frāman), mogpet ‘верховный жрец’ (< др.-ир. *magu-pati, ср.-перс. magupat, н.-перс. mōbad), sparapet ‘командующий армией’ (< др.-ир. *spāda-pati, ср. ср.-перс. spāhpat, н.-перс. sipāhbad), vzurk, vzruk, vzark ‘большой’, ‘великий’ (< др.-ир. vazrka-, ср. ср.-перс. vazurg, н.-перс. buzurg), dargiḥ ‘носилки’, ‘паланкин’ (< др.-ир. *dragiḥa-, от *drag- ‘тащить’) [Боголюбов 1974, 107—108] и т. д.

Вместе с многочисленными лексическими заимствованиями, давно уже привлекающими внимание исследователей [из последних работ см. Benveniste 1929₂; 1945, 68—78; 1958; 1964₂; Ré-

rikhanian 1968; 1969], в армянский вошли из иранского и некоторые словообразовательные суффиксы, например, суф. -pet (<др.-ир. -pati) [Benveniste 1961]. Значительная (если не большая) часть древних иранизмов вошла в армянский через посредство парфянского [Benveniste 1958; 1964₂] и среднеперсидского языков, отмечаются, однако, и специфические алано(resp. осетинно)-армянские языковые контакты.

Многочисленны иранские элементы также в грузинском языке [Андроникашвили 1966; ср. Абаев 1969₂].

Отмечено иранское влияние и на лексику ряда других языков Кавказа — нахско-дагестанских и абхазо-адыгских, при этом отмечаются такие древние иранские (или индоиранские) заимствования как, скажем, лакск. и дарг. warsi 'бурка', 'войлок' (ав. varəsa-, ср.-перс. vars, согд. wrs 'волос'), лакск. и авар. warani 'верблюды' (др.-инд. waraṇa-) и т. п. [Климов 1971, 14]. Заметному лексическому воздействию кавказских языков (особенно грузинского) подвергся из всех иранских языков, пожалуй, только осетинский [Абаев 1949, 75—80, 87—92, 95—122 и др.].

Контакты с индоарийскими языками. Лексические контакты между иранскими и индоарийскими языками прослеживаются на всем протяжении их истории и доподлинно фиксируются иранскими заимствованиями в древнеиндийских, во всяком случае, начиная с периода, когда экспансия Ахеменидской державы достигла бассейна Инда. Ср., например, др.-инд. kṣatrapa- 'сатрап', 'наместник' (<др.-перс. xšaθ'arāvan-, kurpasa- 'кольчуга', 'латы' (др.-перс. *kūr-раθ'а- букв. 'защита тела'), dīpi- (в надписях Ашоки) / līpi- 'письмо', 'указ', 'постановление' (<др.-перс. dīrī- 'надпись'), gāṇja- 'сокровищница', gāṇjavaga- 'казначей' (<др.-перс. *ganza-, *ganzabara-), yavana- 'грек', 'чужеземец' (<др.-перс. yauna- 'грек') и т. д. Отмечена иранская лексика и в пракритских, греческих и арамейских версиях надписей Ашоки (III в. до н. э.) [Schlumberger et al. 1958, 36; Benveniste 1964, 140 и сл.; Боголюбов 1967, 264—268]. К древнеиранскому восходит, возможно, как это предположил недавно Г. Бейли [Bailey 1972, 103], и само название древнеиндийского письма kharoṣṭhī (<др.-ир. xšaθra-piṣtra- 'имперское письмо'), представленного в наскальных эдиктах Ашоки (III в. до н. э.) на северо-западном (гандхарском) пракрите. Этот же северо-западный пракрит, занесенный впоследствии из Гандхары (район современного Пешавера) далеко на Восток, в район Кюрайны (Восточный Туркестан), подвергся здесь заметному влиянию иранской лексики, что нашло отражение в происходящих отсюда текстах II—III вв. н. э. письмом кхароштки. Зафиксированный в этих текстах слой иранской лексики заимствован из какого-то среднеиранского диалекта, родственного, по-видимому, хотаносакскому: kṣuna- 'период царствования' (хс. kṣuna-), pīrōva- 'форт' (хс. pīva-) и т. д.; следы сакских диалектов сохранились также в надписях сакского и кушанского периодов (письменами кхароштки и брахми) из се-

веро-западной части Индии: *horaka-* 'donator' (хс. *haurāka-* 'податель' от *haur-*, *hor-* 'давать') и т. п. Отмечаются иранские заимствования и в более поздних памятниках индийской эпиграфики. Ср., например, *paścira-pati-* 'начальник охоты' (др.-ир. **paχšira-pati*, ср. ср.-перс. *paχšir* 'охота') в надписи Тораманы (*Toramana*), относящейся ко времени около 500 г. н. э. [Bailey 1958, 135—136]. Однако наиболее значительный слой иранской (персидско-таджикской) лексики проник в индоарийские языки в значительно более поздний период, в позднее средневековье, когда персидские (в том числе арабо-персидские) лексические (и словообразовательные) элементы широким потоком хлынули через новоперсидский литературный язык в индоарийские языки Индостана.

Проникновение индоарийских лексических элементов в иранские языки было связано в значительной мере с распространением в ираноязычных областях (Бактрия, Средняя Азия, Восточный Туркестан) буддизма и буддийской культуры (первые века до н. э.—первые века н. э.). В этот период многочисленные заимствования из санскрита и пракритов (преимущественно термины буддийской культуры и религии) вливаются в хотаносакский и тумшуксосакский, бактрийский и согдийский языки. Ср., например, хс. *ājiṣ* 'желание' (скр. *adhyeṣ-*), *iśvarī* 'господство', 'власть' (скр. *aiśvarya-*), *jāna-* 'размышление', 'созерцание' (скр. *dhyāna-*) и т. д. [Bailey 1958, 135], согд. *rwty* 'Будда' (<др.-инд. *buddha-*), *βṛγ'()* 'буддийский храм, монастырь' (<др.-инд. *vihāra-*) и т. д.

Через посредство иранских языков Бактрии и Мавераннахра некоторые индоарийские лексические элементы вошли в этот период и в парфянский (зафиксированы, начиная с III в. н. э.), и в среднеперсидский языки. Ср., например, ср.-перс. (пехл. и ман.) *bwt* **but* (н.-перс. *but* 'идол'), восходящее через посредство вышеупомянутого согд. *rwty* к древнеиндийскому [Bailey 1931], ср.-перс. *čatrang* 'шахматы' (<скр. *catur-aṅga-*) и т. д. Среди названий растений на среднеиранских языках, о которых сообщает в своей «Книге лекарств» (*Kitāb aṣ-ṣaidana*) ал-Бируни, имеются, как полагают [Henning 1958, 85, Anm. 7], и названия индийского происхождения.

Если в заимствовании новыми индоарийскими языками персидско-таджикской лексики важнейшую роль сыграло распространение на территории Индостана новоперсидского литературного языка и новоперсидской письменности, то обратный процесс — проникновение индоарийских лексических элементов в иранские языки — происходил, вероятно, напротив, преимущественно на путях живого языкового общения. Этот процесс лишь в очень незначительной степени отразился в лексике новоперсидского ²⁴ и современного персидского литературного языка, но

²⁴ Хотя, разумеется, в персоязычной (особенно прозаической) литературе, создававшейся в позднее средневековье в Индии, количество заимствований из хиндустани довольно значительно.

заметно повлиял на лексику тех иранских языков и диалектов, развитие которых протекало на территориях, непосредственно примыкающих к индоарийскому языковому ареалу, или на территориях, где индоарийские языки были распространены в прошлом. Особенно ощутимо присутствие индоарийского элемента, естественно, в лексике пашто [Morgenstierne 1926, 12 и др.; 1927; Дворянков 1968], ормури и парачи [Morgenstierne 1929—1938, II], в мунджанском-йидга [Morgenstierne 1929—1938, II], белуджском [Morgenstierne 1926, 36, note 1; 1938₁, 10, note 1; 1973, 148 сл.], отчасти также в лексике памирских языков [Morgenstierne 1929—1938, II] и памирско-таджикских диалектов Афганистана, в том числе кабульско-персидского [см., например: Киселева 1973, 60—61]. Отмечается проникновение индоарийских лексических элементов и далее к северу — в таджикские говоры Горного Таджикистана [Оранский 1970; Oranskij 1975₂].

Контакты с угро-финскими языками и древними индоевропейскими языками Восточной Европы. На севере и северо-западе контакты древнеиранских (преимущественно скифо-сарматских) диалектов с угро-финскими, а также славянскими, германскими и другими диалектами отразились в словаре ряда языков Северной и Восточной Европы. Ср., например, в финно-угорских языках: комп-зыр. *pān*, удм. *pān*, манс. *pān*, хант. *pān* и т. д. 'хлеб' (<др.-ир. **ni-kan-* 'закапывать, зарывать (в горячую золу)' — древнейший способ выпечки хлеба, ср. ср.-перс. и н.-перс. *pān*, арм. заимств. *pkan*, *pkanak* и т. д.) [Абаев 1956, 449; Оранский 1976₂], коми-зыр. *vuḡuḡ* 'шерсть' (ав. *varəṇā-*), удм., коми-зыр. *zagnī* 'золото' (ав. *zaganu-a*), удм. *murt*, коми-зыр. *mort* 'человек', мужчина' (<др.-ир. *martiya-*), удм. *pudo*, коми-перм. *poda* 'скот' (<др.-ир. *pasu-*), коми-зыр. *mež* 'баран' (ав. *maēsa-*), удм. *ken* 'сноха' (др.-ир. *kanu-a* 'дочь', 'девушка') и т. д.

Особый интерес представляют лексические контакты с венгерским [из последних работ см. Абаев 1965₂] и индоевропейскими языками древней Европы [Абаев 1965₁].

Контакты с тюркскими (и монгольскими) языками. Сакские диалекты Восточного Туркестана и согдийский издавна находились в тесном контакте с тюркскими языками, и лексическое взаимодействие между ними было, по-видимому, достаточно интенсивным. Процессы проникновения тюркоязычных племен в Среднюю Азию, отчетливо наблюдаемые уже в эпоху господства Тюркского каганата (VI—VII вв. н. э.), продолжались впоследствии — особенно в эпоху караханидского (X в.), сельджукского (XI в.), а затем монгольского (XIII в.) нашествия — с нарастающей силой. В результате более чем тысячелетних ирано-тюркских языковых контактов значительный слой иранской (преимущественно персидской) лексики вошел в тюркские языки Средней Азии, Ирана, Закавказья и Малой Азии и, обратно, многочисленные тюркские (и монгольские) заимствования проникли в иранские языки и диалекты. Заметный слой тюрко-мон-

гольской лексики наличествует в памятниках новоперсидской письменности [Doerfer 1963—1967], еще более значительно влияние тюркской лексики на современные иранские языки, особенно ошутимое в районах таджикско-узбекского [см. Doerfer 1967; ср. Logens 1968], татско-азербайджанского [Грюнберг 1961; 1963] и талышско-азербайджанского [Пирейко 1966] двуязычия. Довольно большое число тюркских лексических элементов имеется также в курдском и афганском [Асланов 1947]²⁵ языках, тюркских и монгольских — в осетинском [Абаев 1949, 84—85; 1963₂; Гурьев 1970].

Контакты с арабским языком. Наибольший удельный вес среди заимствованных лексических элементов имеют в иранских языках арабские заимствования, широким потоком хлынувшие в персидский язык, начиная с эпохи арабского завоевания и исламизации Ирана и Средней Азии (VII—VIII вв.), а затем — через посредство персидского (и таджикского) — и во все остальные иранские языки, за исключением только осетинского, оказавшегося — в силу ряда историко-культурных причин — менее подверженным арабскому влиянию. Лексика арабского происхождения составляет громадную часть словаря новоиранских языков, пронизывая практически все его области. Ср., например, совр. перс. omr, тадж. umr, афг. umr 'жизнь', 'человеческий век'; совр. перс. lebās, тадж. libos, афг. libās 'одежда'; совр. перс. elm, тадж. ilm, афг. ilm, курд. ulm 'наука' и тысячи других слов.

Обратный процесс — заимствование иранских (преимущественно персидских) слов в арабский происходил в значительно меньших масштабах, однако и в арабском словаре имеется немало слов персидского происхождения [см., например: Siddigi 1919].

Контакты с дравидическими языками (брахуи). Ранние лексические контакты с брахуи отмечаются для белуджского языка [Morgenstierne 1932₁, 7, 9; 1973, 148 и сл.].

Контакты с бурушаски. Для иранских языков Памирско-гиндукушского региона отмечаются контакты с бурушаски [Зарубин 1927₂, 314 сл.; Benveniste 1948, Климов — Эдельман 1970, 14—15].

Контакты с современным русским и западноевропейскими языками. Новое и новейшее время характеризуется массовым проникновением русской и интернациональной лексики в иранские языки Советского Союза — таджикский [Керимова 1969, 87 и сл.], курдский [Бакаев 1969, 162 и сл.], осетинский [Исаев 1969, 138 и сл.], татский [Грюнберг 1963, 112 и сл.], талышский [Пирейко 1969] и другие, французской, английской и русской лексики в персидский [Пейсигов 1975, 51 и сл.] и афганский [Калинина

²⁵ При этом следует, разумеется, иметь в виду, что тюркская лексика могла проникать (и, вероятно, проникала) в афганский и курдский не непосредственно, а преимущественно через посредство персидского (таджикского) языка.

1972, 128 и сл.]. Это преимущественно лексика общественно-политическая, научно-техническая, культурная, заимствуемая вместе с новыми социальными, культурными и научными понятиями.

Процессы ассимиляции древних иранских языков Западного Ирана. Древнейшее население западной и юго-западной части Иранского нагорья (первой половины I тыс. до н. э.) — племена каспиев и маннеев (к юго-западу от Каспийского моря), касситов и луллубеев (в горах Западного Ирана), эламиты (в Хузистане и, вероятно, далее до областей современного Исфагана и Кермана) — говорило на различных языках, не относящихся к иранской группе. По мнению историков древнего Востока, шумеры, эламиты, ассирийцы, вавилоняне, совершавшие примерно с 2300 по 1150 г. до н. э. походы в западную часть Иранского нагорья, не соприкасались там с носителями иранских или индоиранских языков [Дьяконов 1971, 129]. Зафиксированные в древневосточных источниках личные имена и топонимика этой территории также указывают на то, что исконное ее население не было ираноязычным.

Таким образом, ираноязычные племена, появившиеся в I тыс. до н. э. в областях Западного Ирана и давшие этой обширной стране свое имя, не были аборигенами этой территории. Языки этих племен вытеснили постепенно языки аборигенного населения Западного и Северо-Западного Ирана, и практически никаких следов от этих языков не сохранилось. Дольше других аборигенных языков сохранялся, по-видимому, эламский, на котором еще в VI—V вв. до н. э. велось делопроизводство в древнем Персеполе и высекались параллельные версии ахеменидских надписей. Вероятно, в это время эламиты составляли еще значительную часть населения Юго-Западного Ирана и эламская речь здесь еще сохранялась. Во всяком случае, среди примерно 1900 имен собственных, зафиксированных эламскими хозяйственными документами из Персеполя за период с 509 по 458 г. до н. э., около 200 имен определяются, как имена эламские [Mayrhofer 1973, 310]. Однако постепенно и эламская речь была вытеснена здесь иранской (персидской), и после V в. до н. э. никакие памятники эламского языка уже неизвестны ²⁶.

Взаимодействие с тюркскими (монгольскими) языками. Наиболее существенным для иранских языков явилось взаимодействие их с тюркскими (и монгольскими) языками. Проникновение на территорию Средней Азии и затем далее на запад тюркской речи связано с грандиозными передвижениями кочевых племен Северовосточной и Центральной Азии, начавшимися около рубежа н. э.

²⁶ Это не исключает, разумеется, того, что какие-то аборигенные (иранские) языки или диалекты могли сохраняться в Юго-Западном Иране еще в средние века. Истахри (X в.) упоминает о каком-то «хузийском» — «нееврейском, несирийском и неперсидском» языке, существовавшем в его время в Хузистане.

и продолжавшимися, то ослабевая, то вновь усиливаясь, на протяжении многих последующих веков. Какая-то часть этих племен, в том числе племена тюркоязычные (и монголоязычные), в ходе своих набегов и переселений оставалась на территории Восточного Туркестана, Средней Азии и Иранского нагорья.

Особенно увеличивается количество тюркоязычного населения Средней Азии, начиная со второй половины VI в. н. э., когда отряды тюркского каганата захватили после разгрома эфталитов (между 563 и 567 гг. н. э.) власть на территории Среднеазиатского междуречья. С этого времени тюркоязычные племена играют все более заметную роль в процессах этно- и глоттогенеза Средней Азии (особенно в северных и северо-восточных областях). А. Н. Бернштам [1947, 158] относил начало этого процесса на территории Ферганы к VII в. н. э., Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский [1955, 207—208] — к несколько более раннему времени (VI—VII вв.).

Об органическом сплетении тюркского и согдийского населения на территории Семиречья и Согда этого периода свидетельствуют многочисленные факты, сохранившиеся преимущественно в китайских источниках [Бернштам 1954, 72]; о наличии тюркоязычного населения в Хутале сообщает Хой-Чао, сведения которого относятся к 726—727 гг. [Ставиский 1957, 89]. Ко второй половине VI—началу VII в. относится древнейшая, по-видимому, тюркская надпись из Северной Ферганы и вообще с территории Средней Азии [Кляшторный, 1959, 167—168; 1960, 175, прим. 14].

Первыми ираноязычными областями, испытавшими на себе мощное воздействие тюркской языковой стихии, были оазисы Восточного Туркестана, Семиречье и Фергана, где, как известно, вплоть до конца I тыс. н. э. звучала сакская и согдийская речь. В этот период в оазисах Восточного Туркестана сакская речь уже вытеснялась, по-видимому, тюркской, и после захвата тюрками Хотана (1006 г.) памятники хотаносакской письменности уже неизвестны [Bailey 1972, 103]. Возможно, что родственные хотанскому сакские диалекты еще сохранялись некоторое время в отдельных районах Восточного Туркестана, например, в районе Кашгара, но вскоре и они были вытеснены тюркской речью.

Примерно к этому же времени относится процесс языковой тюркизации согдийских колоний Восточного Туркестана, Семиречья и Ферганы, согдоязычное население которых переходило постепенно — через промежуточный этап двуязычия — на тюркскую речь. Сохранилось свидетельство арабоязычного автора, тюрка по рождению Махмуда Кашгарского (вторая половина XI в.), достаточно наглядно передающее характер этого процесса. По его словам, в Баласагуне (Семиречье, к западу от озера Иссык-Куль) жил народ («улус») согдийцев («согдак») — выходцев из Согда, страны «между Бухарой и Самаркандом», «Они приняли одежду и нравы тюрков», «говорят по-тюркски и по-согдийски, а язык населения всех городов от Баласагуна до Испид-

жаба (в районе совр. Чимкента) смешанный». [al-Kāšgharī, I, 30, 471]. Махмуд Кашгарский застал, по-видимому, уже последний этап вытеснения согдийской речи в указанных районах.

Аналогичным путем протекал — только значительно позднее — процесс языковой тюркизации на территории Хорезма. По свидетельству великого ученого Средней Азии, хорезмийца по происхождению ал-Бируни, «природным» для него был хорезмийский язык²⁷. Судя по одному сообщению Бейхаки, еще в начале XI в. при дворе хорезмшахов были в ходу записки частного характера на хорезмийском языке. Хорезмийские фразы, даже целые диалоги встречаются, как известно, еще в сочинениях XII—XIII вв.

Однако в этих же сочинениях встречаются и тюркские слова и цитаты²⁸, что указывает на наличие в Хорезме XIII в. определенного (вероятно, довольно значительного) количества тюркоязычного населения. Такой вывод подтверждается и свидетельствами современников, например Плано Карпини, посетившим Хорезм в 40-х годах XIII в. и сообщаящим, что в Хорезме говорят «по-комански» (т. е. на одном из тюркских наречий). Надо полагать, что к этому времени большинство коренного населения Хорезма было двуязычным (хорезмийский и тюркский языки), причем тюркская речь уже преобладала над хорезмийской. Последние, по-видимому, свидетельства о хорезмийском языке относятся к XIV в.²⁹, и после этого времени мы не имеем уже о хорезмийском никаких сведений. Вероятно, вскоре после этого он был окончательно вытеснен тюркскими диалектами, и ираноязычное (хорезмоязычное) в прошлом население Хорезма окончательно перешло на тюркскую речь.

Вытеснение иранских языков тюркскими не прекратилось и после распространения на территории Мавераннахра таджикского языка. Напротив, с конца X—начала XI в., в связи с нашествиями тюркских племен, объединенных под властью Караханидов и (с середины XI в.) под властью Сельджукидов, этот процесс заметно усилился. Новая волна языковой тюркизации местного населения связана с переселением на территорию Средней Азии

²⁷ Не исключено, что ал-Бируни владел и согдийским, о чем может свидетельствовать выдержка из согдийского сочинения, приведенная в одном из его трудов [Henning, 1958, 85].

²⁸ Например, в юридическом сочинении аз-Захиди (XIII в.): «Если хорезмиец, скажем по-тюрки: эр оглум. . .».

²⁹ Еще в 755/1354 г. было переписано с автографа сочинение Джелал-ал-Имади «Объяснение слов, которые приведены по-хорезмийски в книге, называющейся Кынйат ал-Мунйа». Автор этого сочинения (словаря) пишет: «Эти хорезмийские выражения не ясны для тех, кто не принадлежит к людям этого языка, трудны для них и заставляют их нуждаться в ком-либо, кто объяснит и переведет. . . Автор не писал перевода слова, оказавшегося для него неясным, пока не спросит людей, искусных в этом языке, к которым обращаются за объяснением, знающих его тонкости и особенности; только тогда, когда они сойдутся в том, что такое-то значение — настоящее, он вписывал его в свое сочинение». Автора этого словаря видел в 1333 г. в Ургенче ибн-Батута [Волин 1939, 85 сл.].

многочисленных узбекских племен, обосновавшихся здесь в ходе завоеваний Шейбани-хана (конец XV—начало XVI в.) и в последующий за ними период. Как и в предыдущие века, эти тюркоязычные кочевники постепенно переходили к оседлому образу жизни, воспринимая у местного, ираноязычного по преимуществу, населения древнюю земледельческую культуру. С другой стороны, значительная часть этого местного населения переходила постепенно на тюркскую (узбекскую) речь и вливалась в состав формирующегося узбекского народа. С этого времени термин «узбек» стал применяться не только по отношению к пришлым степным племенам, но и к исконному местному населению, составившему основу этногенеза нынешнего узбекского народа.

Известно, что в средние века таджикская речь была распространена в Средней Азии значительно шире, нежели в настоящее время. Это относится и к Фергане, и к бассейну реки Чирчик (район Ташкента), и к долинам Зеравшана, Кашкадарьи, Сурхандарьи, и ко многим другим районам Средней Азии. Интересный факт, свидетельствующий о распространении таджикского языка в XII в., приводит А. А. Семенов [Семенов 1952, 25—26]. Все грамоты Хорезмшаха Текеша (1172—1200), в том числе и грамоты, адресованные населению городов по нижнему течению Сырдарьи, написаны на таджикском языке. Поскольку ознакомление населения с этими грамотами проводилось преимущественно путем публичного оглашения их на площадях особыми глашатаями (джарчи) или же с кафедр мечетей, то не может быть сомнения в том, что известная часть населения этого района была в XII в. таджикоязычна. Еще в XV в. таджикская речь преобладала в Маргелане, вплоть до конца XVIII в. — в Мерве, до начала XX в. — в Бухаре.

Именно с последней волной языковой тюркизации (начиная с XV—XVI вв.) связан, по-видимому, переход на узбекскую речь населения районов Карши, Шахрисябза, Китаба. Как показывают исследования этнографов, таджикский слой в топонимике этих районов очень велик и по сей день, а многие каршинские узбеки (как и узбеки других районов) уже в XIX в. не знали родоплеменного деления и представляли бывших таджиков, перешедших на узбекскую речь [см., например, Сухарева 1957, 121, 131—132 и др.]. В ряде районов современного Узбекистана этот процесс завершился лишь недавно, в самые последние века. По свидетельству И. И. Зарубина, процесс постепенного перехода на узбекский язык осознавался и населением этих районов. Так, например, жители селения Ургут (к югу от Самарканда) говорили: «Мы таджики, но наши дети уже будут узбеками». Аналогичные процессы происходили и происходят также во многих других районах Средней Азии, где таджикоязычное еще в предыдущем (или предыдущих) поколениях население перешло на узбекскую речь [см., например: Хидоятов 1965, 129]. Процесс вытеснения иранских языков тюркскими проходил быстрее в сельских местностях, где

прежде всего оседали тюркоязычные племена. Медленное — в городах, в результате чего городские центры и крупные населенные пункты представляют часто островки таджикоязычного населения, вокруг которых в сельских местностях население почти сплошь узбекоязычно. Таковы, например, вплоть до начала XX в. (а в известной мере и сейчас) Бухара³⁰, Самарканд, Ленинабад, Канибадам, Ура-Тюбе, Чуст, Пап и т. д.

Начиная с XI—XIII вв. (с эпохи сельджукского и — особенно — монгольского завоевания) происходит процесс распространения тюркских языков в северо-западных областях Иранского нагорья, в Азербайджане. Ираноязычное население этих областей переходило постепенно на тюркскую (азербайджанскую) речь, и лишь относительно небольшая часть этого населения сохранила до наших дней свои иранские языки — татский, талышский, диалекты Северо-западного Ирана. При этом и здесь ираноязычное население, как правило, двуязычно и, наряду с родными своими языками и диалектами, владеет обычно азербайджанским. По наблюдениям Б. В. Миллера, относящимся к 20-м годам нашего века [Миллер 1929, 5], во многих селениях Апшеронского полуострова (например, в Пыршаги, Мардакян, Бильгя) татский язык помнили только старики, в других селениях (например, в Сураханах) татский сохранился только в домашнем обиходе.

Тюркоязычные племена участвовали также (наряду с многими другими этническими компонентами) в сложных этнолингвистических процессах, которые протекали на протяжении многих столетий в Причерноморье и в южнорусской степной полосе и результатом которых было, в частности, полное вытеснение иранской (скифо-сарматской) речи с этой территории. Следы скифо-сарматского языкового прошлого сохранились здесь (помимо памятников греческой эпиграфики и некоторых других фрагментов, о которых см. выше) лишь в топонимии и — особенно — в гидронимии этих областей [Миллер 1881—1887; 1962, 18—21; Vasmer 1923; Абаев 1949, 36—47, 147; 1965₁, 118; Топоров—Трубачев 1962].

И в последующие века, уже на Северном Кавказе тюркские языки потеснили алаано-осетинские диалекты, бывшее распространение которых в области, занятой ныне карачаевским, балкарским и другими языками, наглядно прослеживается по многочисленным топонимам алаано-осетинского происхождения [Миллер 1962, 17; Абаев 1949, 45].

На территории Хорасана наблюдается постепенный переход на тюркскую речь некоторых курдских племен [Ivanow 1927].

Обратный процесс — вытеснение тюркской (и монгольской) речи иранскими языками и диалектами — происходил в относительно меньших масштабах, но и он сыграл свою роль в измене-

³⁰ О таджикско-узбекском двуязычии в Бухаре и Бухарской области и о проблеме формирования этноса в этих районах см., например, [Сухарева 1966, 143 и др.; Люшкевич, 1970; 1975].

ниях этнолингвистической карты Средней Азии и Иранского нагорья. Еще в 20-е годы нашего века в долинах Сурхандарьи, Ширабаддарьи, Кафирнигана, Кызылсу и в некоторых других районах Средней Азии отмечались довольно значительные группы населения, полностью сохранившие узбекские родовые и племенные названия и пр., но говорившие только по-таджикски. По подсчетам И. Магидовича [«Материалы 1926», 231], в 20-е годы около 23% сельского таджикоязычного населения бывших бухарских владений «причисляло себя к тем или иным племенам, отнюдь не иранского происхождения». Группы населения, говорящие только по-таджикски, но называющие себя «турк» или «таджики из племени турк», отмечаются и в Кулябской области, и в Гиссарской долине. При этом, по заключению этнографов, проводивших обследование «тюрок» Кулябской области [Писарчик, Кармышева 1953, 79—81], окончательное вытеснение у них тюркского языка таджикским произошло на протяжении жизни последних двух-трех (бальджуанские «тюрки») или трех-четырех (муминабадские «тюрки») поколений. Аналогичные процессы происходили на протяжении столетий на территории современного Афганистана, где многие племенные группы, говорившие ранее на тюркских или тюрко-монгольских диалектах (кызылбаши, чагатайские тюрки, теймури и др.) перешли ныне на персидско-таджикскую речь. То же относится и к хезарейцам — потомкам монгольских племен, осевших на территории современного Афганистана во время завоевательных походов Чингисхана и его наследников. По свидетельству Бабура (XVI в.), в его время хезарейцы (или какая-то их часть), жившие в горных районах к западу от Кабула, еще сохраняли монгольскую речь; отдельные группы хезарейцев говорили по-монгольски еще в начале XIX в., однако в настоящее время хезарейцы полностью перешли на таджикско-персидскую речь.

Взаимодействие с индоарийскими языками. Известны факты распространения иранской речи на территорию, занятую в прошлом различными индоарийскими диалектами. Так, например, язык пашаи, распространенный прежде, согласно Г. Моргенштерне, по всему верхнему и среднему течению Кабула [Morgenstierne 1926, 93], был вытеснен здесь персидско-таджикскими и афганскими диалектами. Процесс вытеснения пашаи афганскими диалектами (говоры сафи и момандов) и переход носителей пашаи на афганский в долине Кунара наблюдается и в настоящее время [Дворянков 1973, 28—29]. Отмечено также вытеснение афганским дардских языков, например языка тирахи (в нескольких селениях к юго-востоку от Джелалабада), местных дардских языков Свата и Дира [Morgenstierne, 1932, 21, 28—29] и долины р. Пич [Грюнберг 1971, 5]. По наблюдениям А. Л. Грюнберга, в нижнем течении этой реки дардские языки сохраняются лишь изолированными островками, однако топонимика (в том числе топонимика паштоязычных селений) здесь в основном дардская.

В Афганистане, Иране и Средней Азии перешли на персидско-таджикскую речь давние, по-видимому, выходцы из Индии, различные цыганообразные группы, известные под названиями джуги, люли, кавол и т. п. и сохраняющие лексические элементы индоарийской речи в своем арготическом лексиконе [Оранский 1974₂].

Взаимодействие с дравидическими языками. На территории Белуджистана происходил (и происходит) на протяжении многих веков процесс перехода на белуджский дравидических по языку племен брахуи. Известны родовые группы, говорящие по-белуджски, но называющие себя брахуи (наряду с этим, известны и обратные случаи, когда родовые группы, говорящие на языке брахуи, называют себя белуджами) [Morgenstierne 1932₁, 9. Ср. Зарубин 1930, 660].

Взаимодействие с семитскими языками. На различные персидско-таджикские диалекты перешли некоторые группы арабоязычного в прошлом населения, осевшие в разное время в районах Бирдженда, Каина, Серахса (Восточный Иран), Северного Афганистана и Средней Азии (Бухарская обл., долина Кашкадарьи). Некоторые такие группы еще сохраняют наряду с персидско-таджикской (или узбекской) речью родные свои арабские диалекты [Винников 1940; Волин 1941; Джураев 1975, 5 и сл.].

К значительно более раннему (в отдельных случаях, возможно, даже к ахеменидскому) времени относится переход на иранскую речь различных семитских в прошлом по языку и иудейских по религии групп еврейского населения. Происходящие из среды этого населения памятники персидского языка зафиксированы по меньшей мере с VIII в. н. э.³¹ Различные персидско-таджикские диалекты, на которых говорят в настоящее время потомки этого населения, известны на территории Ирана, Афганистана и Средней Азии; одна из таких групп населения (так называемые горские евреи) перешла на татский язык.

ПРОЦЕССЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ ОТДЕЛЬНЫМИ ИРАНскими ЯЗЫКАМИ

Распространение персидского языка и вытеснение им местных иранских языков и диалектов. Среди многообразных и сложных процессов взаимодействия между отдельными иранскими языками наибольшее значение для изменения лингвистической карты

³¹ Однако в сасанидское время персидские евреи еще не использовали, по-видимому, в письменности персидский язык [Henning, 1958, 79].

ираноязычных областей имел процесс распространения персидского языка на территорию Центрального Ирана, Хорасана, Тохаристана и Мавераннахра и постепенного вытеснения им местных иранских языков и диалектов. Если для середины I тыс. до н. э. персидский (древнеперсидский) локализуется на относительно узкой территории крайнего юго-запада Иранского нагорья, в области Pārsa- (Фарс), то уже к периоду арабского завоевания (VII—VIII вв. н. э.) персидский (среднеперсидский) язык, вытесняя постепенно родственные ему иранские языки и диалекты, расширил область своего распространения до восточных и северо-восточных пределов Хорасана (Балх, Мерв). Науке недостаточно хорошо известны детали этого процесса, несомненно, однако, что в ходе своего распространения персидский язык вытеснил на территории Хорасана парфянский, распространенный здесь еще в первой половине I тыс. н. э. Как уже упоминалось, парфянский использовался для пропаганды манихейства в Хорасане, и, как явствует из содержания некоторых турфанских текстов [Andreas, Henning 1932—1934, II, 302—303; ср. Henning 1958, 94—95], Мани (III в. н. э.) придавал особое значение тому, чтобы манихейские проповедники, направляемые в Хорасан, владели парфянским (pahlawānīg) языком и письмом. Однако несколько веков спустя, к эпохе арабского завоевания, парфянский был уже, по-видимому, полностью вытеснен персидским (во всяком случае, в городских центрах), и подлинное значение слова pahlawānīg (н.-перс. pahlavi) было уже неизвестно арабоязычным авторам. Неизвестны парфяне и согдийскому «Списку народов» (nāf-nāmak), относящемуся, по-видимому, к IX в. н. э. [публикация: Henning 1940, 8—11]. К этому же примерно времени относится вытеснение местных диалектов Систана и Забулистана, отдельные слова из которых сохранились в сочинениях ал-Бируни.

Находки в Мерве персидских (среднеперсидских) надписей, относящихся к рубежу VII—VIII вв., позволяют предполагать, что к этому времени здесь уже пользовались персидским языком. Согласно важному свидетельству ал-Джахшьяри (умер в 924 г.), вплоть до 742 г.³² в Хорасане пользовались персидской письменностью (вероятно, на основе «пехлевийского» алфавита), причем писцы назывались магами. По сообщениям Ибн-ал-Мукаффы (721—757 гг.) и Мукаддаси (X в.) можно судить о том, что уже в первой половине VIII в. персидский (новоперсидский) язык (pārsī, fārsī) употреблялся в Балхе. Крупнейший арабоязычный историк Табари (838—923) приводит под 727/728 и 737 гг. даже текст небольшой насмешливой песенки на персидском языке, сложенной жителями Балха по поводу неудачного похода араб-

³² С 742 г. арабский язык и арабское письмо стали обязательными для административного управления Хорасаном (а следовательно, и Мавераннахром, входившим административно в Хорасанское наместничество).

ского наместника Хорасана Асада ибн-Абдаллаха против восставших горцев Хутталаяна:

ازخطلان آمديه	‘Из Хутталаяна ты (он?) пришел,
برو تباه آمديه	С опозоренным лицом пришел,
آباز باز آمديه	Сокрушенным обратно пришел,
خشنك نزار آمديه	Израненным, измученным пришел’.

Контекст этого сообщения и сам характер песенки не оставляют сомнений в том, что она вышла из народной среды и имела широкое распространение среди населения. Таким образом, ясно, что уже в начале VIII в. живым разговорным языком населения (или какой-то части населения) Балха был персидский.

Отсюда, из Мерва, Балха и других административных, экономических и культурных центров Северного Хорасана распространялся персидский (таджикский) язык и на территорию Мавераннахра, вытесняя постепенно местные восточноиранские языки Средней Азии — согдийские и тохарские (бактрийские) диалекты. Конкретно-исторические условия, в которых протекал этот процесс известны недостаточно. Возможно, персидский язык еще за несколько веков до арабского завоевания проникал в Среднюю Азию вместе с манихейством. Известно, что в крупных центрах Средней Азии (например, в Самарканде) существовали в VI—VII вв. значительные манихейские общины, и есть основания предполагать, что в них, как и в манихейских общинах Восточного Туркестана, пользовались (наряду с согдийским) персидским языком.

Еще большую роль в процессе распространения на территорию Мавераннахра и Тохаристана персидского (таджикского) языка должны были сыграть события, связанные с арабским завоеванием, включением этих территорий в состав Халифата, усилением их экономических и культурных связей с другими областями Халифата, распространением ислама. Среди войск Арабского халифата имелось значительное число так называемых мавālī, т. е. представителей покоренных арабами народов, принявших мусульманство и находившихся под покровительством отдельных арабских племен. Известно, что в составе арабских войск, осуществлявших завоевание Мавераннахра, число таких мавālī, главным образом персоязычных хорасанцев, было довольно велико. Сохранившиеся хадисы (священные предания мусульман) свидетельствуют о том, что персидский (таджикский) язык был в ту эпоху (как, впрочем, и позднее) одним из важных орудий мусульманской пропаганды³³. Со слов историка Бухары Нершахи (X в.) известно, что в построенной в 713 г. бухарской мечети Коран читался на персидском языке. Известно также, что один из мусульманских миссионеров, некто Абу-с-Сайда отказывался

³³ Ср. у В. В. Бартольда [1918, 77]: «в этих отдаленных от Аравии областях новая вера с самого начала распространялась на народном языке».

(в 728 г.) от пропаганды ислама в Самарканде на том основании, что он «неискусен в фāрсей» [Мандельштам 1954, 72 с ссылкой на: Табари II, 1507].

Процесс перехода согдоязычного населения Мавераннахра на персидский (таджикский) язык был, конечно, весьма длительным. Согласно запискам китайского паломника Сюань-Цзяна, проехавшего через Среднюю Азию в 630 г., название Сули (Согд) прилагалось ко всей территории от Суяба (долина реки Чу) до Кеша (современный Шахрисябз, к югу от Самарканда), к языку ее населения и письменности. Как видно, в начале VII в. согдийский язык был широко распространен не только в собственно Согде (долина Зеравшана и прилегающие районы, Уструшана, Кашкадарьинский оазис и др.), но и в Фергане, и в Семиречье — областях интенсивной согдийской колонизации. Доказательством того факта, что в первой четверти VIII в. население долины Зеравшана говорило еще по-согдийски, является уже упоминавшийся архив согдийских документов с горы Муг. Как показывает изучение этого архива, вся внутренняя переписка Деваштича и других согдийских феодалов велась на согдийском языке. На этом языке написаны письма, отправленные от его имени, по-согдийски же пишут его корреспонденты. По сообщению Нершахи, арабские завоеватели принуждали бухарцев ходить на молитву в мечеть, выстроенную в 713 г., но так как бухарцы (или какая-то часть бухарцев) не знали в то время ни арабского, ни персидского языков, то позади молящихся стоял специальный человек, который подсказывал им по-согдийски, когда нужно становиться на колени или выполнять какие-либо другие требования ритуала.

По-видимому, только к IX—X вв. основная часть населения крупных городов Мавераннахра (Самарканд, Бухара) перешла на персидский (таджикский) язык. В X в. в Бухаре уже существовала, как известно, весьма развитая литература на персидском (таджикском) языке. Однако, в сельских местностях, в горных районах, удаленных от больших городов, от основных путей сообщения, еще держались согдийские диалекты. По свидетельству арабоязычного географа Мукаддаси, еще в конце X в. в бухарских рустаках (сельские местности, зависимые от Бухары) говорили по-согдийски: «у согдийцев есть свой язык; на него похожи языки бухарских рустаков; они очень различны; их там понимают; я видел славного имама Мухаммеда ибн-Фадля, который много говорил на них» [Бартольд 1927, 34]. В верховьях Зеравшана, по верхним его притокам, согдийские диалекты сохранялись на протяжении всего средневековья; в некоторых ныне таджикоязычных селениях долины Ягноба они были вытеснены таджикским лишь в XVII—XVIII вв. [Хромов 1965, 45—46], а один из этих согдийских диалектов — ягнобский (или новосогдийский) язык сохраняется в долине Ягноба до наших дней ³⁴.

³⁴ Особенно интенсивно протекал процесс вытеснения ягнобской (новосогдийский) речи, естественно, в тех случаях, когда небольшие группы ягнобо-

Аналогичными путями происходило вытеснение персидским (таджикским) языком местных (неперсидских) диалектов горных районов древнего Тохаристана. Упоминается, что один из таких языков, от которого не осталось, по-видимому, никаких следов, существовал в Бадахшане во времена Марко Поло [Skold 1936, 71]. Имеются данные о том, что несколько столетий назад такие говоры, полностью вытесненные к настоящему времени таджикским языком, сохранялись в Дарвазе и еще в прошлом веке в долине Ванджа. Еще в начале нашего века на Вандже можно было встретить стариков, помнивших немного свой старый язык, близко родственный, судя по записанным в 1915 г. словам, языкам шугнано-рушанской группы и язгулямскому [Зарубин 1924, 79 сл.; ср. Розенфельд 1956].

На территории современного Афганистана сокращались постепенно области распространения мунджанского языка, языков парачи и ормури, вытесняемых персидско-таджикскими диалектами. Язык парачи, отмечавшийся еще в 20-е годы нашего века в долине Пянджшира [Андреев 1927, 3, прим.], к настоящему времени, по-видимому, полностью вытеснен местными разновидностями персидско-таджикской речи. Тот же процесс происходит в долине Шутула. Язык ормури еще в XIX в. отмечался к востоку и северу от Кабула, но впоследствии был вытеснен здесь персидско-таджикскими говорами.

Весьма интенсивно происходит процесс вытеснения местных иранских говоров на территории Ирана, где они уступают свое место персидскому. Так, например, по свидетельству путешественников первой половины XIX в., лишь незначительная часть населения горных районов к северо-востоку от Казвина понимала персидский и тюркский языки. В 20-е годы нашего века персидский понимался здесь уже повсеместно, а в ряде селений, расположенных близко к Казвину, местные говоры уже вышли из употребления [Ivanow 1931, 41; 1931, 354—355]. В значительной мере ассимилированы персидским местные иранские говоры, распространенные еще в недалеком прошлом в районе между Казвином и побережьем Каспийского моря, а также к северу от Тегерана (по южным склонам хребта Эльбурз). Диалекты персидско-таджикского типа отмечены также среди белуджских племен Хорасана (в районах Джувейна, Нишапура, Туршиза и др.).

Таким образом, процесс постепенного вытеснения персидским языком, персидско-таджикскими диалектами других иранских

язычного населения отрывались от основного ягнобского массива и оказывались в иноязычном окружении. Так было, например, с ягнобцами, переселившимися на северный склон Туркестанского хребта. Еще в 1934 г. жители расположенных здесь селений Калача, Пушт, Каджравут, Ахта-хона, Навобод называли себя ягнобцами. Ягнобцами же считали их жители соседних кишлаков Дальянского сельсовета, а также сохранявшие с ними связь ягнобцы из долины реки Ягноб. Однако ягнобская речь жителями названных селений была к этому времени уже полностью утрачена и заменена таджикской.

языков и диалектов — процесс, начавшийся, по-видимому, около полутора тысячелетий тому назад и наблюдавшийся на рубеже I и II тыс. н. э. арабскими географами³⁵, продолжался и на протяжении всех последующих столетий, вплоть до настоящего времени, когда этот процесс — протекающий ныне уже в совершенно иных историко-культурных условиях — стал доступен непосредственному наблюдению исследователей.

Распространение афганского языка. Практически никаких сведений о первоначальной области распространения афганского языка не имеется. Первые достоверные упоминания об афганских племенах появляются лишь у авторов X—XI вв.³⁶, локализовавших эти племена в районе Сулеймановых гор (Правобережье Инда). Распространение афганских племен и афганского языка в северо-западном, северном и северо-восточном направлениях, в области, населенные другими ираноязычными народами, начинается, по-видимому только с XIV в. Во всяком случае арабоязычный историк ал-Идриси (конец XI—начало XII вв.) в своем рассказе о Кабуле и Кандагаре даже не упоминает об афганцах. Первые сведения об афганцах в районе Кабула относятся к 1331 г. (ибн-Батута), в районе Герата — к XVI в. К еще более позднему времени относится распространение афганцев и афганского языка в области, лежащие к северу от Гиндукуша. В ходе своего распространения на территорию современного Афганистана афганские племена потеснили, по-видимому, в некоторых районах местное персоязычное население, однако факты перехода персо-(таджико)-язычного населения на афганский язык, как кажется, не засвидетельствованы. Такие факты известны, однако, в отношении некоторых других ираноязычных групп населения, в частности, в отношении ормутов. Так, например, причислявшее себя к ормурам население Бутхака (к востоку от Кабула) и некоторых районов Пешаверской провинции уже в 20-е годы нашего века говорило только по-афгански.

Распространение курдского языка. Ничего практически не известно и об области первоначального распространения курдского языка. Средневековые арабские географы называли курдами (kurd, мн. ч. akrād) всех горцев западных областей Ирана. С X—XI вв. курдские племена стали распространяться на террито-

³⁵ Судя по Мукаддаси (X в.), в городах Хорасана, Систана и Мавераннахра ему приходилось встречаться лишь с различными разновидностями персидского. Только в Хорезме, Согде, сельских районах Бухары и Чача сохранялись в то время местные (неперсидские) иранские языки. Однако, как добавляет тот же автор, «среди упомянутых областей вряд ли найдется хоть одна, где в сельских районах не говорили бы на другом языке» [цит. по: Henning, 1958, 86, Anm. 4].

³⁶ С термином «афган, афганец» (afghān) связывается иногда упоминаемый в индийских источниках VI в. н. э. этноним avagāna [Массон, Ромодина 1964, 211—212], однако полной уверенности в идентичности этих этнонимов не имеется.

рию восточных вилайетов современной Турции. В ходе своего распространения курдский язык ассимилировал некоторые иранские языки и диалекты Западного Ирана, в частности, как предполагают, на курдский перешли отдельные группы населения, говорившего в прошлом на гурани [Маккензи 1963, 165].

ДВУЯЗЫЧИЕ, ЯВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ, СУБСТРАТА И СУПЕРСТРАТА

В тесной связи с процессами, изложенными в предыдущих разделах, стоят явления билингвизма, языковой конвергенции, субстрата и суперстрата. Как и в предыдущем изложении, целесообразно подразделить эти явления на две группы: 1) явления, связанные с взаимодействием между иранскими и неиранскими языками и 2) явления, связанные с взаимодействием между отдельными иранскими языками и диалектами.

Иранско-неиранское двуязычие и явления конвергенции. Среди многочисленных фактов иранско-неиранского двуязычия наибольшее — по своим масштабам, длительности и многосторонности — значение имеет двуязычие ирано-тюркское. Выше уже упоминалось хотаносакско-тюркское, согдийско-тюркское, хорезмийско-тюркское и таджикско-узбекское двуязычие, послужившее переходным этапом в процессе полного или частичного вытеснения этих иранских языков Восточного Туркестана и Средней Азии тюркскими языками и диалектами. Явление тюрко-иранского двуязычия отмечалось уже Махмудом Кашгарским (XI в.), подразделявшим тюркские языки на: а) «чистые (правильные)» и б) «смешанные»; под последними он понимал языки двуязычных тюркских племен, говоривших, помимо тюркского, еще на каком-либо языке (например, на согдак) [Нигматов 1969, 145].

В новое и новейшее время для многих районов Средней Азии (особенно для Ферганы, Ленинабадской области, средней и нижней части долины Зеравшана и т. д.) характерно массовое таджикско-узбекское двуязычие — результат многовекового соседства, теснейших этнических и историко-культурных связей таджикского и узбекского народов. Для Иранского Азербайджана характерно персидско-азербайджанское двуязычие, для ряда районов Азербайджанской ССР — татско-азербайджанское и талышско-азербайджанское. Практически двуязычны все носители тюркских и монгольских языков и диалектов на территории Ирана и Афганистана, большинство из них владеет, наряду с родным языком, персидским или таджикским, в некоторых случаях —

также афганским. Таковы, например, афшары и моголы в Афганистане, кашкайские племена и племена айналлу в Южном Иране [Doerfer 1970, 221 и сл.]. У курдов Хорасана и Туркменской ССР отмечается курдско-туркменское двуязычие, у белуджей Туркменской ССР — белуджско-туркменское. Разумеется, в разных районах и у разных групп населения степень этого двуязычия может быть самой различной — вплоть до полного билингвизма, когда для той или иной группы населения два языка являются в равной мере родными. Чем полнее степень билингвизма, тем интенсивнее развиваются явления конвергенции в звуковой системе, лексике, грамматическом строе, фразеологии и других сферах языковой структуры соответствующих иранского и тюркского языков. При этом — в зависимости от конкретных историко-культурных условий — направление влияния может быть различным. Так, например, в персидско-азербайджанском двуязычии (Иранский Азербайджан) активным является, по мнению Дорфера [Doerfer 1970, 226], персидский элемент; в татско-азербайджанском двуязычии активен, напротив, азербайджанский элемент [Грюнберг 1961].

Наиболее наглядным и наиболее хорошо изученным [см., например, Кузнецов 1915; Поливанов 1928; Боровков 1952; Расторгуева 1952; Doerfer 1967] примером полного ирано-тюркского двуязычия может служить, пожалуй, таджикско-узбекское двуязычие (например, в некоторых районах Ферганы, Бухарской области, в Самарканде), чисто языковыми признаками которого являются принципиальное сходство (в ряде случаев полное тождество) фонетической системы, значительный слой общей лексики и, наконец, «устойчивые ряды подогнанных друг к другу, эквивалентных [грамматических — И. О.] форм» [Поливанов 1928, 306]. К сказанному можно добавить еще взаимозаменяемость лексики (например, употребление узбекских слов в таджикской речи и узбекских в таджикской), общность принципов словообразования, фразеологии и идиоматики [в отношении последнего см., например, Калонтаров 1969]. Аналогичные явления характерны и для татско-азербайджанского двуязычия [Грюнберг 1961].

Отмечается сильное иранское (персидско-таджикское) влияние на тюркские говоры Южного Ирана, тюркские и монгольские говоры Афганистана, при этом указывается, в частности, что звуковая система этих говоров необъяснима без учета воздействия на нее звуковой системы окружающих иранских языков и диалектов (так, например, система консонантов в могольском говоре Афганистана полностью идентична системе консонантов персидско-таджикских говоров Афганистана) [Doerfer 1970, 221—224 с литературой вопроса].

Помимо двуязычия ирано-тюркского, могут быть приведены примеры ирано-арабского, ирано-индоарийского, ирано-дравидического, ирано-армянского, ирано-грузинского и ирано-славянского двуязычия. Двуязычны, например, небольшие группы араб-

ского населения на территории Афганистана, Восточного Ирана и Средней Азии (арабский язык и различные разновидности персидско-таджикской речи) [см., например: Джураев, 1975], а также небольшие группы индоязычного населения Афганистана, владеющие, наряду с родными индоарийскими диалектами (пашаи, глангали и др.), также местными таджикскими и афганскими диалектами [см., например: Morgenstierne 1967, 2; Грюнберг 1971, 5 и сл.]. Имеются также этнографические группы (например, группа гиссарских парья с родным индоарийским и таджикским языком) и в Средней Азии, где таджикский оказывает сильнейшее воздействие на их индоарийскую речь [Оранский 1963₂, 38 и сл.; 1973]. В Синдхе отмечается значительный белуджско-синдхи (оказывающий воздействие на белуджский) и в Белуджистане — белуджско-брахуи билингвизм [Morgenstierne 1932₁, 7—9]. Зафиксировано также персидско-брахуи двуязычие [Emeneau 1962, 1, 77]. У курдов Закавказья известно курдско-армянское, курдско-азербайджанское и курдско-грузинское двуязычие [Бакаев 1969, 181—184; 1973, 10—11], у осетин юго-осетинской автономной области — осетинско-грузинское [Абаев 1969, 76]. Значительная часть ираноязычного населения СССР владеет русским языком, оказывающим заметное воздействие на развитие таджикского [Керимова 1969, 87 и сл., 104 и сл.] и осетинского [Гуриев 1962; Исаев 1969] литературных языков, а также на другие иранские языки и диалекты Советского Союза [Расторгуева, Бакаев, Исаев 1964].

Внутрииранское двуязычие и явления конвергенции. Внутри иранских особенно значительно, разумеется, влияние персидского и таджикского. Через промежуточный этап парфяно-персидского, согдийско-персидского и т. д. двуязычия прошли многие ираноязычные племена и народности, утратившие свою древнеиранскую речь, вытесненную персидским (таджикским) языком. Уже в средние века, во всяком случае, в период после арабского завоевания, персидская (таджикская) речь стала в значительной степени *lingua franca* для всех ираноязычных областей Иранского нагорья и Средней Азии.

Персидско (таджикско)-иноиранское двуязычие широко распространено и в наше время. Наряду с родными своими иранскими языками и диалектами, персидским владеет на территории Ирана значительная (если не подавляющая) часть курдов, белуджей, гилянцев, мазандеранцев, носителей местных иранских диалектов. В Таджикской ССР полностью (за исключением в некоторых случаях лишь старых женщин и маленьких детей) двуязычны ягнобцы (ягнобский и таджикский языки) и припамирские таджики (местные памирские языки и таджикский), в Афганистане — припамирские таджики, мунджанцы, ормуры, носители языка парачи (соответственно памирские, мунджанский, ормури, парачи, с одной стороны, + местные разновидности персидско-таджикской речи, с другой). Различными разновидностями персидско-таджик-

ской речи владеет, по-видимому, также значительная часть афганского и белуджского ³⁷ населения (во всяком случае, оседлого). Таким образом, помимо собственно персо- и таджикоязычного населения, персидский и таджикский языки широко распространены и среди всех остальных ираноязычных народов современности, за исключением, пожалуй, только осетин.

Влияние персидского (таджикского) языка на другие иранские языки и диалекты особенно заметно в отношении лексики. Весьма значительная часть, афганского, курдского, белуджского словаря представляет заимствования из персидского (таджикского), не говоря уже о многочисленных бесписьменных иранских языках и диалектах, лексика которых просто наводнена персидско-таджикскими заимствованиями. Так, например, в составе зафиксированной мунджанской лексики (около 2500 слов) более 60% (примерно 1600 слов) представляют персидско-таджикские заимствования [Стеблин-Каменский 1973, 136—137]. Примерно такую же, а в ряде случаев, по-видимому, еще более весомую часть составляют персидско-таджикские заимствования и в лексике многих других иранских языков и диалектов. В условиях массового двуязычия влияние персидского и таджикского языков не ограничивается, разумеется, лексическими заимствованиями. Влиянием таджикского объясняют, в частности, некоторые инновации в памирских языках — изафетную конструкцию, сложные глагольные формы в ваханском, возможно, также утрату категории рода [Эдельман 1968, 64].

Из числа других иранских языков, выступающих (или выступавших) в качестве второго языка при двуязычии могут быть названы афганский (например, у ормутов) и курдский (у носителей диалектов заза и гуран).

Субстратные явления как результат взаимодействия иранских и неиранских языков. Переходя на новые для него неиранские языки, ираноязычное население приносило в них некоторые элементы старых своих языков — фонетические, лексические, грамматические. И, напротив, при распространении иранских языков на территории, занятые прежде иными языками, и при переходе (полном или частичном) на иранские языки населения, говорившего прежде на языках других групп, в иранские языки проникали субстратные элементы. На значительной части Средней Азии, занятой в настоящее время (исключительно или преимущественно) тюркскими языками, отчетливо прослеживаются большие пласты согдийской и таджикской топонимии. Некоторое количество древних хорезмийских слов вобрала в себя развивавшиеся на хорезмийском субстрате тюркские говоры (ср., например, агна 'боль-

³⁷ Уже в середине прошлого века Н. В. Ханыков встретил в Хорасане стоянку белуджей, которые, как его заверили, «уже начинают забывать свой родной язык, и все, как мужчины, так и женщины, говорят по-персидски» [Ханыков, 1973, 92].

шой канал', уаб 'малый канал' и т. п. в узбекских говорах современного Хорезма).

С таджикским субстратом связывается отсутствие сингармонизма в ряде тюркских языков и диалектов Средней Азии, особенно наглядное в наиболее сильно иранизованных узбекских говорах самаркандско-бухарской группы. При этом даже те исследователи, которые считают, что процесс утраты сингармонизма был подготовлен внутренними условиями развития фонетических систем в ряде тюркских языков, не могут отрицать, что иранский (таджикский) субстрат послужил катализатором этого процесса [Гаджиева 1975, 16, 24].

В ряде иранских языков (афганский, некоторые памирские, мунджанский-йидга, белуджский, ормури, парачи, хазара), контактирующих с индоарийскими (или развивавшимися на территориях, занятых ранее индоарийскими), имеется несвойственный другим иранским языкам ряд церебральных согласных — явление, дающее основание предполагать, что в развитии этих языков сыграл свою роль индоарийский языковой субстрат³⁸. Любопытно отметить, что некоторые небольшие группы индоязычного в прошлом населения, оказавшиеся в среде персо(таджико)-язычного населения и перешедшие на персидско-таджикскую речь, используют субстратную индоарийскую лексику в своем арготическом лексиконе [Оранский 1974₂] ³⁹.

Однако наиболее, пожалуй, ярким и наглядным примером развития иранского языка на неиранском субстрате может служить осетинский, унаследовавший весьма важные черты своей звуковой системы и грамматического строя от языков Кавказа [Абаев 1949, 75—80, 95—108, 109—122 и др.].

Субстратные явления как результат взаимодействия отдельных иранских языков. Аналогичные явления происходили *mutatis mutandis* и при переходе населения с одного иранского языка на другой. Распространяясь по территории, занятой в прошлом парфянским, согдийским, бактрийским и другими языками и диалектами, персидский (таджикский) язык, местные персидско-таджикские диалекты впитывали в себя субстратную лексику и некоторые другие субстратные элементы. К парфянскому слою вошедшей в персидский и таджикский язык субстратной лексики относятся, например, такие слова как šahr 'город', ruhr 'сын', kalon 'большой'. Из согдийского вошли такие слова как перс. āzāz/ тадж. oʻyoz 'начало' (согд. *ʾz), тадж. paʾz 'хорошо, хороший' (согд. pʾz), тадж. šuʾd, šuʾz 'сова' (согд. šz-?) тадж. palonš, palonj 'жены многоженца по отношению друг к другу' (согд. pʾnʾs) и т. д. [Henning 1939; Лившиц 1957].

³⁸ Точнее: «прото-индоарийский».

³⁹ Аналогичным, по-видимому, образом используется древнееврейская лексика в таджикско-персидской речи некоторых групп еврейского населения [см., например: Зарубин, 1924₂].

Широко представлена на территории Средней Азии согдийская топонимия, особенно географические названия, включающие в себя согдийские слова *knò(h)* 'город' (Самарканд, Пянджикент, Вабкент и др.), *kt-*, *qt* 'дом', 'селение' (Пшикат, Сурхкат и др.), *rwł* 'река' (Расраут и др.) и т. п. Некоторые сохранившиеся до наших дней согдийские топонимы (*sm'gknòh* 'Самарканд', *pnscuknòh* 'Пянджикент', *kšwtwk* 'Кштут' и др.) зафиксированы еще в согдийских документах VIII в. [Смирнова 1960].

Ряд интересных слов, не представленных в персидском и таджикском литературных языках и не зафиксированных в других таджикско-персидских диалектах, отмечаются в таджикских говорах, формировавшихся на памирском субстрате. Ср., например, вандж. *kur* 'камень' (язг. *kər*), вандж. *fi* 'лопата' (шугн. *fał*), вандж. *taak* 'глотка, горло' (руш. *taak* 'шея') и т. д.

Из субстратных явлений на другом конце ираноязычного мира может быть отмечен, например, гуранский субстрат в центрально-курдских (по классификации Маккензи) диалектах, привнесший в них значительные особенности, не свойственные другим (например, северокурдским) диалектам [Маккензи 1963, 165].

ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Схематичность и условность периодизации. Периодизация истории иранских языков представляет собой одну из самых сложных и неразработанных проблем иранского языкознания. Трудности заключаются здесь как в теоретической неразработанности общих проблем, связанных с периодизацией истории языка ⁴⁰, так и в самом характере материала. Неизбежная схематичность и условность периодизации истории языка (-ов) определяются прежде всего самим характером языковой эволюции. Постепенно изменяясь и обновляясь, иногда — под влиянием конкретных исторических и социальных факторов — быстрее, иногда медленнее, передаваясь из поколения в поколение, язык на протяжении длительной своей истории претерпевает очень значительные изменения в своей фонетической, грамматической и лексической системе, но ни в одной точке этого процесса линия языкового развития не может быть прервана таким резким изменением, таким скачком, который разрушил бы языковую преемственность между

⁴⁰ Ср., например, в предисловии к сборнику, специально посвященному проблемам диалектологии и истории языка: «Что касается проблемы периодизации истории языка, то она не только не решена, но и, можно сказать, не поставлена еще по-настоящему» [Лингвогеография, диалектология и история языка 1973, 4].

двумя следующими друг за другом поколениями. Поэтому всякая периодизация истории языка неизбежно представляет более или менее условную сегментацию непрерывного и постепенного процесса языковой эволюции, и само понятие «периода» (или «эпохи») в истории языка (-ов) не может считаться достаточно определенным, точно также, как не могут считаться определенными границы и критерии, отделяющие один «период» от другого ⁴¹.

При попытках периодизации истории иранских языков это общее положение осложняется многими дополнительными трудностями, главные из которых, порождаются самой спецификой материала: 1) длительностью письменной истории иранских языков, недостаточностью и неравномерностью документации по отдельным языкам и отдельным периодам их развития; 2) многочисленностью письменных систем, применявшихся в разное время для фиксации отдельных иранских языков, недостаточной их приспособленностью для передачи звукового состава иранских языков, а также несопоставимостью этих систем письма друг с другом; 3) консервативностью орфографии и литературной нормы.

Традиционная схема периодизации. В истории иранских языков принято выделять три основные эпохи:

1) древнеиранская языковая эпоха (с периода выделения иранских языков в самостоятельную языковую группу по IV—III вв. до н. э.);

2) среднеиранская языковая эпоха (с IV—III вв. до н. э. по VIII—IX вв. н. э.);

3) новоиранская языковая эпоха (с VIII—IX вв. н. э. по настоящее время).

Согласно этой схеме, к древнеиранской языковой эпохе относят языки древнеперсидский, авестийский, мидийский и скифский, к среднеиранской — среднеперсидский, парфянский, согдийский, хорезмийский, бактрийский и сакскохотанский, к новоиранской — новоперсидский и все современные иранские языки.

Как уже отмечалось [Оранский 1975], эта традиционная трехчленная схема периодизации опирается в первую очередь на признаки не лингвистические, а культурно-исторические и покоится

⁴¹ Иногда, впрочем, решение этого вопроса как бы стихийно подсказывается самим характером материала. Так, например, если первые памятники среднеперсидского языка отделены от последних памятников древнеперсидского лакуной в шесть столетий и если в этих среднеперсидских текстах перед нами предстает уже качественно новый, резко отграниченный от флективного языка древнеперсидских надписей аналитический этап развития персидского языка, то грань между двумя этими периодами (древне- и среднеперсидским) устанавливается относительно легко. Однако в других случаях, там где развитие того же, скажем, персидского (новоперсидского) языка документировано непрерывной письменной традицией на протяжении целого тысячелетия, установить лингвистические границы между отдельными периодами уже значительно труднее, если вообще возможно.

к тому же на довольно узком основании, именно на периодизации истории персидского (и таджикского) языка. В самом деле, за исключением персидского (с таджикским) ни один из иранских языков не представлен письменными памятниками на протяжении всех этих трех эпох, и, естественно, именно история персидского языка привлекала в первую очередь внимание иранистов.

Нетрудно убедиться в том, что традиционно сложившаяся периодизация истории иранских языков — это и есть по существу и прежде всего периодизация истории персидского языка и что эта периодизация целиком и полностью зависит от периодизации письменных памятников: древнеперсидский — это язык первой версии клинообразных ахеменидских надписей (VI—IV вв. до н. э.), среднеперсидский — это язык памятников пехлевийского и манихейского письма (III—IX-X вв. н. э.), новоперсидский — это персидский язык арабографичных, главным образом, текстов (с IX—X вв.).

Между тем, само появление и бытование тех или иных групп письменных памятников связано — особенно в древности — с теми или иными, обычно достаточно четко отграниченными друг от друга культурно-историческими эпохами. И каждая такая группа памятников характеризуется определенными культурно-историческими признаками, в первую очередь, резко различающимися системами письма. Древнеперсидские клинообразные надписи отражают историко-культурную обстановку Ахеменидской эпохи (VI—IV вв. до н. э.); объединяясь по письменности, идеологии и другим культурно-историческим признакам, эти надписи составляют замкнутую в себе, четко обособленную группу.

Хронологически следующая группа памятников — памятники пехлевийского и манихейского письма — появляются лишь шесть веков спустя и отражают уже совершенно иную культурно-историческую эпоху — эпоху Сасанидского государства и господства зороастрийской церкви в Иране (III—VII вв.). После арабского завоевания Ирана и Средней Азии (VII—VIII вв.) и распространения на этих территориях ислама сфера употребления пехлевийского и манихейского письма резко сужается, эти системы письма выходят из употребления, сохраняясь лишь в небольших, конфессионально замкнутых общинах (например, традиционное пехлевийское письмо у парсов Ирана и Индии). На смену пехлевийскому и манихейскому приходит арабское, точнее, арабо-персидское письмо (с IX—X вв.), на базе которого возникает обширная тысячелетняя персидско-таджикская литература, отражающая так называемый «новый» период истории персидского языка. Таким образом, традиционная периодизация истории персидского языка, а вместе с тем периодизация истории иранских языков в целом, обусловлена в значительной мере не процессами языкового развития, а периодизацией памятников письменности — периодизацией, опирающейся на признаки не лингвистические, а культурно-исторические.

Нельзя не признать, что установившаяся трехчленная схема периодизации удобна (особенно в педагогической практике), что за ней авторитет традиции, однако при современном уровне лингвистических исследований эта схема уже не может считаться полностью удовлетворительной. В ряде случаев признаки периодизации лингвистической вступают в противоречие с признаками периодизации культурно-исторической (филологической), и тексты лингвистически однородные или близкие по языку оказываются отнесенными к разным периодам, и, наоборот, тексты, сильно различающиеся по языковой структуре, оказываются отнесенными к одному и тому же периоду.

Так, согласно существующей периодизации, персидские манихейские тексты принято относить к среднеиранской языковой эпохе, а персидские арабографичные тексты эпохи Рудаки—Фирдоуси (X—XI вв.) — к новоиранской. Между тем, некоторые манихейские фрагменты отражают персидский язык первой половины X в., и уже а priori можно предположить, что такие тексты стоят по языку ближе к ранним памятникам новоперсидской литературы, чем к памятникам литературы среднеперсидской. И, действительно, если вчитаться, например, в манихейские стихотворные фрагменты Берлинского собрания, реконструированные и изданные Хеннингом [Henning 1962], то можно убедиться, что язык их практически не отличается (вплоть до лексических арабизмов!) от языка ранних памятников новоперсидской поэзии. Ср., например, следующие отрывки:

Из персидской версии *Bilauhar u Būdisaf*
(*Barlaam and Josaphat*)

20. rftm (')knwn rn(j) b(wr)d(m)
zwd m['n] dyd'r b'y'd

‘Теперь я пошел (ухожу), я перенес много страданий..., Скоро наступит (bi-āyad) для нас [другая] встреча...’.

Из «касыды»

8. čun Yūsuf-am pa-qahr furūd abganand pa-čāh
čāh-i ke bar-ne-y-āy am az-ū juz gāh-i šumār

‘Они в ярости бросают меня, подобно Иосифу, в яму,
В яму, из которой мне не выйти вплоть до Судного дня’.

С другой стороны, персидский язык эпохи Рудаки — Фирдоуси и восходящие к нему современные персидский и таджикский относятся, согласно существующей периодизации, к одной и той же («новоиранской») языковой эпохе. Между тем, за тысячелетие, отделяющее современные персидский и таджикский от языка эпохи Рудаки—Фирдоуси, эти языки претерпели весьма существенные сдвиги в своей фонетической и грамматической системе, не говоря уже о лексике.

При обращении к среднеиранскому материалу также нетрудно увидеть, что материал отдельных среднеиранских языков класси-

фицируется не по лингвистическим и часто даже не по хронологическим признакам, а прежде всего по признакам культурно-историческим. Таково, например, деление среднеперсидского языкового материала на язык текстов зороастрийских, дошедших до нас в оболочке традиционного пехлевийского письма с многочисленными идеограммами и исторической орфографией, и язык текстов манихейских, излагающих религиозное учение манихеев и зафиксированных другой системой письма. Внутри парфянского выделяют язык ранних эпиграфических памятников (I в. до н. э. — I—II вв. н. э.) и парфянских («пахлавик») версий сасанидских наскальных надписей (III в. н. э.), с одной стороны, и язык манихейских текстов (древнейшие сочинения — III—IV вв. н. э. в рукописях VIII—IX вв.), с другой. Характерным примером может служить также согдийский, внутри которого выделяют согдийско-буддийский, согдийско-манихейский и согдийско-христианский, т. е. язык соответственно буддийских, манихейских и христианских текстов, различающихся между собой прежде всего по признакам культурно-историческим (письменность и конфессиональная принадлежность текстов). В то же время по критериям собственно лингвистическим, в частности по системе именной флексии, а также по признаку наличия/отсутствия артикля, по его функциям, часть манихейских текстов должна быть объединена, как полагают исследователи, с текстами буддийскими, а другая их часть примыкает скорее к текстам христианским [Кауфман 1956, 459 и сл. и особенно 486 и сл.]⁴².

Нетрудно убедиться и в том, что сами понятия «среднеиранские языки», «новоиранские языки» не определяют собою какое-то более или менее отчетливое структурно-лингвистическое единство. И к средне-, и к новоиранским относят языки, весьма различающиеся по своей структуре, отражающие самые различные ступени развития и преобразования древнеиранского языкового материала (отвлекаемся здесь от других факторов — ареальных контактов, субстрата и т. п.). Так, например, белуджский язык («новоиранский»), сохраняющий восьмифонемную систему вокализма с противоположением гласных по длительности (ār 'вода' —

⁴² Языковые различия между согдийскими текстами буддийского, манихейского и христианского содержания определяются в значительной мере переводным их характером, нередко рабским следованием оригиналу — преимущественно китайскому и санскритскому для буддийских текстов, сирийскому для христианских; манихейские тексты переводились, возможно, с персидского или парфянского или же составлялись в манихейских общинах, где в качестве языков церкви преобладали, по-видимому, персидский и парфянский [см. Фрейман 1951, 33]. Стилистические различия между языком манихейских и христианских текстов могут объясняться и тем фактом, что манихейские и христианские миссионеры обращались в своей проповеднической деятельности к различным социальным слоям согдийского населения [см. Henning, 1958, 94, 105]. Различия в языке этих текстов объясняются также в значительной мере различной степенью консервативности и другими особенностями согдийско-буддийской, согдийско-манихейской и согдийско-христианской письменности и орфографии.

dar 'рот', rīg 'старый' — dil 'сердце'), сохраняющий древние поствокальные глухие смычные и аффрикату (šar 'ночь' < др.-ир. xšara-, bāt 'стал' < др.-ир. būta-, аś 'из' < др.-ир. haša), по степени преобразования древнеиранской звуковой системы стоит ближе к какому-либо среднеиранскому, скажем, среднеперсидскому языку (в древнейших его памятниках), чем к современным («новоиранским») персидскому и таджикскому (ср. ср.-перс. šar, bāt, haš и совр. перс. šāb, bud, āz).

По грамматической своей структуре современный («новоиранский») афганский язык, сохраняющий грамматическую категорию рода (мужской и женский) и двухпадежную систему склонения (прямой и косвенный падежи), стоит на более архаичной ступени развития древнеиранской грамматической системы, чем, скажем, среднеперсидский, утративший категории рода и падежа более полутора тысячелетий тому назад. Примеры убеждают в том, что объединение современного персидского, таджикского, курдского, афганского, белуджского, осетинского, памирских, татского, талышского и других современных иранских языков и диалектов под термином «новоиранские» имеет в виду отнюдь не структурную их общность, а только фактор хронологический: «новоиранские языки» — это языки, на которых говорят сегодня или же говорили и писали относительно недавно, так что письменная их традиция остается еще живой («новоперсидский»).

Еще менее определенным в лингвистическом отношении является понятие «среднеиранские языки», к которым относят такие различные по своей структуре языки, как среднеперсидский, парфянский, согдийский, хорезмийский, хотаносакский и бактрийский. Достаточно сказать, что в языке хотаносакских, например, текстов выделяются по меньшей мере две [см., например: Dresden 1955], а скорее четыре ступени языкового развития и что диапазон различий между ними может быть сопоставлен с диапазоном различий между, скажем, латинским и французским языками [Bailey 1945—1963, V, p. VII—VIII]⁴³. Если «раннехотанский» по фонетическому своему облику (особенно в отношении консонантных групп и начальных согласных) и флексивному грамматическому строю (особенно по системе именного склонения), по системе грамматических форм сближается с языками древнеиранскими, то формы «позднихотанские» стоят в ряде случаев по ступени своего развития на «новоиранском» уровне. Ср., например: окончание род. пад. мн. ч. — «раннехотанское» -āpi и «позднихотанское» -ā [*-o] (< др.-ир. -āpām); глагольную флексию 1 л. ед. ч. — «раннехотанское» -imā и «позднихотанское» -ū [*-u] (< др.-ир. -āmī). Ср. также «раннехотанское» aysu

⁴³ Впрочем, в работе 1958 г. Бейли выделяет в истории хотаносакского три ступени развития [Bailey, 1958, 135]; ср. также точку зрения Эммерика [Emmerick, 1968₂, XI], сомневающегося в возможности классифицировать все известные хотанские тексты по четырем выделенным Бейли ступеням языкового развития.

[*azu] и «позднехотанское» а 'я' (<др. -ир. *azam; ср. ав. azəm, др. -перс. adam, согд. 'zw, хорезм. 'z, осет. āz, афг. zə, заза āz, нат. āzā, курд. āz, тал. āz, ишк. az, язг. az, руш. az, орм. az, шахр. az, пугн. wuz, сарык. waz, семн. а и т. д.).

Среднеперсидский уже не имеет грамматических категорий рода и падежа, между тем другой современный ему по времени фиксации среднеиранский язык, хотаносакский (во всяком случае «раннехотанский») сохраняет грамматическую категорию рода (мужской и женский, рудиментарно — также средний) и семипадёжную (по Бейли) ⁴⁴ систему склонения. Поэтому, когда крупнейший авторитет в области среднеиранской филологии, покойный профессор Хеннинг (Henning 1958, 21) говорит об «единстве среднеиранского», он имеет в виду отнюдь не структурную общность среднеиранских языков, а в первую очередь общность письменных систем («Die Schrift als Symbol der Einheit des Mitteliranischen»), применявшихся для среднеперсидского, парфянского, согдийского и (с известными оговорками) хорезмийского языков ⁴⁵, общность, вытекающую из общего происхождения этих систем письма, общих тенденций в их развитии, некоторых общих орфографических приемов и т. п., т. е. опять-таки признаки не лингвистического, а культурно-исторического характера.

Наряду с периодизацией, основанной на хронологии и культурно-исторических признаках письменных памятников, в периодизацию истории иранских языков вводится иногда противопоставление по признаку «мертвые языки» — «живые языки». В этом случае взятые вместе древне- и среднеиранские языки («мертвые») оказываются противопоставленными новоиранским («живым»). Если же основываться на признаках лингвистических, прежде всего, на развитии грамматического строя от флективного к аналитическому, то, пожалуй, скорее языки древнеиранские, с одной стороны, могли бы быть противопоставлены взятым вместе средне- и новоиранским, с другой. Можно заключить, что установившаяся периодизация достаточно эклектична, что базируется она на разных признаках ⁴⁶ и что выделение в истории иранских языков трех периодов далеко не всегда основы-

⁴⁴ См.: [Bailey, 1958, 141—142; 1972, 103]. Р. Э. Эммерик [Emmerick 1968₂, рр. IX, 4] выделяет шесть падежных форм в единственном числе и пять во множественном.

⁴⁵ Для хотаносакского применялось письмо иного происхождения; бактрийский был исключен Хеннингом из рассмотрения ввиду недостаточности имевшегося в 50-е годы материала.

⁴⁶ Наряду с приводившимися выше примерами, показывающими, что при периодизации истории иранских языков факторы культурно-исторические и хронологические обычно превалировали над факторами лингвистическими, могут быть приведены и обратные примеры. Основным источником для изучения хорезмийского языка служат хорезмийские глоссы, сохранившиеся в арабоязычных сочинениях X—XIV вв., т. е. относящиеся хронологически и по культурно-историческим признакам уже к новоиранской эпохе. Язык этих глосс, ближайше родственный, по-видимому, согдийскому, справедливо относят, однако, к числу языков среднеиранских.

вается на реальных процессах языкового развития. При этом, если языки древне- и новоиранские еще могут быть определены по признакам позитивным (древнеиранские характеризуются четко выраженной флективной структурой, не представленной в более поздних формах иранской речи; новоиранские — это языки «живые»), то языки среднеиранские выделяются скорее по признаку негативному: по справедливому замечанию Д. И. Эдельман [1972, 115], сюда относят все те языки, которые «не представляют древнего типа с характерным для него набором признаков, но и не являются живыми».

Недостаточность и неравномерность документации. Из приведенного выше краткого обзора иранских языков ясно, что письменные памятники, отражающие развитие иранских языков на протяжении двух с половиной тысячелетий, распределены во времени весьма неравномерно и что материал для изучения различных иранских языков и различных периодов их развития резко неоднороден и по своему характеру, и по объему. Если отдельные языки в определенные периоды их развития (например, новоперсидский) представлены громадным числом памятников, притом памятников различных жанров (поэзия, проза, научная литература, административно-хозяйственные документы и т. д.), то о других языках и других периодах приходится судить порой лишь по одному единственному случайно сохранившемуся и нередко фрагментарному документу. Длительные периоды в истории отдельных иранских языков вообще не зафиксированы никакими памятниками письменности, и эти лакуны в документации охватывают порою целое тысячелетие — отрезок времени, в который легко укладывается вся история многих отнюдь не младописьменных языков. Уже одно только это обстоятельство привязывает в значительной степени периодизацию истории иранских языков к периодизации памятников письменности.

Если история персидского (и таджикского) может быть прослежена по письменным памятникам, начиная с VI в. до н. э. до наших дней, т. е. на протяжении двух с половиной тысячелетий (хотя и с большой шестисотлетней лакуной от середины IV в. до н. э. по середину III в. н. э.), то история многих других иранских языков зафиксирована в письменности лишь на протяжении нескольких последних столетий: курдского — с XI—XII вв., афганского — с XVI в., осетинского — с конца XVIII в. Во всех остальных случаях — и того меньше. Для некоторых иранских языков (татский и др.) письменность была создана лишь в XX в., другие (памирские, мунджанский, ягнобский, ормури, парачи и т. д.) остаются бесписьменными и по сей день ⁴⁷, так

⁴⁷ Проводившиеся в конце 20-х—начале 30-х годов нашего века мероприятия по созданию и внедрению письменности на талышском, шугнанском и некоторых других иранских языках ввиду малой из практической полезности долговременного успеха не имели.

что фиксированная их история может быть прослежена только по диалектологическим записям последних десятилетий, в лучшем случае — последнего столетия.

За исключением среднеперсидского, не известны прямые предшественники ни для одного из языков, относимых к числу среднеиранских, и лишь немногие из современных иранских языков могут быть уверенно возведены к тем или иным языкам, зафиксированным в памятниках древней письменности. Не известны прямые предки курдского, афганского, памирских, мунджанского, курдского, талышского языков, языков ормури и парачи, многочисленных диалектов северо-западной и центральной части Ирана и т. д.

Ягнобский восходит к согдийскому, а татский к одному из периферийных диалектов среднеперсидского, однако в обоих случаях между последними текстами на согдийском и среднеперсидском языках и первыми записями на соответственно ягнобском и татском простирается тысячелетняя недокументированная лакуна. При этом и татский, и ягнобский [см. Боголюбов 1956, 30; НСАК 1962—1963, 1, 152] продолжают, по видимому, не те диалекты, которые отражены соответственно в среднеперсидских и согдийских текстах. Еще сложнее обстоит дело с историей осетинского языка. Осетинский восходит (через аланский) к скифскому, однако разрыв во времени между дошедшей до нас в иноязычной передаче скифской лексикой и современным осетинским составляет почти два тысячелетия.

§ 59. *Системы письма, применявшиеся и применяемые для фиксации иранских языков.* Многочисленны и разнообразны системы письма, в которых зафиксированы иранские языки на протяжении двух с половиной тысячелетий своей письменной истории: древнеперсидская клинопись и арамейское письмо, с древнейших времен (во всяком случае, с III в. до н. э.) применявшееся для записи ираноязычных текстов; возникшие на основе последнего пехлевийское (версия «пәрсйк» сасанидских надписей и «книжно-пехлевийское» письмо среднеперсидской зороастрийской литературы), авестийское, парфянское (версия «пахлавйк» сасанидских надписей и другие памятники парфянской эпиграфики), манихейское (манихейские тексты на среднеперсидском, парфянском, согдийском и — позднее — на новоперсидском языках), сирийское («согдийско-христианские» тексты), согдийское («согдийско-буддийские» тексты, документы архива с горы Муг и др.) и древнехорезмийское письмо; особая разновидность греческого письма (бактрийские надписи, эпиграфика) и модифицированные формы индийского письма брахми (хотанские или хотаносакские рукописи из Хотана и Тумшука); еврейское письмо (персидские и таджикские тексты) и многочисленные разновидности арабского, арабо-персидского алфавита (персидско-таджикская, поздне-хорезмийская, афганская, курдская, белуджская письменность и т. д.). Упомянем еще о таких системах письма, как пазенд и парси

(транскрипции пехлевийских текстов соответственно авестийским и арабо-персидским алфавитом)⁴⁸, об армянском (персидские и курдские тексты) и грузинском (персидские и осетинские тексты) письме, наконец о многочисленных разновидностях латиницы (таджикский, осетинский, курдский, талышский, татский, шугнанский и др. алфавиты) и кириллицы (таджикский, осетинский, курдский, татский алфавиты), применявшиеся или применяемые в письменности современных иранских языков Советского Союза. Сюда же должны быть отнесены многочисленные современные транскрипционные системы, использовавшиеся — с большим или меньшим успехом — для фиксации различных (преимущественно бесписьменных) иранских языков и диалектов.

Само собой разумеется, все эти многообразные системы письма обладают неодинаковыми возможностями фиксации иранской речи, и вопрос о том, насколько адекватно тот или иной иранский язык той или иной эпохи отражен в анализируемом тексте, имеет решающее значение для любой попытки периодизации его истории. Названные выше графические системы (древнеперсидская клинопись, различные модификации арамейского письма для среднеиранских и арабского для новоиранских языков), мало приспособлены для передачи звукового состава — особенно вокализма — иранской речи и не позволяют с достаточной объективностью установить реальное звучание того или иного иранского языка в тот или иной период его развития.

Консервативность орфографии и литературной нормы. Трудности, заложенные в самом характере письменности, усугубляются чрезвычайной консервативностью литературной нормы, исторической орфографией, скрывающими от исследователя ответ на вопросы о времени и месте возникновения тех или иных фонетических и грамматических инноваций, о диалектных особенностях языка тех или иных памятников и т. п. Пожалуй, именно эти три фактора — несовершенство графических систем, историческое (традиционное) письмо и консервативность литературной нормы — должны быть названы в первую очередь среди факторов, в наибольшей мере затрудняющих исследование процессов и установление этапов языкового развития по письменным памятникам.

Именно указанными причинами объясняется, например, тот факт, что перед учеными, имевшими возможность исследовать персидский (новоперсидский) язык только по письменным памятникам, этот язык предстал как нечто почти совершенно неизменное на всем тысячелетнем (начиная с рубежа IX—X вв.) протяжении своего существования и на всей территории своего распространения. В течение многих десятилетий новоперсидский язык всего этого периода — от эпохи Рудаки—Фирдоуси и до

⁴⁸ Сохранились также транскрипции среднеперсидских и сасанидских манихейских текстов согдийским — и через посредство последнего — тюркским руническим письмом [Henning 1958, 76—77].

наших дней — рассматривался, описывался и преподавался как нечто абсолютно единое, никак не дифференцированное ни в пространстве, ни во времени.

На одном из международных ориенталистических конгрессов среди вопросов для обсуждения числился и такой: «Какими причинами может быть объяснена неподвижность новоперсидского языка, не претерпевшего с X столетия (а, по всей вероятности, и ранее) до сих пор почти никаких изменений в грамматических формах?». И лишь обращение к живым формам современного персидского и современного таджикского языков показало, что эта «неподвижность» была только кажущейся, что в действительности на протяжении этого периода в языке произошли весьма серьезные сдвиги, развитие которых скрыто от глаз исследователя за оболочкой традиционной, консервативной письменности.

Действительно, на примере персидского (новоперсидского) литературного языка, распространенного в средние века на огромной территории Средней Азии, современных Ирана и Афганистана, а также сопредельных областей Закавказья, Малой Азии, Индии и Восточного Туркестана, можно наблюдать явление очень ранней унификации языка письменности, выработки литературного стандарта, на который ориентировались авторы и переписчики, писавшие в разное время и в разных областях всей этой территории ⁴⁹.

Эта унификация отчетливо проявляется в памятниках, начиная, во всяком случае, с XII в. [Lazard 1963, 23], а, по заключению некоторых специалистов, уже в период с конца IX по начало XVI в. на всей указанной территории «персидский литературный» (подчеркнуто мною. — И. О.) язык не обнаруживает признаков какой-либо дифференциации локального характера в области морфологии, синтаксиса и словарного состава» [Болдырев 1955, 79]. Сказанное не означает, разумеется, что между живой персидской (таджикской) речью бухарцев IX и XVI вв. не было никаких различий или что не было никаких различий между речью жителей Бухары и Нишапура, Кобадияна и Балха, Туса и Шираза, Герата и Газны. Сказанное означает только, что процессы изменения живого языка, различия диахронического и диалектного характера, в существовании которых невозможно сомневаться и которые подтверждаются рядом косвенных данных и всем ходом последующего развития, не падали или почти

⁴⁹ Любопытно отметить, что этот консерватизм, ориентация на «классический», «культурный» язык (т. е. на язык классиков) находит отражение и в некоторых современных составленных в Иране грамматиках персидского языка, которые часто игнорируют факты современного языка (например, формы типа *dārām mirāvām* 'я иду [в настоящий момент]' и *daštām mirāftām* 'я шел [в определенный момент прошлого]') и в то же время подробно описывают формы, в современном языке уже не употребляемые (например, суф. -i, обозначавший в классическом новоперсидском длительность действия) [Yarshater, 1970, 670].

не находили отражения в арабографичной новоперсидской письменности.

Тщательное изучение современных персидского и таджикского языков выявило, что за тысячелетие, отделяющее эти языки от языка эпохи Рудаки—Фирдоуси, в их развитии произошли весьма серьезные сдвиги, радикально затронувшие не только лексику (что признавалось и раньше), но и фонетику и грамматический строй. В области фонетики могут быть отмечены такие характерные процессы, как утрата фонологического значения признаком длительности и переход от восьми- к шестифонемной системе вокализма — процессы, общие для персидского и таджикского языков, но протекавшие в них различными путями и давшие различные результаты; в области морфологии, синтаксиса, словообразования — изменения в функциях предлогов и послелога -гā, энклитических местоимений, развитие категории сложноименных предлогов, интенсивное развитие сложноименных и новых префиксальных глаголов (с предлогами и наречиями в префиксальном употреблении). И в персидском, и в таджикском протекали — различными путями и с разной степенью интенсивности — процессы развития аналитических видовременных форм глагола.

Однако, даже имея более или менее приближенное представление об исходном (для новоперсидского) и нынешнем этапах этих процессов, мы в силу указанных выше обстоятельств не можем рассматривать эти процессы в деталях, в конкретном их развертывании, не можем установить по памятникам письменности время и место возникновения и закрепления в языке тех или иных грамматических инноваций, фонетических переходов диалектных особенностей и т. п.⁵⁰

Лишь изредка в этой степени традиционной, консервативной письменности (обычно в сочинениях, не носящих специфически литературного характера) образуются небольшие «проломы», сквозь которые удается наблюдать реальные процессы языковой жизни. Так, например, в языке сочинения XVI в. «Маджмӯ ат-таварйх» (из Ферганы) удалось выделить [Тагирджанов 1960, 13—21] ряд особенностей, не свойственных языку персидско-таджикской литературы того времени, но характерных для современного таджикского. Среди них: употребление аналитических глагольных форм «настоящего продолженного» [tarāšida istāda ast 'вытесывает, строгаёт' (в данный момент)] и «прошедшего продолженного» [jang karda istāda būd 'сражался'] времен; употребление сложнодепричастных глаголов (girifta māndand 'задержали', burida raft 'отсёк', gurēxta āmad 'прибежал', x'ānda did 'просмот-

⁵⁰ Общее направление и отдельные этапы этих процессов могут быть в некоторых случаях прослежены с помощью сопоставления живых диалектов, отражающих — в силу неравномерности темпов языкового развития — различные этапы преобразования исходной системы [см. Расторгуева 1973, 164 и сл.].

рел, прочитал', *basta girift* 'связал' и т. д.), окончания *-ētān* (2 л. мн. ч. повелительное наклонение — *dafn kunētān* 'похоропите'), личного местоимения *vaī* (3 л. ед. ч.), некоторых характерных лексем (*ḥavli* 'двор', *kalān* 'большой').

Указанное сочинение — это, по-видимому, самый ранний из известных в настоящее время памятников письменности⁵¹, в котором специфические грамматические и лексико-грамматические черты таджикского языка, отличающие его от персидского, фиксируются последовательно (эпизодически и разрозненно отдельные такие черты встречаются и в языке памятников ранненовоперсидской и даже среднеперсидской литературы). При этом, отражение в тексте сочинения XVI в. указанных языковых инноваций отнюдь не означает, разумеется, что эти инновации только начали развиваться в период создания или переписки данного текста. Напротив, появление таких инноваций скорее указывает на то, что в период создания или переписки текста эти инновации уже закрепились в языке и были широко распространены в живой речи.

Точно так же вторжение лексических элементов народно-разговорной речи в язык некоторых сочинений начала XVI в., отражающих идеологию городских слоев того времени (Болдырев 1957, 277—278, 301—304), может свидетельствовать о широком распространении этих лексических элементов среди горожан-таджиков Мавераннахра и Хорасана. Такие специфически таджикские черты «прорываются» и в некоторых других «среднеазиатско-персидских» («бухарско-персидских») текстах позднего средневековья⁵², и только по этим «прорывам» исследователь может судить о процессах развития морфологических, синтаксических и лексических черт таджикского языка, которые отличают его от персидского.

Материалом для суждения о фонетических сдвигах в тех или иных иранских языках могут иногда служить также писцовые ошибки, так называемые «неграмотные» написания, т. е. непро-

⁵¹ Правда, сочинение дошло до нас только в двух относительно поздних списках (один конца XVIII в., другой XIX в.), однако, по заключению А. Т. Тагирджанова [1960, 53], оно «не является более поздней редакцией».

⁵² Едва ли не первым исследователем, обратившим внимание на грамматические и лексические особенности «персидско-бухарского языка» («*le persan de Bukharie*»), был известный петербургский ориенталист О. И. Сенковский. Еще в 1824 г. в издании выдержек из «Тезкире-и Муким-хани» (начало XVIII в.) Сенковский отметил некоторые грамматические и лексические особенности этого сочинения, в т. ч. такую характерную для таджикского языка черту как употребление причастий на *-agi*: *istodagi*, *farmudagi* и т. п. [См. Senkowski, 1824, 115—116, 131—132]. Наиболее полная для XIX в. сводка «диалектических отличий употребительного у бухарских таджиков персидского языка» принадлежит известному историку Востока, профессору В. В. Григорьеву [Григорьев 1861, 111—125]. Сводка Григорьева была дополнена впоследствии Ф. Тойфелем (Teufel, 1884, 241 и сл.), одним из первых, если не первым, автором, применившим термин «таджикский» по отношению к языку.

извольные нарушения орфографической нормы, вносимые в текст под влиянием живого произношения⁵³. Наиболее наглядно проявляются такие скрытые до поры до времени языковые изменения при переходе на новую — для данного иранского языка — систему письма (что связано обычно с причинами историко-культурного характера, в прошлом чаще всего — с различной конфессиональной принадлежностью тех или иных слоев населения) или же при сопоставлении одноязычных текстов, дошедших до нас в различных графических системах.

При этом нередко вскрывается парадоксальное на первый взгляд явление: памятник, хронологически более поздний, может отражать ступень языкового развития, значительно более раннюю, чем памятники, предшествующие ему во времени, и, наоборот, памятник, хронологически более ранний, может отражать ступень языкового развития, значительно более позднюю, чем памятники, следующие за ним во времени. Среднеперсидские манихейские тексты (древнейшие сочинения относятся к III в., списки — преимущественно к VIII—IX вв.), создавшиеся и переписывавшиеся в иноверной, оторвавшейся от зороастрийской культурной и письменной традиции среде, отражают более поздний этап развития персидской фонетики и морфологии, чем памятники «книжно-пехлевийской» литературы, написанные позднее (основные сочинения относятся к VI—IX вв., древнейшая сохранившаяся рукопись датирована 1323 г.), но скованные окаменевшей орфографической традицией.

Ряд грамматических и словообразовательных форм, характерных для среднеперсидского, но уже не встречающихся в классическом новоперсидском, сохраняют некоторые памятники иудейско-персидской письменности, относящиеся ко времени значительно более позднему, чем ранненовоперсидские арабографичные тексты. Так, например, в иудейско-персидском комментарии на Иезекиля (правда, недатированном, но относящемся ко времени, во всяком случае не ранее XI—XII вв.) зафиксированы формы среднеперсидского пассива настоящего времени (*tnghy* 'тебя мучают', *rgybyhd* 'его обманывают' и т. п.), отглагольные имена действия на *-išn* (ср.-перс. *-išn*, н.-перс. *-iš*), суффикс множественного числа *-yh'* (ср.-перс. *-ihā*, н.-перс. *-hā*) [Salemann 1900; Henning 1958, 81].

Точно так же неожиданные во многом результаты дало в свое время обращение к «иудейско-персидским» (точнее «иудейско-

⁵³ Применительно к изучению живых языков Л. В. Щерба называл «неграмотные» написания, произвольные нарушения грамматических конструкций и тому подобные явления «отрицательным языковым материалом» и указывал на то, что роль этого материала «громадна и совершенно еще не оценена в языковедении» [Щерба 1974, 32—33]. Разумеется, при изучении языка текстов, в том числе текстов ираноязычных, получить «отрицательный материал» значительно труднее, ибо пишущий обычно сознательно избегает всяких lapsusов и «вольностей», естественных для живой речи.

таджикским) текстам, происходящим из среды таджикоязычного, иудейского по вероисповеданию населения Средней Азии. Исследование этих текстов, писанных на таджикском языке вокализованным (пунктированным) еврейским письмом и не скованных орфографической традицией, позволило установить ряд важных особенностей таджикской фонетики, скрытых от исследователей арабографичных персидско-таджикских текстов за оболочкой консервативной арабско-персидской письменности.

В этих текстах отражено, например, весьма существенное для таджикского, но отсутствующее в современном персидском противоположение между историческими долгими *ī*, *ū* и «маджхульными» *ē*, *ū*: *radīd* 'видимый', но *zēr* 'внизу', *būd* 'был', но *rūz* 'день' (в арабской графике *ī* и *ē*, *ū* и *ū* обозначаются соответственно одним знаком). В этих текстах можно наблюдать и ряд других фонетических и грамматических явлений, характерных для живого таджикского языка: оглушение конечного *-d* в формах 3 л. ед. ч. (*na-tavānat* 'не сможет') и 2 л. мн. ч. (*guzāret* 'позвольте') (в арабографичном написании *ntv'nd*, *gz'ryd*), употребление личных местоимений *māuān* (1 л. мн. ч.), *šumāuān*, *šumāhān* (2 л. мн. ч.) (н.-перс. *mā*, *šumā*), основы наст. вр. *mur*- 'умирать' (н.-перс. *mīr*-) и *šin*- 'сидеть' (н.-перс. *nišin*-) и т. д. [Salemann 1897].

Как показывает анализ иудейско-персидских текстов, происходящих из различных пунктов Ирана, Афганистана, Средней Азии и сопредельных областей и отражающих развитие различных персидских (и таджикских) диалектов на протяжении более чем тысячелетнего периода (древнейший известный текст относится ко времени не позднее VIII в.), эти тексты имеют весьма важное значение для изучения истории персидского языка и персидско-таджикской исторической диалектологии (из последних работ см. Lazard 1968 с литературой вопроса).

Известный материал для суждения о характере и направлении происходивших в иранских языках сдвигов (чаще всего фонетических) может дать также анализ заимствований из данного языка, сохранившихся в памятниках иноязычной письменности. Так, например, в некоторых древнеперсидских словах, именах собственных, топонимах, зафиксированных эламскими табличками из древнего Персеполя (509—458 гг. до н. э.), наблюдаются фонетические сдвиги (падение конечного *-a*, переходы *-ḡr- > -hr-*, *-gn- > -gr-*, стяжение *-iyā- > -ā-* и т. п.), характеризующие последующий (среднеперсидский) этап развития персидского языка. Ср., например, *ha-na-ma-ak* = др.-перс. *anāma-ka* — 10-й месяц древнеперсидского календаря (букв. 'безымянный'), *šu-ur-ma-ir* = др.-перс. *šūravāhara* — 2-й месяц древнеперсидского календаря, *Har-ri-pir-tan* = др.-перс. **Āryabrdāna* (н. с.), *Mi-iš-ba-ik* = др.-перс. **Vispaka* (н. с.); ср. также параллельные написания имен собственных *Ša-ti-par-tan-na* и *Ši-ya-ti-par-da-tan-na*, *Zi-ut-ra-me-sa-na* и *Zi-ra-me-sa-na*, отражающие переходы *-iyā- > -ā-*

(др.-перс. *šiyāti* - 'благоденствие' > ср.-перс. *šāt*) и -šr- > -(h) r- (др.-перс. *šīdʾa* > ср.-перс. *šīhr*), или параллельные написания топонима *Par-na-ma-ti-iš* (**Farnahvatī*-) и *Par-rak-ma-ti-iš* (**Farraxvatī*-), второе из которых отражает уже произношение, характерное для среднеперсидского (*farr*⁵⁴).

Различия в графической передаче этимологически тождественных иранских слов и имен собственных или же исторически одних и тех же звуков (групп звуков), наблюдаемые в древнеперсидских надписях и в иноязычных текстах, дают исследователям основание думать, что графические различия отражают различия диалектные (например, мидийско-персидские)⁵⁴ или же диахронические.

Так, например, анализ древнеперсидских имен собственных, зафиксированных эламскими табличками из древнего Персеполя (некоторые из них приведены выше), позволил М. Майрхоферу (Mayrhofer 1973, 912 сл.) выделить в этих именах по фонетическим признакам три диахронических пласта — додревнеперсидский, древнеперсидский и с признаками постдревнеперсидскими. В известной мере такие предположения, вероятно, справедливы. Вполне возможно, что эламские писцы слышали и передавали древнеперсидские слова уже не в той фонетической форме, в которой они зафиксированы древнеперсидскими надписями.

При учете всех этих факторов необходимо однако, иметь в виду, что различия, представляющиеся нам два с половиной тысячелетия спустя как различия диахронического (или диалектного), характера, могут в действительности в значительной степени объясняться синхронно сосуществовавшими в одной и той же языковой среде произносительными вариантами, колебаниями в произношении, находившими то или иное отражение в письме — и не только в эламском или, скажем, вавилонском, но и в собственно древнеперсидском⁵⁵.

С учетом всех этих обстоятельств анализ разнонаписаний дает обильный материал для истории персидского языка и ее периодизации. Если даже эти разнонаписания отражают в какой-то своей части не диалектные и не диахронические различия, а синхронно сосуществовавшие в одной и той же языковой среде произноситель-

⁵⁴ Трактовка этого вопроса, имеющего первостепенное значение для иранского сравнительно-исторического языкознания, вызвала в последние годы оживленную полемику. [См. главным образом: Gershevitch, 1964; Mayrhofer, 1968; ср. также: Абаев 1968, 250—255 («мидийские» элементы в персидском)].

⁵⁵ Эти различия могут быть также следствием неустоявшейся орфографической традиции, трудностей, возникавших перед писцами при попытках зафиксировать живой древнеперсидский язык средствами древнеперсидской — или какой-либо иной — клинописи. Бехистунская и другие надписи Дария I были одной из первых (по мнению ряда ученых, первой) попыток применения только что созданной древнеперсидской клинописи, и трудно ожидать, чтобы к тому времени уже сложилась устойчивая писцовая традиция, обеспечивающая единообразное написание всех возможных произносительных вариантов слова.

ные варианты, то само сопоставление этих вариантов позволяет судить о тенденциях, о возможных направлениях развития языковой системы, более того — об уже зарождавшихся в ней элементах нового качества. Ибо сами сосуществующие фонетические, морфологические, синтаксические и словообразовательные варианты, наличие которых является признаком любой живой языковой системы и необходимым условием ее развития (ср. Щерба 1974, 30—31, 36, 49—50 и др.), соотносятся друг с другом не только синхронически, но и диахронически, «как архетипы с неотипами», и «любому переходу от архетипа к неотипу предшествует период сосуществования архетипа с неотипом (или с конкурирующими неотипами)» [Цукерман 1973, 142; 1969, 56 сл.].

Сталкиваясь с наличием разнонаписаний в древнеиранских текстах — текстах обычно немногочисленных и ограниченных по объему, историк иранских языков, как мне представляется, всегда будет стоять перед мучительным вопросом: отражают эти разнонаписания отсутствие устоявшейся орфографической традиции или писцовую ошибку, «неграмотное» написание, за которым — вопреки «грамотному» (историческому) написанию — скрывается реальное произношение, наличие синхронно сосуществующих в одной и той же языковой среде фонетических и грамматических вариантов или уже закрепившиеся сдвиги диахронического или диалектного характера? И чем меньше текстов в распоряжении исследователя, тем, разумеется, труднее с уверенностью ответить на этот вопрос.

В древнеперсидском устойчиво сохраняется, как известно, группа -rt-, однако уже на одной из ваз с именем Артаксеркса читается a-r-d-x-š-θr (ardaxšaθra-) против обычного a-r-t-x-š-θr (artaxšaθra-). Дает ли это основание считать, что уже в древнеперсидском наметилась тенденция к переходу -rt- > -rd-, отчетливо проявившаяся в значительно более поздний период истории персидского языка? Ведь еще тысячелетие спустя в пехлевийских текстах устойчиво сохраняется группа -rt- (mart 'мужчина' < martiya-). В то же время написания иранских слов в арамейской версии кандагарской надписи Ашоки (середина III в. до н. э.) указывают на язык древнеиранского (а не среднеиранского) типа: patī (с t и i), frabastī (с конечным гласным) и т. п. [Schlumberger. . . 1958, 44].

По-видимому, на протяжении всей истории ираноязычных текстов можно наблюдать две противоречивые тенденции — с одной стороны, архаизирующую тенденцию, выражающуюся в исторической орфографии и консервативности литературной нормы, с другой стороны, тенденцию, обусловленную действием живого языка, под влиянием которого переписчики — вольно или невольно — приспособляли орфографию, лексические и грамматические особенности переписываемого текста к произношению, грамматическим нормам и вкусам своего времени и, разумеется, соответствующей социальной среды.

Специфика источников и отражение ее в исследовательской практике. Из вышеизложенного видно, в какой степени историк иранских языков зависит в исследовательской своей практике от наличия текстов, их объема и характера, временной их отнесенности, от уровня и возможностей их филологической интерпретации. Изучая историю конкретного иранского языка или иранской языковой семьи в целом, исследователь постоянно обнаруживает отсутствие или недостаточность памятников, фиксирующих историю того или иного языка на том или ином этапе его развития, обширные лакуны в письменной документации, отсутствие достоверной датировки текстов, несовершенство и непоставимость графических систем, в которых эти тексты дошли до нашего времени, консервативность орфографии и литературной нормы и многие другие обстоятельства, затрудняющие исследование динамики языковых процессов.

Многие и многие ираноязычные тексты прошли длительный (нередко тысячелетний) и сложный путь изустной или письменной передачи, так что основанные на этих текстах историко-лингвистические исследования неизбежно зависят от предварительной их источниковедческой и филологической обработки — датировки и локализации самого текста и его списков, установления традиции передачи, подготовки критических изданий и т. п. Все это вместе взятое определяет глубокую зависимость иранского исторического языкознания от иранской филологии и теснейшую взаимосвязь двух этих дисциплин, тем более отчетливую, чем древнее язык исследуемых памятников.

Один из первых вопросов, с которым сталкивается историк иранских языков, это вопрос об отношении письма к языку, о том, в какой мере отражает то или иное письмо фонетическую и грамматическую систему данного языка на данном этапе его развития. Многочисленные графические системы, применявшиеся или применяемые для фиксации иранских языков не позволяют с достаточной объективностью установить реальное звучание того или иного иранского языка и изменения в его звуковом составе в тот или иной период его развития.

Знаки древнеперсидской клинописи, представляющей известное смешение письма сллабического и письма алфавитного, могут отражать либо сочетание звуков (согласный + гласный), либо отдельный звук (согласный или гласный), и решение вопроса о реальном звучании древнеперсидского слова требует привлечения сравнительного материала (как из истории иранских языков, так и из ближайше родственного древнеиндийского) и соответствующей интерпретации. Ряд специфических трудностей, объясняемых условиями записи и передачи авестийского текста, вызывает также фонологическая интерпретация языка Авесты [Расторгуева и др. 1975, 1, 20 и сл.].

В системах письма, использовавшихся для записи среднеиранских языков, гласные звуки, как правило, не отражались; буквы

для многих согласных и лигатуры также не однозначны и допускают различное прочтение и фонетическое истолкование. Реальное звучание значительной части лексики скрыто, кроме того (в пехлевийском, согдийском, парфянском, древнехорезмийском письме) за идеограмматическими (гетерографическими) написаниями. Не обозначаются краткие гласные и недостаточно последовательно обозначаются долгие гласные также в системах письма, основанных на арабской графике. Поэтому при описании языкового материала (особенно материала древне- и среднеиранского) в иранистической литературе применяется обычно не транскрипция, основанная во многом на предположениях исследователя о возможном звучании языка, зафиксированного древним текстом, а транслитерация, передающая только написание оригинала и не претендующая на большее.

Иногда применяются параллельно и транслитерация, и транскрипция. В этом случае транслитерация служит для воспроизведения оригинального написания, а транскрипция указывает на фонетическую (и грамматическую) интерпретацию данного написания исследователем. Особые приемы выработаны в иранистической литературе также для передачи семитических идеограмм (гетерограмм), используемых в среднеперсидской (пехлевийской), парфянской, согдийской и древнехорезмийской системах письма.

Значительные и — при нынешнем состоянии наших знаний — часто непреодолимые трудности, возникающие при сопоставлении языкового материала, зафиксированного разнородными текстами, вынуждают ученых ограничивать свои грамматические исследования материалом отдельных групп памятников. Мы имеем, скажем, грамматические очерки (в том числе и новейшие) «книжного пехлеви» [Salemann 1901; Расторгуева 1966₁] и имеем грамматические описания глагольной и именной системы языка среднеперсидских манихейских текстов [Henning 1933; Рагоза 1963], но не имеем пока среднеперсидской грамматики, охватывающей весь известный среднеперсидский языковой материал. Точно также, имея ряд исследований по языку отдельных групп согдийских памятников; в том числе новейшую грамматику языка согдийско-манихейских текстов [Gershevitch 1954] и сжатый грамматический очерк языка согдийских документов с горы Муг [Боголюбов 1960; 1963], мы не имеем пока исчерпывающей согдийской грамматики, охватывающей весь согдийский языковой материал. Издано также немало глоссариев к отдельным памятникам (или группам памятников) среднеперсидской, парфянской, согдийской, хотаносакской письменности, однако сводные словари, охватывающие всю дошедшую до нас лексику этих среднеиранских языков, пока не составлены.

На рубеже XIX и XX вв., когда из всех среднеиранских языков был известен только среднеперсидский, а о многих современных иранских языках и диалектах не имелось никакого (или почти никакого) представления, оправданной и целесообразной

представлялась трехчленная схема периодизации (древнеперсидский — среднеперсидский — новоперсидский). Благодаря огромному приросту материалов по средне- и новоиранским языкам, принесенному открытиями и исследованиями XX в., перед историческим иранским языкознанием открылись совершенно новые горизонты, но то, что казалось ясным в начале века, выглядит в настоящее время намного сложнее, и, даже располагая письменными памятниками, документирующими парфянский, согдийский и хотаносакский языки на протяжении ряда столетий, а персидский на протяжении двух с половиной тысячелетий, иранское языкознание не в состоянии дать сегодня лингвистически обоснованную периодизацию истории этих языков, как и истории иранской языковой семьи в целом.

ВОПРОСЫ ИСТОРИКО-ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Проблематика и состояние исследований. Историко-диалектологическая классификация иранских языков ставит своей целью выяснение того места, которое заняли отдельные языки в системе иранских языков в ходе исторической ее эволюции, и тем самым историческое объяснение взаимоотношений между иранскими языками и их группировками в различные периоды их развития. Более или менее полное разрешение этой проблемы — одной из самых сложных проблем иранского языкознания — упирается в значительные трудности, главные из которых определяются спецификой материала — в первую очередь, отсутствием сведений о прямых предшественниках многочисленных средне- и новоиранских языков, а также состоянием исследований в области исторического иранского языкознания.

Особенно велики трудности, возникающие при попытках классификации многочисленных бесписьменных (или малописьменных) иранских языков и диалектов. Предстоящая здесь перед исследователем картина весьма сложна и фрагментарна, многие промежуточные звенья, которые, вероятно, могли бы пролить свет на отношения между отдельными языками (диалектами) уже безвозвратно утрачены, да и в отношении сохраняющихся еще бесписьменных иранских языков (диалектов) уровень исследований недостаточно высок. Сложность проблемы определяется не только ограниченностью наших знаний [ср., например: Mann-Hadank 1906—1932, III/I, S. XVI; Morgenstierne 1958, 167], но и отсутствием разработанной системы критериев, которая могла бы лечь в основу классификации.

Отдельные изоглоссы или дифференции, объединяющие или, напротив, отделяющие друг от друга родственные иранские языки и диалекты (группы диалектов), пересекаются нередко самым причудливым образом, образуя сложную сеть пересекающихся линий частичных сходств и различий. При этом трудно, а подчас и невозможно выделить такой языковой признак (сумму признаков), который четко характеризовал бы данный иранский язык (диалект) или группировку языков (диалектов) в противоположность всем остальным. Между тем, ясно, что критерием для установления более тесной (чем общеиранская) языковой общности могут служить только такие положительные соответствия двух или нескольких иранских языков, которыми бы они совместно отличались от всех остальных.

Специфические трудности возникают при попытках разграничения и классификации близкородственных языков и их диалектов. В ряде случаев распространенные на обширных территориях языковые массивы представляют по существу непрерывный континуум тесно связанных друг с другом диалектов, отделенных друг от друга незначительными говорными различиями. Таков, например, громадный массив персидско-таджикских диалектов, распространенных на территории Ирана, Афганистана и Средней Азии. Провести четкую лингвистическую границу между говорами персидскими и таджикскими вряд ли возможно, и выделение из этого массива собственно персидских говоров современного Ирана и таджикских говоров Средней Азии, а также «афганско-персидских» (или «афганско-таджикских») говоров современного Афганистана обусловливается не столько лингвистическими признаками этих говоров [ср. Farhâdi 1955, 2—3], сколько причинами социально-исторического и культурно-исторического характера: конкретной историей носителей этих говоров, их национальным самосознанием, политическими границами, наличием самостоятельных литературных языков (соответственно персидского, таджикского, теперь также языка «дари» в Афганистане), на которые ориентируются и под влиянием которых развиваются соответствующие говоры.

Еще нагляднее становятся такого рода трудности при попытках разграничения и классификации бесписьменных диалектов. Так, например, талышские говоры Азербайджанской ССР переходят постепенно в говоры Иранского Талыша (говоры Масала, Асалема, Шандермана и т. д.), последние смыкаются, с одной стороны, с некоторыми говорами Гиляна (говор сел. Масуле и др.), с другой стороны, — с говорами области Халхал (диалект Шахруда и др.) в Иранском Азербайджане и т. д. Как уже отмечалось, при современном уровне исследований даже вопрос о том, представляет та или иная разновидность иранской речи самостоятельный иранский язык или же только диалект какого-то иного иранского языка далеко не всегда возможно решить с достаточной степенью уверенности.

Проблема классификации иранских языков встала перед иранским языкознанием уже на рубеже XIX и XX вв. При всей ограниченности имевшихся к этому времени материалов уже тогда были выделены важнейшие признаки, отделяющие персидский от других иранских языков и диалектов, и заложены основы генетической классификации иранских языков [Geiger 1898—1901, 412—423]. Приток обширных материалов по средне- и ново-иранским языкам поставил перед иранским языкознанием XX в. новые проблемы, потребовал дальнейших углубленных исследований в области сравнительно-исторической диалектологии.

Особенно важное значение для классификации иранских языков имело диалектологическое исследование среднеиранских текстов из Восточного Туркестана [Salemann 1907₃; 1908, 149—150, 160; Andreas 1910; Mann, Hadank 1906, I, 15; Tedesco 1921]. Разработанные в этих трудах положения, дополненные и уточненные в обобщающих работах последующих десятилетий [Bailey 1936; Henning 1958, 89—120; Morgenstierne 1958₁, 167—176; Оранский 1960, 135—140, 212—222, 341—352; 1963, 171—190], лежат в основе современных представлений об историко-диалектологической классификации иранских языков. Многие важные звенья и детали остаются, однако, неясными и требуют дальнейшего скрупулезного исследования, успехи которого во многом будут зависеть от результатов исторического изучения конкретных иранских языков и диалектов.

Принципы историко-диалектологической классификации иранских языков. Основные критерии. Историко-диалектологическая классификация иранских языков основана на их истории, магистральным процессом которой был процесс постепенной дифференциации первоначальной иранской языковой общности. Изучение истории иранских языков показывает, что чем глубже в древность, тем ближе эти языки друг к другу; чем ближе к современности, тем глубже расхождения между ними ⁵⁶.

Ср., например, совр. перс. *pedār* 'отец', *pesār* 'сын', *pā(y)* 'нога' и осет. (диг.) *fidā*, *furt*, *fad* с теми же значениями. На первый взгляд, между приведенными персидскими и осетинскими словами нет ничего общего, обратившись, однако, к истории этих языков, убеждаемся, что совр. перс. *pedār*, *pesār*, *pā(y)* восходят через длинный ряд промежуточных форм к др.-перс. *pitā* (косв. пад. *pitar-*) 'отец', *puδra-* 'сын', *pāda-* 'нога' и точно также совр. осет. *fidā*, *furt*, *fad* восходят к древнеосетинским (скифским) *pitā* (косв. пад. *pitar-*), *puδra-*, *pāda-*.

Таким образом, в эпоху существования древнеперсидского и древнеосетинского (скифского) языков, т. е. примерно в сере-

⁵⁶ Сказанное не снимает, разумеется, признания важности процессов конвергенции в истории иранских языков и диалектов. Как явствует из вышеизложенного, эти процессы играли и продолжают играть весьма важную роль в развитии иранской языковой семьи.

дине I тыс. до н. э., различия между ними были еще очень невелики, эти языки еще очень недалеко отошли от общеиранского состояния, являясь, по существу, близко родственными диалектами общеиранского. Однако за два с половиной тысячелетия, отделяющие современный персидский от древнеперсидского и современный осетинский от древнеосетинского (скифского), в каждом из этих языков произошли весьма существенные изменения, выразившиеся в различных преобразованиях изначально общего исходного материала.

Как это будет видно из дальнейшего, начальное др.-ир. р сохранилось в персидском с древнейших времен до наших дней, но перешло в f- в осетинском; поствокальное др.-ир. d сохранилось в осетинском, но перешло в y в персидском; конечный безударный гласный отпал и в осетинском, и в персидском; др.-ир. ā дает совр. перс. ā, осет. а. Отсюда ясно, что, скажем, совр. перс. rā(y) и совр. осет. fad 'нога' восходят к одному и тому же древнеиранскому прототипу, далеко разошедшимися видоизменениями которого они являются:

др.-ир. *pāda- $\begin{cases} \nearrow *pād > pāy > rā(y) \text{ (перс.)} \\ \searrow *pād > fad > fad \text{ (осет.)} \end{cases}$

Ср. также ав. rād- 'нога', согд. r'δ, тадж. ро(y), тат. rāy, бел. rād, курд. r'e (курм.) / ре (мукр.), авр. rā/rāj, тал. ро, ягн. rōda, руш. rōδ, язг. rēδ, ишк. ru(d) и т. д.

Языки древнеиранские стоят ближе друг к другу, чем среднеиранские, среднеиранские ближе друг к другу, чем продолжающие их новоиранские. Ягнобский (новосогдийский) дальше отстоит от современного персидского, чем его предок — согдийский отстоял от среднеперсидского — предка современного персидского. Ср., например, согд. w't 'ветер', 'r 'вода' со ср.-перс. (пехл.) wāt (w't), āp('p) и ягн. (новосогдийское) wot, ор с н.-перс. bād, āb, совр. перс. bād, āb.

Различия в характере и темпах эволюции определяют различную степень общности между отдельными иранскими языками и языковыми группировками, различную глубину расхождений между ними. Чем глубже дивергенции между двумя взятыми порознь иранскими языками (языковыми группировками), тем к более глубокой древности относится дифференциация этих языков (языковых группировок); и, напротив, если дивергенции между двумя иранскими языками незначительны, то это указывает, как правило, на относительно позднее время возникновения и развития этих дивергенций. Дифференциация, скажем, между современными персидским, осетинским, афганским, шугнанским языками зашла настолько далеко, что эти языки взаимно непонятны их носителям, и генетическое их родство устанавливается лишь на основе сравнительно-исторического исследования. В других случаях родство между отдельными иранскими языками

лежит на поверхности; ср., например, современные персидский и таджикский языки. Уровень дивергенции между ними невелик, что указывает на относительно позднее ее возникновение.

Общность исходного языкового материала и системный характер его эволюции в каждом конкретном языке определяют наличие закономерных соотношений между отдельными иранскими языками, особенно наглядных в звуковой системе этих языков и выражающихся в регулярных звукосоответствиях между ними. В самом деле, если, скажем, всякое не поствокальное др.-ир. *p* отражается в персидском, таджикском, белуджском, курдском, афганском и рушанском языках как *p*, а в осетинском как *f*, то это означает, что всякому перс., тадж., бел., курд., афг., руш. *p*, восходящему к др.-ир. *p*, будет закономерно соответствовать осет. *f*. Ср. совр. перс. *porš-*, тадж. *purs-*, бел. *purs-*, курд. *pərs-*, афг. *pušt-*, руш. *paus-* 'просить, спрашивать' (осн. наст. вр.) // осет. (диг.) *färs-* (< др.-ир. *pŕs-*); совр. перс. *pedār*, тадж. *padar*, бел. *pis*, афг. *plār*, руш. *peđ* 'отец' // осет. (диг.) *fidā* (< др.-ир. *pitar-*); совр. перс. *pesār*, тадж. *pisar*, курд. (курм.) *pəs*, руш. *pus* 'сын' // осет. (диг.) *furt* (< др.-ир. *puθra-*); совр. перс. *pā(y)*, тадж. *po(y)*, бел. *pād*, курд. (курм.) *p'e*, руш. *pūō* 'нога' // осет. (диг.) *fad* (< др.-ир. *pāda-*); совр. перс. *āsp*, тадж. *asp*, бел. *asp*, курд. (курм.) *hāsp* 'лошадь', 'конь' // осет. (диг.) *āfsā* 'кобыла' (< др.-ир. *aspa-*); совр. перс. *pānĵ*, тадж. *pañĵ*, бел. *pañč*, курд. (курм.) *peñĵ*, афг. *pindzā*, руш. *pīndz* 'пять' // осет. (диг.) *fondz* (< др.-ир. *panča-*) и т. д.

Точно так же сохранение начального др.-ир. *š* в персидском, таджикском, согдийском, татском, белуджском, курдском, талышском и преобразование этого звука в *s* в осетинском, афганском и рушанском обуславливает закономерную фонетическую корреспонденцию перс., тадж., согд., тат., бел., курд., тал. *š* // осет., афг., руш. *s*. Ср. ср.-перс. *šarm*, совр. перс. *šārm*, тадж. *šarm*, согд. *šrmyh*, тат. *šār*, бел. *šarm*, курд. (курм.) *š'ārm* 'кожа, шкура' // осет. (диг.) *saŕm*, афг. *šərmān* (< др.-ир. *šarman-*); ср.-перс. *šāsm*, совр. перс. *šāšm*, тадж. *šāšm*, согд. *ššm*, тат. *šüm*, бел. *šam(m)*, курд. (курм.) *šaw*, тал. *šaš* 'глаз' // осет. (диг.) *cāstā*, руш. *cām* (< др.-ир. *šāšman-*); ср.-перс. *šahār*, совр. перс. *šāhār*, тадж. *šor*, согд.-христ. и согд.-будд. *štī'r*, согд.-будд. *štβ'r*, тат. *šār*, бел. *šār*, курд. *šar*, тал. *šo* 'четыре' // осет. (диг.) *surraŕ*, афг. *salor*, руш. *sačūr* (< др.-ир. *saθvar-*) и т. д.

Устойчивость и регулярность историко-фонетических корреспонденций между иранскими языками предопределяет их использование в качестве наиболее надежного критерия при историко-диалектологической классификации. Разумеется, наиболее исчерпывающую картину могла бы, вероятно, дать классификация, учитывающая весь комплекс языковых признаков, однако использование признаков морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических в качестве критериев для классификации иранских языков не позволило получить пока сколько-нибудь надежные результаты.

Так, например, наличие глагольных форм прошедшего времени, образованных от основы настоящего времени при помощи аугмента а-, в древнеперсидском (a-šiyav-am 'я пошел', a-kupav-am 'я сделал') и современных талышском (a-š-im 'я ходил', a-dəzd-iš 'ты обворовывал') и ягнобском (a-šaw-im 'я пошел', a-nos-im 'я взял', žūta . . . a-purs 'мальчик. . . спросил') языках не дает оснований для объединения этих языков в одну подгруппу внутри иранских (древнеиранские формы с аугментом, хорошо представленные в древнеперсидском, были утрачены в ходе дальнейшего развития персидского языка, но сохранились в талышском и ягнобском).

Точно так же наличие эргативной конструкции (в различных ее разновидностях) в древнеперсидском, афганском, ормури, парачи, курдском (курманджи), талышском, ягнобском, язгулямском и некоторых других иранских языках и диалектах при отсутствии этой конструкции в персидском, таджикском, татском, мазандеранском, гилянском, некоторых диалектах шугнано-рушанской группы, ишканимском и т. д. не может служить достаточно четким и надежным критерием для классификации иранских языков. Не вполне доказательной оказалась также попытка Х. Бэйли объединить по лексическим признакам в одну группу хорезмийский, согдийский, осетинский, хотаносакский и афганский [см. Henning 1958, 109, Anm. 1].

Таким образом, основным критерием классификации иранских языков и диалектов служат признаки историко-фонетические, другие языковые признаки привлекаются лишь ограниченно и в качестве дополнительных критериев.

Одним из важнейших классификационных критериев служит совокупность общих инноваций, ибо они могут свидетельствовать о совместном развитии тех или иных иранских языков в post-общеиранскую эпоху. Ср., например, развитие др.-ир. d-, -d- > l, объединяющее афганский с мунджанским-йидга: афг. las, йидга los 'десять' (< др.-ир. dasa-), афг. lar-, мундж. lor- 'иметь' (< др.-ир. dār-), афг. lur, мундж. -йидга ləḡda, luḡdo 'дочь' (ав. duḡdar-), афг. -bolai (в calor-bolai 'четвероногое'), мундж.- йидга pāla, palō (< др.-ир. pāda-) и т. д. Этот же переход может быть, по-видимому, отмечен в бактрийском βαγολαγγο 'святилище' (< др.-ир. *baga-dānaka-). Развитие др.-ир. t (перед i) > с объединяет хорезмийский с осетинским. Ср., например, хорезм. pic- (< др.-ир. pati-), ic '(он) идет' (< др.-ир. *ai-ti) и осет. сэгү 'острый' (< др.-ир. tigrā-); kanənc, '(они) делают' (< др.-ир. kun-a-nti), arc 'копье' (< др.-ир. aršti-) и т. д.

Менее показательны (или совсем не показательны) в качестве классификационного критерия общие архаизмы, которые могут сохраняться (особенно в изолированных зонах) независимо друг от друга. Так, например, сохранение древнеиранских поствокальных глухих смычных и аффрикаты -č в ягнобском и белуджском языках (ягн. op, бел. āp 'вода' < др.-ир. āp-; ягн. xišar, бел. šar

‘ночь’ < др.-ир. xšara-; ягн. wot, бел. gwāt ‘ветер’ < др.-ир. vāta-; ягн. zonk (zunk), бел. zanūk ‘колено’ < др.-ир. *zānu-ka-; ягн. rūša ‘световое и дымовое отверстие в крыше, окно’, бел. гоś < др.-ир. gauśah- и т. д.) не может указывать на совместное развитие и специфическую близость двух этих иранских языков, и точно также не может служить доказательством специфической близости, скажем, талышского и ягнобского сохранение в этих языках аугментных форм прошедшего времени (см. выше).

При рассмотрении общих для двух или нескольких иранских языков инноваций необходимо учитывать, что эти инновации не всегда являются результатом совместного развития данных языков, а могут возникать параллельно и независимо друг от друга (хотя нередко под влиянием аналогичных факторов). В последнем случае наличие общих инноваций также не может служить доказательством совместного развития и специфической близости данных языков. В качестве примера такого рода параллельных инноваций могут быть приведены, скажем, факты развития в татском языке и северотаджикских говорах ряда общих явлений грамматической структуры (инфинитивные и причастные обороты, особый тип определительной конструкции и пр.), возникшие независимо друг от друга, вероятно, под тюркским (соответственно азербайджанским и узбекским) влиянием [Грюнберг 1961, 22—23].

Подобные инновационные явления, возникающие под влиянием иноязычного окружения или — в еще большей мере — под влиянием субстрата, нередко проявляются в одном или нескольких иранских языках, распространенных в определенном ареале. Ср., например, возникновение перебрального ряда согласных в ряде иранских языков (афганский, мунджанский-йидга, ишкашимский, ваханский, парачи, ормури, частично также белуджский и хазара), развивавшихся в тесном контакте с языками индоарийскими или на территориях, где индоарийские языки были распространены в прошлом. В этом же ареале, в некоторых иранских языках, контактирующих с индоарийскими (мунджанский, парачи, ормури, отдельные восточноафганские диалекты) отмечается характерная назализация гласных [Эдельман 1968, 77]. Явно субстратное (кавказское) происхождение имеет ряд смычногортанных согласных в осетинском [Абаев 1949, 518 и сл.].

Такие явления не могут, разумеется, не учитываться при историко-диалектологической классификации иранских языков, однако не ими определяется основное членение: в основе классификации лежит история развития и преобразования исходного общепиранского языкового материала.

Языки западноиранские и восточноиранские. Многочисленные, по-видимому, племенные диалекты, составлявшие в своей совокупности древнеиранскую языковую общность, разделялись, членились и группировались в зависимости от конкретных исторических условий прежде всего в зависимости от разделений, объединений, перегруппировок и передвижений древних ираноязычных

племен. Наиболее существенным для исторической классификации иранских языков фактом является распространение части иранских диалектов на западные области Иранского нагорья и отделение их от диалектов ираноязычных племен Средней Азии и сопредельных регионов.

Диалекты, распространившиеся к середине I тыс. до н. э. на западную часть Иранского нагорья, лежат в основе западноиранских языков; диалекты Средней Азии и сопредельных областей — в основе языков восточноиранских. Условной границей между двумя этими большими группировками можно считать для древнейшего периода труднопроходимую полосу пустынь Даште Кевир и Даште Лут, отделяющую Западный Иран (в историческом смысле этого слова) от Восточного. Все иранские языки и диалекты, восходящие к древним диалектам Западного Ирана, относятся (независимо от области последующего своего распространения) к языкам западноиранским, и все иранские языки и диалекты, восходящие к древним диалектам Средней Азии и сопредельных территорий, относятся (также независимо от области последующего своего распространения) к языкам восточноиранским.

К западноиранским относятся языки мидийский, древнеперсидский и продолжающие его среднеперсидский, новоперсидский, современный персидский и таджикский; в эту же группу входят парфянский, курдский, белуджский, татский, талышский, гилян-ский, мазандеранский языки и многочисленные неперсидские диалекты современного Ирана. В группу языков восточноиранских входят древние языки Средней Азии и примыкающих к ней областей — согдийский, хорезмийский, бактрийский, скифские (сакские) языки, распространенные в древности от берегов Черного моря до границ Китая, и из числа современных иранских языков осетинский, панто, памирские, ягнобский, мунджанский-йидга.

Разумеется, ни та, ни другая группировка никогда не представляли какого-то замкнутого, наглухо отгороженного друг от друга китайской стеной единства: между ними существовали какие-то переходные звенья, разделявшие — в той или иной мере и в тех или иных соотношениях — признаки, свойственные обеим группировкам, существовали языковые контакты, наложившие свой отпечаток на развитие как западных, так и восточных иранских языков. Однако в целом, на протяжении длительного времени, начиная с первой половины I тыс. до н. э., западноиранские и восточноиранские языки развивались в значительной мере изолированно друг от друга, и в развитии их наметились постепенно существенные различия.

Как показывает сопоставление языка Авесты, древнейшие части которой складывались в Средней Азии и сопредельных областях, и языка древнеперсидских надписей, отражающих один из западных (юго-западных) иранских диалектов, различия между западными и восточными иранскими языками были к середине

I тыс. до н. э. еще весьма незначительны. В ахеменидское время особенно близки друг к другу были, по-видимому, языки (диалекты) персов и мидян. Во всяком случае, насколько можно судить по одной из надписей Дария I (D^Рg, § 1—2, только вавилонский текст), Персида и Мидия противопоставлялись «другим странам других языков» [Weissbach 1911, 85]. О близости древнеиранских языков друг к другу могут свидетельствовать и указания древних авторов (например, Страбона), отмечавших, что персы, мидяне, арии и согдийцы говорят на языках почти одинаковых и что «От Давани (Фергана) на запад до государства Аньси (Парфия), хотя есть большая разность в наречиях, но язык весьма сходен, и в разговорах понимают друг друга» (Чжан-Цянь, II в. до н. э.) [см. Бичурин 1950—1953, II, 161—188; Gauthiot, 1914—1923, p. V] ⁵⁷.

Однако уже к середине I тыс. достаточно четко обозначились весьма существенные различия между западноиранскими (среднеперсидский, парфянский) и восточноиранскими (согдийский, хорезмийский, хотаносакский) языками. В области исторической фонетики наиболее характерно различное отражение древнеиранских начальных звонких смычных. Если западноиранские языки этой эпохи сохраняют, как правило, древние b-, d-, g-, то восточноиранские отражают их соответственно как β-, δ-, γ-; начальная глухая аффриката š сохраняется в западноиранских, но отражается обычно как s в восточноиранских (кроме согдийского); группы -ft-, -xt-, сохраняющиеся, как правило, в западноиранских языках, озвончаются (-vd-, -γd-) в восточноиранских. Как это будет видно из дальнейшего (примеры см. ниже), эти признаки разделяются также современными западноиранскими и восточноиранскими языками.

По разному складывались в западных и восточных иранских языках также судьба древнеиранской именной флексии и древнеиранской глагольной системы. Уже в среднеперсидском и парфянском языках под действием законов ударения редуцировался и постепенно отпал безударный конец слова, а вместе с ним и древние флективные показатели рода, падежа и частично числа. Восточноиранские языки этой эпохи (согдийский, хорезмийский, хотаносакский), напротив, относительно полно сохранили систему древнеиранской именной флексии. Так, например, среднеперсидский и парфянский уже не имеют грамматических категорий рода и падежа, между тем современные им по времени фиксации хотаносакский (во всяком случае «раннехотаносакский») и согдийский сохраняют грамматическую категорию рода (мужской, женский, рудиментарно — также средний) и трех-, шестипадеж-

⁵⁷ Разумеется, полиязычные современники могли и не улавливать известных расхождений между языками ирапоязычных народов древности, однако в целом их свидетельства подтверждают положения, вытекающие из сравнительно-исторической грамматики иранских языков.

ную систему склонения (количество падежных форм колеблется в зависимости от типа основы, а также от числа).

Если для глагольной системы среднеперсидского и парфянского языков характерны утрата форм древнеиранского имперфекта, образованного от основы настоящего времени с помощью аугмента а- и вторичных окончаний (др.-перс. а-kunav-am 'я сделал', а-bag-a 'он принес'), и развитие форм прошедшего времени на основе древнего причастия прошедшего времени на -ta (др.-перс. basta- > ср.-перс. bast- 'связывать', основа прошедшего времени), то согдийский и хорезмийский сохранили (в преобразованном виде) формы древнего имперфекта от основы настоящего времени и развили неизвестные западноиранским языкам формы перфекта с вспомогательным глаголом ðag- 'иметь'. Характерная для среднеперсидского и парфянского языков так называемая «пассивная» (или «посессивная») конструкция предложений с переходным глаголом в прошедшем времени не встречается, как правило, в восточноиранских языках этой эпохи⁵⁸.

Однако в целом восточноиранские языки этой эпохи, особенно согдийский, характеризуются сравнительно с западноиранскими обилием и разнообразием личных глагольных форм, а также обилием и разнообразием союзов, вспомогательных слов, местоимений, приставок и т. п.

В связи с действием уже упоминавшихся законов ударения древнеиранские краткие гласные в открытом слоге в середине слова обычно выпадают в среднеперсидском и парфянском языках, и для этих языков характерны закрытый слог или слог с долгим гласным в середине слова и согласный исход. В восточноиранских языках, напротив, гласные окончания хорошо сохранились как в именной, так и в глагольной системе [Henning 1958, 89—92]. Ср., например, древнеиранское окончание родительного падежа мн. числа, -āpāsh, отразившееся как ср.-перс. и парф. -āp, но «раннехотанское» -āpi, согд. («Старые письма») -'pw, хорезм. -па, или древнеиранское окончание винительного падежа ед. числа -am, утраченное в среднеперсидском и парфянском, но отразившееся как хс. -и, согд. -w и как редуцированный гласный (*u < -am) в хорезмийском. Ср. также древнеиранскую глагольную флексию 1-го лица ед. числа настоящего времени -āmi, отразившуюся как ср.-перс. -am, парф. -āsh, но «раннехотанское» -īmā, хорезм. -ami.

Наметившиеся, таким образом, к середине I тыс. н. э. различия между западноиранскими и восточноиранскими языками нашли свое развитие и продолжение в современных иранских языках. Ниже приводятся основные фонетические дифференции, разделяющие западноиранские и восточноиранские языки:

⁵⁸ В согдийском эта конструкция встречается, как кажется, только в «Старых письмах»; впоследствии эта конструкция была вытеснена перфектом с вспомогательным глаголом ðag-.

древнеиранские начальные звонкие смычные (b-, d-, g-) сохраняются в западноиранских языках, но переходят, как правило, в соответствующие шелевые (β-, δ-, γ-) в восточноиранских;

древнеиранская глухая аффриката ṣ сохраняется в начале слова в западноиранских языках, но переходит, как правило, в аффрикату s в восточноиранских;

древнеиранское -ṣ отражается обычно как -č (>-z, -ž) в западноиранских языках и как -s (>-dz, -z, -ž) в восточноиранских;

древнеиранские группы согласных -ft-, -xt- сохраняются, как правило, в западноиранских языках, но озвончаются (-vd-, -γd-) в восточноиранских.

Примеры: др.-ир. b-, d-, g- — зап.-ир. b-, d-, g- // вост.-ир. β- (v-, w-), δ-, γ-.

1. Др.-ир. b- — зап.-ир. b- // вост. ир. β- (v-, w-):

др.-ир. band- (прич. прош. вр. basta-) 'связывать', bar- 'нести, уносить', būza- (ав.) 'коза, козел';

западноиранские: др.-перс. band-, ср.-перс. band-, парф. -man. bnd-, кл.-перс. band-, совр. перс. bānd-, тадж. band-, тат. bānd-, бахт. bend-, дф. vāmbānām '(я) связываю' (сомг.), бел. band-, курд. (курм.) bānd-, гур. (авр.) bin-, заза bāst (кор.-з.) '(он) связал', тал. bas(t)e (инф.), гил. bəd-/bānd-, маз. vānd-, семн. dā-bāstun/dā-vāstan '(я) связал', сэнг. ben(d)-, сурх. dābāst 'связаи!', ласг. bābāstin '(я) связываю', шем. ven-, вон. dār-ben-, кеш. dēr-ban, кохр. dēri-ben-, зеф. dēr-ben-, гязи bend-, хунс. bī-bindān '(я) свяжу', мах. hābāndā '(он) связывает', най. vā-bēnd 'связаи!', нат. hābānd 'связаи!', фар. dār bānd 'связаи!', яр. dār bānd 'связаи!', язди ben-, сив. bānd-, пар. bōst- (осн. прош. вр.) и др.;

восточноиранские: согд. bnt-, хорезм. βāncin '(я) привязал', хс. bai-, афг. wauday 'завязка' (< banda-), ягн. vant-, шугн. vind-, руш. vind-, сар. vind-, язг. vānd-, вах. vand-, ишк. vond-, мундж. vōnd-, йидга vad- и др.;

западноиранские: др.-перс. bar-, ср.-перс. bar-, парф.-ман. br-, кл.-перс. bar-, совр. перс. bār-, тадж. bar-, тат. bār-, бахт. ber-, дф. bā(r)- (сомг.), бел. bar-, курд. (курм.) bār-, гур. (авр.) bar-, заза bār-, тал. ba-, гил. bār-, маз. ba-vor, шахр. bār-/vār-, семн. bār-/ber-/ver-, сэнг. be(r)-, сурх. bō-βa 'унеси!', ласг. bā-bār 'унеси!', шем. vu-/vūr-/var-/būr-, вон. ber-, кеш. be(r)-, кохр. be(r)-, зеф. ber-/bor-, гязи be(r)-, сои nā-biri '(он) не унесет', хунс. nā-bārū '(он) не унесет', мах. bā-biriye 'унесите!', най. bār 'унеси!', нат. ba-bār 'унеси!', фар. bār-, яр. bo-bar 'унеси!', язди mébre '(я) несу', сив. ber-, пар. bar-, орм. war- (из афг. ? или к ā-bar-?) и др.;

восточноиранские: согд. βr-, хорезм. βarin '(я) получил', хс. bar-⁵⁹, афг. wɣ-, ягн. var-, шугн. vār-, руш. vār-, сар. vor-,

⁵⁹ В хотаносакском письме графемой b в начале слова обозначался, как полагают [Герценберг 1965, 62], звонкий спирант [β-]. Такое предположение может, как кажется, подтверждаться тем, что займетованное из сакских диалектов слово бага- 'бог' передается в надписях Северо-Запад-

язг. var-, вах. vŕg- 'ноша' (<*bāga-), ишк. vur 'ноша' (<*bāga-), мундж. vīgo 'ноша' (<*bāga-), йидга vīga 'ноша' и др.;

западноиранские: ср.-перс. buz, кл.-перс. buz-, совр. перс. boz, тадж. buz, тат. bŭzlā, бахт. buz, бел. buz, курд. (курм.) bəzən, гур. (авр.) bəza, заза biz (кор.-з.), тал. bəz, гил. buz, маз. bez, семн. buz, сэнг. buz, сурх. boz, ласг. boz, шем. bōz, вон. buz, кеш. buz, кохр. bōz, зеф. buz, гязи buz, сой bŭzā, хунс. buz(ā), мах. biz, нат. boz, фар. boz/vœj, яр. boz, язди buz, сив. bez/bāzā, пар. buj, орм. buz и др.;

восточноиранские: хорезм. 'βz, афг. wuz/wəz, ягн. vuz/wuz, шугн. vaz, руш. vaz, сар. vaz, язг. vaz, вах. buz/bəz (из перс.-тадж.), ишк. vəz, мундж. vəzo (ж. р. vəza), йидга v'zō.

Исключения представляют скифский и осетинский (возможно, также бактрийский), сохраняющие b-: осет. bast- 'связывать' (осн. прош. вр.), baräg 'всадник' (<bar-, букв. 'несомый [конем]'), bāydwān (ирон.) 'порука' (<*baxta-vant-; ср. скиф. *baxš- в и. с. βαῖταχος 'наделенный' или 'наделяющий'), bodz 'козел', bundor (диг.) 'основной камень, фундамент', bud (ирон.) 'благовоние, ладан', birā (ирон.)/berā, bewgā (диг.) 'много' (скиф. *baivar в и. с. βαίώρατος 'имеющий много коней') и т. д.

Вопрос о реальному звучанию ист. b- в бактрийском (бактр. βαγο 'бог' <baga-, βαργο 'несущий' <*bāgaka- и т. д.) не может считаться окончательно решенным ввиду неоднозначности графемы β, которая может передавать здесь и смычный, и спирант. А. Марик [Maricq 1958, 404] склонен считать, что др.-ир. b в бактрийском спирантизировалось, однако такие, например, факты, как наличие на территории исторической Бактрии топонима Баглан (baḡlān), отражающего бактрийский переход -d- > -l-, но сохраняющего начальный смычный (бактр. βαγολαγγο 'святителище' <др.-ир. *baga-dānaka-), могли бы, как кажется, служить аргументами в пользу смычного произношения. Ср. также отражение начального b в группе br- (др.-ир. brātar- 'брат'):

западноиранские: др.-перс. brātar-, ср.-перс. brāt (пехл.), br'd (ман.), парф.-ман. br'd, кл.-перс. birādar, совр. перс. berādār, тадж. barodar, тат. birar, бел. brās, курд. (курм.) bəga, гур. (авр.) bəgā, сив.-з. berā, бахт. berōdér/berōr, тал. bo/boa, гил. bəgar, маз. bəgor, шахр. bəgā, сэнг. brār/bārē, семн. bārē, сурх.-ласг. bega, шем. bārār/bārēi, бияб. berār, афг. berā, дав. borā-/berā, вон. berō, кеш. berāi, зеф. berā, хунс. birā, нат. bəerāj, мах. berā/birō, най. bī-(y)ār, пар. b(ə)yā/biyā и др.;

восточноиранские: согд. (ман.) βr't, хорезм. βr'd, хс. brātar, афг. wgor, ягн. virōt, шугн-руш. v'rōd, сар. v(i)rud/ v(ы)rud, язг. v'réd, вах. v(ы)гыт/vrūt, ишк. vru(d), сангл. vərūḍ, мундж. v'roу, йидга vгау.

ной Индии сакского и кушанского периодов (письменами кхарошти и брахми) как бага-, вага-, вага-, вака-; ср. BAĪ'O на кушанских монетах [Bailey, 1958, 136].

2. Др.-ир. d-: — зап.-ир. d-//вост.-ир. δ:

др.-ир. dār- 'держать, иметь', dantan- (ав.) 'зуб', dasa- (ав.) 'десять';

западноиранские: др.-перс. dār-, ср.-перс. dār, парф.-ман. d'r-, кл.-перс. dār-, совр.перс. dār-, тадж. dor-, тат. dar, бахт. dōr-, дф. dār- (мас.) (в сочетаниях), бел. dār-, гил. dar-, маз. dor-, шахр. dār-, семн. dārun '(я) имею', сэнг. ma dārt 'я имел', сурх. bē-dar 'держи!', ласг. dār 'держи!' шем. bā-dār 'держи!', вон. dōr-, кеш. dō(r)-, кохр. dō(r)-, зеф. dōr-, гязи dārtāz 'он имел', сой dār-, хунс. dār-, мах. dār-, най. dār-, нат. dār-, фар. dār-, яр. dar-, язди dōr, сив. dārī '(он) имеет', пар. dēr-, орм. dar- и др.; восточноиранские: согд. δ'r, хорезм. dārin '(я) имела', хс. dār-, афг. lar-, шугн. dēg-, руш. dēg-, сар. dōr-, язг. rēdār- (<*pari-dāraya-), вах. dār-/dyr-, мундж. lor-, йидра lār- и др.;

западноиранские: ср.-перс. dandān, кл.-перс. dandān, совр. перс. dāndān, тадж. dandon, тат. dandu, бахт. dandūn (фе. dinó), дф. deđū (дав.)/dānū (шир.-евр.), бел. dandān (сев. dat'ān), курд. (курм.) dēran, гур. (авр.) dedān, заза dindān, тал. dandon, гил. dandān, маз. dandun, семн. dāndūn, сэнг. danūn, сурх. dennān, ласг. dān-dān, афг. dennōn, шем. dannūn, бияб. dendūn, вон. dandūn, кеш. dandūn, кохр. dendūn, зеф. dendū, сой dāndūn, хунс. dindūn, най. dēndōn, нат. dandun, фар. dāndūn, сив. dāndān, пар. danān и др.;

восточноиранские: согд. dnt'k, хс. dandaa, шугн. dindūn, руш. dindōn, сар. dandun, язг. dān, вах. дындык, мундж. lod/lond, йидра lad и др.;

западноиранские: др.-перс. daša-, ср.-перс. dah (ман. dh), парф.-ман. ds, кл.-перс. dah, совр. перс. dāh, тадж. dah, тат. dāh, бахт. deh, дф. dāh (мас.), бел. da, курд. (курм.) dāh, гур. (авр.) da, заза dās, тал. da, гил. dāh, маз. dāh-, семн. das, сэнг. das, сурх. dās, ласг. das, шем. dah, бияб. dās, вон. déi°, кеш. deh°/dih, кохр. déh°, зеф. dih°, сой dih/dāh, хунс. dēi, най. deh, нат. dāh, фар. dāh, яр. dā(h) и др.;

восточноиранские: согд. dš' (ман.), хорезм. 'ywnd(y)s'11', хс. dasau⁶⁰, афг. las, шугн. dīs, руш. dos, сар. des, язг. dūs, вах. das, мундж. dāh (из перс.-тадж.), йидра los.

Скифский с осетинским, ягнобский и ишкашимский-сангличи сохраняют d-: осет. dar (скиф. *dār- в этнонимах и других сложениях, напр. Δανδάρτοι, Dandarii 'название племени в области нижней Кубани и Меотиды', букв. 'держакшие реку', 'владеющие рекой'), ягн. dor-, ишк. dir-/der- 'держать, иметь', осет. dāndag (скиф. *dantā в топониме Δανδαχη?). ягн. dindak, ишк. doud, сангл. dān(d)/dānt 'зуб', осет. dās (скиф. *dasa в н. с. Μάυδατος 'обладающий силой десяти мужей?'), ягн. das, ишк. da, сангл. dos/dōs 'десять', осет. (диг.) āvdev 'демон' (<*hafta-dajva-?), ягн. dew/dev, ишк. lew, сангл. lēw (из афг. или мундж.?) 'див, злой дух',

⁶⁰ В хотаносакском письме знаком d- выражался звонкий спирант [ð] (Bailey, 1958, 136; Герцевберг 1965, 51, 61).

осет. *darγ* (скиф. **darγa* в и. с. *Tarγitaoz* < **darγa-tava* - 'долгомош-ный?') и т. д. В афганском и мунджанском *d- > l-*.

3. Др.-ир. *g-* — зап.-ир. *g-*//вост.-ир. *γ-* (> *ž-*):

др.-ир. *gav-* 'корова, бык, вол', *gaṣša-* 'ухо', *garma-* 'горячий'; западноиранские: др.-перс. *gau-* (в и. с. *Gaubaruvā-, Gaumāta-*) ср.-перс. *gāv* (ман. *g'v*), кл.-перс. *gāv*, совр. перс. *gāv*, тадж. *gov*, тат. *goṣ*, бахт. *go(v)*, дф. *gā* (курдш.), бел. *gōk*, курд. (курм.) *ga*, гур. (авр.) *gāwa*, заза *gā*, тал. *go*, гил. *gab*, маз. *gu*, шахр. *gou*, семн. *gā/gō*, сэнг. *gōu*, сурх. *gāw*, ласг. *gōw*, шем. *gu*, бияб. *gōu*, афт. *gōu*, вон. *gō*, кеш. *gō*, кохр. *gōb*, зеф. *gō*, сой *gōu*, нат. *gā*, фар. *gā*, яр. *gāw*, язди *gū*, сив. *gō*, пар. *gū*, орм. *gōi* и др.;

восточноиранские: скиф. *gau-* в и. с. *Beorgus* **baivar-gav-* 'имеющий много скота' и этнонимах [Абаев 1949, 166], согд. *γ'w*, хорезм. *γ'w°*, хс. *gguhi-*, осет. (диг.) *γog*, афг. *γwā*, ягн. *γoṣ*, шугн. *žōw*, руш. *žōw*, барт. *žaw*, орош. *žaw*, сар. *žew*, язг. *γew*, вах. *žāw*, ишк. *γu*, мундж. *γōwa*, йидга *γāvō* и др.;

западноиранские: др.-перс. *gaṣša-*, ср.-перс. *gōš* (ман. *gws*), парф.-ман. *gws*, кл.-перс. *gōš*, совр. перс. *guš*, тадж. *gūš*, тат. *guš*, бахт. *guš*, дф. *guš* (дав.)/*gōš* (шир.-евр.), бел. *gōš*, курд. (курм.) *goh*, гур. (авр.) *goš*, заза *gōš* (кор.-з.), тал. *guš/gūš*, гил. *guš*, маз. *guš*, семн. *gūš*, сэнг. *gūš*, сурх. *guš*, ласг. *gūš*, шем. *gūš*, бияб. *gūš*, афт. *gūš*, вон. *gūš*, кеш. *gūš/gūž*, кохр. *gūš*, зеф. *gūš*, сой *gūš*, хунс. *gūš*, най. *gōš*, нат. *guš*, фар. *guš*, яр. *gūš*, язди *gōš*, сив. *gūš*, пар. *gū*, орм. *gōi* и др.;

восточноиранские: скиф. *gaṣša-* (?) (представлено, возможно, в нескольких именах собственных [Абаев 1949, 167]), согд. *γws*, хорезм. *γwx*, хс. *gguva-*, осет. (диг.) *γos*, афг. *γwaž*, ягн. *γuš*, шугн. *γūž*, руш. *γōw*, барт. *γu*, орош. *γu^w*, сар. *γewl*, язг. *γəvón*, вах. *žiš*, ишк. *γōl*, мундж. *γūu*, йидга *γū* и др.;

западноиранские: др.-перс. *garma-*, ср.-перс. *garšn* (ман. *grm*), кл.-перс. *garšn*; совр. перс. *gārm*, тадж. *garšn*, тат. *gār*, бахт. *gārm*, бел. *garšn*, курд. (курм.) *gārm*, гур. (авр.) *garšn*, заза *gārm* (сив.-з.), тал. *gam* 'жара', гил. *gārm*, маз. *garšn*, семн. *gārm*, сэнг. *garšn*, сурх. *gārm*, ласг. *garšn*, шем. *gārm*, вон. *gārm*, кеш. *gārm*, кохр. *garšn*, зеф. *germ*, хунс. *gārm*, мах. *gārm*, най. *gārm*, нат. *gārm*, фар. *gārm*, яр. *gārm*, язди *gārm*, сив. *gārm* и др.;

восточноиранские: согд. *γgm*, хс. *grāma-* (о возможном фонетическом значении *gg-* [*g-*], *g-* [*γ-*] в хотаносакском [см. Герценберг 1965, § 30]), осет. (диг.) *γarm*, афг. *garšn* (из перс.-тадж.), ягн. *γarm*, шугн. *gārm* (из перс.-тадж.), руш. *gārm* (из перс.-тадж.), барт. *garšn* (из перс.-тадж.), орош. *garšn* (из перс.-тадж.), сар. *žārm/žūrm*, язг. *garšmí* 'жара' (из перс.-тадж.), вах. *garšn* (из перс.-тадж.), ишк. *garšn* (из перс.-тадж.), мундж. *garšn* (из перс.-тадж.), йидга *garšn* (из перс.-тадж.).

4. Др.-ир. *č-* — зап.-ир. *č-*//вост.-ир. *c-*:

др.-ир. *saḍwāgō* (ав.) 'четыре', *čarman-* 'кожа', *čaxga-* (ав.) 'ко-лесо', *čāšta* 'глаз';

западноиранские: ср.-перс. *šahār* (ман. *šh'g*), парф.-ман. *š'g*, кл.-перс. *šahār*, совр.-перс. *šāhār*, тадж. *šog*, тат. *šag*, бахт. *šog*, дф. *šāg* (дав.), бел. *šār*, курд. (курм.) *šag*, гур. *šuar* (авр.), заза *šāg* (кор.-з.), тал. *šo*, гил. *šār*, маз. *šār*, семн. *šār*, сэнг. *šār*, сурх. *šār*, ласг. *šār*, шем. *šār*, бияб. *šahār*, афт. *šāār*, вон. *šehōg*, кеш. *šog*, кохр. *šehōg*, зеф. *šōg°/šehōg*, гязи *šōg/šehōg*, хунс. *šār*, най. *šār*, нат. *šār*, фар. *šār*, яр. *šāhār*, сив. *šehōg*, пар. *šog* и др.;

восточноиранские: хорезм. *š'g/cš'g*, хс. *tsahoga*, осет. (диг.) *surpar*, афг. *salog*, шугн. *savōg*, руш. *savūr*, барт. *savōg*, орош. *savōg*, сар. *savug*, вах. *səbyg*, ишк. *s'fūr* и др.;

западноиранские: др.-перс. *šarman*, ср.-перс. *šarm* (ман. *šgm*), кл.-перс. *šarm*, совр. перс. *šārm*, тадж. *šarm*, тат. *šārm*, бахт. *šarm*, бел. *šarm*, курд. *š'ārm*, сэнг. *šarm*, шем. *šarm*, вон. *šarm*, кеш. *šarm*, кохр. *šarm*, зеф. *šerm*, гязи *šarm*, сив. *šarm* и др.;

восточноиранские: хорезм. *šm*, хс. *tsārman*, осет. (диг.) *šarm*, афг. *šarmān*, орош. *šarm* (из перс.-тадж.) и др.;

западноиранские: ср.-перс. *šhr/sxh* (ман.), парф.-ман. *sxh*, кл.-перс. *šarx*, совр. перс. *šārx*, тадж. *šarx*, тат. *šārx*, бахт. *šarx* (в *šarxāu* 'мельница'), курд. (курм.) *šārx*, гур. *šarx* (канд.), тал. *šarx*, сэнг. *šār* 'прялка', вон. *šarx*, гязи *šarx*, най. *šār* 'веретено', сив. *šarx* 'прялка', пар. *šarxā* 'веретено' (из перс.-тадж.) и др.;

восточноиранские: хорезм. *sm*, осет. (диг.) *salx*, афг. *saqx*, шугн. *šārx* (из перс.-тадж.), руш. *šārx* (из перс.-тадж.), барт. *šarx* (из перс.-тадж.), орош. *šarx* (из перс.-тадж.), сар. *šārx* (из перс.-тадж.), вах. *šarx* (из перс.-тадж.), ишк. *šarx* (из перс.-тадж.) и др.

западноиранские: др.-перс. *šasma-*, ср.-перс. *šas̄m* (ман. *sšm*)⁶¹, парф.-ман. *sšm*, кл.-перс. *šas̄m*, совр. перс. *šāsm*, тадж. *šas̄m*, тат. *šūm*, бахт. *šeš(m)*, дф. *šiš* (мас.), бел. *šam(m)*, курд. (курм.) *š'av*, гур. *šam* (авр.), заза *šim* (кор.-з.), тал. *šaš*, гил. *šum/šas̄m*, маз. *šeš*, семн. *šaš*, сэнг. *šāš*, сурх. *šās*, ласг. *šaš*, шем. *šas(m)*, бияб. *šas̄*, афт. *šāš*, вон. *šam*, кеш. *šem/šim°*, кохр. *šas̄(m)*, зеф. *šeš/šem*, гязи *šeš/šem/šōš*, сой *šāš/šām*, хунс. *šāsm*, мах. *šām*, най. *šāš*, нат. *šām*, фар. *šām*, яр. *šām*, язди *šem*, сив. *šas̄/šāš* и др.;

восточноиранские: хорезм. *sm*, хс. *tsēiman-* (Хс. *tc* = [Bailey 1958, 140]), осет. (диг.) *cāstā*, шугн. *sēm*, руш. *sām*, барт. *šim*, орош. *šim*, сар. *sem*, вах. *šəzm*, ишк. *sōm*.

Среди восточноиранских согдийский с ягнобским, язгулямский и мунджанский выделяются сохранением др.-ир. *š-*. Среди западноиранских ормури выделяется переходом др.-ир. *š-* > *s-*. Ср. согд. *štβ'g* (будд.), *št'g* (ман., христ.), ягн. *tīfōg*, язг. *šēr* (из перс.-тадж.?), мундж. *šīg*, орм. *šār* 'четыре', согд. *šmuyh*, орм. *šarmōn* (из афг.) 'кожа'; согд. *š'g*, ягн. *šarx*, язг. *šūgx*, мундж. *šāgx* (из перс.-тадж.) 'колесо'; согд. *šsm*, язг. *šām*, мундж. *šom*, орм. (кнг.)

⁶¹ В транслитерации среднеперсидских и парфянских манихейских текстов знак *s* передает аффрикату *š*, знак *j* — аффрикату *j*.

сѡт 'глаз'. В скифском др.-ир. ѓ- по предположению В. И. Абаева [Абаев 1949, 161], сохранялось. Скучность материала не позволяет делать окончательные выводы, не исключено, однако, что уже в скифском намечался переход ѓ- > с-,

5. Др.-ир. -ѓ — зап.-ир. -ѓ (> -z, -ž)// вост.-ир. -с (> -dz):

др.-ир. гауѓаһ- 'день, свет' (ав. гаоѓапа- 'светлый'), раѓа- (ав.) 'варить(ся)', саоѓа- (ав.) 'гореть';

западноиранские: др.-перс. гауѓаһ-, ср.-перс. гѓѓ (ман. гwс/гwз), парф.-ман. гwс, кл.-перс. гѓз, совр.-перс. гуз, тадж. гѓз, тат. гуз, бахт. гѓз, дф. гѓз (дав.) /гѓз (шир.-евр.), кумз. гѓзен, башк. гес, бел. гѓѓ, курд. г'ѓѓ (курм.), гур. гѓ (авр. Ср. канд. гѓѓапа 'окно'), заза (сив.-з.) гѓѓ, тал. гѓѓ, гил. гуз, маз. гуз, шахр. гуз (из перс.?), семн. гѓ(ѓ), сѓнг. гѓѓ, сурх. гуз, шем. гѓ(з), бияб. гѓз, ласг. гу/гѓз, вон. гѓ, кеш. гѓ. кохр. гѓ, зеф. гѓ, соѓ гѓ, хунс. гѓ, мах. гѓ, най. гѓ, нат. гѓ(v), фар. гѓ, яр. гѓ, язди гѓѓ, сив. гѓ, пар. гѓѓ, орм. гѓѓ (лог.)/гуѓз (кнг.) и др.;

восточноиранские: хс. grus- 'светить', осет. (ирон.) гудзѓнг (здесь и в следующих примерах — 'световое (и дымовое) отверстие в крыше, окно'), афг. гwadz, шугн. гѓз, руш. гѓз, барг. гѓзм, орош. гѓзм, сар. гезн, язг. гѓѓѓ, вах. гисн/гисѓн, ишк. гѓѓн, мундж. гуѓѓн и др.

западноиранские: ср.-перс. раѓ-, кл.-перс. раз-, совр. перс. рѓз-, тадж. раз-, бахт. реѓ-, дф. мѓрѓѓѓм '(я) варю' (мас.), бел. раѓ-, курд. реѓ- (курм.), заза (сив.-з.) рауѓ-, гил. ба-рѓѓ/ба-рѓѓ 'вари!', маз. ба-реѓ 'вари!', шахр. бе-раѓ 'вари!', сѓнг. реѓѓѓѓ '(я)варю', шем. реѓѓѓѓ '(я)варю', вон. рѓѓ-, кеш. рѓѓ-, кохр. рѓѓ-, зеф. реѓ-, гязѓ рѓѓѓ '(он) варит', соѓ ѓрехѓн '(они) варят', хури бѓреѓѓм '(я) варю', хунс. рѓѓѓн/рѓѓѓн '(я) сварю', най мѓ рѓѓѓ 'я варю', язѓѓ вѓреѓѓ '(я) варю', пар. рѓѓ-, орм. бѓѓ- (лог.) / бѓѓ (кнг.) и др.;

восточноиранские: хорезм. рс-, хс. рѓѓс- [padz-], осет. фѓс-, шугн. рѓѓз-, руш. рѓѓз-, барг. рѓѓз-, орош. рѓѓз-, сар. рѓѓз-, язг. раѓ-/раѓ, вах. рас-, ишк. рас- и др.;

западноиранские: ср.-перс. сѓѓ- (мин. swс-), парф. -ман. swс-, кл.-перс. сѓз-, совр. перс. суз-, тадж. сѓз-, тат. суз-, бахт. сѓс-, дф. мѓсѓѓѓм '(я) горю' (мас.), бел. суѓ-, курд. дѓсѓѓѓ (мукр). 'сожжено', гур. соѓ- (авр.), гил. суѓѓѓм '(я) горю', маз. ба-суз 'гори!', шахр. сеѓѓ '(это) горит', сѓнг. сузѓѓѓѓ '(я) горю', сурх. сѓѓѓн '(я) горю', шем. сузѓѓѓѓм '(я) горю', вон. сѓз-, кеш. сѓѓѓ-, кохр. сѓѓѓ-, зеф. сѓз-, гязѓ сѓзѓѓѓ '(он) горит', соѓ ѓсуѓѓ '(он) горит', хури суѓѓѓм '(я) сжигаю', хунс. ѓсѓѓѓн '(я) горю', най. мѓ сѓѓѓ '(я) горю', фар. асуѓѓ '(он) горит', язѓѓ сеѓѓ-, сив. ѓсѓз (пѓсѓз 'светец, в котором горит сало'), орм. бѓѓ- (лог.) / бѓѓ- (кнг.) и др.;

восточноиранские: хс. сѓѓс[sudz], осет. (ирон.) судз-, афг. swadz-.

Среди восточноиранских согдийский с ягнобским выделяются сохранением др.-ир. -ѓ: согд. гwѓ 'день', ягн. гѓѓа 'световое (и дымовое) отверстие в крыше, окно'; согд. рѓ-, ягн. раѓ- 'варить'; согд. (будд.) swѓ-, ягн. суѓ- 'гореть'.

Характерно также различие рефлексов др.-ир. *č* в группе -*nč* (зап.-ир. -*nj*//вост.-ир. *nc*, -*ndz*). Ср., например, отражение др.-ир. (ав.) *pañca* 'пять':

западноиранские: ср.-перс. *pañj*, парф.-ман. *pnj/pnz*, кл.-перс. *pañj*, совр. перс. *pāñj*, тадж. *pañj*, тат. *pāñj*, бел. *pañč*, курд. (курм.) *penj*, авр. *pañj*, заза (кор.-з.) *pāñj*, бахт. *penč*, тал. *penj*, гил. *penj*, маз. *pañj*, шахр. *pañj*, сэнг. *pañj*, семн. *pañj*, сурх. *pāñj*, ласг. *pañj*, шем. *pañj*, бияб. *pañāñj*, афт. *paññj*, фар. *pañj*, яр. *bañj*, нат. *pāñj*, сой. *pāñš*, хунс. *pēsš*, мах. *pēñj*, най. *pēñj*, гязи *pen*, кохр. *pāñ*, сив. *penj*, пар. *pōñč*, орм. *penč* (лог.)/*pēndz*, *pēnz pēñč* (кнг.) и др.;

восточноиранские: хорезм. *pnc*, хс. *pañjsā* [*pandzā*], осет. *fondz*, афг. *pindzā*, шугн.-руш.-барт.-оромш. *pindz*, сар. *pindz*, вах. *pāndz*, ишк. *pāndz/pānz* (согд. *pñč* и ягн. *pañč* сохраняют др.-ир. *č*, язг. *penj* и мундж. *ponj* характеризуются переходом -*nč* > -*nj*, ср. прим. 19).

6. Др.-ир. -*ft-*, -*xt-* — зап.-ир. -*ft-*, -*xt-*//вост.-ир. -*vd-* (-*wd-*), -*γd-*:

др.-ир. **hafta* (ав. *hapta*) 'семь', **duxtar-* (ав. г. *dugədar-*, ав. п. *duγdar-*) 'дочь';

западноиранские: ср.-перс. *haft*, парф.-ман. *hft*, кл.-перс. *haft*, совр. перс. *hāft*, тадж. *haft*, тат. *hāf*, бахт. *haft/hāft*, дф. *hāf* (сомг.), бел. *apt*, курд. *hāft* (курм.), гур. (авр.) *hāft*, заза *haut* (сив.-з.), тал. *haft*, гил. *hāf*, маз. *hāft*, семн. *haft*, сэнг. *haft*, сурх. *hāfd*, ласг. *haft*, шем. *hāft*, бияб. *hāft*, вон. *heft*, кеш. *haft*, кохр. *haf*, зеф. *héft-*, хунс. *hāf*, най. *hāf(t)*, нат. *haft*, фар. *haft*, яр. *haft*, сив. *lit* 'седьмой', пар. *hōt*, орм. *wō* (лог.)/*hō* (кнг.) и др.;

восточноиранские: скиф. **awd* в 'Ардаβда — аланское название города Феодосия (Крым), букв. 'семибожный', 'посвященный семи божествам' [Абаев 1949, 167], согд. **βt* [**avd*], хорезм. **βd* [**avd*]. хс. *hauda*, осет. *avd*, афг. *ové*, ягн. *aft/avd*, шугн. **ūvd*, руш. **ūvd*, барт. **ūvd*, оромш. **ūvd*, сар. *ıvd*, язг. *ıvd*, вах. *ıb*, ишк. *ıvb*, мундж. *ovdā* и др.;

западноиранские: ср.-перс. *duxst*, парф.-ман. *dwxs*, кл.-перс. *duxst(ar)*, совр. перс. *doxtār*, тадж. *duxtar*, тат. *duxtār*, бахт. *dur/duhdér*. дф. *doxt* (дав.)/*duft* (конд.)/*dot* (бур., мас., сомг.), кумз. *dikt*, бел. *duxtār/dutuk*, гил. *duxter*, маз. *detər*, шахр. *dət* (косв. *dətar*), семн. *du(a)*, сэнг. *dūst*, сурх. *dukéi*, ласг. *dot*, шем. *detār*, бияб. *dut*, афт. *dūt*, вон. *det*, кеш. *dut*, кохр. *dūt(i)*, зеф. *dut*, сой. *dutār/dot*, хунс. *dit/ditká*, най. *dôt/dôtû/dûtû*, нат. *dot*, фар. *dotā*, яр. *dote*, язди *dôt*, мах. *ditiye/ditiyé*, сив. *déte*, пар. *dut*, орм. *dūa* (лог.)/*dūko* (кнг.) и др.;

восточноиранские: согд. *δwγt-* [**duγd-*], хорезм. *δγd* [**duγd*], хс. *dutar* (тс. *dudar*), осет. *°dæγd* (в *хо-dæγd* 'золотка'), афг. *lug*, ягн. *duxtar* (из тадж.), язг. *δoγd*, вах. *δæγd*, ишк. *wūddāγ(d)*, мундж. *légda*.

Диалектологическая группировка западноиранских языков.
Языки юго-западные и северо-западные. Среди западноиранских

отчетливо выделяется группа юго-западных языков и диалектов, включающая в себя иранские диалекты, бытовавшие в древности на крайнем юго-западе территории распространения иранских языков (область Парса) и продолжающие их иранские языки и диалекты средневековья и современности. Остальные западноиранские языки, распространенные в древности в других областях Западного Ирана (не в Персиде) и продолжающие их многочисленные средневековые и современные иранские языки и диалекты, объединяются соответственно в иранистической литературе под названием «северо-западные иранские языки».

Один из древних юго-западных диалектов, именно персидский, получил в ахеменидскую эпоху письменное закрепление и известен нам по клинообразным древнеперсидским надписям. Другой юго-западный диалект, близкородственный (но не идентичный) диалекту древнеперсидских надписей, лег в основу среднеперсидского языка. В последующие эпохи юго-западные (персидские) говоры распространяются на территории Хорасана (в широком смысле этого слова) и Мавераннахра. Группа этих говоров, вероятнее всего говоры хорасанско-среднеазиатского круга легли в основу языка персидско-таджикской литературы классического периода (фарси или фарси-дари), из которого развились современные персидский и таджикский. Сюда же относятся многочисленные персидско-таджикские говоры Афганистана. К юго-западной группе относятся также татский, бахтиярские и лурские диалекты, диалект кумзари, большинство местных говоров Фарса.

Из древних языков северо-западной группы мидийский известен лишь по нескольким словам и именам собственным; для несколько более позднего периода северо-западные иранские языки представлены письменными памятниками на парфянском языке.

Как уже отмечалось, эти северо-западные («мидийские» и «парфянские») диалекты к эпохе арабского завоевания были почти полностью вытеснены в Хорасане и в городах Центрального Ирана юго-западными (персидскими) диалектами, сохранившись лишь в глухих сельских местностях или же у конфессионально изолированных групп населения (парсы, иудеи). Однако в западной и северо-западной части Иранского нагорья, в Курдистане, Азербайджане, в прикаспийских провинциях сохранился большой массив северо-западных иранских диалектов. И хотя в историческое время область распространения этих диалектов в результате вытеснения их частично тюркским, частично персидским языком постепенно сокращалась, северо-западная подгруппа и по сей день представлена на указанных территориях значительным числом языков и диалектов. Это прежде всего курдский, талышский, гилянский и мазандеранский языки, а также многочисленные говоры Центрального и Западного Ирана, некоторые говоры провинции Фарс, Ирака и Турции.

К северо-западным иранским языкам относится также белуджский, распространение которого на территории Белуджистана,

на значительном расстоянии от основного массива северо-западных иранских диалектов относится к сравнительно позднему времени и объясняется миграциями прабелуджских племен на юго-восток. По мнению современных исследователей [Frye 1965, Elfenbein 1966], исходным пунктом этих миграций были области, прилегающие к южному побережью Каспийского моря. Ряд специфических черт западно-иранских языков разделяют также парачи и ормури, и не исключено, что распространение этих языков в юго-восточной части ираноязычной территории объясняется сходными миграционными процессами.

Некоторые историко-фонетические дифференции, разделяющие юго-западные и северо-западные иранские языки. Характер диалектологических отношений между юго-западными и северо-западными иранскими языками был в значительной мере вскрыт благодаря историко-диалектологическому анализу западноиранских турфанских текстов. Уже в 1908 г. К. Г. Залеманом [Salemman 1908, 149—150, 160] было указано, что в турфанских манихейских текстах представлены (помимо согдийского) по меньшей мере два среднеиранских (по Залеману, «среднеперсидских») диалекта — собственно среднеперсидский и еще другой, отличающийся от него некоторыми характерными чертами. Годом позднее О. Манн, опиравшийся в значительной степени на работы своего учителя Ф. Андреаса, сформулировал некоторые важные фонетические дифференции между юго-западными диалектами [Манн, Nadank 1906, I, 15]. Наиболее полно диалектологи западноиранских турфанских текстов была исследована П. Тедеско [Tedesco 1921]. См. также работы, указанные на с. 81—83.

Среди характерных историко-фонетических дифференций, отделяющих юго-западные иранские языки от северо-западных (и от ряда восточно-иранских), могут быть выделены следующие:

- 1) др.-ир. $z//d$ (ав. $z//$ др.-перс. d): сев.-зап. $z//$ ю.-зап. d ;
- 2) др.-ир. $s//\theta$ (ав. $s//$ др.-перс. θ): сев.-зап. $s//$ ю.-зап. $\theta (> h)$;
- 3) др.-ир. $\theta r//\theta^r$ (ав. $\theta r//$ др.-перс. θ^r): сев.-зап. $h r (> r)//$ ю.-зап. $\theta^r (< s)$;
- 4) др.-ир. $sp//s$ (ав. $sp//$ др.-перс. s): сев.-зап. $sp//$ ю.-зап. s ;
- 5) др.-ир. $\check{j}$:- сев.-зап. $\check{j}$ -, $\check{z}$ -(dz -, y -)//ю.-зап. z -;
- 6) др.-ир. dv :- сев.-зап. b -//ю.-зап. d -;
- 7) др.-ир. v :- сев.-зап. v -//ю.-зап. (кл.-перс. и т. д.) b -.

Примеры.

1. Др.-ир. $z//d$ (ав. $z//$ др.-перс. d) — сев.-зап. $z//$ ю.-зап. d : ав. $zān$ -//др.-перс. $dān$ - 'знать', $zāmātar$ - 'зять':

северо-западные: парф.-ман. $z'n$ -, бел. $zān$ -, курд. (курм.) $zān$ -, гур. (авр.) $zān$ -, заза $zān$ -, тал. $zān$ -, гил. $dān$ -, маз. dun -, шахр. $zānəth$ '(я) знаю', семн. $mā-zonun$ '(я) знаю', сэнг. $zundi$ '(я) знаю', сурх. $bā-zān$ 'знай!', шем. $dūtmat$ '(я) знаю', вон. $zunūn$ '(я) знаю', кеш. $zōbōn$ '(я) знаю', кохр. $zupun$ '(я) знаю', зеф. $zōbōn$ '(я) знаю', сед. $bē-zūmbe$ 'знай!', гязи $zūpe$ '(он) знает', сой $zūpi$ '(он) знает', хунс. $-ām zūpā$ 'я знал', мах. $mun zōnām$ 'я знал',

най. *nā-zūni* '(ты) не знаешь', нат. *zonōn* '(я) знаю', фар. *zon-*, яр. *zōn-*, язди *zon-*, хурй *dā-zunom* '(я) знаю', орм. *razān-* (< *pati-zāna-*) и др.;

юго-западные: др.-перс. *dān-*, ср.-перс. *dān-*, кл.-перс. *dān-*, совр. перс. *dān-*, тадж. *don-*, тат. *dan-*, бахт. *dūn-*, дф. *dan-* (дав.)// *be-dān* 'знай' (бур.) и др.;

северо-западные: бел. *zamās*, курд. (курм.) *zava*, гур. (авр.) *zamā*, заза *zāmā* (бидж.-з.), тал. *zomo*, гил. *zāmō*, маз. *zūmō*, шахр. *zāmā*, семн. *zēmā*, сэнг. *zumé*, ласг. *zūmō*, бияб. *zumā*, афт. *zumā*, вон. *zūmō*, кеш. *zōmōi*, кохр. *zūmōd*, сеф. *zūmō*, сед. *zemō*, гязи *zūmō*, сои *zumāi*, мейм. *zumād*, хунс. *zūmā*, най. *zomā/zumā*, язди *zumād/zōmūd*, сив. *dōmō*, пар. *zām*, орм. *zum* (кнг.) и др.;

юго-западные: ср.-перс. *dāmāt* (ман. *d'm'd*), кл.-перс. *dāmād*, совр. перс. *dāmād*, тадж. *domod*, тат. *dumbor*, бахт. *dōwa°/devó*.

Ср. в авестийском и восточноиранских: ав. *zān-* 'знать', *zāmātar-* 'зять'; согд. *z'n* (будд.), *z'mt'uty* (мн. ч. к **z'mt'k* < **zāmātar-aka-*); хорезм. *'zδ'k* [*'zd'k*] 'знающий, умный'; хс. *payšān-* [*pa-zān-*] (< *pati-zāna-*), афг. *pēžan-* (< *pati-zan-*), *zum* (ван. *zōm*); осет. *zon-*; ягн. *bizon-* (< *abi-zāna-?*), *domód*; шугн. *wizūn* (< **wi-zāna-* или **abi-zāna-*) *dūmōd* (из перс.-тадж.); руш. *wizōn* (< **wi-zān-* из перс.-тадж.); барт. *wizōn-*, *dōmōd* (из перс.-тадж.); орош. *wi-zōn-*; сар. *wazon-*, *dumud* (из перс.-тадж.); язг. *vēzan-*, *domód* (из перс.-тадж.); вах. *razdan-* (< **pati-zan-*), *dūmōd* (из перс.-тадж.); ишк. *pēžin-* (< **ura-zan-*), *dumod* (из перс.-тадж.); санг. *pēžin* (< **ura-zan-*), *zēmūd*; мундж. *vzon-* (< **wi-zan-* или **abi-zan-*), *zamō/zamāi*; йндга *v°zan*, *zamāi*.

2. Др.-ир. *s//θ* (ав. *s//др.-перс. θ*). — сев.-зап. *s//ю.-зап. θ* (> *h*):

ав. *mas-*, *masan-* (сравн. ст. *masyah-*, прев. ст. *masišta-*)//др.-перс. (прев. ст.) *mašišta-* 'большой', 'длинный', ав. *kasu-* (сравн. ст. *kasyah-*, прев. ст. *kasišta-*) 'маленький', ав. *dasa-*//др.-перс. **daša-* 'десять':

северо-западные: парф.-ман. *ms* 'больше' (прев. ст. *msyšt*), бел. *mastar(-ir)* 'большой-большой' (мекр.), семн. *masin*, сурх. *māsín*, ласг. *masín*, шем. *mahín*, вон. *mussár* (*ss* < **st*), мах. *māsār*, най. *massé/māsā*, язди *mas* (сравн. ст. *massére*) и др.;

юго-западные: др.-перс. *mašišta-* (прев. ст.), ср.-перс. *mēh* (ман. *mhy*) (сравн. ст.; прев. ст. *mahist*, ман. *mhyšt*) (в *mhyšt*г 'стапейшина', 'пресвитер'), кл.-перс. *mih(in)*, совр. перс. *meh* (книжн.), тадж. *meh* (уст.) и др.;

северо-западные: парф.-ман. *kasyšt* (прев. ст.) [ср. арм. (заимств.) *pakas* 'неполный', 'несовершенный'], бел. *kasān* (сравн. ст. *kastir*), семн. *kasín*, сэнг. *kasín*, сурх. *kāsín*, ласг. *kasín*, вон. *kessár*, кеш. *kas* (сравн. ст. *kastar*), зеф. *kas* (сравн. ст. *kaster*), мах. *kūsūr*, най. *kes/kās*, нат. *kāsālā*, фар. *kāslō*, язди *kasók/kasuk/kasōč*е и др.;

юго-западные: ср.-перс. *quh* [*keh*] (ман.), кл.-перс. *kih* (*in*), совр. перс. *keh* (книжн.), тадж. *keh* (уст.) и др.;

северо-западные: парф.-ман. ds, бел. da, курд. (курм.) dāh (из перс.), гур. (авр.) dasá 'десяток', заза dās, тал. da, гил. dāh (из перс.), маз. dāh (из перс.), семн. das, сэнг. das, сурх. dās, ласг. das, шем. dah, бияб. das. вон déi°, кеш. deh°/dih (из перс.), кохр. deh° (из перс.), зеф. dīh° (из перс.), пар. dōs, орм. das и др.:

юго-западные: др.-перс. *daθa- [в *daθa-patiš (элам. da-sa-bat-ti-iš, da-ša°) 'декурион'], ср.-перс. dahom (ман. dhwm) 'десятый', кл.-перс. dah, совр.-перс. dāh, тадж. dah, тат. dāh, бахт. deh, дф. dāh° (мас.).

Ср. в авестийском и восточноиранских: ав. mas-, masan- (сравни. ст. masyah-, прев. ст. masišta-) 'большой', 'длинный', kasu- (сравни. ст. kasyah-, прев. ст. kasišta-) 'маленький', dasa- 'десять'; скиф. *dasa (в и. с. Μάδατος?); согд. msy'tr (будд.) 'большой'/msy'ir (ман.) 'длиннее' (христ. msydrd (мн. ч.) 'пресвитеры'), (')ks (будд.)/kštrt' (ман., прев. ст., мн. ч.)/qštrt' (христ., прев. ст., мн. ч.), ds (ман. ds', христ. ds'); хорезм. *kast 'вялый', 'неходкий' (о товаре), 'ywnd(y)s '11'; хс. šsuva- 'уменьшать' [<(x)šva- < xsau-: xsu- (√ kas)], dasau (< dasakam); афг. mōš(ə)r 'старший' (< masyah-), kəšr 'младший', kašney 'маленький' (сюда же, по-видимому, афг. kašay (-əy) 'единственный (-ал) сын (дочь)'. К семантике ср. бел. kašanī, язди kāsōgī 'детство'), las; осет. kăstār 'младший' (< *kasu-tara-), dās; ягн. gas°, шугн. dīs; руш. dos; барт. dūs; орош. dūs; сар. des; язг. dūs; вах. kaš 'мальчик' (иную этимологию см. [Пахалина 1975, 211]), das; ишк. da; сангл. dos; мундж. dā(h) (из перс.-тадж.); йидга los.

3. Др.-ир. θr/θr° (ав. θr//др.-перс. θr) — сев.-зап. hr(>r)// ю.-зап. θr(>s):

ав. ruθra-//др.-перс. ruθra- 'сын', ав. θri-//др.-перс. θri- 'три'; северо-западные: парф.-ман. rwhr, бел. r'usaγ (сев.), курд. (курм.) rēs (уст.), гил. rəsər, маз. rəsər, так. rəvr/rur, ишт. fur, берм. revr, семн. rīr, сэнг. rūr, сурх. rur, ласг. rūr/rur, шем. rəsār, афт. rūr, вон. rūr, кохр. rūr, кеш. rūr, зеф. rūr, сой rūra/rər, гязи rūr, хунс. rīr, мах. rūr, нат. rūr, фар. rūrā, яр. rūrā, най. rūr, язди rōr/rur, хури rus, пар. ruš и др.;

юго-западные: др.-перс. ruθra-, ср.-перс. rus (ман. rws), кл.-перс. rus(ar), совр. перс. rəsār, тадж. risar, дф. ros (дав.), кумз. ras и др.;

северо-западные: парф.-ман. hry, бел. say, курд. (курм.) se (курд.-м. sê), гур. yāre (авр.), заза hīré (сив.-з.), тал. hai(é) (керганруд.), гил. se, маз. se, семн. hēirā/hegā, сэнг. šə/se, сурх. hercé, ласг. hœire, шем. sō, афт. se, бияб. hāirā, вон. se, кохр. se, зеф. se°, кеш. se, сой sā/se, хунс. si, нат. se/sā, фар. se, яр. se, най. si, пар. šī, орм. šō (лог.)/šī (кнг.) и др.;

юго-западные: др.-перс. θritiya- 'третий', ср.-перс. sē (ман. sh), кл.-перс. si, совр. перс. se, тадж. se, тат. sā, бахт. se.

Ср. в авестийском и восточноиранских: ав. ruθra- 'сын', θraγ- (θritiya- 'третий'); скиф. *ruθra- (в и. с. Ρορθατος, Φορθας и т. д.);

согд. *pδr, *δry (ман.)/δry (будд.)/šy (христ.) (ср. ман. štyk, *štyk, будд. *šly, христ. štyk 'третий'); хорезм. pr, šy [ср. šyš '30', hrδyuz '13', *rcy'd(yk) 'треть']; хс. pūra-, drai/draya (ср. dārsā '30'); бактр. *Поуро (в и.с.), *puro '30'; афг. dre (ср. ders '30'); осет. furt (диг.) (эпигр. X в. φουρτ), ārtā, ягн. pūlla, t'rai (зап.)/s'rai (вост.); шугн. рус, arāy (<*θrayā); руш. рус, arāy; барт. рус, ar(r)āy; орош. рус, arāy; сар. рус/рус, aroy; язг. рос, cūy; вах. patr, lruy; ишк. rāy; сангл. rōy; мундж. pūr, xirāy; йидга pūr/pul/, x'roi.

4. Др.-ир. sp//s (ав. sp//др.-перс. s) — сев.-зап. sp//ю.-зап. s др.-ир. (ав.) span- 'собака', aspa- 'лошадь':

северо-западные: мид. σπάκ [Her. I, 110], парф.-ман. 'spg, курд. (курм.) sâ, гур. sêra (баджал.), тал. sêra, гил. sak, маз. sak, шахр. seba/sêba, керинг. pā, семн. āspa/espa/āsbā, санг. cœsbē/āsbā/espē, сурх. esbā/esbā/esbē, ласг. cœsbē/āspā, шем. sag, вон. esbā, кохр. espā/isbā, сой isbā/isbā, нат. ispe, хунс. isbā, мах. isbā, язди sag, сив. āspā/esbē/isprī, пар. *spō/*spō/*spaṣ, орм. 'spuk (лог.)/spak (spuk) (кнг.) и др.;

юго-западные: ср.-перс. sak (<*saka-), кл.-перс. sag, совр. перс. sāg, тадж. sag, тат. sāg, бахт. saī-на (вин. п.), курдш. sag, лар. sagū (akāl-e sagū 'собачий гриб'), кумз. soṣ и др.;

северо-западные: бел. asp, курд. (курм.) h'əsp (курд.-м. asp), гур. asp (авр.), заза āspār 'всадник', тал. asp/asb (ср. asbo 'всадник'), гил. asp/asb, маз. asb, семн. āsp, сэнг. asb, сурх. āsb/āsm, ласг. asb, шем. asb, бияб. asp, вон. asp, кеш. asm, зеф. asm, сой ās, нат. asm/asb, фар. asm, яр. asb, пай. āsp, хунс. āsb, язди asb/āsp, сив. usū(?), пар. ōsp, орм. yāsp (лог.)/yāsp (кнг.) и др.;

юго-западные: др.-перс. aspa-/asa- (ср. asa-bāra- 'всадник', букв. 'несомый конем'), ср.-перс. asp (ср. asvār 'всадник' < asa-bāra-), кл.-перс. asp (ср. suvār < asa-bāra-), совр. перс. āsp/āsb, тадж. asp, тат. ās, бахт. asp, курдш. asp, дф. asb (шир.-евр.).

Ср. в авестийском и восточноиранских: ав. span- 'собака', aspa- 'лошадь'; скиф. *aspa (в и.с. 'Ασπαλος и т. д.); согд. 'sp- (будд., ман.); хорезм. 'sp; хс. švānā (мн. ч.), ašša-; афг. spai, ās (ср. spor, swog (вост.) 'всадник' < *aspa-bāra-); осет. ālsā (диг.) 'кобыла'; ягн. asp; язг. asp (в сочетаниях, из тадж.); вах. šāč, yaš; ишк. asp (в сложениях, из тадж.); сангл. yosp; йидга yāsp (ср. āsp-rān 'конюшня' < *aspa-dāna-).

5. Др.-ир. j- — сев.-зап. j-, ž-(dz-, y-)//ю.-зап. z-:

др.-ир. jan- 'бить, убивать', jīv- 'жить', janaṣ- (ав. п.) 'жена, женщина';

северо-западные: парф.-ман. jn, бел. jan-, заза jān- (кор.-з.), тал. žan-, сэнг. žəncəndi '(я)бью', кеш. bé-jin 'бей!' кохр. bá-jin 'бей!', зеф. bé-žin 'бей!', гязи bež-žent 'он ударил', сой bé-je 'бей!', нат. jān-, фар. jan-, яр. žan-, пар. jan- и др.;

юго-западные: др.-перс. jan-, ср.-перс. zan (ман. zu), кл.-перс. zan-, совр. перс. zān-, тадж. zan-, тат. zān-, бахт. ze(ñ)-, дф. me-zare (дав.)/mî-zānóm (мас.) '(я)бью', кумз. bí-zen 'бей!' и др.;

северо-западные: парф.-ман. jw-, бел. zindag 'живой' (из перс.), курд. (курм.) ži-, гур. žiw- (авр.), тал. žie (инф.), кеш. jandā 'живой', зеф. véžanda 'живой', гязи žande 'живой', нат. zēnda(?) 'живой', пар. janō [<*jwanta(ka-)] и др.;

юго-западные: др.-перс. jīva-, ср.-перс. zī(w)-(ман.zyw-), кл.-перс. zī-, совр. перс. zī-, тадж. zī(y)-, тат. zistēn (?) (инф.), бахт. zindē 'живой' и др.;

северо-западные: парф.-ман. jn (мн. ч. jnyn), бел. jan (сев.), курд. (курм.) žn (курд.-м. žin), гур. žān(a) (авр., канд.), заза jīnē (сив.-з.)/žinī (бидж.-з.), тал. žcn, семн. žāniā/jānikā, сэнг. žekœjn (мн. ч. žinūn), кеш. žen, кохр. yen, зеф. žan, сой jē/yanā/žen, нат. jœnā/jan/jœn, фар. jan, яр. žan(e), хурі žen, сив. žine/žānā, пар. jīnē и др.;

юго-западные: ср.-перс. zan (ман. zn). кл.-перс. zan, совр. перс. zān, тадж. zan, тат. zān, бахт. zēna/ze(n), дф. zane(дав.)/zēna (канд.), кумз. zank.

Ср. в авестийском и восточноиранских: ав. jan-'бить, убивать', jīva-'жить', janaу-'жена, женщина'; согд. jn- (ман.), jw- (ман.); хорезм. w'znd '(он)убил' (<awa-jan-), zyw- (*zywndk 'живой'); хс. jsan-, juv- (<*jiv-); афг. wāžni '(он) убивает' (<*ava-jan-), žwāk (žwand, zwēnd, žwēndun) 'жизнь' (<*jiw- или *jyuw-), jōn 'девушка' (<jaini-?); ягн. žu-; шугн. zīn-, zindā 'живой' (из перс.-тадж.), žin (<*jani-); руш. zān-, zindā 'живой' (из перс.-тадж.), žan (<*janā-); барт. zān-, zindā 'живой' (из перс.-тадж.), žan; орш. zān-, zinda 'живой' (из перс.-тадж.), žan; сар. zōn-, zyndō/zindo 'живой' (из перс.-тадж.), žin; язг. žān-, zēnda/zinda 'живой' (из перс.-тадж.), žinjāg (žēnjāg) (ср. еще др.-вандж. jinja 'жена', 'женщина' и др.-вандж. γaуn id (из шугн.-руш.); вах. zinda 'живой' (из перс.-тадж.); ишк. žān-, zinda 'живой' (из перс.-тадж.), žonj/žonž (мн. ч. žonj, žyn); сангл. žan-/jan-, zinda 'живой' (из перс.-тадж.), jānj/jōnj (<*jani-či); мундж. žiy- (осн. прош. вр.), zēndā 'живой' (из перс.-тадж.), žinka/žina; йидга ži-, žindo 'живой' (из перс.-тадж.), žinko/žinkó/žingo) (<*jaini-kā).

6. Др.-ир. dv- — сев.-зап. b-/ю.-зап. d-:

др.-ир. dvar- 'дверь, ворота', dva- (ав.) 'два';

северо-западные: парф.-ман. br, гур. (авр.) bará, заза (сив.-з.) bār, тал. ba, шахр. bar, семн. bār, сэнг. bar, сурх. bār, ласг. bar, афт. bar, вон. bar, кеш. ber, кохр. ber, зеф. ber, сой bār/dār, хунс. bār, мах. bār, най. ber, нат. bar, фар. bār, яр. bār, язди bār, сив. bar, пар. bōr, орм. bar (кнг)/war (лог.) (из афг.), но, очевидно, под влиянием персидского в северо-западных языках встречается d, например: бел. dar (сев.) 'вне, снаружи', курд. (курм.) dāri, маз. dar, шем. dār, хурі dor и др.;

юго-западные: др.-перс. d(u)vara-, ср.-перс. dar (ман. dr), кл.-перс. dar, совр. перс. dār, тадж. dar, тат. dār, бахт. der и др.;

северо-западные: парф.-ман. dw, бел. du, курд. (курм.) dō, гур. (авр) dúe, заза di, тал. dē, маз. dā, шахр. dē, семн. du/dø, сэнг. dū/dō, сурх. do, ласг. do, шем. dū/dū, бияб. do/du, вон. dū, кеш.

дū, кохр. dū/dū, зеф. dū, сой du/dū, хунс. du, мах. du, най. du, нат. do, фар. do, яр. dø, сив. du/dūe, пар. dī/du, орм. dō (лог.)/dyō (кнг.) и др.:

юго-западные: ср.-перс. dō (ман. dw), кл.-перс. dō, совр. перс. do, тадж. du, тат. dū, бахт. dū/dī, дф. dū (сомг.), башк. dūn (<*duyāna-).

Ср. в авестийском и восточноиранских: ав. dvar- 'дверь', 'ворота', dva- 'два'; скиф. *dvavd, согд. dβr- (ман.), d̄w' ('d̄w, 'd̄w') (ман., будд.)/dw' (христ.), хорезм. d̄r [d̄βr], d̄β/'d̄β [d̄uvān d̄āra 'обоим' (?); хс. duva; афг. war, dwa; осет. dwar, duw(w)ä; ягн. divar, du; шугн. diví/divê/divú, du (<*duwā); руш. divo, daw; барт. divor/duvor, daw; орош. dūvor, d̄au/d̄aw; сар. diver, d̄ew; язг. d̄av̄ur/d̄aw̄ur (ср. еще др.-вандж. devur), d̄ow; вах. b̄ar, bu(y); ишк. var, d̄y(w); сангл. v̄or, d̄ou/d̄au; мундж. l̄av̄ar, lu (<*duwa); йидга l̄avor, lo^h.

7. Др.-ир. v-: сев.-зап. v-//ю.-зап. (кл.-перс. и т. д.) b-

др.-ир. (ав.) vāta- 'ветер', vafra- 'снег', vísaiti° 'двадцать':

северо-западные: парф.-ман. w'd, wfr, wyst; бел. gwāt, barp, bīst/gist; курд. ba (курм.), bafr (курд.-м.), bist (курм.); гур. wā (авр.)/vā (канд.), vārw (канд.)/wārua (авр.), wis (авр.); заза vāyō (сив.-з.), vaur (сив.-з.), vīst (бидж.-з); тал. vo, va, vis(t); гил. bād, varf/barf, bist; маз. vo(t); шахр. bād. var; семн. vā/bād, var(a), vīst; сэнг. v°e, varf, vīst; цурх. vā, vār, vīst; ласг. vā, var, vīst, шем. bād, barf, bīst°; афг. bīst; бияб. vīst; вон. vōd, varf, bīst; кеш. vōi, varf, vīssā; кохр. vōd, varf, vīs; зеф. vō, varf, vīss; сой vāl, varf/vāfr; меѳм. vād: нат. vāy, varf, vīst; фар. vāy, varf/vafr, vīs; яр. vāy, vafr, vīs; най. vā, vīs; хунс. vīs; язді vō^d, vāpr; хурі god, garf, gis; фепр. gā, garf, gis; сив. vā, vārfā; пар. γā, γarp, γušt; орм. γōš^r (кнг.)/γōš (лог.), jīst(ū) (<γ^hist) и др.;

юго-западные: ср.-перс. vāt (ман. w'd), vafr (ман. wfr), vīst (ман. wyst); кл.-перс. bād, barf, bist; совр. перс. bād, bārf, bist; тадж. bod, barf, bist; тат. var, vārf, bist; бахт. bōd, barf; дф. bāxl (дав.).

Ср. в авестийском и восточноиранских: ав. vāta- 'ветер', vafra- 'снег', vísaiti° 'двадцать'; скиф. *vinsati (я и. с. Ἰκσάτατος 'Vicentius') (?); согд. w't, wfr- (ман.), хорезм. *wfrk (wfyrk); хс. bistā; афг. wo (ван. wagā < vātara-ka-?), wāwra, (w)šal (ван. šwī < *wšiy); осет. wad, ssādz (ирон.)/insāy (диг.); ягн. wot, wafr, bist(t) (из тадж.); шугн. bōd (в слож.; из перс.-тадж.), bist (из перс.-тадж.) руш. bōd (в слож.; из перс.-тадж.), bist (из перс.-тадж.); барт. bōd (в слож.; из перс.-тадж.), bist (из перс.-тадж.); орош. bōd (в слож.; из перс.-тадж.) bist (из перс.-тадж.); сар. wist; язг. bod (в слож.; из перс.-тадж.); wast; вах. w̄y, barf (из перс.-тадж.), wīst; ишк. bād (из перс.-тадж.), warf, bist (из перс.-тадж.); сангл. bād(i) (из перс.-тадж.), warf, wīst; мундж. w̄y/wūy, wōrfa, bist (из перс.-тадж.); йидга wūy, wārfo, wīst.

Некоторые черты диалектологических отношений между юго-западными иранскими языками. Как явствует из изложенного выше материала, юго-западные иранские языки и диалекты представляют тесно связанную внутренним генетическим единством группировку, четко отграниченную историко-фонетическими дифференциями от восточных и северо-западных иранских языков. Большая часть дифференций, отделяющих юго-западные языки от всех остальных иранских — $z//d$, $s//\theta$, $\theta r//\theta r$, $sp//s$, находит свое отражение уже в древнеперсидских надписях и соответственно должна быть отнесена к древнейшему периоду истории иранских языков. Эти дифференцирующие признаки юго-западных языков $[d, \theta (>h), \theta r (>s), s]$ отчетливо прослеживаются по всем языкам и диалектам рассматриваемой группы, начиная с древнеперсидского и кончая современными диалектами.

В отличие от вышеперечисленных дифференций, по признаку отражения др.-ир. j - и dv - древне-персидский сохраняет еще, по-видимому, общеиранское состояние. Характерное для юго-западных языков развитие др.-ир. $j > z$ - и др.-ир. $dv > d$ - фиксируется только начиная со среднеперсидского языка и относится соответственно уже ко внутренней истории юго-западной группы иранских языков. Указанное отражение др.-ир. j - и dv - также объединяет все юго-западные языки и диалекты (за вычетом древнеперсидского), четко противопоставляя их северо-западным.

К еще более позднему периоду истории юго-западных языков относится развитие др.-ир. $v > b$ -. Среднеперсидский сохраняет еще др.-ир. v -, и, следовательно, переход $v > b$ - относится уже к периоду между средне- и новоперсидским языками. Этот переход охватил, однако, уже не все юго-западные языки, и сохраняющий древнее v - татский выделяется по этому признаку из числа всех остальных языков юго-западной группы.

Другим характерным признаком татского языка является ротацизм, т. е. переход древнего поствокального $t > r$. По этому признаку татский объединяется еще с одним юго-западным диалектом, именно с диалектом кумзари. Ср., например, тат. *dīran* 'видеть' (др.-ир. *dita-*, н.-перс. *didan*), *biran* 'быть' (др.-ир. *būta-*, н.-перс. *būdan*), *dum(b)or* 'зять' (др.-ир. *zāmātar-*, н.-перс. *dāmād*), *dūrā* 'дым' (др.-ир. **dūta-*, н.-перс. *dūd*) и т. д. Ср. кумз. *dūr* 'дым', *spīr* 'белый' (др.-ир. *spaeta-*, н.-перс. *safer*) и т. д.⁶²

Для кумзари характерны также специфические юго-западные формы с d , утраченные в новоперсидском и других юго-западных языках. Ср., например, кумз. *dimestān* 'зима' [ав. *zyam-*, *zəm-*, ср.-перс. *damistān* (ман. *dmyst'n*), но н.-перс. (из сев.-зап.) *zamistān*] и т. д.

О теснейших родственных связях персидского и таджикского говорилось уже выше. Лурско-бахтиярские диалекты, в том

⁶² Явления ротацизма отмечаются и в некоторых северо-западных говорах на территории Иранского Азербайджана.

числе диалект курдшули (в Фарсе), по всем основным признакам историко-фонетического развития (главным образом в области консонантизма) тесно примыкают к персидскому. То же относится к так называемым «таджикским» говорам Фарса.

Диалекты Башкардии занимают исторически самостоятельную позицию среди юго-западных языков [Gershevitch 1959, 222]. Они распадаются на две подгруппы (говоры северной и южной Башкардии). В одной из них $-t- > -r-$ и $v- > gv-$, в другой — $-k- > -x-$, $rtu > š$, $-t- > -t$ и т. д. [Morgenstierne 1958, 170, 178]. По заключению И. Гершевича [Gershevitch 1964, 12], южное башкарди представляет консервативный диалект «персидского типа». Некоторые из отмеченных для башкарди явлений сближают его с татским и кумзари ($-t- > -r-$), другие с белуджским ($v- > gv-$, сохранение $-t-$) и некоторыми диалектами Центрального Ирана.

Некоторые черты диалектологических отношений между северо-западными иранскими языками. Северо-западные иранские языки не связаны столь тесным внутренним единством и не ограничены от остальных иранских языков столь четко, как рассмотренные в предыдущем параграфе языки юго-западные. По многим признакам историко-фонетического развития, разграничивающим юго-западные и северо-западные иранские языки, последние смыкаются — в большей или меньшей мере — с языками восточноиранскими. Значительно сложнее и многообразнее (по сравнению с языками юго-западными) диалектологические связи и отношения внутри северо-западных языков, среди которых выделяют обычно белуджский и курдский языки, представленные — каждый — большим числом существенно различающихся диалектов и диалектных групп, прикаспийские языки (гилянский, мазандеранский, талышский и примыкающие к ним диалекты), заза и гурани, «центральные» диалекты. По основным признакам историко-фонетического развития к северо-западным должны быть, по-видимому, отнесены также языки парачи и ормури.

Само многообразие северо-западных языков и диалектов отражает, как можно думать, происхождение их от различных недоевших до нас в письменных памятниках северо-западных диалектов древности. Как явствует из материала, основные историко-фонетические признаки парфянского языка — единственного северо-западного языка древности, известного по связным текстам, — разделяются — в тех или иных сочетаниях — современными северо-западными языками и диалектами, однако ни один из них не представляет всей совокупности признаков, характеризующих парфянский язык, и ни один из них не может рассматриваться как прямое продолжение языка, зафиксированного парфянскими текстами.

Трудности, возникающие при попытках классификации и внутренней группировки северо-западных иранских языков, вызываются не только объективной сложностью материала, но и его недостаточностью, фрагментарностью. Эти трудности усугубля-

ются тем, что в значительной своей части исконная лексика северо-западных языков и диалектов (особенно языков бесписьменных или малописьменных) вытеснена персидской и безвозвратно утрачена, что не позволяет выявить в сколько-нибудь полной мере историко-фонетические корреспонденции.

Обширность территории (от восточных вилайетов Турции до берегов Инда), на которой распространены — иногда небольшими островками, иногда относительно крупными массивами — северо-западные языки и диалекты, объясняется происходившими на протяжении длительной исторической эпохи миграциями племен и народов — носителей северо-западной иранской речи. К наиболее раннему периоду распространения северо-западной иранской речи за пределы северо-западных областей Иранского нагорья относится, по-видимому, распространение прабулуджского, а также диалектов, легших в основу парачи и ормури — языков, оказавшихся в результате длительных и сложных исторических процессов на востоке и крайнем юго-востоке ираноязычной территории. Здесь эти языки (особенно парачи и ормури) подверглись сильному влиянию восточноиранской речи (см. ниже), а отчасти и влиянию языков неиранских — индоарийских и дравидических. К раннему периоду относится также, как полагают [Tedesco 1921, 253, Anm. I], распространение в районы Прикаспия диалектов, легших в основу языков прикаспийской группы, к более позднему — распространение на запад диалектов, лежащих в основе заза и гурани. Эти последние были в значительной мере ассимилированы курдским языком — наиболее поздним, как считает П. Тедеско (Там же), по нынешнему своему распространению слоем северо-западных языков в северо-западной части ираноязычной территории.

По степени развития и преобразования древнеиранской звуковой системы наиболее архаичный облик сохраняет как в области вокализма, так и области консонантизма белуджский язык — единственный из северо-западных (и вообще западных) иранских языков, представляющий в неизменном виде древние поствокальные глухие смычные и поствокальную аффрикату *č*. Весьма архаичны также диалекты гурани, в частности, диалект авромани, сохраняющий облик консервативного среднеиранского диалекта западноиранской группы [MacKenzie 1966, 3—4].

В то же время в ряде других северо-западных языков и диалектов редукция древнеиранской звуковой системы шла очень далеко. Во многих языках этой группы редуцировались или вообще отпали консонантные группы и отдельные консонанты, в том числе древние поствокальные глухие смычные, поствокальное *g* и т. д. Ср., например, шахр. *var*, сив.-з. *vaur*, семья. *var(a)*, сурх. *vâr*, ласг. *var*, тал. *va* и т. д. 'снег' (ав. *vaŋra-*, н.-перс. *barf*), тал. *vak* 'волк' (ав. *vahrka-*, н.-перс. *gurg*), шахр. *vak* 'почка' (ав. *vərədka-*, *vərəŋka-*, н.-перс. *gurda*), тал. *vi*, сив. *vîa*, сэнг., афт., бияб. *vi°* и т. д. 'ива' (ав. *vaētay-*, н.-перс. *bēd*),

маз. *vo/vot*, тал. *vo*, сой *vāī*, сив.-з. *vāyō*, семн. *vā*, сив. най. *vā*, фар., яр., нат. *vāy*, кеш. *vōi*, зеф. *vō* и т. д. 'ветер' (ав. *vāta-*, н.-перс. *bād*), гил. *mār*, семн. *meu* (косв. п. *mār*), шахр. *mā*, тал. *mo(a)* и т. д. 'мать' (др.-ир. *mātar-*, н.-перс. *mādar*), гил., маз. *per*, тал. *pəa*, шахр. *pe* и т. д. 'отец' (др.-ир. *pitar*, н.-перс. *pidar*), тал. *doe* (инф.) 'давать', шахр. *ā-dā* '(он) дал' (др.-ир. *dāta-*, н.-перс. *dād-*), тал. *ha* 'осёл' (ав. хага, н.-перс. *har*) и т. д.

Характерно для северо-западных языков и диалектов также падение первого элемента в древнеиранских консонантных группах *-ft-*, *-xt-*, а для ормури — и полная утрата этих групп. Ср., например, сив.-з. *hañt*, пар. *hōt*, орм. *wō* (лог.)/*hō* (кнг.) 'семь' (др.-ир. *hafta*, н.-перс. *haft*), тал. *gate* (инф.) 'брат', шахр. *a-gate* '(он) взял' (ав. *gərəpta-*, н.-перс. *girift-*) и т. д.; бел. *dutuk/dutag*, шахр. *dəl*, семн., бияб. *dut*, афт. *dūt*, сэнг. *dúət*, шем. *detār*, сив. *déte*, мах. *ditiyê*, сой *dutár*, май. *dôt*, кохр. *dúti*, язди *döt*, орм. *dūa* (лог.)/*dūo* (кнг.) и т. д. 'дочь' (др.-ир. **duxtā*, н.-перс. *duxtar*).

Переходя к группировке северо-западных иранских языков по характерным признакам историко-фонетического развития, необходимо иметь в виду, что эта группировка, как и в других подобных случаях, основывается часто на весьма фрагментарном и по необходимости ограниченном лексическом материале, и что в этом материале не всегда возможно отличить изначально свойственные данному языку (диалекту) формы от персидских заимствований. Имея в виду эту оговорку, можно все же попытаться выделить некоторые изоглоссы, объединяющие или, напротив, разделяющие языки и диалекты северо-западной группы.

1. По характеру отражения др.-ир. $\vartheta r/\vartheta^r$ к парфянско-манихейскому примыкают переходом $\vartheta r/\vartheta^r > hr (> r)$ диалекты заза, гурані, семнані, сурхей, ластерді, и — в интервокальной позиции ($-\vartheta r/-\vartheta^r-$)⁶³ — также большинство диалектов Северо-Западного (так., ишт., берм. и др.) и Центрального (сэнг., афт., вон., кохр., кеш., зеф., гязі, нат., фар., яр., най., язди и др.) Ирана. От перечисленных диалектов отделяются переходом $\vartheta r/\vartheta^r > s$ белуджский, курдский, гилианский, мазандеранский, шемерзди и хури, переходом $\vartheta r/\vartheta^r > \check{s}$ парачи и — в анлауте — ормури и сэнгисері.

2. По характеру отражения др.-ир. *sr* // *s* к манихейскому и парфянско-манихейскому примыкают сохранением *sr* гурани, заза (?), белуджский (?)⁶⁴, талышский, большинство диалектов

⁶³ Такие примеры, как тал. (керганруд.) *hai(ə)*, бияб. *hāirā* 'три' и т. п., позволяют думать, что переход $\vartheta r/\vartheta^r > hr$ происходил в большинстве названных диалектов и в анлауте, однако в настоящее время числительное 'три' представлено во всех этих диалектах юго-западной (персидской) формой с начальным *s*.

⁶⁴ Одно из наиболее важных для установления этой дифференции опорных слов (др.-ир. *sraqa* // **saka-* 'собака') в белуджском и заза, как будто,

Северо-Западного (шахр., керинг. и др.) и Центрального (семн., сэнг., сурх., ласг., сой, вон., кохр., мах., нат.) Ирана, а также сивендй, парачи и ормури. Отражением др.-ир. *sp//s* как *з* в слове *sraка-//*saka-* выделяются из числа северо-западных языков курдский, гилянский, мазандеранский, шемерзадй и язди⁶⁵.

3. По характеру отражения др.-ир. *j-* (сохранение *j-*) к парфянскому примыкают белуджский, заза⁶⁶, парачи, многие диалекты Центрального Ирана (семн., бияб., афт., кеш.⁶⁷, кохр.⁶⁸, сой⁶⁹, нат., фар., язди⁷⁰ и др.). Переходом *j- > ž-* им противостоят курдский, гурани, талышский, некоторые диалекты Северо-Западного (кадж. и др.) и Центрального (сэнг., сурх., ласг., зеф., хунс., яр., гязй, хурй, сив. и др.) Ирана, переходом *j- > z-* — гилянский, мазандеранский, некоторые диалекты Северо-Западного (шахр., так., берм. и др.) и Центрального (вон., вафсй, шем., мах. и др.) Ирана, переходом *j- > dz-/z-* — язык ормури.

4. Переходом др.-ир. *dv-* $\rightarrow$ *b-* с парфянско-манихейским объединяются все северо-западные языки и диалекты⁷¹ за исключением белуджского, курдского и хурй, отражающих др.-ир. *dv-* как *d-* и противостоящих по этому признаку остальным языкам северо-западной группы.

5. Сохранением др.-ир. *v-* с парфянско-манихейским объединяются все северо-западные языки и диалекты, за исключением белуджского, хурй (с примыкающими говорами), парачи и ормури. Белуджский и хурй (с примыкающими говорами) выделяются переходом др.-ир. *v-* $\rightarrow$ *g(v)-*, парачи и ормури — переходом др.-ир. *v-* $\rightarrow$ *γ*, курдский (в ряде случаев) — переходом *v-* $\rightarrow$ *b-*. Помимо материала, приведенного выше, ср. еще бел. *gwak/gvānk* (мекр.)/*gvānk* (сев.) 'голос, крик' (ср.-перс. *vāng*, арм. заимств. *vank/vang*, тал. *vang* и т. д.; ср. н.-перс. *bāng*, хорезм. *w'nk* [*w'ng*] и т. д.), *gwarāk* 'ягненок' (ср.-перс. *varak*, курд. *vark*, маз. *ware*, тал. *va/vā*; ср. н.-перс. *bagga* и т. д.), *gēōn* 'сито' (ср. ав.

не засвидетельствовано. Второе опорное слово (др.-ир. *aspa- // asa-* 'конь') в очень раннюю эпоху распространилось в форме *aspa-* на все западноиранские языки, и соответственно формы этого слова не могут служить надежным дифференцирующим признаком.

⁶⁵ Вполне вероятно, что в названных языках формы этого слова с *s* представляют формы юго-западного (персидского) происхождения. В других случаях курдский вместе с белуджским и большинством северо-западных сохраняют, как правило, *sp-*. Ср. бел. *spēt*, курд. *syri*, семн. *espi/esbi*, бияб., афт., сэнг. *esbi*, шахр. *sebi*, тал. *sēpi*, керинг. *pī* и т. д. 'белый' (ав. *sraēta-*).

⁶⁶ С колебаниями по диалектам. Ср. *jīnš* (сив.-з.) / *žīnī* (бидж.-з.) 'жена'.

⁶⁷ Однако с *j- > ž-* в слове *žen* 'жена'.

⁶⁸ Однако с *j- > y-* в слове *yēp(e)* 'жена'.

⁶⁹ С колебаниями начального согласного в слове *žš/žēp / yānā* 'жена'.

⁷⁰ Однако с *j- > z-/y-* в слове *žīnš/yān* 'жена'.

⁷¹ В числительном *dva-* 'два', как и в других случаях, числительные отражают часто юго-западные формы.

vaēša-, ср.-перс. vēz, н.-перс. bēz-, тал. vite 'просеивать', курд. bēžing 'сито' и т. д.), gīs/ges 'дом' (ав. vīs-, др.-перс. viθ-, пар. γus/γos), 'gīn 'нос' (ав. vaēnā-, тал. vēni, шахр. vini и т. д.; ср.-перс. vēnik, н.-перс. bīni) и т. д.

6. По характеру отражения др.-ир. х^в- курдский, гилианский, шахристанй, парачи, ормури и другие северо-западные объединения с парфянско-манихейским сохранением хw-, х- (парф.-ман. хw-/wx-). Переходом др.-ир. х^в->w- от них отделяются белуджский, заза и гурани, переходом х^в->f- — хурй, феррохй и сивендй, переходом х^в->h- — талышский.

Ср., например, парф.-ман. хwt-/wxh- 'есть', 'пить' (ав. х'ar-, н.-перс. х'ar-), курд. (курм.) хwагън, гил. xurdən/xorden, пар. хаг-, орм. хг- (лог.)/(х)г- (кнг.) и т. д., но бел. war-, сив.-з. wār-, гур. (авр., канд. и др.) war-, сив. fārdem '(я) поел', хурй de-ferom '(я) ем' тал. harde (инф.); парф.-ман. wx'g 'сестра' (ав. х'arhar-, н.-перс. х'āhar-), курд. (курм., сул.) xušk, гил. хāхur/хāхur, шахр. хāv (косв. п. хāvar), пар. хī, орм. хwār (из перс.-тадж.?), но бел. gwār (<w°), сив.-з. wārā/wāi, гур. (авр.) wate (ср. авр. wātažā/wāražā 'сын/дочь сестры'), ферр. fār, тал. hova; ср. еще парф.-ман. хwr° (хwrхšyd) 'солнце' (ав. г. х'an/hvar-, ав. п. hvar-, н.-перс. х'ar° в х'aršēd), но гур. (канд.) wār, сив. for, ферр. fār; парф.-ман. хwmг 'сон' с диссимиляцией -n->-r-, ср. ав. х'ar- 'спать', х'afna- 'сон', ср.-перс. х'āpn, хwmn (ман.), н.-перс. х'āb, курд. хāw (курм.)/xew (сул.), но бел. wāb 'сон', wasp-: wart- 'спать', гур. (канд.) wārm, сив. farim 'сон', тал. han 'сон', hēte (инф.) 'спать'; парф.-ман. wxd 'сам' (ав. х'atō, н.-перс. х'ad)⁷², но бел. wat, тал. wuže, сив. fei; бел. wān-: wānt- 'читать', 'изучать' (н.-перс. х'an-: х'and-), заза wend, но тал. hande (инф.) и т. д.

7. Переходами др.-ир. -šm->-v-/w-, -xm->-v-/w-, х->к и š- (в др.-ир. šiyav- 'идти')>č- курдский выделяется из числа всех остальных северозападных языков. Ср. курд. č'av (курм.)/čaw (сул.) 'глаз' (др.-ир. časma-, парф.-ман. čēm, н.-перс. čāsm), но кор.-з. čim, гур. (авр.) čam, бел. čam(m), тал. čaš, гил. čim, язидй čem и т. д. (дальнейшие примеры см. ниже); курд. tov (курм.)/tow (сул.) 'семья' (ав. taoxman-, н.-перс. tuxm), но бел. tom, тал. tū(x)m и т. д.; курд. kānin, kān- (курм.)/kān-(мурк.)/pēkenin (сул.) 'смеяться' (др.-ир. *xand-, н.-перс. xandīdan, xand-), но гур. (авр.) хиāу, хи-, вон. xend-, кохр., кеш. xand-, хунс. bā- xāndā '(они) засмеялись', най. í-xēndā '(чтобы он) засмеялся', шем. ханпā kā-tanā '(они) засмеялись' и т. д.; курд. kār (курм.)/ker (сул.) 'осел' (др.-ир. хага-, н.-перс. хар), но сив.-з., кор.-з. бидж.-з. hār, гур. (авр., канд.) har, бел. ar (ср., впрочем, зап.-бел. kar), тал. ha,

⁷² Как полагают [Tedesco, 1921, 207], именно метатезы типа парф.-ман. wx'g 'сестра', wxd [*vxad] 'сам' послужили предпосылкой к последующему падению х и тому характеру развития др.-ир. х^в-, которое представлено в белуджском, заза и гурани.

сив. hăg, язді хăг, семн. хаг(ă), сэнг., сурх., ласг. хаг и т. д. Также др.-ир. хг- > курд. kəg-/kir-. Ср. курд. (курм.) kərin, kir- 'покупать' (др.-ир. *xrina-, др.-инд. kṛīrāti, н.-перс. xaridan, хаг-), во шем. xarāmma(m) '(я) купил', най. mī īrīnī '(чтобы я) купил', сэнг. ərsincəndi '(я) купил', орм. šep- (лог.)/š'īn- (кнг.) и т. д.;

курд. (курм.) šuyin/šun 'идти' (ав. г. šyav-/šav-, ав. п. šav-, др.-перс. šiyav-, н.-перс. šav-), но сив.-з., кор.-з., šī-, гур. (авр.) šīāv (инф.), хунс., нат. bā-šā 'иди!', мах. āt-šōn '(я) иду', най. šī '(я) иду', кохр. á-šum (á-šūn?) '(я) иду', семн. mā-šin '(я) иду', сой bē-šā 'иди!', сив. šī '(он) ушел', шахр. be-šim '(я) ушел', тал. še (инф.) и т. д.

Указанные здесь признаки объединяют все диалекты курдского языка, и «ни один из диалектов, в котором нет отмеченных особенностей, не может быть лингвистически определен, как курдский» [Маккензи 1963, 163].

Исходя из изложенного, можно попытаться суммировать некоторые признаки, на основе которых выделяются внутри северо-западной группы отдельные языки и диалекты (группы диалектов).

1) Белуджский язык выделяется переходами $\theta r/\theta^r > s$, $dv- > d-$, $v- > g(v)$, $x^v- > w-$, а также сохранением древних поствокальных глухих смычных и поствокальной аффрикаты $\check{c}^{73}$. Отмечается в белуджском (также как в парачи и ормури) определенный слой восточноиранской лексики, объясняемый ранними контактами этих языков с восточноиранскими. Ср., например, бел. saṣan, пар. saṣōn, орм. (лог.) *skan '(коровий) навоз' и мундж. ṽuskən, ийдра ṽuskən с тем же значением, вах. s(ə)gīn '(конский) навоз', ягн. sā(r)kin 'кизяк' и т. д.

2) Курдский язык выделяется специфическими переходами $-šm- > -v-/-w-$, $-xm- > -v-/-w-$, $x(r)- > k-$, $\check{s}-$ (в др.-ир. šiyav- 'идти') $> \check{c}-$, а также переходами $\theta r/\theta^r > s$ (§ 68a), $\check{j}- > \check{z}-$ (§ 68), $dv- > d-$, $v- > b-$. Для всех курдских диалектов характерен также переход др.-ир. $-m- > -v-/-w-$: курм. pav/ сул. paw 'имя' (др.-ир. pāman-, н.-перс. nām) и т. д.⁷⁴

3) Заза и гурани, ошибочно рассматривавшиеся на протяжении долгого времени как диалекты курдского⁷⁵, выделяются об-

⁷³ Переходами $\theta r/\theta^r > s$ и $dv- > d-$ белуджский смыкается с юго-западными иранскими языками. Частично белуджский смыкается с юго-западными также по отражению др.-ир. $v-$. Ср., например, бел. gurz, н.-перс. gurz 'дубина' (ав. vazra-), бел. gind- 'видеть' (ав. vinda-) и башк. gīn- с тем же значением (ав. vinda- или vaīna-?). Ср. также башк. gohort, дав. got 'большой' (др.-перс. vazrka-) при н.-перс. buzurg и т. д.

⁷⁴ Переходами $\theta r/\theta^r > s$ и $dv- > d-$ курдский, как и белуджский, смыкается с юго-западными языками. Частично курдский смыкается с юго-западными также по отражению др.-ир. $v-$.

⁷⁵ Неправомерность отнесения заза и гурани к курдским диалектам была впервые отмечена О. Манном (Mann, Hadank, 1906–1932, I, с. XXIII,

щим для них переходом др.-ир. $x^v- > w-$. Соответственно заза и гурани согласуются по одинаковому отражению др.-ир. $y-(>v-)$ и др.-ир. $x^v-(>w-)$ ⁷⁶. При значительной степени близости заза и гурани отмечаются в то же время и известные различия между ними (Mann, Hadank 1906—1932, III/IV, 25 и сл.) в звуковом развитии, образовании основ настоящего времени и т. п.

4) Среди прикаспийских языков талышский выделяется переходами $j- > \check{z}-$ и $x^v- > h-$, гилянский и мазандеранский переходами $\text{ʒr}/\text{ʒr} > s$ (§ 73a) и $j- > z-$ ⁷⁷. Все прикаспийские языки и диалекты характеризуются далеко зашедшим процессом падения консонантов и упрощения консонантных групп (примеры см. выше, стр. 237). К группе гилянско-мазандеранских диалектов относились, по-видимому, местные говоры горных районов к северу от Тегерана, почти полностью вытесненные ныне персидским (Morgenstierne 1958, 173).

С талышским смыкаются по всем основным признакам историко-фонетического развития многочисленные бесписьменные диалекты Иранского Азербайджана — говоры области Халхал (как, например, шахрудий) говоры селений к северо-западу от Тебриза (как, например, харзан(д)и́ и др.), а также тесно связанные друг с другом говоры, зафиксированные к югу от Казвина [говоры сел. Такистан, Иштихард, Бермова (Ибрахимабад) и т. д.]. К приведенному выше материалу, свидетельствующему о сходных результатах историко-фонетического развития, могут быть добавлены еще данные об одинаковом отражении в этих языках и диалектах др.-ир. $y-$. Ср., например, тал. и шахр. uav 'ячень' (ав. $uava-$, н.-перс. jav) и т. д.

Диалект Шахруда тесно связан с южными говорами Иранского Талыша, а также с талышским говором сел. Масуле (в Северо-западном Гиляне) и составляет вместе с ними одну диалектную группу [Yarshater 1959]. По заключению Хенцинга [Henning 1955₂], особенно тесно связан с талышским говор харзан(д)и́ ⁷⁸,

прим. 1), который в то же время необоснованно отнес заза и гурани к числу «центральных» диалектов.

⁷⁶ Ср. однако сив.-з. $h\acute{o}rd\acute{i}$ и гур. (канд.) $w\acute{i}rd\acute{a}$ 'маленький' (др.-ир. $*x^varta-$ н.-перс. $x^v\acute{a}rd$), каз.-з. $v\acute{a}lgo$ 'листья' и гур. (канд.) $g\acute{i}l\acute{a}/g\acute{i}l\acute{a}$ 'лист' (ав. $va\acute{r}eka-$, н.-перс. $ba\acute{r}g$).

⁷⁷ Гилянский, мазандеранский и примыкающий к ним шемерзади́ (полоса г. Семпана) совпадают по этим признакам с юго-западными иранскими языками, что объясняется по всей вероятности, сильнейшим влиянием персидского, вытеснившего местные формы.

⁷⁸ В то же время, согласно записям некоторых исследователей в харзан(д)и́ отмечаются [Morgenstierne 1958, 174] необычные для северо-западных (и вообще западноиранских) языков переходы др.-ир. $\acute{c}- > c-$ ($s\acute{o}$ 'четыре') и др.-ир. $k- > \acute{c}-$ ($\acute{c}\acute{a}r$ 'дом'), ср. др.-ир. $kata-$, н.-перс. $kada$). Последний пример характерен еще переходом др.-ир. $-t- > -r$, отмечаемым также в шахрудий (ср. шахр. $b\acute{e}ga$ '(он) был' $< b\acute{u}ta$) и sporadически в некоторых других говорах Иранского Азербайджана. Явлениями ротации эти говоры, выделяясь из северо-западных, сближаются с некоторыми юго-западными — татским, кумзари и др.

смыкающийся, с другой стороны, с диалектами заза. Говоры Хал-халы (Chalchal) образуют переходную ступень между талышским и такистані (Redard 1970, 114), последний же, имея многие типично талышские черты, разделяет в то же время ряд особенностей, свойственных семнанскому, гилянскому и — особенно — табаристанскому, представляя как бы «связующее звено» между этими языками и диалектами [Henning, 1955₂, 164; Morgenstierne 1958, 173]⁷⁹.

5) «Центральные» диалекты. Под этим названием понимаются многочисленные и весьма разнородные говоры, распространенные преимущественно в сельских местностях Центрального Ирана — между Тегераном, Хамаданом, Исфаханом и Йездом, а также по окраинам пустыни Дешт-е Кевир и в ее оазисах. Разнородность этих говоров, а также недостаточность, фрагментарность и часто недостоверность⁸⁰ материала не позволяют пока вычлени- нить какие-либо строгие лингвистические критерии, объединяющие эти говоры между собой и в то же время выделяющие их в особую подгруппу внутри западноиранских языков и диалектов. Таким образом, ни состав «центральных диалектов», ни внутренняя их классификация не могут считаться установленными.

Уже В. Гейгер, включавший в состав «центральных» диалект «табри» (т. е. диалект парсов Ирана), известные к тому времени диалекты полосы Кашана—Исфахана, а также говоры найини и сивенди, оговаривался, что эта группировка покоится главным образом на географическом основании [Geiger 1898—1901, 288, 381 и сл.]. В классификационной схеме В. Иванова [Ivanow 1935—1939, I, 43], также основывающейся на географическом принципе, эти диалекты вместе с многими другими, еще неизвестными Гейгеру, были объединены под малоудачным названием «западноперсидских» (Western Persian). В. Иванов включал в их состав диалекты йездской, кашанской, исфаханской, казрунской, ларской и бендер-аббасской групп. Между тем, приток новых материалов по бесписьменным иранским языкам и диалектам, равно как и проработка уже известного диалектного материала все нагляднее выявляли несостоятельность классификации диалектов по географическому принципу и выделения таких, скажем, груп-

⁷⁹ Х. Бейли [Bailey, 1936] относил к этой подгруппе также диалект Го-зерхона. Последний рассматривался В. Ивановым [Ivanow, 1931₂, 357 и др.] как переходный между мазандеранскими диалектами и диалектами западной части Центрального Ирана; отмечалась, в частности, тесная его связь с говором сел. Теджриш (к северу от Тегерана) и с некоторыми диалектами семнанской группы.

⁸⁰ В качестве одного из курьезов может быть приведен такой, например, факт: материалы по говорам, которые Манн (O. Mann) называют сой, а Полак (J. E. Polak) — натанзи, в большей мере совпадают с материалами по говору, который у В. А. Жуковского называется кохруді, тем, соответственно, с материалами Андреаса (F. C. Andreas) и Хотум-Шиндлера (A. Houtum-Schindler) по сой и материалами Кристенсена (A. Christensen) по натанзи [Morgenstierne 1962, 208, п. 1].

пировок как «диалекты [полосы] Кашана» и т. п. [Mann, Nadank 1906—1932, III/IV, 56 и сл.].

В середине 30-х годов Бейли [Bailey 1936] предпринял опыт классификации «центральных диалектов» (с включением диалектов области Семнана), приняв в качестве критерия способ образования глагольных форм настоящего времени, и еще 22 года спустя Моргенштерне [Morgenstierne 1958, 171] считал, что эта классификация (со всеми необходимыми оговорками, разумеется) может быть практически использована. Среди диалектов Центрального Ирана Моргенштерне выделил следующие подгруппы:

а) язди́ и керма́ни (говор парсов Йезда и Кермана, называемый обычно в старой литературе «габри́»);

б) найи́ни́ и практически тождественный ему энаре́ки́ [Ivanow 1930, 45], очень близкие к язди́;

в) ната́нзи́ с яран(д)и́ и фариза́нди́, к которым примыкают также, хотя и с некоторыми отличительными чертами, говор Эрдестана́ и, возможно, Бидхенда́;

г) со́й, кохруд́и́, кешей́, меймей́ и говоры некоторых других селений, лежащих между Кашаном и Исфаханом;

д) хунса́ри́, махалла́ти́ и вонишун́и́;

е) гязи́, кафрон́и́, седе́хи́ и говоры некоторых других селений, прилегающих к Исфахану. Возможно, что к этой же подгруппе относится говор селения Зе́фре (к северо-востоку от Исфахана);

ж) сивенди́ — говор сел. Сивенд (в 70 км. к северу от Ши-раза); характерным выделяющим признаком служит для сивенди́ переход др.-ир. $x^v > f$;

з) говоры области Тафри́ш — ваф́си́, аптия́ни́, каха́ки́ и другие (между Хамаданом и Саве). Для ваф́си́ характерны переходы др.-ир. $-šm- > s-$ и (как в курдском) $-m- > -v-$, ср., например, sowān 'вы' (ав. п. uīšma-, ав. г. xšma-, н.-перс. šumā). Не образуя лингвистически единой подгруппы, эти говоры занимают, согласно Г. Моргенштерне [Morgenstierne 1958, 172], промежуточное место между талышским, с одной стороны, и диалектами, зафиксированными в полосе между Кашаном и Исфаханом (сой, кохруд́и́, кешей́, меймей́ и т. д.) и к западу от нее (хунса́ри́, махалла́ти́ и т. д.), с другой.

б) Диалект ху́ри́ и, согласно В. Иванову [Ivanow 1930, 45—46], практически идентичные ему говоры селений Мехрджа́н, Ферро́хи (Farvī), Герме́ (Garmew, Garmāb), Аббасаба́д, включаемые обычно в число «центральных», могут быть выделены из последних на основе переходов др.-ир. $v- > g-$ и др.-ир. $x^v > f-$. По первому из названных переходов эти говоры смыкаются с белуджским, по второму — с сивенди́.

7) Диалекты полосы г. Семнана, также включавшиеся обычно в число «центральных», выделяются однако из последних по некоторым историко-фонетическим и — особенно — морфологическим признакам и могут рассматриваться как переходные от «центральных» к прикаспийским [Morgenstierne 1958, 172—173]. Собственно

семнанский с близко родственным ему биябунекі довольно значительно отличается от диалектов сурхей, ласгердї, сэнгисерї, шемерзаді и афтарї, и, по мнению Г. Morgenstierne [Morgenstierne 1960, 93], ни один из последних не может рассматриваться как говор собственно семнанского. Собственно семнанский отделяется по образованию глагольных форм настоящего времени от сэнгисерї, сурхей, ласгердї, шемерзаді и афтарї, которые сближаются по этому признаку (инфиксация -p(n)-, -nd-) с гилианско-мазандеранскими диалектами и диалектами заза [Bailey 1936; Morgenstierne 1958, 173, 175—176]. Особенно тесные связи отмечаются между шемерзади и мазандеранским [Morgenstierne 1960, 93]. Сэнгисерї выделяется переходом $\text{ʒr-//} \text{ʒr-} > \text{s-}$, сближающим его с парачи и ормури.

8) Парачи и ормури выделяются из числа северо-западных иранских языков переходами др.-ир. $\text{ʒr-//} \text{ʒr-} > \text{š(š)}$ и др.-ир. $\text{v-} > \text{γ}$. Специфическим для ормури является переход др.-ир. $\text{č-} > \text{с-}$ (орм. *sâr* 'четыре'), объясняемый, по-видимому, как и многие другие характерные черты этого языка, длительным контактом его с восточноиранскими языками, в первую очередь с афганским [Morgenstierne 1929—1938, I, 318].

Диалектологическая группировка восточноиранских языков. Языки северо-восточные и юго-восточные. К восточноиранской группе относятся языки и диалекты, восходящие к древним иранским диалектам Средней Азии, Восточного Туркестана, Бактрии и сопредельных областей современного Афганистана, а также к диалектам скифских племен. Восточноиранские языки подразделяют обычно на две подгруппы: а) северо-восточная (скифская) подгруппа и б) юго-восточная подгруппа.

Из древних иранских языков северо-восточной подгруппы известны согдийский, хорезмийский и скифский, т. е. языки и диалекты, занимавшие север и северо-восток иранской языковой области. Продолжением скифских диалектов Причерноморья и Предкавказья являлись в средние века аланские диалекты и в новое время — осетинский язык. От согдийского языка, вытеснявшегося постепенно, с одной стороны, персидским (таджикским) языком, с другой, тюркским сохранился до наших дней только один диалект — ягнобский (или новосогдийский) язык. Хорезмийский вскоре после XIII—XIV вв. окончательно вышел из употребления.

Южнее, на территории Бактрии, Восточного Туркестана и прилегающих к ним областей сформировалась юго-восточная подгруппа иранских языков. В эпоху иранского языкового средневековья эта подгруппа представлена бактрийскими, сакско-тохарскими и эфталитскими диалектами. Сколько-нибудь значительные тексты на этих диалектах сохранились только в сакских (преимущественно сакско-хотанских) документах из Восточного Туркестана и в памятниках бактрийской эпиграфики. На основе этих бактрийских, сакско-тохарских, эфталитских диалектов

формировались современные юго-восточные языки и диалекты — афганский (пашто) со своими многочисленными диалектами, мунджанский-йидга и памирские.

Среди историко-фонетических дифференций, разграничивающих северо-восточные и юго-восточные иранские языки, может быть названа различная трактовка древнеиранского интервокального *š*. Если в северо-восточных языках *š*-образное звучание обычно сохраняется, то в юго-восточных др.-ир. *-š-*, как правило, озвончается (*-š- > -ž-*) и дает самые разнообразные рефлексy (*-ž-, -w-, -l-, -y* и т. д.) вплоть до полного падения этого звука. Ср., например, отражение *-š-* в др.-ир. *gauša-* 'ухо', *maēša-* (м. р.)/*maēši-* (ж. р.) 'баран, овца' (ав.), *mūš-* 'название демонического существа' ('мышь'?) (ав.), *spīš-* 'вошь' (ав.):

Северо-восточные	Юго-восточные
скиф. * <i>gauša-</i> (?), * <i>maiša-</i> (?) ⁸¹ ,	хс. <i>gguya-</i>
согд. <i>γwš, mwš°</i> (* <i>mūš°</i>), <i>špšh</i> (бudd.), хо- резм. <i>γwx, 'mh, mwf, sp'h</i>	афг. <i>γwaž, maž</i> (м.р.)/ <i>mež</i> (ж. р.), <i>mažak</i> (ср. <i>maža</i> 'крыса'), <i>spəža</i>
осет. (диг.) <i>γos, mistä, sistä</i>	шугн. <i>γūž, maž</i> (ж. р.), <i>sipaž</i>
ягн. <i>γuš, meš, muš/mūš,</i> <i>špūs/špūs</i>	бадж. <i>γūw, maw</i> (ж. р.), <i>sipāw</i> руш. <i>γōw, mēw</i> (ж. р.), <i>sipāw</i> хуф. <i>γōw, mēw</i> (ж. р.), <i>sipāw</i> барт. <i>γū^(w), māw</i> (ж. р.), <i>sipāw</i> орош. <i>γū^(w), māw</i> (ж. р.), <i>sipāw</i> сар. <i>γewl, mewl</i> (ж. р.), <i>sipal</i> язг. <i>γəvón, maw</i> (ж. р.), <i>səraw</i> вах. <i>γiš, māu</i> (ж. р.), <i>mūš</i> (из перс.- тадж.), <i>šiš</i> ишк. <i>γūl/γūl, mel, mūš</i> (из перс.- тадж. <i>spyl</i>) сангл. <i>γōl/γōl, mēl, °spəl</i> мундж. <i>γūy, méya/méa, spēya/spéga</i> йидга <i>γu, mío, spúo/špúo</i>

Другой характерной чертой, присущей — в разной степени — многим языкам юго-восточной подгруппы, но полностью отсутствующей в языках северо-восточных, является ряд церебральных согласных. Церебральные согласные представлены в афганском, мунджанском, йидга, ваханском и ишкашимском языках, а из древнеиранских языков — в хотаносакском. Последнее обстоятельство, а также тот факт, что церебральные согласные представлены в исконной лексике и дают закономерные соответствия, указывает на весьма значительную древность развития церебраль-

⁸¹ Представлены, возможно, в нескольких скифских именах собственных [см. Абаев, 1949, 167, 171].

ных в названных языках. И хотя это явление носит ярко выраженный ареальный характер⁸² и объясняется, по-видимому, местным субстратом [подробнее см. Эдельман 1963; 1975, 97], оно не может быть игнорировано при рассмотрении вопросов историко-диалектологической классификации.

Важным признаком, характеризующим северо-восточную подгруппу в отличие от юго-восточной, является наличие в первой и отсутствие во второй показателя многочисленного числа -t(a)⁸³. В древности встречаем этот показатель (в греческой передаче таи и т. п.) в названиях скифо-сарматских племен — савроматы (Σαυροράται), массагеты (Μαζαγῆται), сколоты (Σκόλοται) и т. д. (всего около 25 названий). Хорошо засвидетельствован показатель -t также в согдийском (βr'trt 'братья', pr'mnt 'брахманы', pryštyt 'ангелы', sšmt' 'глаза', δβrt' 'двери, ворота') и (с переходом t > c) хорезмийском (ni'ōšic 'слушатели', nikanc 'колья', aβrūc 'брови') языках. Этот же показатель остается общим для осетинского и ягнобского — единственных сохранившихся языков северо-восточной подгруппы. Ср. осет. bāstā-t-ā 'страны', kardo-t-ā 'груши', dur-t-a 'камни' и ягн. γar-t 'горы', odam-t 'люди', žuto-t 'сыновья', inč-t 'женщины' и т. д.

Некоторые черты диалектологических отношений между северо-восточными иранскими языками. 1. Сохранением др.-ир. b-выделяются из числа северо-восточных (и вообще восточных) иранских языков скифский с осетинским и, по-видимому, бактрийский.

2. Сохранением др.-ир. d- выделяются из числа северо-восточных скифский с осетинским и ягнобский. Отметим также сохранение в осетинском и ягнобском поствокального d: осет. fad, ягн. rōda 'нога' (< др.-ир. *rāda-).

3. Сохранением др.-ир. ž-, -č- выделяются среди восточно-иранских согдийский с ягнобским.

4. По характеру отражения др.-ир. θr- согдийский смыкается в ряде случаев с хорезмийским (согд.-христ. šy 'три', štyk 'третий', хорезм. šy 'три', šyš 'тридцать'), а осетинский с ягнобским [осет. ārtā 'три' (с характерной для осетинского метатезой и протетическим гласным) и ягн. t'raǝ (зап.) / s'raǝ (вост.) < *θray-]. Однако в других случаях хорезмийский отклоняется от развития θr- > š-, отражая др.-ир. θr- как hr- (hrδys 'тринадцать') или 'rē' [rēy'd(yk)] 'треть'.

5. Др.-ир. -θr- также дает в северо-восточных языках различные рефлексy. Для согдийского обычен переход -θr- > -š- (графически θr, š): ʾrδr 'сын', pruyšn 'внук', pr'yšnt 'внуки', муθr-, муš- 'название 16-го дня месяца', муš'h 'солнце' (< miθra-),

⁸² Указанное явление представлено также в парачи и ормури и частично преимущественно в заимствованиях — в белуджском и казара. Церебральные широко представлены также в области распространения смежных языков — индоарийских (в частности, дардских), брахуи и бурушаски.

⁸³ По происхождению суффикс со значением абстрактности.

''š 'название 9-го дня месяца' (< āḡr-) и т. д. Хорезмийский иногда смыкается по этому признаку с согдийским (ср., например, хорезм. wš 'башмак, обувь', ав. п. aōḡra-), но чаще отходит от согдийского, отражая др.-ир. -ḡr- как -r (pr 'сын' < *puhr < puḡra-). Осетинский отражает др.-ир. -ḡr- как -rt- (с обычной для осетинского метатезой): furt 'сын' (< puḡra-), wart 'щит' (ав. varəḡra- 'ограждение', 'защита'), wārtā 'там' (ав. awaḡra) и т. д. В яги. pūlla 'сын' др.-ир. -ḡr- > -ll-.

6. Отражением др.-ир. -š- как x, f, h, y хорезмийский выделяется из числа других северо-восточных языков, сохраняющих, как правило, š-образное произношение этого звука. Примеры на развитие -š- > x, f, h приводились уже выше. Примеры на развитие -š- > y (хорезм. šru- 'молоть' < *fraḡiša-, ср. ав. pišant- 'раздробленное, растолченное', pištra- 'мука', др.-инд. pināśī 'толокно' и др.) см.: Henning 1958, 111.

7. Переходом -š- (перед -ī/-y-) ⁸⁴ > s хорезмийский также отделяется от близко родственного ему согдийского. Ср., например, хорезм. nṡws- [*n(i)ṡōs-, *nṡōs-] 'слушать' при согд. niṡōs- (< *niḡaušaya-), hṡws- 'молчать' (< *apa-ḡušya-), ḡrys- 'посылать' (< fraiḡšaya-), ṡws 'понимание, сознание' (ав. ušī°), ḡws- 'доить' (< *др.-ир. *daušya-, ср. н.-перс. dōšdan и т. д.) [Henning 1958, 110—112]. Можно предполагать, что этот переход происходил через ступень палатализации (-š- > *š- > -s-), и, хотя о реальном произношении хорезм. s судить, конечно, трудно, здесь перед нами, возможно, та же тенденция, которая привела к совпадению однофокусного (свистящего) s и двухфокусного (шипящего) š в осетинском. Если это действительно так, то в этом явлении можно наблюдать еще одну черту, сближающую осетинский с хорезмийским и отделяющую эти два языка от остальных восточноиранских.

8. Развитием t (перед i) > s хорезмийский также смыкается с осетинским, которые и по этому признаку отделяются от всех других северо-восточных языков. Ср., например, хорезм. piś- (< pati-), iś 'он идет' (< *ay-ti), ṡcuy'd(y)k 'треть' (< *hrcuy-y' d- < *ḡritiya-yāta-) и осет. cəḡ (ирон.)/cīḡ (диг.) 'острый' (< др.-ир. tigra-), arc (ирон.)/arcā (диг.) 'копье' (< др.-ир. arštī-, ср. хорезм. ašc), kānənc 'они делают' (< kun-a-nti) и т. д.

9. Одинаковым развитием древнего типа форм прошедшего времени, образуемых от основы настоящего времени с помощью аугмента -a, хорезмийский смыкается с согдийским. При образовании форм прошедшего времени от глагольных основ, имеющих в первом слоге а или г sopans, гласный первого слога удлиняется за счет вставки аугмента. Ср., например, в согдийском: осн. наст. вр. ḡḡr- 'давать', ḡḡs- 'оставлять', но осн. прош. вр. ḡ'ḡr-, ḡ'ḡs-; в хорезмийском: uavāḡī '(ты) знаешь (наст. вр.)', но uāvāḡīx '(ты) узнала' (прош. вр.) и т. д. Такого рода формы в согдийском и хорезмийском отражают в преобразованном виде древний тип

⁸⁴ Даже, если между -š- и -y- имеется краткий гласный.

прошедшего времени от приставочных глаголов, где аугмент вставлялся между приставкой и основой настоящего времени, как, скажем, в др.-перс. *frābāra* '(он) принес, даровал' (< *frā-a-bāra*). Аугментные формы прошедшего времени сохраняются и в ягнобском (новосогдийском) языке [*a-pos-im* '(я) взял', *a-šāu*. . . *katta žuta* 'Отправился. . . старший сын'] и т. д., где аугмент стоит перед основой настоящего времени (как и в бесприставочных глаголах в древнеперсидском: *a-šiyav-am* '(я) отправился' и т. д.).

10. Архаизмом системы согласных выделяется среди северо-восточных языков ягнобский, сохраняющий древние поствокальные смычные (ор 'вода', *virót* 'брат' и т. д.), поствокальное *š* (рач- 'варить') *rūša* 'световое и дымовое отверстие в крыше'.

11. Переходами *p > f*, *sp > fs*, *θr > rt* выделяется среди северо-восточных языков осетинский. Ср. осет. *fāndag* 'путь, дорога' (ав. *pan-tān-*), *fad* 'нога' (< др.-ир. *pāda-*), *fondz* 'пять' (др.-ир. *panča-*), *āfsā* (диг.) 'кобыла' (др.-ир. *aspa-*), *āfsad* 'войско' (< др.-ир. *spāda-*), *ärtā* 'три' (ав. *θrāuō*, им. п. м. р.), *furt* 'сын' (ав. *puθra-*) и т. д.

12. Наличием смычно-гортанных согласных и рядом других явлений, объясняющихся кавказским субстратом, резко выделяется из числа всех иранских языков осетинский.

Подводя итоги изложенному в этом параграфе, можно констатировать, что характер диалектологических отношений между отдельными северо-восточными языками еще нуждается в уточнении. Неоднократно отмечавшаяся близость хорезмийского и согдийского [Фрейман 1951, 26 и сл.; и др.] во всем основном, по-видимому, подтверждается, однако, с другой стороны, выделяются признаки, отличающие хорезмийский от согдийского и сближающие его с осетинским. Отмечается [Henning 1958, 109 и сл.] неоднородность отражения древнеиранских звуков в хорезмийском, объясняющаяся, возможно, частично диалектным смешением, частично заимствованиями из различных соседних языков. Ср., например, различные рефлексy др.-ир. *θr-* в хорезмийском, в том числе переход *θr- > hr-*, сближающий хорезмийский с парфянским [Henning 1958, 114]. По характеру отражения др.-ир. *d-*, *-d-*, *θr-* осетинский смыкается с ягнобским. В то же время в осетинской лексике, морфологии, синтаксисе отмечен ряд специфических явлений, сближающих его не только с хорезмийским и согдийским, но и — за пределами северо-восточной подгруппы — с хотаносакским и пашто [Bailey 1945, 1 и сл.].

Некоторые черты диалектологических отношений между юго-восточными иранскими языками.

1. По характеру отражения др.-ир. *d-*, *-d-* среди юго-восточных языков выделяются:

1) переходом *d- > l-* афганский, мунджанский, йидга и (в группе др-) бактрийский, переходом *-d- > -l-* все четыре названных языка (др.-ир. *dār-*, *dantan-*, *dasa*, *duma-* и т. д., др.-ир. **duxta*). В памятниках бактрийской эпиграфики начальное др.-ир.

d представлено только в группе dr-, отразившейся как λr-: Αρο-
αροπο < druvāspa (на монетах Канишки) (Maricq 1958, 405, 423).

К переходу др.-ир. -d > -l- ср. мундж. *pāla*, йидга *pālo* 'нога' (др.-ир. *pāda*-), афг. *°bōlaj*, *°balaj* (в *calor-bōlaj* 'четвероногое', *dar-bālaj* 'трепога, трепожник'); йидга *āspalan* 'конюшня' (< **aspa-dāna*-) и бактр. βαγολαγγο 'святилище' (< **baga-dāna-ka*-); йидга *la/lo*, афг. *lə*, бактр. *al* 'с', 'вместе с' (< *hada*); йидга *mōlān*, мундж. *mōlon*, афг. *mlā* 'поясница, талия', бактр. *μalo* 'середина' (< др.-ир. **madya*-, ав. *maidyā*-), йидга *pālāstiko*, мундж. *palāsta/palāsto* браслет' (**pati-dasta*-, **pati-dasta-ka*-); йидга *xūlo*, мундж. *xūla*, афг. *xol* 'шлем, головной убор' (др.-ир. *xaūda*, ср. ав. *хаода*-, н.-перс. *xōd*, осет.-диг. *xodā*)⁸⁵;

2) сохранением d- — ишканимский-сангличи⁸⁶. Выделяясь сохранением др.-ир. d- из числа юго-восточных иранских языков, ишканимский-сангличи объединяется по этому признаку с осетинским и ягнобским.

2. По характеру отражения др.-ир. -t- выделяются:

1) переходом -t- > -l- афганский: *plār* 'отец' (< др.-ир. *pitar*-), *səl* 'сто' (< др.-ир. *sata*-) и т. д.;

2) переходом -t- > -y- мунджанский и йидга, а также афганский диалект ванечи: мундж. *kiyām/kyām*, йидга *k'ēm/kiyām* 'какой' (ав. *katāma*-, н.-перс. *kudām*); мундж. *kāy*, йидга *k'ei* 'дом' (ав. *kata*-, н.-перс. *kada*); мундж. *ləy*, йидга *lūy* 'дым' (др.-ир. **dūta*-, ср.-перс. *dūt*, н.-перс. *dūd*); мундж. *wəyo/wīya*, йидга *wīya* 'ива' (ав. *vaēta-y*-, н.-перс. *bēd*), мундж. *wəy/wūy*, йидга *wūi* 'ветер' (др.-ир. *vāta*-, н.-перс. *bōd*) и т. д. Ср. ван. *piyār* 'отец', *wīyār* 'ветер' и т. д. (Morgenstierne 1973, 191);

3) переходом -t- > -d языки шугиано-рушанской ветви, язгулямский и ишканимский⁸⁷: шугн. *čīd*, руш.-хуф. *čod*, барт.-орош. *čūd*, сар. *čed*, язг. *kūd* 'дом' (ав. *kata*-); шугн.-руш.-хуф.-барт.-орош. *mōd*, сар. *mud* 'мать' (ав. *mātā*); шугн.-руш.-хуф.-барт.-орош. *pīd*, сар. *pīd* 'отец' [< др.-ир. **pita(h)*]; шугн.-руш.-хуф.-барт.-орош. *v(i)rōd*, сар. *v(i)rud/v(ы)rud*, язг. *vred*, ишк. *vru(d)* 'брат' (< др.-ир. *brātā*) шугн.-хуф.-барт.-орош. *vud*-, руш. *vid*-, сар. *vyd*-, язг. *vad*, ишк. *vyd*- 'быть' (осн. прош. вр., др.-ир. *būta*-);

4) сохранением др.-ир. -t- ваханский.

⁸⁵ За пределами юго-восточной подгруппы переход -d > -l- может быть отмечен в засвидетельствованном у Геродота названии царствующего скифского рода Παράλῃται (< др.-ир. **para-data*-, ав. *paraḍata*- 'первозданные' или 'впереди, во главе поставленные'. Ср. н.-перс. *pešdādiyān* — название первой мифической династии царей Ирана у Фирдоуси).

⁸⁶ Учитывая, что другие начальные звонкие смычные (b-, g-) закономерно отражаются в ишканимском-сангличи как щелевые (v-, γ-) Г. Morgenstierne считал возможным (правда, под вопросом), что ишк.-сангл. d- < ḍ- под влиянием персидского [Morgenstierne, 1932, 73, note 2].

⁸⁷ Однако в сангличи др.-ир. -t- > -ḍ-. Ср. ишк. *diḍ* 'дым', *kydām* 'какой, который'; *šyḍ*- 'идти, становиться' (осн. прош. вр.), но сангл. *dīḍ*, *kudum*, *šīḍ*-.

3. Сохранением др.-ир. $\check{c}$ - выделяются среди юго-восточных мунджанский-йидга и язгулямский⁸⁸, объединяющиеся по этому признаку с согдийским и ягнобским.

4. По характеру отражения др.-ир. $\check{c}$ - выделяются переходом $\check{c}$ -> $\check{z}$ -/ $\check{j}$ - мунджанский-йидга и язгулямский. В дополнение к примерам, приведенным выше, ср. еще мундж.-йидга *lūž-* 'доить' (<**dauč-*, ср. шугн. *ḍūdz-*, вах. *dic-*), мундж. *pəjoš-* 'показывать' (<**pi-čaš-*), мундж. *šizna/šizno*, йидга *šinjo/šunjo* 'игла' (<**s(a)u-čan-* с ассимиляцией *s-ž* > $\check{s}$ - $\check{z}$ в мунджанском и *s-j* > $\check{s}$ - $\check{j}$ в йидга), мундж.-йидга *ža/ža* 'от, из' (<др.-ир. *hača*) и т. д.

5. По характеру отражения др.-ир. $\check{s}$ - выделяются:

1) переходом $\check{s}$ -> $\check{z}$ афганский: *γwaz* 'ухо' (<др.-ир. *gauša-*), *maž* (м. р.)/*mež* (ж. р.) 'баран, овца' (ав. *maēša-* (м. р.)/*maēši-* (ж. р.), *spəža* 'вошь' (ав. *spiš-*);

2) переходом $\check{s}$ -> $\check{r}$ - шугнанский: *γuř* 'ухо', *mař* 'овца' (<**maiša-*), *sirař* 'вошь' (<**spiša-*);

3) переходом $\check{s}$ -> *w* (*-v*, ноль звука) рушанский, хуфский, бартангский, орошорский, язгулямский: руш.-хуф. *γōw*, барт.-орош. *γū^(w)*, язг. *γəvon* 'ухо', руш.-хуф. *mēw*, барт.-орош. *māw*, язг. *shaw* 'овца', руш.-хуф.-барт.-орош. *sirāw*, язг. *səraw* 'вошь';

4) переходом $\check{s}$ -> *-l* (!) сарыкольский и ишкашимский-санг-лечи: сар. *γəwl*, ишк. *γūl/γūl*, сангл. *γol/γol* 'ухо', сар. *məwl*, ишк. *mel*, сангл. *mēl* 'овца', сар. *sipal*, ишк. *spəl* 'вошь'⁸⁹;

5) переходом $\check{s}$ -> *-y* (> ноль звука) мунджанский и йидга; мундж. *γūy*, йидга *γu* 'ухо', мундж. *məya/məa*, йидга *mōo* 'овца', мундж. *spəya/spəga/spuga*, йидга *spōo/spōo* 'вошь';

6) сохранением др.-ир. $\check{s}$ - (иногда с церебрализацией) ваханский: *řiš* 'ухо', *šiš* 'вошь'. Ср. однако вах. *māy* 'овца' (заимств.?).

6. По характеру отражения др.-ир. θr -/ θ^r - выделяются:

1) переходом др.-ир. θr -/ θ^r -> *dr*- хотаносакский и афганский: хс. *drai/draya*, афг. *dre* 'три' (ср. также общую для этих языков метатезу: хс. *dārsā*, афг. *derš* 'тридцать' <**θrisat-*);

2) переходом θr -/ θ^r -> *hr* (> *r*) бактрийский и все памирские, кроме ваханского: бактр. *hrzo* 'тридцать', шугн.-руш.-барт.-орош. *agāy*, сар. *agoy*, ишк. *gūy*, сангл. *gōy* 'три';

3) переходом θr -/ θ^r -> *c*- язгулямский: *cūy* 'три';

4) переходом θr -/ θ^r -> *řir*-(*řag*-) мунджанский и йидга: мундж. *řirāy*, йидга *ř'roi* 'три';

5) переходом θr -/ θ^r -> *tr*- ваханский: *truy* 'три'.

7. По характеру отражения др.-ир. θr -/ θ^r - выделяются:

1) переходом θr -/ θ^r -> *hr*- (> *-r*-) хотаносакский, бактрийский, мунджанский и йидга: хс. *pūga*, бактр. *ᵀpouro*, мундж.-йидга *pūg* 'сып' (<др.-ир. *puθra-*);

⁸⁸ О перебоях $\check{c}$ -/*c*- в мунджанском и язгулямском, а также в хотаносакском см. [Соколова 1967, 102—103].

⁸⁹ Не исключено, что этот же переход отражен в топониме Кабул (<**Kāpiši*, *Kia-pi-ši* Сюань-Цзяна) [Morgenstierne 1926, 36—37].

2) переходом $-\theta r-/-\theta^r-> -s$ все языки шугнано-рушанской ветви и язгулямский: шугн.-руш.-барт.-орош. рус, сар. рус/р^{ис}, язг. рос 'сын'.

3) переходом $-\theta r-/-\theta^r-> tr$ ваханский: р^елг 'сын'.

8. По характеру отражения др.-ир. *sr* выделяются:

1) сохранением группы *sr* бактрийский, афганский, мунджанский-йидга и памирские (кроме ваханского). В дополнение к примерам, приведенным выше (ав. *sraṇ-* 'собака', *aspa-* 'конь', *spīš-* 'вошь') ср. еще бактр. *oṣṣo* 'все' (ав. *vīspa-*, др.-перс. *vispa-*); афг. *osrēna/usrēna*, мундж. *yūsrēn* (< **hu-spa-na*, **hau-spa-na*), йидга *rīsrēn* (*r-* ?), шугн. *sipin*, орош. *serin*, хуф. *sipun*, сар. *s(i)pin* (< **āspanya-*), ишк. *šrēn*, сангл. **šrōn* (**īsrōn* с палатализацией *s* после *ī*?) 'железо';

2) переходом *sr* > *š* хотаносакский и ваханский: хс. *hiśša* 'все'; *śśanda-* 'святой' (ав. *spēnta-*), хс. *hiśšana-*, вах. (y)īšn 'железо' (хс. *śś=š*).

9. Др.-ир. *dv-* дает различные рефлексy не только по разным языкам юго-восточной подгруппы, но заметно варьирует и внутри отдельных языков. Как показал на афганском материале Г. Моргенштерне [Morgenstierne 1927, 23] эти различия в развитии др.-ир. **dv-* могут объясняться отчасти характером последующего гласного, отчасти эпентезами типа **duw-* и т. п., что находит свое отражение, возможно, и в Авесте. По характеру отражения др.-ир. *dv-* различаются:

1) регулярным переходом *dv-* > *b-* ваханский;

2) сохранением (в различных вариантах) группы *dv-* (*ḍw-*) хотаносакский (с развитием **dvi-* > *ži-*), языки шугнано-рушанской ветви и язгулямский;

3) отражением *dv-* как *w-*/*dw-*/*b-* афганский;

4) отражением *dv-* как *v-*/*d(w)-* ишкашимский;

5) отражением *dv-* как *l-* (*v-*/*l-*) мунджанский-йидга.

10. По характеру отражения др.-ир. *-rt-* выделяются:

1) сохранением группы *-rt-* ваханский;

2) переходом *-rt-* > *-rd-* бактрийский (*xrdo* 'сделанный' < **kṛta-*) и тумшуксосакский (*gorda-* 'данный' < **fra-* *hṛta-*);

3) переходом *-rt-* > *-ḍ-* хотаносакский: *kāḍā-/gāḍā-/yāda-* 'сделанный' (< **kṛta-*), *muda* 'умерший' (< **mṛta-*); если по фонетическому своему значению хс. *-ḍ-* = *-l'* [Герценберг 1965, § 42], то этим переходом хотаносакский объединяется с ишкашимским-сангледж¹ (см. ниже, п. 6);

4) переходом *-rt-* > *-d-* шугнанский: *mūd-* 'умирать' (осн. прош. вр., др.-ир. **mṛta-*, ав. *mərēta-*), *čād* 'нож' (< **karṭya-*, ав. *karēta-*), *čūd-* 'делать' (осн. прош. вр., др.-ир. **kṛta-*, ав. *kərēta-*);

5) переходом *-rt-* > *-g-* рушанский, хуфский, бартагский, орошорский, сарыкольский и язгулямский: руш.-хуф.-барт.-орош. *mūg-*, сар. *mewg-*, язг. *mæg-* 'умирать' (осн. прош. вр.); руш.-хуф.-барт.-орош. *čēg*, сар. *čog* 'нож', язг. *čāg/kāg* 'меч'; руш.-барт. *čūg-*, сар. *čewg-*, язг. *kēg-/kég-* 'делать' (осн. прош. вр.);

6) переходом $-rt > -l/-$ ишкашимский-сангледж; ишк. $myl-/myl$ 'умирать' (осн. прош. вр.), ишк. $kel/sangl. kıl$ 'нож', ишк. $kül-/kü!$ 'делать' (осн. прош. вр.);

7) переходом $-rt > -r$ афганский и йидга и $-rt > -r$ мунджанский: афг. $mər$ 'мертвый', $mərəl$ (инф.) 'умирать', йидга $mur-$, мундж. $mər$ (осн. прош. вр.); афг. $čārə$, йидга $kəro$, мундж. $kəga$ 'нож'; афг. $kərəl$ (инф.), йидга $kər-$, мундж. $kər-$ (осн. прош. вр.) 'делать'.

11. Переходом др.-ир. $-k, g, x$ (перед гласными переднего ряда) $> č-, ž-, š-$ выделяются языки шугнано-рушанской ветви. Примеры на $k > č-, g > ž$ см. выше (др.-ир. $kata-$ 'дом, жилище', $*kartya-$... 'нож, меч', $gav-$ 'корова, бык, вол'). Примером перехода др.-ир. $x > š-$ может служить руш.-хуф. $šor$, барт. $šōr$, орош. $šur$ 'осел', руш.-хуф.-барт.-орош. $šār$ 'ослица', сар. $šer$ 'осел, ослица' (ав. $haṣā-$).

Частично языки шугнано-рушанской ветви объединяются по этому признаку с афганским, где др.-ир. $k-$ под влиянием последующего i, u (даже при отсутствии непосредственного контакта) переходит в $č-$. Ср., например, афг. $čār(a)$, руш. $čīr$, орош. $čēr$, сар. $čer$ 'дело, работа' ($< *karyā-$, ав. $kairya-$); афг. $čārə/sārə$, шугн. $čād$, руш.-хуф.-барт.-орош. $čeg$ 'нож' ($< *kartya-$, ав. $kārə-ta-$); афг. $čanrōl$ 'жених', 'нареченный', $čanrāla$ 'невеста', нареченная' ($< *kanyā-kāta-$ 'желающий девушку' или 'желаемый девушкой', ав. $kainī-$) и т. д.

12. Ярко выраженными стяжениями консонантных групп типа $-šk-, -št-, -štr-, -pt-$ и т. д. выделяется афганский. Ср., напр., афг. $wuč$ 'сухой' (ав. $huška-$) при вах. $wəšk$, язг. $wašk$, мундж. $wušk/wəšk$ и т. д.; афг. $aṭə$ 'восемь' (ав. $ašta$) при мундж. $oškā$, йидга $aščo$, шугн.-руш.-барт.-орош. $wašt$, сар. $wošt$, язг. $ušt$ и т. д.; афг. $ūḫ$ 'верблюд' (ав. $uštra-$) при мундж. $škura/skyūro$, йидга $škirō/ščurō$, сангл. $štar$, шугн.-руш.-хуф. $uštur$, барт.-орош. $aḫtur$, язг. $aḫtor$, сар. $ḫ(ḡ)tyr/ḫ(ḡ)lār$, вах. $aštīr$ и т. д.⁹⁰; афг. $ovə$ 'семь' (ав. $hapta$) при хс. $hauda$, мундж. $ovdā$, ишк. uvd , шугн.-руш.-барт.-орош. $ūwd$, сар. byd , язг. uvd и т. д.

13. Архаичными чертами своей фонетической системы выделяется ваханский, сохраняющий древнеиранские глухие смычные во всех позициях (в т. ч. в поствокальной), древнюю консонантную группу tr (ав. $θr/$ др.-перс. $θr$), в ряде случаев и другие древнеиранские консонантные группы (rt, rd и т. д.). Ср., например, вах. $yurk$ 'вода' (др.-ир. $arī-$) при мундж. $yōwga/yōwya$, йидга $yōuγo/yāuγo$, афг. $obə/ubə$, сангл. $vē(k)$, ишк. vek и т. д. вах. $v(ḡ)γyt$ 'брат' (др.-ир. $brātar-$) при шугн.-руш.-барт.-орош. $v(i)rōd$ и т. д. (сравнительный материал см. выше); вах. $pətr$ 'сын', $truy$ 'три' (ав. $puθra, θray-$) при шугн.-руш.-барт.-орош., рус. $arāy$

⁹⁰ В отношении ваханского, сангледж и языков шугнано-рушанской ветви не исключено, впрочем, раннее заимствование из персидско-таджикских диалектов [Morgenstierne, 1929—1938/II, 413, 515; 1974, 103].

и т. д. (сравнительный материал см. выше); вах. *mərt-* 'умирать' (осн. прош. вр., др.-ир. **mṛta-*) при хс. *muḏa-*, шугн. *mūd-*, руш.-хуф.-барт.-ором. *mūg-*, сар. *məwg-*, язг. *məg-*, ишк. *myl/мьl*, мундж. *məg-*, йидга *muṛ-*, афг. *mṛəl* (инф.) и т. д.; вах. *a-sərd/wy-sərd* 'нынешний год' (< **a-sarda-* ср. ав. *sarəδ-* 'год') при хс. *salī* 'год', шугн.-бадж. *asīd/asīḏ*, руш.-хуф. *asoḏ*, барт.-ором. *asōḏ*, сар. *seḏ*, язг. *asūḏ*, сангл. *asāl*, ишк. *a-sol*, йидга *asāl*, мундж. *āsól* 'этот год', 'в этом году'.

Приведенный материал, характеризующий некоторые существенные факты историко-фонетического развития юго-восточных иранских языков, не может, разумеется, дать полной картины историко-диалектологических отношений между этими языками, однако основные черты сложившихся отношений могут быть намечены.

Из этого материала явствует, что языки, описываемые обычно под термином «памирские» или «припамирские», не представляют генетической общности более тесной, чем юго-восточные иранские языки, взятые в целом. И хотя иранские языки Припамирья (вместе с мунджанским) действительно образуют некую общность, характеризующую рядом специфических признаков, эта общность представляет скорее общность структурно-типологическую, некий языковой союз, возникший в результате конвергенции диалектов, восходящих к различным ветвям юго-восточной, а, может быть, и не только юго-восточной подгруппы иранских языков [ср. Грюнберг, Лившиц — Стеблин-Каменский 1974, 5]. Уже в 30-е годы Г. Моргенштерне [Morgenstierne 1929—1938/II, р. XVIII] указал на невозможность реконструкции общепамирской фонологической системы. Лишь немногие звуковые переходы являются общими для всех памирских языков, но и среди этих немногих переходов нет таких, которые объединяли бы все памирские языки, противопоставляя их остальным восточноиранским: частично эти переходы характерны для восточноиранских языков в целом, частично для памирских и других юго-восточных.

По основным признакам историко-фонетического и историко-грамматического развития среди языков Припамирья выделяются языки севернопамирские, а также одиноко стоящие ишкашимский-сангледж и ваханский.

Севернопамирские языки включают в себя языки и диалекты шугнано-рушанской ветви, а также генетически близко им родственные язгулямский и древневанджский, сопоставление которых позволяет постулировать общий для них источник — «язгулямо-шугнанское состояние» [Соколова 1967]. При этом внутри шугнано-рушанской ветви выделяются: 1) собственно шугнанский (с баджувским поддиалектом), 2) рушанский (с хуфским поддиалектом), 3) бартангский с орошорским и 4) сарыкольский [Соколова 1963].

Ишкашимский-сангледж характеризуется рядом специфических черт, в том числе развитием др.-ир. *-š-* > *-l/* и др.-ир. *-rt-* > *-l/*.

По предположению Г. Моргенстьерне [Morgenstierne 1932, 74], ишкашимский-санглич занимает промежуточную позицию между мунджанским-йидга, с одной стороны, и ваханским, с другой; отмечается также параллелизм между тенденцией к палатализации велярных в ишкашимском и этим же процессом, в северно-памирских языках, где он представлен в значительно более продвинутом виде.

Ваханский резко выделяется среди языков Припамирья архаизмом своей звуковой системы, развитием $sr > \check{s}$, сохранением др.-ир.- $\check{s}$ и рядом других историко-фонетических, историко-морфологических и лексических признаков [Morgenstierne 1929—1938, II, 18; Соколова 1973, 3 и сл.]. По характеру отражения др.-ир. sr как и по ряду других характерных черт в области грамматики и лексики, ваханский объединяется с хотаносакским [Morgenstierne 1926, 38; Bailey 1972, 104; Герценберг 1965, § 17], однако в то же время некоторые существенные различия в историко-фонетическом развитии не позволяют рассматривать ваханский как прямое продолжение хотаносакского. Ср., например, различное отражение в хотаносакском и ваханском др.-ир. $-gd$ (ав. $sarəd-$ 'год'), $-rt-$ др.-ир. $\check{g}r-$ и $-\check{g}r-$.

Выделяясь сохранением др.-ир. $*rt$ и всех юго-восточных иранских языков, ваханский сближается по этому признаку с языками северо-восточными. Ср. вах. $mərt-$ 'умирать' (осн. прош. вр.), $mōrtk$ 'мертвый' ($< *mrtaka-$) и согд.-ман. $mwrt-$ (осн. прош. вр.), ягн. $mūrta$ 'труп' (прич. прош. вр. от $mīr-$ 'умирать'), осет. $mard$ 'мертвец' (лексикализованное прич. прош. вр. от $māl-$ 'умирать') при хс. $muḏa-$ (прич. прош. вр.), шугн. $mūd-$, язг. $məg-$, ишк. $mьl-$, мундж. $məg-$ (осн. прош. вр.), афг. $mṛəl$ (инф.) и т. д. Ваханский сближается с согдийским также суффиксом мн. числа: вах. $-i\check{s}(t)$ (при прямой форме имени), согд. $-y\check{s}t$ (для одушевленных существ).

Мунджанский-йидга характеризуется рядом специфических историко-фонетических признаков, не встречающихся в других юго-восточных иранских языках. Отметим, например, сохранение др.-ир. $x\check{s}-$, $-x\check{s}-$ мундж. $x\check{s}āwa$, йидга $x^o\check{s}ovo$ 'ночь' (др.-ир. $x\check{s}ar-$) при афг. $\check{s}ra$, шугн.-руш.-барт.-орос. $\check{x}āb$, сар. $\check{x}ob$, язг. $\check{s}ab$, хс. $\check{s}ṣava$ и т. д.; мундж. $x\check{s}īro/x\check{s}īrā$, йидга $x\check{s}īra$ 'молоко' (др.-ир. $*x\check{s}īra-$, др.-инд. $kṣīra-$, н.-перс. $\check{s}īr$); йидга $ax\check{s}īn$ 'голубой' (ав. $ax\check{s}aēna-$) при афг. $\check{s}īn$, хс. $a\check{s}ṣai$, $a\check{s}ṣānakā$ 'голубь' и т. д.⁹¹ К числу таких признаков относятся также переходы $-š > -y$ ⁹² и $\check{s}t > \check{s}k$ (мундж.)/ $\check{s}č$ (йидга): мундж. $o\check{s}ka$, йидга $a\check{s}čo$ 'восемь' (ав. $a\check{s}ta$, н.-перс. $ha\check{s}t$) при афг. $atə$, ишк. $a\check{l}$, сангл. $(h)ot$, вах. at , шугн.-

⁹¹ По этому признаку мунджанский сближается с языками северо-восточной группы. Ср., например, согд.-ман. $'x\check{s}r-/x\check{s}r-$, согд.-будд. $'\check{y}\check{s}r$ -ягн. $x(i)\check{s}ar$, осет. $\check{a}x\check{s}āv$ 'ночь'; ср. еще осет. $\check{a}x\check{s}əg$ 'молоко', $\check{a}x\check{s}īn$ 'голубой' и т. д.

⁹² За пределами юго-восточных переход др.-ир. $-š > -y$ отмечается в хорезмийском.

руш.-барт.-ором. waḫt, сар. woḫt, язг. uḫt; мундж. águška, йидга oguško 'палец' (ав. angušta-; н.-перс. angušt) при афг. gúta/gwəta/gwúta, шугн. angixt, руш.-хуф.-барт.-ором. ingaxt, язг. γ^aaxt, ишк. ingit и т. д. Другие характерные для мунджанского-йидга историко-фонетические переходы — d > l-, -d > -l, -rt- > -r/-r-, -θr-/-θr- > r и т. д. — встречаются по отдельности, также в других юго-восточных (и не только юго-восточных) иранских языках, но в своей совокупности представлены только в мунджанском-йидга.

Мунджанский-йидга причисляют иногда к числу памирских языков. Предпринималась даже попытка постулировать особую генетическую общность, включающую в себя шугнано-язгулямскую (северно-памирскую) группу и мунджанский язык [Соколова 1973]. Однако, как уже говорилось, мунджанско-памирская общность может определяться скорее как языковой союз, что же касается генетической общности, то мунджанский-йидга примыкает по основным признакам историко-фонетического и историко-грамматического развития в первую очередь к афганскому [Morgenstierne 1926, 39 и сл.; 1929—1938/II, 25—26; Зарубин 1927₁; Грюнберг, Лившиц, Стеблин-Каменский 1974]. Наиболее существенными историко-фонетическими признаками, объединяющими мунджанский-йидга с афганским, являются переходы др.-ир. d-, -d- > l-, -l, -θr- > -r, -rt- > -r/-r-. При этом переходы d-, -d- > l-, -l, выделяя афганский и мунджанский-йидга из всех современных языков юго-восточной подгруппы, объединяют их с бактрийским (насколько он известен по памятникам бактрийской эпиграфики). С другой стороны, по характеру отражения др.-ир. č- и -č- мунджанский-йидга отделяется от афганского, сближаясь по первому из этих признаков с язгулямским и (за пределами юго-восточных) с согдийско-ягнобским, а по второму частично с язгулямским.

Афганский характеризуется ярко выраженным стяжением консонантных групп, а также некоторыми историко-фонетическими переходами, не встречающимися в других юго-восточных (и вообще в других иранских) языках. Среди таких переходов отметим переход -t- > l и -θv- > -l (афг. salor 'четыре' < *čaθvaga-).

Другие историко-фонетические сдвиги сближают афганский с различными языками юго-восточной (и не только юго-восточной) подгруппы: переходы d- > l-, -d- > -l с бактрийским и мунджанским; переход -θr- > -hr- > -r с бактрийским, хотаносакским и мунджанским (а за пределами восточноиранских с большинством северо-западных иранских языков); переход θr- > dr- с хотаносакским; переход -rt- > -r/-r- с мунджанским; переход k- (перед i, y) > č- с языками шугнано-рушанской ветви.

Как видно, афганский и мунджанский-йидга, совпадая по развитию ряда древнеиранских консонантов и консонантных групп, продолжают собою по некоторым признакам линию историко-фонетического развития, представленную бактрийским и хотаносакским. Однако мунджанский-йидга далеко не по всем призна-

кам совпадает с афганским (см. выше об отражении др.-ир. $\check{\text{c}}$ -, $\check{\text{c}}\text{-}$), и в ряде случаев там, где эти два языка расходятся, именно афганский отражает хотаносакскую линию развития. Ср., например, отражение др.-ир. ṣr- / ṣr- и ряд других признаков, объединяющих афганский с хотаносакским [Morgenstierne 1926, 38]. Отмечены, однако, важные изоглоссы, отделяющие афганский от хотаносакского [Morgenstierne 1926, 38—39], и сказанное не означает, разумеется, что афганский представляет прямое продолжение языка, зафиксированного хотаносакскими текстами.

Можно полагать, что современные афганский, мунджанский-йидга, ваханский, ишкашимский-сангледж, северо-памирские языки продолжают собою различные группировки сакских и бактрийских диалектов, распространенных в древности на территории Восточного Туркестана и исторической Бактрии и лишь в весьма небольшой своей части представленных древней хотано (и тумшукско)сакской письменностью и памятниками бактрийской эпиграфики.

К вопросу о месте авестийского в схеме историко-диалектологической классификации иранских языков. Сложнейшая, давно уже привлекающая внимание ученых проблема диалектологической принадлежности языка Авесты упирается в многие неразрешимые на нынешнем этапе развития науки вопросы, связанные с историей сложения, передачи и письменной фиксации дошедших до нас частей авестийского текста, с их локализацией и датировкой. И хотя весь комплекс данных историко-культурного характера поддерживает положение о восточноиранском происхождении Авесты или, во всяком случае, древнейшего ее ядра, вопрос о диалектологической принадлежности авестийского языка не получил пока однозначного ответа.

П. Тедеско [Tedesco 1921, 255 и сл.] и А. Меё [Meillet 1925, 26] склонялись к мнению о западноиранском происхождении языка Авесты, однако, как справедливо указал Г. Моргенштерне [Morgenstierne 1926, 29 и сл.], далеко не все признаки авестийского, которые П. Тедеско рассматривал как исключительно северо-западные, в действительности являются таковыми. Так, например, переход $*\text{dv-} > \text{b-}$, зафиксированный ав. bitiya- , парф.-ман. byd/b(y)dyg 'второй', 'другой' ($*\text{dviṭiya-}$) свойствен отнюдь не только северо-западным иранским языкам, но и ряду восточных, в частности, афганскому и ваханскому. Не раз отмечались также факты специфических схождений между лексикой Авесты и лексикой восточноиранских языков [Morgenstierne 1929—1938/II, р. XIV, 24, note 1]. Существенным признаком, объединяющим гатский диалект авестийского с восточно-иранскими языками, является также озвончение консонантных групп $-\text{ft-}$, $-\text{xt-}$ [Фрейман 1951, 35].

Вместе с тем, некоторые авестийские формы (скажем, причастия прош. вр. $\text{gmata-}/\text{yṃata-}$ от gam- 'приходить') действительно не встречаются, как кажется, в восточноиранских языках, и

подобные формы могли быть привнесены, как полагают [см., например: Christensen 1924, 83; Morgenstierne 1926, 29]. в текст Авесты западноиранскими («мидийскими») жрецами — составителями и редакторами дошедших до нас частей авестийского канона.

В целом вопрос о диалектологической принадлежности языка Авесты пока не может быть решен окончательно [ср. Hoffman, 1958, 6], и единственное, пожалуй, определение, которое можно с уверенностью сформулировать, носит скорее негативный характер: язык Авесты не относится к числу языков юго-западных.

ЯЗЫК АВЕСТЫ

ВВЕДЕНИЕ

Древнеиранским принято условно называть язык периода от появления первых следов собственно иранских, более или менее последовательно отличных от индоарийских, диалектов (затем языков) до времени разложения (полного или почти полного) флективного строя этих языков. Древнейшие следы этого самостоятельного существования иранских языков можно искать в исторической топонимике, в передаче соседними народами собственных имен и отдельных слов, наиболее поздние — в частичном сохранении именной флексии в некоторых современных иранских языках. Но базируясь на дошедших до нас документальных источниках, условно принято считать границами древнеиранского периода VII—VI в. до н. э. — IV—III в. до н. э. Источники эти — Авеста, предмет настоящего очерка, и древнеперсидские памятники — предмет последующего очерка. Следы других иранских языков, существование которых легко постулировать, имея в виду доказанное распространение иранских племен на огромной по тем временам территории от Дуная до Алтая и от Прикаспийских степей до Персидского залива, сохранились лишь в косвенных источниках и могут дать некоторое лишь понятие только об их фонетических особенностях, но не о грамматических.

Древнеперсидские памятники датируются точно, хотя их диалектальная локализация и может быть предметом дискуссии. С Авестой обстоит гораздо сложнее.

Хотя в языке древнеперсидских памятников и прослеживаются элементы других иранских (и неиранских) языков, они все же созданы в то время, когда этот язык был живым (со всеми оговорками), т. е. в VI—IV вв. до н. э. Что касается времени возникновения и фиксации текстов Авесты, то определить его, если не невозможно вообще, то, во всяком случае, никому пока не удалось сделать это с полной достоверностью. Авеста — памятник не однородный. Это — собрание зороастрийских религиозных текстов («религиозных» — это, пожалуй, неточно: для тех времен понятия «религия — легенда — наука — право» не разграничивались). И эти тексты, аналогично иудейской Библии, представляли собой не монолитный памятник, а результат наслоения преданий и требований различных веков и различных условий (и, надо полагать,

различных территорий иранского мира). Это важно и с лингвистической точки зрения. Древнейшие части Авесты (не целые отрывки, но некоторые персонажи, многие пассажи и стандартные словосочетания) восходят еще к индо-иранской (арийской) общности.

Мифические и эпические сказания, относящиеся ко времени арийской общности, частично развивались и видоизменялись у различных индийских и иранских народов, проделывая обычный путь до неузнаваемого вида народной сказки; частично они могли фиксироваться на определенной стадии, входя в состав культовых текстов. У индийских народов такую роль сыграли ведические гимны, дошедшие до нас в хорошей сохранности благодаря прочной и непрерывной сначала устной, а потом письменной религиозной традиции. Нечто подобное, вероятно, существовало и у иранцев; однако здесь традиции был нанесен сильный удар возникновением около VII—VI в. до н. э. новой религии — зороастризма.

Правда, этому же обстоятельству мы обязаны ценнейшим памятником — Гатами. Гаты — стихотворные проповеди и воззвания к высшему божеству — Ахурамазде (известному в европейской литературе под именем Ормузда), приписываемые основателю новой религии — Заратустре (в греческой передаче Зороастр). Авторство его — по крайней мере для какой-то части Гат — можно считать бесспорным (точнее — литературный анализ приводит к выводу, что они написаны одним и тем же лицом). Впоследствии Гаты составили самую почитаемую и бережно хранимую часть Авесты.

Зороастризм отрицал поначалу все старые арийские культы, устанавливая вместо них единственный культ верховного божества, олицетворения доброго, созидającego начала в мире — Ахурамазды. Это должно было нанести удар древней культовой традиции, который не оказался, однако, губительным: как это обычно бывает с новыми религиями, зороастризм мог распространяться лишь путем компромисса с укоренившимися мифами и верованиями. Поэтому древние божества постепенно вновь занимают свои места вокруг Ахурамазды, а отрывки старых гимнов влетают в состав новых культовых текстов.

С распространением зороастризма постепенно складывается канон зороастрийского «священного писания». Почетное, но небольшое по объему место в нем занимают Гаты. Кроме этого, сюда входят литургические тексты, гимны отдельным божествам, описания ритуальных установлений, легендарная история, т. е. пестрая смесь самого различного содержания, включающая наложения самых разных периодов, аналогичная до некоторой степени Библии. Все это хранится долгое время исключительно устной традицией. Такова в принципе всеобщая точка зрения, если не считать мнения Альтхайма [Altheim 66 и сл.], что Авеста была записана учениками Заратустры в VI в. до н. э. ахеменидским арамейским письмом, что Александр Македонский пытался запи-

сать ее греческим письмом, что арамейское авестийское письмо совершенствовалось в Согде и оформилось окончательно в Кушанском царстве около конца II в. н. э. с вокализацией под влиянием греческого.

Принимая же более вероятную гипотезу о длительной устной передаче, необходимо иметь в виду следующие обстоятельства.

1. Части, возникшие в каком-то месте в какое-то время (даже отвлекаясь от того, что они и там и тогда уже могли представлять частично результат длительной традиционной передачи, а не чистый образец живого языка), передаваясь из одной диалектной среды в другую и из одного века в другой, естественно, подвергались изменениям (особенно тексты, так сказать, «второочередной святости»). Но эти изменения также не давали результатом образец какого-либо другого живого диалекта, так как более или менее бессознательной тенденции приспособления к собственному диалекту всегда противодействовала тенденция сохранять текст в первоначальном виде.

Древнейшие элементы иранской — еще дозораострийской — традиции возникли, очевидно, в Средней Азии. Зороастризм родился в Восточном Иране (согласно традиции, в Бактрии), затем распространялся на запад. В позднейшее время центром его стала Мидия, а преимущественными носителями традиции стали мидийцы-маги. Если еще учесть, что речь идет не только о передаче определенного круга текстов, но и об одновременном пополнении этого круга, то ясно, что вопрос о локализации и датировке Авесты в целом вряд ли может ставиться. Более того — можно утверждать, что ни один текст, сохраненный зороастрийской традицией (за исключением Гат), нельзя считать памятником определенного языка определенной эпохи в строгом смысле этого слова. Гаты находятся в этом смысле в особом положении и представляют наиболее надежный языковый материал: ввиду особых стараний сохранить в точности звучание слов самого пророка, они подвергались в ходе передачи наименьшим изменениям и интерполяциям и сохранили диалектальное своеобразие.

Однако и в Гатах наблюдается разноречие в фонетике и грамматике (аša- и agəta- и т. д.), что объясняется, с одной стороны, неизбежными изменениями при передаче под влиянием позднейшего произношения, а с другой — тем, что некоторые формулы, как мы уже говорили, восходят к значительно более раннему периоду и могут представлять дозораострийские языковые формы.

2. Поскольку изменения, вносимые традицией в памятники, не приводили все-таки к слиянию их языка с живым языком, язык памятников постепенно все более и более отдалялся от языка носителей традиции и со временем стал мертвым языком, употребляемым единственно для религиозных надобностей. Поскольку он становится и единственным языком для этих надобностей, то тексты, присовокупляемые с течением времени к канону, должны были составляться на этом языке — при относительном

владении этим языком авторами прибавлений. Таким образом, какая-то часть текстов, сохранных зороастрийской традицией, была составлена на мертвом языке, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Вопрос о времени и месте кодификации Авесты до сих пор не решен окончательно. Андреас [Andreas 1902] выдвинул гипотезу о том, что авестийский алфавит восходит к более простому арамейскому. При переходе на новое, вокализованное авестийское письмо исходили исключительно из старого неогласованного текста, а так как язык был мертвым, то это привело к многочисленным ошибкам. Отсюда — фонетический (а отсюда иногда и грамматический) разнобой в дошедшем до нас тексте Авесты. Фонетическая значимость авестийских букв устанавливается исключительно палеографическим анализом.

Гипотезу Андреаса поддержали такие ученые, как Гейгер, Мейе, Бенвенист, Юнкер и др. Против выступил Хр. Бартоломе [Bartholomae 1910]. Г. Райхельт [Reichelt 1913] признает, что текст вульгаты восходит к тексту аршакидского периода, но считает, что это не просто «Umschrift», а результат традиции. Против роли гипотетического аршакидского текста выступают Бэйли [Bailey 1943], Моргенштерне [Morgenstierne 1942], Хеннинг [Henning 1942]. Дюшен-Гиййемен [Duchesne-Guillemin 1948, 64—66] признает одновременное существование устной традиции и письменного эталона в царских архивах и вместе с тем допускает возможность объяснения некоторых ошибок в тексте Авесты с точки зрения теории Андреаса. Хоффманн [например, Hoffmann, Altiranisch 1958, 13] также считает это возможным. Он делит развитие текста Авесты на шесть этапов [Hoffmann 1971, 188]: 1) фонетическое восточноиранское состояние текста; 2) развитие ученого традиционного произношения на юго-западе Ирана; 3) транскрипция в сасанидском произношении (около IV в. н. э.); 4) письменная передача под влиянием после-сасанидского произношения в эпоху упадка; 5) появление моделей наших рукописей под влиянием после-сасанидского произношения и 6) произношение вульгаты и появление наших рукописей.

Таким образом, гипотеза об «аршакидском» тексте Авесты имеет некоторые основания, но все-таки остается гипотезой.

Следующая — уже бесспорная — кодификация Авесты была произведена при Сасанидах и завершена или в конце IV в. [Reichelt 1913, 53] или в середине VI в. [Bailey 1943, 172]. Для этого был изобретен специальный алфавит на основе так называемого «книжного пехлеви», т. е. письма среднеперсидских рукописей, в отличие от ранних сасанидских надписей. Связь очевидна: начертания некоторых пехлевийских и авестийских букв совершенно идентичны. Составленный таким образом сборник текстов получил название *apastāg*, н.-перс. *avistā*.

Текст Авесты был снабжен переводом и комментарием на среднеперсидском языке, так называемом *zand*. Постоянное употребление

двух этих терминов рядом послужило причиной довольно широко распространенных ранее в Европе неточных выражений «Зенд-Авеста» и «зендский язык» для обозначения Авесты и ее языка. Некоторое время употребляли также термин «древнебактрийский» (Altbaktrisch), исходя из легенды о бактрийском происхождении Авесты и презумпции ее целостности как памятника. Но впоследствии, когда выяснилась неоднородность Авесты и даже невозможность отнесения ее языка категорически ни к восточным, ни к западным иранским языкам (относительно диалекта Гат см. ниже) в науке утвердились термины «язык Авесты», или «авестийский язык», с разделением на два диалекта — Гат и так называемый «младшей», или «поздней», Авесты (Jung-avesta).

С этого времени начинается второй, письменный период авестийской традиции. К этому периоду также относится сильное потрясение — мусульманизация Ирана в результате арабского завоевания. Зороастрийские общины, постепенно хирея, не могли уже во всем объеме поддерживать свою традицию. Запоминались, читались и переписывались в первую очередь — а затем и исключительно — только тексты, непосредственно необходимые для богослужения, остальные же части забывались и терялись; поэтому дошедшая до нас Авеста составляет не более одной четверти или трети первоначального объема, о котором дает нам представление среднеперсидское энциклопедическое сочинение «Денкард», включающее, между прочим, и обзор содержания Авесты.

Кодификация Авесты еще не означала полного прекращения ее развития. Древнейшие дошедшие до нас рукописи относятся к XIII—XIV вв. (старейшая известная рукопись датируется 1278 г.), т. е. созданы почти через тысячу лет после кодификации. Известно, какие изменения претерпевает любой памятник, подвергаясь переписке в течение такого значительного срока. Мы уже отмечали выше мнение Хоффманна о влиянии послесасанидского произношения на текст Авесты. Надо учитывать еще, что авестийская традиция продолжалась не только в различных областях Ирана, но и вне Ирана — в Гуджарате, куда, как известно, переместился центр зороастризма в результате эмиграции (хотя связи между иранскими и индийскими общинами поддерживались). В нашем случае надо прибавить еще то, что с упадком зороастризма квалификация переписчиков и владение ими языком постепенно падали. Таким образом, при изучении языка Авесты следует иметь в виду и изменения в процессе письменной передачи, вызванные влиянием произношения переписчиков, ложными аналогиями и простыми ошибками.

Таким образом, установление подлинного текста Авесты — дело сложное и далеко не законченное. И вряд ли можно считать парадоксальным утверждение Ж. Келленса [Kellens 1973, 6], что (после 200-летнего изучения!) работы по текстологии Авесты есть не что иное, как «des debuts d'une science».

СОСТАВ АВЕСТЫ

Дошедшая до нас Авеста состоит из следующих частей.

1. Ясна (Yasna) — поклонение, жертвоприношение — текст зороастрийской литургии. Он изобилует повторениями священных формул, однообразными перечислениями божеств и в настоящем своем виде был составлен, несомненно, в позднее время. Но Ясна включает и части значительной древности (например, Хом Яшт — 9—11), а главное — Гаты (28—34, 43—51, 53) и «Семиглавую Ясну» — Yasna-haptan̄hātī (35, 3—41, 6), не входящую в Гаты, но составленную на том же диалекте.

2. Виспрат (Visprat) или Висперед — дополнения к Ясне того же характера.

3. Видевдат (Videvdāt), или Вендидат, закон против дэвов — свод ритуальных установлений, скомпилированный в довольно позднее время, но также включающий в себя очень древние части. В определенных случаях Видевдат читался целиком во время литургии, причем части его чередовались особым образом с частями Ясны и Виспрата.

4. Яшты (Yašt) — гимны отдельным божествам, включающие и очень древние (по крайней мере по истокам) части.

5. Хуртак Анастак (Xurtak Apastāk) «Малая Авеста» — собрание выдержек из Авесты (в старом ее виде) для повседневного обихода мирян-зороастрийцев. Сюда входят молитвы Ašəm vohu (основная молитва зороастрийцев, которой открывается и вся Авеста), Nirang i kustik bastan, Srōš Vāč, Hōšbām, Nyāyišn, Gāsānbār.

6. Кроме собственно Авесты сохранились мелкие тексты, входящие в этот же комплекс: Nirangastān — ритуальный текст, Aogmadadēā, Nađōxt Nask — эсхатологическое сочинение, Frahang i oīm — авестийско-среднеперсидский глоссарий, Āfrin i Zardušt 'благословение Заратуштры', Vištasp Yašt, Nirang i Ātaš 'обряд огня'.

Кроме этого сохранилось значительное количество фрагментов в виде извлечений и цитат в среднеперсидских зороастрийских текстах. Перечень их дает Бартоломе в предисловии к своему словарию [Bartholomae AirWb, IX—XI], там же перечень изданий.

РУКОПИСИ АВЕСТЫ

Рукописи существуют двух основных видов: «простые», предназначенные для богослужения — только Ясна или установленное ритуалом соединение частей Ясны, Виспрата и Видевдата; и предназначенные для изучения списки отдельных частей Авесты со среднеперсидским переводом и комментарием.

Рукописи Авесты хранятся в различных собраниях Европы и Индии. Некоторыми фрагментами располагает и Публичная биб-

блиотека в Ленинграде. Лучшие рукописи находятся в Копенгагене, Оксфорде, Лондоне. Некоторые из копенгагенских рукописей стали доступными для исследователей всех стран в издании факсимиле [Codices Avestici. . .]. Перечень известных рукописей см. [Geldner, Prolegomena. . .].

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АВЕСТЫ

О существовании Авесты было в Европе известно издавна, вероятно со времен столкновений Римской империи с зороастрийским Ираном. Однако, сведения о ней носили скорее легендарный характер. Лишь в XVIII в. французский ученый Анкетиль Дюперрон (Anquetil Duperron), совершив смелое путешествие в Индию, добился связи с дастурами (зороастрийцами-священнослужителями), которые через посредство персидского и среднеперсидского языков познакомили его с Авестой. В 1771 г. он издал первый (французский) перевод Авесты, представлявший, правда, лишь плод неполного знакомства, основанного на знаниях дастуров, тоже недостаточных. Перевод разочаровал широкую публику, которая ждала от Авесты большего. Однако, начало знакомства было положено. И в последовавшем вскоре после этого бурном развитии индоевропейского языкознания Авеста, благодаря сразу же замеченной близости ее языка к древнеиндийскому, заняла подобающее место в индоевропейском сравнительно-историческом языкознании. С исследованием Авесты связаны такие имена как Бопп, Раск, Бюрнуф и др.

К середине XIX в. выделились два противоположные направления в изучении Авесты: 1) традиционное (Шпитгел, Юсти), опирающееся на среднеперсидские толкования и зороастрийскую литературу; 2) сравнительно-историческое (Рот и др.), основывающееся на данных лингвистического сравнения, в основном с древнеиндийскими памятниками.

Оба направления имели свои недостатки и преимущества. Использование традиции помогает правильно понимать реалии и сам дух Авесты, однако, при этом есть опасность повторить и все ошибки, возникшие в процессе передачи; к тому же сам среднеперсидский язык, дающий основные источники традиционного знания, до сих пор остается среди иранских языков одним из наиболее темных и слабо изученных. Подход же со сравнительно-исторической стороны позволяет лучше разобраться в грамматике языка, исправить многие ошибки традиционной передачи, но сам по себе не может дать полного понимания текста.

Естественно, что наиболее разумный путь — сочетание обеих тенденций. Такой путь и был принят исследователями конца XIX в. — конечно, с уклоном в ту или другую сторону в зависимости от индивидуальных склонностей и познаний каждого. Здесь необходимо назвать имена К. Гельднера (K. Geldner), из-

давшего самый лучший и полный (без мелких разделов и фрагментов) текст Авесты, Дармстетера (J. Darmesteter), сделавшего перевод Авесты с очень интересным комментарием, Хюбшмана (H. Hübschmann), Джексона (A. V. W. Jackson), Гейгера (W. Geiger). Эпоху в изучении языка Авесты составили работы Х. Бартоломе, важнейшие из которых [«Vorgeschichte der iranischen Sprachen», «Awestasprache und Altpersische», GIPh, 1895—1901, «Altiranisches Wörterbuch», 1904, 2-е изд. 1964] до сих пор являются основными справочниками по языку Авесты.

В XX в. занятия Авестой продолжаются в большинстве стран с развитым востоковедением, причем круг исследователей значительно расширился, и трудно перечислить даже важнейшие работы таких крупных исследователей как тот же Бартоломе, Райхельт (H. Reichelt), Бенвенист (E. Benveniste), Дюшен-Гийемен (Duchesne-Guillemin), Хеннинг (W. B. Henning), Курылович (J. Kuryłowicz), Моргенштерне (G. Morgenstierne), Кристенсен (A. Christensen), Мейе (A. Meillet), Готье (R. Gauthiot), Хумбах (H. Humbach), Нюберг (H. Nyberg), Анклесария (Anclesaria), Тавадия (Tavadia), Гершевич (Gershevitch), Хоффман (K. Hoffmann), А. А. Фрейман, В. И. Абаев и др., не говоря уже о том, что язык Авесты в той или иной мере привлекался в качестве материала не только всеми иранистами, занимавшимися проблемами истории и сравнительной грамматики иранских языков, но и специалистами по истории сопредельных групп языков, а также индоевропейцами широкого профиля.

Подробный обзор литературы по Авесте с начала века до 1962 г. дал Дюшен-Гийемен [Duchesne-Guillemin, 1962], с 1962 по 1972 г. — Келленс [Kellens, 1973]. В этих работах обзор литературы приводится по темам. Шлерат [Schlerath, 1968] дает основательно составленный список ссылок на литературу в порядке следования текста Авесты (т. е. на каждый стих в отдельности).

ФОНЕТИКА

ГРАФИКА И ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

Поскольку в мертвом языке, который, тем более, не имеет прямого продолжения, нашим источником служит не реальное звучание, а письменная форма, то в определении его звукового состава приходится исходить из письменных знаков. Авестийский алфавит был составлен в позднесасанидский период (на это указывает совпадение некоторых знаков со знаками «книжного пехлеви», значительно отличавшимися от знаков раннесасанидских надписей).

Среднеиранские алфавиты арамейского происхождения обычно ставят в тупик своей скудостью. Так, алфавит книжного пехлеви,

послуживший основой для авестийского, в дошедшей до нас форме имеет всего 16 знаков, если не считать некоторых знаков, различаемых диакритическими точками, всегда лишь факультативными. В этом отношении авестийский алфавит, наоборот, представляет *embarras de richesses*. Точное количество знаков не устанавливается, так как существуют некоторые (незначительные) варианты в разных школах переписчиков. Бартоломе [GIRh, 161] различает пятьдесят два знака, оговариваясь, что три из них — лигатуры, а один — вариант иранских рукописей в отличие от индийских. Райхельт [Reichelt 1909, 28] вслед за ним различает пятьдесят один знак (48+3 лигатуры).

Фонетическая значимость букв определяется, главным образом, из произношения современных парсов. Но так как это произношение менялось как во времени, так и по диалектам, то делаются попытки привлечь и сравнительно-исторические сопоставления.

Со времени опубликования на рубеже XIX и XX вв. «Grundriss der iranischen Philologie», куда вошли вышеупомянутые работы Бартоломе, в иранистике принята следующая международная транслитерация этих знаков:

Авестийский алфавит

. Гласные

1 a	2 ā	3 e	4 ē	5 ə	6 ǣ	7 o
8 ō	9 ā̄	10 ɛ̄	11 ɪ	12 ɪ̄	13 u	14 ū

Согласные

15 k	16 x	17 g	18 γ	19 č	20 ĵ
21 t	22 θ	23 d	24 δ	25 ɟ	26 p
27 f	28 b	29 w	30 l	31 ɲ	32 ɳ
33 m	34 n	35 y	36 ɹ	37 v	38 ɰ
39 r	40 s	41 z	42 š	43 ʃ	44 ʒ
45 ž	46 h	47 ħ	48 x		

Лигатуры

49 st	50 šč	51 ša
-------	-------	-------

Обращает внимание наличие двух знаков для у (35, 36), двух знаков для v (37, 38), трех знаков для š (42, 43, 44) и одного знака (34) то для n, то для m, хотя есть специальные знаки для обоих звуков.

Еще Андреас [Andreas 1902] высказал предположение, что такие знаки выражали первоначально различные звуки. Но к объяснению этого он подходит с точки зрения своей теории палеографического анализа. Так, знак š (43) он рассматривает как лигатуру hr и предлагает читать не aməšasrənta-, а amuhrospunto- (насчет древнеиранских гласных у него также было особое мнение, никем, кажется, не поддержанное). В качестве доказательства он ссылается на написания книжного пехлеви (например, 'mhrsnt). Бейли [Bailey 1943, 178] считает этот знак лигатурой для šu. Райхельт [Reichelt 1909, 29] и Моргенштерне [NTS, 1942] считают, что три знака для š действительно выражали различные звуки — š, rt, ɣ (у Райхельта для последнего — знак š), но со временем произношение звуков слилось, а знаки стали употребляться безразлично.

Различие в употреблении двух знаков для у и двух знаков для v очевидно: первые варианты пишутся только в начале слова, вторые — в остальных случаях, хотя и неясна причина такого различия.

Бенвенист [Benveniste 1968, 53 и сл.] находит позиционные различия для трех š: 1) перед у, 2) перед р, t, k, č и в конце слова, 3) в остальных случаях. Звук, выражаемый знаком (34) он определяет как «une nasale implosive distincte de n et de m», который реализуется как n перед зубными и как m перед губными. Таким образом, он элиминирует из фонетической системы пять звуков и представляет себе эту систему так:

Гласные

a ā e ē ɐ ɔ ɔ̃ â, ă i ī u ū

Согласные

k x g ɣ	n ɲ ŋ m
č j	y v r
t ʈ d ɖ ɟ	s z š ž
p f b w	h k xʷ

В последнее время входит в употребление несколько водоизменная транслитерация. Так, Хоффманн [Hoffmann 1971, 64 и сл.] предлагает следующие дополнительные обозначения: â для (10), оставляя ă для знака 𐭠, представлявшегося графическим вариантом; x для 𐭡, вошедшего в таблицу Бартоломе [Bartholomae GPh, 161], но не вошедшего в таблицу Райхельта [Reichelt 1909, 28]; ɣ для (47); различает два знака (17), обозначая первый как g, второй как ġ; β для (29); в знаке (31) видит два варианта ɲ и ɲʷ;

учитывает два дополнительных варианта п (𐬨 и 𐬨^r), обозначая их $\dot{p}$; $\dot{p}$ для (34); учитывает вариант м 𐬨 , обозначая его $\dot{m}$; выделяет вариант иранских рукописей 𐬨 , соответствующий (35) индийских рукописей, обозначая его $\dot{u}$, различает знаки (42) — 𐬨 , (43) — 𐬨 и (44) — 𐬨 (два звука различал уже Моргенштерне [Morgenstierne 1942, 30 и сл.]).

Кроме этого, появляется тенденция транслитерировать (36) как $\dot{i}$, (38) как $\dot{u}$, что графически оправдано, так как (36) выписывается как два (11), а (38) как два (13).

Такая система транслитерации, конечно, более точна и даже необходима для строгой работы над критикой текста Авесты, однако она будет применима для общего описания языка только после хотя бы относительного завершения этой работы, так как мы пока не можем предпочесть один рукописный вариант другому. Выбирать вариант мы могли бы лишь путем этимологизации. Еще Бартоломе [Bartholomae GPh, 153] предполагал различное происхождение звуков, обозначавшихся тремя 𐬨 и двумя 𐬨 . Но все же у нас нет еще вполне ясного представления о первоначальной фонетической значимости каждого варианта; а во-вторых, этимологизация не всегда может оказаться достоверной, часто мы просто не в силах ее провести.

Поэтому мы считаем себя вынужденными придерживаться системы транслитерации, принятой со времен «Grundriss», которая несмотря на несовершенство, представляет определенную фонетическую реальность, а именно — является фонетической (не фонологической) транскрипцией традиционного произношения зороастрийцев.

Это традиционное произношение (в грубом виде — большего нам и не требуется, так как тонкости произношения парсов относятся скорее к фонетике их родных современных языков — гуджарати в Индии и новоперсидских диалектов в Иране) таково:

э, э — звук типа русского редуцированного ъ	і — спигрант неясного образования, близкий к 𐬨 и 𐬨^1
ā — заднее огубленное а	č, j — русское ч и соответствующий звонкий аффрикат дж
а — носовое а	w — губно-губной звонкий спигрант (англ. w)
x — русское х	ɲ — заднеязычный носовой
γ — соответствующий звонкий спигрант	ɲ̄ — смягченный вариант ɲ

¹ Моргенштерне [Morgenstierne, 1942, 69 сл.] определяет его как взрывной, Райхельт [Reichelt, 1909, 29] — как фрикативный, Гейгер — как чисто графический элемент.

- θ — глухой зубной спирант ħ — смягченный вариант h
 (англ. глухой θ)
 ð — соответствующий звон- xʰ — огубленное x
 кий спирант (англ. звон-
 кий ð)

Если устранить по возможности искажения текста в процессе переписки, то из этой громоздкой фонетической системы можно и необходимо попытаться вывести с минимальной долей гипотетичности и фонологическую систему указанных диалектов. При этом придется, правда, исходить не только из самих текстов, но и из сравнительно-исторических данных — однако, это происходит в значительной мере от недостаточного объема текстов, который вообще редко позволяет решать какие-либо вопросы, связанные с Авестой, не выходя за ее пределы.

Эта необходимость ясна была уже для Бартоломе, хотя он, естественно, и не пользовался термином «фонологический», а отнес в «Grundriss» свои наблюдения о позиционном характере употребления некоторых знаков—звуков в раздел «Zur awestischen Orthographie». Это видно также из алфавитного расположения слов в его древнеиранском словаре, которое несколько «фонологизовано», что и создает известные всем начинающим затруднения в пользовании этим словарем.

Райхельт [Reichelt 1909, 30—34] в одноименном с Бартоломе разделе «Zur awestischen Orthographie» приводит меньшее количество наблюдений над вариантами написаний и делит свой раздел на части: а) сокращения, б) неточности и произвольные написания, в) добавления редакторов и переписчиков, г) ошибки и д) написание конечных гласных в Гатах и «младшей Авесте».

Наиболее важные работы по установлению фонологического состава языка Авесты принадлежат Моргенштерне [Morgenstierne 1942] и Бенвенисту [Benveniste 1968].

Моргенштерне определил так называемую эпентезу i и u перед согласным, когда в следующем слове имеется соответственно i, u или u, v, как чисто орфографический прием обозначения палатализации и лабиализации согласного, т. е. paiti—pat'i, dāuru—dār'u (однако следует заметить, что такая эпентеза может быть в принципе и реальным фонетическим явлением, ср. тюрк. «урус» вместо «рус»).

Далее, он показывает несущественность долготы ē, ō, нефонематичность ʃ как варианта t и d, ħ как варианта h; xʰ, по его мнению, — не особая фонема, а группа xʰ или hv; двойные знаки для y, v, g — явление чисто орфографическое².

² Бартоломе [Bartholomae GPh, 153] считал, что знаком (35) первоначально обозначалось авестийское ž, продолжение общеиранского j; так же считает и Хоффманн [Hoffmann, 1971].

Зато он различает первоначальную значимость трех š, а именно 1) š, 2) š̥ — спирант, соответствующий š̥; 3) ř̥ — спирантизованное глухое г < *rt.

Он высказывает также предположение, что сочетание hr есть письменное выражение особой фонемы г — глухого г.

В итоге, система фонем в его трактовке представляется следующим образом (в квадратных скобках даны фонемы, свойственные лишь «младшей» Авесте):

гласные	i	u	a		e	o	ā
	ī	ū	ā				
дифтонги	aē	ao					
	ōi	ēu					
	āi	āu					
согласные	k	x	g	[ɣ]	ŋ		
и сонанты	č	š̥	j		[j]	š̥	ž
	t	θ	d	[ð]	n	s	z
	p	f	b	w	m		
				h			
			g	(ɣ?)	ř̥		
			y	v			

Итого, девять гласных фонем, шесть дифтонгов и 29 согласных и сонантов.

Бенвенист идет дальше в элиминации вариантов фонем, отказываясь и от различия систем Гат и «младшей» Авесты. Разберем по его плану позиционные возможности фонематического значения некоторых звуков или, осторожнее, — знаков, так как не всегда с уверенностью можно в Авесте отличить факты фонетические от орфографических (фонологическую транскрипцию в трактовке Бенвениста мы даем в косых скобках, транслитерацию — без скобок):

Знак e: 1) /a/ после y, если в следующем слове есть i или u: yezi 'если' — /yazi/, ср. др.-перс. yadi; yesnya- 'достойный', 'почитаемый' — /yasnya-/, так как это — производное от uasna- /yasna-; 2) ав. п. /ai/ в конце слова: yave 'навек' — /yavai/, так как с энклитикой -ša пишется yavaēša, ав. г. yavōi (о дифтонгах см. ниже); 3) ав. п. /ua/ в окончании род. падежа ед. ч.: ahurahe 'Ахуры' — /ahurahuā/, ср. ав. г. ahurahuā, др.-перс. окончание род. п. ед. ч. -huā.

Знак ē — как считал уже Моргенштерне, отдельного значения не имеет. Употребляется в ав. г. в конце слова (где все гласные получают долготу); в ав. п. — на конце односложных слов: mē /mai/ — энкл. мест. 1 л. ед. ч., ср. др.-перс. maiu.

Знаки ē, ē̄ — 1) /a/: а) перед m: mašyem 'человека' вин. п. ед. ч. — /mašyam/, ср. др.-перс. martiyam; б) перед n + согласный: spanta- 'святой' — /spanta-/, ср. н.-перс. isfand; в) ав. г. āhma- — основа местоимения 1 л. мн. ч. — /ahma-/, ср. ав. г. и ав. п. ahma-; г) ав. г. перед n: huēn /hyān/ — 3 л. мн. ч. опт. от /ah-/ 'быть',

ср. ав. п. *hyaṇ*; 2) /u/: *dragvant-* 'приверженец лжи', 'Друг' — /*drugvant-*/, ср. ав. *druj-* /*druj-*/ 'ложь', 'Друг'; 3) /i/: *hendu-* 'Индия' — /*hindu-*/, ср. ав. параллельное написание *hindu-*; 4) нулевое значение после г перед согласным: *garəta-* 'теплый' — /*garma-*/, ср. др.-перс. *garma-pada-* (название месяца); 5) əgə — /ɣ/: *bəṛəta-* 'унесенный' — /*br̥ta-*/ ср. др.-инд. *bṛ̥ta-*, н.-перс. *burd*; əhr — /ɣ/: *vəhrka-* волк — /*vṛka-*/, ср. н.-перс. *gurg*.

Знаки о, ǝ: 1) /a/ перед слогом, содержащим u: *voṇu-* 'добрый' — /*vahu-*/, ср. *vahišta-* 'добрейший'; 2) /ah/ < /aʃ/ в конце слова: *manō* 'мысль' — /*manah*/, ср. род. п. ед. ч. *manah̥ō* /*manahah*/, ср. также *manas-ča* /*manas-ča*/; 3) не вполне ясное ǝ в конце первой части некоторых композитов: *aspō.gar-* 'пожирающий лошадей', ср. др.-перс. *asa-bāra-* 'всадник'; 4) иногда /a/ перед г + группа согласных: *θwōrəstar-* 'творец' — /*θvar̥star*/, ср. *θwārəz-* /*θvārs-*/ 'творить'.

Знак ā: 1) /āh/: *vidvā* 'знающий' — /*vidvāh*/, ср. род. п. ед. ч. *vidvāh̥em* /*vidvāham*/; 2) /āu/: *xratā* /*xratāu* — мест. п. ед. ч. от /*xratu-*/ 'разум', ср. *vahāu* — та же форма от /*vahu-*/ 'добрый'; 3) не совсем ясно, очевидно по аналогии, иногда в исходе им. п. ед. ч. основ на /-nt/: *xratumā* 'мудрый' от основы /*xratumant-*/.

Знак a: 1) /an/ перед согласными: *maṇra-* 'божественное слово' — /*manṇra-*/, ср. др.-инд. *mantra-*; 2) /ā/ перед носовыми: *daēnaṃ* /*daināṃ* — род. п. ед. ч. от /*dainā-*/ 'вера'.

Сочетания знаков aē, ǝi — /ai/: ав. г. *vaēdā* 'я знаю' — /*vaيدا*/, *vōistā* /*vaista*/ 'ты знаешь' (формы перфекта). Различие: aē — преимущественно в открытом слоге, ǝi — в закрытом, но есть исключения, например: *maēsma-* /*maisma-*/ 'моча'. В Гатах преобладает написание ǝi: ав. г. *zastōiḅyā*, ав. п. *zastaēiḅya* 'обеими руками' — /*zastaibyā*/, ав. г. *mōi*, ав. п. *mē* — энкл. мест. 1 л. ед. ч. /*mai*/.

Сочетания знаков ao, əu — /au/: *gāuš* /*gauš* — род. п. ед. ч. от /*gāu-*/ 'бык', но *dyaoš* /*dyauš* — та же форма от /*dyau-*/ 'небо'.

Знак w — 1) ав. п. /b/ между гласными: ав. п. *aiwi* /*abi* — предлог и преверб, ср. ав. г. *aibi* /*abi*/; 2) /v/ в группе dv: ав. п. *aḍwan-* 'путь' — /*advan-*/, ср. ав. г. *advan-*.

Знак ǝ — ав. п. /d/ между гласными и сонантами: ав. п. *aḍa* 'тогда' — /*ada*/, ср. ав. г. *adā* /*ada*/.

Знак t — 1) /t/ в конце слова: *pərəsaṭ* 'он спросил' — /*pṛsaṭ*/; 2) ав. п. *tb* — /dv/ в начале слова только в одном корне: ав. п. *tbāēšah-* 'вранда', 'ненависть' — /*dvaišah-*/, ср. ав. г. *dvaēšah-* /*dvaišah-*/. В Гатах слова этого корня /*dviš-*/ имеют в написании начальные варианты *dv*, *dəv*, *daib*; 3) неясно ав. п. и ав. г. в одном корне *tkāēš-* /*kaiš-*/ 'учить' (в религиозном смысле).

Знак ɣ — 1) ав. п. /g/ между гласными: *aɣa-* 'злой' — /*aga-*/, др.-инд. *agha-*; ав. п. /g/ перед п, м, г: ав. п. *ɣnā-*, *ɣənā-*, ав. г. *gənā-* 'женщина' — /*gnā-*/; *jaɣmuš-* 'примедший' — /*jagmuš-*/, *anaɣra-* 'бесконечный' /*anagra-*/.

Знаки ɲ, ŋ — 1) *ɲuh* — /hv/: *vaɲuhī* 'добрая' — /*vahvī*/ от /*vahu-*/ 'добрый'; 2) *ɲr* — /hr/: *hazaɲra-* 'тысяча' — /*hazahra-*/, др.-инд.

sahasra-, н.-перс. hazār; 3) ħ — иногда как вариант ɣ перед слогом с i, y: aiḫbe /aḫya/ — род. п. ед. ч. указ. мест. /a-/.

В целом фонологическая система по Бенвенисту выглядит так: шесть гласных (a, ā, i, ī, u, ū) и 21 согласный, приводим его таблицу целиком, не меняя порядка и терминологии — табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Согласные

	Губные	Зубные	Велярные	Альвеолярные	Палатальные	Глоттальные
Взрывные:						
глухие	p	t	k		č	
звонкие	b	d	g		j	
Невзрывные (continues):						
фрикативные						
глухие	f	θ	x	s	š	h
звонкие				z	ž	
носовые	m	n				
полугласные	w				y	
плавные		ɾ				

Вероятно, сюда следует добавить гласный ɾ, поскольку буквенное сочетание эḡ больше ничего не означает.

Итак, мы рассмотрели две предложенных фонологических системы языка Авесты.

Это не означает, что мы можем и должны категорически предпочесть одну другой, так как они представляют собой лишь два разных исторических разреза — причем, и тот и другой условны, и мы не можем говорить о соответствии их какой-либо конкретной фонетической реальности. Можно только надеяться, что наши знания будут уточняться в ходе исследований исторической фоники живых беспримесных иранских языков, обширный материал которых, полученный за последние годы, только начинает изучаться в этом плане.

Поэтому, транскрибируя авестийские формы, мы будем пользоваться:

а) транслитерацией (которая также несколько условна ввиду отсутствия надежного критического текста, о чем говорилось выше); в транслитерации слова из Гат будем давать в разрядку;

б) системой Бенвениста, т. е. «морфологической», «нормализованной» или «идеальной» транскрипцией, которую будем давать в прямых скобках;

в) в некоторых случаях, где понимание происхождения формы потребует еще более глубокого диахронического среза, мы будем употреблять знаки с подстрочной точкой, что будет означать, что

форма восстанавливается до общепранского, а может быть и до общеарийского уровня и даже дальше. Так, чтобы показать, что медиальные окончания повелительного наклонения в *baraṇiḥa* /*barahva*/ 'нееп' и в *kərəṣva* /*kṛṣva*/ 'делай' восходят к одному и тому же *-*sva*, транскрибируем: /*bara-ṣva*/ и /*kṛ-ṣva*/. Пример еще более отдаленного, доарийского позиционного чередования: *jaidi* 'ударь' /*jadi*/ — /*j̥di*, *g̊di*/.

Также мы по возможности будем восстанавливать различные по происхождению /š/: /š/, /ṣ/ и /rt/ (см. стр. 138).

Выше мы показали, какие знаки вульгаты можно элиминировать из числа означающих фонемы. Но этим не ограничивается соотношение написания вульгаты и предлагаемого фонологического состава. Поэтому необходимо, как нам кажется, дать краткую сводку вариантов реализации устанавливаемых фонем.

ГЛАСНЫЕ

Фонема /a/:

1) а, ā — в Гатах все конечные гласные выписываются как долгие, в поздней Авесте, наоборот, как краткие, независимо от происхождения: /*ahura*/ зват. п. — ав. п. *aḥura*, ав. г. *aḥuṛā*; /*ahura*/ инстр. п. — *aḥura*, *aḥuṛā*; возможно, что явление связано с особой манерой жреческого исполнения Гат;

2) е: /*yasnai*/ местн. п. — *yesne*; /*yahya*/ род. п. от /*ya*/ 'который' — *yeñhe*; /*yazi*/ 'если' — *yezi*; здесь можно установить правило: влияние предшествующего у и последующих у, i, e /*ai*/, однако, есть и такие случаи, как /*yazyu-*/ 'достойный почитания', где наряду с *yezyu-* имеется и *yazyu-*;

3) о: /*yasnam*/ вин. п. — *yasnem*; /*namah*/ 'поклон' — *nəmə*; /*savišta-*/ 'сильнейший' — *səvišta-*; /*ra(g)vī-*/ 'быстрая' — *rəvīm* вин. п.; здесь можно отметить соседство с сонантами, однако, есть *bavaṭ* /*bavat*/ 'был', *hama-* /*hama-*/, н.-перс. *ham*;

4) о: /*vahu-*/ 'добро' — *vohu*; /*paru-*/ 'много' — *rougu-*; /*mašu-*/ 'быстро' — *mošu*; здесь можно предположить влияние предшествующего губного и последующего а(v), однако наряду с *rougva-* /*pargva-*/ 'первый' есть и *raurva-*, а в Гатах даже *rougva-*;

5) i: /*yam*/ вин. п. от /*ya*/ — *yim*; /*jamāt*/ 'пусть придет' — *ḡimāt*, но при *yima-* /*yama-*/ 'Йама' в Гатах есть *yəmə* /*yamā*/ дв. ч. 'близнецы'.

6) нуль: /*bavat*/ — *bvaṭ*, вариант *bavaṭ*.

Фонема /ā/:

1) ā: /*mātā*/ 'мать' — *mātā*;

2) ā: /*mazāntam*/ 'большой' (вин. п.) — *mazāntəm*; перед /*b*/: /*māh*/ 'месяц' — *mā*, вин. п. /*māham*/ — *māḥm*; вообще сочетание /*āha*/ как правило передается в виде *āḥa(ə)*;

3) ā: /*dāmān-*/ 'творение' — *dāmān-*; /*sunām*/ 'собака', род. п. мн. ч. *sunām* — обычно перед носовыми.

ГЛАСНЫЕ СОНАНТЫ

Фонема /i/:

1) i, ī: /idi/ 'иди' — ав. п. iḍi, ав. г. iḍi; /jītim/ вин. п. 'жизнь' — jītim;

2) е перед носовым + согласный [Reichelt, 1909, 67]: /hapta hindu/ 'Семь Индий', название области, — hapta hāndu;

3) ai, ēi: /šitayah/ им. п. мн. ч. 'обитаемое место' — šaitayō, но дат. п. мн. ч. šitibyas-ča; композит с этой же основой /vasah-šitim/ вин. п. 'обитание по желанию' — vasā.šēitim.

Фонема /i/:

1) ī: /srīrah/ 'красивый' — srīrō;

2) нуль: /θritīya-/ 'третий' — θritīya-. /i/ восстанавливается: во-первых, из невозможности сочетания /ty/ (см. ниже), во-вторых, из последующего развития, ср.-перс. sīdīgar.

Фонема /u/:

1) u, ū: /dugda/ 'дочь' — duḡḡa, ав. г. dugədā; /bunai/ 'основа' мест. п. ед. ч. — ав. г. būnōi, но ав. п. bunēm вин. п., н.-перс. bun;

2) ə: /drugvant-/ 'приверженец Друг, Лжи', ав. г. drəgvant-, но ав. п. /druxš/ 'олицетворение Лжи' — druxš (н.-перс. drōḡ /draug-);

Сочетание фонем /uv/:

1) v: /yuvan-/ 'молодой' — yvan-;

2) u: /tuvam/ 'ты' — tūm.

Фонема /ū/:

ū, u: /būmīm/ 'земля' — вин. п. — būmīm, н.-перс. būm; /stunāh/ 'колонна', мн. ч. ж. р. — stunā, н.-перс. sutūn.

Фонема /r/:

1) ərə: /zrḏā/ 'сердце', инстр. п., ав. г. zərədā; другой вариант написания rə: /dṛzrah/ 'сильный' — drəzrō и dərəzras-ča;

2) əhr: /vr̥kah/ 'волк' — vəhrkō; /kṛam/ 'тело', вин. п. — kəhr-rəm; но в том же слове и том же консонантном окружении /kṛš/ < /kṛp-ṣ/, им. п. — kərəš; различие может быть лишь в количестве слогов;

3) /r̥t/ — əš: /amṛta-/ 'бессмертный' — aməša; но /amṛtāt-/ 'бессмертие' — amərətāt-, н.-перс. murdād.

СОГЛАСНЫЕ СОНАНТЫ

Фонема /y/ — y: /yasna-/ 'жертвоприношение', 'Ясна' — yasna-; /srāvaaya-/ 'петь' — srāvaaya-; /ya/ не в начальном слове:

1) ī: /martīyam/ 'человек' вин. п. — mašim; 2) e, ē: /ahuraḡya-/ 'Ахура' род. п. — ahurahe, но ав. г. ahuraḡyā, хотя есть /vaḡy-ahīš/ 'более добрые' ж. р. — ав. г. vahehīš; /vayam/ 'мы' — vaēm.

Фонема /v/ — v: /vispa-/ 'весь' — vispa-; /yava-/ 'хлеб' (злак) — yava-; /va/ не в начале слова — u: /θrišvam/ 'треть' вин. п. — θrišum; /θv/ < /tv/ — θw: /čaθvārah/ 'четыре' — čaθwārō.

Фонема /r/: 1) r: /rauxšnu-/ 'свет' — raoxšnu-; 2) hr: /markah/ 'смерть' — mahrkō, н.-перс. marg (ср. /r/ > hr, стр. 145); /rt/ — š: /martiya-/ 'человек', mašya- (ср. /rt/ > š); /ru/ — uru, urv, /ri/ в начале слова — iri: /rvānam/ 'душа' вин. п. — urvānəm; /ristah/ 'умерший' — iristō.

[n] и [m] выпали из системы сонантов и должны рассматриваться как согласные.

ДИФТОНГИ

Дифтонг [ai] — 1) aē: [aivah] 'один' — aēvō; /daivah/ 'дэв' — daēvō; 2) ōi [nait] 'не' — nōit; /daiθra-/ 'глаз', dōiθra-; 3) e, ē: /yazai/ 'я приношу жертву' — yaze. В основном, aē употребляется в начале слова и в открытом слоге, ōi в закрытом слоге, ср. /vaida/ 'я знаю' — vaēdā, /vaista/ < /vaidta/ 'ты знаешь' — vōistā (оба примера из Гат). Но есть и обратные примеры. Так, Гаты предпочитают ōi, Поздняя Авеста — aē: /zastaibyā/ 'обеими руками' — ав. г. zastoibyā, ав. п. zastaēbya [Bartholomae 1895, 172]; e, ē — в конце слова как в Гатах, так и в Поздней Авесте: /astvatai/ 'материальный' дат. п. — ав. г. astvaitē, ав. п. astvaite. Однако в Гатах нередко встречается и ōi: /šyaudnai/ 'дело' местн. п. — ав. г. šyaodanōi, ав. п. šyaodne.

Дифтонг /āi/ — āi: /martiyāiš/ 'люди' инстр. п. — mašyāiš; /upāit/ < /upa-ait/ 'он подошел' — upāit.

Дифтонг /au/ — 1) ao: /aujah/ 'сила' — aojō, /raučah/ 'свет' — raōčō; 2) au: /xratauš/ 'разум' род. п. — xratōuš при /parauš/ 'многий' род. п. — paraōš. Предполагалось (Джексоном), что основа различия этих двух вариантов — последствия изменения тона. Однако, имеющийся материал не может подтвердить эту гипотезу [Reichelt, 1909, 70].

Дифтонг /āu/ — а) āu: /gāuš/ 'бык' им. п. — gāuš; б) ā: /xratāu/ 'разум' местн. п. — xratā, от основы /xratu-/ , при такой же форме от /vahu-/ 'добрый' — vanhāu.

СОГЛАСНЫЕ

Фонема /k/ — 1) k: /kṛnaut/ 'он сделал' — kərənaot, /vṛkah/ 'волк' — vəhrkō; 2) в корне /kiš-/ 'учить' неясное tk: tkaēša- 'учение', н.-перс. kēš.

Фонема /x/ — x: /xratuš/ 'разум' — xratuš, н.-перс. xirad; /taxmah/ 'храбрый' — taxmō.

Фонема /g/ — 1) g: /gari-/ 'гора' — gairi-, /augah/ 'сила' — aogō (при более частом aojō); 2) γ — в Поздней Авесте в соседстве с гласными и сонантами: /ugra-/ 'сильный' — uḡra-, ṛnā 'женщины' — вин. п. при ав. г. genā; 3) исчезает в Поздней Авесте в некоторых положениях: /drugvāh/ 'приверженец Лжи' — ав. п. drvā при ав. г. drəgvā [Reichelt, 1909, 44].

Фонема /č/ — 1) č: /čadwārah/ 'четыре' — sadwārō; /hačatai/ 'сопровождает' — hačaitē; 2) t. č: /frā-tačarata-/ 'текущий' — frātāt. čarata-, среднеперсидский перевод <pr'č tč'k>; 3) dč: /vičaišta/ зв. п. 'наилучше решающий' — vičōišta (корень čī- с превербом vi-).

Фонема /š/ < /čy/ — š: /šyaudna-/ 'дело' — šyaudna-, /šuta-/ /šyuta-/ 'движимый', др.-инд. суав-, суу-, н.-перс. šav-, šud-.

Фонема /j/ — 1) j: /jiti-/ 'жизнь' — jiti-; /aujah/ 'сила' — aojō (ав. г. aogō — с другой доиранской огласовкой); 2) dāj в Гагах, в начале слова: /jit-artā/ 'вредящие Арте' — dājiṭ.arētā, ср. ав. п. jit.ašem.

Фонема /š/ — š: /Artiš/ 'Арти' — ašiš; /taršnah/ 'жажда' — taršnō, /fšuyant-/ 'скотовод' — fšuyant-.

Фонема /ž/ — ž: /mižda-/ 'мзда' — mižda-; /ž/ — ž: /aži-/ 'змея' — aži, ср. др.-инд. ahi-.

Фонема /t/ — 1) t: /taxma-/ 'храбрый' — taxma-; /vāta-/ vāta- 'ветер'; 2) t в конце слова: /ahat/ 'он был' — aṇhaṭ.

Фонема /θ/ — 1) θ: /aθā/ 'тогда' — ав. г. aθā, ав. п. aθa; /θrayah/ 'три' — θrayō; 2) θ: /naθraḥ/ < /naθraṣ/ род. п. 'внук' — naθērō.

Фонема /d/ — 1) d: /dasa/ 'десять' — dasa; 2) d в Поздней Авесте между гласными: /ida/ 'здесь' — ida при ав. г. idā. Но ав. п. /vadar/ 'оружие' (определенного типа) — vadarə.

Фонема /s/ — 1) s: /stāram/ вин. п. 'звезда' — stārəm; /masyah/ 'рыба' — masyō; 2) θ в редких и неясных случаях: /sraṭah-/ 'река', в составе композитов, ср. др.-инд. stōtah. Но н.-перс. rōd убеждает в реальности θr° (θr > hr > r).

Фонема /z/ — 1) z: /azam/ 'я' — azəm, /mazgam/ вин. п. 'мозг' — mazgəm; 2) z + носовой — sn, sm; прослеживается регулярно и должно рассматриваться как нормальный, свойственный авестийскому переход (примеры см. ниже).

Фонема /p/ — p: /pitā/ 'отец' — pita; /nāpat-/ 'внук' — nāpat-.

Фонема /f/ — 1) f: /fratama-/ 'первый' — fratəma-; /safa-/ 'копыто' — safa-; 2) встречаются случаи, когда арийское /p/, регулярно перешедшее в иранском в некоторых консонантных группах в /f/ (см. ниже), в Авесте сохраняется, например: ham.taptibūō дат. п. мн. ч. 'нагревшийся' при taftō 'горячечный'. Райхельт [Reichelt 1909, 40] считает это ошибкой переписчиков (тем более, что начертания p и f близки). Однако, это не объясняет регулярное написание hapta 'семь'.

Фонема /b/ — 1) b: /brātā/ 'брат' — brātā; /zastaibyā/ инстр. п. дв. ч. 'руки' — zastōibyā; 2) w в Поздней Авесте в интервокальном положении: /abi/ — многозначный предлог и преверб — ав. п. aiwī, ав. г. ai bī; /abram/ 'облако' — awrəm, н.-перс. abr; 3) v (вероятно, вместо w): /sru-baram/ — вин. п. 'рогатый' — srvarəm; /gaīdābyah/ дат.-абл. мн. ч. 'живому миру' — gaēdāyayō; 4) иногда даже y: /ubai/ 'обе' — uye, ср. ав. г. ubē.

Фонема /h/ — 1) h: /haça/ 'из' — haça, /ahmi/ 'есмь' — ahmi; 2) ɬ — интервокально: /ahat/ 'он был' — aɬhat; /mābah/ род. п. 'месяц' — māɬhō; 3) ɟ — перед г: /hazahram/ 'тысяча' — hazaɟrəm; /ahraɬ/ 'злой' — aɟrō; 4) в Гатах ng — перед г: angrō, ав. п. angrō 'враждебный'.

ИСТОРИЯ ФОНЕМ ЯЗЫКА АВЕСТЫ

Теперь, после определения отношения письменной формы языка Авесты к его фонологическому составу, мы можем перейти к рассмотрению этого фонологического состава в историческом плане. Технически для этого возможны два пути: или, исходя из авестийского, проследживать путь развития от более древних состояний (общеиранского, индоиранского, индоевропейского), или же, наоборот, исходя из предшествующего, раннего состояния, прослеживать этот путь до авестийского. Второй путь кажется нам более экономным, хотя ни общеиранская, ни индоиранская, ни, тем более, индоевропейская фонологическая система с точностью не установлена. И вообще схема индоевропейский — восточноиндоевропейский — индоиранский — общеиранский — древнеиранский и т. д., которая казалась такой ясной сто лет назад, сейчас, под все растущим наплывом фактического материала, очень серьезно шатается, и мы принимаем эту схему только постольку, поскольку новой ясной схемы пока не выработано, а старая хоть как-то позволяет уложить имеющиеся факты в систему³.

Поэтому, принимая эту классическую (пусть устаревшую) систему, мы для общей ориентировки даем схему развития согласного состава языка Авесты (см. стр. 157), которую можно читать и слева направо и справа налево. Приводя эту схему, мы отдаем себе отчет в том, что 1) гипотетично не только общеиндоевропейское фонетическое состояние, но и сам факт существования такого состояния как единого [см., например: Мейе 1938, 416]; 2) существование диалектных групп *centum* и *satəm* как, соответственно, западной и восточной групп неоднократно подвергалось сомнению [см., например: Георгиев 1958; Иванов 1958], однако можно все-таки говорить о двух типах соответствий гуттуральных, хотя и здесь находится значительное количество исключений; 3) обще-

³ Делаются попытки осмыслить фонологический состав языка Авесты (и вообще древнеиранского) в синхронном плане [см. Эдельман 1975, 19 и сл.], однако, по указанным выше причинам, мы считаем, что это возможно лишь в том случае, если удастся более или менее четко выделить диалектальные и диахронические слои авестийских текстов и обстоятельства их фиксации, а также путем использования материала живых языков уточнить реальную фонетическую значимость постулируемых фонем. Поэтому мы предпочитаем пока придерживаться традиционной «нормализованной» или «идеальной» трактовки звукового состава Авесты.

индоиранское и даже общеиранское состояние также точно не установлены, и традиционное представление о них, вероятно, будет изменяться в ходе исследований огромного нового материала; 4) в определении фонологического состава самого языка Авесты, как мы видели, существуют разногласия.

Поэтому, употребляя по необходимости термины «индоевропейский», «индоиранский», «иранский», мы сознаем их условность.

В схеме (стр. 157) рядом с индоиранскими звуками в скобках даны древнеиндийские в тех случаях, когда они отличаются от общеиндоиранского. Не учтены некоторые древнеиндийские звуки, развившиеся лишь в определенных позициях, например церебральные. Древнеперсидские звуки, если они отличаются от авестийских, также даны в скобках.

ГЛАСНЫЕ

В положении, не обусловленном морфологическими чередованиями, все индоевропейские краткие гласные, т. е. е, о, а, дают, по принятому мнению ⁴, уже в индоиранском (соответственно в древнеиндийском, древнеперсидском и авестийском) а, все долгие, т. е. ē, ō, ā дают ā.

и.-е. *e > ав. /a/: ав. *hapta* /hapta/, н.-перс. *haft*, др.-инд. *sapta*, лат. *septem*, гр. ἑπτα 'семь'.

и.-е. *o > ав. /a/: ав. *ašta* /aštā/, н.-перс. *hašt*, др.-инд. *aṣṭā*, лат. *octo*, гр. ὀκτώ 'восемь'.

и.-е. *a > ав. /a/: ав. *azāmi*, др.-инд. *aṃāmi*, лат. *ago*, гр. ἄγω 'веду'.

и.-е. *ē > ав. /ā/: ав. /mā/, др.-инд. *mā*, гр. μή — запретительное отрицание.

и.-е. *ō > ав. /ā/: ав. *āsuš*, др.-инд. *āṣus*, гр. ὄχις 'быстрый'.

и.-е. *ā > ав. /ā/: ав. *mātā*, н.-перс. *mādar*, др.-инд. *mātā*, лат. *māter*, гр. μάτηρ 'мать'.

Индоевропейский редуцированный гласный, восстанавливаемый из соответствий лат. *quattuor*, слав. *четырь-*, гр. *τέσσαρες* и *τέτταρες*, отражается в индоиранском как а: ав. *saθwārō* /saθwārah/, др.-инд. *catvāras*.

Так как вопроса о качественной окраске гласных для индоиранских языков пока нет, то для нас неважно устанавливаемое (очень четко Бенвенистом и более сложно Стартевантом) различие ларингальных, и мы можем говорить об одном *a.

1. Гласный *a отражается в индоиранском как i: ав. *pita* /pitā/, др.-перс. *pitā*, др.-инд. *pitā*, лат. *pater* гр. πατήρ 'отец'. Во втором слове в иранском, в противоположность индийскому,

⁴ Есть наблюдения над живыми бесписьменными иранскими языками, которые ставят под сомнение это общепринятое мнение, но пока соответствующий закон еще точно не сформулирован.

этот гласный не отражается вовсе: ав. *du g ə d ā /dugdā/*, др.-инд. *duhitā*, гр. *θυγάτηρ* 'дочь'.

2. Согласный *ə не отражается как таковой, но оставил след в системе глухих согласных и некоторых чередованиях гласных и сонантов (см. стр. 152).

СОНАНТЫ

В индоевропейском имелись следующие сонанты, т. е. звуки, имеющие, в зависимости от положения, значение гласных, согласных или вторых элементов дифтонга:

y	v	ɣ	l	n	m
i	u	ɣ	!	ɲ	ɱ

Из них в индоиранском и иранском сохранились как таковые *y—i*, *v—u*, *ɣ—ɣ*, с которыми слилось и и.-е. **l*. В Авесте звука *l* нет. В древнеперсидском он, как принято считать, встречается лишь в заимствованных словах. Однако, были попытки связать древнеперсидское *l* с индоевропейским **l* — еще у Хюбшмана [Hüb-schmann 1895, 264]. В работах В. И. Абаева [Абаев 1965, 35 сл.] осетинское *l* объясняется как ареальное явление.

**y* — ав. *yvan-* /*yuvan-*/, др.-инд. *yuvan-*, лат. *juven-* 'юный'.

**i* — ав. *idi* /*idi*/, др.-инд. *ihī*, гр. *ἴδι*: 'иди'.

**v* — ав. *vīra-* /*vīra-*/, др.-инд. *vīra-*, лат. *vīr* 'мужчина'.

**u* — ав. *upairi* /*upari*/, др.-инд. *uparī*, гр. *ὑπερ* 'над'.

**ɣ* — ав. *barāmi* /*barāmi*/, др.-инд. *bharāmi*, гр. *φέρω* 'несу'.

**l* — ав. *irinaxti* /*rinaxti*/, др.-инд. *rinakti*, ср. гр. *λείπει* 'оставляет'.

**ɣ* — *zərədā* /*zɣdā*/, др.-инд. *hṛdā* (инстр. п.), лат. *cordis* (род. п.), гр. *καρδία*, *κράδια* 'сердце'.

**!* — ав. *vəhrkō* /*vɣkah*/, др.-инд. *vṛkas* 'волк'.

**n* и **m* выпали из системы сонантов: сохранились лишь их согласные варианты, гласные же отражаются как *a*.

**n* п **n* — ав. *nāma*, др.-перс. *nāmā*, др.-инд. *nāma*, лат. *no-men* 'имя'.

**ɲ* — ав. *jaiði* /*jɲdi*/ 'ударь' от /*gn*/.

**ɱ* — ав. *satəm* /*satam*/, лат. *centum* < **kṃton* 'сто'.

Существует еще одно отражение сонантов — в положении слоговом, но перед гласным. В этом случае и.-е. сонант разлагался на группу из гласного и согласного сонанта, т. е. **i*y, **u*v, **ɣ*ɣ, **!*l, **ɲ*n, **ɱ*m.

**i*y, **u*v сохранились в индоиранском, но в иранском обнаружение их сильно затруднено как авестийским, так и древнеперсидским письмом; отражение **ɣ*ɣ совпадает с *gə* (см. стр. 152); для **ɲ*n и **ɱ*m отражение соответственно *an* и *am*:

**ɱ*m — ав. *dasəmō* /*dasamah*/, др.-инд. *dasamas*, лат. *decimus* 'десятый';

*ṇṇ — ав. anāhita /an-āhitā/ 'незапятнанная', ср. anhaiṇyō /a-haiṇyah/ (ṇ), др.-инд. asatyas 'неверный'.

Исторически к сонантам следует отнести и индоевропейский ə. Однако, так как из фонетической системы иранского он выпал, мы ограничиваемся фиксацией его отражений в системе гласных (см. стр. 149) и системе чередований гласных в некоторых слогах.

ЧЕРЕДОВАНИЕ ГЛАСНЫХ

Утерав индоевропейское качественное чередование гласных (*e : *o), индоиранский сохранил и развил количественное чередование. Количественное чередование определяется в общем виде тремя ступенями огласовки: нуль — a—ā.

Если в слове нет сонанта (или не было ə), то этой формулой в простом виде и будут выражаться возможные варианты его огласовки:

/sp/ /sap/ /sāp/ ⁵

Первую ступень мы будем называть нулевой, вторую — средней, третью — долгой (индийские термины для средней огласовки — guṇa, для долгой — vṛddhi).

Если в слове есть сонант, но нет следов ə, то в нулевой ступени сонант приобретает гласное краткое значение. Схема такова:

Нулевая	Средняя	Долгая
/sip/	/saip/	/sāip/
/sup/	/saup/	/sāup/
/sṛp/	/sarṇp/	/sārṇp/
/sap/	/saṇp/	/sāṇp/

Эта система чередования частично продолжает индоевропейские количественные чередования, например: ав. дат. п. riḍre /pitrai/, вин. п. pitagēm, им. п. pita /pitā/, гр. дат. п. πατρί, вин. п. πατέρα, им. п. πατήρ 'отец'.

Но в значительной мере, как система, она развилась уже на индоиранской почве, заменяя в морфологических противопоставлениях утерянное качественное чередование. Так, и.-е. чередование e : o в открытом слове может соответствовать инд.-ир. a : ā: гр. φέρω 'несу': φορέω — форма «интенсива», ав. bara- /bara-/: /bāraya-/.

⁵ Корень (слог) |sp| — чисто искусственный (реально такого не существует). Он введен нами для того, чтобы более наглядно можно было показать «алгебру» древнеиранской грамматики. Идея взята, конечно, из грамматик семитских языков (арабского, древнееврейского), где для показа самых различных грамматических форм, как именных, так и глагольных, используется один корень f(p) 'l, который хотя и реален и значит 'делать', но в языке имеет далеко не все формы, образуемые от него в грамматиках. Это просто очень удобный эталон.

Своеобразные, уже не живые для иранского, чередования представлены в слогах, содержащих *ə*, — типа *spə*, *srə* (слог берем пока условно, без всякой огласовки). Долгих огласовок такие слоги, по крайней мере, первоначально, не получали, но для средней огласовки (а) возможны были два варианта: перед вторым и перед третьим элементом слога, т. е. нулевая /*spə*/ и средняя /*sapə*/, /*sraə*/.

При нулевой огласовке *ə* отражается как гласный /*i*/; *a* + *ə* дает /*ā*/; гласный сонат + *ə* дает долгий гласный сонант. Схема чередований получается следующая:

	а) / <i>spə</i> /	б) / <i>sapə</i> / в) / <i>sraə</i> /
1) / <i>spə</i> /	/spi/	/sap/ / <i>spā</i> /
2) / <i>syə</i> /	/sī/	/sai/ / <i>syā</i> /
3) / <i>svə</i> /	/sū/	/sau/ / <i>svā</i> /
4) / <i>srə</i> / * / <i>sṛ</i> /	/sar/ (инд. <i>sūr</i> , <i>śr</i>)	/sar/ / <i>srā</i> /
5) / <i>snə</i> / * / <i>sṇ</i> /	/sā/	/san/ / <i>snā</i> /

1) * $\sqrt{\text{d}ə}$ -/ — *dadəmahī* /*da-d-mahi*/ (б) 'даем', *dadāiti* /*da-dā-ti*/ (в) 'дает'; * $\sqrt{\text{b}ə}$ -/ — *bānu-/banu-* (в) 'свет', *vivīti-/vi-bī-ti-* (а) 'рассвет'.

2) * $\sqrt{\text{g}yə}$ -/ — *jīti-/gi-ti-* (а), *gaya-/gai-a-* (б), *jyātu-/jyā-tu-* (в) 'жизнь'.

3) * $\sqrt{\text{z}və}$ -/ — *zūzv-/zu-zv-* (а), *zav-/zav/* (б), *zbā-/zvā/* (в) 'звать'; * $\sqrt{\text{b}və}$ -/ — *bava-/bav-a-* (б) 'становиться', *būta-/bū-ta-* (а) 'ставший'.

4) * $\sqrt{\text{dr}əg}$ -/ — *darəgō* /*darg-ah*/ 'долгий', др.-инд. *dirghas*; *drājō* /*drāg-ah*/ (в) 'длина'.

5) * $\sqrt{\text{z}nə}$ -/ — *zāta-/zā-ta/* (а) 'рожденный', *zizan-/zi-zan/* (б) 'рождать', *snāta-/znā-ta/* (в), др.-инд. *jñāti* 'близкий родственник'.

Это — реликты, так называемые неправильные формы. Но и чередования, которые мы признаем в эпоху Авесты живыми, постепенно переставали быть действительно живыми и переходили в класс «неправильных» форм. Точнее:

1) схемы (стр. 151—152) показывают лишь фонетически возможные варианты огласовок в слогах различных типов, и не каждый значащий слог имеет все три варианта огласовок;

2) соотношение огласовок слога не может быть всегда поставлено в прямую связь с соотношением морфологических значений;

3) те случаи чередований, где можно ясно различить их морфологическое (или словообразовательное) значение, будут рассмотрены в соответствующих разделах морфологии.

СОГЛАСНЫЕ

ГУТТУРАЛЬНЫЕ

Вопрос о количестве рядов гуттуральных в общеиндоевропейском языке и отражении их в различных группах индоевропейских языков продолжает оставаться спорным. Против предложения о существовании трех рядов ($k-\hat{k}-k^w$) выступил Мейе [Мейе 1938, 117—120], аргументируя это тем, что ни в одном из засвидетельствованных индоевропейских языков не сохранились различные продолжения всех этих трех рядов. Если данные некоторых живых иранских языков подтвердят отражение трех рядов, то это будет означать только сигнал к пересмотру понятия «иранские языки», материал же древнеиранских языков не дает повода для такой гипотезы.

Положение о группах языков *centum* и *satəm* как группах соответственно западной и восточной (с предположением двух первоначальных общностей) теперь подвергается сильному сомнению [см., например: Георгиев 1958], однако сведение всех различий в отражении древних гуттуральных к позиционным комбинациям (как у Георгиева) также весьма сомнительно, и нам кажется удобнее, не вдаваясь в вопрос о реальности «групп» *centum* и *satəm*, принять термин «тип» *centum* и *satəm* (оставляя примеры исключений для специальных частных исследований).

Итак, если принять как объясняющие древнеиранские явления два ряда исходных гуттуральных:

$$\begin{array}{cc} *k & *\hat{k} \\ *g & *\hat{g} \end{array}$$

или, по транскрипции Мейе:

$$\begin{array}{cc} *k^w & *k \\ *g^w & *g \end{array}$$

(о придыхательных см. ниже), то общеиранские и авестийские соответствия будут таковы (пока только в положении перед и.-е. гласными) $*o, *a$:

$*k > k$: *katara-* /*katara-*/ 'который', русск. *который*; *kaṭ* 'что', лат. *quod*.

$*g > g$: *gairi-* /*gari-*/ 'гора', русск. *гора*.

$*k >$ общеиранское $*s$ или $*\hat{s}$ (по Моргенштерне): *satəm* /*sa-*
tam/ 'сто', лат. *centum*.

$*\hat{g} >$ общеиранское $*z$ или $*\hat{d}$ (по Моргенштерне): *zantu-* /*zanlu-*
'род', ср. гр. *γένος*.

Но при этом позиционно возникает новый ряд гуттуральных, а именно, ряд палатализованных гуттуральных. Возникновение его следует отнести к периоду даже не общеиндоиранскому, а к более раннему, когда различались еще не только гласные $*e: *o$,

во и гласные сонанты *p, *p̥. Именно перед древними *e, *i, *p̥, *p̥ гуттуральные дают:

k > č: -ča/-ča/ — энклитический союз, лат. — que; -čit̥ /-čit/ — частица (первоначально из формы вин. п. ср. р.), лат. quid; *g > j: jiti- /jiti-/ 'жизнь' при gaya- /gaya-/ id.; jasaiti /jasati/ 'он идет' > /gmsati/, при ɣemata- /gmata/ 'пришедший'; jaiði /jadi/ 'ударь' < /gɣdi/, при jaɣnvā /jagñvāh/ 'ударивший' < /gɣgñvāh/.

Остановившись особо на гуттуральных, мы несколько нарушили предполагавшийся систематический порядок изложения, но представляется, что эти предварительные оговорки помогут дальнейшему изложению быть более четким, так как вводят различные отражения гуттуральных в общую предложенную систему авестийского консонантизма, к историческому рассмотрению которой мы и попытаемся приступить.

ГЛУХИЕ ПРОСТЫЕ

В иранском глухие простые остались без изменений перед гласными:

*p > p: ав., др.-перс. pita /pitā/ 'отец', др.-инд. pitā, др.-гр. πατήρ; kəhrpəm /kṛpam/ вин. п. 'тело', ср. лат. corpus.

*t > t: ав. tūm /tuvam/, др.-перс. tuvam 'ты'; /uti/ и /iti/ 'так', ср. др.-инд. iti, лат. ut.

*č > č: ав. hačate /hačatai/ 'следует', др.-инд. sacate, ср. лат. sequitur; čaθwārō /čaθvārah/ 'четыре', др.-инд. catvārah, лат. quatuor.

*k см. выше (в разделе «Гуттуральные»).

В остальных случаях глухие простые переходят в соответствующие спиранты, но p (не совсем регулярно) сохранилось перед t:

*p > f: tafsat̥ /tapsat/ 'он нагревался' при tāraya- 'нагревать', ср. русск. тепло; но ham.tapta- 'нагревшийся', hapta 'семь', н.-перс. haft; и паряду с этим tafta- 'лихорадочный', что Бартоломе [Bartholomae 1904, 632] объясняет аналогией с соседним tafšnu- 'лихорадка'.

*t < θ: θwam /θvām/ 'тебя', др.-перс. θuvam, др.-инд. tvām; θrayō /θrayah/ 'три', др.-инд. trayah; aθrō /aθrah/ род. п. 'огонь', при ātarš им. п.

*č > š: ašyō /ašyah-/ < /ačyah-/ 'злее' от /aka-/ 'злой'.

*k > x: xruḡa- /xruḡa-/ 'кровавый', ср. др.-инд. kṛuḡa- id., ст.-слав. кры 'кровь'.

ГЛУХИЕ ПРИДЫХАТЕЛЬНЫЕ

Вопрос об исконности глухих придыхательных неясен [см., например, Мейе 1938, 116—117]. Ряд глухих придыхательных в индоиранском либо восходит к индоевропейскому или части его области [Мейе 1938, 116], либо возник на индоиранской почве, по некоторым предположениям, из сочетаний *p̥e, *t̥e, *k̥e.

Впрочем, и для индоиранского этот ряд можно постулировать лишь условно, так как соответствия индийского и иранского здесь весьма нечетки.

Соответствия индийских глухих придыхательных иранским глухим спирантам немногочисленны и нерегулярны:

инд.-ир. *ph > f: ав. safa- /safa-/, др.-инд. sapha- 'копыто';

инд.-ир. *th > θ: ав. aθa- /aθā/, др.-инд. athā 'тогда';

инд.-ир. *kh > x: ав. haxi- /haxi-/, др.-инд. sakhi- 'товарищ';

инд.-ир. *ch > š: ав. haše /hašyai/ 'товарищу'.

Но имеются отклонения:

ав. xšafn- наряду с xšara- при др.-инд. kšara- 'ночь' и наоборот ав. frašparaθ /fra-sparaθ/ при др.-инд. a-sphurat 'устремился';

ав. maēdanəm /maīdanam/ 'жилище', н.-перс. mēhān 'родина'. Бартоломе [Bartholomae 1904, 1106] постулирует индо-иранский корень *maith-, однако в Авесте есть глагольная основа mitaya-/mitaya-/ 'пребывать';

ав. skənda- /skanda-/ 'разрушение' при др.-инд. skhadate 'разрушает'; ав. kana- /kana-/ 'копать', н.-перс. kan- при др.-инд. khana- (н.-перс. xandaq 'ров' — слово, вероятно, восточно-иранского происхождения).

ЗВОНКИЕ ПРОСТЫЕ И ПРИДЫХАТЕЛЬНЫЕ

Простые звонкие сохранились, и с ними в один ряд слились звонкие придыхательные:

*b > b: ав. bərəzant- /bṛzant/, н.-перс. buland, др.-инд. bṛhant- 'высокий';

*bh > b: ав., др.-перс. brātā /brātā/, н.-перс. barādar, др.-инд. bhrātā 'брат';

*d < d: ав. dasa /dasa/, др.-инд. ḍaṣa, н.-перс. dah 'десять'; ав. dā- /dā-/ 'давать', н.-перс. dādan, др.-инд. dā-, гр. δω;

*dh > d: ав. dā- /dā-/ 'ставить', 'создавать', др.-инд. dhā-, гр. τί-θη-μι;

*j > j: ав. aojō /aujah/, др.-инд. ojas 'сила';

*jh > j: ав. jainti /janti/, др.-инд. hanti 'бьет';

*g > g: ав. gairi- /gari-, др.-инд. giri- 'гора';

*gh > g: ав. garəməθ /garmah/, др.-инд. gharman 'тепло'.

ПАЛАТАЛЬНЫЕ

Древние среднеязычные придыхательные потеряли придыхание и слились с простыми. Получившиеся из них в иранском /š/ и /ž/ (или θ' и δ' по Моргенштерне) дали в авестийском s и z, в древнеперсидском — θ и d:

*t' > s: ав. vis- /vis-/, др.-перс. viθ-, др.-инд. viç-, гр. οἶκος 'дом';

*t'h > s: ав. pərəsaiti /pṛsati/, др.-инд. pṛcchati 'спрашивает', с инхотивным суффиксом;

*d' > z: ав. zantuš /zantuš/, др.-инд. jantus, лат. genus, гр. γένος 'род',

*d'h > z: ав. vazaiti /vazati/, др.-инд. vahati, лат. vehit 'везет'.

Группы t'v, d'v дали в авестийском sp, zb: ав. aspō /aspah/, н.-перс. asp, др.-инд. aśvas, лат. equus конь; ав. zbayeiti /zbayati/, др.-инд. hvayati 'зовет'.

ФРИКАТИВНЫЕ

Индоевропейский свистящий *s с вариантом *z дал в индоиранском после сонантов i, u, r и после k — š с вариантом ž. В иранском z, š, ž продолжают, но s сохранилось только перед глухими смычными и после t, d, n, а в остальных случаях перешло в h или š (в сочетаниях с согласными):

ир. *s: ав. stār- /stār-/, н.-перс. sitāra, др.-инд. stār-, гр. ἄστηρ 'звезда'; ав. čvaš /čvant-s/, лат. quantus;

ир. *z: ав. zdi /zdi/ < /s-di/, гр. οἶ 'будь';

ир. *h: ав. hapta /hapta/, др.-инд. sapta лат. septem 'семь';

ир. *š: ав. nišad-/ni-šad- 'садиться'; ав. duš- гр. δυς — приставка, означающая плохое, противное; ав. taršnō /taršnah/ 'жажда', гр. τέρσσαι 'сохну'; ав. vaṣšaṭ. /vaṣ-šat/ 'выпадет'; ав. drafišō /drafišah/, н.-перс. dirafš, др.-инд. drapsas 'знамя';

ав. ž: miždam /miždam/ 'мзда' и т. д.; перед звонкими и гласными duž-uxta- /duž-uxta/ 'дурно сказанное' [см. Windfuhr 1969, 984—992].

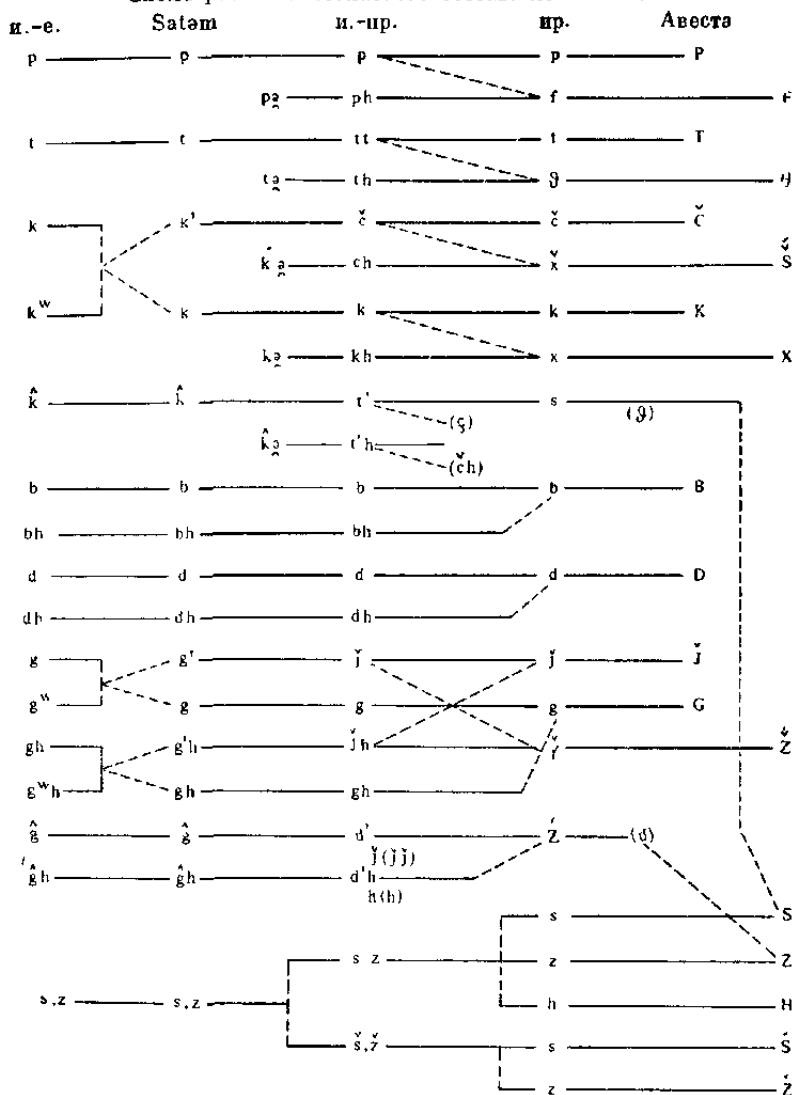
ПОЗИЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ СОГЛАСНЫХ

Из сказанного выше (стр. 129) о разнородности авестийского материала и неизбежной условности при стремлении свести его к единой системе должно следовать, что во многих случаях трудно отделить друг от друга: 1) завершившиеся в иранском переходы звуков, 2) живые для древнеиранских языков позиционные изменения и 3) позиционные изменения, вносимые поздними передатчиками.

Можно привести точные примеры изменений первого рода (напр., переход s > h перед гласным, так как вновь возникшее s в уже не переходит в h, например, pərəsaiti /pṛsati/ < /pṛs-sa-ti/ 'спрашивает' и третьего рода (b > v > y, например, в ubai/ 'оба' — такие изменения мы условились не учитывать в транскрипции вовсе). Но изменения второго рода, которым должен был бы быть посвящен настоящий раздел, трудно отделить то от первых, то от третьих. Поэтому, стараясь пренебрегать третьими (со всеми оговорками), не будем пытаться строго отделять вторые от первых. Перечислим главнейшие.

1. Ассимиляция.

Схема развития согласного состава языка Авесты

1) По месту артикуляции: /haŋjamaŋam/ < /haŋ-jamaŋam/'
и.-перс. anjuman 'собрание'.

2) По звонкости: aždabiš /aždbis/ < /ašt-biš/ 'костями', при
astō /astah/ 'кости' — род. пад. ед. ч.; vižibyō /višbyah/ 'дом' —
дат.-абл. мн. ч.

Сюда же примыкает так называемый «закон Бартоломе» [Bartholomae 1895, 20], действовавший еще тогда, когда не была утеряна аспирация звонких: звонкий придыхательный + глухой про-

стой > звонкий + звонкий придыхательный. Так, в индийском badh + ta- дает baddha- 'завязанный'. В иранском аспирация пропала, но озвончение довольно последовательно сохранилось в Gataх: aogēdā /augda/ 'он сказал' из *augh + ta, ср. др.-инд. ohatē 'говорит'. Однако, в Поздней Авесте вся группа оглушается: aoxta /auxta/ < /aug-ta/; индийскому baddha- соответствует basta- (относительно s см. далее), продолжающееся в н.-перс. bast.

2. Диссимиляция.

Зубной перед t переходит в s, перед d в z: dasta /daɖ-ta/ 'он дал', dazdi /dazdi/ < /daɖ-di/ 'дай'. Явление достаточно обычное, ср. ст.-слав. *даждь*.

3. Спирантизация глухих смычных перед согласными (стр. 154), вероятно, продолжала быть живым явлением: /augda/ после оглушения дало /aukta/ > /auxta/. Группа /ps/ дает /fš/: fšuyant- /fšuyant-/ 'скотовод' при pasu- /pasu-/ 'мелкий скот'.

4. Выпадение одного из согласных группы в анлауте — явление, вероятно, достаточно древнее: tāta- /tāta-/ 'упавший' из /ptāta-/ < */ptā-ta-/; bityō /bityah/ 'второй' из /dbitya-/, /dvyitya-/ (в персидском выпадает, наоборот, v: н.-перс. dīgar 'другой' из didigar < dvitīya-kara-); tūiryō /tūryah/ 'четвертый' из /ktūrya-/, ср. āxtūirīm /ā-ktūryam/ 'четырежды'; mahi 'есмы' из /hmahi/ < /š-mahi/; в ауслауте группа /ts/ дает /s/: haurvatās /harvatās/ 'здоровье, сохранность': это — явление достаточно древнее, судя по сохранению древнего s, ср. лат. universitas.

5. Появление протетического звука /x/ в анлауте при группе s (s, z, š) + согласный xšvaš /xšvaš/, др.-инд. śat 'шесть'; zixšnāṇ-həmna /zi-znā-ša-mnā/ 'желающая узнать', ср. др.-перс. xšnās-, др.-инд. jījñāsati. Явление, очевидно, общеиранское; в дальнейшем

Таблица 4

	k	g	č	t	d	p	b	n	m	y	v	ɣ	š
k (č)				xt						š (x)		xr	xš
g (j)				xt						ž (y)			xš
t			sč	st				θn		oy	ov	or	s
d				st					nm		db		
p					bd			fn		fy	f	fr	fš
b				pt									
s	sk	zg	sč	st	zd	sp	zb		(h)m	hy	hv	(h)ɣ	
ś (θ)s											sp		
ž (ð)z								sn			zb		
a												ah	
i												iš	
u												uš	
r												rš	

развитии иранских языков трехсложная группа упростилась по-разному: н.-перс. *šaš* 'шесть', афг. *sraz*, шуги. *xo*, руш.-хуф-хуш, язг. *xuw*.

6. Внешнее сандхи, т. е. изменения начальных и конечных согласных слова при встрече с другим встречается сравнительно редко. Регулярно только восстановление исторического *s* перед энклитиками /-ša/ — союз и /-čit/ — обобщительная частица: *zyās-čit* /*zyās-čit*/ 'зима' при самостоятельной форме *zyā* /*zyāh*/ < /*zyāš*/. Реже этот же случай и при встрече самостоятельных слов: *kašə θwām* /*kaš θvām*/ 'кто тебя' — контаминация ожидаемой формы с сандхи /*kaš* /*tvām*/ и встречающейся формы без сандхи: *kō θwām* /*kah θvām*/.

Приводим общую таблицу позиционных чередований согласных (см. табл. 4).

ТОН И УДАРЕНИЕ

Авестийское письмо не сохранило, подобно греческому и индийскому, какого-либо указания на тон. Однако, поскольку при исторической близости этих языков естественно предположить наличие в авестийском по крайней мере остатков индоевропейской системы тонов, то делались попытки обнаружить их косвенным путем: в некоторых варьирующихся написаниях, например: *aoš*, и *āuš* для /*auš*/, исхода родительного падежа с основой на /-u/ [против — Reichelt 1909, 81]; в вариантах отражения *r*: *vəhrkō* /*vṛkah*/ 'волк', *aməša-* /*amṛta-*/ 'бессмертный', *aməratāt-* /*amṛtāt-*/ 'бессмертие' [Reichelt 1909, 81]; следы древнего циркумфлекса видят в некоторых долгих слогах, которые в Гатах и других метрических частях Авесты приходится считать за два, например, окончание родительного падежа мн. числа *-ām* /*-ām*/, гр. *ᾠ* [Meillet 1900, 254 сл.; Reichelt 1909, 80; Kuryłowicz 1925]. В дальнейшем предполагается ограничение места тона, подобно греческому, третьим слогом от конца, а затем тон исчезает, уступая место силовому ударению [Kuryłowicz *ibid.*]. Место ударения принято определять тем же правилом, что, например, в латинском, т. е. оно падает на второй от конца слог, если он долг, и на третий в противном случае [см., например, Gauthiot 1916]. Однако, это правило выведено, в основном, из сравнения древнеиранских языков с новоперсидским, где выпали послеударные гласные и утвердилось фиксированное ударение на последнем слоге: ав. *vī-saiti* /*visati*/ 'двадцать', н.-перс. *bīst*; др.-перс. *xšāyaθya* 'царь', н.-перс. *šāh* и т. д. Надо сказать, что в новоперсидском не все случаи объясняются этим правилом.

Некоторые сомнительные случаи, впрочем, объяснимы, если принять, что а) не все новоперсидские имена продолжают формы древнего родительного падежа и б) что при двусогласном исходе

слова в последнем слоге возникал беглый звук *ə*, становившийся затем ударным гласным. Тогда /pitaram/ 'отец' — вин. пад. > *pitər(m) > pīdar (но в белуджском нормально /piðrah/ — род. пад. > pis); /ātarš/ 'огонь' — им. пад. (редко — род. пад.) > *ātrš > *ātš > *ātaš (уже после перехода at > aḏ > ad) > ātaš. Бартоломе [Bartholomae, GIPh, 223] рассматривает ātaš как «ein gelehrtes Wort». Вряд ли можно предположить влияние зороастрийской учености в живом произношении большинства диалектов.

Однако, для некоторых восточноиранских языков, не имеющих фиксированного ударения, вокализм и акцент требуют постулирования иной системы древнеиранского тона и ударения [см., например, Дыбо 1970, 10—14 — на материале афганского языка, Стеблин-Каменский — на материале ваханского].

ГАТЫ И ПОЗДНЯЯ АВЕСТА

Возможно, дальнейшие исследования позволят классифицировать многообразные фонетические варианты Поздней Авесты и определить на основе этого диалектные смешения и наслоения в тексте этого памятника. Пока более или менее четко можно проследить лишь различия между Гатами и Поздней Авестой в целом.

Они сводятся к следующему.

1. Сохранение интервокальных звонких в Гатах и спонантизация их в Поздней Авесте (стр. 142).

2. Группа /dv/ в Гатах (редко) сохраняется или дает db; в Поздней Авесте — b или ṭb: /dvitiya-/ 'второй' — d a i b i t u a-, bitya-; /dvaīšah-/ 'вражда' — d v a ē š a h-, ṭbaēšah-.

Эти два различия мы не учли в определении фонологического состава Авесты.

3. Существенным различием между двумя диалектами является действие «закона Бартоломе» [Bartholomae GIPh, 20], сохраняющееся в Гатах. Это дает кое-что в диалектологическом отношении. Дело в том, что если в западноиранских языках группы «звонкий + звонкий придыхательный», получившиеся в результате действия этого закона, оглушились, то в восточноиранских есть тенденция не только сохранять звонкость этих групп, но и озвончать этимологически глухие группы, например, согдийское 'ḅt /avd/, осет., ягнобск. awd 'семь', из *hafta или *hapta. Это позволяет предполагать восточноиранское происхождение Гат.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛОВА

КОРЕНЬ

Идеальный индоевропейский корень односложен и имеет вид:

1) согласный (сонант) + согласный (сонант) — так называемый «легкий» корень — /sp/, /sy/, /sv/, /sr/;

2) согласный (сонант) + сонант + согласный (сонант) — так называемый «тяжелый» корень — /syp/, /svp/, /srp/.

Начальный согласный (сонант) в засвидетельствованных языках факультативен, и возможны корни типа /p/, /yp/, /vp/, /rp/.

Как и в других засвидетельствованных древних индоевропейских языках, в языке Авесты кроме корней идеального вида встречаются и другие, с большим числом согласных, представляющие, вероятно, распространение более древних корней, например, /tvrs-/ 'творить'.

Огласовка не имеет отношения к собственному значению корня, и различные огласовки появляются при различных морфологических образованиях, т. е. (по правилам, изложенным на стр. 151, но не трогая для простоты корней, содержащих ə) каждый корень может иметь три ступени огласовки:

/sp/	/sap/	/sāp/
/sip/	/saip/	/sāip/

Однако, в системе морфологических чередований огласовки нельзя обнаружить такой строгой последовательности, как, например, в классическом арабском. У некоторых корней встречаются все три ступени огласовки: upabdi /upa-pd-i/ 'у подножья (горы)', padəbiš /pad-biš/ 'ногами', pādəm /pādam/ 'ногу'; у других — лишь две: āfš /āp-š/ 'вода', araṃ /ar-ām/ 'вод'; у некоторых — только одна: /ast-/ 'кость'.

Кроме того, даже при наличии всех трех видов огласовки не обязательно одинаковые ступени (нулевая, средняя, долгая) различных корней имеют одинаковое морфологическое значение. Например, для корней с сонантом по отношению к «легким» корням соотношение чаще будет такое:

/sp/	/sap/	/sāp/
/sip/	/saip/	/sāip/

т. е. средней ступени огласовки легкого корня будет соответствовать не средняя, а нулевая ступень корня с сонантом, а долгой ступени легкого корня будет соответствовать средняя ступень корня с сонантом. Так, в образовании глагольного прилагательного с суффиксом /-ta/ корень /zrv-/ 'слышать' принимает нулевую огласовку /zru-ta-/, а легкий корень /yz-/ 'почитать', 'приносить'

жертву' — среднюю огласовку /yaʃta-/ < /yaʒ-ta-/. Случаев употребления различных огласовок корня мы еще будем касаться в разделах об основообразовании и формообразовании частей речи.

Корень, хотя и может иметь преимущественное значение предмета, признака или действия, не может еще быть соотносимым с частями речи. Значение части речи закрепляется лишь за основой.

ОСНОВА

Основа, как именная, так и глагольная, может по форме совпадать с корнем (так называемые корневые основы), например /gn-/: /jan-/—jainti /jan-ti/ 'он бьет'; /stv-/: /stau-/—staomi /stau-mi/ 'я хвалю'; stūdi /stu-di/ 'хвали', но чаще она образуется от корня при помощи различных формальных приемов или их комбинации. Приемы эти следующие:

1. Удвоение:

1) полное или усилительное удвоение: zaozaoimi /zau-zau-mi/ 'зову', /zau-zau-/ — глагольная основа презенса от /zv(ə)-/; čarə-kəgəmahi /čar-kṛ-mahi/ 'мы помним', 'думаем';

2) нормальное удвоение, где элемент удвоения стоит впереди корня и включает в себя первый согласный (или один из согласных начальной группы) и гласный или гласный сонант; гласный удвоения может быть: /a/ — daḍaiti /da-ḍa-ti/ 'он дает'; vāuṛāza /vā-vṛāz-a/ 'он рад'; /i/ — hištaiti /hi-šta-ti/ < /ṣi-ṣta-ti/ 'он стоит', hiš.haxti /ṣi-ṣaḥ-ti/ — (контаминация двух отражений /s/ — после сонанта и перед гласным) 'он следует'; čixra- /čixra-/ < /ḥi-kṛ-a-/ 'энергия'; /u/ — susruṣəmnō /su-sru-ṣa-mnah/ 'слушающий', huṣx'afa /ṣu-ṣvaf-a/ (такая же контаминация) 'он спал'.

2. Суффиксация. Число суффиксов значительно, и важнейшие из них будут перечислены в разделах об основообразовании. При присоединении суффикса корень, как правило, получает определенную огласовку и уже не меняет ее в процессе словоизменения — эта функция переходит на суффикс, в котором и происходят чередования огласовок: bəṛəzantəm /bṛz-ant-am/ 'высокого', bəṛəzata /bṛz-ṛt-ā/ 'высоким'; kəṛənaoiti /kṛ-nau-ti/ 'делает', kəṛənuyaṭ /kṛ-nu-yā-t/ 'пусть сделает'.

Особо среди суффиксов следует выделить так наз. тематический гласный /a/ (у.-е. *e/o). Он присоединяется или непосредственно к корню, или сливается с различными суффиксами. Характерной особенностью основ с тематическим гласным — как именных, так и глагольных — является то, что в них при словоизменении не происходит никаких чередований огласовки: именная основа /aspa-/ 'лошадь' во всех падежах всех чисел, а глагольная основа /baṛa-/ 'нести' — во всех лицах всех наклонений не меняют своего вида (если не считать форм, где исход основы дает неразделимые сочетания с окончанием, и вследствие этого основа становится трудно выделяемой). Эти основы не были подвержены также перемещению тона, имевшему место при словоизменении.

Наличие или отсутствие тематического гласного делит все именные и глагольные основы на два главных типа — тематический и нетематический. Тематические основы представляют более молодой тип образования и с течением времени все более и более распространяются за счет нетематических основ.

3. Инфиксация представляет довольно ограниченный распространением тип основообразования, встречающийся в некоторых глагольных основах. Известен, например, инфикс /-n-: -na-/ в глагольных основах: от $\sqrt{\text{vid-}}$ — *vinasti* /vi-na-d-ti/ 'находит', *vin-dita* /vi-n-d-ita/ 'пусть найдет'. В тематических основах инфикс имеет лишь один вид /-n-/: от $\sqrt{\text{hik-}}$ — *hinčaiti* /hi-n-ča-ti/ 'льет', *pañti.hinčōiś* /hi-n-ča-iś/ 'лил бы ты'.

ИМЯ

По формальным признакам можно выделить следующие ряды имен: 1) существительное и прилагательное, 2) местоимения (кроме личных), 3) личные местоимения, 4) числительные (выделяются менее отчетливо).

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ И ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Прилагательное имеет те же типы основ и то же склонение, что существительное. Выделяется оно только тем, что изменяется по родам (и в какой-то мере способностью образовывать степени сравнения). Поэтому основообразование и склонение тех и других удобнее рассматривать вместе.

ИМЕННОЕ ОСНОВООБРАЗОВАНИЕ

Корневые основы

А. С чередованием огласовки:

м. р. /rad-/ : /rād-/ 'нога', н.-перс. *rā*, гр. *πός*;

ж. р. /ar-/ : /ār-/ 'вода', н.-перс. *āb*, др.-инд. *ar-* : *ār-*;

м. ж. р. /gav-/ : /gāv-/ 'бык', 'корова', н.-перс. *gāv*.

Прил. /bṛz-/ : /barz-/ , им. п. ед. ч. *barš* /barz-š/, род. п. ед. ч. *bərəzō* /bṛz-ah/ 'высокий'.

Примеры чередований видны в парадигмах словоизменений.

Б. Без чередования огласовки:

м. р. /māh-/ 'месяц', н.-перс. *māh*, др.-инд. *mās-*;

ж. р. /xšar-/ 'ночь', др.-инд. *kṣar-*, н.-перс. *šab*;

ср. р. /zṛd-/ 'сердце', др.-инд. *hṛd-*, н.-перс. *dil*.

Суффиксированные основы

Здесь мы даем ограниченное число примеров. Исчерпывающий перечень можно получить из индекса основ в словаре Бартоломе [Bartholomae 1904].

А. Суффиксы неопределенного значения:

1. /-a/ (тематический гласный): м. р. /bag-a-/ 'бог', /gay-a-/ 'жизнь', прил. /darg-a-/ 'долгий':

а) /-va/: прил. /par-va-/ 'первый', /uraušah-va-/ 'восточный';

б) /-(a)ka/: м. р. /martya-ka/ 'человек', прил. /huš-ka-/ 'сухой';

2. /-i/: /-ai/: м. р. /gar-i-/ 'гора', ж. р. /baud-i-/ 'благовоние', прил. /darš-i-/ 'сильный':

а) /-mi/: /dā-mi-/ ж. р. 'творение', прил. 'творец';

б) /-ni/: м. р. /fšau-ni-/ 'тучность', прил. 'тучный';

3. /-u/: /-au/: м. р. /ah-u-/ 'мир', 'жизнь', м. ж. р. /nas-u-/ 'труп'; прил. /vah-u-/ 'добрый';

а) /-nu/: /bā-nu-/ м. р. 'луч';

б) /-yu/: /man-yu-/ м. р. 'дух';

в) /-tu/: м. р. /zan-tu-/ 'племя', м. р. /pi-tu-/ 'пища';

4. /-n/: /-an/: м. р. /as-n-/ 'камень', ж., ср. р. /xšar-n-/ 'ночь':

а) /-in/: м. р. /yav-in-/ 'поле';

5. /-r/: /ar-/: ср. р. /aug-ar-/ 'сила', /bixšara-/- 'две ночи';

6. /-t/: ж. р. /stu-t-/ 'хвала', м. р. /nār-t-/ 'внук'.

Б. Суффиксы имен мужского и среднего рода:

Имена мужского рода:

7. /-tr/: /tar-/: /tār/ образует имена деятеля от корня по типу — /sap-tr-/ , /saup-tr-/ : /bah-tr-/ 'податель', /θvarš-tr-/ 'творец';

8. /-un/: /-van/ образует имена обладателя постоянным качеством, от основ: /arta-un-/ 'приверженец Арты', 'правоверный', /vṛṭa-un-/ 'победоносный'.

Имена мужского и среднего рода:

9. /-vat/: /-vant/ образует имена обладателя от основ: /ama-vat-/ 'сильный', /hvarnah-vat-/ 'обладающий фарром';

10. /-mat/: /-mant/ аналогичен предыдущему: /xratu-mat-/ 'разумный', /bānu-mat-/ 'лучезарный';

11. /-ma/ — прилагательные первичного образования: /tax-ma/ 'энергичный', /gar-ma-/ 'теплый'; или же относительные: /zan-tu-ma-/ 'племенной'; некоторые застывшие из прилагательных имена: /hau-ma/ 'Хом' (от /hu-/ 'выжимать');

12. /-ya/ — относительные прилагательные от основы (но обычно с поглощением тематического гласного): /ahur-ya-/ 'ахуровский' от /ahura-/, /daiv-ya-/ 'девовский' от /daiva-/, /xšafn-ya-/ 'ночной' от /xšafn-/:

а) /-tya/: /mar-tya/ 'смертный', 'человек';

13. /-(a)na/, /-ina/: а) первичные и относительные прилагательные: /skar-na-/ 'круглый', /агуа-na-/ 'арийский', /vašah-ina-/ 'словесный'; б) имена действия (и с конкретизацией): /yas-na-/ < /yaž-na-/ 'жертвоприношение', 'поклонение', /han-ja-m-ana-/ 'соборание';

14. /-aina/ — прилагательные материала: /srv-aina-/ 'роговой', /ayaah-aina-/ 'металлический', 'железный';

15. /-ra/ — первичные прилагательные: /srī-ra-/ 'красивый', /su-ra-/ 'сильный'.

Имена среднего рода:

16. /-ta/, /-ṭa/ пассивные имена действия (и с конкретизацией): /bax-ta-/ 'судьба', /zan-ṭa-/ 'рождение', /hvaṅ-ṭa-/ 'еда';

17. /-tṇa/ : /śyau-ṭṇa-/ 'поступок';

18. /-tva/ : /stau-tva-/ 'восхваление';

19. /-tra/ : /vas-tra-/ 'одежда',
/xša-ṭra-/ 'власть';

20. /-aṣ/ > /-ah/ — названия качества (также и с конкретизацией): /maz-ah-/ 'величина', /tam-ah-/ 'темнота', /vaṣ-ah-/ 'слово';

21. /-iṣ/ > /-iṣ/ — немногочисленные имена с функциональным значением: /snaṭ-iṣ-/ — оружие для удара, /barz-iṣ/ 'покрывало', 'подушка';

22. /-man/ — различные имена: /dā-man-/ 'творение', /taux-man-/ 'семья'.

Примечание: при словосложении имя с исходом на эти суффиксы может оказаться и мужского рода: /duṣ-vaṣah-/ м. р. 'говорящий скверные слова'; в этом случае происходят некоторые изменения в склонении (см. соответствующие парадигмы).

Имена женского рода:

23. Суф. /-ā/ образует параллельные основам мужского и среднего родов на /-a/ основы женского рода. Так, например, хотя имеется только /zasta-/ 'рука' мужского рода, и только /dainā-/ 'вера' женского рода, но там, где есть реальные соответствия пола, могут существовать соответствия типа /aspa-/ 'конь', /aspā-/ 'кобыла'.

Для прилагательных с тематической основой (при любом суффиксе) основы на /-ā/ представляют форму основы женского рода: /sura-/ 'сильный', ж. р. /surā-/ 'сильная'; /aka-/ 'злой'; ж. р. /akā-/ 'злая'.

24. Нетематические прилагательные используют для формы основы женского рода другой суффикс — /-ī/ : /-yā/. Этот суффикс присоединяется к слабому виду (т. е. к виду с наименьшей возможной огласовкой) основы мужского рода: /br̥zant-/ 'высокий', ж. р. /br̥zati-/ 'высокая'; /tavan-/ 'праведный', ж. р. /tāunī-/ 'праведная'.

Есть и существительные женского рода с этим суффиксом: а) первичные образования: /kan-ī-/ 'девица', /bum-ī-/ 'земля'; б) образования, параллельные нетематическим основам мужского рода: /sun-ī-/ 'сука', м. р. /sun-/ : /spān-/ 'пес'; в) редко, образования, параллельные тематическим основам мужского рода: /daiv-ī-/ к м. р. /daiva-/ 'дэв'.

25. /-ti/ : /-tai/ — имена действия (и с конкретизацией): /iṣ-ti-/ 'сила', /ji-ti-/ 'жизнь', /s-ti-/ 'бытие', 'мир'.

26. /-tāt/ (без чередования) — отвлеченные имена: /upara-tāt-/ 'превосходство', /amṛ-tāt-/ 'бессмертие'.

Степени сравнения прилагательных. Есть два типа образования степеней сравнения — от корня (А) и от основы (Б).

А. Образование непосредственно от корня:

27. Сравнительная степень получает суф. /-yaṣ/ : /-yāś/, др.-инд. -yas : -yāns, лат. -ior : /vahu-/ 'хороший', /vahyah-/ 'лучше', др.-инд. vasyas-, ср.-перс. vēh, н.-перс. bih.

28. Превосходная степень получает суф. /-iṣṭa/, др.-инд. -iṣṭha, гр. -ιστος: /su-ra-/ 'сильный', /sav-iṣṭa-/ 'сильнейший'.

Б. Образования от основы:

29. Сравнительная степень — суф. /-tara/, др.-инд. -tara, гр. -τερος, н.-перс. -tag : /aka-/ 'злой', /akatarā-/ 'злее'.

30. Имеется еще ограниченное число форм на /-ara/ : /up-ara-/ 'верхний', лат. superus.

31. Превосходная степень — суф. /-tama/ : /raivant-/ 'сияющий', /raivastama-/ < /raivaṭ-tama-/ 'самый сияющий';

32. То же на /-ama/ : /urama-/ 'высший', ср. лат. supremus.

Суффиксы причастий, не всегда легко отграничиваемых от прилагательных, даются в разделе о глаголе.

ИМЕННОЕ СЛОВΟΣЛОЖЕНИЕ

Типы именного словосложения в общем соответствуют древнеиндийским:

1) имя-определение + имя-определяемое (индийский термин tatpuruṣa) : а) /vis-pati-/ 'хозяин дома' из /vis-/ 'дом', /pati-/ 'хозяин'; б) /pṛ-gar-/ 'пожирающий людей', /viṣa- vaipa-/ 'брызжащий ядом' из /pṛ-/ 'человек', /viṣa-/ 'яд', /gar-/ , /vaipa-/ — глагольные основы «пожирать» и «брызгать», получающие в композите значение имен действующего лица, ср. н.-перс. asp-furgōš 'продавец лошадей';

2) при том же отношении между первым и вторым членом композита общее значение — прилагательное обладания или отношения (индийский термин bahuvrīhi) : а) /daiva-yasna-/ 'почитатель дэвов' — сочетание двух существительных /daiva-/ 'дэв', /yasna-/ 'почитание'; б) /narya-manah-/ 'мужественный духом' из /narya-/ 'мужественный', /manah-/ 'дух'; /bi-zangra-/ 'двуногий' из /bi-/ форма от числительного — 'два', /zangra-/ 'нога', ср. н.-перс. siyah-čāšm 'черноглазый', čahār-pā 'четвероногое'.

При вторичных образованиях от композитов первая часть композита получает усиление огласовки: /māzdayasni-/ — прилагательное от /mazda-yasna-/ 'зороастриец', /hāumanaha-/ 'добромыслие' от /hu-manah-/ 'добромысленный' (в отличие от индийского vṛddhi: saumanasa-, т. е. /sāu-/).

Не всегда ясен исход первой части композита в написании Авесты: так, daēvayasna- /daiva-yasna-/ 'почитатель дэвов', nairē-manah- /narya-manah-/ 'мужественный духом', но aspō.kəhrp-/aspā-kṛp-/ 'в образе коня'.

Если второй член композита начинается с /s/, иногда получается двойное отражение /s/: pasuš.haurva- /pasu-šarva-/ 'охраняющий скот'; kərəfš.xʷag- /kərə-švar-/ 'поедающий трупы'. Возможно, что это реальное языковое явление, так как для него есть параллель в древнеперсидском: ušhamaganakara- /hu-sʰ/ 'хороший военачальник' и hamaganakara- 'военачальник' [Hoffmann 1968, 17]. Возможно по аналогии с этими случаями возникли такие нерегулярные композиты, как afš.čīθra- /ar + čīθra-/ 'рождающий воду', druxš.manah- /drug + manah-/ 'с лживыми мыслями' (предполагать форму именительного падежа не позволяет слабая огласовка afš).

Подробно о композитах см. монографию [Duchesne-Guillemin 1936].

ИМЕННОЕ СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ

Имя в языке Авесты имеет обычные для древних индоевропейских языков три рода — мужской, женский и средний, три числа — единственное, двойственное и множественное, восемь падежей — именительный, винительный, родительный, отложительный, дательный, инструментальный, местный и звательный.

Формы рода выражены, как правило, специальной формой лишь в прилагательном. Род существительного может быть определен способом его образования (см. перечень суффиксов), но во многих случаях устанавливается только из согласования.

Типы склонения, различающиеся падежными окончаниями и огласовкой основы, выделяются в зависимости от исхода основы. Главных типов три: 1) тематический тип, 2) тип на -ā (сюда входят имена женского рода; немногочисленные корневые основы на -ā, которые могут быть и мужского рода, в этот тип не входят), 3) нетематический тип, где можно выделить два больших подтипа — а) основы на согласный и б) основы на сонант. Корневые основы, в исходе которых есть отражение ə, также относятся к нетематическому типу. Эти три типа в общих чертах соответствуют второму, первому и третьему склонениям в латинском, греческом (и отчасти в русском) языках.

В приводимых ниже образцах склонения мы будем давать в идеальной транскрипции, для наглядности, формы, образованные от одного имени. Однако, на самом деле материал Авесты не дает полных парадигм имен, и реально встречающиеся формы (по большей части от других имен) будут даваться рядом, в транслитерации, чтобы одновременно показать различные комбинаторные и орфографические варианты форм. В разрядку будут даваться формы из Гат, которые будут приводиться в том случае, если они представляют какие-либо отличия от форм «младшей Авесты» (хотя отсутствие примера из Гат не будет еще само по себе свидетельствовать о тождестве форм). В прямых скобках даются формы, образованные с отклонением от типа.

Тематический тип

Сюда входят имена мужского и среднего родов на -а (из и.-е. *e/o): м. р. /aspa-/ 'конь', /martiya-/ 'человек', /zasta-/ 'рука', /naima-/ 'половина', /ahura-/ 'Ахура, божество', /zaratuštra-/ 'Заратуштра, Зороастр', /yama-/ 'Йама' — имя легендарного царя, /arəna-/ 'локоть', /amsa-/ 'сторона, партия', /spāda-/ 'войско'; ср. р. /daiθra-/ 'глаз', /šyaonəna-/ 'деяние'; прил. /aka-/ 'злой', /a-mrta-/ 'бессмертный', /miθvara-/ 'парный', 'составляющий пару'.

Формы среднего рода в некоторых падежах отличаются от мужского.

М. р.

ср. р.

Ед. ч.

Им. п. /aspa-š/ aspō, ahurō, mašyō	/daiθra-m/ šyaonəm
Вин. п. /aspa-m/ aspəm, mašim	
Род. п. /aspa-hya/ aspahe, mašyehe, ahurahe, ahurāhyā	
Отл. п. /aspāt/ (-a-at), zaraθuštrāt, mašyāt-ča, yimāt	
Дат. п. /aspāi/ (-a-ai), yimāi, ahurāi	
Инстр. п. /aspā/ (-a-ā), zasta, zastā, ahura, ahurā	
Местн. п. /aspa-i/ šyaonəne, aspaē-ča, šyaonənanā	
Зв. п. /aspa/, ahura, ahurā, spāda	

Дв. ч.

Им., вин., зв. п. /aspa/ (-a, -ā, -āu?)	/daiθra-i/ miθwaire
Дат. п., отл. п. /aspa-i-byā/ aspaēibya, zastoibya	/daiθrābyā/ doiθrābya
Род. п. /aspa-i-āš/, ašayā	/daiθrās?/
Местн. п. /aspa-i-au/, zastayō	/daiθrāu?/

Мн. ч.

Им. п. /aspāš/ (-a-as), /aspāšas/ aspa, aspānhō	/daiθrā/ šyaonəna, šyaonənanā
Вин. п. /aspa-ns/ mašyaš-ča, mašyēng daēva	
Род. п. /aspa-nām/ (-ānām?) aspanam, mašyānam, šyaonənam, šyaonənanam	
Отл. п., дат. п. /aspa-i-byas/, naēmaēi-byō	/daiθrabyas/ doiθrābyō
Инстр. п. /aspāiš/ (a-aiš) mašyāiš, šyaonənāiš, šyaonənāiš	
Местн. п. /aspa-i-šu/ aspaēšu, šyaonənanāēš	

Отличие форм среднего рода в именительном падеже всех трех чисел и совпадение форм именительного и винительного падежей среднего рода всех трех чисел — общее правило как для тематического, так и для нетематического склонений. Элемент /-i/ в окончаниях дв. и мн. числа мужского рода тематического склонения возник, вероятно, под влиянием местоименного склонения (см. стр. 186).

Как в тематическом склонении, так и в склонении на /-ā/ окончания слились с гласным исходом основы, и не всегда можно быть уверенным, является ли долгота в окончании простым результатом сложения долгот исхода основы и гласного окончания, или она определилась в силу каких-либо причин уже в этом сочетании.

Этот тип склонения, как уже указывалось (стр. 162), представляет в авестийском языке наиболее продуктивный тип. В силу этого он имеет наиболее стройную и единообразную систему склонения, однако и здесь есть варианты: *aspa* и *aspānhō* во мн. числе, *zasta*, *zastō* и *arəθnā* — в дв.

Тип на -ā

Сюда входят имена женского рода, часто соотносящиеся (в качестве прилагательных — регулярно) с именами мужского и среднего родов на -a: /urvarā-/ 'растение', /dānā-/ 'религия', /gaiθā-/ 'существо', во мн. ч. 'мир', /vanθvā-/ 'стадо', /savā-/ 'польза', /grīvā-/ 'затылок', /čiθā-/ 'искупление', /jahikā-/ 'распутная женщина', /gnā-/ 'женщина', /hainā-/ 'вражеское войско'.

Ед. ч.

Им. п. /urvarā/ urvara, daēnā
Вин. п. /urvarām/ urvaram
Род. п. /urvara/ /(y)āš/ urvarayā, čiθā
Отл. п. /urvarayāt/ (-a-yā-t) urvarayāt
Дат. п. /urvarayāi/ (-a-yā-ai) jahikayāi, gaēθuyāi
Инстр. п. /urvara/ /(ya-)ā/ daēna, daēnā, daēnaya, daēnaya
Местн. п. /urvarai/ (-a-i?) gaēde, grivaya (ai-a)
Зв. п. /urvarai/ urvaire

Дв. ч.

Им. п., вин. п. /urvarai/ urvaire, savōi
Дат. п., отл. п. /urvarā-byā/ vaθwābya
Род. п.?

Мн. ч.

Им. п. /urvarā-š/ urvarā, daēnā
Вин. п. /urvarā-ns/ gaēθā, daēnāš-čā
Род. п. /urvaranām/ (-a-nām?) urvaranam, gaēdanam
Отл. п., дат. п. /urvarā-byas/ urvarābyas-ča, gaēθābyō, gaēθāvayō
Инстр. п. /urvarā-biš/ gaēθābiš, daēnābiš
Местн. п. /urvarā-su/ /(a)/ urvarāhu, gaēθāhu

В этом типе склонения основа выделяется еще менее четко, и варианты ее исхода /-ā/, /-a/, /-auā/ приходится объяснять влиянием склонения на /-i/ и местоименного склонения.

Нетематический тип

Если основы на -a и -ā представляют относительное единообразие склонения внутри каждого из двух типов, то основы на согласные и сонанты, как уже говорилось, приходится делить еще на некоторое количество классов по образованию. Эти классы отличаются друг от друга как некоторыми падежными окончаниями, так и огласовками основы в некоторых падежах. Вариантов склонения, особенно вместе со случаями смешения древних классов и отдельными исключениями, получается достаточно много, и число устанавливаемых классов колеблется. Райхельт [Reichelt 1909, 182—197] выделяет 15 классов, Бартоломе [Bartholomae 1901, 214—232] — 22 класса.

Согласные основы

В согласном склонении падежные формы имеют сильную огласовку в именительном падеже всех трех чисел, винительном падеже ед. и дв. числа, именительного и винительного падежей мн. числа среднего рода (сильные падежи), в остальных — слабую огласовку (слабые падежи). Однако это — лишь приблизительное правило. Есть классы основ на согласный с иным распределением огласовок и есть подклассы, вообще не имеющие чередования огласовок.

Основы на согласный — корневые и с суффиксами /-t/, /-it/, /-t/ : /-at/, /-tāt/, /-iś/, /-uś/: м. р. /pad-: pād-/ 'нога', н.-перс. pāu; ж. р. /ap-: āp-/ 'вода', н.-перс. āb; /drug-/ 'Друг' — демоническое существо и олицетворение злых сил, ср. н.-перс. durgō 'ложь', /vis-/ 'дом', бел. gis; ср. р. /ast-/ 'кость', ср. н.-перс. ustuxān; /uś-/ 'ухо', /snaḍiś-/ 'оружие'; прил. /maz-/ 'большой', бел. mazaп; м. р. /napt-: napāt-/ 'внук'; ж. р. /amṛtāt-/ 'бессмертие' (имя божества). Не все основы этого класса имеют чередование огласовки.

М., ж. р.

Ср. р.

Ед. ч.

Им. п. /āpṣ, amṛtāts/ āśś, aməṛətās, druxś, napa }	/ast/ as-ča
Вин. п. /āpam, amṛtātam/ āpəm, druḵim, druḵəm }	
Род. п. /apas, amṛtātas/ apas-ča, apō, druḵō, visō	
Отл. п. /apat, amṛtātat/ viśat, (āpat)	
Дат. п. /apai, amṛtātai/ ape, apaē-čiṭ, mazōi	
Инстр. п. /apā, amṛtātā/ apa, apā-ča, viśa	
Местн. п. /api, amṛtāti/ viśi, viśya, aməṛə-tāiti	

Дв. ч.

Им. п., вин. п. /āpa/ āpa, pāda /asti/ uši
Отл. п., дат. п., инстр. п. /apbyā/ snaiḍižbya,
ušiḍbya, pādave
Род. п. /apāṣ/ amaretātā

Мн. ч.

Им. п. /āpaṣ, amṛtātaṣ/ āpō } /asti/ asti
Вин. п. /apaṣ, amṛtātaṣ/ apō, apas-ča
Род. п. /apām/ apam, viṣam, snaiḍiṣam
Отл. п., дат. п. /apbyaṣ/ aiwyō, vižibyō, paḍa-
byaṣ-ča

Инстр. п. /apbiṣ/ azdibiṣ, paḍabiṣ

Местн. п. /apṣu/ naṣu /naṣu/

Специальная форма аблатива — новообразование для всех не тематических классов. Еще в Гатах, а нередко и в Поздней Авесте ее нет, она сливается с родительным падежом. Поэтому случаи несоответствующей образцу огласовки (ārat вместо /arat/) здесь не удивительны. Колебания в огласовке видны и в других падежах.

Формы ušiḍbya, pādave, т. е. /paḍa-byā/ образованы не от основы, а от форм именительного падежа двойственного числа.

Основы на /-as/-ās/. Это — очень древний тип производного имени среднего рода (гр. γένος, лат. genus, гр. γένος, русск. небо). Чередования огласовок в таких именах нет. Но если они входят в состав сложного прилагательного в качестве второго компонента, то мужской род прилагательного имеет чередование огласовок: ср. р. /manaḥ-/ 'дух', им. п. /manaḥ/ manō; м. р. /naṛya-maṇāḥ-/ 'мужественный духом', им. п. /naṛya-maṇāḥ/ naire.mañā.

Сюда же относятся корневые сравнительные степени прилагательных с суф. /-yah/, без чередования для среднего рода и с чередованием /-yah: -yāḥ/ для мужского. Формы женского рода образуются при помощи суф. /-i/ от слабой основы.

В парадигме формы среднего рода даются отдельно только там, где они не совпадают с мужским (/manaḥ-/ 'дух', /vaṣaḥ-/ 'слово', /aujaḥ-/ 'сила', /zrayaḥ-/ 'озеро', /humanah-/ 'благomyсленный', /raucaḥ-/ 'свет', /tamaḥ-/ 'темнота', /sravaḥ-/ 'слово', /vahaḥ-/ 'лучший', /kasyaḥ-/ 'меньший', /nādyah-/ 'слабейший').

М. р.

Ср. р.

Ед. ч.

Им. п. /manaṣ/ naire. mañā, vaḥyaḥ } /manaṣ/ manō
Вин. п. /manaḥam/ aṣ. aṣaṇḥam, spanu-
aṇḥam, /āḥam/ nāidyāṇḥam }
Род. п. /manaḥaṣ/ manaṇhō, vaṣaṇhō,
nāidyāṇhō

Отл. п. /manahat/ zrayaṇḥat

Дат. п. /manahai/ vaṣaṇḥe, kasyaṇḥe

Инстр. п. /manahā/ manaṇḥa, aṣaṇḥa

Местн. п. /manahi/ vaṣahi

Дв. ч.

Им. п. /manahā/ aiṭyaJaṇha, āsyaṇha
 Отл. п. инстр. п., /manashyā/
 Род. п. /manahās/

Мн. ч.

Им. п. /manahaṣ/ humanaṇhō	}	/manāṣ/ manā, sraṇā
Вин. п. /manahaṣ/		
Род. п. /manahām/ kasyaṇham, vaṣaṇ-		

Отл. п., дат. п. /manahbyaṣ/ raocābyō

Инстр. п. /manahbiṣ/ raocābiṣ

Местн. п. /manah-hu/ aṣahu, tamōhva

Основы на /-uṣ:-vāṣ/. Это — причастия перфекта: /viduṣ:-
 vidvāh-/ 'знающий', /daṭuṣ-/ 'создатель', /vaukuṣ-/ 'сказавший':

Ед. ч.

Им. п. /vidvāṣ/ vidvā
 Вин. п. /vidvāham/ vidvāṇham
 Род. п. /viduṣaṣ/ daṭuṣō

Дв. ч.

Им. п. /vidvāhā/
 Отл. п., дат. п., инстр. п. /viduṣ-
 byā/
 Род. п. /viduṣāṣ/

Мн. ч.

Отл. п. /viduṣat/ zizi.yuṣat
 Дат. п. /viduṣai/ vaokuṣe
 Инстр. п. /viduṣā/ viduṣa
 Местн. п. /viduṣi/

Им. п. /vidvāhaṣ/ vidvāṇhō
 Вин. п. /viduṣaṣ/ daṭuṣō (?)
 Род. п. /viduṣām/ vaonuṣam
 Дат. п., отл. п. /viduṣbyaṣ/
 Инстр. п. /viduṣbiṣ/ daduṣbiṣ
 Мест. п. /viduṣṣu/ zazuṣu

Основы на /-at-(nt) : -ant/. Сюда входят прилагательные и причастия с суф. /-at : -ant/, а также прилагательные с суф. /-vat : -vant/, /-mat : -mant/ мужского и среднего рода. Склонение в идеале не отличается от основного типа. Можно составить полную парадигму из форм с нормальными огласовками. Однако, в реальных формах встречается весьма большое количество отклонений в сторону сильной огласовки. Если принимать гипотезу о том, что в беспадежных новоиранских языках формы имен восходят к косвенным падежам, преимущественно родительному, то следует думать, что усиление косвенных падежей в этом классе было реальной тенденцией уже в языке Гат. Так, в новоперсидском языке прилагательные и причастия, восходящие к этому классу, происходят из форм с сильной огласовкой: buland 'высокий', ав. /bṛzat- : bṛzant-/, см. также н.-перс. прилагательные с суф. -vand, -mand, причастия настоящего времени с суф. -anda.

Различие огласовок причастий восходит к древности и зависит от типа глагольной основы и места тона [Reichelt 1909, 153], но для Авесты строго провести такое разделение не удается. Встречаются формы, образованные по тематическому типу, например bəgəzō; неясен исход -ā в прилагательных на /-vat/, /-mat/, на-

пример, *xratumā*. Райхельт [Reichelt 1909, 154] предполагает древнюю арийскую связь с прилагательными на *-das*.

/hat- : hant-/ 'сущий', /mazai- : mazant-/ 'большой', /čvat- : čvant-/ 'quantus', /brzat- : brzant-/ 'высокий', /išuyat- : išuyant-/ 'скотовод', /dvišvat- : dvišvant-/ 'ненавистник', /astvat- : astvant-/ 'телесный', 'материальный', /miždavat- : miždavant-/ 'получающий мзду'.

М. р.

Ср. р.

Ед. ч.

Им. п. /hantṣ/ haṣ, maza?, bərežō?, xratumā	}	/hat/ mazaṭ
Вин. п. /hantam/ hantəm		
Род. п. /hataṣ/ hatō, išuyantō		
Отл. п. /hataṭ/ astvataṭ, ṭbišyantaṭ		
Дат. п. /hatai/ haite, astvaitē, išuyentē		
Инстр. п. /hatā/ bərežata, drəgvatā		
Местн. п. /hati/ čvaiti, astvainti		

Дв. ч.

Им. п., вин. п. /hantā/ bərežantā	/hati/
Отл. п., дат. п., инстр. п. /hatbyā/ čvathya, bərežanbya	
Род. п. /hatāṣ/	

Мн. ч.

Им. п. /hantaṣ/ hantō, išuyantō	}	/hanti/
Вин. п. /hataṣ/ drəgvatō, išuyantō		
Род. п. /hatām/ hatam ṭbišyantam		
Отл. п., дат. п. /hatbyaṣ/ drəgvō. dəbyō, ṭbišyanbyō		
Инстр. п. /hatbiṣ/ haḍbiṣ, drəgvō. dbiṣ		
Местн. п. /hatsu/ išuyasu		

Основы на /-г : -ar : -ār/. В этот класс входят некоторые неразложимые основы мужского и среднего родов, имена деятеля на /-tr : -tar/ мужского рода и термины родства мужского и женского родов: /atr-/ 'огонь' (будем давать только один вид основы), н.-перс. ādar, /nr-/ 'человек, мужчина', н.-перс. nar, ср. р. /va-dar-/ 'оружие', /ayar-/ 'день', /baivar-/ 'десять тысяч'; н.-перс. bəvar; /dātar-/ 'творец', /pitar-/ 'отец', /mātar-/ 'мать', /dugdar-/ 'дочь'; н.-перс. duxt.

В склонении выделяются два подкласса, аналогичные двум подклассам в склонении на /-aṣ/: имена деятеля на /-tar/, подобно причастиям на /-vāṣ/, имеют долгую огласовку во всех сильных падежах; остальные имена мужского и женского родов имеют долгую огласовку только в им. падеже ед. числа; имена среднего рода имеют в им. и вин. падежах мн. числа долгую огласовку без окончания, как в склонении на /-aṣ/. Различие состоит в том, что имена на /-ar/ в слабых падежах имеют нулевую огласовку, а имена на /-aṣ/ среднюю.

Им. п. /dātār/ dāta, pita, ātarš	}	/ayar/ vadar
Вин. п. /dātāram/ dātārem, /pitaram/ pitareṃ		
Род. п. /dātraṣ/ daṭrō, /nar-š/ narš, nərəš		
Отл. п. /dā rat/ āḍrat, /nṛ-t/ nərəṭ		
Дат. п. /daṭrai/ piḍre		
Инстр. п. /daṭra/ nara, ā ḍ r ā		
Местн. п. /daṭri/ nairi		

Дв. ч.

Им. п., вин. п. /dātārā/ ḍrātāra, /pitara/ pi-tara	
Отл. п., дат. п., инстр. п. /daṭṛbyā/ nərəbya	
Род. п. /daṭrāṣ/ narā	

Мн. ч.

Им. п. /datāraṣ/ sa s t ā r ō, /pitaraṣ/ patarō	}	/ayar/ ayar
Вин. п. /dātraṣ/ fədrō		
Род. п. /daṭrām/ āḍraṃ		
Отл. п. /dāṭrbyaṣ/ sterəbyō		
Инстр. п. /dāṭrbiš/		
Местн. п. /dāṭrṣu/		

Имена на /-n:-an:-ān/. Сюда входят имена всех трех родов, особенно часты образования с суф. /-un:-vān/ и /-mn:-man/. Примеры: м. р. /ṛun:-rvān-/ 'душа', н.-перс. ravān, /sun:-spān-/ (svān-) 'собака' (н.-перс. sag и мидийское /?/ spaka, близкое к источнику русского заимствования «собака» — с другим суффиксом — -ka), /asman-/ 'небо', н.-перс. āsmān; ж. р. /xšarn:-xšaran-/ 'ночь'; ср. р. /čašman-/ 'глаз', н.-перс. čašm; /nāman-/ 'имя', н.-перс. nām, /dāman-/ 'творение', н.-перс. dām, /rtaun:-rtavan-/ 'праведный'.

В сильных падежах такое же, как в основах на /-r/, разделение на два подкласса. В слабых падежах имена на /-man/ склонны сохранять среднюю огласовку, т. е. /-man/, а не /*-mn/; остальные образования получают нулевую огласовку: ед. ч. отл. п. /rtaunat/ ašaonat; /čašmanat/ čašmanat; мн. ч. род. п. xšafnaṃ, xšaranam, dāmanam, nāmanam.

Форма среднего рода с долгой огласовкой без окончания распространяется еще на родительный и местный падежи единственного числа: ед. ч. род. п. /ayān/ayān, ед. ч. местн. п. ayān.

Им. п. /artavā(n)/ ašava, urva, spā	}	/nāma (nāmaṃ)/ nāma
Вин. п. /artavanam/ ašavanem, /ṛvānam/ urvānəm, spānəm		
Род. п. /artavnaṣ/ ašaonō, xšafnō		/°ān/ ayān
Отл. п. /artaunat/ č a š m a n a ṭ		

Дат. п. /artaunai/ ašaone, urune
 Инстр. п. /artaunā/ maesmana
 Местн. п. /artauni/ naməni, ašavanaya /°ān/ ayaṇ

Дв. ч.

Им. п., вин. п. /artavanā/ ašavana /ṛvānā/
 spāna

Отл. п., дат. п., инстр. п. /artaunbyā/

Род. п. /artaunāš/ ašaonā

Мн. ч.

Им. п. /artavanāš/ ašavanō, /ṛvānaš/ ar- /nāmān/ nāmaṇ
 šanō, spānō /nā-māni/ nāmēni

Вин. п. /artaunaš/ urunaš-ča

Род. п. /artaunam/ ašaonaṁ /nāmanām/ nāma-
 naṁ

Отл. п., дат. п. /artaunbyaš/ ašavabyō

Инстр. п. /artavnbiš/ dāmēbiš /artauniš/
 ašaoniš

Местн. п. /artavnṣu/ damōhu

Основы на сонанты u, i, ū, ī

Эти основы составляют второй подтип нетематического склонения. Сюда входят четыре класса: 1) /-u: -au/, 2) /-i: -ai/, 3) /-u/ и 4) /-ī: -yā/. Они отличаются от основ на согласный и на /-r/, /-n/ как некоторыми модификациями флексии, так и своеобразной системой (точнее — системами) огласовок. В ряде случаев падежи, сильные для согласного склонения, в этих классах оказываются слабыми и наоборот.

Основы на /-u: -au/. Сюда входят существительные и прилагательные мужского и среднего родов: /xratu-/ 'воля', 'разум', н.-перс. xirad, /ahu-/ 'бытие', 'мир', /manu-/ 'дух', /pasu-/ 'скот', лат. pecus, бел. paz 'овца', yātu- мифическое злое существо, н.-перс. jādū 'чародей'; прил. /vahu-/ 'добрый', /ragu-/ 'multus'.

Слабые падежи: именительный, винительный, инструментальный единственного числа, все падежи двойственного числа, все, кроме именительного, падежи множественного числа. В форме местного падежа единственного числа — долгая ступень огласовки: /vahāu/ vaṇhāu.

* Отличия окончаний от согласного склонения: 1) /-ṣ/ вместо /-aš/ и /-t/ вместо /-at/ в именительном, родительном и отложительном падежах единственного числа и в винительном падеже множественного числа; 2) исход /-u/ в инструментальном падеже единственного числа и именительном падеже двойственного числа, т. е. удлинение гласного основы вместо окончаний /-ā, -a/; 3) отсутствие окончаний в местном падеже единственного числа; 4) окончание родительного падежа множественного числа по гласному типу на /-nām/.

Однако, в этом классе часто встречаются колебания в сторону согласного склонения — и по огласовкам и по окончаниям: /xrað-vah/ xraðwō (род. п. 'разум') наряду с /xratauš/ xratəuš; /xrað-vai/ xraðwe (дат. п.) при /vaha vai/ vaṇhave; /xraðvā/ xraðwa (инстр. п.) и /xratū/ xratū; /pasv-ah/ pasvō (вин. п. мн. ч. 'скот') при /xratuš/ xratuš; /pasvām/ pasvaṃ (род. п. мн. ч.), при /vahunām/ vohunaṃ.

М. р.

Ср. р.

Ед. ч.

Им. п. /vahuš/ vaṇhuš, pou ruš	} /vahu/ vohu
Вин. п. /vahum/ vohum	
Род. п. /vahauš/ vaṇhəuš, xratəuš, paraoš, /xraðvas/ xraðwō	
Отл. п. /vahaut/ vaṇhaoṭ, xrataoṭ	
Дат. п. /vaha vai/ vaṇhave, /xraðvai/ xra- ðve, aṇuḥe	
Иностр. п. /vahu/ vohū, xratū, /xraðvā/ xraðwā	
Местн. п. /vahāu/ vaṇhāu, xratā, /vahu/ aṇhvō	
Зв. п. /vahu/ mainyō	

Дв. ч.

Им. п., вин. п. /vahu/ vohū, pasu	} /vahvi/ vaṇuhi
Дат. п., отл. п. /vahubyā/ pasubya, a hu- byā	
Род. п. /vahvāš/ pasvā, a hvā	
Местн. п. /vahu/ aṇhvō	

Мн. ч.

Им. п. /vaha vaš/ vaṇhavō	} /vahu/ vohuča, pou ru
Вин. п. /vahuš/ xratuš, pou ruš, /vahvūš/ pasvō, pasvas-ča	
Род. п. /vahunām/ vohunaṃ, /vahvām/ pas- vaṃ	
Отл. п., дат. п. /vahubyaš/ vaṇhubyō	
Инстр. п. /vahviš/ vaṇuhiš	
Местн. п. /vahušu/ vaṇhušu, pou rušū, pasuš.hva /pasušu + a/	

Близок к предыдущему классу класс основ на /-i : -ai/. Сюда входят существительные и прилагательные различных образований: м. р. /pati/ 'господин', /axti-/ 'страдание', /gari-/ 'гора', /rti-/ 'доля'; прил. /buri-/ 'богатый'.

Склонение совершенно аналогично основам на /-u/, с той же системой огласовок и растяжением конечного гласного в тех же падежах. Некоторые слова также дают варианты форм согласного склонения: дат. п. ед. ч. paīḥe, paīḥyaē-ča, т. е. /paṭyaī/ при

нормальном типе /*patayai/, представленном, например, /axtayai/ axtōyōi. Неясны формы местн. п. ед. ч. gara, garō и др., где по аналогии с классом на /-u/ ожидалось бы /*garāi, *garai/.

М. р.

Ср. р.

Ед. ч.

Им. п. /patiš/ gairiš
Вин. п. /patim/ gairīm
Род. п. /pataiš/ garōiš
Отл. п. /patait/ garōit
Дат. п. /patayai/ apayatāe, axtōyōi
Инстр. п. /patī/ čisti
Местн. п. /patai?, patau?/ gara, garō

Дв. ч.

Им. п., вин. п. /patī/ gairi
Отл. п., дат. п., инстр. п. /patibyā/ ašibya
Род. п. /patyāš/

Мн. ч.

Им. п. /patayaš/ garayō	} /sapī/
Вин. п. /patiš/ gairiš	
Род. п. /patinām/ gairinaṃ	
Дат. п., отл. п. /patibyaš/ gairibyo	
Инстр. п. /patīš/	
Местн. п. /patiṣu/	

Основы на /-u/. Сюда входят имена мужского и женского родов. Эти имена имеют во всех падежах, кроме род. падежа мн. числа (с окончанием /-nām/) окончания согласного склонения. Чередования основы нет, но перед окончаниями, начинающимися с гласного, исходное /ū/ основы разлагается в /uv/, что, впрочем, обычно не отражается на письме: им. п. ед. ч. /tanūš/ tanūš 'тело', вин. п. /tanuvam/ tanvəm, род. п. /tanuvaš/ tanvō, инстр. п. /tanuvā/ tanva и т. д., но видно в дат. п. ед. ч. /tanuvai/ tanuye.

Ед. ч.

Им. п. /tanūš/ tanūš
Вин. п. /tanuvam/ tanūm, tanvəm
Род. п. /tanuvaš/ tanvō
Отл. п. /tanuvat/ tanvaṭ, /tanaut/ tanaoṭ
Дат. п. /tanuvai/ tanuye
Инстр. п. /tanuvā/ tanva
Местн. п. /tanuvi/ tanvi

Дв. ч.

Им. п., вин. п. /tanuvā/
Дат. п., отл. п., инстр. п. /tanubyā/
Род. п. /tanuvāš/

Им. п.	/tanuvaṣ/ paṣō. tanvō
Вин. п.	/tanuvaṣ/ tanvasā, tanvō
Род. п.	/tanūnām/ tanunaṃ
Отл. п., дат. п.	/tanūbyaṣ/ tanubyō
Инстр. п.	/tanūbiṣ/ hizubiṣ
Местн. п.	/tanūṣu/ tanuṣu

Основы на /-ī : -yā/. Сюда входят имена женского рода, частично соотносящиеся с именами мужского рода на согласный и сонант: /vāhvī-/ 'добрая' (м., ср. р. /vahu-/), /dāḍrī-/ 'подательница' (м. р. /dāḍr-/), /rtaunī-/ 'праведная' (м. р. /rtaun-/), /xsaḍrī-/ 'женщина', /āzī-/ 'стельная (корова)', /gr̥vī-/ 'поверхность'.

Чередование /-ī : -yā/ удовлетворительно объясняется постулированием ə в исходе основы: *-iḡ > /-ī-/ , *-iaḡ > /-yā/. В падежных формах встречаются варианты, образованные по типу склонения на /-ī : -ai/, поставленные в скобки.

Ед. ч.

Дв. п.

Им. п.	/vāhvī/ vaṇuhi (dāḍriṣ)	Им. п., вин. п.	/vāhvī/ āzi
Вин. п.	/vāhvīm/ vaṇuhīm		
Род. п.	/vāhvīā-ṣ/ vaṇhuyā		
Отл. п.	/vāhvyā-t/ haraiḍyāt		
Дат. п.	/vāhvyā-ai/ vaṇhuyāi		
Инстр. п.	/vāhvy-ā/ vaṇhuya (vaṇuhī)		
Местн. п.	/vāhvyā/ (?) pəṛəḍwe		
Зв. п.	/vāhvī/ vaṇuhi, āsaone		

Мн. ч.

Им. п.	/vāhvī-ṣ/ vaṇuhiṣ
Вин. п.	/vāhvī-ṇs/ vaṇuhiṣ
Род. п.	/vāhvī-nām/ vaṇuhinaṃ
Отл. п., дат. п.	/vāhvī-byaṣ/ vaṇuhibyō
Инстр. п.	/*vāhvī-biṣ/ āzīzanāi-tibiṣ
Местн. п.	/vāhvī-ṣu/ xsaḍriṣu.

В систему склонений не вмещаются несколько имен, имеющих аномальное словоизменение и в других древних индоевропейских языках, что, как и всякие «неправильные» формы, относится за счет пережитков «доиндоевропейского состояния», т. е. состояния, предшествовавшего эпохе разделения индоевропейских языков, которое мы можем более или менее четко представить только при сравнении фактического материала.

/gav- : gāv-/ 'корова.'

Ед. ч.

Мн. ч.

Дв. ч.

Им. п.	/gāuš/ gāuš	/gavaṣ/ gavō	/gava/ gava
Вин. п.	/gā(u)m/ gaṃ	/ga(v)(n)ṣ/ gā	
Род. п.	/gāuš/ gāuš	/gavām/ gavam	
Отл. п.	/gaut/ gaot	—	
Дат. п.	/gavai/ gave	—	
Инстр. п.	/gavā/ gava	/gaubiṣ/ gaobiṣ	

/zm- : zam-/ 'земля'.

Ед. ч.

Им. п. /zām/ zā

Вин. п. /zā(mə)m/ zām

Род. п. /zm-aš/ zəmb

Отл. п. /zm-at/ zəmat

Инстр. п. /zm-ā/ zə mā

Местн. п. /zm-i/ zəmi [zəme]

/mazda(h)-/ 'мазда'

Ед. ч.

Им. п. /mazdās/ mazdā

Вин. п. /mazdām/ mazdām

Род. п. /mazdās/ mazdā

Дат. п. /mazdāi/ mazdāi

Зв. п. /mazdā/ mazdā

/zīm- : zyām-/ 'зима'.

Ед. ч.

Им. п. /zyām/ zyā

Вин. п. /zyā(mə)m/ zyām

Род. п. /zīmaš/ zīmō

Мн. ч.

Им. п. /zīmaš/ zīmō, zəmb

/paθ- : pantā(n)-/ 'путь'

Ед. ч.

Им. п. /pantā(n?)/ pantā

Вин. п. /pantā-m/ pantām

Мн. ч.

Им. п. /pantānaš/ pantānō

Остальные формы регулярно от основы /paθ-/

Большая часть падежных окончаний восходит в общиндоевропейской флексии.

Мужской и женский род.

Единственное число

Именительный падеж

/-š/ < и.-е. *-s : м. р. /vřka-š/ vėhrkō, др.-инд. vřkas, др.-гр. λύκος, лат. lupus 'волк'; /vāx-š < vāk-š/ vāxš, лат. vox 'речь, голос'; ж. р. /āfš < āp-š/ āfš 'вода'; /arti-š < arti-š/ ašiš — имя божества.

Нуль: м. р. /pitā/ pita 'отец', осн. /pitar-/ , др.-гр. πατήρ; /spā/ spā 'собака'; осн. /sun- : sūn-/; ж. р. /urvarā/ urvara 'растение', ср. др.-гр. ἡμέρα 'день', /vahvī/ vaṇuhi 'добрая'.

Звательный падеж

Нуль: м. р. /ātār/ atarə 'огонь'; /ahura/ ahura 'Ахура'; ж. р. /vahvī/ vaṇuhi 'добрая'.

Неясно daēne, осн. /dainā-/ 'вера', armaite, осн. /armatī-/ , см. [Reichelt 1909, 165].

Винительный падеж

/-m, -am/, лат. -m (в других индоевропейских языках -n): м. р. /vřka-m/ vėhrkəm, др.-инд. vřkam, лат. lupum, др.-гр. λύκον 'волк'; /hant-am/ həntəm, др.-инд. santam 'сущий', ср. лат. ferentem, др.-гр. φέροντα(ν) 'несущий'; ж. р. /āp-am/ āpəm 'вода'; /tanū-m/ tanūm 'тело'; /vahvī-m/ vaṇuhīm 'добрая'.

⁶ Вариант /-ā/ см. [Kuiper 1960, 187].

Родительный падеж

/-ṣ, -aṣ/ < и.-е. *-es, *-os: м. р. /bat-aṣ/ batō, др.-инд. sataṣ, др.-гр. ὄνιος 'сущий', /hunau-ṣ/ hunauš, др.-инд. sunoṣ, готск. sunapaus, лит. sunaus 'сын'; ж. р. /ar-aṣ/ arō 'вода', /artai-ṣ/ aśoiš 'Арти'.

/-ṣya/ : /ahura-hya/ ahurahe, др.-инд. ahurasya 'Ахура'. Райхельт [Reichelt 1909, 168] считает арийским новообразованием, но можно сблизить с древнегреческим окончанием тематического склонения на -ω (-ω < ω < -οιο < *ohyo), гом. λόχοιο.

Дательный падеж

/-ai/, вероятно из и.-е. *-ei (ср. лат. patri): м. р. /gav-ai/ gavōi, др.-инд. gave 'бык'; /ahurāi < ahura-ai/ ahurai 'Ахура'; ж. р. /ar-ai/ are 'вода', /vahuāi/ vāhuyāi, осн. /vahvī- : vahvya-/ 'добрая'.

Отложительный падеж

/-at/ — первоначально только для тематических основ. Для остальных общая форма для отложительного и родительного падежей. Так было еще в Гатах и часто в Поздней Авесте: /martyāt/ mašyāat-ča 'человек'; ср. лат. lupod 'волк'.

Инструментальный падеж

/-ā/ — свидетельств мало, может быть, лат. patre связано с инд.-ир. /pitrā/, м.р. /āθrā/ āθrā 'огонь', /ahurā/ ahurā, ahurā 'Ахура', ж. р. /dainā/ daēnā 'вера' (но есть уже в Гатах новообразование daēnauā), /ar-ā/ arā-ča 'вода'.

Местный падеж

/-i/ < и.-е. *-i : м. р. /paθ-i/ paithi, др.-инд. pathi; /aspa-i/ aspaē-ča 'конь'; ж. р. /vis-i/ visi, др.-инд. visi 'дом'. Специальная форма местного падежа в древних индоевропейских языках четко не прослеживается. Вероятно, ее можно видеть в древнегреческих и латинских наречиях типа ὅχοι, ὅκει, domi 'дома', образованных от тематической основы. В тематических основах ее следы можно предполагать в древнегреческом окончании -ι дательного падежа четырехпадежной системы.

Нуль: м. р. /dvar/ dvarē 'дверь', /dām/ dām 'дом' (но и /dam-i/ dami). Встречается при основах на сонанты и /-s/. Далее индоиранского языка позволяют возводить эту форму лишь изолированные греческие формы типа α(F)έν 'всегда' [Мейе 1938, 304].

Двойственное число

Именительный падеж

/-ā/ < и.-е. *-ō: /vrkā/ vahrka, др.-инд. vrkā, гр. λόχω 'волк'. Для нетематических в греческом краткое e: πατέρε; в индоиранском долгое /-ā/ может быть результатом аналогии. Само же тема-

тическое окончание /-ā/ представляет параллель к исходам основ на /-i/ и /-u/, т. е. может быть просто результатом растяжения исходного гласного основы.

Множественное число

Именительный падеж

/-aʃ/ < и.-е. *-es: /p(i)taɾ-aʃ/ patarō, гр. πατέρες лат. patres.

Винительный падеж

/-ns/ < и.-е. *-ns. После гласного: /martyāns/ maʃyaʃs-ča, готск. wulfans; после согласного *-ŋs: /ap-aʃ/ арб, гр. πατέρας.

Родительный падеж

/-ām/ < и.-е. *-ōm, *-ōn: /sūn-ām/ sūnaṃ 'собак', др.-инд. śunām, др.-гр. κυῶν.

Инструментальный падеж

/-āiʃ/ < и.-е. *-ōis (исход падежа для тематических основ), гр. λόχοις, лат. lup-īs, др.-инд. vṛkais.

Местный падеж

/-ʃu/ < и.-е. *-su: /martyaiʃu/ maʃyaēʃu 'среди людей'. Это окончание засвидетельствовано, кроме индо-иранского, в балтийских и славянских языках, с тем же различием тематического исхода (инд.-ир.) /-aiʃu/) и нетематического: др.-слав. *трѣхъ* (нетематическое) и *въльцѣхъ* (тематическое).

Средний род имеет особые окончания: а) в именительно-винительном падеже, где в тематическом склонении он имеет исход /-am/ : /xʃaɖtaṃ/ xʃaɖtəṃ 'власть, царство', в нетематическом — нулевое окончание: /maṇaḥ/ maṇō 'мысль', др.-гр. μένος; /nāma, nāmaṃ/ nāma, лат. nomen 'имя'; /amavat/ amavat 'сильное'; б) в именительно-винительном падеже дв. числа /-i/ : /aʃ-i/ aʃi 'очи', ср. др.-слав. *имен-и, словес-и*; в) в именительно-винительном падеже мн. числа — нуль: /maṇāḥ/ maṇā 'мысли', /ayāḥ/ ayāḥ 'дни' или /-a : -i/, т. е. *aə : ə, например, /-a/ в /aka/ aka, ср. др.-слав. *имен-а*. Эта форма представляла первоначально собирательное имя среднего рода в ед. числе. Она же легла в основу тематического склонения среднего рода во мн. числе: /-i/ в слове /asti/ asti 'кости'.

Не далее индоиранского возводятся следующие окончания:

1) инстр. п. ед. ч. /-i, -u/ для основ на /i, u/ : /rti/ aʃi 'дóлей', др.-инд. chitī 'мысль' (только для женского рода на /-i/, а аналогичное образование от основ на /-u/, например, /xratu/ 'разумом', не находит параллели и в индийском);

2) им. п. мн. ч. /-s/ для основ на /-i/ : /vahvi-s/ vaṇuhīś, др.-инд. vasvīs 'добрые' (ж. р.);

3) род. п. мн. ч. /-nām/ для основ на гласные и сонанты /i, u/ (а в др.-инд. и ɣ): /daivanām/ daēvanam, др.-инд. devānām 'дэвов', 'богов'; /gari-nām/ gairīnam, др.-инд. girīnām 'гор' и т. д.;

4) местн. п. /-āu/ -āu, -ā и /-au/ -ō: /vabau/ varhāu, /gatavau/ gatvō 'на месте';

5) отл.-дат. п. /-byas/, инстр. п. /-biṣ/. Окончания для этих и других падежей с элементом bh засвидетельствованы в различных древних индоевропейских языках, но они не восходят к общему прототипу, и утверждение их в определенной форме и функции принадлежит уже отдельным языкам. Для индоиранского это -bhyas, для дательного-отложительного падежа мн. числа (ав. /nṛ-byas/ nərəbyō, др.-инд. nṛbhyas 'мужам', 'от мужей') и -bhis для инструментального (ав. /haṭ-biṣ/ haḍbiṣ, др.-инд. sadbhis 'сущими'). На относительную молодость этих окончаний (как и всех окончаний мн. числа, кроме именительного падежа) указывает и их полная универсальность для всех основ всех родов.

Специально иранскими образованиями в именной флексии можно считать следующие.

1) Отл.-инстр.-дат. п. дв. ч. на /-byā/, тогда как древнеиндийский дает bhyām: ав. /nṛ-byā/ nərəbyā 'двум мужам', др.-инд. nṛbhyām. Однако в индоиранском были, вероятно, оба варианта, и индийское -bhyām представляет -bhyā с тем же добавочным элементом -m, который присутствует в локативах основ на -ī: striyam от stri- 'женщина'. Вариант /-byām/ встречается однажды и в Авесте: /bruvat-byām/ brvatbyām 'бровям'.

2) Род. п. дв. ч. на /-ās/ — /narās/ narā 'двух мужей' и местн. п. дв. ч. на /-au/ — /ahv-au/ ahvō 'в двух мирах'. Индийский имеет для обоих падежей одну и ту же форму на -aus: pitros 'родителей', 'у родителей'. Впрочем, все формы двойственного числа встречаются сравнительно редко, и строгая система склонения здесь вообще не устанавливается.

3) Не встречается в индийском и окончание -iṣ для инструментального падежа мн. числа некоторых основ. Оно достаточно редко и в иранском, и может быть вариантом окончания /-āiṣ/ или, во всяком случае, компонентом, вошедшим в состав арийского окончания -bhis.

К иранским новообразованиям относится распространение исхода тематического аблатива /-t/ на все классы склонения и образование новых окончаний /-at, -t/, употребляемых параллельно окончаниям род. падежа /-as, -s/: род. п. /manah-as/ manahō, отл. п. /manah-at/ manahat от /manah-/ 'дух'; род. п. /garai-ṣ/, garōiṣ, отл. п. /garai-t/ garōit от /gari-/ 'гора'. Это — явление даже более позднее, чем общеиранское: для диалекта Гат такие формы не характерны, и значение аблатива, в соответствии с индоиранской нормой, выражается у нетематических имен формой родительного падежа.

Приведенные выше парадигмы и правила склонения в действительности достаточно далеки от соответствия всем наличным

формам. Некоторый намек на это должны были дать формы, заключаемые в парадигмах в скобки. Идеальные парадигмы, как и идеальная транскрипция, нужны в основном для того, чтобы составить себе какую-то систему, в порядке отклонений от которой может более или менее укладываться удручающее поначалу разнообразие авестийских форм.

От дробления классов на более мелкие, в зависимости от вариантов встречающихся форм, пользы было бы мало, так как мы видели, что различные формы сплошь и рядом встречаются у одного и того же слова: /xratv-aʃ/ xradwō:/xratau-š/ xratēuš — род. п. ед. ч. 'разума'; /ap-aʃ/ apō:/āp-aʃ/ āpō, вин. п. мн. ч. 'воды'; /ātr-aʃ/ adtrō:/atar-š/ ātarš — род. п. ед. ч. 'огня'; /nar-š/ narš:/nr-š/ nərəš 'мужа'.

Кроме того, это могло бы в некоторых случаях оказаться и неблагоприятной работой, так как нет гарантии, что у нас не попала бы в особый класс форма, просто-напросто ошибочно употребленная аршакидским или сасанидским кодификатором, или — того более — переписчиком послесасанидского времени.

Однако, колебания в склонении, взаимовлияние различных классов и новообразования по случайным даже аналогиям, несомненно, были и в тот период, когда диалекты Авесты были еще живыми. Это подтверждается, в частности, аналогичными — хотя и не столь многочисленными — колебаниями в языке древнейших памятников индийского языка. Остановимся на некоторых из них.

Наиболее обычен переход нетематических основ разных классов в тематическое склонение:

/zamai/ zāme 'на земле', местн. п. ед. ч. как будто от основы /zama-/, в то время как от основы /zam-/, существующей в других падежах, ожидалось бы /*zam-i, *zm-i/.

parō.darsahe — род. п. ед. ч. от /para-dars-/, им. п. ед. ч. parō.darš /dars-s/ — прозвище петуха, вместо /*para-dars-as/, ср. в поздних древнеперсидских надписях daraya-vaušahya 'Дария', вместо darayavahauš.

fšuya — зв. п. ед. ч., bərəzaŋ — отл. п. ед. ч. от /fšuyant-/ 'скотовод', /bṛzant-/ 'высокий'. Обычен также для нетематических имен исход формы им. п. мн. ч. на -a, заимствованный из тематического склонения (где он почти полностью вытеснил, в свою очередь, нормальную форму на -ā): gatava — им. п. мн. ч. от /gatu-/ 'место', вместо нормального /gatav-aʃ/.

Мы уже видели колебания в именах на сонанты между собственным и согласным склонением, смешение форм основ на /-i/ и /-ī/.

Параллельно «тематизации» основ, древняя система словоизменения разрушается и во второй области — в чередовании основ. Так, мы видели, что в классе на /-ant/ появляется тенденция к генерализации сильной основы. В именах на /-uʃ : -vāʃ/, наоборот, слабая основа проникает в сильные падежи: им. п.

ед. ч. *viduṣ* при нормальном /*vidvāṣ*/. Смещение огласовок ведет в некоторых случаях к тому, что перестают различаться падежи. Так, именительный падеж множественного числа мужского и женского рода и винительный падеж множественного числа после утери различия /-as/ и /-ṇs/ > /-as/ стали различаться только огласовкой: сильная — в им. п. и слабая в вин. п. Формы типа /*ār-as*/ *ārō* — вин. п. вместо /*ar-aṣ*/ или /*pasv-aṣ*/ *pasvō* — им. п. вместо /*pasav-aṣ*/ не оставляют и этого различия.

Таким образом, мы можем сказать, что в языке Авесты процесс разрушения древней флективной системы уже начался.

МЕСТОИМЕННИЯ

Все местоимения разбиваются на две основные группы: 1) местоимения, имеющие форму рода, т. е. указательные, относительные, вопросительные, неопределенные и другие местоимения и более или менее соприкасающиеся с ними местоименные слова; 2) личные местоимения — 1-го и 2-го лица (функцию местоимений 3-го лица выполняют указательные местоимения), не имеющие формы рода и представляющие особый вид склонения.

В склонении местоимения имеют некоторые общие черты с именами (в большей степени местоимения первой группы, в меньшей — личные). Однако, существенные отличия состоят в наличии субъектных форм и в чередовании основ /-a : -ahm : -aṣ/.

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ

Существует значительное количество основ указательных местоимений, но ни одна из них не представлена полной парадигмой, и эти основы изначально выступали как супплетивные в различных комбинациях в различных индоиранских (и вообще индоевропейских) языках. Для индоевропейских языков обычно характерны три ряда указательных местоимений: 1) местоимения, указывающие на близкий предмет, 2) местоимения, указывающие на дальний предмет и 3) анафорические местоимения, указывающие на безразличное «3-е лицо» (т. е. ряды «этот», «тот» и «он»). Однако, эта троичная система перекраивалась по-разному в различных языках, и материальное тождество двух местоименных основ различных языков еще не означает тождества их положения в этой системе.

Общеиндоевропейским местоимением «он» было местоимение с супплетивными основами **so-* для именительного падежа единственного числа мужского и женского рода, **to-* для остальных форм. В греческом оно дало артикль (*ὁ, τό* и т. д.), в славянском — местоимение «тот». В древнеиндийском оно имеет полную парадигму в значении «он». Но в Авесте от него сохранилось лишь несколько форм, в основном одни именительные и винительные

падежи, которые к тому же трудно поместить в какую-либо парадигму в качестве супплетивных, так как форм именительного падежа от различных местоименных основ в языке Авесты вообще несколько больше, чем хотелось бы для установления стройной системы.

Возможно, здесь следует видеть влияние различных диалектов, так как в древнеперсидском, представляющем один диалект, такого многообразия не наблюдается.

Для языка Авесты приходится устанавливать следующие ряды указательных местоимений: два «ближних», без строгого разграничения между ними основ и функций, и один «дальний».

В ближние ряды местоимений входят следующие основы: м. и ср. р. /a-/ — им. п. ед. ч. м. р. /ay-am/; ж. р. /ā-, ī-/ — им. п. ед. ч. /īy-am/; а также основы местоимений, имеющих иногда анафорическое значение: м. и ср. р. /ha-, ta-/; ж. р. /hā-, tā-/; м. и ср. р. /aita-, aiša-/; ж. р. /aitā-, aišā-/; м. и ср. р. /ima-/; ж. р. /imā-/; м. и ср. р. /ana-, hva-/ (от /hva-/ только одна форма им. п. ед. ч. м. р. hvō, Хумбах связывает с /hauv/).

М. р.

Ед. ч.

Им. п.	/ayam/ aēm, a y ō m	/has/ hō, /hvaṣ/ hvō;	/aišaṣ/ aešō
Вин. п.		/tam/ tēm, /imam/ imēm;	/aitam/ aētēm
Род. п.	/ahya/ ahe, aiṇhe, a h y ā		/aitahya/ aētahe
Отл. п.	/ahmat/ ahmāt		/aitahmāt/ aētahmāt
Дат. п.	/ahmāi/ ahmāi		/aitahmāi/ aētahmāi
Инстр. п.	/anā/ anā	/tā/ tā	/aitā/ aēta
Местн. п.	/ahmi/ ahmi, ahmya		/aitahmi/ aētahmi

Дв. ч.

Им. п.		/tā/ tā (tā), /imā/ ima	/aitā/ aēta
Дат. п.	/ābyā/ ā b y ā		
Род. п.	/āṣ/ ā s-č a, /ayāṣ/ ayā, /anayāṣ/ anayā		/aitayāṣ/ aētayā

Мн. ч.

Им. п.		/tai/ tē, tō i, /imai/ ime,	/aitai/ aēte
Вин. п.		/tān/ tā, t ā n g, /imān/ ima	
Род. п.	/aišām/ aēšām		/aitaišām/ aētaēšām
Дат. п.	/aibyaṣ/ aēibyō		/aitaibyaṣ/ aētaēibyō

Инстр. п.	/āiś/ āiś, /aiḃiś/ aēḃiś	/tāiś/ tāiś	/anāiś/ anāiś
Местн. п.	/aiśu/ aēśu, aēśva		/aitaiśu/ aētaēśu

Ср. р.

Ед. ч.

Им. п., вин. п.	/tat/ taṭ, /imat/ imaṭ	/aitat/ aētaṭ	/aitam/ aētam
-----------------	------------------------	---------------	---------------

Др. ч.

Им. п., вин. п.	/tai/ tē	/aitai/ aēte
-----------------	----------	--------------

Мн. ч.

Им. п., вин. п.	/tā/ tā, /imā/ imā	/aitā/ aēta
-----------------	--------------------	-------------

Ж. р.

Ед. ч.

Им. п.	/iyam/ im,	/hā/ hā, /hī/ hī	/aiśā/ aēśa
Вин. п.		/tām/ taṃ, /imām/ imam	/aitām/ aētaṃ

Род. п.	/ahyāś/ aiḃhā	/aitahyāś/ aētaḃhā
---------	---------------	--------------------

Отл. п.	/ahyāt/ aiḃhāt
Дат. п.	/ahyāi/ aiḃhāi, a h y ā i

Инстр. п.	/ayā/ aya, ō y ā	/aitayā/ aētaya
Местн. п.	/ahyai/ aiḃhe	

Дв. ч.

Дат. п.	/ābyā/ ā b y ā
---------	----------------

Мн. ч.

Им. п., вин. п.	/tāś/ tā, /imāś/ imā	/aitāś/ aētā
Род. п.	/āśām/ āḃham	
Отл. п., дат. п.	/ābyaś/ ābyō	/aitābyaś/ aētāibyo

Инстр. п.	/ābiś/ ābiś
Местн. п.	/āṣu/ āhū, ā h v a

В дальний ряд входят следующие основы: м. и ср. р. /ava-/ , ж. р. /avā-/ , м. и ж. р. /hāuv/. Засвидетельствованные формы распределяются так:

	М. р.	Ср. р.	Ж. р.
		Ед. ч.	
Им. п.	/avāu/ avā, /hāu/ hāu	/avam/ aom, /avat/ avat	/avāu/ avā, /hāu/ hāu
Вин. п.	/avam/ avahe		/avām/ avam
Род. п.	/avahya/ avahe		/avahyāś/ avaiḃhā

Дат. п.	/avahyāi/ avaiṅhāi
Отл. п.	/avahyāt/ avaiṅhāt
Инстр. п.	/avā/ ava, avā

Мн. ч.

Им. п., вин. п.	/avai/ ave, /*avā/ (avā)	/avāṣ/, avā, avanḥā
Род. п.	/avaiśām/ avaēśam	
Дат. п.	/avabyaṣ/ avabyō (avaṭbyō)	
Инстр. п.	/avāiṣ/ avāiṣ	

Энклитические местоимения. Для винительного и родительного-дательного падежей указательных местоимений существуют еще формы, употребляемые энклитически:

М. р.	Ж. р.	Ср. р.
Вин. п. ед. ч. /īm/ īm	/hīm/ hīm, /dīm/ dīm	/it/ it, /dit/ diṭ
Дат. и род. п. ед. ч.	/sai/ hē, šē	
Вин. п. дв. ч. /i/ i	/hi/ hī	
Вин. п. мн. ч. /diṣ/ diṣ	/hiṣ/ hiṣ	/di/dī

Энклитические формы примыкают не к тому слову, к которому относятся, а к первому слову предложения: āaṭ hīm (/hīm/ — ж. р. вин. п. ед. ч.) jaiḍyaṭ 'тут он ее попросил' (Yt. 17.24); yō hīṣ (/hiṣ/ — ж. р. вин. п. мн. ч.) aḍa fṛāyazāite yaḍa hīṣ /hīṣ/... yazata ... zagaḍuṣtrō 'тот, кто так их почит, как их... почитл... Заратустра' [Yt. 13.41]; āaṭ hē (/hai/ — м. р. дат. п.) hā paiti-davata... 'тут она ему ответила' [V. 18.30].

Авестийские основы указательных местоимений в той или иной форме засвидетельствованы и в древнеиндийском, где ввиду большого объема и лучшей сохранности материала яснее их комбинации в парадигмах. Одну парадигму составляют sa-, ta-, другую — a-, i-, ima-, третью — eṣa-, eta-; но в дальнем ряду только им. п. ед. ч. м. и ж. р. asāu, соответствующий иранскому /ahāu/. Остальные формы образуются от чисто индийской основы ami-, основа же ава- засвидетельствована всего два или три раза в Ригведе.

Склонение в общих чертах совпадает в иранском и индийском: тот же элемент — sm в падежах единственного числа (др.-инд. asmaī, ав. aḥmāi 'тому'), тот же элемент s в род. п. мн. ч. (др.-инд. eṣam, ав. aēšam /aiśām/ 'их, тех', те же отклонения от именного склонения — им. п. мн. ч. м. р. др.-инд. ime, ав. ime /imai/).

Указательные местоимения употребляются как самостоятельно, так и в качестве определения: hō /haṣ/ zrayō āyaozayeiti 'он волнуется озеро' [Yt. 8.31]; tafaṣṭa hō /has/ mairyo x'isatṣa 'стал нагреваться тот негодяй и потеть' [Yt. 9.11].

Противопоставление ближних и дальних местоимений: imaṭ /imat/ nmānēm ... hāu /hāu/ maza mərəṣō ... ave /avai/ awrā

‘этот дом ... та большая птица ... те облака’ [Yt. 14.41]; kva-
 čiṭ ainhā /ahyāh/ zəmh ... ura ave /avai/ stārō ‘где-нибудь на
 этой земле ... на тех звездах’ [Yt. 12.22].

ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ

Относительное местоимение /ya-, yā-/ , др.-инд. ya-, yā- скло-
 няется по тому же типу. Особая форма встречается лишь одна
 ĥyaṭ в Гатах, рядом с yaṭ /yat/ — им. п., вин. п. ср. р. Ввиду
 весьма частого употребления, все формы этого местоимения
 хорошо засвидетельствованы (за исключением некоторых форм
 двойственного числа), не имеют вариантов и представляют «чи-
 стую» парадигму местоименного склонения.

М. р.	Ср. р.	Ж. р.
Ед. ч.		
Им. п. /yaṣ/ yō, yas-ča	/yat/ yaṭ	/yā/ yā
Вин. п. /yam/ yim	ĥyaṭ	/yām/ yam
Род. п. /yahya/ yeñhe, yehe		/yahyās/ yeñhā
Отл. п. /yahmāt/ yahmāt		/yahyāt/ yeñhāt
Дат. п. /yahmāi/ yahmāi		/yahyāi/
Инстр. п. /yā/ yā		
Местн. п. /yahmi/ yahmi		/yahyai/ yeñhe
Дв. ч.		
Им. п. /yā/ yā		/yai/ yōi
Род. п. /yauyās/ yauyā		
Мн. ч.		
Им. п. /yai/ yōi	} /yā/	/yās/ yā
Вин. п. /yān/ ya, yəng		
Род. п. /yaiśām/ yaēśam		/yāhām/ yāñham
Отл. п., дат. п. /yaihyaṣ/ yaēibyo		/yabyaṣ/ yābyō
Инстр. п. /yāiś/ yāiś		
Местн. п. /yaiśu/ yaēśu		/yāhu/ yāhu

Употребляется относительное местоимение:

1) как союзное слово «который»;
 2) самостоятельно в значении «тот, кто»: yō /yah/ yaom kāga-
 yeiti hō aśem kārayeiti ‘кто возделывает хлеб, тот возделывает
 Аргу’;

3) в ослабленном значении «изафета», т. е. связи между
 определяемым и последующим определением или приложением:
 janaṭ aṣim srvarəṣ yim /yam/ aspō.garəṣ nərə.garəṣ yim
 /yam/ viśavantəṣ zairitəṣ ‘убил змея рогатого, лошадей-по-
 жирающего, людей-пожирающего, ядовитого, желтого’ [Yt. 19.40];
 mərəyō yō /yas/ parō.darś pāma ‘птица по имени Парадарс’
 [Yt. 18.15]; ослабление собственно местоименного значения видно
 из того, что в этих случаях очень часто не соблюдается

согласование и расширяется безразличное употребление формы именительно-винительного падежа среднего рода /yat/: pu-ṭṛam (/puṭṛam/ — вин. п. м. р. ед. ч.) yaṭ /yat/ pouruśaspahe 'сына Парушаспы' [Yt. 5.18]; yō jānaṭ hunavō (hunavah — вин. п. м. р. мн. ч.) yaṭ /yat/ raḍanaya 'который убил сыновей Патани' [Yt. 19.41]; ahmi aṇhvō (ahmi ahvau — местн. п. ед. ч.) yaṭ /yat/ astvainti 'в этом материальном мире' [V. 5.39]; системы в употреблении или в неупотреблении этого «изафета» не наблюдается: так обычно hvar yat aməšəm 'бессмертное солнце', но параллельно miθrō yō /yah/ vourugaoyaotiś 'Митра, обладающий широкими пастбищами'; есть и miθrahe vourugaoyaotiś (род. п.); Зейлер [Seiler 1960, 32] предполагает связь с метрикой;

4) перед именем — в значении, близком к значению определенного артикла — отдельно или в сочетании с указательным или личным местоимением: āaṭ maṃ fraguzayanta yōi /yai/ apərənāyu tauruna 'тогда меня выдали молодые юноши' [Yt. 17.55]; kuḍa tē verəzəyən aēte yōi /aitai yai/ mazdayasna 'что должны делать маздаясны (поклонники Мазды, зороастрийцы)' [Vd. 6, 26]; azəm yō /azam yaš/ ahurō mazdā 'я Ахура Мазда'.

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ

Вопросительное местоимение /ka-/ , /kā-/ (др.-инд. ka-, kā- < и.-е. *kʷe/o-, *kʷā-) имеет полную (почти) парадигму того же типа, что и предыдущие местоимения, но еще несколько форм образуется от основы /či-: čai-/ < *kʷi-: kʷei-. Ед. ч. им. п. м. и ж. р. /či-š/ čiš, вин. п. м. р. /či-m/ čim, им. п., вин. п. ср. р. /čit/ čit; мн. ч. им. п. м. р. /čai-aš/ čayō.

Аналогично указательным местоимениям оно употребляется и самостоятельно («кто») и как определение («какой»): kō /kaš/ maṃ stavāṭ kō /kaš/ yazāite 'кто меня восхвалит, кто принесет мне жертву?' [Yt. 5.8]; kā /ka/ ahmāi ašiś ərənāvi, čit /čit/ ahmāi jasaṭ āyartəm 'какая доля была им заслужена? Какое счастье к нему пришло?' [Y. 9.3].

Оно же может выполнять функцию неопределенного местоимения: mā čiš /čiš/ paurvō būdiyaēta nō 'пусть никто нас первый не почует' (Y. 9.21); kaṇhe kaṇhe /kaḥya kaḥya/ araṇžāire nmaṇəm hištaite 'в ответвлении каждого (из них) стоит дом' [Yt. 5, 101].

Собственно неопределенное значение и значение 'любой, каждый' получается обычно прибавлением частицы /čit/ čit (по происхождению — форма им. и вин. п. ср. р. от či-) — /kas-čit/ kas-čit, /kam-čit/ kəmčit... 'кто-нибудь', 'кто бы ни...': kasčit mašyanam /kas-čit martyanam/ 'кто-либо из людей'; kahmāičit haṭam 'любому из сущих' [Y. 12.4]; kaḥya čit haṭam 'любого из сущих' [Y. 12.4].

Возвратное местоимение /hva-, hava-/ hva-, hava-, х^ва- (для всех лиц) в поссесивном значении хорошо засвидетельствовано во всех формах по тому же типу: yīm paṛəm. . . sraēštəm dādaṛəsa х^ваhe /hvaḥya/ gayehe. . . 'которого я увидел самого прекрасного в своей жизни' [Y. 9.2]. . . х^вā (/hva/- инстр. п.) aōjaṇhā vasō. хšaṭrō aḥi 'ты своей силой могущественен' [Y. 9.25]; yō yazaite haom (/havam/ — вин. п.) urvāpəm 'кто почитает свою душу' [Yt. 6.4].

МЕСТОИМЕННЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

К местоимениям примыкает ряд местоименных прилагательных: /aṇya-/ др.-инд. aṇya- 'другой', /visra-/ др.-инд. visra- 'весь', /ka-tara-/ др.-инд. katara- 'который из двух', /ka-tama-/ др.-инд. katama-, н.-перс. kudām 'который из многих' (два последних с теми же суффиксами, которые образуют сравнительную и превосходную степень). Склонение их колеблется между именным и местоименным (например: /visrai/ visre 'все' — именная форма, но /visraṇām/ visraṇam — род. п. мн. ч. 'всех' — именная форма). Поэтому они не выделяются четко в особый класс слов.

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Засвидетельствованные формы таковы:

1-е лицо		2-е лицо	
		Ед. ч.	
Им. п.	/azam/ azəm, a z ə m	/tuvam/ tvəm, tūm(tū)	
Вин. п.	/mām/ maṃ	/tvām/ θvaṃ	
Род. п.	/mana/ mana	/tava/ tava, ta v ā	
Отл. п.	/mat/ maṭ	/tvat/ θwaṭ, θwāṭ	
Дат. п.	/mabya/ m a i b y ā, mavoṃya /mabyaṣ/ mai- byō	/tabya/ taiḃya /tabyaṣ/ taiḃyō	
Инстр. п.		/tva/ θwā	
		Дв. ч.	
Вин. п.	/āvā/ ə ā v ā		
Род. п.		/yavākam/ yavākəm	
		Мн. ч.	
Им. п.	/vayam/ vaēm	/yuš-am/ yužəm	
Вин. п.	/ahma/ ahmā, ə h m ā		
Род. п.	/ahmākam/ ahmākəm	/yušmākam/ yušmākəm /xšmākam/ xšmākəm	
Отл. п.	/ahmat/ ahmaṭ	/yušmat/ yušmaṭ, /xšmat/ xšmaṭ	

Дат. п. /ahmabyā/ ahmaibyā /yušmabyā/ yušmaibyā, (yuš-
/ahmāi/ ahmāi maoyō), /xšmabyā/ xšmaibyā
(xšmavoya)

Инстр. п. /xšmā/ xšmā

Имеются также следующие энклитические формы:

Ед. ч.

Вин. п. /mā/ mā /lvā/ θwā
Дат. п., род. п. /mai/ mē, mōi /tai/ tē, tōi

Дв. ч.

Род. п. /nā/ nā

Мн. ч.

Вин. п. /nāš/ nā /vāš/ vā
Вин. п., дат. п., род. п. /naš/ nō, nā /vaš/ vō, vā

Употребление энклитических форм такое же, как у указательных местоимений, т. е. после первого слова предложения, независимо от того, знаменательное ли это слово или служебное (союз, предлог, преверб, частица).

Корни личных местоимений без труда узнаются как индоевропейские. Однако сама система форм — специфически индоиранская, а некоторые образования представляют отличия и от древнеиндийских: /az-am/ azəm, др.-перс. adam, др.-инд. aham, курдск. аз, слав. азъ, как предполагают, из и.-е. *ǵh (из-за инд. h) и, таким образом, оно не дает точного соответствия с гр. ἐγώ. Элемент '-am/ в /az-am/ знаком уже нам из указательных местоимений /au-am, iu-am/. Он же присутствует в /tuv-am/, /vau-am/, /yuš-am/.

Основы косвенных падежей /ma-/ , /ta-/ продолжают индоевропейские, а формы /mana/, /tava/ соответствуют славянским *мене*, *тебе* (< *teve). Остальные формы имеют индоиранские окончания, причем ав. /tabyā/ сохранило более древнюю форму, чем др.-инд. tubhyam, но, с другой стороны, др.-инд. maḥyam 'мне' соответствует, как будто, лат. mihi, тогда как авестийская форма /mabyā/ имеет то же арийское окончание, что и /tabyā/.

/vau-/ , /yuš-/ связано с формами германских и балтийских языков. Основы косвенных падежей «мы» и «вы» имеют знакомый уже нам из указательных местоимений элемент *sma, встречающийся и в гр. ἡμεῖς, ὑμεῖς, прибавляемый к основам /n(s)-/, /u(s)-/ : /nsma-/ , /ahma-/ , /usma-/ , /{y}ušma-/ , /{u}šma-/ , /xšma-/.

Те же первичные основы с средней и долгой ступенями, огласовки /naš : nāš/, /vaš : vāš/, живущие в качестве энклитик, вполне соответствуют русским формам. Энклитики /mai/, /tai/ также соответствуют славянск. *ми*, *ти*, гр. μοι, τοι (атт. σοι).

Отсутствие форм некоторых падежей среди засвидетельствованных тонических форм объясняется в значительной степени широким употреблением энклитик.

Притяжательность выражается обычно родительным падежом местоимения, тоническим, или, чаще, энклитическим. Но есть и притяжательные местоименные прилагательные /ma-/ ma- 'мой', /tva-/ θva- 'твой', /ṣva-/ hva-, hava-, ха-, др.-инд. sva- 'свой', /ahmāka-/ ahmāka- 'наш', /yuṣmāka-/ /xsmāka-/ yuṣmāka-, xsmāka- 'ваш'.

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Числительные не составляют, строго говоря, особой части речи, но некоторые из них не могут быть включены ни в какую другую часть речи, чем и оправдывается их традиционное отдельное рассмотрение.

Засвидетельствованы следующие формы количественных числительных:

1 /ai-va-/: им. п. м. р. aēvō,	10 /dasa/ dasa
вин. п. oūm, ōim, yēm;	15 /pančadasa/ pančadasa
ж. р. /aivā-/	16 /xšvašdasa/ xšvašdasa
2 /dva-/: им. п. м. р. /duva/	20 /visati/ visaiti
dvā; им. п. ж. р. /duvai/	30 /θrisatam/ θrisatəm
duye	40 /caḍvarsātam/ caḍwarasa-
3 /tri-/: им. п. м. р. /θrayaṣ/	təm
θrayō; им. п. ж. р. /tišraṣ/	50 /pančasatam/ pančasatəm
tišrō; им. п. ср. р. /tri/ θri	60 /xšvaštīm/ xšvaštīm
4 /ḥatur-/: им. п. м. р. /caḍ-	70 /haptātīm/ haptātīm
vāraṣ/ caḍwārō; им. п. ж. р.	80 /aštātīm/ aštātīm
/ḥatāhraṣ/ ḥatāgrō	90 /navatīm/ navaitīm
5 /panča/ panča	100 /sata-/: им. п. ср. р. satəm
6 /xšvaš/ xšvaš	1000 /hazahram/: им. п. ср. р.
7 /hapta/ hapta	hazagrām
8 /ašta/ ašta	10000 /baivar/ baivar.
9 /nava/ nava	

«Один» склоняется как местоимение: /ai-va-/ соответствует гр. ὁ(ς) 'единственный', но расходится в суффиксе с др.-инд. e-ka-; н.-перс. yak < ēvak < ai-va-ka-. Им. п. м. р. /ai-vaṣ/ aēvō, вин. п. /ai-vaṣ/ oūm, ōim, yēm; отл. п. /ai-vaḥmāt/ aevaḥmāt и т. д.

«Два», «три», «четыре» склоняются как имена соответствующего класса и числа:

/duva-/ 'два' (такой вид предполагает новоперсидское du и авестийское dva-; /dv°/ дало бы db°, ṭb° или b°): им. п. м. р. /duva/ dva, род. п. /duvayāṣ/ dvayā; им.; вин. п. ж. р. /duvai/ duye; /tri-: tri-/ 'три', ж. р. /tišr-/ , др.-инд. tri-, tisr- (кроме индоиранского, форма женского рода сохранилась только в кельтском): им. п. м. р. /trayaṣ/ θrayō (тадж. се), ср. р. /tri/ θri, ж. р. /tišraṣ/ tišrō, род. п. ж. р. /tišrām/ tišrām;

/čatur-: čaṭvar-/ 'четыре', ж. р. /čataśr-/: им. п. м. р. /čaṭvāraṣ/ čaṭwārō (н.-перс. čahār), вин. п. /čaturas/ čaturē, род. п. /čaturām/ čaturam, им. п. ж. р. /čatahraṣ/ čataṇrō.

Числительные от «пяти» до «десяти» неизменяемы (первоначально) по родам и падежам: /pañča/ pañča 'пять', гр. πέντε, н.-перс. pañj; /xšvaš/ xšvaš 'шесть' предполагает инд.-ир. *svaks; др.-инд. ṣaṭ предполагает *saks. Но н.-перс. šaš может восходить и к тому, и к другому.

/hapta/ hapta 'семь', др.-инд. sapta. н.-перс. haft, гр. ἑπτὰ, н.-е. *septm.

/ašta/ ašta 'восемь', др.-инд. aṣṭa, н.-перс. hašt, гр. ὀκτώ < н.-е. *oktō (первоначально форма двойственного числа).

/nava/ nava 'девять', н.-перс. nuh, гр. -ἐννε-(ἦ)α < н.-е. *neum.

/dasa/ dasa 'десять', н.-перс. dah, гр. δέκα < н.-е. *dekp.

В Авесте (как и др.-инд.) встречаются и формы склонения: pañčapaṣ 'пяти', paṇapaṣ 'девяти'. С другой стороны, изменяемые числительные начинают приобретать застывшие формы: им. п. м. р. /čaṭvāraṣ/ čaṭwārō 'четыре' в значении им. п. ж. р., вместо /čatabrah/ čataṇrō.

Числительные от «одинадцати» до «девятнадцати» образуются простым сложением. Засвидетельствованы: pañčadasa 'пятнадцать', xšvaśdasa 'шестнадцать'.

Числительные, обозначающие десятки от 20 до 50, образуются из единиц + /sat-/ < пр. *sat- < н. е. *(d)kmt.

Числительное «двадцать» имеет застывшую форму женского рода /vi-sat-i/ vīsaiti, н.-перс. bīst.

Числительные, обозначающие десятки от 30 до 50, встречаются, как правило, в форме застывших аккузативов /tri-sat-am/ ʔrisatəm, /čaṭvar-sat-am/ čaṭwarəsatəm, /pañča-sat-am/ pañčasatəm; н.-перс. si, čihil, pañjāh предполагают свойственные древнеперсидскому формы *ʔri-ṭat-, čaṭvar-ṭat-, pañcā-ṭat.

Числительные, обозначающие десятки от 60 до 90, образуются от единиц суффиксом /-tīm/ и также застывают в форме аккузативов: /xšvaš-tīm/ xšvaštīm 'шестьдесят', н.-перс. šašt; /hapta-tīm/ haptāitīm 'семьдесят', н.-перс. haštād; /ašta-tīm/ aštāitīm 'восемьдесят', н.-перс. haštād; /nava-tīm/ navaitīm 'девяносто', н.-перс. navad.

Единицы с десятками сочетаются по образцу /pañča-ča vīsati/ pañčača vīsaiti 'двадцать пять',

Обычными именами среднего рода являются /sata-m/ satəm 'сто', др.-инд. śatam, н.-перс. sad, лат. centum, н.-е. *(d)kmtom; /hazahra-m/ hazarəm 'тысяча', н.-перс. hazār, др.-инд. sahasram; /baivar-/ /baivan-/ baēvar-, baēvan- 'десять тысяч', н.-перс. bēvar.

Сотни выражаются или простым сочетанием — /duvai satai/ duve saite 'две сотни', или образуют композиты xšvaš-sata- 'шестьсот', nava-sata- 'девятьсот'.

ПОРЯДКОВЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

«Первый», как и в других индоевропейских языках, представляет особое прилагательное со значением «передний»: /ṛa-tara-/ им. п. ед. ч. м. р. *ṛatarō* 'первый из двух', гр. *πρότερος*, /ṛa-tama-/ *ṛatamō* им. п. ед. ч. м. р. 'первый из многих', др.-инд. *prathamāḥ*; /parvya-/ *parivū* им. п. м. р., ср. русск. *первый*.

«Второй» — «десятый» образуются от соответствующих количественных суффиксами /-ya/, /-īya/, /-ḍa/, /-ma/:

/dvitiya/ (суфф. /-īya/, а не /-ya/ из-за др.-инд. *dvitīya*, н.-перс. *digar* < *dudigar* < **dvitīya-kara-*; /-tya/ дано бы в Авесте -*ḍya, в др.-перс. -*šya-) *bitya-*, *daibitya-* 'второй';

/tritiya/ *ṭritya-*, в др.-инд. *ṭṛitīya-* 'третий';

/(k)tūrya- *tūriya-*, др.-инд. *tūriya-*, *turya-* 'четвертый';

/pañḍa-/ *pañḍa-*, др.-инд. *pañcama-* 'пятый';

/ṣṣṭva-/ (**ṣvṣṭa*) /ṣṣṭva-/ , др.-инд. *ṣaṣṭha* 'шестой';

/haptaḍa-/ *haptaḍa-*, др.-инд. *saptattha* 'седьмой';

/aṣṭama-/ *aṣṭama-*, др.-инд. *aṣṭama-* 'восьмой';

/navama-/ *navama-*, др.-инд. *navama-* 'девятый';

/dasama-/ *dasama-*, др.-инд. *daśama-* 'десятый'.

Для порядковых числительных «одиннадцатый» — «девятнадцатый» берутся соответствующие количественные и склоняются как основы на -a: *pañcadasa-* 'пятнадцать', *pañcadasa-* 'пятнадцатый'.

Все порядковые числительные склоняются как тематические прилагательные.

ЗНАЧЕНИЯ ФОРМ ИМЕННОГО СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ

РОД

О предшествующем индоиранскому состоянию рационального распределения форм рода существительных можно только догадываться [см. например: Ефимов 1975, 7—40]. Сохранились лишь единичные традиционные индоевропейские родовые противопоставления типа /asman-/ *asman-* 'небо' — м. р., /zam-/ *zam-* 'земля' — ж. р. Живые же противопоставления рода сохранились лишь при существительных, обозначающих живые существа, соответственно с противопоставлениями пола: /aspa-/ *aspa-* 'конь', /aspā-/ *aspā-* 'кобыла'; /dātar-/ *dātar-* 'податель' /dāḍrī-/ *dāḍrī-* 'подательница' и т. д.

Род определяется иногда суффиксом основы. Так, основы на /-tar/, /-van/ всегда мужского рода; /zau-tar-/ , им. п. *z a o t a* 'жрец', /aḍar-van-/ , им. п. *aḍarva* 'жрец'.

Суф. /-ḍna/, /-ḍva/, /-ḍra/ и др. (см. стр. 165) дают имена среднего рода. Суф. /-ah/ может давать основы мужского рода [Ефимов 1975, 14] только в адъективных композитах.

Основы, где единственный суффиксальный элемент — тематический гласный, могут быть мужского или среднего рода. Формы рода различаются в именительном падеже ед. числа и некоторых падежах дв. и мн. чисел.

К женскому роду относятся имена с суф. /-ti/, /-tāt/: /išti-/ 'сила', /arštāt-/ — имя божества справедливости, а также основы на /-ā/ и /-ī/, часто соотносящиеся с мужскими основами на /-a/ и согласный: /aspa-/: /aspā-/ 'конь', 'кобыла', /napat-/: /napti-/ 'внук', 'внучка'. Основы, где /-ā/ — суффиксальный элемент, не следует смешивать с основами, исходящими на корневое /-ā/ [Ефимов 1975, 13]. Такие основы действительно могут быть и мужского и среднего рода: /raðai-štā-/ — м. р. 'воин', корень /sta-/: /spā-/ — ср. р. 'благоденствие', корень /sva-/. Они отличаются от основ женского рода на /-ā/ и склонением: род. п. ед. ч. /raðaištāh/ raðaeštā при женском роде /dainayāh/ daēnayā, следовательно, относятся к другому типу.

Род имен остальных типов устанавливается исключительно по согласованию.

Потеря семаггического обоснования форм рода приводит к их смешению. Одно и то же имя иногда выступает в формах двух родов: /mṛga/ mərəγō — им. п. м. р. и mərəγəm — им. п. ср. р. 'птица'; причем в одном и том же пассаже [Vd. 5.1—4]. Другие примеры: мужской и женский род — /rað-/ 'дорога', /vāk-/ 'голос'; мужской и средний род: /madya-/ 'середина'; мужской и женский род: /tanū-/ 'тело'; средний и женский род: /kṛp-/ 'тело' [большее количество примеров см. Reichelt 1909, 219]. Это может означать начало тенденции к исчезновению категории рода, а так как эта тенденция проявилась, главным образом, в западноиранских языках, то это согласуется с мнением, что если древнейшие истоки Авесты надо искать в восточноиранской среде, то последующее развитие традиции происходило на западе Ирана.

ЧИСЛО

Для форм мн. числа можно отметить следующие специфические случаи употребления:

1) мн. число отвлеченных имен: /tamas-ča/ t ə m a s č a — вин. п. мн. ч. ср. р. 'темнота', /uparatātah/ uparatātō — вин. п. мн. ч. ж. р. 'превосходство':

2) мн. число имен собственных для обозначения а) рода: /spitamāhah/ spitamāṇhō — зв. п. мн. ч. м. р. 'потомки Спитама' от /spitama-/ или б) коллектива: /mazdāh ahurāhah/ mazdā ahurāṇhō — им. п. мн. ч. м. р. Ахура Мазда (и другие божества).

Дв. число, как правило, хорошо прослеживается при обозначении парных предметов (особенно частей тела): /ašibya/ a š i b y ā — истр. п. дв. ч. 'глазами', /zastaihya/ zastaēihya 'руками'; но иногда оно уже замещается формами мн. (если мы не имеем дело с позднейшими искажениями); bāzava auruša aspō. staoyehiš 'руки

белые, толще лошадиных (ног) [Yt. 5.7], где /bāzavā/ 'руки' — им. п. дв. ч., /arušā/ 'белые' — им. п. дв. ч., /aspa-stavyahiš/ — им. п. мн. ч.

ПАДЕЖИ

Именительный падеж

Именительный падеж имеет обычные значения:

1) субъекта: ašm /artam/ (им. п. ед. ч. ср. р.) vohu vahištəm asti 'Арта есть лучшее добро';

2) предикативного члена: /vahu/ vohu — им. п. ед. ч. ср. р., 'добро' в том же предложении. Но не только со связкой, а и с некоторыми другими глаголами: yā mē vaēnaite huraōda /hurauda/ (им. п. ед. ч. ж. р.) 'которая была мной увидена прекрасною', глагол /vainā-/ 'видеть'; nōi tē a u e m a n g rō /ahrah/ (им. п. ед. ч. м. р.) m a i n u e t ē 'не должно ли думать о нем как о злом', глагол /manya-/ — пассив от 'думать' и др. [см. Reichelt 1909, 225]; aēša druxš . . . aš.aojastara /aš-aujastarā/ (им. п. ж. р.) varədayeite yađa para ahmāt 'эта Друг становится сильнейшей, чем была до этого' [Vd. 9.48], глагол vardaya- 'расти', 'становиться'.

Некоторые прилагательные и причастия в именительном падеже могут иметь адverbиальное значение: kahmāi paōiryō /parvyaš/ mašyāpam arəzə tūm yō ahurō mazdā anyō /anyaš/ mana yašt za- gađuštrāi 'с кем впервые из людей беседовал ты, о Ахура Мазда, кроме меня, Заратустры?' [Vd. 2.1]; fraš /frānš, frānč-š/ ayanhō frasparašt yaēšyantim āram parāñhāt; paraš /parānš, parānč-š/ tarštō aratačāt naire.manā kərəsāspō 'вперед ринулся от котла, кипящую воду опрокинул; в сторону в испуге отступил мужественный Крса-сна' [Y. 9.11]; ср. аналогичное употребление именительного падежа в древнегреческом.

Звательный падеж

Звательный падеж имеет форму, отличную от именительного лишь в единственном числе и то не при всех типах основ. Однако и здесь он иногда вытесняется формой именительного падежа: vispe tē ahurō mazdā /ahurah mazdāh/ (им. п.) hvārō /hvārah/ (зв. п.) dāman yazamaide 'мы почитаем, о Ахура Мазда, творящий добро, все твои творения' [Y. 71.10]. Именительный падеж определяемого при звательном падеже определения встречается и в других пассажах, например: druxš /drug-š/ (им. п.) daēvō.čidre /dai-vačidrai/ (зв. п.) 'Друг (демоническое существо женского пола) девовского корня'.

Винительный падеж

1) Обычное значение прямого объекта: kərəsāspō . . . janašt snavidkəm /snavidkam/ (вин. п.) 'Крсап убил Сनावидку' [Yt. 19.43].

2) Винительный цели и направления: kam zām /kām zām/ (вин. п. ж. р.) ā u e n i 'в какую землю мне идти' [Y. 46.1].

3) Винительный содержания (типа русского «думу думать», «горе горевать»): *paōiryaṃ gərəzāṃ /grzām/* (вин. п. ж. р.) *gəgə-zaēta ašiš* 'первой жалобой пожаловалась Арти' [Yt. 17.57].

4) Двойной винительный в случаях:

а) если глагол может иметь прямое дополнение лица и предмета: *iməṃ /imam/* (вин. п.) *ḍwaṃ /ḍvām/* (вин. п.) *paōirīm yāṇəṃ /parvyam yāṇam/* (вин. п.) *haoma jaiḍyemi* 'этот у тебя первый дар, о Хаума, я прошу' [Y. 9.19]; *taṭ /tat/* (вин. п. ср. р.) *ḍwā /ḍva/* (энкл. вин. п.) *reḡəṣā* 'то я у тебя прошу' [Y. 44.8];

б) если одно из имен, сочетаясь в винительном падеже с глаголом, составляет устойчивое словосочетание типа новоперсидского сложного глагола с переходным значением: */skanda-/* 'разрушение', */skandam kṛnu-/* 'разрушить': *skəndəṃ /skandam/* (вин. п.) *šē maṇō /maṇah/* (вин. п.) *kəḡəṇūḍi* 'сломи его дух' [Y. 9.28];

в) предикативный винительный (типа: «избрали Кира-царя», «сущую богородицу ты величаем»): *tūn zəmarḡūzō /zamar-gūzah/* (вин. п. мн. ч.) *akəḡəṇvō vispe daēva* (слово */vispai/* в форме именительного падежа местоименного склонения вместо винительного — нередкое явление, */daiva/* — так же) 'ты сделал всех дэвов прячущимися под землей' [Y. 9.15]; *mā dīm /dim/* (энкл. местн. вин. п.) *mṛūṣā adḡavanəṃ /adḡavanam/* (вин. п.) 'не называй его жрецом' [Y. 18.1].

5) Винительный протяжения (в пространстве и времени): *dīm adāṭ vyeiti... hāḍṛō.masarəṇəṃ adwanəṃ /hāḍramasaham advanam/* (вин. п.) 'отгоняет его оттуда на расстояние величиной в */hāḍra-/* (мера расстояния, предположительно равная миле, */masah-/* 'величина') [V. 2.26]; *ḡri.ayarəṃ ḡri.xšapanəṃ /ḡri-ayaram ḡri-xšapanam/* (вин. п.) 'три дня и три ночи' [Yt. 5.62].

6) Винительный отношения: *avavaiti masō /masah/* (вин. п.) 'такая величиной' [Yt. 5.3]; *ḡvat draḷō /drajah/* (вин. п.) 'каково длиной' [V. 3.16]; *x'arəṇō /hvarnah/* (вин. п.) *x'arəṇaḡuhasəṃ* 'в отношении фарра — обладающий фарром в наибольшей степени'.

7) Винительный абсолютный типа: *yaṭ aṭe yōi mazdayasna pāda ayantəṃ /pādā/* (инстр. п.) */ayantam/* (вин. п. причастия) *vā barəṇnəṃ /barəṇnam/* (вин. п. причастия) *vā vazəṇnəṃ /vazəṇnam/* (та же форма) *vā taṭi.arəya nasāum frajasəṇ* 'если маздаясны, идя ли пешком, едучи ли верхом, будучи ли везомыми, в текущей воде найдут мертвое тело...' [V. 6.26].

Однако, такое употребление встречается только у винительного падежа причастий, и логичнее рассматривать его в системе отглагольных имен.

Родительный падеж

1) Родительный притяжательный.

Значения:

а) атрибутивное: *puḍra ahurahe /ahurahya/* 'о сын Ахуры'; *tūm zaraḡuštra nmānahe /nmānahya/* *pouruśaspahe /paruśaspahya/* 'ты,

Заратуштра, (из) дома Парушаспы' (первый родительный к /zara-
đuštra-/ , второй к /nmāna-/) [Y. 9.13]; vispanāṃ dahyunaṃ /vispa-
nām dahyūnām/ paraṃ /parām/ ašaonaṃ fravašayō yazamaide 'мы
почитаем Фраварти правоверных людей всех стран' [Yt. 13.145];

б) предикативное: yeŋhe /yahya/ hazanrēm vairyanāṃ 'у кото-
рого тысяча притоков' [Yt. 5.5];

2) разделительное (Genitivus partitivus) при различных частях
речи: ... yō mazištō yazatanāṃ /yazatanām/ yō vahištō yazatanāṃ
/yazatanām/... 'который величайших из богов, который лучший
из богов' [Yt. 17.16]; kahmāiçiṭ hatām /hatām/ 'каждому из су-
щих' [V. 35.8]; θrisatēm aiwi.gāmanāṃ /abi-gāmanām/ 'тридцать
лет' [Yt. 19.29]. Может употребляться в значении субъекта:
urvaranāṃ zairi.gaonaṃ /urvarānām zari-gaunānām/... paili
zēmāda uzuxšyeinti 'золотистые цветы вырастают из земли'
[Yt. 7.4.] Ср. употребление в новоперсидском имени с предлогом

az в качестве предикативного члена; ura. θwarəšti urvaranāṃ
/urvarānām/ 'рубят деревья' [V. 9.2]; yezi nōiṭ sūnō vā vayō vā
aēlanḥam astām /aitāhām astām/ avi apāmčā urvaranāṃčā /apām,
urvarānām/ barəntēm (абсолютив) frajasan 'чтобы собаки и птицы
не приблизились к воде и растениям, неся эти кости' [V. 6.46—47].

Сюда же примыкает употребление родительного падежа при
некоторых глаголах: /manya-/ 'думать', aša hyā /rtahya/ ma-
nyāi 'буду думать об Арте' [Y. 43.9].

3) субъектное (Genitivus subjectivus): tbišvatām /dvišvatām/
tbaēšā 'враждебность врагов'; tēmanḥam /tamahām/ vā aiwi. gatō
'при наступлении темноты' [Y. 8.4].

4) объектное (Genitivus objectivus): dātara gaēdanāṃ astvaitināṃ
/gaīdanām astvatinām/ 'о, создатель материальных жизней' [Vd.,
passim]; dayā pouru.sraxštīm tbišyantām /dvišyantām/ 'дай нам
способность издаться замечать врагов' [Y. 57.26].

5) значение «для» (Genitivus commodi): aṭ fravaḥšyā aṭ-
hāuš ahyā /ahauš ahyā/ vahištēm 'и вот я скажу о лучшем
для этого мира' [Y. 45.4]; ср. из последующего стиха Гат: hyaṭ
marətaēibyō /martaiyah/ (дат. п. мн. ч.) vahištēm 'то, что
лучшее для людей' [Y. 45.5].

6) родительный места и времени (Genitivus locativus): hamahe
ayaṇ /hamahya ayān/... hamayā vā xšarō /hamayāh xšarah/
'в тот же день... или в ту же ночь' [Yt. 8.54]; aiŋhā zēmō
/abyah zamah/ nikante spānasča irista... 'погрებაет в этой земле
мертвых собак п...' [V. 3.36].

7) Интересным с точки зрения дальнейшего развития глаголь-
ной системы иранских языков представляется употребление роди-
тельного (а не только инструментального падежа) для выражения
субъекта при пассивных причастиях на /-ta/: spəntām arma-
itīm θwahyā /θvahya/ mazda bəroχdām 'святую Армати,
тобой, о Мазда, ценимую' [Y. 34.9].

8) Родительный отложительный (Genitivus ablativus): iristēm
uzbarōiṭ arō /arah/ 'пусть он вынесет мертвого из воды'. Смещение

родительного и отложительного обычно. Для славянского Meïe [Meillet 1951, 373] видит совпадение этих двух падежей «уже эпохи общинноевропейского языка», однако для иранского можно скорее говорить о расчленении этих двух падежных форм, так как отдельная форма для аблатива нетематического склонения появляется только в Поздней Авесте.

Отложительный падеж (аблатив)

Об аблативном значении родительного падежа см. выше.

Примеры чистого аблатива: *us gəuš stuyē tayātača hazarətača /tayat-ča hazarəta-ča/* 'отказываюсь от воровства и грабежа скота' [Y. 12.2]; *gəurvaya hē rādavē /pādabyā/* (отл. п. дв. ч.) *zavarə* 'отними у его ног силу' [Y. 9.28].

Аблатив, близкий к родительному: *aṭ yuš daēvā akāt manarhō /akāt/* (отл. п.) */manahas/* (род. п. отл. п.) *stā čidrəm* 'вы же, дэвы, потомство («от») злой мысли' [Y. 32.3].

Специально аблатив употребляется при сравнении: *akāt /akāt/ ašyō /ašyāš/* (ср. п.) 'злее злого' [Y. 59.30].

Так же при прилагательных типа */anya-/* 'другой', */parva-/* (в композитах) 'первый': *anyō ahmāt /ahmāt/ yō janaiti* 'другой, чем тот, который ударит' [V. 5.34.]; *yā hēnti raoiryō.dāta ... asnātača arātača /asnāt, arāt/* (нерегулярные формы аблатива от нетематических основ — с долгим */āt/* по аналогии с тематическими) 'которые созданы раньше неба и воды' [Vr. 7.4.].

Райхельт [Reichelt 1909, 251] предполагает (как «auffallend») формы аблатива в значении «где?»: *zəməda* 'на земле' [Yt. 10.72; Yt. 14.31], *xšaθrāda* 'во время царствования (или в царстве?)' [Yt. 19.23]. Однако, если нельзя предположить особый послелог */dā/*, то во всяком случае послелог */ā/* с локативным значением хорошо известен.

Некоторые формы отложительного падежа застыли в качестве причастий: *durāt /durāt/* 'издали', *ahmāt /ahmāt/* 'отсюда' и др.

Дательный падеж

1) Обычные значения косвенного объекта: *mraoṭ ahurō mazdā spitamāi zaraθuštrāi /spitamāi zaratustrāi/* 'сказал Ахура Мазда Спитамене Заратуштре' [Yt. 5.1].

2) Значение *commodi*: *kahmāi /kahmāi/ mā θwarōždūm* 'для кого вы меня создали' [Y. 29.1].

3) Параллельно родительному объективному: *staotāča ahurāi /ahurai/* (дат. п.) *yəsnuyāča varhəuš manarhō /vahauš manabah/* (род. п.) 'восхваления Ахуре и молитвы Доброму духу' [Y. 30.1].

4) Значение цели: *tā nō jasəntu avanhe /avahai/* 'пусть же придут нам на помощь' [Yt. 13.146].

5) Экликтические формы местоимений родительного-дательного падежа могут иметь значение «*Dativus ethicus*»; *āaṭ mē /mai/*

aēm paityaoxta haomō . . . 'тут (далее букв. «мне») он ответил, Хаума' [Y. 9.2]. Ответил он не «мне», а Заратуштре. Такое употребление часто, и в этом случае энклитика, собственно, теряет значение падежной формы и становится частицей.

Инструментальный падеж

1) Первое значение — орудийность (собственно Instrumentalis): mā zam vaēnōiṣ ašibya /ašibya/ 'пусть он не увидит землю глазами' [Y. 9.29]; a θ ā ī š s a z d ū m s n a i θ ī š ā /snaθišā/ 'так отражайте их оружием' [Y. 31.18].

2) Совместность (Comitativus): a r m a i t i š m a i n y u /mahyu/ p r ē g s a i t i 'Армат беседует с духом' [Y. 31.1]; s a g ē m n ō v o h ū m a n a ṇ h ā /manahā/ 'соединенный с Богу Манак' [Y. 32.2]; t ā i š v i s p ā i š /taiš vispāiš/ č i n v a t ō f r a f r ā p r ē g t ū m 'со всеми теми я перейду мост Чинват' [Y. 46.10].

3) Признак и отношение: g ē u š k a h r p ā /kṛpa/ z a r a n y ō . s r v a h e 'в образе быка златорогого' [Yt. 8.16]; a m a /amā/ a h m i a m a v a s t o m ō 'силою я сильнейший' [Yt. 14.3]; v a č i m b a r a i t i . . . a h y ā z a g ē d ā č ā m a n a ṇ h ā č ā /zṛda-ča manahā-ča/ 'поднимает голос . . . по его сердцу и духу' [Y. 31.12].

4) Протяжение (Prosecutivus): h v a r ē a v a p a ḍ a /avā paḍā/ a ē i l i 'солнце идет тем путем' [Yt. 13.16].

5) Субъект пассивной конструкции: v o h ū m a n a ṇ h ā y e h y ā š y a o ḍ a n ā i š /syavḍanāiš/ g a ē θ ā . . . f r a d e n t ē 'с Добрыш Духом, чьими действиями укрепляются существа' [Y. 43.6].

6) Обращает на себя внимание непривычное и не вполне ясное употребление инструментального падежа как падежа подлежащего и прямого дополнения (а также звательного): t i š t r i m . . . y a z a m a i d e y i m v i s p ā i š /vispāiš/ p a i t i š m a r e n t e y ā i š /yāiš/ s p ē n t a h e m a i n y ō u š d ā m a ṇ /dāman/ (им. п. мн. ч. ср. п.), a ḍ a i r i . z a m ā i š č a /adari-zamāiš/ u p a i r i . z a m ā i š č a /upari-zamāiš/ y ā č a u p ā r a y ā č a u p a s m a . . . /yā-ča upārā yā-ča upasmā/ (им. п. мн. ч.) 'Тиштрые . . . поклоняемся, которого поминают все творения святого духа, подземные и наземные, и те, что в воде, и те, что в земле. . .' [Yt. 8.48]; v i n ō t b i š v a t a m t b a ē š ē b i š /dvaišah-biš/ v i m a n ō /manah/ (вин. п. ср. п.) b a r a g r a m e n t a m 'отдали от нас враждебность врагов, отдали замышления ненавистников' [Y. 9.28].

Обычно это — имена во множественном числе, имеющие однородные подлежащие или дополнения в именительном или винительном падежах, поэтому всю конструкцию можно понимать как комитативную, т. е. «поминают творения святого духа, вместе со всеми, подземными и наземными. . .», «отдали от нас вместе с враждебностью врагов замышления ненавистников», однако, есть и исключения. Во всяком случае, реальное существование такого употребления инструментального падежа в древнеиранских диалектах доказывается как обилием авестийских приме-

ров, так и древнеперсидскими параллелями: *garmapadahya mahya* 9 *raučabiš* *šakata aha* 'месяца Гармапада 9 дней прошло'.

Часто в этом значении встречаются в Гатах имена Амешаспентов: *ašim šya o θ a n ā i š v o h u /v a h u/ daidit m a n a ṇ h ā /manahā/* 'пусть по делам дает награду Боху Мапах' [Y. 43.16]. Была выдвинута остроумная гипотеза [M. Smith 1935], что для Заратуштры Амешаспенты не были самостоятельными сущностями, а лишь эмапациями или ипостасями Ахуры Мазды, т. е. приведенную фразу надо понимать: 'пусть Ахура Мазда в качестве Доброго Духа'. . . . Однако это не может объяснить других случаев употребления такого *instrumentalis subiectivus-objectivus-vocativus* [см. также: Pobožniak 1966].

Местный падеж

1) Основное значение — места и времени: *ahmi nmāne /ahmi nmānai/* 'в этом доме'; *aiwi.game /abi-gamai/* 'зимой'.

2) Близкое к основному партиитивное значение: *yə zaraθuštrəm marətaēšu /martaišu/ xšnāuš* 'кто из людей (= 'среди людей') ублажил Заратуштру' [Y. 46.13]; ср. «благословенна ты в женах».

3) Более отдаленное значение *commodi*: *yə čišča ahmi nmāne ahmi nmānai/*, *yə aiṇhe vīsi /auya vīsi/*, *yō ahmi zantvō /ahmi zantau/*, *yō aiṇhe daiṇhvō /ahya dahyau/ aēnaṇhā asti mašyō* 'человек, который враждебен этому роду, этому племени, этому дахью (союз племен)' [Y. 9.28].

Смещение падежных форм

Мы уже встречались с выражением одних и тех же значений различными падежными формами: родительный, дательный и местный в значении *commodi*, нечеткое различение функций родительного и аблатива, расширение функций инструментального падежа. Во многих случаях это — явления развивающейся флективной системы, где падежные формы имеют собственное полнозначное содержание, соотносящееся непосредственно с содержанием речи, а не с формальной синтаксической системой управления. Так, в случаях параллельного употребления родительного и аблатива следует видеть скорей не смешение этих падежей, а наоборот, процесс их расчленения, раздела функций между двумя падежами — чему соответствует и формальная их дифференциация — образование в нетематическом склонении особой формы аблатива, отличной от родительного, чего нет, например, в древнеиндийском и даже в диалекте Гат.

Но есть и другие случаи смешения падежей, которые (конечно, постольку, поскольку они не представляют результата «посмертного» развития Авесты) указывают и на противоположную тен-

денцию, также начинающую действовать в древнеиранских диалектах — тенденцию к распаду флективной системы. Сюда следует отнести смешение дательного-отложительного и инструментального падежей мн. числа: *tām yazāi huyašta yasna /huyaštā yasnā/* (инстр. п. ед. ч.) ... *zaōdrābyō /zaōdrābyah/* (дат. п., отл. п. мн. ч. вместо инстр. п.) 'я почту ее добросотворенной молитвой и возлияниями'; и наоборот: *haomō aēibiš /aibiš/* (инстр. п. мн. ч.) *yōi aurvantō hita taxšonti arēnāum, zāvarē aojašča baxšaiti; haomō āzīzanāitibiš /āzīzanatibiš/* (инстр. п. мн. ч.) *dađaiti xšaētō.pudrīm* 'Хаума тем, которые, стремительные, правят колесницами на поле битвы, дарует силу и мощь; Хаума роже-ницам дает славных сыновей (букв. «славносыние）」 [Y. 9.22] (инстр. п. мн. ч. вместо дат. п. мн. ч.).

Наиболее характерное и часто встречающееся из такого рода смешений — неразличение форм именительного и винительного падежей, особенно во мн. числе. Формальный повод для такого смешения могли дать формы нетематического склонения без чередования основы, но примеры можно привести для основ всех типов: *gravašayō yazamaide* 'поклоняемся фраварти' (мн. ч.), */fravartayas/* — форма именительного падежа при нормальной форме винительного */fravartiš/*; *yađōit dim avazanañ... sūñō* 'чтобы его... нашли собаки' [V. 6.45]. Здесь, наоборот, в значении именительного падежа вместо нормального */sraṇas/* употреблена форма винительного падежа */sūnaš/*.

Часто смешение родительного и дательного падежей, например, в уже приводившемся примере *staotācā ahurāi /ahurai/* (дат. п.) *yēsnuācā vanhēuš manahō /vahauš manahah/* (род. п.) 'восхваления Ахуре и молитвы Доброму Духу' [Y. 30]. Купер [Kuiper 1964] предлагает, в соответствии с гипотезой Андреаса о поздней вокализации неогласованного первоначально текста Авесты, видеть здесь в исходе дательного падежа -āi ошибку вместо -hya по сходству начертания алефа и h (т. е. у вместо hy). Но дело в том, что «чередуются» не только -āi и -hya, но и другие исходы дательного и родительного падежей: *nivaēdayemi hankārayemi dađušō ahurahe mazdā /dađušah ahurahya mazdāh/* (род. п.) 'я посвящаю и исполняю молитву творцу Ахуре Мазде' [Y. 1.1]; и рядом: *nivaēdayemi hankārayemi vanhaye manahē ašāi vahistāi /vahavai manahai artāi vahistāi* (дат. п.) 'Доброму Духу, наилучшей Арте' [Y. 1.2]. Так же во мн. числе: *hya t marətaēibyō /martaibyah/* (дат. п.) *vahištəm* 'то, что наилучшее для смертных' [Y. 45.5] и *anhēuš ahyā /ahauš ahyā/* (род. п.) *vahištəm* 'лучшее для этого мира' [Y. 45.4].

Возможно, здесь отражается реальная борьба между сферой дательного и родительного падежей, которая привела в западноиранских языках к победе родительного (-ān), в некоторых восточных — дательного (-ēv).

Наиболее часты смешения падежей в Видевдате и Виспрате. Трудно сказать, что здесь от реального развития языка, а что —

от простых ошибок (ср. язык поздних ахеменидских надписей). Более серьезное разрешение этого вопроса, как и вопроса о разное в парадигмах склонений зависит от успехов работы по критике текста Авесты.

Предлоги

Предлоги представляют более или менее полнозначные и самостоятельные слова типа наречий. Многие из них употребляются также в качестве провербов, причем не всегда можно строго разграничить эти два употребления: *asmanəm avi frašusāni, zām avi ni.urvisyāni* 'на небо мне пойти, к земле мне обратиться?' [Yt. 17.57]. Здесь возможно понимать */asmanam avi, zām avi/* как предложные конструкции «к небу», «к земле», но можно отнести */avi/* и к глаголу — */avi-fra-šusa-/* 'направиться' — для имени же, как мы знаем, значение направления достаточно выражено формой винительного падежа.

Вообще, сочетания полнозначного предлога с полнозначным падежом представляют, естественно, большое разнообразие и не являются еще взаимообусловленными, строго определенными сочетаниями. Так, «предлог» — в данном случае термин неточный: он может быть и «послелогом»: *asmanəm avi /avi/* 'на небо, к небу' — может встречаться между определением и определяемым: *darəzəmčī ai ri /ari/ zrvānəm* 'в течение долгого времени'.

Иногда предлог и падежная форма лишь повторяют одно и то же значение: *araxtarāt haša naēmāt* 'с северной стороны' [V. 19.1]. Здесь значение исходности заключено и в предлоге */haša/*, н.-перс. *az* 'из, от' и в форме аблатива */araxtarāt naimāt/*, которая может выражать то же значение и без предлога: *upa dvasaiti araxəraēibuyō naēmaēibuyō /araxtraibyaš naimaibyaš/* 'прилетают с северных сторон' [Y. 7.2]. Свое значение эта форма может сохранить и при другом предлоге, который будет играть тогда второстепенную роль в создании общего значения сочетания: *haraīdyāt paiti barəzəuhat* 'с высокой (горы) Харати' [Yt. 10.51]. Здесь значение исходности заключено в форме аблатива */haratyāt barzahat/*, а предлог */pati/* имеет неопределенное пространственное значение. В других случаях центр тяжести значения падает, наоборот, на предлог, а второстепенная роль выпадает на долю падежа: *haša ušastara hēndva* 'от восточной Индии' [V. 1.18]. Исходность здесь в предлоге */haša/*, а инструментальный падеж */ušastarā hindvā/* сам по себе такого значения не имеет.

При таком положении твердых правил предложного управления падежами в языке не обнаруживается. Посмотрим, например, с какими падежами может сочетаться один из наиболее употребительных предлогов */pati/ paiti*:

с вин. п.: *xšayata paiti būmīm /pati būmīm/* 'царствовал на земле' [Yt. 19.26];

с род. п.: *paiti ainhā zəmə* /*pati ahyāṣ zamaṣ*/ 'на этой земле' [Yt. 19.1];

с отл. п.: *haraiḍyāt paiti barəzanhaṭ* /*haraṭyāt pati barzahat*/ 'с высокой Харати' [Yt. 10.51];

с дат. п.: *bawrōiš paiti daiṇhaove* /*pati dahyavai*/ 'в стране Вавилона' [Yt. 5.29];

с инстр. п.: *paiti āya zəma* /*pati āyā zamā*/ 'на этой земле' [Yt. 19.21];

с мест. п.: *vispāhu paiti barəzāhu* /*vispāṣu pati barzāṣṣu*/ 'на всех вершинах' [Yt. 10.45].

Таким образом, этот предлог сочетается со всеми косвенными падежами — но все-таки с одними очень часто (винительный), с другими — крайне редко (дательный).

Предлоги-превербы (примеры превербального употребления в разделе о глаголе).

/*ari*/ *airi*, др.-инд. *ari*, др.-гр. *ἐρί*:

1) *vispāmēiṭ airi* /*ari*/ *imaṃ zaṃ* 'через всю эту землю' [Y. 57.33]; *darəzəncēiṭ airi* /*ari*/ *zrvānəm* 'в течение долгого времени' [Y. 62.3];

2) *kəm kəm airi* /*ari*/ *nmāne* 'у каждого в доме' [Yt. 5.102].

/*abi*/ *aiwi*, *avi*, *aoi*, *aibī*, др.-инд. *abhi*:

1) направление: *yō vazaitē avi* /*abi*/ *zrayō*... 'который полетит к морю...' [Yt. 8.6];

2) место: *avi* /*abi*/ *maḍəme vāstre* 'в середине пастбища'.

3) отвлеченно: *fərasayāi aibī θwāhū gaēθāhū* 'для расспросов о твоём имуществе' и т. д. [Y. 43.7].

/*anu*/ *anu*, *anu*, др.-инд. *anu*; *vispanam anu* /*anu*/ *maḍrəm* 'по решению всех' [Yt. 5.93].

/*antar*/ *antarə*, др.-инд. *antar*, н.-перс. *andar*, лат. *inter* и т. д. *antarə* /*antar*/ *zaṃ asmanəmčə* 'между землей и небом' [Y. 68.15].

/*ava*/ *ava*, *avā*, др.-инд. *ava*; *ātrəm aiti. barəp ava* /*ava*/ *aētəm* *nmānəm* 'пусть они принесут огонь в этот дом' [V. 5.41].

/*ā*/ *ā*, др.-инд. *ā* — многозначный предлог места, времени и отвлеченных значений: *hāvanīm ā* /*ā*/ *ratum ā* /*ā*/ *haomō upāt* *zaraḍiṣtrəm*... 'во время Хавани Рату подошел Хаума к Заратустре:...' [Y. 9.1]. Неясно, второе /*ā*/ — предлог-последлог или второй преверб к глаголу /*upa-ai-t*/; *frayāi vahištəm ā* /*ā*/ *abūm* 'чтобы идти в рай' [V. 18.29]; *aišam ā* /*ā*/ *paourva* 'первый из них' [Y. 30.7]; *taṭ θwā pərəsā nēmanhō ā* /*ā*/ 'это я спрашиваю у тебя о молитве' [Y. 44.1]; *yāišā* 'как'.

/*upa*/ *upa*, *upā*, др.-инд. *upa*, др.-гр. *ὑπο*: *upa* /*upa*/ *zrayō* *vorukašəm* 'у озера Варукарта' [Y. 5.116]; *upa* /*upa*/ *ušāṇhəm* 'на заре' [V. 18.15]; *aišā rāmyaṭ iḍa upa* /*upa*/ *imaṭ nmānəm* 'пусть Арти покоится в этом доме' [Y. 10.1].

/*pati*/ *paiti*, *paitī*, др.-гр. *πῶτι*, перс. *ba* (возможно, контаминация с /*upa*/): примеры выше.

/*tarah*/ *tarō*, *tarə*, др.-инд. *tirah*; *tarō* /*tarah*/ *yārə* 'через год, в течение года' [V. 8.33].

/tarasčā/ tarasča, др.-инд. tarasca: haurvaṃ tarasča xšapanəm 'всю ночь напролет' [Yt. 10.118].

/parah/ parō, parā др.-инд. parah: hambəṛəṭwam parō /parah/ yavahe 'кроме полного урожая хлеба' [V. 3.27].

/pari/ pairi, pairi, др.-инд. pari, др.-гр. περι: dyūm gaokərə-nəm pairi /pari/ 'вокруг одного дерева гаукрна' [V. 20.4]; darəṇəm-čī pairi /pari/ zrvānəm 'в течение долгого времени' [Yt. 13.53]; drəgvasū pairi /pari/ 'у неверных' [Y. 29.5].

Предлоги, не отмеченные в качестве превербов:

/upari/ upairi, др.-инд. upari, др.-гр. υπαρ, перс. bar (и как преверб): yīm upairi /upari/ viš raobaṭ 'по которому тек яд' [Y. 9.11]; yō vastrəm uparjharəzaiti upairi /upari/ aētəm iristəm 'кто накидывает одежду на этот труп' [V. 8.23]; upairi /upari/ zān 'на земле'.

/adari/ adairi, н.-перс. zer < /hača adar/; adairi /apari/ pādəm gəuš 'под ногами коровы' [Yt. 17.55].

/para, parah/ para, parā, parō, др.-инд. para, parah, др.-гр. παρ: parō /parah/ mīnāhe 'перед домом' [V. 13.46]; para /para/ mərətō 'перед смертью' [V. 8.31]; mašyanaṃ parō /parah/ fšarəmət 'из стыда перед людьми' [V. 15.9] — в этом примере /parah/ можно толковать как предлог к /fšarəmət/ или как послелог к /maršyānām/.

/pasčā/ pasča, др.-инд. pasca, н.-перс. pas, ср. лат. pos-t: hiš-təmnō pasča /pasča/ barəsmā 'стоящий за барсманом' [Yt. 17.61]. pasča /pasča/ mərətō 'после смерти' [V. 8.31].

/hača/ hača, hačā, др.-инд. hasa, перс. az: hača /hača/ aēibyō mīnāaēibyō 'из этих домов' [V. 5.40]; ašā hača /hača/ 'в соответствии с Артой' passim.

/hada/ hađa, hadā, др.-инд. saha: hađa /hada/ daēvaēibyō 'с дэвами' [Y. 57.17]; hadā ašā 'с Артой' [Y. 50.4].

/hmat/ maṭ, др.-инд. smat: ašā maṭ ārmaitiṣ 'Арматн вместе с Артой' [Y. 34.11]; maṭ tāiṣ vispāiṣ yōi... 'со всеми теми, кто...' [Y. 43.14].

/haṭra/ haṭra, haṭrā, др.-инд. satra: haṭra /haṭra/... yaza-taēibyō 'вместе с... богами' [V. 3.20].

/ana/ ana, гр. ανα: ana /ana/ vaīdīm 'по водоотводу' [V. 5.5].

/apai/ ape:ape /apai/ dāhīm 'после творения' [Y. 19.8].

/abitah/ aiwitō, др.-инд. abhitah: gairiṣ yīm aiwitō /abitah/ 'гора, вокруг которой' [Yt. 19.66].

НАРЕЧИЕ

Наречие — класс слов текучего состава, постоянно пополняющийся застывающими надежными формами имен и, наоборот, постоянно отдающий часть своего состава в служебные слова — предлоги и превербы. Поэтому с большим или меньшим правом можно отнести в разряд наречий с одной стороны — только что рассмотренные нами предлоги, с другой — надежные формы следующих типов:

вин. п. (прилагат.) /dargam/ darəṣəm, darəḡəm, др.-перс. dargam, др.-инд. dirgham 'долго'; (существ.) /nāma/ nāma др.-перс., др.-инд. nāma 'по имени';

отл. п. /durāt/ durāt 'издали';

дат. п. /parvuyāi/ parvuyāi 'впервые';

инстр. п. /paraśā < paraṅk-/ paraśā 'прочь', /navā/ nava 'вновь';

местн. п. /asnai/ asne 'вблизи'.

Более четко выделяется разряд местоименных наречий с местоименными основами и специальными суффиксами:

/-ṣra/ 'где?': iḍra 'здесь', aḍra 'здесь, там', aṇaḍra 'там', kuḍra 'где?', yaḍra 'где' (относительное), /hṃḍra/ haḍra 'в одном и том же месте', др.-инд. aṭra, kuṭra, yaṭra, saṭra.

/-ḍā/ 'как?': iḍa 'этак', aḍa 'так, этак', aṇaḍa 'так', kuḍa, kaḍa 'как', yaḍa 'как' (относительное), haṇaḍa 'так же', /aiṇaḍā/ aēṇaḍa 'одинаково', aṇyaḍa 'иначе', др.-инд. itthā, athā, kathā, yathā, evathā, anyathā.

/-dā/ 'когда?': /adā/ aḍa 'тогда' (сейчас), /(a)dā/ taḍa 'тогда', /kaḍā/ kaḍa 'когда?', /yaḍā/ yaḍa 'когда' (относительное), /hṃḍā/ haḍa 'всегда', др.-инд. tadā, kadā, yaḍā, sadā.

/-da/ (и.-ир. -dha) 'где?': /ida/ iḍa 'здесь', /avada/ aṇaḍa 'там', kuda 'где?', /hada/ haḍa 'вместе', др.-инд. iha, kuha, saha.

ГЛАГОЛ

Индоевропейский глагол имел три так называемых временных системы — презенс, аорист и перфект. Термин «временной» здесь условен, подобно терминам «совершенное» и «несовершенное» время, принятым у нас для арабской грамматики. В действительности, презенс выражал действие, развивающееся во времени (подобно русскому несовершенному виду), аорист — действие без отношения к протеканию во времени (подобно русскому совершенному виду), перфект — действие, представленное своим результатом. Морфологически эти три системы разграничиваются тем, что глагольные формы внутри каждой из них образуются от специальной для каждой системы основы, образованной от корня особым (с некоторыми оговорками) образом.

От каждой из этих основ при помощи вторичных суффиксов (для индикатива — суффикс нулевой) образуются три основы наклонений: изъявительного (индикатив), сослагательного (конъюнктив) и желательного (оптатив).

От основ наклонений при помощи личных окончаний образуются все личные глагольные формы. Личными окончаниями выражаются следующие значения:

1. Время (только для изъявительного наклонения). От основ презенса образуется два времени: настоящее (презенс) и прошедшее (имперфект). Значение будущего времени выражается или особыми основами, входящими в систему презенса, или формами

сослагательного наклонения (как презенса, так и аориста). От основ аориста образуется лишь одно прошедшее время — аорист. От основ перфекта образуется два времени: перфект и плюсквамперфект.

2. Модальность. От основ индикатива образуются модальные формы повелительного наклонения и инъюнктива.

3. Залог. От всех основ образуются формы двух залогов — активного (или действительного) и медиального (или среднего).

4. Лицо и число. При спряжении глагол изменяется по трем лицам и трем числам.

В Авесте засвидетельствованы формы всех индоевропейских времен, наклонений и залогов. Но полная система форм и значений из самой Авесты не восстанавливается. С одной стороны это объясняется недостаточностью материала, с другой — тем, что в тот период, когда составлялась большая часть авестийских текстов, эта система подверглась уже значительному разрушению, четкое противопоставление основ нарушилось, и некоторые, редко встречающиеся глагольные формы можно с достаточной степенью вероятности считать реликтовыми, выполняющими супплетивную роль в новой, упрощенной глагольной системе. Поскольку объем авестийского материала не позволяет нам делать на этот счет точных выводов, мы будем рассматривать глагольную систему языка Авесты в плане системы, более четко представленной, например, древнеиндийским, стараясь при этом отмечать, где будет возможно, ее своеобразные черты.

ЛИЧНЫЕ ОКОНЧАНИЯ

В спряжении существует два перекрецивающихся противопоставления окончаний: 1) окончания активного (или действительного) залога и окончания медиального (или среднего) залога; 2) первичные окончания (основное употребление — образование форм настоящего времени) и вторичные (основное употребление — образование форм прошедших времен).

Особые окончания (но не для всех форм) имеет перфект.

Кроме этого, есть несколько специальных окончаний для форм конъюнктива, опатива и императива, о которых будет сказано в соответствующих разделах.

Ниже предлагаются для первоначальной ориентировки первичные и вторичные окончания индикатива системы презенса и аориста.

Первичные		Вторичные	
Активный залог	Медиальный залог	Активный залог	Медиальный залог
Ед. ч. 1 л. /-ā/, -(ā)mi	/-(a)i/	залог /-(a)m/	ный залог /-i/
2 л. /-ši/	/-ṣai/	/-ṣi/	/-ṣa/
3 л. /-ti/	/-tai/	/-ti/	/-ta/

Дв. ч. 1 л. /-vahi/	/-vadi/	/-va/	/
2 л. /-ṭaṣ/		{ /-tam/	/
3 л. /-taṣ/	/-(a)tai/, /-(i)tai/, /-(i)ṭai/	{ /-tām/	/-ātām/ /-(i)āṣam/
Мн. ч. 1 л. /-(a) maṣi	/-madai/	/-ma/	/-madi/
2 л. /-ṭa/	/-dvai/	/-ta/	/-dvam/
3 л. /-(a) nti/	/-ntai/ /-(a)nti/ /-(a)nti/	/-(a)n(t)/	/-nta/

1. Первичное окончание 1-го лица ед. числа было первоначально /-mi/ для нетематических основ и /-ā/ для тематических (в древнегреческом это различие строго сохранялось — $\mu\iota$ и ω). Формы на /-ā/ в Авесте встречаются, особенно в Гатах: *sraṣyā* 'наблюдаю'. Но уже начиная с индоиранского периода, появляется тенденция к сочетанию /-a + -mi/: ав. *baṛāmi*, др.-инд. *bharāmi*.

Медвальный окончание 1-го лица ед. числа дает одинаковый исход для тематических и нетематических основ /-ai/: *yaze* /*yaza-i*/ 'я поклоняюсь' и *daide* /*dadai*/ 'я даю', т. е. оно представляется как бы в двух вариантах: /-i/ и /-ai/. Вообще же система личных окончаний, в отличие от системы падежных окончаний, едина для всех типов основ.

2. Окончания, начинающиеся на /m, n/ (без последующего гласного), присоединяясь к согласному исходу основы, модифицируются в /p/, /-ṇ/ > /-a/ или /-mm-/ , /-nn-/ > /-am-/ , /-an-/; /*dad-ṭai*/ *dadaite* 'дают', /*ṣṇanti*/ *hēnti*.

3. Окончания 2, 3-го лица ед. числа и 3-го лица мн. числа — общеевропейские, ср. гр. *έστι*, *έστιν* и т. д.

4. Окончания 1, 2-го лица мн. числа — индоиранские, ср. др.-инд. *-masi*, *-mahe*, *-ma*, *-mahi*, *-tha*, *-dhve*, *-ta*, *-dhvam*.

5. Окончания дв. числа представляют варианты как по сравнению с древнеиндийским, так и внутри самого авестийского. Формы 2 и 3-го лица смешиваются.

СИСТЕМА ПРЕЗЕНСА

Основы презенса образуются от корня различными способами, причем, от одного корня может образовываться несколько различных основ презенса. Имея общее грамматическое значение презенса, они отличаются друг от друга выражением более специального характера действия, так называемый «actionsart» (интенсивность, начинательность и т. д.). Впоследствии некоторые из них приобрели более отвлеченные грамматические значения (будущего времени, каузатива, пассива). Так, от корня /*tap-*/ (в русском *теп-лый*) сохранилась инхотативная (начинательная) основа /*tap-sa-*/, *tapsaṭ* 'стал нагреваться', а другая основа /*tāp-aya-*/ имеет значение каузатива: /*tāpayati*/ *tāpayeiti* 'нагревает'.

В других случаях разные основы каких-то определенных корней продолжают расходиться, наоборот, по конкретным значе-

ниям, превращаясь, вероятно, для говорящего просто в разные глаголы. Так, от корня /zav-/ (в русском *звать*) основа /zva-/ означает 'звать', zbaueiti /zvaui/ 'зовет', а основа /zava-/ приобретает специфическое значение — zavaiti /zavati/ 'прокликает'. Такие расхождения усугубляются формально еще закреплением за определенными основами определенных превербов. Например, от корня /stə/ (в русском *стоять*) наиболее часто употребляется основа с удвоением /ši-šta- > hišta-/ в обычном значении: hištaiti /hištati/ 'стоит'. Основа же /stā-/ встречается обычно в соединении с превербом /fra/ в значении 'выступать, приступать'; fraxštāite /fra-štā-tai/ 'выступает'; основа /staya-/ связывается с превербом /pari/ в значении 'сдерживать, препятствовать'; pairištayeiti /pari-štayati/ 'удерживает'. От других корней вообще засвидетельствована лишь одна основа презенса, становящаяся единственным представителем дашного корня, от других корней — формы нескольких основ без видимого различия в значении. В этом случае можно предполагать или диалектальные различия внутри Авесты, или супплетивность форм от разных основ в одной и той же парадигме спряжения — что доказать не позволяет объем материала. Кроме того, возможно, что существует смысловая разница, нами не ощущаемая.

По спряжению выделяется лишь два типа основ: тематические и нетематические. По способу образования от корня количество вариантов велико и так же трудно ограничить, как это было с именными основами. Классов основ презенса — типологически во многом аналогичных породам семитского глагола — Райхельт, например, выделяет 19, Бартоломе — 32. Индийские грамматики в аналогичной древнеиндийской системе различают 10 классов. Мы перечислим основные типы образования основ презенса без претензии на полноту учета всех вариантов⁷. Для наглядности, по примеру арабских грамматиков, будем производить все типы и формы от одного и того же корня, а во избежание недоразумений относительно реальности производимых форм возьмем несуществующие корни, которыми мы уже пользовались ранее.

Тематические основы

Корень + тематический гласный -a-:

а) /sup-a-/ (нулевая ступень огласовки корня): hərəzənti /hrzanti/, н.-перс. hiland 'оставляет'; aguze /a-guza-i/ 'спрятался';

б) /sap-a-/ , /saup-a-/ (средняя ступень): bavaiti /bava-ti/, н.-перс. buvad 'становится'; baodaite /bauda-tai/ 'пахнет';

в) /sāp-a-/ (долгая огласовка): ātāpaite /ā-tāpa-tai/ 'греет'.

Корень + /-sa/, ир. *-sša, н.-е. *-ske/o. Огласовка — средняя для легких корней, нулевая для тяжелых (/sap-sa-/ , /sup-sa-/): tafsai

⁷ Более полный перечень см.: [Bartholomae 1901, 1904] (текст и индекс), [Reichelt 1909].

/tapsa-t/ 'стал нагреваться'; tarəsənti /t̪sa-nti < t̪s-sa-nti, √ t̪s/, гр. τέρπονται, н.-перс. tarsand 'бояться'; jasaiti /ɟ̊m-sa-ti/ 'приходит'.

Древнее значение этих основ — сохранившееся частично и в Авесте — инхоативное. Кроме того, они, как правило, непереходны и продолжились в среднеиранский период в парфянских медиопассивных основах, а в новоперсидском некоторые сохранились в качестве единственных представителей глагола: ras- < /rasa-/, purs- < /p̪s-sa-/.

Корень + /-ya/, огласовка — как в предыдущем типе (/sap-ya-/, /sup-ya-/): manyente /man-ya-ntai/ 'мыслят'; bairyeinte /bar-ya-ntai/ 'их несут'; varəzeyēti /v̪z-ya-ti/ 'действует' (н.-перс. var-zīdan от другой основы).

Основы этого класса в большинстве случаев непереходны, вследствие чего многие из них закрепились как пассивы рядом с другими, переходными основами тех же корней, например: /barya-/ рядом с /bara-/: п /bāraya-/. Но генерализации этого типа, как в санскрите (IV класс), здесь не произошло. Окончания могут быть и медиальными и активными: x̌'airyēite /hvarya-tai/ 'его едят' и x̌'airyēiti /hvarya-ti/.

Корень + /-aya/, два типа огласовок: а) для «легких» корней долгая ступень — /sār-aya-/, для «тяжелых» — средняя: /saup-aya-/: tārayēiti /tāraya-ti/ 'нагревает' и raocāyēiti /raučaya-ti/: 'освещает'; б) для легких корней средняя ступень, для тяжелых — нулевая: arayēiti /arayati/ 'достигает' и gaurvayaṭ /gr̪bayat/ 'схватил'.

Этот тип, как предполагается, первоначально был отыменным, и различие между огласовками подклассов «а» и «б», возможно, объясняется различием в тоне и огласовке исходного имени. Но уже в индоиранском подкласс «б» начинает выравниваться по подклассу «а» (ср. в Ригведе суавауа- в падапатхе, отражающей обычно более древнее произношение, и суāвауа- в самхите). С другой стороны, основы на /-aya/ стали очень продуктивными в иранских языках⁸, и многие основы подкласса «б» могут представлять новообразования, относящиеся к тому периоду, когда чередования огласовки уже перестали быть живыми.

Эти основы имели по преимуществу значения интенсивности и переходности. Поэтому они закрепились в значении интенсивов рядом с другими переходными основами того же корня и в значении каузативов рядом с непереходными основами: /bara-/ 'нести', /bāraya-/ — интенсив; /tarsa-/ 'бояться', /t̪rāšaya-/ θr̪ānhaya- 'пугать' — каузатив; перечень основ по значениям см. [Reichelt 1909, 118—120; Соколов 1958].

Каузативы на /-aya/, как и пассивы на /-ya/, в противоположность древнеиндийскому, в иранском не стали генеральной формой.

⁸ Однако против мнения, что все основы иранского презенса прошли через стадию /-aya/, возникают серьезные возражения при анализе среднеперсидских и новоперсидских форм.

Основы подкласса «б» лучше не учитывать в анализе значений, так как те из них, которые являются поздними образованиями, представляют основы нейтрального значения, подобно простым основам с тематическим гласным.

Корень + /-ṣya/, огласовка средняя (/sap-ṣya- / — /saup-ṣya- /): v a x-ṣ y ā /vaṣ-ṣya-ā/ 'буду говорить'; saosyanti /sau-ṣya-nti/ 'присутствуют' (корень в н.-перс. sūd 'польза'). Исключение — /būṣya- / от /√bua/ 'быть', 'становиться' с нулевой огласовкой. Значение — будущее время, но опять-таки не генерально, как в санскрите. Засвидетельствовано всего около десятка форм.

Корень с инфиксом /-n- / + тематический гласный, огласовка нулевая (/su-n-p-a /): hinčaiti /hi-n-č-a-ti/ 'лжет', √ /hik- / . Достаточно редкое образование без определенного значения.

Корень с удвоением + /-sa / (/si-s(a)p-sa- /, /si-sip-sa- /, /su-sup-sa- /): dīdarəṣata /di-dar-ṣa-ta/ 'захотел приняться, задумал'; iririxšaitē /ri-riṣ-ṣa-a-lai/ конъюнктив 'захочет погубить'. Значение — дезидеративное.

Корень с удвоением, без определенного значения: hištaiti /ši-ṣta-ti/ 'он стоит' (не вполне ясно соотношение с новоперсидским īst-).

Нетематические основы

Корневые основы / (sp-) : sap- : (sāp-) /; /sup- : saup- / : asti /as-ti /; hēnti /s-anti/ 'есть, сущ', др.-инд. asti, santi, н.-перс. ast, and; vasami /vas-mi/ 'хочу'; u s e m a h i /us-mahi/ 'хотим'; aēiti /ay-ti/ 'идет'; yeinti /y-anti/ 'идут'.

Корень с удвоением: / (si-) , sa-sp- / : /sa-sap- /; / (si-) , su-sup- /; /su-saup- / : hiš. haxti /ši-ṣak-ti/ 'он следует'; hiščamaide /ši-ṣka-madai/ вместо /ši-ṣka-madai/, возможно, по аналогии с тематическими образованиями; dadāili /da-dā-ti/ 'дает'; daḍemahi /da-d-mahi/ 'даем';

а) полное удвоение: č a r ə k ə r ə m a h i /čar-kṛ-mahi/ 'мы помним, думаем';

б) удвоение с /-i /: hiš. haxti /ši-ṣak-ti/ 'он следует'; hiščamaide /ši-ṣka-madai/, возможно по аналогии с тематическими образованиями;

в) удвоение с /-a /: dadāiti /da-dā-ti/ 'он дает'; zazēnti /za-zan-ti/ 'он рождает', но при этом тематическая основа с /-i / удвоением /zi-zana- /: āzīzanāitibiš /ā-zizanatibiš/ 'рождающим женщинам';

г) удвоение с /-u / (редко): /zū-zv- /, /zū-zuv- / 'звать', /√zv- /;

д) удвоение с /-ā / (редко): /pā-prt- / 'бороться' /√prt-; pāpərətāne (прич.) 'сражающиеся'.

Нетематические основы с носовыми суффиксами и инфиксами.

Корень + /-nu /: /-nau /, огласовка корня нулевая /sup-nu- /; /sup-nau- / : kərənaoiti /kṛ-nau-ti/ 'делает', н.-перс. kunad: kərənūidi

Дв. ч.	1 л.	/sapāvahi/	
	2 л.	{ /sapadaṣ/	
	3 л.	{ /sapataṣ/	/sapaitai/
Мн. ч.	1 л.	/sapāmahi/ sēṅghāmahi	/sapamadai/ yazamaide
	2 л.	/sapada/ xṣayaḍā	/sapadvai/ dīd r a ṣ ṭ ṭ . duyē
	3 л.	/sapanti/ daṣsayeinti	/sapantai/ haṣinte

И м п е р ф е к т

Ед. ч.	1 л.	/sapam/ frabarēm	/sapai/ apərəse
	2 л.	/sapaṣ/ pərəsō	/sapaha/, /sapaṣa/ us. zayaṇha
	3 л.	/sapat/ baraṭ	/sapata/ yazata
Дв. ч.	1 л.	/sapāva/ jvāva	
	2 л.	/sapatam/	/sapaitam/ apərəsaētām
	3 л.	/sapatām/ jaṣatām	/sapaitai/ us. zayōiḥe
Мн. ч.	1 л.	/sapāma/ bavāma	/sapāmadi/
	2 л.	/sapata/ jaṣata	/sapadvam/ syōdūm
	3 л.	/sapan/ barān	/sapanta/ yazanta

Н е т е м а т и ч е с к о е с п р я ж е н и е

Основы: /ṣ-/ : /aṣ-/ 'быть', /mru-/ : /mraṣ-/ 'говорить', /stu-/ : /stav-/ 'хвалить', /dad-/ : /dadā-/ 'давать', /gṭz-/ 'плакать', /aug-/ 'говорить', /us-/ : /vaṣ-/ 'хотеть', /vṛnu-/ : /vṛnaṣ-/ 'выбирать', /mṛnk-/ 'губить', /sṛnu-/ : /sṛnaṣ-/ 'слушать', /zan-/ 'рождаться', /man-/ 'думать', /hunu-/ : /hunaṣ-/ 'выжимать', /hak-/ 'следовать', /vaṣ-/ 'выбирать', /manzad-/ 'помнить'.

Н а с т о я щ е е в р е м я

	Активный залог	Медиа́льный залог
Ед. ч.	1 л. /saupmi/ ahmi, staomi	/supai/ mruye, gərəze
	2 л. /saupṣi/ ahi, dadāhi	/supsai/
	3 л. /saupṭi/ asti, dadāiti	/suptai/ daste, mṛūite, aoxte
Дв. ч.	1 л. /supvahi/ us v a h i	
	3 л. /suptaṣ/ stō, āmrutō	/supatai/ vərənvaitē
Мн. ч.	1 л. /supmahi/ mahi (ṣ-mahi) dadāmahi	/supmadai/ mṛūmaide, da- damaide
	2 л. /supḍa/ stā	/supdvai/ mərəṅgəduyē
	3 л. /sup(ṇ)nti/ hānti, surunvanti	/supntai/ zānaite, aojaite

И м п е р ф е к т

	Активный залог	Медиа́льный залог
Ед. ч.	1 л. /saupam/ mraom, dadām	/supi/ aōji
	2 л. /saups/ mraoṣ, dadā	/supsa/ mēṅghā, -aoyza
	3 л. /saupṭ/ mraoṭ, as, dadāṭ	/supta/ hunūta, aoxta
Мн. ч.	1 л. /supma/ haxma, ḥmā	/supmadi/ v a r ə m a i d i
	2 л. /supta/ mraota, dasta	/supdvam/ maḍdazdūm
	3 л. /sup(ṇ)n(t)/ hən, usən, dadaṭ	/supnta/ varata

Таким образом, формы настоящего времени отличаются от форм имперфекта только личными окончаниями — первичными в первом случае и вторичными во втором.

В индоиранском, греческом и армянском существовал еще один показатель специально прошедшего времени — префиксальный элемент /a-/ (для индоиранского, греческое ε-, и.-е. *e-), так называемый аугмент. Однако трудно судить о его общиндоевропейской принадлежности, так как: 1) он встречается не во всех древних индоевропейских языках, 2) предположить арийско-греческое ареальное явление трудно, и главное — 3) как раз в древнейших памятниках этих языков аугмент практически отсутствует или присутствует факультативно: в гомеровском греческом есть ἔφερε 'он нес' и βάλλε 'он бросал', в языке Вед — abharat, bharat; в классическом греческом и классическом санскрите он генерализуется, так же и в древнеперсидском (насколько мы можем судить). В Авесте он встречается редко (категорическое утверждение затрудняется тем, что в авестийской графике легко смешивается /a-/ аугмента с превербом /ā-/; имеющим трудно определимое значение). Однако и сомнительные случаи чаще относятся к диалекту Поздней Авесты, чем к диалекту Гат. Примеры из Гат: /amṛ-ṣ-madi/ a m ə h m a i d i 'мы узнали' (сигматический аорист), для Поздней Авесты /a-bava-t/ 'он стал' [более или менее полный перечень см. Reichelt 1909, 93—94].

СИСТЕМА АОРИСТА

Основы аориста с внешней стороны ничем не отличаются от основ презенса. Различие состоит в том, что от основ презенса могут быть образованы путем прибавления двух рядов окончаний два времени — настоящее время и имперфект, а основы аориста в индикативе принимают только вторичные окончания, образуя только одно время — аорист. Таким образом, основой аориста мы должны считать любую основу, принимающую в индикативе вторичные окончания и не принимающую других. Понятно, что такой критерий при недостаточности авестийского материала редко дает точное разграничение без сравнения с другими языками, главным образом, с древнеиндийским. Так, употребительная основа презенса от корня √kṛ- 'делать' — /kṛnu-/ /kṛnau-/. Форму богаṭ /ṣag-t/, встречающуюся в Гатах, произведенную от другой основы — /kaṛ-/; мы имеем основание считать аористом, так как от этой основы не засвидетельствована форма индикатива с первичными окончаниями. Древнеиндийский язык подтверждает это — в нем в качестве основы презенса от этого корня употребляется та же основа, что в иранском (в классическом санскрите укрепились другие), а основа kaṛ- служит основой аориста. Но все же такое разграничение не всегда возможно, и в морфологии и те и другие формы рассматриваются обычно вместе.

По есть один класс основ, закрепившийся еще с индоевропейской эпохи специально за аористом, — это так называемый сигматический аорист, т. е. основы, образующиеся при помощи суффиксального элемента /-s/, выступающего в трех вариантах:

а) /-s/ : /mans-/ , √mn-/ 'думать' — mašta /man-s-la/ 'он думал', mənghāi /man-h-ai/ 'я буду думать'; /mn-s-/ : /man-s-/ 'подумать', mənghī /manhī/ < /man-s-i/, aməhmaidi /amahmadi/ < /a-mu-s-madi/; /stā-s-/ 'встать' — stāṇhaṭ /stā-s-ṇt/ 'они встали, стоят';

б) /-is/ > -iš/ : /zaviš-/ от /√zv-/ , zaviši 'я был позван'; /xšnaviš-/ от /√xšnv-/ : xšnəvišā /xšnaviš-ā/ 'я ублажу';

в) /-sa/ (тематический): /jah-ha-/ , /√gm-/ 'идти', 'приходить' — jahhantu /jahantu/ < /gm-ša-tu/ 'пусть придет'.

По значению в систему аориста входит еще одна форма, образующаяся непосредственно от корня (но иногда и от основ презенса-аориста), обычно с долгой огласовкой, окончанием /-i/. Эта форма имеет значение 3 л. ед. ч. пассива: vāci 'был назван', stāvi 'был услышан', əgənāvi /ṛnāvi/ 'была дарована', основа /ṛnu-/ от /√r-/.

Аорист изначально отличается от имперфекта по значению как прошедшее совершенное от несовершенного. Однако, можно предполагать, что уже в индоиранском употребление форм аориста и имперфекта начало смешиваться. Такое смешение наблюдается в Ригведе [Елизаренкова 1972]. В Авесте иногда можно видеть противопоставление имперфекта и аориста, например, māṇhəm aiwi.vāēnəm /abi-vaina-m/ (имперфект) ... māṇhəm aiwi.višəm /abi-vid-s-am/ (аорист) 'я смотрел на месяц, я узнал месяц' [Yt.7.3], (хотя и здесь можно перевести 'я посмотрел... я узнал'). Но есть не мало случаев, когда аорист и имперфект употребляются явно параллельно: kā ahmāi ašiš əgənāvi /ṛnāvi/ (пассивный аорист), čit ahmāi jasaṭ /jasa-t/ (имперфект от инхоативной основы /gm-sa/) āyartəm 'какое вознаграждение было им достигнуто, какое счастье ему пришло' [Y.9.3].

В значениях форм имперфекта очень часто видна совершенность: patat /pata-t/ dyaos... anpro mainyuš 'упал с неба... Ахра Манью' [Yt.3.13]; druxš hō... ara.dvaraṭ /ara-dvara-t/ 'Друг от него... убежала' [Y.19.2].

Вообще формы аориста редки по сравнению с формами имперфекта, и можно сделать вывод, что имперфект вытеснял аорист и сливался с ним в одно прошедшее время (аналогично тому, как в славянском наоборот, аорист вытеснял имперфект).

СИСТЕМА ПЕРФЕКТА

Перфект с формальной стороны характеризуется, прежде всего особыми окончаниями для индикатива:

Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1 л. /-a/ (*a)		/-ma/
2 л. /-ḍa/		/-ḍa/
3 л. /-a/ (*e)	/-tar/	/-ar/

Еще с индоевропейского периода существовали основы перфекта, не отличавшиеся по образованию от основ презенса-аориста и выделяющиеся лишь по соединению с указанными окончаниями, например от основы /vid-/: /vaid/: vaēda /vaida/ 'я узнал, знаю', др.-инд. veda, гр. *ῥοῖδα*; vīdarə /vid-ar/ 'они знают'.

Но большинство перфектных основ имеет собственный тип образования — нетематический с удвоением; гласный удвоения обычно соответствует гласному корня:

/sa-sp-/: /sa-sap-/: sa-sāp-/, /su-sup-/: /su-saup-/, /si-sip-/: /sisaip-/.

Примеры: основа /ya-it-: ya-yat-/ — yayaṭa 'он двинулся, он в движении', у̐ ð̐ ə m̐ ā /ya-it-ma/ 'мы в движении'; основа /di-dviš-/: /di-dvaiš-/ didvaēša /didvaiš-a/ 'я ненавижу', didvišma /didviš-ma/ 'мы ненавидим'; основа /tu-tu-/: /tu-tav-/ — tūtava 'возможно', tutuṇā /tutū-yāṣ/ 'пусть ты не сможешь'; основа /a-aṣ-/ < /āṣ-/ (без чередования при начальном гласном корня) — āṇha /āṣ-a/ 'он был' [см. также: Benveniste 1965, 25—33].

Образец спряжения перфекта: основы — /di-dviš-/ 'ненавидеть', /vi-vid-/ 'находить', /da-d-/: /da-dā-/ 'давать', /ri-riḥ-/ 'умирать', /su-sru-/ 'слушать', /va-vač-/ 'говорить', /ča-xr-/ < /ka-kr-/ 'делать':

Активный залог	Медный залог
Ед. ч. 1 л. /su-saup-a/ didvaēša	/su-sup-ai/ susruye
2 л. /su-saup-ḍa/ dadāḍa	
3 л. /su-saup-a/ vīvaēḍa	/su-sup-ai/ vaocē
Мн. ч. 1 л. /su-sup-ma/ didvišma	
3 л. /su-sup-ar/ iririḍarə	/su-sup-(a)-rai/ čaxraḡe

Перфект в авестийских текстах, как правило, сохраняет изначальное значение результативности: parə vā visprāiš parə va oxə m̐ ā /va-vač-ma/ daēvāišča xrafštrāiš mašyāišča 'мы отреклись (и пребываем в этом состоянии) от всех дэвов и людей вредоносных' [Y.34.5]; у̐ pōiṭ pascaēta hušx'afa /ṣu-ṣvar-a-/ 'который не спал после этого (с тех пор)' [Y.57.17].

Но есть и случаи смешения с имперфектом: у̐ ašai ravō yaēša /ya-iš-a/...ravō vīvaēda /vi-vaid-a/, у̐ bākušča upastača vīsaṭa /visa-ta/ (имперфект) 'который Арте место искал...место нашел, который служил поддержкой и опорой' [Yt.13.99].

От основы перфекта вторичными окончаниями образуется второе время — плюсквамперфект. По значению он представлял действие, результат которого наличествует к моменту действия, выра-

женного имперфектом или аористом: *aurvantəm θwā baṇ tatašaṭ* /ta-laš-at/ (плюсquamперфект)... *aurvantəm θwā...baṇ nidaḃaṭ* /ni-daḃa-t/ (имперфект) *haraṇyūṇ paiti barəzayā* 'стремительным бог тебя создал...стремительного бог тебя поставил на высокую Харати' [Y.10.10].

Но в большинстве случаев у плюсквамперфекта (вообще редко встречающегося в текстах) не обнаруживается значения, отличного от имперфекта и аориста, кроме того, сама его форма выделяется из общей системы форм, образованных от основы перфекта, приобретая в большинстве случаев тематический гласный; например, приведенное выше (*tataš-at*/, далее *jaṇmat/ga-gm-at*/ 'он пришел' и т. д. Поэтому формы плюсквамперфекта в авестийском следует считать не живыми, а реликтовыми образованиями, частично исчезающими, а частично сохраняющимися в новой функции.

ЗАЛОГИ

Индоевропейский глагол имел два залога — активный и медиальный. Активный залог означал действие как таковое, направленное по преимуществу на посторонний объект, т. е. представлял круг значений активности, переходности того, что индийские грамматики называли *ragasmaipadam*, буквально «слово для другого», т. е. действие, целиком выходящее за пределы субъекта. Медиальный залог означал действие, замыкающееся в субъекте, состояние, действие, которому подвергается сам субъект, или действие, хотя и направленное на посторонний объект, но совершаемое субъектом «для себя» (термин индийских грамматиков — *atmanepadam*, «слово для себя»).

Формы залога не имеют особых основ. Они противопоставляются окончаниями.

В Авесте, как и в Ведах, можно найти случаи противопоставления *activum* : *medium* как «актив, переходность : пассив, непереходность»: *ašōiš... yā nā əṇavataēša* /ṇav-atai-ša/ 'счастья... которое нам достанется на долю...' [Y.56.3], медиальная форма /ṇavatai/ имеет непереходное значение; и — *us mē pita draoṇ frə-ṇonaot* /fra-ṇau-t/ 'отец мне...долю да' [Y.11.4], активная форма /ṇaut/ имеет переходное значение.

Еще некоторые случаи пассивного употребления среднего залога: *mruye* /mruv-ai/ 'говорится', *səṇghaite* /saha-tai/ 'объявляется' *asrūzdum* /a-sru-ṣ-dvam/ — аорист с аугментом 'вас слушают', *vā-vaṇəzōi* /va-vṛz-ai/ — перфект 'выполнено', *vaḥšyeite* /vaḥ-ṣya-tai/ 'будет сказано'.

Но уже в индоиранском эти значения перешли из окончаний в глагольные основы, путем противопоставления которых и происходит противопоставление переходности. След старого значения остался лишь в закреплении некоторых основ как *media tantum*: /āh-/ 'сидеть', *ānhənte* /ah-antai/ 'сидят'; /mada-/ 'опьяняться', *maḃōite* /mada-tai/ 'пьянеет'.

Но и это не общее правило: в разряде *media tantum* есть и переходные основы, например, /*var-*/ 'выбирать', *varata* /*var-nta*/ 'они выбрали' и наоборот, некоторые переходные основы попадают в разряд *activa tantum*, в том числе, например, непереходный глагол /*aṣ-*/ 'быть', принимающий во всех индоевропейских языках активные окончания: *ahini*, *ahi* /*aṣ-ṣi*/, *asti*, *mahi* /*ṣ-mahi*/, *stā* /*ṣ-ṭa*/ и т. д.

В некоторых случаях почувствовать из контекста различие смысла активной и медиальной форм весьма затруднительно; там же, где это удастся, основным живым противопоставлением оказывается хорошо известное из санскрита и греческого противопоставление *parasmaipadam*: *atmanepadam* (действие для другого: действие для себя): *dīm bandayeiti* /*bandaya-ti*/ — 3 л. ед. ч. наст. вр. акт. зал. 'связывает его' [V.5.8] и *paśam bandayata* — 3 л. ед. ч. имперфект мед. зал. 'завязала себе венец' [Yt.5.128]. Во фразе *uva dāma... yasča daḍaṭ /daḍ-at/* — 3 л. ед. ч. имперфект акт. зал. *spəntō mainyuš yasča daḍaṭ /daḍ-at/ aṇrō mainyuš* 'оба творения... и то, что (относительное местоимение согласовано не с дополнением /*dāma*/, а с подлежащим /*mainyuš*/) создал святой дух, и то, что создал злой дух...' [Yt.15.43] употреблены активные формы, так как здесь исходной точкой высказывания являются «творения», и деятельность творца представляется как чисто внешняя. Во фразе же *mainyu dāman daīdītəm /dad-ītam/* (3 л. дв. ч. имперфект мед. зал.) *yasča spəntō mainyuš yasča aṇrō* 'два духа создали два творения, добрый дух и злой' [Yt.13.76] центром высказывания оказываются сами творцы, создавшие «каждый себе» творения. Вот это «себе» и передается медиальной формой.

Можно выделить еще одно значение медиальной формы — взаимность действия: *yaṭ narō pərətəntə /pṛta-ntai/* 'где мужи сражаются (между собой)'.

НАКЛОНЕНИЯ

Сослагательное наклонение (конъюнктив)

Основы конъюнктива образуются (по крайней мере внешне) от основы индикатива любой системы — презенса, аориста или перфекта — добавлением суф. /*-a-*/. Таким образом, исход основы конъюнктива от нетематических основ индикатива будет /*-a-*/, от тематических — /*-ā-*⁹. Если нетематическая основа имеет

⁹ К такому удобному механическому пониманию ($\bar{a} = a + a$) некоторые исследователи относятся осторожно: « $\bar{a}$, первоначальное качество которого не может быть установлено» [Reichert, 1909, 127]; в тематическом типе дело обстоит так, как будто (разрядка моя. — С. С.) показатели наклонения **-e*, **-o* сливаются с конечной гласной основы, что должно дать **-ē*, **-ō* [Мейе, 1938, 238]. Однако в совершенно аналогичной фонетически ситуации при исходе падежных форм дательного (*-ai* для нетематических, *-āi* —

чередование огласовки, то она принимает сильную огласовку для всех форм спряжения, т. е. становится по существу нормальной тематической основой с исходом на /-a/ и без чередования основы при спряжении.

Для основ с чередованием — нуль: /ā/ (т. е. э : ā) типа /d- : dā-/ (презент от 'давать', 'ставить'), /dad- : dadā-/ (перфект того же корня) при нормальном выборе сильной основы конъюнктив по форме не отличается от индикатива: dāiti /dā-ti/, dahi /dā-hi/ и т. д. Однако, есть случаи, когда конъюнктив образуется при этом от слабой основы и тогда идет по нормальному тематическому типу: dadante /dad-a-ntai/.

В конъюнктиве, как и в других неизъявительных наклонениях, нет различия времен. От его основы образуется лишь одна парадигма путем прибавления личных окончаний, как первичных, так и вторичных, без ощутимой разницы в значении.

Для 1-го лица ед. числа обоих залогов конъюнктив имеет особые окончания: в активном залоге первоначально, вероятно, /-ā/ для нетематических основ, /-āni/ для тематических: tavā /tav-ā/ 'чтоб я мог', barāni /barāni/ 'чтоб я пес'; для среднего /-āi/ для нетематических, /-ānai/ для тематических: aojāi /aujāi/ (от /aug-/ 'говорить, проповедовать'), yazāne /yazānai/. Однако в нашем тексте Авесты часты смешения: dagəsāni при нетематической основе индикатива /dars-/ от /√drs-/ 'видеть', *stavane, индикатив /stu- : stav-/. И наоборот, yazāi при инд. 'yaza-/'.

Ниже дается образец спряжения в конъюнктиве — только ед. число, так как будучи образованием тематическим, конъюнктив не имеет чередования огласовок, и образование остальных форм от соответствующих форм индикатива совершенно аналогично.

Основы индикатива: /xšaya-/ 'царствовать', /bara-/ 'пестить', /dāya-/ 'давать', /vi-jasa-/ 'выступать', /yaza-/ 'приносить жертву', /pṛsa-/ 'спрашивать, беседовать', /manya-/ 'думать', /tanu- : tanav-/ 'тянуть', /kṛnu- : kṛnav-/ 'делать', /-s- : aṣ-/ 'быть', /dā-/ 'давать', /aug-/ 'говорить', /ṛnu- : ṛnav-/ 'даровать', /dars-/ 'смотреть'.

Тематическая основа		Нетематическая основа
Осн. инд.:	/sapa:	/sup- : saup-/
Сосл. акт. 1 л.	/sapā/ xšaya	/saupā/ tanava
	/sapāni/ barāni	/saupāni/ kərənavāni
2 л.	/sapāṣ/ dāyā	/saupaṣ/ anhō
	/sapāhi/ barāhi	/saupahi/ dāhi?
3 л.	/sapāt/ barāt	/saupat/ anhaṭ
	/sapāti/ vijasāiti	/saupati/ anhaiti
Мед. зал. 1 л.	/sapāi/ jasāi	/saupāi/ aojāi

для тематических) и отложительного (соответственно -at и -āt) падежей тот же Райхельт безоговорочно дает схему: -āi = -a + ai и т. д.). В пользу стяжения говорит, по мнению Бартоломе [Bartholomae, 1901, 57], требование метром Гат в этих случаях циркумфлексного тона, характерного для стяжений. Однако исследование метра Гат выходит за пределы данного очерка.

	/sapānai/	yazāne	/saupānai/	kəṇavāne
2 л.	/sapāhai/	pərəṣāṇhe	/saupahai/	daḍhē
3 л.	/sapātai/	pərəsāite	/saupatai/	əṇavataē-ṣa
	/sapāta/	mainyātā	/saupata/	darəsātā

Совершенно так же образуется конъюнктив и от основ аориста, простого и сигматического, и перфекта, причем здесь аорист может получать и первичные окончания: *ṣataṭ* /*kar-a-t*/ 'чтоб он сделал', корневой аорист; *varəṣā*, *varəṣaiti* /*varṣ-ṣ-a-*/, /*varṣ-ṣ-a-ti*/ 'чтобы я, он сделал', сигматический аорист; *vaocāt* /*vavačāt*/ 'если скажет', перфект (в отличие от формы *vaocāt* /*vavačāt*/ — тематического плюсквамперфекта).

Значения конъюнктива следующие.

1. В независимом положении конъюнктив имеет обычные значения сомнения, возможности, желания и т. д.: *kuṭā nemoi ayeṇī* /*ayāni*/ 'куда мне обратиться в бегство?' [Y. 46.1]; *tē mē vāṣem ḍanjayānte* /*ḍanjayāntai*/ 'они пусть потянут мою колесницу' [Yt. 19.44].

Эти значения часто приближаются к значению будущего времени: *yavaṭ isāi tavācā ayaṭ xsāi* /*yavat isāi (isāi-) tavā-ṣa (v-tav-) avat xsāi (v-xsa-)*/ 'сколько я смогу и буду в силах, столько буду учить' [Y. 28.4]. Отсюда употребление конъюнктива просто для выражения будущего времени: *kaṭ aṣavā... vāṅghaṭ* /*van-ṣ-a-t*/ (сосл. накл.) *dragvantem* 'победит ли праведник приверженца Лжи' [Y. 48.2]; *tā ḍwā pərəsā yā zīāiti* /*ā-ai-ti*/ (наст. вр.) *jāṅghaitiṣā* /*gam-ṣ-a-ti*/ (сосл. накл.) 'о том тебя спрашиваю, что приходит и придет' [Y. 31.14].

Встречаются труднообъяснимые случаи употребления форм конъюнктива в значении изъявительного наклонения. В значении настоящего времени: *ahmya vāṣe vazānte* /*vazāntai*/ (индикатив был бы /*vazantai*/) *ṣaḍwārō aurvantō* 'в этой колеснице едут (как требует контекст) четыре хабреца' [Yt. 10. 125]. В значении прошедшего времени: *fraṣ ayaṇhō frasparat* /*fra-sparat*/ (имперфект) *yaēṣyntim āṛem paraṇjhāt* /*para-ahyāt*/; 'он выскочил вперед от котла, кипящую воду опрокинул' [Y. 9. 11]; *frā hē mazdā... ratuḍwem barāt* /*barāt*/ 'Мазда принес ему степень Рату' [Yt. 10.92]. Но, конечно, за достоверность этих пассажей трудно ручаться.

2. Употребление конъюнктива в придаточных предложениях обуславливается скорее его собственным значением, чем какими-либо формальными правилами. Так, в условных предложениях конъюнктив может быть или не быть употреблен как в главном, так и в придаточном предложениях, в зависимости от того, представляется или не представляется действие в одном из значений конъюнктива: *yezi isəmnō nōiṭ vindāite* /*vandātai*/ (конъюнктив) *kuḍa vəṛəzuān* /*vṛzuān*/ (конъюнктив) *mazdayasna* 'если ищущий не найдет, что должны делать маздаясны?' [V. 13.35] — конъюнктив в обоих предложениях; *yezi mazdayasna tam zaṃ kārayen* /*kārayan*/ (индикатив), *yezi āṛō hərəzayen* /*hṛzayan*/ (индикатив), *yaṭ ahmi spānasča narasča para.iriṣinti* /*riṣyanti* (индикатив)...

nasuspaēm pascaēta āstryānte /ā-stryāntai/ (конъюнктив) 'если маздаясны возделали землю, если пустили воду на землю, в которой лежат мертвые собаки и люди, то после этого они будут грешны грехом погребения (трупов)' [V. 6.3] — индикатив в придаточном, конъюнктив в главном.

Оптиматив

Основа оптиматива может быть образована от основ презепса, аориста и перфекта двумя способами: тематические основы прибавляют суффикс /-i/, что дает основу оптиматива с исходом на /-ai/, не имеющую чередований при спряжении; нетематические основы индикатива присоединяют к слабой форме чередующийся суффикс /-i : -yā/.

От основы оптиматива, как и от основы конъюнктива, образуется лишь одна парадигма при помощи вторичных окончаний. Для первого лица единственного числа среднего залога оптиматив имеет специальное окончание /-a/. Имеется несколько форм оптиматива множественного числа 3-го лица активного залога с окончаниями /-āg, -ārš/ (ср. окончания того же лица перфекта). Чередование основ нечетко. Множественное число активного залога вместо ожидаемого /supi-/ чаще имеет /supyā-/ и /supya-/.

Образец спряжения в оптимативе: основы индикатива — /bara-/ 'нести', /haxša-/ 'следовать', /yaza-/ 'поклоняться', /š- : aš-/ 'быть', /dad- : dadā-/ 'давать', /srunu- : srunav-/ 'слышать', /tanu- : tanav-/ 'тянуть', /mru- : mṛav-/ 'говорить', /jasa-/ 'приходить', /ṭvrsa-/ 'творить', /vṛz-/ 'действовать', /budya-/ 'чувствовать', /gāma-/ 'покоиться'.

Активный залог

	Тематическая основа	Нетематическая основа
Инд.	/sapa-/	/sup- : saup-/
Опт.	/sapai-/	/supi- : supyā-/
Ед. ч. 1 л.	/sapai(m)m/	/supyām/ hyām, daiḍyaṃ
2 л.	/sapaiṣ/ barōiš	/supyāṣ/ hyā, surunyā
3 л.	/sapait/ barōit	/supyāt/ hyāt daiḍyāt
Мн. ч. 1 л.	/sapaima/ jasaēma	/sapīma/ verəzīmā, nāšīma /sapyama?/ hyāmā, buyāmā
2 л.	/sapaiḍa/ ḍwərəsaēta	/sapyāta?/ hyātā, buyata
3 л.	/sapayan/ barayən	/sapyān/ daiḍyaṇ, hyən /sapyār(š) daiḍyārəš, hyārə

Медиаальный залог

Ед. ч. 1 л.	/sapaya/ haxšaya	/supya/ pairi.tanuya
2 л.	/sapaiša/ yazaēša	/supiša/ mrviša
3 л.	/sapaita/ yazaēta	/supīta/ daidītā
Мн. ч. 1 л.	/sapaimadai/ būḍyōimaiḍe	/supimadi/ vairimaidī
2 л.	/sapaidvam/ ramōiḍwəm	
3 л.	/sapayanta/ yazayanta, yazaēta	

Обращает на себя внимание первичное окончание в 1-м лице мн. числа медиального залога /-madai/ вместо ожидаемого вторичного /-madi/. Однако форма оптатива устанавливается по основе, а смещение личных окончаний мы видели и в конъюнктиве.

Формы оптатива имеют следующие значения.

1. В независимом положении — обычные значения желаний, косвенного приказания и т. д.; mā čiš paurvō būdiyaēta /budyai-ta/ nō, vispe paurva būdiyōimaiēde /budyai-madai/ 'пусть никто нас не почует первый, пусть мы всех почуем первыми' [Y. 9.21]; surunuyā /srnu-yā-h/ nō yasnēm 'да услышишь ты нашу молитву' [Y. 68.9]; us tanūm snayaēta /snaya-i-ta/ 'пусть он вымоет свое тело' [V. 5.54]; r a p ō i š č ā /rapa-i-s/ t ū n ā d a r ə g ə m č ā u š t ā č ā h ā t a m h u d ā s t ə m ā 'да помогаешь ты нам надолго и по нашему желанию, ты, который наиболее хорошо создал сущих' [Y. 41.4].

В этом употреблении оптатив не всегда легко разграничивается по значению с конъюнктивом, и это, очевидно, явление достаточно древнее, поскольку есть пассажи, где формы эти употреблены параллельно, например: aša . . . darəsāma /darsāma/ (конъюнктив) θwā, raīni θwā jamuama /jamuāma/ (оптатив); haməm θwā haχma /haχma/ (инъюнктив) 'о Арта, да узрим мы тебя, да взойдем мы вокруг тебя, да будем мы тебе сопутствовать' [Y. 60.12].

Это обстоятельство, вероятно, и дало повод европейским грамматикам новоперсидского языка (имеются ввиду Залеман и Жуковский) называть реликты древнего конъюнктива (типа kunād, bād) оптативом, что, конечно, не меняет сути дела, но путает студентов при изучении истории персидского языка.

Нечетко также разграничение функций оптатива и императива: raoirīm ura ma'əm nīdwəgəsoiš . . . /ni-θar-s-ai/ 'сделай (букв. 'да сделаешь ты') первую /maga-/ (особая ямка для ритуальных целей)' [V. 9.6]. Но это — естественно.

Более интересен вопрос об употреблении форм оптатива в значениях, предполагающих индикативную модальность в прошедшем времени: rapčadasa fračarōide /fra-čaraīdai/ (3 л. дв. ч. имперф. мед. зал.) pita puhrasča raodačšva katarasčiṭ yavata xšayōiṭ /xšaya-i-t/ (оптатив). . . yimō 'пятнадцатилетними по внешности ходили отец и сын, пока царствовал Йама' [Y. 9.5].

В этом примере можно было бы найти элемент значения условности в придаточном предложении, но есть примеры, исключаяющие такое толкование: raoiryam gəgəzam gəgəzaēta /grza-i-ata/ ašiš 'первую жалобу пожаловила Арти' [Yt. 17.57]; zaraθuštrō ahunəm vairīm frasrāvayaṭ /-srāvaya-t/ (имперфект). . . āpō vaquhiš frāyazaēta /-yaza-i-ta/ (оптатив). Примеров не очень много, но они привлекли внимание исследователей. Райхельт [Reichelt 1909, 308] называет их осторожно: «eine Anzahl von Formen, die wie optativ aussehen, aber präteritale Bedeutung haben». Бенвенист [Benveniste 1951, 17] определяет особое значение оптатива как «l'action répétée dans le passé».

Вопрос остается открытым, но возможно, большинство примеров удастся объяснить как обычные имперфекты от вторичных основ презенса на -ауа, т. е. не /gɪza-i-ta/, а /gɪzaya-ta/, не /fra-yaza-i-ta/, а /fra-yazaya-ta/.

2. В сложных предложениях:

а) в придаточных предложениях дополнительных, цели, сравнения (русский тип «бы»): hō mām awāda wəgəpən niʃainti /ni-ʃan-ti/ (презенс) awāda wəhrkō barəḡryāḡ haḡa ruḡḡəm niʒdare.dairyaḡ /niʒ-dar-dar-yā-t/ (оптатив) 'он так убивает плод моего чрева, как волк вырвал бы из чрева ребенка' [V. 18.38];

б) в обеих частях условного пререального: uedī zī mā mašyūka yazayanṭa /yazaɪnṭa/ (оптатив)... fra šušuyam /šušuyām/ (оптатив)... awa mām awi.bawḡy am /babryām/ (id.) aoḡō 'если бы люди мне приносили жертвы... я бы выступил... снискал бы себе сплу' [Yt. 8. 24].

Инъюнктив

В значениях, близких к конъюнктиву (желания, приказания, будущего времени), употреблялись еще формы, образуемые от всех основ с вторичными окончаниями, т. е. формы аориста, имперфекта, плюсквамперфекта, но обязательно без аугмента. Эти формы выделяют в особое наклонение — инъюнктив.

Значения инъюнктива можно определить как футурально-дубитативное, волюнтаративное, императивное. Но трудность выделения его особого значения, отличного от конъюнктива и оптатива, может быть проиллюстрирована следующим примером, где формы всех трех наклонений употреблены параллельно: darəsēma /darsama/ (1 л. мн. ч. кон. акт. зал.) ḡwā, pairi ḡwā jamuama /jamuāma/ (опт. акт. зал.) hamət ḡwā haḡma /haḡma/ инъ. акт. зал.) 'да узрим мы тебя, да будем мы ходить вокруг тебя, да будем мы тебе следовать' [Y. 60.12].

Повелительное наклонение

Повелительное наклонение, объединяющее значения прямого и косвенного приказаний, имеет особые формы для второго лица единственного числа, третьего лица единственного и множественного числа.

Основы индикатива: /bara-/ 'нести', /vɪzua-/ 'действовать', /xrausa-/ 'кричать', /i- : ai-/ 'идти', /mɪu- : mɪav-/ 'говорить', /ʃ- : aʃ-/ 'быть', /dad- : dadā-/ 'давать', /kr- : ʃar-/ 'делать' (аорист), /dyā-/ 'сдерживать', /xšā-/ 'властвовать'.

Образцы формы императива

Тематические основы		Нетематические основы
/sara-/		/sup- : saup-/
Акт. зал. ед. ч. 2 л.	3 л. /sapa/ bara	/sup-di/ idī, mruīdī
	3 л. /sapatu/ baratu	/suptu/ astu, dadātu
мн. ч. 3 л.	/sapantu/ barantu	/supṇtu/ h ānta
Мед. зал. ед. ч. 2 л.	3 л. /sapašva/ baraṇuha	/supšva/ kərəšva, dasva /daḍ-sva/
	3 л. /sapatām/ vərəzyatām	/suptām/ dyātām
мн. ч. 3 л.	/sapantām/ xraosentām	/supṇtām/ xšəntām

Для остальных лиц, включая второе лицо множественного числа, употребляются формы конъюнктива.

Значение — обычное императивное, редкие отклонения [см., например: Reichelt 1909, 323] легко объясняются.

СМЕШЕНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ

Как и в системе имени, более или менее стройная конструкция восстанавливаемых форм постоянно нарушается фактами, одни из которых уходят вглубь веков, другие — новообразования на иранской почве, третьи — результат «посмертного» развития языка Авесты, аналогично тем новообразованиям и «рационализированиям», которые вносят люди в язык, не родной им, но нужный по каким-либо причинам.

Для нас ясно, что никакой язык никогда не был системой в доскопальном значении этого слова, он только приближался к какой-то системе с тем, чтобы искать для себя новую систему, опять-таки недостижимую.

Эти банальные рассуждения нужны для того, чтобы показать условность определения «смешение». Исходим условно из того, что система была, все, в нее невмещающееся, есть изменение, смешение и искажение.

Наиболее часто встречающееся нарушение древней системы в типах основ — тематизация нетематических основ, т. е. образование от них форм по образцу соответствующих форм от основ на /-а/ и /-ауа/ (этот последний класс получил в поздне-древнеиранский период особое распространение, однако, не такое кардинальное, как это сочли некоторые исследователи 20—30-х годов: генерализация класса /-ауа/ не подтверждается ни данными новоиранских языков, ни даже среднеперсидским, где каждый выписанный йот /у/ по непонятным причинам читался как *ē* < /ауа/. Фактов тематизации глагольных основ множество. Исчерпывающий инвентарь может дать сверка индекса словаря Бартоломе с соответствующей статьей текста (причем и тут мы не всегда можем быть уверены, имеем ли мы дело с поздней тематизацией или с древним сосуществованием тематической и атематической основ).

Поэтому только несколько примеров: *kəṛəṇava* /kṛṇav-a/ 'делай' при нормальном *kəṛəṇūdi* /kṛnu-di/. Здесь вторичность тематического варианта видна из того, что тематический гласный /-a/ наслаивается на уже суффиксированную нетематическую основу /kṛ-nu-: kṛ-nau-/. Древнеперсидское *akunavayanta* /a-kṛnav-aya-nta/ подтверждает реальность этого факта); *čōiθaṭ* /caid-a-t/ 'он учил' — по тематическому типу рядом с *coiθaite* /čaiθ-a-tai/ (конъюнктив) 'он научит' — по нетематическому типу.

Предполагается, что именно с формами конъюктива и было первоначально связано смешение тематических и нетематических форм: нетематический конъюнктив /sap-a-t/ по форме не отличается от тематического имперфекта /sapa-t/. Может быть, поэтому, во избежание смыслового смешения, для конъюктива от нетематических основ стали предпочитаться формы с долгим /-ā/, встречающиеся особенно часто: *stavāṭ* /stavāṭ/ 'будет хвалить', *stavān* /stavān/ 'будут хвалить' при *staomi* /staumi/ 'хвалю', *staoṭ* /staut/ 'хвалил' и т. д. Это было естественно тем более потому, что формы 1-го лица конъюктива совпадали в обоих спряжениях. Уже отсюда могла следовать аналогия и для индикатива. Смешение форм различных лиц в дв. числе было уже отмечено.

Нарушение чередований огласовки в нетематических основах можно видеть, например, в формах опитатива: мн. число должно иметь слабую основу /supi-/, что и засвидетельствовано в формах *vəgozimāša* /vʒizma/, 1 л. мн. ч. опт. акт. от /ʌgz-: varz-/ 'действовать', *nāšima* /nāšima/ — 1 л. мн. ч. опт. акт. зал. от /nāš-/ < /nāṣ-š-/ 'нести'; но встречаются формы и с сильной основой: *h y ā m ā* /hyāma/ от /š-/ 'быть', причем есть и параллельные ведические формы *syāma* и т. д. Правда, колебания в огласовках восходят еще к доарийскому периоду: ср. при одинаковой в латинском, славянском и иранском огласовке *sunt*, *сѣтъ*, *hənti* различие в других лицах: *ahmi*, *есмь*, *sum* и *estis*, *есте*, *sta*. Но во всяком случае, общая тенденция развития та же, что и в системе имени: тяготение к унификации словозменения по тематическому типу и отказу от чередований огласовки как морфологического средства, отмирание форм дв. числа.

ПРЕВЕРБЫ

В разделе о предлогах уже говорилось, что некоторые из них могут быть и превербам — /api/, /abi/, /anu/, /antar/, /ā/, /ava/, /upa/, /pati/, /pari/: *aipikərəntaiti* /api-kṛntati/ 'разрезает', *avi... kərəntaiti* /abi-kṛntati/ 'переперезает', *upa.kərəntayan* /upa-kṛntayan/ 'врезались', *paiti.ava.kərəḍyāṭ* /pati-ava-kṛtyāt/ 'пусть дорезет до...', *antarəša* /antar/ *drvantəm amrūta...* 'и он сказал неверному...' [Y. 19.15], *kəng ā vanhəuš jimat manahō čistiš* 'к кому (мн. ч.) придет познание Доброй Мысли' [Y. 48.11] — и здесь, впрочем, можно говорить о превербе *ā...* *jimat* или о «предлоге»; *kəng ā upa tam vanam ači* 'идет в тот

лес' [V. 5.2] — опять возможно двойное толкование. В примере у^э vā mazdā ahurā pairī, jasāi vohi manahā 'я тот, который буду служить (букв. 'ходить вокруг') вам, Ахура Мазда с Ваху Манах'. Здесь, как будто, именно превербное значение /paɪ/ более ясно, но все-таки самостоятельность преверба подчеркивается графически: долгий гласный на конце, как это принято в Гатах.

Можно было бы отказаться от выделения особого класса превербов, если бы некоторые из них не употреблялись только при глаголе:

/apa/ ара, др. *ἀπό* 'от' — ара. *kərentaiti* 'отрезает';

/us/ us, uz, др.-инд. *ud* 'вверх', 'вон'; *us.jasaiti* 'восходит';

/fra/ fra, др.-инд. *pra* 'вперед': *fra.jasaiti* 'выступает', *fra.jasən /-jasən/* 'подойдут';

/ni/ ni, др.-инд. *ni* 'вниз': *ni.jasən* 'спустились';

/vi/ vi, др.-инд. *vi* 'вон, в разные стороны': *vī... jasaiti* 'расходится';

/ham/, др.-инд. *sam* 'вместе': *han.jasənte* 'собираются'.

По месту в предложении преверб чаще тяготеет к глаголу, но могут и отделяться от него: *ačā hyač tā hām /ham/ mainyu jasaētəm /jasaitam/* 'и вот, когда те два духа сошлись' [Y. 30. 4].

ОТРИЦАНИЕ

Для всех наклонений, кроме императива (а для индикатива — исключительно) может употребляться отрицание *nōit /na-it/*.

Индикатив: *nōit /na-it/ aotəm āgha /āha/* (3 л. ед. ч. инд. перф. акт. зал.) *nōit /na-it/ garēməm nōit /na-it/ zaurva āgha /āha/ nōit /na-it/ mərəduyūš* 'не было ни холода, ни жары, ни старости, ни смерти' [Y. 9.5].

Конъюнктив: *nōit /na-it/ aštəm nōit /na-it/ varsəm... pairi. sprāiti arəm āstryānte /ā-stryāntai/* (3 л. мн. ч. конъюн. през. мед. зал.) 'пусть они не грешат перед водой разбрасыванием костей и волос' [V. 6.29].

Оптитив: *nōit /na-it/ daibitīm duš.sastiš ahūm mərəšyāt /mr̥ṣyāt/* (3 л. ед. ч. опт. през. акт. зал.) 'да не разрушит злоучитель вторую жизнь' [Y. 45. 1].

Инъюнктив: *nōit /na-it/ mana xšədre hvat /bavat/* (3 л. ед. ч. инъюн. през. акт. зал.) *aotō* 'не будет в моем царстве холода...' [V. 2.5].

Для императива — исключительно, а для конъюнктива, оптитива и инъюнктива — факультативно употребляется запретительное отрицание */mā/ mā*, др.-инд. *mā*, гр. *μή*, н.-перс. *ma-*.

Императив: *mā /mā/ avi asmanem frašusa /fra-susa/* (2 л. ед. ч. импер. през. акт. зал.); *mā /mā/ avi zam ni. urvise /ni-rvisya/ (id.)* 'не уходи на небо, не обращай к земле' [Yt. 17.60].

Конъюнктив: *māča /mā/ ... irišyāt, /rišyāt/* (3 л. ед. ч. конъюн. през. акт. зал.) 'пусть он не принесет вреда' [V. 7.38].

Оптатив: mā /mā/ vō jāmyāt /jamyāt/ (2 л. ед. ч. опт. аор. акт. зал.) akāṭ aśyō 'да не придет к вам худшее худшего' [Y. 59.31].

Инъюнктив: mā /mā/ dim pərəsō /pṛsaṣ/ (2 л. ед. ч. инъюн. през. акт. зал.) yim pərəsaḥi 'не спрашивай того, кого спрашиваешь' [Н. 2.17].

ГЛАГОЛЬНЫЕ ИМЕНА

Как непосредственно от корней, обозначающих действие, так и от основ индикатива всех трех систем образуется значительное количество различных имен. Иногда трудно разграничить а) типы имен, вошедших в глагольную систему, б) типы отглагольных имен, которые имеют полную парадигму склонения и должны считаться существительными (x'agəḏa- 'еда', baxta- 'судьба', šyaodpa- 'поступок', vastra- 'одежда', staodwa- 'восхваление', xšaḏga- 'царство', а также имена деятеля на /-tar-/ — θwogəštār- 'творец' и т. д.) и в) изолированные формы, которые трудно отнести к одной из первых двух групп за недостатком материала.

Причастия

Причастия презенса и аориста

1. Активное причастие образуется от основы презенса или аориста суфф. /-nt : -ant/ (с которым сливается и исходный гласный основы): през. /sup- : saup-/ , прич. /sup-at- : sup-ant-/; през. /ṣ- : aṣ-/ , прич. /hat- : hant-/ 'сущий', вин. п. ед. ч. м. р. hantəm, род. п. мн. ч. hatam.

Есть, однако, формы и без чередования гласного суффикса, например: vīspa.hiṣas 'все воспринимающий', им. п. м. р. ед. ч. /vispa- hiṣ-nt-s/; для именительного падежа ожидалось бы /hiṣ-antṣ/, *hiṣas. С другой стороны: pāntō /pānt-ah/ 'охраняющий' им. п. мн. ч. от корня /pā-/. Второй случай объясняется гласным исходом корня, первый же предположительно связывают с положением тона [Reichelt 1909, 153].

Для тематических основ презенса и аориста следовало бы ожидать отсутствие чередования в суффиксе причастия, поскольку /n/ после гласного не может иметь гласного значения, что мы и видим в слове fšuyans /fšuya-nt-s/ — им. п. ед. ч. м. р. 'скотовод' и fšuyantō /fšuya-nt-ah/ — род. п. ед. ч. м. р. Однако встречаются и слабые формы: fšuyasu /fšuya-t-su/ — местн. п. мн. ч. При отсутствии другого объяснения, приходится признать аналогию с образованиями от нетематических основ [Reichelt 1909, 153].

Женский род причастий образуется по общему образцу с суфф. /-i/ от слабой основы (если есть чередование основы); haitīm /hat-i-m/ — вин. п. ед. ч. ж. р. от /hat- : hant-/ 'сущий'. В других случаях — от сильной основы: vanaintīm /vana-nt-i-m/ 'побег-

дающий' — вин. п. ед. ч., *vanaintyās-ša* /*vanantyās*/ — род. п. ед. ч. 'побеждающий'.

Склонение этих причастий дано на стр. 172. Это образование может быть признано обще-индоевропейским и продолжилось в причастных формах различных индоевропейских языков (лат. -ant, др.-гр. -οντ, др.-слав. -ont, -ent).

2. Медиальное причастие представляет тематическое образование с суфф. /-mna/ — для тематических основ презенса-аориста, для нетематических /-āna/, /-ana/, от слабой основы (соответственно, ж. р. /-mna/, /-ānā/): през. осн. /sara-/, прич. мед. зал. /saramna-/; през. основа *manya-*, прич. /*manyamna-*/ — им. п. ед. ч. м. р. *mainīnā* 'думающий', ж. р. /*manyamnā-*/ 'думающая'. През. основа /*sup-* : *saup-*/, прич. /*supana-*/ : /*gn-* : *gan-*/ 'бить', прич. /*gnāna-*/, им. п. м. р. ед. ч. *ṛgnānō*; осн. аор. /*man-h-*/ 'думать', прич. /*manhana-*/ — им. п. м. р. ед. ч. *manhānō*.

Суфф. /-mna/ имеет (редкий) вариант /-mana/: *sayamana-* 'лежащий', но рядом есть и *sayamna-*. Причастия медиального залога, образованные при помощи суффикса с элементами /mn/, восходят также к обще-индоевропейскому, но огласовка в разных языках различна: др.-гр. -μενο-, др.-инд. /-māna/. Огласовка -mna засвидетельствована несколькими языками [Мейе 1938, 289]. В индийской огласовке -māna Бартоломе [Bartholomae 1901, 109] видит аналогию к нетематическому -āna, в авестийских написаниях -mana Бенвенист [Benveniste 1933] видит ошибку в чтении.

В причастии сохраняются специальные значения исходной глагольной основы. Так, от основ на -*ṣya* (стр. 211) причастие имеет значение будущего времени: *visrām aśavanam hantəmča* /*hantam*/, *bavāntəmča* /*bavantam*/, *buṣyantəmča* /*bu-ṣya-ntam*/ 'всякого праведника, сущего, становящегося и будущего' [Y. 21.4]. Значение будущего времени часто имеют и причастия аориста (по видовому своему характеру не могущего выражать настоящего времени, как и русский совершенный вид): *uō arataḥ mərəx-šanō* /*mṛk-s-anah*/ *gaēḥā* 'который пришел, чтобы разрушить' (букв. 'имеющий разрушить') естество' [Y. 19.14].

Причастия перфекта

1. Активное причастие перфекта образуется от слабой основы перфекта суффиксом /-uṣ- : -vāṣ-/ , т. е. (для перфекта с удвоением) /*susup-uṣ-*/ : /*susup-vāṣ-*/: перф. осн. /*vid-*/ : /*void-*/ 'знать', прич. /*viduṣ-*/ : /*vidvāh-*/ 'мудрый', им. п. м. р. *vidvā*, дат. п. м. р. *vi-duṣe*; перф. осн. /*dad-*/ : /*dadā-*/ 'создавать', прич. /*daduṣ-*/ : /*dad-vah-*/ 'создатель', им. п. м. р. *dadvā*, род. п. *daduṣō* (варианты /*dad-*/ и /*dad-*/ были реальны, что видно из продолжения основ презенса в новоперсидском языке: *dih-* : *dē-*); перф. осн. /*va-un-*/ : /*va-van-*/ 'побеждать', прич. /*vaunuṣ-*/ : /*vaunvāh-*/, род. п. мн. ч. *vaonuṣam*.

2. Медиальное причастие перфекта образуется так же, как причастие презенса от нетематических основ, т. е. /susup-āna-/, ж. р. /-ānā-/; перф. осн. /ma-mn-/ 'помнить', прич. tamnāna-/tamnāna-/.

Значение причастий перфекта соответствует общему перфектному значению результативности: /dadvāh-/ 'творец тот, кто создал'.

Однако иногда встречается и просто значение прошедшего времени, особенно при временных противопоставлениях: aśauṇam... hātam, ... āṇhuṣam /ah-uṣ-ām/ ... buṣyantam... 'праведных... сущих... бывших... будущих'. Когда перфект имеет значение настоящего времени, например /vid-/ : /vaid-/, то соответственно и причастие сохраняет его значение: /vidvāh-/ 'знающий' (т. е., собственно, 'узнавший').

Пассивными причастиями перфекта называют обычно отглагольные прилагательные с суффиксом /-ta/. Они образуются не от основы, а непосредственно от корня, в слабой его степени — в средней для согласных корней, в нулевой — для сонантных: /sap-ta-/, /sup-ta-/ от √hḥk-/ 'следовать' — причастие /hak-ta-/ > /haxta-/ haxta-; √bnd-/ 'завязывать', /bnd-ta-/ > /basta-/basta- (др.-инд. badḍba-); √bṛṣ-/ 'нести', прич. /bṛta-/ (др.-инд. bhṛta-), ava. bṛeta — им. п. дв. ч. м. р. 'унесенные'; √mn-/ 'думать', прич. /mṇ-ta-/ > /mata-/ (др.-инд. mata-), humatam — им. п. ед. ч. ср. р. 'хорошо задуманное', 'добрая мысль'.

Пассивное значение эти причастия имеют только от корней с преимущественно переходным значением. При непереходном значении корня они имеют активное (точнее — нейтральное) значение: √gm-/ 'приходить, двигаться', /gṇ-ta-/ > /gata-/, им. п. м. р. gatō 'выступивший'; √i-/ 'идти', /-i-ta-/, виш. п. м. р. aiwītam 'пришедшего'.

Это причастие употреблялось в описательных конструкциях (впоследствии весьма широко распространенных), которые легли в основу парадигм прошедшего времени в новоирацских языках.

Соотношение переходность — пассив; непереходность — актив сохранилось в производном от этого имени так наз. «причастии прошедшего времени» в новоперсидском языке (gufta- : rafta-).

С тем же значением, но редко встречаются образования с суффиксом /-na/ : /rṇ-na-/ 'наполненный, полный' от корня /rṇ-/ 'наполнять'. Это, как и образования с суффиксом /-ta/ — древнеиндоевропейские модели, они вошли в качестве причастий в апалитические конструкции различных новоиндоевропейских языков с формами на *-to: в германском — англ. said и gone, в славянском — битый и жареный и т. д.

К понятию «причастие» приближаются также еще несколько адъективных отглагольных форм, имеющих приблизительное значение герундивов (т. е. participia futuri passivi), с суффиксами:

1) /-ya/: $\sqrt{[v\gamma]}$ 'выбирать', /var-ya-/, им. п. ед. ч. м. р. vairyo 'долженствующий быть избранным', 'лучший';

2) /-lva/, /-ḍva/: $\sqrt{[gn]}$ 'бить, убивать' /jan-ḍva-/, им. п. мн. ч. м. р. jaḍwa 'те, которых должно убить';

3) /-ata/: $\sqrt{[yz]}$ 'почитать' (точнее 'приносить жертву', но управляет винительным падежом имени божества, поэтому удобнее переводить 'почитать'), /yaz-ata-/ — 'тот, кого следует почитать', т. е. бог — термин, введенный зороастризмом вместо арийского daiva.

Абсолютив

Под абсолютивом понимается глагольное имя, выступающее в качестве центрального члена обстоятельства или именной части сказуемого без согласования с подлежащим, в застывшей форме винительного падежа от имен действия или причастий — для Авесты свидетельствуются формы от имен на /-a/, /-ti/, т. е. на /-am/ и /-tim/ [Reichelt 1909, 337]: yezi jūm /jivam/ frapayēmi aoi zam 'если живым достигну я земли' [Yt. 5.63]; ōyāmciṭ ava vācim gādanam asrutam /asrutam/ paiti.barō aratufriš 'при изнурении (даже) одного слова (вин. п.) из Гат, приносящий (дрова) — не удовлетворяет Рату' [N. 103]; yeziča aēte nasāvō yā spō.barētača vayō.barētača vōhrkō. barētača nasuš narəm āstārayantīm /ā-stāraya-nti-m/ ānhāt 'и если бы эти мертвые ткаи — унесенные собаками, унесенные ветром, унесенные волками, были бы для человека делающими его грешным. . .' [V. 5.3].

Инфинитивы

Специальной генеральной формы инфинитива авестийский глагол не имеет. В значении и функциях инфинитива (как мы его понимаем), фигурируют различные формы косвенных падежей имен действия. Выделить из них формы, уже ставшие собственно инфинитивами, трудно. Первый привычный для нас признак такого выделения: глагольное управление — оказывается недостаточным: в языке Авесты многие имена отглагольного происхождения сохраняют глагольное управление: yaṭ bavāni aiwi.vanyā /abi-vanyāh/, сравнительная степень от /abi-van-/ (имя действующего лица от корня /vn-/ 'побеждать'). . . aṣim dahākam /aṣim dahākam/ (вин. п. — прямое дополнение) 'чтобы я стал победителем (букв. 'стал наиболее побеждающим') змея Дахака' [Yt. 5. 34]; vaōbim /vaidyam/ (имя действия) maθrəm /maθram/ (вин. п.) 'познание святого слова' [Y. 25.6].

Выделение инфинитивов остается поэтому в значительной мере условным. Были выделены следующие группы форм, которые можно трактовать как инфинитивы:

1. Формы винительного падежа: ēiθrā mōi dām /dā-m/ (вин. п., самостоятельно имя /dā-/ не зафиксировано) ahum.biš ratūm ēiždī 'и научи меня установить Рату, целительного для

мира' [Y. 44.16]; yimō... kərənaot... x'airyaṇ /hvaryaṇ/ (вин. п. мн. ч.; самостоятельно имя не зафиксировано) x'arəθəm ajuamṇəm 'Яма... создал... для того, чтобы есть, пищу неиссякаемую' [Y. 9.4].

2. Более сомнительные аблативы и генитивы, например, у Райхельты [Reichelt 1909, 198] аблатив *darəsāt* /darsāt/ 'schauen'. Но в тексте: *maθrānō... uəišpāt darəsāt* /darsāt/ *ašaḥuā* 'пророки... которых он охранит от лицемерия Арты' [Y. 32.13]. Здесь, во-первых, аблатив от засвидетельствованной основы /darθa-/ 'видение', а во-вторых, управление не глагольное, а именное /artaḥuā-/ — род. п.

Так же с генитивом: *tā tōi izyā ahurā mazdā darštōiš-čā* /darštai-š/ (род. п.) *hēm. parštōiščā* /ham-parstai/ (род. п.) 'и я желаю, о Ахура Мазда, обоим этим твоим увидеть и беседовать с ними' [Y. 33.16]. Но Genitivus Partitivus может часто выполнять роль объекта: *ahyā hvō nē dāidī* 'дай нам того...' [Y. 40.2].

3. Дательный падеж по своему значению наиболее подходит к функции инфинитивов. Но и здесь мы чаще всего находим формы от реально существовавших самостоятельных имен: *avaṇhe* /avaḥ-ai/ 'помогать' при формах *avaṇhō* /avaḥ-ah/ (род. п.), *zyanāi* /zyanāi/ 'вредить' при формах *zyanəm* /zyanam/ (вин. п.) 'вред'.

Можно выделить более точно формы на /-dyāi/: *srūidyāi* /srudyāi/ *srūidyāi mazdā frāvaōčā* 'скажи, Мазда, для того, чтобы слышать' [Y. 34.12]. Морфологически это можно себе представить как дательный падеж от имени на /-dya/, но глагольные имена с таким суффиксом не засвидетельствованы, и в немногочисленных именах с исходом на /-dya/ звук /d/ является корневым: *vaēdya-* /vaidyā-/ от /vaid-/; *ayaōzdyā-* /ayaūzdyā-/ от /yauž-dā-/. Инфинитивы на /-dya/ встречаются только в Гатах (за исключением *graverəndyāi* /gra-vṛn-dyāi/ 'исповедовать веру' [V. 4.2]: *dazdyāi* /dad-dyāi/ 'дать', *vōiždyāi* /vaid-dyāi/ 'узнать', *verəzeyēdyāi* /vṛz-ya-dyāi/ 'действовать'.

Вопрос о том, какие формы в Авесте можно считать инфинитивами, остается спорным. Бенвенист [Benveniste 1935] отвергает многие формы, предложенные Бартоломе и Райхельтом. Хумбах [Humbach 1959] «реабilitирует» некоторые из них.

Вообще, представляется, что для языка Авесты следует говорить не собственно об инфинитивах, а лишь о падежных формах отглагольных имен, имеющих тенденцию употребляться в значениях инфинитива.

Из этих значений можно выделить следующие:

а) цель: *frā maṇ hunvaruḥa x'arəθəe /hvartai-ai/, aoi maṇ staomaine* /stav-man-ai/ *stūidī* 'выжми меня (т. е. Хауму) для вкушения, восхвали меня для восхваления' [Y. 9.2]; *srūidyāi* /sru-dyāi/ *mazdā frāvaōčā* 'возгласи, о Мазда, чтобы слышали' [Y. 34.12];

б) специально при модальных глаголах: *yezi vasən /vasa-n/* (3 л. мн. ч. имперф. в значении конъюнктива) *mazdayasna zaṃ raoiḍyaṃ hixtayaēša /hixtai-ai/ karštayaēša /karštai-ai/ parakan-tayaēša /para-kantai-ai/* 'если хотят маздаясны землю пахотную орошать, обрабатывать и перепахивать' [V. 6.6];

в) предикативный инфинитив: *yaṭ hē aṇbaṭ x'airyaṇ /hvaryaṇ/ aṇyamnəm* 'чтобы ему была ненсчерпаемая пища (— для еды)' [Yt. 13.50];

г) Accusativus cum infinitivo: *aṭ tōi ātrəm /ālar-am/ usō-mahī /us-mahi/* (1 л. мн. ч. през. акт. зал.)... *stōi /stai/* (инф.) *rapantē čīθrā avan hēm. /-avahan/* (вин. пад.) 'а мы желаем, чтобы твой огонь был благочестивому приятным' [Y. 34.4].

д) значение императива (независимо от лица): *āaṭ mē visei /i-sai/ gaēdanam θrātāča* 'и готовься для моего мира быть защитником' [V. 2.4]; *hōi hudəmēm dyāi /dyai/* (инф.) *va xəδra-h yā* 'дадим ему приятность речи' [Y. 29. 8].

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПРЕДЛОЖЕНИИ¹⁰

Порядок слов в предложении, как это естественно для языка с богатой флексией, достаточно свободен, и связь слов определяется лишь по морфологическим признакам: *yejñhē hātām āaṭ yesnē paiti vanhō mazdā ahurō vaēdā ašāṭ hačā yāñhamčā taščā tāščā yazamaidē* 'И вот /aṭ/ мы поклоняемся /yazamadaṭ/ и тем (мужам) /taus-ča/ и тем (женам) /tās-ča/, из сущих /hatām/, добро ('лучшее') /vahyah/ которого (мужа) /yahya/ и которых (жен) /yāsām-ča/ в /pati/ молитве /yasnai/ познал /vaida/ Ахура /ahuraš/ Мазда /mazdāš/ от /hača/ Арты /tāt/ — рефрен, общий для Яштов.

Однако, такой сложный для понимания порядок слов характерен, как правило, лишь для Гат. В поздней Авесте слова, связанные между собой грамматически, как правило, соседствуют в предложении друг другу. Законов порядка слов здесь найти не удастся, но можно обнаружить некоторые тенденции.

Глагол стоит чаще перед подлежащим: *pərəsaṭ zaraḍuštrō ahurəm mazdām* 'спросил Заратустра Ахуру Мазду'; *upāiṭ haomō zaraḍuštrəm* 'подшел Хаума к Заратустре' и т. д. Но: *zaraḍuštrō ahunəm vairiṃ frasnāvayaṭ* 'Заратустра пропел Ахуну Варью'.

Если определение стоит после определяемого, то часто появляется в качестве связи местоимение /ya-/ или в нужной падежной форме, или в генерализованной форме *yaṭ /yat/* (собственно, им.-вин. пад. ср. рода).

¹⁰ Подробнее об этом см. [Reichelt 1909, 356—387].

Для соединения однородных членов предложения могут употребляться:

1) энклитические союзы -ča 'и', -vā 'или': pita puḍrasča /pita puḍras-ča/ 'отец и сын'; yō gaḍwaṃ... janaiti vā /vā/ vayeiti vā /vā/ xraosyeiti vā /vā/... 'кто суку... ударит, или прогонит, или напугает' [V. 15.5];

2) союз /uta/ 'и', ср.-перс. uṯ, н.-перс. u: uta /uta/ nmānəm uta /uta/ visəm uta /uta/ zantūm 'и семью, и род, и племя'.

Для сложного предложения сочинительные союзы те же, что для однородных членов, причем энклитики присоединяются к первому слову предложения: spaōḍō vafra spaēžāt... θrižatča /-ča/ iḍa gəuṣ araḵasaṭ 'пойдет снег из тучи (букв. 'туча посыплет снег')... и (только) треть скота уцелеет' [V. 2.22—23].

В качестве подчинительных союзов употребляются главным образом падежные формы относительного местоимения /ya-/ и производные от этой же основы местоименные наречия: ušta buyāt ahmāi naire, yasə /yaš/ им. п. ед. ч. м. р. θwā... frāyazāite 'да будет (все) по (его) желанию тому человеку, который тебя почит' [Yt. 10.9]; janat aḵīm srvarəm... yim /yam/ (вин. п. ед. ч. м. р.) upairi viš raōḍat 'убил рогатого змея... по которому тек яд' [Y. 9.11].

Как многозначные союзы употребляются две заставшие формы этого местоимения — yā /yā/ и yaṭ /yat/: taṭ mazdā tavā xšaθrəm, yā/ yā dāhī drigaovē vahyō 'в том, Мазда, твое могущество, что ты даешь нищему лучшее' [Y. 32.4]; nōiṭ pascaēta hušx'afa yaṭ /yat/ mainuy dāmaṇ daiḍitəm 'не спал после того, как два духа создали творения' [Y. 57.17]; taṭ ahmāi jaṣat āyartəm, yaṭ /yat/ hē ruθrō us.zayala 'то счастье ему пришло, что у него сын родился' [Y. 9.4].

yadā/ yadā 'когда': yadā /yadā/ aēšam kaēnā jamaiti 'когда придет их возмездие...' [Y. 30.3];

yavat/, /yavatā/ 'пока': pañcadasa fračarōiḍe pita puḍrasča raōḍaēšva katarasēit, yavata /yavatā/ xšayōiṭ... yimō 'пятнадцатилетними по внешности, ходили и отец и сын, пока царствовал Йама' [Y. 9.5];

yadā/ 'как', 'чтобы' и др.: adā nē anhaṭ, yaḍā /yadā/ hvō vasat 'пусть так нам будет, как он захочет' [Y. 29.4]; dazdi me... taṭ āyartəm... yaḍa /yadā/ azəm nōiṭ tarštō frānmāne 'дай мне... то счастье, чтобы я не убежал в страхе' [Yt. 9.4].

yada, yadi, yazi/ yada, yeḍi, yezi 'если': yezi /yazi/ dīm nōiṭ yaoždaḍante, āaṭ hvam tanūm pairi.yaoždaiḍita 'если они его не подвергнут очищению, то пусть он совершит над собой очищение сам' [V. 8.103].

ДРЕВНЕПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК

ВВЕДЕНИЕ

Материал клинописных надписей Ахеменидов количественно значительно уступает Авесте, однако особая ценность его состоит в том, что здесь мы имеем дело с подлинными памятниками, которые более или менее точно датируются и локализуются, хотя диалектальное положение их языка, который в науке принято называть древнеперсидским, не вполне ясно.

Датировка надписей определяется годами правления царя, от имени которого составлена надпись, известными нам из античных источников. Основная часть памятников относится к времени правления Дария I (522—486 до н. э.) и Ксеркса (486—465 до н. э.). Самые поздние относятся к царствованию Артаксеркса III (359—338 до н. э.).

Внешняя локализация памятников не имеет лингвистического значения — они находятся в разных краях Ахеменидской империи: самая большая надпись — Бехистунская — на территории Мидии, есть надписи из Суз (Элам), из Египта. Наибольшее количество надписей найдено в древней Персиде — метрополии Ахеменидов.

Что касается диалектологической локализации древнеперсидского языка, то следует полагать, что это был если не родной язык ахеменидских царей, то во всяком случае, язык им понятный, то есть, или тождественный, или близкий к арийскому языку Аншана, где Ахемениды ко времени Дария I были правителями уже в течение нескольких поколений.

Вопрос о том, как и когда арийский (древнеперсидский) язык стал языком Аншана — Персиды является до сих пор предметом споров. Есть две точки зрения относительно путей проникновения арийских племен (соответственно, языков) на территорию современного Ирана.

Первая точка зрения: центром арийской (индоиранской) общности была Средняя Азия и прилегающие к ней области. Около II тыс. до н. э. произошла первая волна миграции арийских племен через Гиндукуш в северную Индию. Это положило начало разделению арийских племен (и диалектов) на индийские и иранские (терминология современная — сами они, и те, и другие, продолжали называть себя агуа-).

В I тыс. до н. э. началась экспансия среднеазиатских арийских племен во всех четырех направлениях: на север до Урала, на запад — до Дуная, на восток — до Алтая, на юг и юго-восток — на территории современных Ирана и Афганистана. Конечной областью экспансии на юго-западе и была Персида [подробней об этом см. Оранский 1963, 33—37].

Вторая точка зрения: центром арийской общности было Северное Причерноморье, откуда была первая миграция через Кавказ в Малую Азию, фактичность которой подтверждают арийские элементы в хеттских памятниках. Вторая миграция была также через Кавказ — Мидию, и оттуда уже, с одной стороны — в направлении Хорезма, с другой — в направлении Персиды [Brandenstein, Mayrhofer 1964, 1—2, со ссылкой на Altheim'a].

Аргументация такова: в 836 г. до н. э. ассирийский царь Салманассар III получал дань из области Parsuaš, южнее Урмии: У Страбона Урмия называется *Ἰρμυη καραύτα* (т. е. karauta-), и переводит он *καύνη* 'темносиний'. У Плиния озеро называется Capotes [Herzfeld 1938, 232]. В халдских надписях термин — Baršua [König 1934, 8 и сл.]. В 743 г. до н. э. Тиглатпалассар идет войной на Parsuaš. Предполагается, что это уже южнее, в Загросе. В 693 г. до н. э. Сенахериб идет против Элама, имея союзниками Parsuaš и Anšan (Аншан — не весь Элам, а только его часть). Во времена Ашшурбанипала Кир I (сын Чишпиша, известный из Бехистунской надписи и уже несомненно Ахеменид из Персиды) был вассалом Ассирии, потом — Мидии.

Таким образом, в качестве основного аргумента «кавказского» варианта принимается передвижение этнонима (топонима?) Parsuaš — Pārsa от Урмии до Персиды.

Далее: гипотеза о продвижении иранцев в Среднюю Азию (Хорезм) из Мидии поддерживается следующими аргументами:

а) этимологией топонима 'Хорезм' предполагается, что в состав топонима входит корень *gz, который в восточноиранском в сочетании с суф. *-ma- дал бы *sm;

б) свидетельством Бируни, который пишет, что хорезмийцы относятся к роду персов, в отличие от согдийцев. Хочется привести цитату: «Поскольку он сам был хорезмийцем, можно доверять его осведомленности» (через 1500 лет!) [Brandenstein, Mayrhofer 1964, 1—4; Altheim 1950, 210].

Аргументы за и против первой и второй точек зрения.

Миграция арийцев в Малую Азию, оразившаяся в хеттских памятниках, вероятно, должна была идти через Кавказ (хотя можно признать и возможность другого пути — через Балканы и Босфор). При этом действительно следует признать центром арийского ареала Северное Причерноморье (в «кавказском» варианте), или бассейн Дуная (в «балканском» варианте). Но это не противоречит второй точке зрения, так как речь идет не о I тыс. до н. э., а о значительно более раннем периоде, когда «эпицентр»

арийцев по общепринятой сейчас концепции лежал в Европе, а не в Средней Азии.

Анализ топонимов (а вслед за ними и этнонимов) для определения движения языкового процесса плодотворен, но не безусловно доказателен (примеров масса, возьмем один простой: если бы нам была бы так же мало известна языковая ситуация в средневековой Западной Европе, то какие бы мы могли, исходя из этой концепции, сделать выводы из терминов «Франк», «Франция», «Французский язык?»).

Поэтому продвижение топонима *Parsuaš* — *Pārsa* вовсе не обязательно связывать с продвижением определенной группы иранских племен, как продвижение термина «Русь» от Новгорода до Киева вовсе не означает миграции славянских племен в соответствующем направлении.

Название озера Урмия никак не доказательно. Во-первых, *karauta* вовсе не обязательно персидское слово, а арийское, так как оно есть и в древнеиндийском. Во-вторых, Страбон жил вовсе не в том веке, в котором предполагается миграция иранских племен на юг, а тем более Плиний.

Кроме этих контраргументов можно представить и прямые аргументы в пользу гипотезы о среднеазиатском эпицентре арийской экспансии (признавая более раннюю локализацию арийской общности, а именно в северном Причерноморьи, включая низовья Дуная, экспансия откуда в Малую Азию окончилась ассимиляцией арийцев с местными народами).

Если думать, что арийская экспансия шла из северного Причерноморья через Кавказ, то, вероятно, очень трудно было бы предположить, что тем же путем шла и экспансия в Среднюю Азию и в Индию. Трудно потому, что тогда пришлось бы возводить не только древнеперсидский и авестийский, но и древнеиндийский к какой-то североарийской общности при относительно большей близости соответствующих языков с более или менее восстанавливаемым скифским, чем между собой. А на деле не только древнеперсидский и авестийский, но и древнеиндийский обнаруживают между собой такое сходство, которое невозможно объяснить датировкой расхождения временем эпохи Митанни, и в некотором роде эти языки, включая древнеиндийский, в совокупности противостоят скифскому — как он может быть реконструирован из античных глосс и современного осетинского языка.

Поэтому наши исходные позиции таковы:

1. Иранский язык пришел в Персиду из Средней Азии в I тыс. до н. э. Пришел ли он в современный Иран как самостоятельный, отличный от мидийского (м. б. и парфянского?) диалект, или это диалектальное членение совершилось уже на территории Ирана, нам неизвестно.

2. Был ли древнеперсидский язык в ахеменидскую эпоху живым языком Персиды или только языком социальной верхушки — нам неизвестно.

3. Мидийский язык никогда не был письменным; эламский же, напротив того, был. Насколько мидийский, как язык предшествовавшей империи, эламский, как язык канцелярии другой предшествующей империи, и аккадский, как язык третьей империи, повлияли на письменную форму ранее бесписьменного древнеперсидского языка, и каково было отношение этой письменной формы к живому варианту арийского языка в Персиде при Ахеменидах, и какова была языковая ситуация в Персиде в это время — это вопросы, требующие исследования (постановку некоторых из этих вопросов и общеизвестные данные см. ниже).

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА

У памятников языка Авесты и древнеперсидского языка очень разные судьбы. Зороастризм был без особых усилий подавлен при исламизации Ирана, но не до конца: зороастрийцы существуют до сих пор, и до сих пор существует зороастрийская письменная традиция. По зороастрийская традиция располагает документами на бумаге редко более, чем полутысячелетней давности, со всеми выходящими отсюда возможностями описок случайных и нарочитых. Однако традиция непрерывна, ее блюли зороастрийские дастуры.

Древнеперсидский язык, представленный в клинописных памятниках, никогда не имел вокруг себя сколько-нибудь значительной группы ученых-носителей традиции. Он не был религиозным языком, он был языком только государственным. С падением Ахеменидской империи кончилась и ахеменидская письменность, не оставив по себе никакой традиции. Никто не мог читать клинописных надписей, но многие из них сохранились до сих пор в отличном состоянии.

К самым большим по объему надписям относятся следующие.

Надписи Дария:

Бехистунская (Бисутунская), трехязычная — на древнеперсидском, аккадском, эламском языках, из пяти столбцов (96 + 98 + 92 + 92 + 36 строк) — DBh;

Накш-и Рустам А — 60 строк — DNa;

Накш-и Рустам В — 60 строк — DNb;

Надпись из Суз (о строительстве дворца) — 58 строк — DSf;

Надпись Ксеркса из Персеполя: «Антидевовская надпись» — XPh — 60 строк, XPf — 48 строк.

Полный список известных надписей см. [Kent 1950, 107—115]. После этого найдены еще некоторые надписи, например надпись в Румынии [Harmatta 1954], вероятно, перенесенная; памятники

древнеперсидского языка видит М. Боголюбов в надписях арамейским алфавитом [Боголюбов 1970].

Дополнительный материал дают древнеперсидские (и мидийские) заимствования, а также собственные имена и названия в арамейском, эламском, аккадском и греческом языках [Ungnad 1911; Driver 1957; Eilers 1940, 1954—1958; Friedrich 1950; Cameron 1948; Schaefer 1930; Benveniste 1934; Schwyzler 1939, 153; Mayrhofer 1973; Боголюбов 1973].

В Европе впервые (или, может быть, впервые) узнали о существовании ахеменидских надписей по публикации Шардена [Chardin 1711]. В 1778 г. Карстен Нибур (Carsten Niebuhr) различил в надписях три системы письма (как потом выяснилось, древнеперсидскую, аккадскую и эламскую). В 1798 г. Тихсен (O. Tychsen) высказал предположение, что дело идет о трех разных языках. Все были уверены (по экстралингвистическим данным), что по крайней мере один из этих языков — древнеперсидский. Однако, ключа для дешифровки не было (обычный ключ — билингва при одном известном языке, а здесь — трилингва при трех неизвестных).

Начало дешифровки древнеперсидской клинописи было положено Г. Гротефендом (G. Grotefend). Его остроумные построения, исходящие из презумпированной (правильно) аналогии зачинов ахеменидских и сасанидских (к тому времени уже прочитанных) надписей, описаны в научной литературе неоднократно [см., например, Kent 1953, 10]. Гротефенду удалось определить около 10 клинописных знаков. Имея в виду, что это было время начала бурного развития сравнительно-исторического индоевропейского языкознания, и в Европе уже были хорошо знакомы с древнеиндийским и начинали знакомиться с Авестой, этого первого шага было достаточно для быстрого прогресса в изучении древнеперсидского языка. Назовем работы Лассена [Lassen 1836], Роулинсона [Rawlinson 1846], Бенфей [Benfey 1847], Шпигеля [Spiegel 1862], Коссовича [Kossowicz 1872]; подробный ход процесса дешифровки см. [Kent 1953, 9—11].

Эпохой в исследовании древнеперсидского языка, как и во всем историческом иранском языкознании, явилось издание «Grundriss der Iranischen Philologie», где раздел о древнеперсидском языке (совместно с языком Авесты) был написан Х. Бартоломе [Bartholomae 1900]. Эта работа по полноте и скрупулезности представленного материала не потеряла до сих пор и не потеряет в ближайшем будущем роль незаменимого справочного пособия при работе с древнеперсидским и авестийским языками. Это же относится к «Древнеиранскому словарю» Бартоломе [Bartholomae 1904].

В XX в. следует отметить работы Тольмана [Tolmann 1908—1910], где представлены тексты, словарь и клинописная передача надписей, Вейсбаха [Weissbach 1911] — издание всех надписей с практически полной библиографией предыдущих работ; грам-

матику Мейе — второе издание, переработанное Бенвенистом [Meillet, Benveniste 1931], Херцфельда [Herzfeld 1938], исчерпывающий глоссарий Хинца [Hinz 1942], полное издание текстов в транскрипции с глоссарием и грамматической сводкой Кента [Kent 1950, 1953], четко составленную грамматику Бранденштейна и Майрхофера [Brandenstein, Mayerhofer 1964]. В этот перечень, естественно, не входят работы, посвященные частным вопросам, в том числе и очень важным, касающимся отношений «клинописных» языков между собой, с арамейским и греческим.

Более или менее исчерпывающая библиография древнеперсидских штудий в XX в. (до 1962 г.) дана Дюшеном-Гийменом [Duchesne-Guillemin 1962].

ПИСЬМО

Древнеперсидская клинопись никак не выводится из аккадской или эламской клинописи. Это — не модифицированная заимствованная письменность, а явно нарочито сочиненная с использованием «клиньев» в качестве элементов для письменных знаков.

Первая иранская империя на Ближнем Востоке — мидийская — не оставила никаких следов собственной письменности, а между тем письменность должна была существовать для административных нужд империи. Персы сменили мидян, также не имея собственной письменности. Есть убедительные свидетельства, что ахеменидская канцелярия пользовалась для делопроизводства аккадским и эламским языками [Cameron 1948]. Известно, что для связи между различными частями многоязычной империи использовался в качестве государственной *lingua franca* арамейский язык.

Ведутся споры относительно заявления Дария (Vh. 70), что он «первый приказал писать по-арийски». Возражения сводятся к тому, что: а) почему только третий император почувствовал необходимость писать на своем языке и б) найдены золотые таблички с надписями от имени Ариарамны и Аршамы.

Первое возражение несостоятельно, так как есть исторические параллели — ранне-средневековая Европа вполне обходилась для письма латинским языком, а страны халифата — арабским. Второе возражение опровергается лингвистическим анализом надписей, показывающим, что они относятся к более позднему времени. Видимо, существовала практика составления надписей от имени предков [Brandenstein, Mayerhofer, 1964, 17].

Для монументального жанра надписей (являющегося, очевидно, подражанием надписям Междуречья) представлялась необходимой клинопись. По характеру использования знаков

ДРЕВНЕПЕРСИДСКИЙ АЛФАВИТ

Знаки для согласных

𐎠 a 𐎡 i 𐎢 u

Знаки для согласных + a

𐎧 k^a 𐎥 x^a 𐎦 g^a 𐎨 h^a 𐎩 č^a 𐎪 j^a 𐎫 y^a

𐎬 t^a 𐎭 ṭ^a 𐎮 d^a 𐎰 n^a 𐎱 ṽ^a 𐎲 r^a 𐎳 s^a

𐎴 š^a 𐎵 z^a 𐎶 p^a 𐎷 f^a 𐎸 b^a 𐎹 m^a 𐎺 v^a

Знаки для согласных + u

𐎧 k^u 𐎥 g^u 𐎦 t^u 𐎭 d^u 𐎰 n^u 𐎱 r^u 𐎳 m^u

Знаки для согласных + i

𐎥 jⁱ 𐎮 dⁱ 𐎷 mⁱ 𐎺 vⁱ

Знаки для словораздела

𐎠 i

Идеограммы

𐎧𐎥 xšāyaθiya (XŠ) 'царь' 𐎠𐎠𐎠 būmī (BU) 'земля'

𐎠𐎠 baga (BG) 'бог' 𐎥𐎥𐎠 a^h uramađā (AM) 'Ахурамазда'

𐎠𐎠𐎠 dahyu (DH) 'страна'

Числительные

𐎠 1 𐎡 2 𐎢 3 5 𐎣 4 8 𐎤 6 9 𐎥 10

𐎦 12 𐎧 20 𐎨 23 и т. д.

Опущенный нами 𐎩𐎠 i^a встречается только в четырех словах иностранного происхождения (имена собственные и географические названия)

в ней усматривают арамейскую письменность как исходную: необозначение краткого а в середине слова, но обозначение і и u [Brandenstein, Mayrhofer 1964]. Но этому противоречит наличие разных знаков для і и у, u и v (в арамейской письменности і и у обозначаются одинаково; единый знак существует также для u и v).

ТРАНСКРИПЦИЯ

Как справедливо указывал еще ХOFFMAN [Hoffmann 1958, 5], принятая транскрипция представляет собой «смесь транслитерации и интерпретирующей транскрипции». В качестве примера он приводит: a-s^a-t^a-i-ya мы читаем astiу, хотя теоретически можно прочесть, скажем, asa(a)taiya.

Мы сделаем попытку различать эти два элемента, как мы делали это для языка Авесты, т. е. приводить параллельно и транслитерацию и «интерпретирующую транскрипцию». Собственно, общие принципы этого различия были определены еще у Бартоломе в разделе: «Zur altpersischen Orthographie» [GIPh, I, 160—161]. Однако нам кажется целесообразным проводить это сопоставление последовательно: прежде всего это даст читающему возможность критически относиться к предлагаемой транскрипции и вносить в нее коррективы. Тогда легче будет избежать таких недоразумений как, например, принятое в течение длительного времени чтение tya- для основы относительного местоимения, хотя известно, что сочетание /ty-/ невозможно не только для древнеперсидского, но и для общеиранского, и следует читать его /taуa-/.

При транслитерации мы будем придерживаться следующих принципов:

1. Знак а употреблять только там, где выписана соответствующая буква, причем не различая долготы и краткости. Действительно, знаки, которые традиционно передаются как ta, ma и т. д., могут означать и просто t, m, без последующего гласного. Поэтому мы формулируем так: краткий а в середине слова не выписывается, если он не входит в состав дифтонга. Долгота или краткость звука а будет выясняться в транскрипции этимологически, так же, как и значение наличия или отсутствия конечного знака а.

2. Знаки ku, gu, ji, di и т. д. мы будем выписывать, так как они показывают, что далее следует гласный, и какой именно.

Таким образом, соотношение транслитерации и транскрипции будет такое (транскрипцию мы даем в косых скобках): astiу /asti/, pita /pitā/, hada /hada/.

Долгота конечного а в одном случае определяется авестийскими и индийскими соответствиями (ав., др.-инд. pitā, др.-инд.

saha): bdk /bandakah/. Здесь /n/ мы вставляем из соображений этимологии (мы знаем, что оно было, только не выписывалось, из персидского banda; особенности же его произношения, которые позволили его опускать на письме, мы с точностью установить не можем); /h/ в конце слова восстанавливаем потому, что видим, что если слово исходит на /a/ или /ā/, выписывается а, если же не выписывается, то значит, что слово исходит на краткий /a/ + какой-то согласный (h, t или n): ðuʾam /ðvām/. В транскрипции здесь выпущено u, так как это — форма винительного падежа местоимения 'ты' (ав. ðwam), а именительный падеж выписывается tuʾam (ав. tūm).

В дальнейшем в нужных случаях причина выбора той или иной транскрипционной формы будет оговариваться.

Однако, мы будем пользоваться такой подачей материала лишь в тех случаях, когда нужно будет показать фонетический облик отдельного слова. Когда потребуется привести целый пассаж, то параллельная транслитерация и транскрипция представляется слишком громоздкой. Если дать одну транскрипцию, то нельзя будет проверить ее правомерность, если дать одну транслитерацию, то это будет выглядеть непривычно по сравнению с другими работами и затруднит чтение. Поэтому здесь мы будем придерживаться принятой транскрипции-транслитерации, принцип которой в среднем (есть варианты) таков:

1) а выписывается в середине слова по этимологическим соображениям, а в конце — всегда, если слово кончается на согласный знак (не iу или uv, если они этимологически означают i, u);

2) предполагаемый согласный после а выписывается надстрочным знаком: a^h, at, aⁿ [Bartholomae GIPh] или не выписывается никак [Кент 1950], так же n перед u;

3) знак а в начале слова передается через а или ā (по этимологическому признаку), в середине слова через а независимо от реального значения;

4) долготы ī и ū ставятся по этимологическим соображениям;

5) iу и uv в конце слова выписываются.

ФОНЕТИКА

ГЛАСНЫЕ И ДИФТОНГИ

Краткие гласные /a/, /i/, /u/ соответствуют авестийским: astiy /asti/, ав. /asti/; pita /pitā/, ав. pita /pitā/; puça /puçah/, ав. puḡrō /puḡrah/.

Гласный /ɣ/ — также соответствует ав. /ɣ/: krt-/kṛta-/, ав. kē-rēta /kṛta-/ 'сделанный'.

Долгие гласные /ā/, /ī/, /ū/ соответствуют ав. /ā/, /ī/, /ū/: dām /dātam/, ав. dātəm /dātam/ 'закон', н.-перс. dād; būm /būmīm/, ав. būmīm /būmīm/ 'земля' (вин. п.), н.-перс. būm; didiy /dīdī/ 'увидь', н.-перс. dī(dan).

Дифтонги также соответствуют авестийским: aiv- /aiva-, ав. aēva- /aiva/ 'один'; gauē /gaucah/ 'день', ав. gaocō /gaucah/ 'свет', н.-перс. rōz. Высказывается предположение, что уже ранее Дария произошла монофтонгизация дифтонгов: au > ō, ai > ē. В доказательство приводятся такие заимствования, как эламское Oga-mašta, аккадское Ura-mazda, греческое Ὀρομάζης [Brandenstein, Mayrhofer 1964, 29]. Однако там же приводятся обратные примеры, относимые к другим диалектам: Πόντος *Αἰαίος из /axša-ina-, ав. axšaēna 'темно-синий', κατὰ у Страбона (через пять столетий после Дария!). К тому же, если считать, что персидская клинопись не результат традиции, а единовременное изобретение, то непонятно, почему монофтонгизация в ней не отражена.

СОГЛАСНЫЕ

Согласный состав древнеперсидского таков:

p	b	f	m
t	d	θ	n
č	ǰ		
k	g	x	
s	š	ç	z
r	l	y	v h

Все согласные соответствуют авестийским за следующими исключениями:

/f/ соответствует авестийскому x^v /hv/ в собственном имени /vinda-farnah/, ав. x^varənō /hvarnah/, н.-перс. farg. Считается мидийским (осторожней — северо-западным) заимствованием.

/d/ из ир. *ǰ (*δ') соответствует авестийскому /z/: /dasla/ 'рука', ав. /zasta-, кл. перс. dast; /d/ из ир. *d соответствует ав. /d/: /darga-, ав. /darga-/ 'длинный'.

Древнеперсидское /z/, совпадающее с авестийским /z/, встречается лишь в мидийских элементах и иноязычных географических названиях: /pati-zbaya-/ 'объявлять', ав. /zbaya-, др.-инд. hvaaya-; /zazāna-/ город в Междуречье.

Когда мы говорим о «мидийских» или вообще «северо-западных» заимствованиях в персидском языке всех ступеней — от древнеперсидского до новоперсидского, — речь идет не о случайных единичных заимствованиях, а о большом слое форм, не укладывающихся в «Echtpersisch»; ср. н.-перс. zan 'женщина', гр. γυν-, зан 'бить', др.-инд. hanti, н.-перс. zimistān, ав. zam- 'зима', лат. hiems и др. Это относится и к отражению других иранских фонем.

/θ/ из иранского *ś(*θ') соответствует авестийскому /s/: θrd-/θard-/ 'год', ав. sarəd-; /θata-/ 'сто' (восстанавливается из эламского заимствования *θata-pati- 'центурион'), ав. /sata-/.

/θ/ из индоиранского *t в группах соответствует авестийскому /θ/: θuvaṃ /θvām/ 'тебя', ав. /θvām/.

/s/ из иранского *śv(*θ'v) соответствует авестийскому /sp/: /asa-/ 'конь', ав. /aspa-/, но повоперсидское опять-таки asp.

Группа /šy/ может отражать:

а) иранское (соотв. ав.) *šy из индоиранского *šy: šiyv-/šyav-/ 'двигаться', ав. /šyav-/, кл. перс. šav-, др.-инд. syav-.

б) иранское (соотв. ав.) *θy из индоиранского *ty: /hašya-/ 'истинный', ав. /haθya-/, др.-инд. satya-.

Группа /šn/ может соответствовать авестийскому /θn/ из индоиранского *tn: aršni-/arašni-/ 'локоть', ав. arθni-, др.-инд. aratni- (отсюда и восстанавливаем /a/ в древнеперсидском). Ср. авестийский суффикс имени действия /-θna/, например: šyaθna /šyaudna/ и среднеперсидский -išn, šavišn.

/ç/ соответствует авестийскому /θr/ из индоиранского *tr. Звучание это (спирантное) определяется иноязычными заимствованиями, например, /Artaxšaça-/ 'Артаксеркс', араб. 'rthšš. Естественней из такого определения представляется и среднеперсидский переход ç > s (хотя надо сказать, что в новоперсидском примеров этого перехода немного, больше примеров «парфянского» типа: θr > hr).

В поздних надписях (Артаксеркс II) также встречается имя божества Miθra- и даже Mitra- (вероятно, потому, что звук θ уже вышел из фонетической системы языка и заменялся знаком t, как в среднеперсидском, где выписывается štrw для xšaθra-/xšaça-/, н.-перс. šahr).

Индоевропейское *l принято, с достаточной степенью достоверности, считать в индоиранском слившимся с *r: др.-гр. ὅλος 'весь', др.-инд. sarva-, ав. haurva-/harva-/, др.-перс. hrva-/harva-/.

В Авесте нет знака для этого звука. Однако не только в древнеперсидском, но и в древнеиндийском такой знак есть: в древнеперсидском в основном при передаче иноязычных названий, например Iḃnaṃ /Labnāna/ 'Ливан', но есть ведический вариант puli, рядом с righi, др.-гр. πόλις [Brandenstein 35]. Также обращает на себя внимание схожесть перс. lab 'губа' с лат. labium, нем. Lippe.

Сочетание /hw/ (-ав. x^v /hv/) мы восстанавливаем из позднейших продолжений: /huvaiprašya-/ 'свой', н.-перс. x^vēš < x^vēbš; в клинописи /h/ не выписывается: uvīršiy-.

УДАРЕНИЕ

Обозначений на письме для тона или ударения нет. Следов тона, такого, как он зафиксирован в древнеиндийском, в истории персидского языка не обнаруживается. Удовлетворительное объяснение новоперсидским формам слов дает принятие положения, что в древнеперсидском существовало силовое ударение, фиксированное по тому же принципу, что в латинском, т. е. на втором слоге от конца, если он долг (по качеству или положению), и на третьем от конца, если второй краток.

При этом нужно принять следующее.

1. В ходе развития языка и разложения системы флексий ударный гласный становился последним гласным слова, остальные исчезали: *pars* /pārsah/ 'Персида' > н.-перс. *pārs*; тот же результат, очевидно, и при принятии за исходную форму родительного падежа *parshya* /pārsahya/, имея в виду возможность монофтонгизации на какой-то ступени /ya/, как это видно из авестийского написания — *he*. Но вообще вопрос о падежной форме имен, служащей исходом для дальнейшего развития, неясен, и требует особого исследования.

2. Если после ударного гласного остается два согласных, которые не могли сочетаться, например, /pitaram/, вин. п. > *pitṛ, то между ними появляется вставной звук, который мы обозначим условно *ə*: *pitər*, который затем приобретает качество полноценной фонемы и получает на себя ударение: *pitār* > н.-перс. *pidar* (форма *pit* может происходить из именительного падежа *pitā*, форма родительного /piṭrah/ дает в белуджском *pis*). То же происходит при стечении трех согласных: /Paṛḍavah/ 'Парфия' *paṛḍv* (/h/ не учитываем, так как оно, очевидно, уже не звучало, а только сказывалось на качестве исходного гласного, как авестийское или индийское *ō*) > *paṛḍv* > *paṛḍav* > *paḥlav*.

Если принять эти положения, можно объяснить многие новоперсидские формы, не меняя представления о характере древнеперсидского ударения.

МОРФОЛОГИЯ

Нам трудно судить о степени тождества морфологической системы древнеперсидского языка и языка Авесты, так как если и материал Авесты не всегда дает возможность восстановить эту систему целиком, то древнеперсидского материала это касается в еще гораздо большей степени. Но ценность древнеперсидского материала в том, что он аутентичен (со всеми оговорками относительно диалектальной реальности языка клинописи) и позволяет лучше понять некоторые неясные явления грамматики Авесты.

ИМЕННОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Засвидетельствованы основные типы, отмеченные в языке Авесты.

1. Корневые основы: /ǎp-/ 'вода', /xšar-/ 'ночь', /θard-/ 'год', /nāh-/ 'нос', /{(upa-)stā-/ 'помощь'.

2. Производные основы (или заимствованные слова) на /-a-/, /-ā-/, /-ī-/, /-ū-/: /baga-/ 'бог', /aθurā-/ 'Ассирия', /čišpi-/ 'Теиспей', /Bābiru-/ 'Вавилон'.

3. Суффиксальные тематические основы:

/-ya/: /Naḫāmanišya/ 'Ахеменид', /martiya-/ 'человек', /hami-
šya-/ < /hup-miθr-ya-/ hmišiy- 'сговорившийся' > 'восставший';
нормально в этнических названиях («нисбах»): aθuriy- /aθur-ya-/
'ассирийский', uvrazmiy- /hvarāzmi-ya-/ 'хорезмийский' и т. д.;

/-ta/: aruvsta- /arvasta-/ 'действие' < /ar-va-ta-/;

/-ka/: arik /ahrika-/ 'враждебный'; kputka- /kapautaka-/ 'голубой';

/-na/: apdan- /apa-dā-na-/ 'дворец', vrdn- /vrda-na-/ 'город', hmrn-
/ham-ar(a)-na-/ 'битва'; ж. р. /-nā/ frmana- /fra-mā-nā-/ 'приказ';
/stū-nā-/ (ав. stūna- м. р. и stūnā- ж. р., др.-инд. sthūnā; stuna
/stūnā/ DSI, 45 — может быть именительным падежом мн. числа
как мужского, так и женского рода);

/-ra/, ж. р. /-rā/: /tig-rā-/ 'острая', ж. р.;

/-ça/ < /-θra/: /xša- θra-/ 'царство', ср. р.;

/-va/: pruv- /par-va-/ 'прежний'.

4. Суффиксальные основы на /-i/:

/-ti/: /arš-ti-/ 'копье', ж. р.

5. Нетематические суффиксальные основы:

/-tar/: /jan-tar-/ , jta /jantā/ им. п. м. р. 'побивающий';

/dauš- tar-/ , d'ušta /dauštā/ им. п. м. р. 'друг'; имена родства
/pi-tar-/ 'отец', /brā-tar-/ 'брат';

/-man/: /as-man-/ 'небо', ср. /as-an-/ 'камень';

/-van/: /artā-van-/ 'праведный';

/-ah/ < aš/: man-ah 'мысль', /rauč-ah-/ 'день';

/-iš/ < iṣ/: /had-iš-/ 'резиденция' (от /had-/ 'сидеть');

/-vat// -vant/ может быть, в производном /arvasta-/ < /ar-va-ta-/
'деятельность, мощь' (от /ar-/ 'двигаться').

СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Сравнительная степень на /-yah/: /tav-yah/ или /taviyah-/
(ср. др.-инд. sthavīyas), tviya /tav(i)yāh/ им. п. м. р. 'более силь-
ный'.

Превосходная степень на /-išta/: /maθ-ista-/ 'величайший'.

Формы сравнительной и превосходной степеней на /-tara/
и /-tama/ от прилагательных не засвидетельствованы. Суффиксы
встречаются лишь в корневых образованиях: /fra-tara-/ 'первый',
/apa-tara-/ в наречии aptrm /apataram/ 'далеко', /fra-tama-/
'первый, высший'.

ПРЕФИКСАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ И СЛОВΟΣЛОЖЕНИЕ

Префиксальные образования:

/hu/ (u) 'нечто доброе': /hu-kāra-/ 'у кого хороший народ';
/hu-šara-/ 'хорошо сделанный';

/a/ отрицательный префикс: /a-karta-/ 'не сделанный';

/duš-/ 'нечто плохое': /duš-karta-/ 'плохо сделанное';

/ham-/ совместность: /ham-ar(a)na/ (от корня /r-/ 'двигаться');
/hamiṣya-/ /hm-miṣr-ya-/ 'сообщники-мятежники';

/pati-/ : /pati-kara-/ 'изображение', н.-перс. paikar.

Образования из двух основ:

1) существительное + глагол: /hamarana-kara-/ 'воин', /aršti-baga-/ 'копьемосец', /hauma-varga-/ 'пьющий (? точной этимологии нет) хом'; иногда с vṛddhi в первой части: /dāraṇya-kara-/ 'золотых дел мастер'; или во второй: /asa-bāra-/ 'всадник';

2) существительное + существительное: /arta-xšaça-/ им. собств. 'Артаксеркс', букв. 'тот, чье правление соответствует Арте';

3) прилагательное (или местоимение) + существительное: /visa-dahyu-/ 'включающий в себя все страны'; /hva-mṛṣyu-/ 'умерший своей смертью';

4) предположительно (в некоторых собственных именах) тип — слабая ступень причастия + имя: daryvau- /dārayat-vahu-/ , букв. 'обладающий добром', 'Дарий', vidfrna- /vindat-farnah-/ , им. п. ед. ч. м. р. /vindatfarnāh/ 'Интофарн', букв. 'тот, кто обрел фарт'.

ИМЕННОЕ СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ

О с н о в ы н а /-a/: м. р. /martiya-/ 'человек', /kāra-/ 'войско', /pārsa-/ 'Персида', /dasta-/ 'рука', /baga-/ 'бог'; ср. р. /hamar(a)na-/ 'битва', /Māda-/ 'Мидия', /xšāyaθya-/ 'царь', /hunara-/ (ср. р.) 'доблесть'.

Ед. ч.

Им. м. р. /martiyah/ mrtiy, pars mad; ср. р. /xšaçam/ xšçm, krtm

Вин. /martiyam/ mrtiym, xšayθiym

Род. /martiyahya/ mrtiyhya, xšayθiyhya

Отл. /pārsā/ parsa, dr*uga

Инстр. /kāra/ kara, parsa, arta (ср. р.)

Местн. /pārsai/ parsiy, mad*iy

Зв. /martiya/ mrtiya.

Дв. ч.

Им. /gauša/ g*uša

Род. /gaušāyah/ g*ušaya

Инстр. /dastaibyā/ dstibya

Долгота /gaušā/, ср. ав. asayā /amsayāh/, возможно, появилась по аналогии с классом на /-ā/ [Brandenstein 57].

Им. /martiyā/ mrtiya xšayθiya /bagāhah/ bgah, ср. р. /hunarā/ uvr̥na

Вин. /martiyā/ mrtiya xšayθiya

Род. /martiyānām/ mrtyanam xšayθiyanam

Инстр. /martiyaibis/ mrtiyibis mad^hibis

Местн. /madaišuv-a/ mad^hišuva

Формы отложительного падежа сомнительны: есть ли там невыписанное *t* на конце, или это просто совпадение отложительного и инструментального, тем более, что во мн. числе, где форма аблатива должна бы отличаться и в древнеперсидском письме, она не встречается.

О с н о в ы н а /-ā/: t^huma- /taumā-/ 'семья', aθura /aθurā-/ 'Ассирия', frmana- /framānā-/ 'приказ', stuna- /stūnā-/ 'колонна', /anyā- 'другая', /paru-zanā-/ 'имеющая много людей'.

Ед. ч.

Мн. ч.

Им. /taumā/ t^huma, aθura, frmana

Им. /stūnā(h)/ stuna

Вин. /taumām/ t^humam

Вин. /anyā/ aniya

Род. /taumāyā/ t^humaya

Род. /paruzanānām/ pruznanam

Отл. /taumāyā/ t^humaya

Местн. /anyāhva/ aniyaiva

Инстр. /framānāyā/ frmanaya

Местн. /aθurāyā/ aθuraya

Здесь мы видим слияние (по крайней мере в написании) четырех падежей ед. числа: родительного, отложительного, инструментального и местного, в то время, как для Авесты родительный падеж — daēnauā /dānauāh/, отложительный — daēnauāt /dānauāt/, инструментальный — daēnaya /dānauā/, местный — grīvaaya /grīvaaya/. Краткий /a/ исхода основы — особенность Авесты, в отличие и от древнеперсидского и от древнеиндийского (также как краткий исхода основы в родительном падеже мн. числа — основ на -a).

О с н о в ы н а /i/: /skauθi-/ 'слабый' (м. р.), /šyāti-/ 'мир, благополучие' (ж. р.).

Ед. ч.

Им. п. /skauθiś/ sk^huθiś, /šyātiś/ šiyatiś

Вин. п. /skauθim/ sk^huθim, /šyātim/ šiyatim

Род. п. /skauθaiś/ sk^huθaiś

Другие формы ненадежны. Приведенные не отличаются от авестийских.

Основы женского рода на /-ī/ частично совпали в древнеперсидском с основами на /-i/: /hvarāzmī-/ 'Хорезм', /harahvatī-/ (др.-инд. sarasvatī) 'Арахозия', /adangainī-/ 'каменная'.

Ед. ч.

Им. /hvārazmīš/ uvarzmīš, /hvarazmī/ uvarzmiy
Вин. /harahvatīm/ hr^auvtim
Отл. /harahvatiyāh/ hr^auatiya
Местн. /harahvatiyā/ hr^auatiya

Мн. ч.

Им. /aḍangain(i)ya/ aḍginiy

Письмо не позволяет установить, есть ли долгота /i/ в именительном и винительном падежах. Форма /uvarzmīš/ явно построена по типу на /-i/. Исход /-iṽ(h)'/, хотя он и не соответствует авестийским и индийским формам (azyā, devyāh), следует признать реальным, а не чисто графическим, так как сочетание /tʃ/ в древнеперсидском невозможно. В /aḍangain(i)ya/ возможно отсутствие реального /i/, по возможности и аналогия.

Основы на /-u/ (с ними слышалась основа /tanū-/ 'тело', известная из авестийского и древнеиндийского): /margu-/ 'Маргана', /kuru-/ 'Кир', /Bābiru-/ 'Вавилон', /Ufrātu-/ 'Евфрат', /ragu-/ 'многий', /magu-/ 'мар', /gādu-/ 'место'.

Ед. ч.

Мн. ч.

Им. /marguš/ mrguš, mguš; Род. /parānām/ prunam
ср. р. /paru/ pruv

Вин. /margum/ mrgum,
mgum

Род. /kuruš/ kur^auš

Отл. /bābiruš/ babir^auš

Инстр. /ufrātuṽ/ ufratūva

Местн. /margau/ mrg^auv,
/gāḍavā/ gaḍva

Формы совпадают с авестийскими. В ufratūva приходится признать /u/ реальным из-за невозможности группы /tv/. Исключение составляет основа /dahyu-/ 'страна', которая в некоторых слабых падежах получает огласовку долгого дифтонга: им. п. /dahyāuš/ при ав. /dahyuš/ daiṅhuš; вин. /dahyāvam/ dhyavm и dhyaum; местн. /dahyāuva/ dhyauva; им. п. мн. ч. /dahyāvah/ dhyav; но род. п. мн. ч. /dahyūnām/ и местн. п. /dahyušva/ dhyušva.

Основы на согласные й: /parā-/ 'взвук', /xšar-/ 'ночь', /ḍard-/ 'год', /ar(i?)-/ 'вода'.

Ед. ч.

Мн. ч.

Им. пра /parā? parāh?/, ари Инстр. /abiš/ < /ab-biš/ abiš

Вин. /ḍardam/ ḍrdm

Род. /xšarah/ xšp

Местн. /āriyā/ ariya /ari?/

В форме /parā/ можно видеть или облегчение группы /parāt-š/ или иранское новообразование /parā-š/ [Kent 1950, 65]. В пассаже

DB 1.95: *aniya āpiyā āhyatā āpišim parābara*¹ Kent [1950, 168] видит в *āpišim* /*āpiš-šim*/ и переводит: «Другая (часть войска) была сброшена в воду, вода ее унесла».

У Бранденштейна и Майрхофера [Brandenstein, Mayrhofer, 1964, 59] *āpišim* трактуется как /*api-šim*/, т. е. форма местного, а не именительного падежа. Первое толкование лучше для смысла, но приходится предположить не подтверждаемое ничем распространение основы /*ar-i*/.

От основы на /-nt/ засвидетельствованы следующие формы (/tunuvant-/ 'могучий'):

Ед. ч.

Им. /tunuvā/ *tunuva*

Вин. /tunuvantam/ *tunuvtm*

Род. /tunuva(n)ahya/ *tunuvthya*

Именительный падеж имеет номинативное растяжение с утерей после долгого гласного не только /ts/, как в греческом *φέρων* 'несущий', но и /n/. В Авесте — обычно неясный исход ā, но иногда более близко к прототипу: *haš* /*hants*/ 'сущий'.

Форма родительного падежа образована по тематическому типу, что доказывает, что тематизация основ началась уже при Дарии (DNb).

Основы на /-s/:

1) Основы среднего рода на /as/ > /ah/: /*raučah-*/ 'день', /*rautah-*/ 'река', /*drayah-*/ 'море'.

Ед. ч.

Им. /*raučah*/ *r^auč, ra^ut, dry*

Местн. /*drayah-i-a*/ *dryhya*

Мн. ч.

Инстр. /*raučabiš*/ *r^aučiš*

2) Композиты мужского рода: /*vinda-farnah-*/ имя собственное, ср. ав. *x^aragēnō* /*hvarnah*/ 'фарр', ср. р. Эти имена имеют в именительном падеже ед. числа растяжение на /-āh/: /*vinda-farnāh*/ *vidfrna*.

3) Возможны слова среднего рода с суф. /-iš/ > /-iš/: /*hadiš-*/ 'сидение', /*abi-čariš-*/ 'пастбище'. Однако контексты не дают уверенности, что мы не имеем здесь дело с именительными падежами основ на /-i/.

4) Корневые слова: /*nāh-*/ 'нос', /*māh-*/ 'месяц': вин. п. ед. ч. *nahm* /*nāham*/; *mahya* читают или /*māhi-a*/ местный падеж от /*māh-*/, или /*māhya*/ — стяжение тематизированного генитива /**māhahya*/.

/*ahuramazdāh-*/ проявляет такую форму основы в родительном падеже *aurtmzdah* /*ahuramazdābah*/. Именительный падеж

¹ При цитировании целых пассажей мы будем давать обычную транскрипцию.

aurmzda может означать основу как на /-āh/, так и на /-ā/. Випительный падеж *aurmzdam/ahuramazdām/* указывает или на переход в склонение на -ā или гапологию из /*āham/. В Авесте обе части имени склоняются самостоятельно (им. н. *ahurō mazdā*, род. п. *ahurahe mazdā* с неясным окончанием), в древнеперсидском раздельная форма засвидетельствована лишь один раз: *aurhya mazdah* (ХРс 10), в остальных случаях сливается в одно слово.

О с н о в ы н а /-r/: /pitar-/ 'отец', /brātar-/ 'брат', /dauštar-/ 'друг', /framātar-/ 'повелитель'.

Е д. ч.

Им. /pitā/ pita, brata, daušta

Вин. /framātāram/ framatarm

Род. /piçah/ piç

О с н о в ы н а /-n/.

1. Средний род — им.-вин. *nam* следовало бы по общему правилу читать /nāman/, а не */nāma (nāmn)/, в согласии с Авестой и санскритом.

Эта форма встречается, как правило, в оборотах типа *kambujiya nāma kirauš riça* 'Камбиз по имени, Кира сын'. При именах женского рода встречается форма *nama* /nāmā/: *sikayauvatiš nāmā* /nāmā/ *didā* 'крепость по названию С'. Вероятно, ввиду такого исключительного употребления слово потеряло грамматическое значение существительного и стало согласовываться с соседним словом. Совершенно аналогичный оборот в новоперсидском: *ahmad nām risar-i* 'мальчик по имени А', где слово *nām* никак не укладывается синтаксически в понятие самостоятельного существительного, а может рассматриваться лишь как компонент композита *ahmad-nām* 'тот, у которого имя — А'. В древнеперсидском о композите здесь говорить нельзя, так как соседнее слово имеет соответственную контексту падежную форму, но можно предположить, что различие *nam* и *nama* по согласованию в роде есть шаг к образованию такого композита. Тогда и *nam* можно читать не /nāma/, а /nāmah/ с переходом слова из субстантивного склонения на /-n/ в адъективное на /-a/: -ā/.

2. Мужской род — /tauman-/ 'могущество'; /artāvan-/ 'праведный'; /asan-/ 'камень' (ср. *aḡg-* /aḡanga-, ав. *aṣaṅga-* и н.-перс. *sang*); /xšaça-pāvan-/ 'сатрап'; /asman-/ 'небо'; /baršan-/ 'высота'.

Е д. ч.

Им. /taumā/ t'uma, /artāvā/ artava, /asā/ asa, /xšaça-pāvā/ xšçpava

Вин. /asmānam/ asmanm

Инстр. /baršnā/ bršna

Формы эти регулярны. Нерегулярны формы имени Ксеркса. Этимология ясна: *xšaуа-* 'царствовать' и *aršan-* 'муж', обе части хорошо засвидетельствованы в Авесте; следовательно, предпола-

гать падо основу на /-n/. Форма именительного падежа это позволяет: /xšayāršā/ xšyarša. Однако винительный падеж /xšayāršām/ xšyaršam предполагает основу /xšayāršā-/. Родительный падеж /xšayāršahya/ xšyaršhya предполагает уже основу на /-a/, но есть и форма /xšayāršāh(ah?)/xšyaršah, предполагающая /-ah/. hzanm 'язык', форма винительного падежа /hizānam/ или /hazānam/ [Kent 1950, 64, 214] может быть понята как /hizān-am/ или как /hizāna-m/.

МЕСТОИМЕННИЯ

Указательные местоимения:

1) от корня /ha-/; им. п. ед. ч. м.-ж.р. h^uv hāu/;
 2) от /aita-/ ait в пассажах: xšcm... ait xšcm ty g^uumat... adinā 'власть... эта власть, которую Гаумата... захватил' (DB. I, 11); g^uumat... xšcm agrbytā... ait xšcm 'Гаумата... захватил власть... эту власть' (DB I. 11); по контексту — форма именительно-винительного падежа среднего рода; Бартоломе [Air Wb, 12—13] транскрибирует aita^h; однако авестийский дает в этой форме нормальное aētam /aitam/, а древнеперсидский исход на согласный знак не может означать /-am/; вероятно, это /-at/;

3) от /-i-/; им. п. ед. ч. м. р. iym /iyam/;

4) от /-a-/; род.-местн. п. ед. ч. ж. р. ahyāya /ahyāyā/;

5) от /ima-/; вин. п. м. р. imm /imam/, но вин. п. ср. р. опять-таки im [Bartholomae GPh, 238 ima^h], вероятно, /imat/. Им. п. мн. ч. м. р. нормально imiy /imai/. Ср. ниже генерализацию им.-вин.: вин. п. мн. ч. ср. р. нормально ima /imā/, вин. п. ед. ч. ж. р. imam /imām/, им.-вин. п. мн. ч. ж. р. imā; Бартоломе [GPh, 238] транскрибирует imā; вероятно, читать следует /imāh/.

6) от /ana-/; инстр. п. ед. ч. м. р. ana /anā/;

7) от /ava-/; регулярно соответствующие авестийским формам: ед. ч. м. р. вин. п. avm /avam/; род. п. avhya /avahya/; мн. ч. им.-вин. п. avu /avai/; род. п. avⁱšam /avaišām/. Средний род представлен формами av, av-šiy, что вполне соответствует регулярному /avat/.

Вопросительно-неопределенные местоимения: основы /ka-/; /ēi-/; им. п. ед. ч. м. р. kšēiy /kaš-ēi/; вин. п. ед. ч. ср. р. ēišēiy /ēi-ēi/.

Относительные местоимения: основы hy- и ty-; формы от них: м. р. ед. ч. им. п. hy; м. р. ед. ч. вин. п. tym; м. р. ед. ч. инстр. п. tyna(?); мн. ч. им.-вин. п. tyiy, род. п. tyišam; ср. р. ед. ч. вин. п. ty; ж. р. ед. ч. им. п. hya, вин. п. tyam; ж. р. мн. ч. вин. п. tya.

Традиционно (начинаем традицию с Бартоломе) эти формы транскрибировались соответственно hya, tyam, tyiaiy, tyaišam и т. д. В отношении форм на ty- это был очевидный lapsus kalami: инд.-евр. tio- никаким образом не могло дать др.-перс. tya-. Это

НАРЕЧИЯ

Неразложимые наречия:

ariy /ari/: duriy ariy /durai ari/ 'очень далеко' (долгота /и/ восстанавливается из авестийского /dūra-/ , др.-инд. dūra-, н.-перс. dūr);

upriy /upari/ 'вверху' — dahuāva tayaiy upari nipišta 'страны, которые были написаны выше' [XPh 31].

Слова со специальными наречными суффиксами:

/-θā/: avθa /avaθā/ (долгота конечного гласного устанавливается из др.-инд. athā, yathā и т. д.) 'так' avaθā adam akunavam 'так я сделал' [DBh I, 63].

/-dā/: ada /adā/ 'тогда';

/-da/: ida /ida/ 'здесь' (различие количества гласного с предыдущим суффиксом восстанавливается из древнеиндийского).

Застывшие падежные формы: вин. п. drgm /dargam/ 'долго'; местн. п. duriy /durai/ 'далеко'.

ЗНАЧЕНИЯ ИМЕННЫХ ФОРМ

Род и число имеют обычное значение. Формы дв. числа мало засвидетельствованы. Ед. число может иметь собирательное значение: aniyam (вин. п. м. р. ед. ч.) ušabarim (ед. ч.) akunavam aniyahya (род.-дат. п. ед. ч.) asam (вин. п. ед. ч.) franaum 'одних я посадил на верблюдов (букв. 'сделал всадниками верблюдов'), другим привел лошадей' (DB 1. 86—87).

Падежи. Именительный падеж: употребляется в обычных значениях подлежащего, именной части сказуемого: θātiy dārayavauš xšāyaθiya 'говорит Дарий царь'; adam dārayavauš xšāyaθiya 'Я — Дарий — царь'.

Звательный падеж — также употребляется обычно: martiya 'о, человек'.

Винительный падеж: кроме функции обычного прямого дополнения отмечены следующие случаи употребления:

а) близкие к аблативному: aita xšačam... gaumata... adina kabūjiyam (вин. п.) 'это царство... Гаумата... отобрал у Камбиза' [DB 1. 45, 46].

б) двойной винительный: hya dārayavaum xšāyaθiyam akunauš 'который сделал Дария царем' [DNa 5];

в) винительный направления: pasava adam bābirum ašiyavam 'потом я пошел в Вавилон' [DB 1. 91].

Родительный падеж:

а) обычные значения: посессивное: manā badaka /mana ban-dakah/ 'мой раб' [DB 1. 19]; партитивное: maθišta bagānām 'величайший из богов' [DPd 1]; субъектное: vašnā Auramazdāha 'волею Амурамазды' [DB 1.11]; объектное: uvaipaišiyahyā xšaumatna /hvaipaiš yahya xšayamnah/ 'владеющий собой' [DNb 15];

временное: *hamahyāyā θarda /hamahyāyā θardah/* 'в тот же год' [DB 4.4].

б) если в Авесте функции родительного и дательного падежей смешиваются, то в древнеперсидском родительный полностью вытеснил дательный: *augamazdā xšačam manā /mana/ frābaga* 'Ахурамазда принес мне царство' [DB 1.12].

Отложительный падеж — о значении аблатива говорить трудно, так как трудно выделить его как особый падеж: он сливается то с родительным, то с инструментальным, то с дательным (см. образцы склонений).

Инструментальный падеж: кроме обычных значений с предлогами и без предлогов (собственно инструментальный, комитатив), можно выделить следующие:

а) значение места: *kāra pārsa hya viθāpatiy* 'персидское войско, которое было в доме' [DB 3.26].

б) аблативное значение: *hačā sakaibiš* 'от саков'.

в) не вполне ясное употребление в значении других падежей. В пассажах типа *augamazdām yadaišā artāča* 'почитай Ахурамазду и Арту' [XPh 50] инструментальный /artā/ вместо ожидаемого винительного */artam/ можно понимать как комитатив 'Ахурамазду с Артой'. «Необычное» употребление инструментального падежа (например, *anāmakahyā māhyā XV gaučabiš θakatā āha* 'месяца Анамака прошло 15 дней' [DB 2.56]) было, видимо, общеперсидской реальностью, так как в Авесте таких случаев засвидетельствовано много. Объяснения разные. М. Смит [Smith 1929] объясняет эти формы в Гатах, где они, как правило, употребляются в именах Амешаспентов, тем, что Амешаспенты — не самостоятельные сущности, а эманации Ахурамазды. Тогда /artā/ будет означать 'в качестве Арты'. Многие пассажи можно объяснить как комитативные. Но и это не объясняет всех случаев. Кент [Kent 1950, 82] дает не вполне ясный перевод приведенного пассажа: 'of the month Anamaka, 15 by days were past'.

Местный падеж:

а) обычное значение 'где': *xšāyaθiya pārsaiy /pārsai/* 'царь в Персиде' [DB 1.2].

б) с предлогом *yātā* в значении 'до': *yātā Bābirauv /bābirau/* 'до Вавилона' [DSf 32].

в) с предлогом *hačā* 'откуда': *hačā Bābirauv* 'из Вавилона' [DSf 33].

Смещение падежей, которое мы наблюдали, может быть объяснено отчасти фонетическим фактором: одинаковое написание и, вероятно, произношение -а для *-at, *-aš и -ā для /-a/, /-ā/, /*-āš/, /*-at/. С другой стороны очевидно, начало процесса разложения флексивной системы вообще. Это показывается, в частности, явными нарушениями древней системы в поздних надписях Артаксеркса (а ведь от Дария всего два века): *haxāmanišhya /haxāmanišahya/* от древней основы /haxāmaniš-/; *daryvušhya* от древней основы /dārayavahu-/; *xšyaršhya* от основы /xšayāršan-/ [Kent 1950, 24].

ПРЕДЛОГИ И ПОСЛЕЛОГИ

Инвентарь предлогов в общем совпадает с авестийским. Добавить можно: *aḍiy* /aḍi/, вероятно, фонетический вариант /ati/; *tr*, вероятно, /tarah/, ав. *tarō* 'через'; *nipdiy* /nipadi/ 'след за'; *ptiš* /patiš/ 'против'; *yata* /yātā/ 'до'.

Из послелогов — *radiy* /rādi/ 'ради, из-за'. Но, как и в Авесте, многие предлоги могут быть и послелогоми.

Падежное управление, как и в Авесте, нечетко. Есть предлоги, регулярно употребляющиеся с одним падежом. Например, *atr* /antar/ 'внутри', *urīy* /urari/ 'сверху', как правило, требуют винительного падежа. Сюда же можно отнести *abiy* /abi/ — направление; *ura* /ura/ 'под'; *tr* /tarah/ 'через'; *priy* /pari/ 'вокруг'.

Большинство других предлогов нестойки в управлении, тем более, что формы падежей часто неразличимы, например /haṣa/: *xšaṣam taṣa haṣa amāxam taumāyā parābrtam āha...* 'власть, которая была отобрана у нашего рода...' [DB 1.64]; /taumāyā/ может быть формой родительного, отложительного и инструментального падежей. В одном и том же пассаже [DPH] *haṣa* употребляется и с инструментальным и с местным падежом: *haṣa sakaibiš* 'от скифов', где /sakaibiš/ — инструментальный п. мн. ч., и *haṣa Hidauc* 'из Индии', где /hindau/ — местный падеж.

ГЛАГОЛ

ЛИЧНЫЕ ОКОНЧАНИЯ

К личным окончаниям индикатива относятся:

		Первичные		Вторичные	
		Акт. зал.	Мед. зал.	Акт. зал.	Мед. зал.
Ед. ч.	1 л.	-miy /-mi/ -amiy /-āmi/	-iy /-ai/	-m /-m/	-iy /-i/
	2 л.	-hy /-hi/	-hiy /-hai/	-Ø /ah/	-ša /-ša/
	3 л.	-tiy /-ti/	-tiy /-tai/	-Ø /at/ -š /š/	-ta /-ta/
Мн. ч.	1 л.	-mby /-mahi/	—	-ma /-ma/	—
	3 л.	-tiy /-nti/	—	-Ø /-an(t)/ -h /-ha/ -š /-ša/	-ta /-nta/

Кроме этого в одном случае встречается вторичное окончание 3-го лица дв. числа активного залога: *aḥivm* /aḥivatam/ : *uba aḥivatam* [DSf. 14, XPf. 21] 'они оба жили'. Это соответствует авестийскому -tām /-tām/ и др.-инд. -tām (вариант с долготой есть и в авестийском).

Все окончания соответствуют авестийским и соответственно — общеиранским. Исключение составляют вторичные окончания

3-го лица обоих чисел /-š/, /-ša(n?)/, /-ha(n?)/, встречающиеся эпизодически: /akupauš/ 'он сделал'; /abarahā/ рядом с формой /abarah/ 'они несли'; /akupavaša/ рядом с /akupavan/ 'они сделали'.

Происхождение этих окончаний предполагается следующее: в древнеперсидском языке еще в большей степени, чем в авестийском теряется противопоставление аориста и имперфекта (см. стр. 259), и в окончаниях с элементом /š (š, h)/ можно видеть влияние исхода сигматического аориста. Нормально /-š/ появляется после /i/ и /u/, /h/ после /a/, но /š/ распространяется и на позицию после /a/, например /akupavaša/ 'они сделали'.

Можно предположить первоначальные формы */akupaušt/, */abarahant/. В первом случае облегчение группы согласных естественно, а во втором — мы знаем, что в клинописи исход на согласный знак предполагает реальный исход слова на какой-то звук, соответствующий историческим /-ah/, /-at/, /-an/.

ПРЕЗЕНТНЫЕ ОСНОВЫ

Тематические основы:

а) корень + /a/: /bara/ — 'нести', brtiy /baranti/ 'они несут'; /bava/ 'становиться', abvum /abavam/ 'я стал'; /pata-/ 'летать', udptta /ud-a-pata-ta/ 'он восстал'; /yada-/ 'почитать', aydiy /ayadai/ 'я почтил'; /šyava/ 'идти', ašiyum /ašyavam/ 'я отправился' и др. — засвидетельствовано около 15 основ [см. Kent 1950, 72];

б) корень + /sa/: /gasa-/ 'достигать', arsm /arasam/ 'я достиг' (около пяти основ);

в) корень + /ya/: /mrya-/ (или /mriya/ 'умирать', /amryata/, /amriyta/ amriyata или /amariyata/ 'он умер'; /manya-/ 'думать', mniyiy /manuyai/ 'я думаю' (около десяти основ);

г) корень + /aya/ (с долгой или средней огласовкой корня): /dāraya-/ 'держат', daryamiy /dārayāmi/ 'я держу'; /taraya-/ 'переходить', viytrum /viy-a-tarayam/ 'я переправил' (более десяти основ);

д) корень + va: /jīva-/ 'жить', jīva /jīva/ 'живи'; /stambava-/ 'восславить', mā stbva /mā stambava/ 'не бунтуй' (надежных примеров больше нет);

е) предлагается этимология основы /vaina-/ 'видеть' как /vaid-na-/ от корня /vid-/ с носовым суффиксом [Kent 1950, 71].

Нетематические основы:

а) корневые основы: /aš-š-/ 'быть', amiy /ahmi/ 'я есмь', astiy /asti/ 'он есть', htiy /hanti/ 'они суть'; /ai-i-/ 'идти', aiš /āiš/ 'он шел', но и тематические формы ayta /āyanta/ 'они шли';

б) корень с удвоением: /da-dā-/ 'создавать', adda /adadat/ 'он создал'; /ši-šta-/ 'стоять', aišta /ahištata/ 'он остановился'. Основы этого класса ведут себя как тематические;

в) корень + /pu:nau:/ /kunaу-/ < /kṛnaу-/ 'делать', akun^auš /aku-nauš/ 'он сделал'; /daršnaу-/ 'осмеливаться', niу adršn^auš /nai a'daršnauš/ 'не осмелился'.

Значения глагольных классов, там, где они могут прослеживаться, аналогичны авестийским.

СИСТЕМА СПРЯЖЕНИЯ

Тематический тип: /p(a)rsa-/ 'наказывать'; /bara-/ 'нести'; /ā-bara-/ 'совершать', /ṭahya-/ 'называться'.

Ед. ч. 1 л. /p(a)rsāmi/ prsamiу Мн. ч. 1 л. /ṭahyāmahi /ṭhyamhi

3 л. /ābarati/ abrtiy

3 л. /baranti/ brtiy

Нетематический тип: /ah-/ 'быть'.

Ед. ч. 1 л. /ahmi/ amiy Мн. ч. 1 л. /amahi/ amhiy²

3 л. /asti/ astiy

3 л. /hanti/ htiy

ИМПЕРФЕКТ ИНДИКАТИВА (активный залог)

Древнеперсидский имперфект в отличие от авестийского и в согласии с санскритом и греческим имеет аугмент /a-/ (др.-инд. а-, гр. ε-).

Тематический тип: /bara-/ 'нести', /apa-gaudaya-/ 'скрывать', /jiva-/ 'жить', /vi-tar-aya-/ 'переправлять'.

Ед. ч. 1 л. /abaram/ abrm

Мн. ч. 1 л. /viy-a-tarayāma/

2 л. /apagaudah/ apg^audy

viytryama

3 л. /abarat/ abr

2 л. /abaran/ abr

/abaraha(n)/ abrh

И единственная форма — форма дв. числа 3-го лица /jivatam/.

Нетематический тип: /ah-/ 'быть', /jan-/ 'бить', /dada-/ 'создавать', /kunaу-(kṛnaу)-/ 'делать', /ai-/ 'идти'.

Ед. ч. 1 л. /aham/ ahm

3 л. /ajan(t)/ aḵ, /adadā(t)/ adda, /akunauš/ akun^auš,
/āiš/ aiš

Мн. ч. 3 л. /āhan/ ah, /patiy-āišan/ ptiyaiš

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ИНДИКАТИВА (медиа́льный залог)

Тематический тип: /manya-/ 'думать', /yada-/ 'почитать'.

Ед. ч. 1 л. /manyai/ mniyiу

3 л. /yadatai/ ydtiy

Для нетематического типа примеров нет.

² Вместо */hmahi/, ав. mahi.

ИМПЕРФЕКТ ИНДИКАТИВА (медиа́льный залог)

Тематический тип: /yada-/ 'почитать', /gauba-/ 'говорить'.

Ед. ч. 1 л. /ayadai/ ayda^{ai}y

3 л. /agaubata/ ag^aubta

Мн. ч. 3 л. /agaubanta/ ag^aubta

Для нетематического типа примеров нет.

АОРИСТ

Если в Авесте трудно говорить о «системе аориста», то в древнеперсидском лишь только несколько отдельных форм могут быть причислены к аористным, и то с оговорками: ед. ч. 3 л. — /adā(t)/ ada 'он создал', так как есть основа презенса /dadā-/ , /akuta/ akuta 'он сделал' (медиа́льный залог). мн. ч. 1 л. /akuma/ < /a-kṛ-ma/ akuma 'мы сделали', так как есть основа презенса /ku-nau-/.

Единственная надежная форма сигматического аориста — adršiy /adarši/ < /a-dar-š-i/ 'я овладел' (медиа́льный залог). Предполагается возможность аористной формы в дефектном frash[y] от /fra-sā-/ 'строить'. Если восстановление [y] правильно, то следует читать /frāsāhya(t)/ 'был построен', при восстановлении frash[m]: /frāsaham/ 'я построил' [Kent 209; Brandenstein 119]. Контекст допускает оба толкования — hdiš и frash[m]; /hadiš/ 'дворец' — среднего рода и форма может быть как именительным, так и винительным падежами. Однако, недостоверно прежде всего то, что /h/ в этом слове представляет аористный формант /š/, так как корень /sa/ больше не встречается, и значение слова устанавливается из контекста, а выделение корня поддерживается лишь сопоставлением с авестийским /spā-/ 'бросать'.

Ввиду крайней редкости достоверных форм аориста, пытаться устанавливать разницу в значении имперфекта и аориста не имеет смысла.

Форма перфекта встречена лишь одна: šxṛiya /ša-xṛ-ya(t)/, оптатив от корня /kar-/.

ЗАЛОГИ

В значении залогов можно иногда найти древнее противопоставление *parasmaipadam* : *atmanepadam*: *kāra hya manā avam kāram tayaṁ hamiçiyam aḥa uta çīçataxmam agrbaya* (/ag(a)rbayat/ — акт.) *anaua abiṽ māṁ* 'мое войско разбило то мятежное войско и схватило Чиссантахму и привело ко мне' [DB 2.87—88] (схватило для меня); *Xšaçaṁ hau^a agrbayata* (/agarbayata/ — мед.) 'он захватил царство' [DB 1.41—42] (захватил для себя).

Но чаще этих оттенков значений обнаружить не удастся, и, более того формы обоих залогов встречаются в одинаковых пассажах: *manā bājim abaga* (/abagan/ — акт.) 'они приносили мне

дань' [DPe 9—10]; *manā bājīm abarata* (/abaranta/ — мед.) 'они приносили мне дань' [DB 1.19].

Засвидетельствовано несколько глаголов *media tantum*, в том числе и переходных: /*manya-*/ 'думать', /*marya-*/ или (/mṛya-/) 'умирать'; /*yada-*/ 'почитать (божество)' — глагол переходный: *auramazdām ayadaīy* 'я почитал Ахурамазду' [XPh 40]. /*ahuramazdām*/ вин. п. /*ayadai-*/ — мед. В Авесте этот глагол также в медиальном залоге: *yazaite* /*yazatai-*/, но др.-инд. *yajati*.

У некоторых глаголов сохранилось древнее соотношение активный : медиальный — переходный : непереходный (пассив).

Достоверные примеры: /*vaina-*/ 'видеть', *yāciy vaināmiy* (/vāi-nāmi/ — акт.) *hamiçiyan yāciy naiy vaināmiy* 'которых я вижу мятежниками и которых не вижу' [DNb 35—37]; *auramazdā hya adadā ima frašam taya vainataiy* (/vainatai/ — мед.) 'Ахурамазда, который создал это великолепное, которое видимо' [DNb 1—2]; /*paaya-*/ 'вести': *čiçataxmat...* *anaya* (/anayan — акт.) *abiy mām* 'Чиссантахму... привели ко мне' [DB 2.88]; *āçina basta anayata* (/anayata/ — мед.) *abiy mām* 'Ассина связанный был приведен ко мне' [DB 1.82].

Собственно пассивное значение уже в индоиранском закрепляется за основами на /-ya/, однако если в санскрите эти основы генерализовались как грамматическая форма пассива, то в иранском это — явление эпизодическое.

Примеры: *auramazdāmai y upastām abara* /a-bara-t/ 'Ахурамазда принес мне помощь' [DB 2.24—25]; *daranyam... haçā Bāxtriya abarua* /a-barya-t/ 'золото... привозилось из Бактрии' [DSf 35—36]. Или: /*yada-*/ 'почитать', /*yadya-*/ 'быть почитаемым'; /*kan-*/ 'копать' в /*ni-kan-*/, /*vi-kan-*/ 'разрушать', /*kanya-*/ 'быть разрытым, раскопанным'; /*ḍaha-*/ 'говорить', /*ḍahya-*/ 'называться'; /*jan-*/ 'бить'; *ištiš aḵaniya* /a-ḵanya-t/ 'кирпич-сырец был сформован' «сбит» [DSf 29]; /*kunau-*/ 'делать', /*k(a)rya-*/ 'быть сделанным'; /*dāraya-*/ 'держать': /*dārya-*/.

Интересно, что эти основы употребляются, как правило, не с медиальными, а с активными окончаниями.

НАКЛОНЕНИЯ

Конъюнктив

Формообразование в древнеперсидском то же, что в авестийском, за исключением того, что в Авесте конъюнктив может иметь и первичные и вторичные окончания, а в древнеперсидском засвидетельствованы только первичные.

Тематические основы: /*vaina-*/ 'видеть'; /*bava-*/ 'становиться'; /*pati-pṛsa-*/ 'изучать'; /*manya-*/ 'думать'; /*gauba-*/ 'говорить'; /*pari-bara-*/ 'охранять'; /*apa-gaudaya-*/ 'скрывать'; /*xšnāsa-*/ 'знать'.

Активный залог

Ед. ч. 2 л. /xśnāsāhi/ xśnasahy, /apagaudayāhi/ apg^uudyahy, /patipr-sāhi/ ptiprsahy, /paribarāhi/ pribrahy, /vaināhi/ vⁱinahy
3 л. /xśnāsāti/ xśnasatīy, /patiprāsāti/ ptiprsatiy, /bavāti/ bvatiy, /vaināti/ vⁱinatiy

Медиальный залог

Ед. ч. 2 л. /manyāhai/ mniyahy (/hai, а не /hi/, так как в других формах manya- — в медиальном залоге).

3 л. /manyātai/ mniyatiy, /gaubātai/ g^uubtiy

Нетематические основы (активный залог):

Ед. ч. 1 л. /ahani/ ahniy
2 л. /āhi/ ahy < */ahahi/
3 л. /ahati/ ahtiy

/ahani/ вместо ожидаемого /ahāni/ (др.-инд. asāni) — вероятно, по аналогии с /ahati/ [Brandenstein 80]; ahy можно было бы читать и /āhi/ — наст. вр. инд. Но чтение /āhi/ < */ahahi/ поддается параллельным пассажем с несомненным конъюнктивом ahtiy /ahati/ [DB 37, 38].

Для медиального залога есть только один надежный пример: 1 л. ед. ч. /kunavānai/ kunavāniy [DSI 4], ав. /kṛnavānai/ kṛṇavāne. Форма 3-го лица /kunavātai/ kunvatiy образована по тематическому типу. Ожидалось бы */kunavatai/, ср. ав. /ṛṇav-a-tai-/ ṛṇavataē(ša).

Значения конъюктива аналогичны авестийскому.

1) В независимом положении:

а) желание, косвенное приказание: adataiy azdā bavātiy /bavāti/ 'тогда да будет тебе известно' [DNa 43];

б) с отрицанием /mā/ или /mā-tayat/ может быть и прямое приказание: imaivā patikarā mātaia /mā-tayat/ vikanāhy /vi-kanāhi/ 'не разрушай эти изображения' [DB 4.71];

в) будущее время: hauvčiy nirasātiy /nirasāti/ abiy imām viṣam 'оно придет на этот дом' [DPe. 24].

2) В придаточных предложениях футурального плана: marti [ya hya] draujana ahatiy /ahati/. . . 'человек, который будет последователем лжи. . .' [DB 4.66]; kāram. . . hya manā naiy gaubātaiy /gaubātai/ avam jātā 'войско, которое не скажется моим, его разбейте' [DB 2.84]; ya[dīy] imām di[pim] vaināhy /vaināhi/. . . 'если ты увидишь эту надпись. . .' [DB 4.73].

Оптиматив

Образование форм оптиматива такое же, как в авестийском.

Тематические основы: /kṛya-/ пассив от /kar-/ 'делать'; /ṛga-ya-/ — пассив от /ṛgaḥ-/ 'спрашивать, наказывать'; /vi-pādaya/ 'приносить вред' /yadya-/ — пассив от /yada-/.

Ед. ч. 2 л. /yadaiša/ yd^aiša

3 л. /kṛyais/ kriyis, /fraḍyais/ frḍyis, /vi-nāḍayais/ vinaḍyis

Мн. ч. 3 л. /yadyaisan/ ydyis

Нетематические основы: /bu-: bav-/ 'становиться, быть'; /ā-jam-/ 'приходить'; /avā-jan-/ 'разбить'; /ča-xr-/ < /ka-kr/ перфект от kar-.

Ед. ч. 2 л. /bv-yāh/ biya

3 л. /bv-yāt/ biya, /ā-jamyāt/ ajamiya, /avā-janyāt/ avaj-niya, /čaxryāt/ čaxriya

Форма biya (ав. buyā, buyāt) реконструируется различными способами [Kent 1950, 200, со ссылками на Бенвениста и Бартоломе]. В любом случае предполагается согласный сонант /v/.

Употребление оптатива:

1) самостоятельное: auramazdām yadaišā /yadaiša/ 'почитай Ахурамазду' [XPh 50]; auramazdā buvām dauštā biyā /buyāt/ 'да будет тебе Ахурамазда другом' [DB 4.56]; daivā mā yadiyaiša /yadyaišan/ 'да не будут дэвы почитаемы' [XPh 39]; abiy imām dahyūm mā ajamiyā /ā-jamyāt/ mā ha[i]nā..., 'пусть не придет на эту страну ни вражеское войско...' [DPd 18—19];

2) в зависимом положении: kārašim hačā daršam atarsa kāram vasiy avājaniyā /avājanyāt/ 'войско (народ) его очень боялись, как бы он не убил много народа' [DB 1.50—51]; naiy āha martiya... hya avam gaumātam... xšačam dītam čaxriyā /čaxryāt/ 'не было человека, который у того Гауматы отобрал бы царство (букв.: сделал бы отобранным)' [DB 1.48—50]; naipatimā ava kāma yadiy vinādayais /vinādayais/ naiy fraḍyais /fraḍyais/ 'нет у нас такого желания, (чтобы) если (человек) принес вред, он не был бы наказан' [DNb 20—21].

Инъюнктив

Засвидетельствованы следующие формы от основ /tarsa-/ 'бояться', /stambava-/ 'восставать', /apa-gaudaya-/ 'скрывать', /ava-rada-/ 'покидать', /ḍandaya-/ 'казаться':

Ед. ч. 1 л. /tarsam/ trsam

2 л. /stambavah/ stbvah, /apa-gaudayah/ apg^audyh, /ava-radah/ avrd

3 л. /ḍandayat/ ḍdy

Употребление — близкое к конъюнктиву и оптативу, но только с запретительным отрицанием /mā/: hačā anyanā mā [ta]rsam /tarsam/ 'пусть я не буду бояться другого' [DPe 21]; pašim tayam rāstām mā avarada /mā avaradah/ mā stabava /mā stambavah/ 'правильный путь не оставляй, не бунтуй' [DNa 60]; hauvtaiy gastā mā ḍadaya /mā ḍandayat/ 'пусть тебе не покажется это противным' [DNa 57—58]; taya manā kartam... mā apagaudaya /apagaudayah/ 'то, что мною сделано... не скрывай' [DB 4.53—54].

Императив

Засвидетельствованы следующие формы активного залога.

Тематические основы: /jīva-/ 'жить'; /bara-/ 'нести'; /pari-bara-/ 'сохранять'; /pṛsa-/ 'спрашивать', 'наказывать'.

Ед. ч. 2 л. /jīva/ jīva, /pari-bara/ pribra, /pṛsa/ pṛsa

3 л. /baratu/ brtuv; gṛṣtuv — значение неясно [DNb 60]

Нетематические основы: /i- : ai-/ 'идти' с превербам /parā-/ 'продвигаться' и /pari-/ 'согласоваться', 'почитать'; /jan-/ 'бить'; /pā-/ 'защищать'; /di-/ 'видеть', /ā-xšnu-/ 'слышать'; /kunu-/ 'делать'; /ni-kan-/ 'разрушать'.

Ед. ч. 2 л. /paraidi/ < /parā-i-di/ pridīy; /paridi/ < /para-i-di/ pridīy; /jadi/ < /jñ-di/ jdiy; /pādi/ padīy; /didi/ didiy; /āxšnudi/ axšnudiy

3 л. /dadātu/ ddativ; /pātu/ patuv; /kunautu/ kun^autuv; /nikantu/ niktuv

Мн. ч. 2 л. /para-i-ta/ prita; /jata/ jta

3 л. /pāntu/ patuv

/paraidi/ и /paridi/ различаются по контексту [DB 2.20, 49]. /kunautu/ — нерегулярная форма от сильной ступени основы.

Медальный императив представлен следующими формами:

Ед. ч. 2 л. /pati-paya-hva/ (ṣva) ptiyuva 'защищайся'
/ku-šva/ (ṣva) 'делай'

3 л. /vṛnavatām/ vṛnvtam 'пусть убедит'.

СМЕШЕНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ

Тенденция та же, что и в Авесте, и та же, что в системе имени — тематизация нетематических основ и нарушение чередований огласовок:

/kunavāhi/ — 2 л. конъюнктива вместо ожидаемого */kuna-vahi/; akunv^aya [DB 2.20] по контексту проще было бы прочитать /akunavayanta/ 'они делали'; manā badakā āhatā /āhanta/ manā bajim baratā /baranta/, taya-šām hačamā aḍahya... ava akunavayatā 'они были моими подданными, приносили мне дань, и то, что от меня говорилось... они то делали'; можно, конечно, читать, как Кент [Kent 1950, 179] /akunavayata/ 'делалось', но и в этом случае огласовка пассива нерегулярна: требовалось бы */akunavyata/, т. е. знак vⁱ, а не v^a.

/vṛnavatām/ от основы /vṛnu-: vṛnav-/ ожидалось бы */vṛnutām/.

Такие нерегулярности замечаются в самых ранних надписях, и если принять положение, что клинопись была введена при Дарии, то следует считать это фактами языка. Что касается поздних надписей (Артахсеркса II и III), то здесь нерегулярности объясняются просто плохим владением писцами уже архаичным языком: akunvam /akunavām/ вместо akunvm /akunavam/ [A II Sd], а в другом варианте этой же надписи совершенно немыслимое akunvšāš.

ПРЕВЕРБЫ

Превербмы в древнеперсидском менее самостоятельны, чем в Авесте, не выступают, как правило, в дистантной позиции и могут считаться уже префиксами (это отражается и на письме, где они выписываются слитно). Однако аугмент помещается между превербом и основой: *ava]nm* /ava-a-janam/ 'я убил'; *ptiy]ta* /patiy-a-jan-ta/ 'он сражался'. Встречаются превербмы /ati-/ , /apa-/ , /abi-/ , /ava-/ , /ud-/ , /upari-/ , /ni-/ , /pati-/ , /parā-/ , /pari-/ , /fra-/ , /vi-/ . Значения аналогичны авестийским.

ОТРИЦАНИЯ

/nai/ niy — az. /nait/ noit

При индикативе: *naiy āha* /nai āhat/ *martiya naiy* /nai/ *pārša naiy* /nai/ *māda naiy* /nai/ *amāxam taumāyā kašči y hya* . . 'не было никакого человека, ни перса, ни мидийца, ни из нашего рода, который. . .' [DB 1.48—49]. Дистантное положение отрицания и возможность употребления этого же отрицания при имени нормальны: *ima hašyam naiy* /nai/ *duruxtam* 'это истинно, а не лживо' [DB 4.44—45]. Конечно, здесь можно подразумевать связку, ср. *naiy* /nai/ *dauštā amiy* /AHMI/ 'я не друг' [DNb 12].

При конъюнктиве: *yadiy imām hadugām naiy* /nai/ *apagaundayāhy* /apa-gaundayāhi/ *kārahyā θāhy* . . 'Если ты не скроешь этот документ, а расскажешь народу. . .' [DB 4.54—55]. /θāhi < θahāhi/. Подобное стяжение могло бы быть и из формы индикатива */θahāhi/, но параллельная форма другого глагола — безусловно конъюнктив. В этой строке, правда, знаки *yah* — стерты, но надежно восстанавливаются из того же слова, четко вписанного двумя строками ниже.

/mā/ ma, ae³ /mā/ mā

С конъюнктивом: *mātaiy* /mā-tai/ *avaš* [ciy] [durux]tam *kunavātaiy* /kunavātai/ *taya manā kartam astiy* 'пусть тебе не покажется (букв. 'сделается ложным') то, что мною сделано' [DNb 55—56].

С оптативом: *utataiy taumā mā biyā* /mā byāt/ 'и пусть у тебя не будет рода' [DB 2.58—59]; *abiy imām dahyāum mā ājamiyā* /mā ājamiyāt/ *mā hainā* . . 'на эту землю пусть не придет ни вражеское войско. . .' [DPd 18—19]; *daivā mā yadiyaiša* /mā yadyaišan/ 'да не будут дэвы почитаемы' [XPh 38—39].

С инъюнктивом: *kārahyā rādiy mā apagaundaya* /mā apagaundayah/ 'не скрывай от народа' [DB 4.54]. Другие примеры см. на стр. 262, так как все засвидетельствованные инъюнктивы имеют отрицание /mā/.

С императивом: mā raḥḍatuṣ (mā raḥḍatu). Форма императива, но значение глагола неясно и из контекста, так как этим словом обрывается последняя (дефектная) строка надписи NRB [предположение — Kent 1950, 205].

ГЛАГОЛЬНЫЕ ИМЕНА

Причастия

Активное причастие презенса на /-nt/-nt/ засвидетельствовано от основы /tunuv-/ 'мочь' — с носовым инфиксом от корня /tu-: tav-/, ср. н.-перс. tavānistān.

Форма ед. ч. им. п. tunuva /tunuvān-t?/ во всяком случае аналогична исходам именительного падежа мужского рода от причастий и прилагательных на /-nt/ (в авестийском ā); вин. п. — /tunuvantam/ tunuvtm; род. п. — /tunuvantahya/ tunuvthya (форма с тематизацией вместо */tunuvatah/, хотя и ранняя) [DNb 9].

Формы среднего рода можно предполагать в собственных именах — композитах vidfrna /vindat-farnāh/ 'находящий фарт', и. с. 'Интаферн'; daryvauš /dārayat-vahuš/ 'державший добро, Дарий' [Kent 1950, 78].

Медиальное причастие презенса отчетливо засвидетельствовано в одной форме xšumna /xšayamnah/ 'царствующий'. Сюда же относятся форму винительного падежа jūmnam /jūamnam/ 'конец' [DB 2.62] от корня /jūā-/ 'исчерпываться', ср. ав. ajuamna- /a-juamna-/ 'неисчерпаемый'.

Причастие на /-ta/. Встречаются регулярные формы от слабой ступени корня: /basta-/ < /bnd-ta-/ 'связанный'; /para-i-ta- от /para-ai-/ 'двигаться вперед'; /parā-bṛta-/ (так, а не /barta-/ из-за н.-перс. burd) от /para-bar-/ 'уносить, отбирать'; /druḥta-/ от /drug-/ (/druj-/) 'лгать'. Выписано d^{tr}, это /u/ могло и выговариваться, ср. н.-перс. /du-rūj-/; /mṛta-/ от /mar-/ 'умирать' (не /marta-/ из-за н.-перс. mard); /ava-jata (/jṇ-ta/) от /ava-jaṇ-/ 'убивать'; /dita-/ от /di-/ 'отбирать', през. /di-na-/; /ni-piṣ-ta-/ от ni-paiḥ- 'писать', през. /piḥa-/ в имперфекте /a-piḥan/ 'украсили'.

Однако встречаются и формы с сильной огласовкой корня: /dā-ta-/ 'закон' от /dā-/ < dhā-, ср. др.-инд. hita- < *dhə-; /fra-mā-ta-/ от /fra-mā-/ 'приказывать', ср. др.-инд. mita; /karta-/ от /kar-/ 'делать', krtm можно бы читать и */kṛtam/, но новоперсидский дает kard.

Значение — пассивное для корней с основным значением переходности, активное — при непереходности: xšaṣam taya hačā amāham taumāyā parābṛtam /para-bṛta-m/ āha 'царство, которое было отобрано у нашего рода' [DB 1.61]; xšnūta /xšnūtah/ amiy 'я удовлетворен'; paraitā /para-i-tā/ 'отправившиеся' [DB 2.32].

При исчезновении древнего перфекта можно уже в древнеперсидском увидеть тенденцию к созданию системы описательного

перфекта при помощи причастия на /-ta/ и связки (часто опускаемой). Обороты могут быть пассивными для переходных глаголов с родительным падежом агенса (для местоимений — в полной или энклитической форме), и активными для непереходных.

Пассивные обороты: ima taya manā kartam /mana kartam/ pasāva yaḏā xšayaḏiya abavam 'вот что мною сделано после того, как я стал царем' [DB 1.27]; avaḏāšām /-šām/ hamaranam kartam /kartam/ 'тогда ими была совершена битва' [DB 2.27]; yaḏāmai /-mai/ taya kartam /kartam/ vaināhy. . . 'когда ты увидишь то, что мной сделано. . .' [DNb 28—29]; tayamai piça /piçah < piḏr-ah/ — род. п.) kartam /kartam/ āha /āhat/ ava adam arayaui 'то, что моим отцом было сделано, то я охранял' [XPr 38—39].

Эти обороты, может быть, лучше считать не пассивными, а по-сессиивными. Формы инструментального падежа дошли до нас не от всех типов, и иногда они совпадают с формами родительного (напр. в склонении на /-ā/); но все-таки /mana/ и /piçah/ — исконные генитивы. Смысловая аналогия представляется в современных западноевропейских перфектах с глаголом 'иметь', а также в русском просторечном перфекте 'у меня сделано' — 'я сделал'.

Активный оборот: pasāva [hamiçliya hāgmata /ha-gm-atāh/ paraīta /para-i-tāh/ patiḥ dādaršim hamaranam čartanaiy 'потом мятежники собрались, отправились против Дадарши биться' [DB 2.32—33]. Образования на /-ata/ в древнеиндийском и авестийском чаще употребляются в значении герундивов: ав. /yaz-ata-/ 'тот, кого следует почитать, бог', др.-инд. yajata-. В древнеперсидском лишь два примера /gm-ata-/ и /ḏak-ata-/ 'прошедший' — оба от непереходных корней, с тем же значением, что образования на /-ta/. Здесь причастия без связки вполне имеют значение личных форм.

Известно, что уже в среднеперсидском такие обороты служили единственным способом выражения прошедшего времени.

Инфинитив

Инфинитив имеет форму дательного падежа от основы на /-tan/, т. е. исход /-tanai/, н.-перс. -tan, -dan.

/čartanai/ črtniy от /kar-/ 'делать', /č/ показывает, что первоначально это образование имело другую огласовку корня, чем причастие на /-ta/ (karta-), т. е. *е. Возможно, были и другие отгличия, но в новоперсидском соотношение форм причастия и инфинитива совершенно выровнялось: kard-, kardan.

/kantanai/ ktniy от /kan-/ 'копать'. Можно читать и /katanai/ < */kptanai/, но в новоперсидском kandan.

/bartanai/ brtniy от bar- 'нести. Новоперсидское burdan предполагает /brtanai/, но поскольку в /čartanai/ явная огласовка /a/ (из *е, перед /r/ согласный /k/ не палатализовался бы), то следует предположить, что н.-перс. burdan — выравнивание по причастию burd- < /brta-/.

/nipaištanai/ nipištñiy от /ni-raiθ-/ 'писать'. Тот же случай, что с предыдущим: можно читать /nipištanai/ ср. персидское nibištan.

/θastanai/ θstñiy от /θah-/ 'провозглашать, говорить'.

Инфинитив употребляется как глагольное дополнение, аналогично русскому: adam niyaštāyām /niy-a-štāyām/ от корня /stā-/; /š/ генерализовалось от сочетания /ni-šta-/ imām dipim nipaīštanaiy /nipaištanai/ 'я приказал выбить эту надпись' [XV 23—25]; adam ni[ya]štāyām imām [yauviyā]m katanaiy /kantanai/ 'я приказал выкопать этот канал' [DZc 8—9]; kaščiū adaršnauš /a-darš-nauš/ čiščiū θasta-naiy /θastanai/ 'никто не осмеливался ничего сказать'; utadiš atāvayām /a-tāvaya-m/ bartanaiy /bartanai/ 'и я смог их использовать' [DNb 46—47]; hamičiyā hagmatā paraitā /para-i-tāh/. . . hamaranam čartanaiy /čartanai/ 'мятежники собрались и отправились. . . биться (букв.: делать битву)'.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

ПОРЯДОК СЛОВ

Порядок слов достаточно свободен, хотя чаще он таков: **Обстоятельство** (относящееся ко всему предложению) — **подлежащее** — **объект** — **сказуемое**: avadā adam auramazdām ayadaiy 'там я почтил Ахурамазду' [XPh 40—41].

Если попытаться определить случаи специальной обусловленности другого порядка слов, то можно сделать следующие наблюдения:

Сказуемое — подлежащее:

а) в **эмфатических** зачинах: θātiy dārayavauš xšāyaθiya 'говорит Дарий царь'; бага vazrka auramazdā 'великий бог (сказ.) Ахурамазда (подл.)';

б) со **связкой** в значении глагола-существительного 'имеется': paīy āha /āhat/ martiya. . . hya avam gaumātam. . . xšačam ditam šaxriyā 'не было человека. . . который бы у того Гауматы отобрал царство' [DB 1.48]; astiy /asti/ atar aitā dahyāva tayai upariy nirištā ayauada 'есть среди этих стран, которые выше написаны (такая, которая) восстала' [XPh 30—32].

Различные положения объекта [Kent 1950, 96—97]:

а) **эмфатическая инверсия**: xšačam hauv agarbayata 'царство он захватил' [DB 1.41];

б) **двойной аккузатив**: aita /aitat/ adam yānam /yānam/ jadiya-miū auramazdām /ahuramazdām/ 'такую награду я прошу у Ахурамазды' [DPd 20,2];

в) **косвенный объект** после глагола: бага vazrka auramazdā. . . hya šiyātim /šyātim/ adā martiyahyā /martiyahya/ 'Ахурамазда — великий бог. . . , который создал человеку счастье' [NRa 1—4] —

вероятно, из соображений ритма. Это — стандартный ритмический зачин более десяти надписей Дария и Ксеркса:

<i>baga vazrka auramazdā</i>	‘Ахурамазда — великий бог,
<i>hya imām būmim adā</i>	который эту землю создал,
<i>hya avam asmānam adā</i>	который то небо создал,
<i>hya martiyam adā</i>	который человека создал,
<i>hya šiyātim adā</i>	который счастье создал,
<i>martiyahyā</i>	для человека’.

Прилагательные местоименного характера в функции определения употребляются препозитивно: *anīyāha /anyāhah/ bagāha* ‘другие боги’ [DB 4.62]; *xšāyaθiya haruvahyāya (/harvahuāya/* вместо **/harvayāyā/)* *būmīyā /bumyā/* ‘царь всей земли’ [DSb 7—9]; *hadā kamnaibiš martiyaibiš /kamnaibiš martiyaibiš/* ‘с многими людьми’ [DB 1.56]; *hadā viθaibiš bagaibiš /viθaibiš bagaibiš/* ‘со всеми богами’ [DPd 22].

Есть исключения: *pasāva kāra haruva /kārah harvah/ hamīciya abava hačā kabujiyā* ‘потом все войско стало мятежным против Камбиза’ [DB 1.40]. Впрочем, здесь можно предположить другую связь: ‘потом войско стало все мятежным’.

Другие прилагательные в этой функции употребляются постпозитивно: *kāra bābiruviya /kārah bābiruvyah/* ‘войско вавилонское’ [DB 3.81]; *xšāyaθiya dahyūnām vispazanānām /dahyūnām vispazanānām/* ‘царь стран, в которых все рода людей’, [DNa 10—11]; *xšāyaθiya vazrka /xšāyaθyah vazrkah/* ‘великий царь’ — транскрибируем так, а не *vazraka*, как принято, из-за персидского *buzurg*.

Исключения:

а) в формуле: *uradanām hadugām /huradanām handugām/* ‘устав доброго устройства’ [DNb 23];

б) при наличии указательного местоимения: *imam pārsam kāram /pārsam kāram/* ‘это персидское войско’ [DPe 21], но *kāra pārsa* ‘персидское войско’ [DPe 22].

Особо выделяются постпозитивные конструкции с относительным местоимением */hya-/ (/haya-/)* и */taya-/*. Иногда его в этой функции называют «артиклем» (см., например: Brandenstein, Mayrhofer 1964, 69); *kāsaka hya kapautaka /kāsakah kapautakah/* ‘голубой камень’ [DSf 37]; *θarmiš hya naučaina /θarmiš, naučainah/* ‘кедровое дерево’ [DSf 30]; *kāra hya bābiruviya /kārah, bābiruvyah/* ‘вавилонский народ’ [DSf 29—30]; *kāram tayam hamīciyam* ‘мятежное войско’, вин. п. м. р.; *xšāyaθiya dahyūnām tayaišām parūnām /dahyūnām tayaišām parūnām/* ‘царь многих стран’ [DPe 3—4].

Таким образом, намечается система, получившая генерализацию в новоперсидском: препозитивное употребление местоимений и местоименных прилагательных (*dīgar* ‘другой’ в литер. языке может употребляться и препозитивно); постпозитивное употребление других прилагательных и присоединение их изафетом.

Генитивные определения:

1) препозитивное: *adam... v'štaspaḥyā puça /vištaspaḥya ruḍraḥ/* 'я... сын Виштаспы' [DB 1.1—3]; *manā pitā v'štaspa /mana pitā/* 'мой отец — Виштаспа' [DB 1.4]; *amāxam taumā* 'наш род' [DB 1.8];

2) постпозитивное: а) с «артиклем» */ḥya-/: kāra ḥya manā /kāraḥ ḥyah mana/* 'мое войско' [DB 2.40]; б) при наличии указательного местоимения: *xšāyaθiya aḥyāyā būmīyā /aḥyāyā būmyā/* 'царь этой земли' [XPh 9—10]; в) без дополнительных признаков: *xšāyaθiya xšāyaθiyānām* 'царь царей', *xšāyaθiya dahyūnām* 'царь стран', *maθišta bagānām* 'величайший из богов', *vašnā aurgamaz-dāhā* 'волей Ахурамазды'.

Исходя из того, что эти случаи относятся к формулам, повторяющимся в разных надписях, высказывается предположение, что это — влияние мидийского синтаксиса [Kent 1950, 95].

«Артиклем» */ḥya-/* имя может связываться не только с определением, но и с приложением: *dārayavauš ḥya manā pitā /dārayavauš ḥyah mana pitā/* 'Дарий, мой отец' [XPf 30—31].

Это еще более сближает его с новоперсидским изафетом. Однако, если в новоперсидском изафет цементирует определяемое и определение и равно связан с тем и другим, то в древнеперсидском */ḥya-/* неразрывно связано лишь с определением, которое может быть в дистантном положении от определяемого: *haumaīy ima xšačam frābara taya vazrkam taya uvaspam umartiyam /imat xšačam... tayat? vazrkam tayat? huvaspam humartiyam/* 'он дал мне это царство великое, с хорошими конями и хорошими людьми' [DSf 10—12].

ОДНОРОДНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Однородные члены предложения соединяются, как в авестийском:

а) энклитическими союзами */-ča/* и */-vā/* 'или': *auramazdām ayadaīy artāča* 'я почтил Ахурамазду и Арту' [XPh 41] — если *artāča* выписано вместо **/artam-ča/*, в противном случае *arta-* — инструментальный падеж ('Ахурамазду с Артой'), и тогда нельзя говорить об однородных членах предложения; */-ča/* может повторяться дважды, в значении 'и... и': *pārsamča mādamča* 'и Персию и Мидию' [DB 1.66]; */-vā/* также может повторяться в значении 'или... или': *xšaravā gaušarativā* 'ночью ли, днем ли' [DB 1.20]. Падежные формы объясняются: *xšr* как родительный падеж [Kent 1950, 181], *r'uš* как винительный [Kent 1950, 204], т. е. */xšarah/* (ж. р.) и */gaušah/* (ср. р.). Вероятно и энклитика */-ča/* и послелог */pati/* слились с именами уже после потери конечного */-h/* (ср. раздельное написание */pati/* и */va/* в Авесте);

б) союзом */uta/*: *pasāva adam kāram pārsam utā /uta/ mādam frāišayam* 'затем я послал персидское и мидийское войско' [DB

3.29—30]; повторением союза: *utā /uta/ vištaspā utā /uta/ aršāma ubā ajivatam* 'и Виштаспа и Аршама оба жили' [XPf 19—21]; *utā /uta/ pārša utā /uta/ māda utā /uta/ aniyā dahyāva* 'и Персида и Мидия и другие страны' [DB 1.41].

СОЧИНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ

Сочинительный союз */-ša/* в текстах не засвидетельствован (в авестийском встречается часто).

Союз */uta/*: *manā auramazdā upastām baratuv. . . utā /uta/ imām dahyāum auramazdā rātuv* 'да принесет мне Ахурамазда помощь. . . и да хранит Ахурамазда эту страну' [DPd 13—16].

ПОДЧИНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ

Придаточные определительные присоединяются падежными формами относительного местоимения */h(a)ya-/*, */taya-/*: *kāra pārša utā māda hya /hyah/* (им. п. м. р.) *urā mām āha hauv kam-nam āha* 'войско персидское и мидийское, которое было со мной, оно было немногочисленно' [DB 2.18]; *xšaça tayā /tayat/* (им.-вин. п. ср. р.) *hačā amāxam taumāyā parābrtam āha ava adam patipadam akunavam* 'царство, которое от нашего рода было отобрано, я его поставил на место' [DB 1.61]; *ima taya /imat tayat/* (ср. р.) *adam akunavam* 'это — то, что я сделал' [DB 1.72]; *avam gaumātam tayam magum avājanam uta tayaišaiy /tayai/* (им.-вин. п. мн. ч. м. р.) *fratamā martiyā anušiya āhatā* 'я убил того Гаумату-мага и (тех), которые были его главными приближенными' [DB 1.57—58].

Другие союзы — производные от чистой основы относительного местоимения */ya-/* (без */ha-/* и */ta-/*).

/yātā/ 'когда': *imaiy martiyā tayaiy adakaiy avadā āhatā yātā /yātā/ adam gaumātam. . . avājanam* 'вот люди, которые были там тогда, когда я убил Гаумату. . .' [DB 4.80—81]; 'когда' = 'до тех пор, пока': *auramazdā — maiy upastām abara yātā /yātā/ ima xšaçaṃ ha[ma]ldārayaiy* 'Ахурамазда помогал мне, пока я не захватил это царство' [DB 1.25—26].

/yāvā/, ав. */yavat/*, */yavatā/* 'пока': *tuvam ka hya aparam imām dipim vaināhy. . . imaiyvā patikara mātaya vikanāhy yāvā utava āhy avaθāsatā paribara* 'ты, который потом увидишь эту надпись. . . или эти изображения, да не разрушишь ты их! Так их сохраняй, пока будешь в добрых силах' [DB 4.70—72]; *āhy* здесь можно читать */ahi/* — индикатив и */āhi/* < */ahahi/* конъюнктив. За последнее чтение говорит параллельный текст: . . . *utataiy yāvā taumā ahati[y]. . .* ' . . . и пока у тебя будет род' [DB 4.78]. Все примеры с конъюнктивом, однако вряд ли можно говорить с определенностью, что придаточные с союзом */yava/* вообще должны иметь эту форму, так как здесь конъюнктив имеет свое обычное значение будущего времени.

/yaḏā/ 'как', 'когда', 'так что': [taya] šam adam aḏaham ava akunava yaḏa /yaḏā/ mān kāma āha 'то, что я им говорил, они делали, как было мое желание' [DNa 36—38]; yaḏā /yaḏā/ dār-ayavahauš xšāyaḏiya abava vasiy taya fraḏaram akunauš 'когда Дарий (daryvhuš или непоследовательность грамматическая — /dārayavahauš/, родительный падеж вместо именительного — или орфографическая — /dārayavahuš/ с выписанным h) стал царем, он сделал много отличного' [DPf 25—27]; avaḏā adam hamataxšaiy vašnā auramazdāha yaḏā /yaḏā/ gaumāta . . . vīḏam tayam amāxam naiy parābaga 'так я старался, волей Ахурамазды, так что Гаумата наш дом (род.) не устранил' [DB 1.70].

/pasāva yaḏā/ 'после того, как': ima taya manā krtam pasāva yaḏa /pasāva yaḏā/ xšāyḏiya abavam 'вот что мною сделано, после того, как я стал царем' [DB 1.27—28].

/ta-yat/ ty (вернее всего форма среднего рода).

Перенос значения артикля с отдельного слова на предложение:

utā taya /tayat/ BU akaniya	'и то, что земля была выкопана,
fravata	
utā taya /tayat/ θika avaniya	и то, что щепень был засыпан,
utā taya /tayat/ ištiš aḏaniya	и то, что кирпич был сформован —
kāra hya bābiruviya hauv	— народ вавилонский — он сделал'
akunauš	[DSf 28—30];

naimā ava kāma taya tunuvā skauḏaiš rādiy miḏa kariyaiš 'нет у меня такого желания, чтобы сильный пострадал из-за слабого' [DNb 10—11]³; kārahyā naiy azdā abava taya bardiya avajata 'народу не было известно, что Бардия убит' [DB 1.31—32]; avākaram amiḏy taya rāstam dauštā amiḏy 'я таков, что честному я друг' [DNb 6—7].

/yadi/ ydiy, ав. /yadā/ yadā, /yadi/ yeḏi, yeiḏi, /yazi/ yezi 'если': yadiy /yadi/ imām hadugām apagaudayāhy /apa-gaudayāhi/ naiy θāhy /θāhi < θahāhi/ kārahyā auramazdātaiy jatā biyā /byāt/ 'если ты этот документ скроешь, не расскажешь народу, то да поразит тебя Ахурамазда' [DB 4.57—58]. Глагол в придаточном — футурального условия в конъюнктиве, в главном — по смыслу — в оптативе; . . . yadiy vināḏayaiš /vināḏaya-i-š/ naiy fraḏiyaiš /fraḏiya-i-š/ 'если бы провинился, то не был бы наказан' [DNb 20—21]. Глагол при потенциальном условии в оптативе — в главном и придаточном.

Тот же союз со значением 'когда': tayā ubā aḏivatam yadiy auramazdā mān xš[ya]m akunauš 'они оба жили, когда Ахурамазда сделал меня царем' [DSf 14—15].

³ Кент [Kent 1950, 140] переводит «that the mighty man should have wrong done to him by the weak» и в глоссарии дает miḏah — «evil» 'зло'. Но tunuva /tunuvan/ — форма винительного падежа, которая должна быть подлежащим к глаголу /kaḡa-i-š/ (3 л. ед. ч. опт.). Тогда miḏa должно быть предикативным членом 'тот, кому причинено зло', и /miḏah/ следует понимать не как средний род на /-an/, а как мужской на /-a/. /rādi/, вероятно, лучше перевести 'из-за'.

СКИФО-САРМАТСКИЕ НАРЕЧИЯ

ВВЕДЕНИЕ

Термин «скифо-сарматские наречия» мы употребляем как общее название для всех иранских наречий и говоров, которые существовали на территории северного Причерноморья в период от VIII—VII вв. до н. э. до IV—V вв. н. э. Здесь нет надобности входить в обсуждение скифо-сарматской проблемы в целом. Работами К. Мюллengoфа, В. Миллера, В. Томашека, М. Фасмера и др. полностью доказано распространение ираноязычного элемента в Южной России в указанный период. Это население было известно классическим авторам под названием «скифы» Σχῆβαι Scythae и «сарматы» Σαρμάται Sarmatae. Его остатком являются современные осетины на Кавказе. Если под общими наименованиями скифов и сарматов скрывались также некоторые неиранские элементы, что возможно, то приходится согласиться, что для их этнической и языковой характеристики сделано пока недостаточно ¹.

Выявление и определение неиранских элементов должно производиться на основе точных и продуманных методов, а не путем произвольных домыслов и догадок. Первым шагом на этом пути должно быть выделение, путем тщательного лексического, фонетического и словообразовательного анализа, всех бесспорно иранских элементов. Таким путем будет расчищена почва для анализа и определения остальных элементов. Вместе с тем, можно надеяться, будет положен конец легковесным и безответственным спекуляциям на скифском материале, не имеющем ничего общего с наукой.

Скифо-сарматский языковой материал из Южной России, вполне достаточный, чтобы распознать в нем иранские элементы, слишком, однако, беден, чтобы можно было представить скольнибудь полную лингвистическую картину этого мира, раскинувшегося на обширном пространстве от Дуная до Каспийского моря и Средней Азии и состоявшего, как можно думать, из многих наречий и диалектов. Связных текстов на этих наречиях

¹ Исключение составляют фракийские элементы, наличие которых несомненно и которые легко объясняются соседством и общением иранских племен с фракийскими.

до нас не дошло и, если бы не было осетинского языка, мы могли бы судить о них только по некоторым топонимическим названиям, по названиям племен и по собственным именам, которые в значительном числе встречаются в греческих надписях, находимых на месте старых греческих колоний-городов: Танаиды, Горгиппии, Пантикапея, Ольвии и др.

Однако, как не скуден этот материал, необходимо извлечь из него максимум того, что он может дать. Споры об иранстве и неиранстве скифов и сарматов, основанные на единичных и случайных фактах и толкованиях, надо считать отошедшими в прошлое. Настало время подойти вплотную к языковой характеристике скифо-сарматской речи с охватом всего доступного материала, восстановить в меру возможного ее лексику, фонетику, грамматику и, таким образом, представить этот материал не в виде перечня отдельных разъяснений и толкований, а в виде элементов языковой системы.

ДИАЛЕКТЫ

Иранское население северного Причерноморья было само, по всей видимости, неоднородно. У Геродота четко проводится различие между скифами и сарматами, причем границей между ними называется р. Танаис (Дон). Различные авторы называют племена языгов, аорсов, сираков, алан, роксолан и др. Можно ли в этих условиях говорить о каком-то едином североиранском языке. На этот вопрос можно ответить, что редко вообще бывает, чтобы язык не делился на диалекты и говоры. Говоря об иранской речи северного Причерноморья, мы считаем само собой разумеющимся, что эта речь дробилась на множество разновидностей. Но мы убеждены вместе с тем, что у них был целый ряд общих черт, которые противопоставляли их остальным иранским наречиям и которые позволяют рассматривать все скифо-сарматские говоры как одно лингвистическое целое. Ничто не противоречит такой концепции и многое говорит в ее пользу. Наиболее значительным было, вероятно, различие между скифами и сарматами. Но даже о них Геродот говорит, что язык савроматов тот же скифский, но только с давних пор «испорченный» (IV, 117). Вряд ли различия между племенными говорами внутри скифского или внутри сарматского были более значительны. Мы увидим дальше, что в надписях, происходящих из разных весьма удаленных друг от друга областей скифо-сарматского мира, встречаются одни и те же иранские имена, с одними и теми же фонетическими и словообразовательными признаками. Все это дает право говорить о языковом единстве иранского Причерноморья и применить к этому единству одно общее наименование «скифо-сарматские наречия».

Можно ли все же в дошедшем до нас скифо-сарматском ономастическом материале распознать какие-либо признаки диалектных особенностей и различий? Й. Харматта и Л. Згуста отвечают на этот вопрос утвердительно. Й. Харматта, прослеживая судьбу некоторых древнеиранских фонем и звуко сочетаний на скифо-сарматской почве, приходит к выводу, что «на основании лишь одного звукового критерия можно различить, по крайней мере, четыре языка или диалекта» [Harmatta 1953, 58]. В рецензии на интересное исследование Харматты [Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1953, 487—490] мы отметили один уязвимый пункт в аргументации венгерского ираниста. Сопоставляемые им факты не всегда бывают строго синхронными. Отсюда возникает опасность усмотреть диалектные различия там, где мы имеем в действительности различия хронологические, отражающие разные этапы звукового развития одного и того же языка. Так, если древнеиранское *rydga-* 'сын' отражено в сарматской ономастике то как *porrī* то как *forrī* то перед нами, вероятно, не две синхронно существовавшие диалектные формы, а две ступени эволюции сарматской речи: первая, с начальным *r*, более близкая к древнеиранскому состоянию, вторая, с начальным *f*, смыкающаяся с современным осетинским (осет. *furt* 'сын') [Абаев 1971, 10—13].

После Й. Харматты на вопросе о диалектном членении скифо-сарматской речи останавливался чешский ученый Л. Згуста [Zgusta 1955, 245—266]. Анализ фонетических особенностей «варварских» имен северного Причерноморья приводит его к убеждению о существовании двух диалектов: более архаичного в западной части рассматриваемого ареала (надписи Ольвии, Херсонеса), и более «молодого» — в восточной части (Пантикапей, Танаис, Тамань). Первый диалект сохраняет еще многие черты древнеиранского состояния, во втором начинают распознаваться особенности, присущие осетинскому языку. Первый диалект автор склонен определить как скифский, второй — как сарматский. Различия между ними в фонетике были, по его мнению, не слишком глубокими. «Оба диалекта, пишет он, — были весьма близки друг другу, образуя вместе один язык» [Zgusta 1955, 254].

Концепция двух диалектов, скифского и сарматского, восходящая еще к Геродоту и принятая также Фасмером, имеет наиболее солидную базу. В течение какого-то периода более архаичный «скифский» мог сосуществовать с более продвинутым в своем развитии «сарматским», как в осетинском, более архаичный дигорский диалект сосуществует с более «молодым» иронским.

Выводы Харматты и Згусты нуждаются в уточнении в одном направлении — в более тщательном учете относительной и абсолютной хронологии разбираемых фактов.

Элементы скифо-сарматской лексики обнаруживаются в собственных именах, топонимических и племенных названиях, сохранившихся в многочисленных исторических, географических и эпиграфических источниках. В нижеследующем мы делаем попытку извлечь их оттуда и расположить в алфавитном порядке. Мы получим таким образом некие рудименты скифо-сарматского словаря.

Хотя предпосылки для нашего начинания уже созданы работами наших предшественников, тем не менее мы встретимся с немалыми трудностями. Передача скифских имен греческими (или латинскими) буквами была по необходимости весьма несовершенной: слишком велико было различие фонетических систем. Легко представить, что нередко были также случаи искажения, описок и ошибок. Восстановить, в этих условиях, подлинный звуковой облик скифских и сарматских слов не так легко.

Но если трудно восстановить действительную форму скифо-сарматских слов, то еще труднее обстоит дело с их значением. О значениях скифских и сарматских имен или названий наши источники, как правило, не дают нам даже намека. Значения приходится устанавливать сравнительным путем, опираясь на данные иранского и индоевропейского языкознания. Главные инстанции, к которым приходится апеллировать, это, с одной стороны, древнеиранские языки (авеста и древнеперсидский), с другой — осетинский язык как непосредственный продолжатель одного из скифо-сарматских наречий.

Не раз приходилось нам задумываться над вопросом: какие формы выставлять в нашем «словаре» как основные? Источники, из которых мы черпаем наш материал, охватывает огромный период, около 1000 лет. За это время язык, конечно, изменялся. Одну и ту же основу мы встречаем нередко на разных ступенях фонетической эволюции. Какую форму выставить как основную словарную? Мы нашли наиболее целесообразным выставить в качестве исходных нормализованные древнеиранские формы, с учетом особенностей скифской группы. Иными словами, мы выставляем формы, которые, как мы думаем, совпали бы с древнейшими скифскими, если бы последние до нас дошли.

В тех случаях, когда для восстановления древнеиранской формы нет достаточных данных, мы выставляем наиболее архаическую из известных нам, реально засвидетельствованных форм.

Мы включаем в наш лексикон и те скифские имена, которые засвидетельствованы за пределами Скифии — во Фракии, Иберии и пр., если только они отмечены яркими признаками скифского происхождения.

В толковании скифских имен и названий мы частью примыкаем к нашим предшественникам, частью даем новые. В первом случае мы ссылаемся на сводную работу М. Фасмера: *Die Iranier in Süd-*

russland (1923), где интересующийся найдет дальнейшие библиографические указания. Мы избегали натянутых и сомнительных сближений и толкований и отваживались на анализ лишь тогда, когда чувствовали твердую почву под ногами. Все же в некоторых случаях, помеченных вопросительным знаком, мы допускаем возможность иной интерпретации, чем наша.

Осетинские параллели мы берем обычно из дигорского диалекта: дигорские формы, как правило, более архаичны и потому более близки к скифским и сарматским.

СЛОВАРЬ СКИФСКИХ СЛОВ

Сокращения в словаре

Фасмер — *M. Vasmer. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Südrussland. Leipzig, 1923.*

Харматта — *J. Harmatta. Studies in the language of the Iranian tribes in South Russia. Budapest, 1952.*

Згуста — *L. Zgusta. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955.*

Юсти — *F. Yusti. Iranischen Namenbuch. Marburg, 1895.*

ИЭС — *В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.—Л., 1958.*

Г — Горгияния	Т — Танаида
О — Ольяия	Фя — Фанагория
П — Пантикапей	Фд — Феодосия
Х — Херсонес	

А — привативная частица 'не-', 'без-':

~ ἐνάρεις (Геродот), ἀνάρεις (Гиппократ) 'полумужчины', 'гермофродиты', (у скифов) = др.-иран. a-nar-ya 'не мужчина' (Фасмер, 13); ср. nar;

~ 'Ατασας (Т) = ос. æ-das 'безопасный', из др.-иран. a-tars- (Фасмер, 34).

~ 'Αχάσας (Г) = ос. æ-gas 'здоровый', 'целый', 'невредимый', из др.-иран. a-kās-; ср. собст. имя Šag-agas в надписи II в. из Армази (Грузия), а также имена, 'Οαίγασος (Т), Οὐσίγασος (Ο), Γεδίγασος (Т); из аланского это слово усвоено в венгерский: венг. egész 'целый', 'здоровый'; ср. akāsa;

~ 'Αζαρος (Π) = др.-иран. a-saga- 'безголовый' (Фасмер, 34) ср. saga.

Abra 'небо', др.-инд. abhra- 'облако', авест. awra- 'облако', ос. arv (из *avr) 'небо':

~ 'Αβραγος (Ο, встречается многократно) = abr + ag 'небесный', 'Caelestinus' (в осетинском обычно с другим суффиксом: ærv-on 'небесный'); сюда же, возможно, относятся 'Αβράγος (Ο) и

Ἀβροῦρος (T); ос. abæreg 'разбойник', не имеет сюда никакого отношения, вопреки Вс. Миллеру [ЖМНП, 1886, окт. стр. 249].

Ad- 'есть', 'кушать', авест. ad-, ст. слав. jed-, гр. ἔδω, лат. edo:
~ Ἀράδοχοι 'скифское племя' (Гелланик по Стефану Визант.) = āma-adaka букв. 'сыроеды', 'едящие сырое' (Фасмер, 11);
~ Οὔαρῳάδακος (O) = varg-adak букв. 'волклюд'; ср. varka;
~ Τορεῖκαδαι 'сарматское племя' (Птолемей); во второй части ad- 'есть', в первой — иран. tugi- 'кислое молоко' (?) (Фасмер, 54); или ос. turæ 'суп' (?)

Adari 'внизу', 'под', ос. dælæ, в сложных словах dæl-, авест. adairi:

~ Δαλότακος (T) = ос. dæl-os-æg 'находящийся в подчинении у женщины' (?)

Afs- 'лошадь', см. aspa-.

Aft- 'семь', см. hapta-.

Aftaimāk 'седьмой', см. hapta-.

Agar 'многий', 'чрезмерный', 'избыток', ос. ægær id., из др.-иран. a-kara 'бесконечный'; ср. karana- 'конец' и приват. част. a-:
~ Ἀρδονάχαρος (T) = ос. ærdun-ægær 'многолучный', 'имеющий много луков', ср. Ἀρδονατος = ærdun-ast 'восьмилучный', см. druna-.

Agdāk 'обычай' (?), согд. *agdāk 'завет', ос. ægdaw 'обычай':

~ Ἀρδάγδακος (T) 'следующий ard'у и обычаю', см. arta

Akāsa (a-kās-) 'целый', 'невредимый', 'здоровый' → agas → igas (ос. ægas, igas), ср. пехл. kās-, перс. kāh-, kastan 'уменьшать'; ср. венгерское (из аланского) egesz 'целый', 'здоровый'; см. a-:

~ Ἀκάσας (Γ);

~ Šaragas имя питахша в Грузии II в. н. э. (в надписи из Армази) = ос. sæg-ægas 'невредимый', 'с невредимой головой', см. sara.

~ Γωδίγαςος (T) = ос. ġud-igas букв. 'здравомысл';

~ Ὀσσίγαςος (T), Οὐσίγαςος (O) = ос. os-igas 'имеющий здоровую жену' ('здоровых жен');

~ Εαυάγαςκος (Фн) может быть = ос. sæw-ægas 'невредимый утром', параллель к употребительному осетинскому выражению sæw-zavd 'пораженный утром'; см. sava 'утро'.

Ālān, āllān 'название скифского племени', из aruana 'арийский', 'ариец', ос. allon; см. arua-.

Aluð 'пиво', древнегерм. *alut, ос. æluton:

~ Ἀλοῦθαρος (O); такое имя могло означать 'пивовар', 'пиволюб'; ср. Σάναρος (O) от san 'вино'; ср. ос. æluton 'пиво, как ритуальный напиток', грузинское (из аланского) aludi, ludi 'пиво'; восходит к древнегерманскому alūt 'пиво'; (англ. ale); сюда же фин. olut 'пиво', литов. alūs, др.-рус. олуй 'пиво'.

Am- приставка, означающая совместность, см. ham-.

Āma сырой, авест. āma-, ос. xom:

- ~ 'Αράδοχοι 'скифское племя' (Гелланик по Стефану Визант.) = āma-adaka 'едящие сырое' (Фасмер, 11); ср. ad-.
- Ама** 'сильный, могучий', авест. āma- (в осетинском не сохранилось):
- ~ 'Αράχη 'сарматская царица' (Фасмер, 31);
- ~ 'Αρόρατος (O) = др.-иран. ама 'сильный, могучий' + др.-иран. maуа 'искусство', 'ловкость' (Фасмер, 32); сюда же 'Αρόρατος (O)? (Фасмер, 31);
- ~ 'Αρόσπαδος (O) = др.-иран. ама + spāda 'войско' (Фасмер, 32).
- Āmāy-** (ā-māy-) 'строить', ос. amajun 'строить':
- ~ 'Αμαίαχος (T), 'Αμασίαχος (T) = ос. amajæg 'строитель' (Фасмер, 31).
- Ambust** 'возвеличенный' (?); из ham-pus- (?) ср. русск. *пышный* и пр.;
- ~ 'Αμβουστός (T);
- ~ 'Ιράμβουστός (T). →
- ~ Ambustan 'языгское собственное имя' (Гомбоц).
- Апа-** 'без' ос. æpæ, авест. apa
- ~ 'Απάχαρος 'знаменитый скифский мудрец' (Геродот и др.) = apahvarti- 'невредимый', ос. æpæ-xwælc; см. hvar- 'повреждать', 'ранить'.
- Andān** 'сталь', ос. ændon; ср. удм. andan, чечен. ondun 'сталь', andanik у Марко Поло 'особый сорт стали'; происхождение не вполне ясно; может быть из иран. *han-dānu 'сплав'.
- ~ 'Ανδάναχος (T) (Фасмер, 32);
- ~ 'Ασπίνδανος (T) = asp-andan 'стальноконный', 'имеющий стальных коней', см. aspa;
- ~ 'Ιασα(ν)δάναχος (T) = i-as-andan-ak 'стальной Ак'; см. As 'скифское племя', 'аланы', 'осетины'.
- Āp-** 'вода' (→ af → av); ср. ос. avg 'стекло', æv-dew ('демон, водяной'):
- ~ 'Αρδάραχος (T) = av-darak 'дающий воду', 'поющий водой' (ср. ос. don-daræg id.)?
- ~ 'Αβνωκος (O) = av-niwaz- 'водопийца', ср. ос. niwazun 'пить' (Фасмер, 30).
- Āpra** 'водная глубь' (āp вода + суф. -га?) → apr; ср. ос. arf 'глубокий':
- ~ 'Αρπείας 'один из родоначальников скифского племени, сын Таргитаоса' (Геродот) = āpra-xšaya 'владыка вод', 'владыка Днепра'; см. под xšay-;
- ~ Δάναπρις 'Днепр' = dān-āpr = ос. don-arf 'глубокая река'; см. dānu.
- Ар-** 'находить', 'добывать', 'рождать', ос. агун/jerun (из bar- → wag-?):
- ~ Γάαρ 'аланский предводитель V в. н. э.' (Олимпиодор и др.) = go-ar 'добывающий скот'; см. gau 'крупный рогатый скот';

- ~ Ἐπτάγαρος (O) = ос. xsæz-sag-ar 'добывающий шесть оленей', т. е. 'счастливый охотник'; см. xšaš 'шесть' и sāka 'олень';
 ~ Sagaris (Овидий), Saggarius (Плиний) 'река Березань' букв. 'где находят (ar) оленей (sag)'.

Ārāz- 'направлять', 'устраивать' (ā-rāz-), ос. arazun id.; см. rāz.

Arc 'копье', см. arsti.

Ard культовой термин, 'божество', см. arta.

Ardār 'господин', 'князь'; ос. ældar, ærdar id из ærm-dar (← arma-dāra) 'рукодержец', 'Handhaber'; из аланского усвоено в венгерский (aladar) и монгольский (aldar);

~ 'Ἀρδαρος (встречается многократно: Т, Г, П, Ф) (Фасмер, 33);
 ~ 'Ἀρδάραχος (Т, П, встречается несколько раз) = ardar + суф. -ak (Фасмер, 33);

~ 'Ἀρδάριχος (Т) = ardar + греческий суф. = ιχος (Фасмер, 33); см. arm и dar-.

Ardun 'лук', ос. ærdun; см. druna.

Ārgā- 'освящать религией', 'благословлять' (из ā-grā ← ā-gār, где gār = др.-иран. gār, zār 'петь'); ср. ос. argaun, прош. прич. argūd 'освящать религией, церковной службой', 'совершать церковную службу':

~ 'Ἀργόδας (Π), 'Ἀργότας (Π) = ос. argūd 'освященный', 'благословенный', 'Benedictus' (Фасмер, 32); неотделимо отсюда название города 'Ἀργόδα в Херсонесе Таврическом (Птолемей); может быть сюда же 'Ἀργουάναχος (O) = argaunag 'подлежащий благословению', 'Benedicendus'.

Arma 'рука', ос. arm, др.-иран. arma:

~ 'Ἀρδαρος = ос. ærdar 'господин' из arm-dār 'рукодержец'; см. ardār.

~ Saurnmag 'грузинский царь' (Brosset) = ос. saw-arm 'смугло-рукий' + суф. -ag;

~ Σαρματάι (Геродот) → Σαρμάται (Скимн), Sarmatae (Плиний и др.) 'сарматы' м. б. = ос. saw-arm-tæ 'смуглорукие'; см. suāva; другие толкования термина сармат см. (Фасмер, 51).

Arna 'дикий, свирепый', ос. ærnæg, др.-инд. āraṇa-, авест. aurguna, gēna- 'дикий'.

~ 'Ἀρνάκης (Т); встречается и в других иранских языках (Justi, 27).

Aršā 'самец', 'мужчина', авест. aršan- (в ос. нет) или

Arša 'медведь', ос. ars 'медведь', авест. arša-;

~ 'Ἀρσάκης (Π, O) = aršaka-, ос. arsæg в фамилии Arsægatæ; широко распространено в Иране и Армении (Justi, 27 и сл.); имя родоначальника парфянской династии Аршакидов; отсутствие в осетинском каких-либо следов древнеиранского aršan- 'мужчина' побуждает нас думать, что на скифской почве мы имеем дело скорее с arša 'медведь';

~ 'Ἀρσποάχος (O), 'Ἀρσβαχός (O), 'Ἀρσρόχος (O) = arša-vahu 'добрый медведь';

~ может быть сюда же племенное название из европейской Сарматии Ἀρσιῖται (Птолемей).

Aršti 'копье' ос. arc, др. перс. aršti-, авест. aršti-:

~ Ἀρστίμανος (Березань); θι, как и в некоторых других случаях, передает, возможно, с; тогда имеем стар. ос. arcæ-[n]-man = др.-иран. aršti-manu- 'человек с копьем', 'копье-носец'; для n в arcæn-man ср. появление n в ос. iwændæs 'одиннадцать', gætænağd 'оглобля'; см. manu 'человек', 'мужчина';

~ Χῶδαρζος (O) = ос. xwæd-arc 'снабженный копьем', 'копье-носец'; ср. hvata.

Art 'огонь' см. aθr-.

Arta → ard — одно из важнейших религиозных понятий иранского мира, 'божество', 'олицетворение света, правды', др.-перс. arta-, авест. aša-, ос. ard 'клятва', первоначально 'божество, которым клянутся':

~ Ἀρδάβδα 'аланское название города Феодосии в Крыму' (Анонимный Перипл Понта Эвксинского V в.), в переводе на греческий означало ἐπτάθεος, т. е. 'семибожный', 'посвященный семи богам' = ard-avd; ср. ос. ard и avd 'семь' (Фасмер, 72); о другом старом названии Феодосии, Кафа, см. под словом кара 'рыба'.

~ Ἀρδαβούριος 'имя трех византийских полководцев аланского происхождения' (Феофан Малала), вероятно, ос. ard-bewræ 'наделенный многим ard'ом';

~ Ἀρδάβδαχος (T); в первой части ard, для второй ср. согдийское *ağdāk 'завет', ос. æğdaw 'освященный традицией обычай'; стало быть ardağdak может означать: 'тот, кто следует ard'у и обычаю' (ср. Фасмер, 32);

~ Ὀδιάρδος (T); в первой части осетинское od 'душа', в родительном падеже: odiard 'чья душа исполнена ard'a'.

Arvant 'быстрый', 'сильный', 'отважный', 'герой', авест. aurvant; в осетинском не сохранилось:

~ Ὀρόντης (O); встречается и в других иранских языках (Фасмер, 46, Justi, 235);

~ Ὀροφέρνης (Π) = aurva-farna (?) (Фасмер, 46).

Arya 'ариец', 'арийский' → al[y]a, др.-перс. ariya-, авест. airya-.

Aryana 'арийский', 'ариец' → alyana → allan (alan); ср. ос. allon 'самоназвание осетин в сказках':

~ Arii 'сарматское племя' (Епифаний Кипр) (Фасмер, 33);

~ Ἀριαντάς 'имя скифского царя' (Геродот) = др.-иран. ariya-vant- (Фасмер, 12);

~ Ἀριαπίδης 'имя скифского царя' (Геродот) = др.-иран. ariya-paisa 'имеющий арийский облик' (Фасмер, 12);

~ Ἀριαράθης (Π) = др.-иран. ariya-ratha (Фасмер, 33);

~ Ἀριαράμνης (Π) = др.-иран. ariya-rāmna (Фасмер, 33);

~ Ἀριφάρνης 'имя царя племени Θατείς' (Диодор Сиц.) = ariya-farna 'носитель арийского farn'a' (Фасмер, 33); см. farna;

- ~ 'Hpaκas (Π) имя 'главного переводчика алан' (начало III в.) = epaκ из aipyaka (Фасмер, 39 сл.);
- ~ 'Aλeξapθoς (Φη) = aya-xšaθra 'носитель арийского xsaṛt'a' (Фасмер, 31); см. xšaθra; для первой части (αλε) ср. ос. alæ в названии бога-кузнеца Kurd-Alæ-Wærgon 'кузнец аланский Варгон';
- ~ 'Aλανοί (Иосиф Флавий, Лукиан, Дион Кассий и др.), Alani (Плиний, Светоний и др.) 'название скифского (сарматского) племени', 'аланы', из др.-иран. ayaana- 'арийский', 'ариец', ос. allon;
- ~ 'Aλavopoi сарматское племя 'аланорсы' (Птолемей, Страбон); вторая часть = ос. ogs 'белый', стало быть аланорсы это 'белые аланы'; ср. ос. ogs-tual-tæ 'белые туалыцы' название юго-осетинского племени;
- ~ 'Pωξολανοί (Птолемей, Страбон), Rhoxolani (Плиний) 'сарматское племя', 'роксоланы' = roxs-alan, где roxs = ос. roxs, др.-иран. rauχšna 'светлый': 'светлые аланы', ср. 'Aλavopoi 'белые аланы' (Фасмер, 49),
- As** 'сарматское племя', 'асы', 'яссы', 'осетины', ос. Asi 'перенесено на балкарцев).
- ~ 'Aσaioι 'сарматское племя' (Птолемей), 'Aσaioι 'скифское племя' (Стефан Визант); может быть к авест. āsu 'быстрый' (Фасмер, 33 сл., 63, 67, 70);
- ~ 'Iασa(ν)δάναχος (Γ) = i-as-andan-ak 'стальной As'; см. andān;
- ~ 'Pαδάμασις (Π) = др.-иран. fratama 'первый' + as: 'первый среди асов'; см. fratama;
- ~ Carthasis 'брат скифского царя' (время А. Македонского) = kart-as меч асов; см. karta 'меч'².
- Aspa** 'лошадь' → asp → afs (αψ), ос. æfsæ 'кобыла', авест. aspa-:
- ~ 'Aσπαχος (Τ) из aspa-ka (Фасмер, 34); сюда же Iσpakaι 'скифский князь' в ассирийских источниках (Фасмер, 14);
- ~ 'Aφαχος (Τ) = afsax, дальнейшее звуковое развитие имени Aspak ('Aσπαχος); ср. ос. æfsæ (из aspa) 'кобыла';
- ~ 'Aσπovpoc (Γ и др.) = др.-иран. aspa-ugra 'мощный конь' или 'имеющий мощных коней' = ос. æfsurg/æfsorg (из aspurg) 'легендарная порода коней', может быть сюда же 'Aψόγας (Ο), вм. 'Aφόργας = afsorg; см. ugra;
- ~ Asparuk имя основателя болгарского государства на Балканах (нач. VI в.), тюрка, но носившего иранское (скифское) имя; во второй части — ruk, др.-иран. rauka, rauca, 'свет', 'светлый', стало быть Asparuk означает 'светлый конь' или 'имеющий светлых коней'; ср. гр. Λεβήππος; сюда же 'Aσπαρoύκις, питахш в Грузии II—III в. [Каухчишвили 1941, 169]; армянское Aspūrak (Justi, 47) представляет, надо ду-

² Мы не приводим здесь топонимических следов пребывания асов в Молдавии (Jasi, Яссы, Аскый торг), в Крыму (Bōjuk As, Kučuk As, Temeš As и др.), так как они относятся, возможно, к более поздним эпохам.

мать, перестановку Asparuk; другую метатезу того же имени грузинского царя III в. Aspagur из Asparug (Brosset); ср. ниже Ἀσφόρουγος;

~ Ἀσφόρουγος (O) = asfarug, дальнейшее звуковое развитие имени asparuk (см. выше);

~ Ἀσπάνδανος (T) = asp-andan, где andan 'сталь', 'стальной': aspan dan 'стальноконный'; см. andān;

~ Βόρασπος (T); первая часть = ос. bor 'желтый', 'буланный': 'имеющий буланных коней' (Фасмер, 36);

~ Βαίόρασπος (T) = др.-иран. baivar-aspa 'многоконный'; ср. ос. bewræ 'много' (Фасмер, 35);

~ Βανάδαςπος 'царь сарматского племени языгов' (Дион Кассий) = др.-иран. vanat-aspa 'победноконный' от van 'побеждать' (Фасмер, 35).

~ (...) λόρασπος (T); первая часть неразборчива.

Aspaina (?) 'железо', афг. ōspana, ōspīna, пам. spin, šrōn, ос. æfsæn, æfsæjnag, согд. 'spn-:

~ Ὀσπίνμαζος (O) может быть из *Ὀσπίνβαζος = aspaina-bāzu = ос. æfsæn-bazyg 'железпорукий' (см. Фасмер, 46)

Ašta 'восемь', ос. ast, др.-иран. ašta-:

~ Ἀρδύναστος (T) = ос. ærdun-ast 'имеющий восемь луков'; см. druna.

~ Χάραξτος (T), Κάραστος (O), Κάραξτος (O) = xar-ašt или xarak-ašt 'имеющий восемь ослов'; число восемь имело в староосетинском особое значение; об этом говорит между прочим способ обозначения 'девяти': far-ašt букв. 'за восьмью', 'сверх восьми'.

Ātar, āθr- 'огонек', авест. ātarš, вин. п. āθrəm 'огонь', ос. art:

~ Ἀρδάμων (O)? для второй части (αμων) можно указать ос. amond 'счастье', amonun 'указывать, предугадывать'; ср. по образованию ос. Was-amongæ название чудесной чаши в нартовских сказаниях;

~ Ψευδαρτάκη 'название священного места в Скифии' (Стефан Визант.); Маркварт исправляет в Ψευδαρτάκη и читает Isand-art 'священный огонь', где Isand — закономерное для осетинского развитие др.-иранского spanta- 'священный', хотя и неупотребительное в современном осетинском (Фасмер, 57).

Auruša 'белый', авест. aurūša, ос. ors:

~ Ἀορσοί 'сарматское племя', 'аорсы', 'белые';

~ Ἀλανορσοί 'сарматское племя', 'аланорсы', 'белые аланы', возможно сюда же Ὀρσιόριχος (T).

Āv 'вода' см. āp

Avd 'семь', см. hapta.

Axšaina 'синий, темно-серый', др.-перс. axšaina-, ос. æxsin id, æxsinæg 'голубь':

~ Ἀξεινος в названии Черного моря Πόντος Ἀξεινος (Пиндар, Еврипид, Страбон) 'синий Понт', переосмыслено впоследствии

в греческое Πόντος Εὔξεινος 'гостеприимный Понт'; это остроумное разъяснение принадлежит Фасмеру³;

- ~ Χαράξηνος (O) = xar-axšen 'темносерый осел' (др.-иран. хага-, ос. хәгәг 'осел'); такое имя могло не заключать ничего унизительного; ср. перс. gūr 'дикий осел' как украшающий эпитет царя (Bahgām-Gūr); давались подобные имена и с магическими целями, чтобы сделать ребенка непривлекательным для злых духов; такого происхождения, напр. осетинское имя Kuzæg от kuž 'собака'.

Az 'гнать', 'править', авест. āz-;

- ~ Νάβαζος (T) = др.-иран. nāv-āza- 'кормчий', 'управляющий кораблем'; см. nāv 'корабль' (Фасмер, 45).

Bad- 'сидеть', вероятно из древнеиранского ura-had- (Миллер), ос. badun 'сидеть'.

- ~ Βάδαγας (O) = ос. badæg 'сидящий' (до сих пор употребляется как собственное имя); сюда же Βαδάκης (O) (Фасмер, 35).

Baga 'бог', др.-перс. бага-, авест. бага-; в осетинском не сохранилось;

- ~ Βάγης (Γ), сокращенная форма какого-то имени, содержащего бага, напр., Bagadata 'богоданный' и т. п. (Фасмер, 35) сюда же, возможно, Βάγιος (Γ).

Baivar 'много', '10000' → bevar → beor; ос. bewræ, авест. baēvar-;

- ~ Βαϊόραστος (T) = др.-иран. baivar-asra 'многоконный', 'имеющий много коней' (Фасмер, 35); см. asra;

- ~ Βαϊόρμαιος (O) = др.-иран. baivar-māya 'многорадостный' (др.-иран. māyā- 'радость');

- ~ Beorgus (Beorgor) 'аланский царь, вторгшийся в Италию в V в.' (Кассиодор, Иордан и др.) = др.-иран. bai-var-gau 'имеющий много крупного скота' (Фасмер, 36); см. gau;

- ~ Βεργάσιος (O) вероятно неточная передача староосетинского bewrā-šad 'имеющий много войска'; колебание между δ и ζ наблюдается и в других случаях, напр. Χοζιάχος рядом с Χοδίαχος; см. spāda 'войско';

- ~ Ούρβηρούαρος (O) = xum-bewar 'многопашенный', 'имеющий много пашен'; ср. ос. xum 'пашня', см. hurma;

- ~ Ἀρδαβούρος 'имя трех византийских полководцев аланского происхождения' (Феофан Малала), возможно = староосет. ard-bewræ 'носитель многого ard'a'; см. arta;

³ Acta Universitatis Dorpatensis, t. 1, сер. В, № 3. — Переименование 'Αξεινος в Εὔξεινος было «магической антифразой»: иранское axšaina 'сильный' в греческой передаче стало осмысляться как ἄξεινος 'негостеприимный'. Такое название звучало для греческих мореходов зловеще, и они переделали его в εὔξεινος 'гостеприимный'.

Совершенно так же итальянские моряки переделали malacia (от гр. μαλακία 'мягкость') в bonasia, так как в malacia им слышалось malus 'дурной'. Римляне обратили Maleventum (от гр. μαλόνευα вин. пад. 'яблоневый сад') в Beneventum. В южнофранцузском marrubi (название растения) обратился в bon-rubi. См.: *Havers W. Neuere Literatur zum Sprachtabu*. Wien, 1946, S. 137.

~ Βευραζόβρια 'женское имя' Мцхет, ок. IV в. [Каухчишвили, 1943, 577 и сл.] = ос. bewræ + основа глагола ос. zigun/zogun 'говорить'; почтенная дама называлась 'многогречивой'.

Bala 'военная сила', 'дружина', др.-инд. bala-, ос. bal:

~ Πάλοι 'скифское племя' (Диодор Сиц.);

~ Οἰαστόβαλος (Т) varzta-bala 'любимый дружиной';

~ Οἰαρζβαλαχος (Ο) = стар.-ос. warz-bal 'любящий дружину' или 'любимый дружиной'; см. vārz 'любить', ср. [Миллер 1886, 254].

Bānu 'свет', 'день'; авест. bānu-, ос. bon 'день', 'сила', 'мощь', 'богатство', аланское ban (пан) в аланском приветствии ταπαγ-χας (tā ban xwarz) 'добрый день' у византийского писателя Цеца:

~ Βάνας (Π);

~ Sangibanus 'аланский царь' V в. в Галлии (Иордан) = čan-gi-ban, ос. cong-i-bon 'имеющий мощь (bon) в руке (cong-i)'; см. čang 'рука'.

Basta 'вместо', 'страна', см. upasta.

Baxš- 'наделять', 'быть наделенным', авест. baxš-:

~ Βάξαρος (Ο) 'наделяющий', или 'наделенный'.

Baxta 'удел', 'счастье', авест. baxta-, может быть в осетинском bægdawæn 'удел', 'долг', 'ответственность':

~ Βάγδοχος (Т) = baxta-vaḥu 'имеющий хороший удел', 'счастливым' (Фасмер, 35); см. vaḥu 'хороший';

~ Βαγδόσαυρος (Т) = baxta-syāva 'имеющий черный удел' см. syāva.

Bāzu 'рука', 'плечо', авест. bāzu-, ос. bazug:

~ Bazuk 'осетинский предводитель I—II в.' по грузинской хронике (Brosset);

~ Ambazuk 'осетинский предводитель I—II в., брат Bazuk'a (Brosset); Bazuk = ос. bazug 'плечо', Ambazuk = ос. æmbazug 'равноплечий';

~ Σωχούβαλος (Ο); в первой части σωх мы видим перестановку из хос 'сухой'; ср. в дигорском диалекте осетинского языка suxæ 'сухой' (suxæ zmesæ 'сухой песок') рядом с xusæ; во второй части bāzu 'рука' (Фасмер, 53); имя может означать, стало быть, 'сухорукий';

~ Οὔργβαλος (Ο); во второй части bāzu; первая неясна: 'волчий' (varka)? 'мощный' (ugra)? ср. (Фасмер, 47).

~ Ὀσπινβαλος (Ο) из *Ὀσπινβαλος = ос. æfsæn-bazug 'железнорукый', см. aspaína 'железо' (?).

Binc- 'муха', ос. binzæ; ср. древневерхненем. bini 'пчела';

~ Βενζεῖ (Π) 'женское имя', зват. падеж; ос. binzæ 'муха' встречается как женское имя; (Фасмер, 36).

Bor(a) 'желтый', 'рыжий'; 'буланный', ос. bōr, перс. bor 'бурый':

~ Βόρος (на вазах, Фасмер, 36), ср. собств. имя Boræ-Færnug в нартовском эпосе;

~ Βώρακος (Γ); bor + суффикс-ак (Фасмер, 36);

- ~ Βόραπος (Т) 'имеющий буланых коней' (Фасмер, 36); см. aspa 'лошадь'.
- Brātā** 'брат' → vrada, ос. ærvad, авест. brātā, др.-перс. brātā:
 ~ Βράδαχος (Π) = brātaka 'братец' (Фасмер, 36).
- Brin-** 'стричь' → vrin → rvin; ос. ælvinun, ilvinun 'стричь'; ælvid, ilvid 'стриженный', авест. brin-, др.-инд. bhṛīn-:
 ~ Ἰρβις, род. падеж Ἰρβιδος (Т) = ос. ilvid 'стриженный'.
- Āgār** 'раб' (?) ос. saḡar, пехл. ēākar, перс. ēākar:
 ~ Θιάγαρος (Т) (Фасмер, 40); сочетание θi в этом имени и в нескольких других представляет, по-видимому, попытку передать аффрикат č;
- Cang** 'рука', 'le bras'; ос. cong, перс. čang:
 ~ Sangibanus 'аланский царь V в. в Галлии' (Иордан) — čangi-ban = ос. congī-bon 'мощь руки', 'обладающий мощью руки', см. bānu; латинское s передает здесь, как мы думаем, аффрикат č.
- Ārma** 'кожа', ос. carm, авест. čarəman-:
 ~ Θιάρμαχος (Т) = čarm + ak, что могло означать 'кожевник' (Фасмер, 40), θi = č, ср. выше čāgār = Θιάγαρος.
- Čyav-** 'идти', ос. sæun, авест. šyāv-:
 ~ Ζάβαχος (Т), Ζαβάχιος (Γ) = ос. sæwæg, zæwæg 'ходок' (Фасмер, 39); ср. Zæwæg имя основателя Владикавказа, по-осетински называемого zæwægi gæw 'селение Дзавага'; иную передачу того же имени мы видим в Θιάβωχος (Т); третьим мыслимым способом передачи аффриката č греческим письмом мог быть σ, что вероятно мы имеем в Σαβάων (Т) = ос. sawəp 'охотник' от того же корня sæw- 'ходить'.
- ¹ **Dā-** 'устанавливать', 'создавать', 'творить', др.-инд. dhā-, авест. dā-:
 ~ Παράλαται 'царствующая скифская династия' (Геродот) = para + dāta 'предустановленный' (Фасмер, 15); см. paradāta.
 ~ Ὀδατις 'женское имя' [Athenaeus, 36] = др.-иран. hu-dātā 'хорошо сотворенная' (Фасмер, 45); см. hu-.
- ² **Dā-** 'давать'; ос. dædtun, авест. dadāmi 'я даю':
 ~ Δάδαχος (Ο); ср. ос. dædtæg 'дающий', 'щедрый' (Фасмер, 37).
- Dantā** 'зуб', авест. dantan-, ос. dændag:
 ~ Δανδάχη место на юго-западном побережье Крыма (Птолемей, Аммиан Марцеллин) = стар. ос. dandāk, ос. dændag; речь шла, надо думать, о каком-то зубовидном выступе или мысе (Фасмер, 70);
 Δανδάχαρθος (Березань) = dandāk-sart, где вторая часть = ос. sart 'долото', 'имеющий зубы, как долото'; можно также видеть во второй части иранское xšaθra 'власть', 'царство', 'сила' и пр. (Миллер, Фасмер, 38).
- Dānu** 'река', авест. dānu- 'река', ос. don 'вода', 'река'. В отличие от осетинского, где значение 'вода' и 'река' совпали в одном слове don (из dān), в скифском для 'воды' было другое слово, см. āp:

- ~ *Táναις* — название р. Дон (Геродот, Страбон), русск. *Дон* (из *Дан*); субституция τ вместо δ имела место, по-видимому, и в других случаях, например, в имени скифского родоначальника *Ταργίταος* = *darğa-tava*; от реки получила свое название греческая колония на ее берегу *Tάναις* 'Танаида' (Фасмер, 74);
- ~ *Δάναπρις* 'название р. Днепр' (Анонимный Перипл и др.) русск. *Днепр*, ст.-слав. *Дѣнѣпръ*; разлагается на *dān* + *āpr*, где вторая часть = скифскому *āpr* в *Ἀρποξαις* 'имя одного из скифских родоначальников' и осетинскому *arī* 'глубокий': *dān-āpr* 'глубокая река'; см. *āpra*;
- ~ *Danaster*, *Danastus*, *Δάναστρις* 'название р. Днестр' (Аммиан Марцелин, Иордан, Константин Багрянородный), русск. *Днестр*, ст.-слав. *Дѣнѣстръ*; разлагается на *dān* + *Istr* «р. Истр»; ср. *Ἰστρος* 'старое (фракийское) название Дуная'; подобный перенос названия с одной реки на другую — обычное явление; ср. две Двины, два Буга и др.; ср. Фасмер, 62 и сл.;
- ~ *Δάνοβιος* (Аристотель, Птолемей, Страбон), *Danuvius* (Цезарь, Тацит, Плиний) 'название р. Дунай';
- ~ *Ὀβάρδανης* 'река Кубань' (Птолемей) = *varu-dānu* 'широкая река';
- ~ *Δανάριοι* (Гекатей, Страбон, Фн), *Dandarii* (Плиний) 'название народа в области нижней Кубани и Меотиды', из *dān* + *dār* 'держатые реку', т. е. владеющие приречной областью; ср. *Dandarium* 'название стоянки на берегу бугского лимана'; совпадение не случайное: и Ю. Буг, и Кубань известны древним под одним и тем же названием *Ἰπτανίς* (Гипанис); можно думать, что название *dān-dār* 'рекодержцы', повторяющиеся и на Кубани и у Ю. Буга, относилось к одному и тому же племени; ср. Фасмер, 38, 65;
- ~ *Δαναράζραχος*, *Δαναράζραχος* (Т); во второй части вероятно имя *Varazmak*; см. *varāza* 'кабан'.

Dār- 'держать', 'владеть', 'носить (о платье)', авест. *dar-*, ос. *da-run*;

- ~ *Δανάριοι*, *Dandarii* 'название народа', букв. 'владеющие рекой', см. выше;
- ~ *Σαυδαράται* 'племенное название' (О) = ос. *Sawdaratæ* форма мн. числа от осетинского *sawdar* 'носящий черное'; ср. ос. родовое название *Ældaratæ* от *ældar* и т. п.; стало быть, *Σαυδαράται* — 'носящие черную одежду', *Μελάγχλωνοι* (Фасмер, 51);
- ~ *Ἀρδαρος* (Т, П, Г, Ф) = ос. *ærdar* 'господин', 'князь' из *ærm-dar* 'рукодержец', 'Handhaber'; см. *arma*, *ardār*;
- ~ *Σαγαδάρεις* 'племя на Дунае' (имп. Юлиан) = *sāka-dāra* = ос. *sag-dar* 'имеющий оленей';
- ~ *Ἀβδάραχος* (Т) = *āv-dārak* 'поющий водой'; ср. современное осетинское *don-daræg*, так называют того, кто поит лошадей,

скот; другое менее правдоподобное толкование: ос. avd-arag 'рождающий семерых' (Фасмер, 30); см. āp.

~ Σανδάριος (T) = ос. sæn-dar 'виновладелец'? ζ = суффиксу с из ti (как bærc от barun 'мерить' и т. п.) (?); см. sana 'вино'.

Darana ср. ос. dærgæn kænuu 'сокрушать', 'громить', др.-инд. dar- (drnāti) 'рвать', 'раздирать', русск. *деру*, *драть*, гр. *dérō* 'сдирать':

~ Φαλδάρανος (T) = pari-darana, стар. ос. fældærgæn 'сокрушитель' (?);

Dargā 'длинный', 'долгий':

~ Ταργίτας 'легендарный родоначальник скифов' (Геродот) = др.-иран. dargā-tava 'долгомошный' (?); для субституции τ (вместо δ), ср. Τάναις = Дон (Фасмер, 17).

Dasa 'десять', авест. dasa, ос. dæs:

~ Μάδαςος (T) может быть = стар. ос. man-das 'имеющий силу' десяти мужей' или 'Decemvir'.

Druna 'лук (оружие)', авест. druna-, ос. ærdun:

~ Ἀρδονάραος (T) = ос. ærdun-ægæg 'имеющий избыток луков' (?); см. agar 'чрезмерный', 'избыток';

~ Ἀρδονάστος (T) = ос. ærdun-ast 'имеющий восемь луков'; см. ast 'восемь'.

Dvara 'дверь', 'ворота', авест. dvara-, ос. duar:

~ Δουάραχος (Березань) = ос. duar + суф. -ag; такое имя могло означать 'привратник' (Фасмер, 38).

Farna 'небесная благодать, благоденствие' и пр.; др.-перс. fagna-авест. hvarəna-, ос. farn; подобно arta и xšadga — полурелигиозное понятие; широко представлено в скифских собственных именах:

а) без суффикса:

~ Φάρνης (Π) (Фасмер, 55); ср. ос. фамилию Færniatæ;

~ Φαρνοξαρθος (Γ) = др.-иран. farna-xšadga (Фасмер, 55); см. xšadga;

~ Ἀριφάρνης (Диодор Сиц.) = arya-farna 'носитель арийского farn'a' (Фасмер, 33); см. arya;

~ Σαίταφάρνης (Ο) 'имя скифского (сарматского) предводителя' (Ο) = Saita-farna 'носитель farn'a' племени сайев'; ср. Σαίον 'сарматское племя' (Ο); Saita — форма мн. числа от этого племенного названия Sai;

~ Μαίφαρνος (Ο) = ос. mæi-farn 'носитель лунного farn'a' (Фасмер, 43); см. mah 'луна';

~ Χόφαρνος (T) = др.-иран. hu-farna 'носитель хорошего farn'a' (Фасмер, 57); см. hu- 'добрый', 'хороший' (в сложных словах);

~ Κόφαρνος (T); ошибочное написание вместо Χόφαρνος, см. выше;

~ Οόαταφάρνης 'божество', надпись на амулете из Кубанской области (Kondakov-Tolstoi-Reinach, Antiquites de la Russie Méridionale, 180) = vača-farna, см. vāč- 'слово, как божество'.

~ Ὀροφέρνης (Π) = aurva-farna (?) (Фасмер, 46); см. arvant;

б) с суф. -ak, -ag:

- ~ Φαρνάκης (многократно: П, Г, Т, X) (Фасмер, 55);
- ~ Φάρναχος (многократно: О, Сев. Кавказ) (Фасмер, 55);
- ~ Φαρναχίων (П, Г) (Фасмер, 55);
- ~ Πιτφαρνάκης (Тирас), Πιτοφαρνάκης (Т) = pit-farn-ak 'носитель отцовского farn'a' (Фасмер, 48), ср. осетинское выражение fidi farn 'отцовский farn'; см. pitā 'отец';
- ~ Εὐφαρνάκης (Т) эллинизация скифского hu-farnak 'носитель доброго farn'a'; озвончение f → v после сонорного закономерно; ср. ос. Bon-vægn-on (из Bon-fægn-on) планета Венера, букв. 'вестница дневного farn'a';

в) с суф. -ug:

- ~ Ξη Φαρνύος 'имя иберского царя II в. [Церетели 1942]; ср. ос. fægnug 'наделенный fagn'ом', Вогæ-Fægnug 'один из героев нартовского эпоса'; для первой части имени иберского царя (Ξη) см. xšau.

Farzew- 'хлебосольный' (?), ос. færzew (pari-jiva?):

- ~ Φάρζης (О); хотя этимология не вполне очевидна, разительное совпадение с дигорским færzew 'угошение', 'хлебосольство', 'хлебосольный' дает право включить это имя в наш глоссарий; ср. ос. zew 'добровольная общественная взаимопомощь при каких-либо работах и сопровождающее ее угощение'.

Fasm- 'подражать', (из pas-mu?), ос. fæzmun:

- ~ Χόρραζμος, Χόρραζμος (Т) может быть метатеза из Χόρραζμος = ос. xor-fæzm 'подражающий солнцу', 'подобный солнцу'.

Fedan 'будущий', ос. fedæn:

- ~ Φηδάνακος (Т) = ос. fedæn-ag 'кому суждено будущее'; основа ос. fed- восходит, возможно, к др.-иран. pati-dā-.

Fid- 'отец', см. pitā.

Fli- 'любить', см. fri-.

Fliman 'друг', см. friman.

Frāk- 'рано', 'ранний', др.-инд. prāk-, ос. rag-:

- ~ Σούράγος (Фн) = ос. sæw-rag- 'утро', 'утренний'; ср. ос. sæw(mæ)-ragi 'рано утром'; см. sava 'утро'.

Frasauka 'чистый', 'прозрачный' (sauka 'огонь' + приставка fra), ос. gæsog, gæssog:

- ~ Ράσσογος (Т) (Фасмер, 49); см. sauka.

Fratama 'первый' → radam-, др.-инд. pratama-, авест. fratama-, согд. prtm; в современном осетинском fissag 'первый' представляет новое образование от fiŋz 'нос' ('носовой', 'передний'); слово fiŋz, по всем данным, кавказского происхождения; в староосетинском должно было быть другое, иранское, слово для 'первый'; нижеприводимые скифские имена делают почти несомненным, что этим словом было radam-, вышедшее из древнеиранского fratama:

- ~ Ραδαμόφορτος (Т) = radam-furt = др.-иран. fratama-pudra 'первый сын', 'первенец' (Фасмер, 48); см. pudra 'сын';

- ~ 'Ραδάμασις 'царь Востора' = radam-sad- = др.-иран. frātama-
šyāti 'первая радость' (Фасмер, 48); см. šāli 'радость';
- ~ 'Ραδάμασις (II) = radam-as 'первый среди асов', см. as 'скиф-
ское племя';
- ~ 'Ραδάμιστος (I, Φ) = radam-mizd = др.-иран. frātama-mižda
'получающий первую награду' (Фасмер, 48); это же имя но-
сил сын иберского царя Фарасмана, Radamistus (Тацит); см.
mižda 'награда', 'вознаграждение';
- ~ 'Ραδάμφων (O), вторая часть (φων) не ясна (Фасмер, 48);
- ~ 'Ραδάμφων (O); вторая часть (φων) не ясна (Фасмер, 48).
- Fri-** 'любить' → fli → li; др.-инд. rī-, авест. rī-;
- ~ Φιλίανος (O) = др.-иран. frūāna- 'любимый' (Фасмер, 55).
- Friman** 'друг' → fliman → liman, ос. Limæn-; др.-инд. preman-;
от корня fri-, pri- (см. выше):
- ~ Φλιράναχος (O) = fliman + суф. -ak (Фасмер, 55);
- ~ Φλείναχος (O) = fliman + суф. -ag (Фасмер, 55);
- ~ Λείμανος (I, II) = ос. limæn (Фасмер, 43);
- ~ Λίρναχος (I) = ос. limæn + суф. -ak, дальнейшая фонетическая
эволюция имени Φλιράναχος (Фасмер, 43).
- Fud** 'дурной', ос. fud id., к др.-иран. pūta 'гнилой':
- ~ Φόδαχος (I, Φη) = fud + суф. -ak или ос. tudwag, fudag 'ша-
лун' (Фасмер, 55).
- ¹Fur-** 'много', см. paru-.
- ²Fur-** 'баран', ос. fur:
- ~ Φόρος (I) (Фасмер, 55).
- Furt** 'сын', см. rīθga.
- Gar-** 'бодрствовать', авест. gar-, ос. iǵal 'бодрствующий':
- ~ 'Αγάρος 'скифский царь' (Диодор Сиц.) 'Αγάροι 'скифское
племя' (Аппиан) = ā-gar- 'бодрствующий' (?).
- Garu** 'тяжелый' (?), др.-инд. guru, авест. gougu-:
- ~ Γοργόσας (I) = garu-gauša 'тугоухий' (?) (Фасмер, 37); см.
gauša 'ухо'.
- Gasti** 'гость', это слово, хорошо известное в славянских и западно-
европейских языках, не сохранилось, кажется, в других иран-
ских языках; в осетинском также имеем другое слово для
'гостя' wazæg; принимая во внимание исконную близость
скифского к славянскому и европейскому миру, мы имеем
достаточное основание предполагать в нем существование
слова gastī 'гость':
- = Γάστις, Γάστης (встречаемся многократно: I, II).
- Gau** 'корова', 'бык'; авест. gaō-, ос. gōg (из go-ka):
- ~ Γάος (I)? (Фасмер, 36);
- ~ Γάαρ 'аланский предводитель V в.' (Олимпиодор) = go-ar 'добы-
вающий скот'; см. ag- 'находить', 'добывать';
- ~ 'Αγαυοί 'скифское племя' (Гомер и др.) = a-gau- 'не имеющий
коров'; не потому ли Гомер (Илиада 13, 5) называет их 'доп-
телями кобылиц', что лошади заменяли для них крупный
рогатый скот?

~ Beorgus (Beorgor) 'аланский царь V в.' = bewr-go 'имеющий много крупного скота' (Фасмер, 36); см. baivar 'много'.

Gauna 'шерсть' → gun, авест. gaona- 'масть, цвет', ос. ġun 'шерсть': ~ σακυνδάκη 'скифская одежда' (Гесихий) = sak-gun-dak, ос. sag-ġun-dag 'одежда из оленьей шерсти': см. āka (ос. sag) 'олень' и tag, dag 'нить' в ос. названиях тканей: zael-dag 'шелк', kættag (из kæn-tag) 'плотно'.

Gauš- 'слышать', авест. gaoš-, ос. qusyn | iġosun:

~ Γῶσαχος (Г) = ос. ġosæg 'слушающий' (Фасмер, 37); ср. ос. Qusæg имя одного из сыновей осетинского царя Алгуза (XIV в. в.).

Gauša 'ухо', авест. gaoša-, ос. ġos:

~ Γῶσαν (X) (Фасмер, 37);

~ Γόρυζαχος (Г) = авест. gouru-gaoša т. е. 'тугоухий' (?) (Фасмер, 37)

'Ραδάγωσος (0) = др.-иран. fraða-gauša 'широкоухий' (?) (Фасмер, 49).

Gaw- 'нуждаться', 'потреблять', согд. γw-, хорезм. γw-, ос. ġawun 'потреблять':

~ Φογγάβαχος (Г) = ос. fur-ġawæg 'много потребляющий' (Фасмер, 55).

Guta 'мысль', ос. ġud, ġudi, вероятно прош. прич. от предыдущего глагола:

~ Γούτγαςος (Г) = ос. ġud-igas 'здравомысл'; см. akāsa ос. igas 'целый, здоровый';

~ Γούδζαυος (Г) = ос. ġud-saw 'чернодум' (?); см. syāva, ос. saw 'черный';

~ Εἰςγούδιος (Π) = ос. jes-ġudi 'обладающий мыслью', букв. 'у кого мысль (ġudi) имеется (jes)'.

Ham- приставка, обозначающая совместность, соответствие и т. п. авест. ham-, ос. æm-:

~ Ambazuk 'осетинский предводитель I—II в.' (Brosset, 65—70) æm-bazug 'равноплечий'; см. bāzu 'плечо', 'рука';

~ Ἀμβουστός (Т) = am-buzt 'возвеличенный' (?); сюда же языческое имя Ambustan; ср. ос. a-buz-un 'расти, увеличиваться';

~ Ἀμάρταστος (Т) = ос. æm-ærtast (?); ср. ос. ærtasun 'отбирать', 'выбирать'; скиф. amartast 'избранный' (?); ср. (Фасмер, 31);

~ Ὀράζμαχος (Т) = др.-иран. ham-gasma-ka 'стоящий в том же боевом ряду' (Фасмер, 46).

Hamara 'враг' (?) др.-перс. hamara-:

~ Ἀμαρῶμαχος (0) = hamara-māg 'врагоубийца' (?); ср. (Фасмер, 32); см. mar- 'убивать'.

Hapta 'семь' → aft → avd, ос. avd, авест. hapta-:

~ Ἀφθαίμαχος (Т), Ἀφθείμαχος (Г) = hapta-ma-ka = ævdæ-imag 'седьмой'; скифское имя соответствует латинскому Septimius (Фасмер, 34);

~ Ἀρδάβδα 'аланское название города Феодосии в Крыму' (Анонимный Перипл V в. н. э.) = ос. ard-avd 'место, посвящен-

ное семи arđ'am', т. е. семи божествам, как правильно переводит автор Перипла: ἐπτάθεος 'семибожный'; ср. в Осетии место, называемое arđ-zuarу 'место семи zuar'ов' (zuar 'небесная сила', 'божество').

Natya 'правдивый, истинный', авест. haīθya-, др.-перс. hašya-, ос. æс-, æсæg (→ asya-ka):

~ 'Ατῆας 'скифский царь' (Плутарх, Страбон) (см. об этом: (Фасмер, 12 сл.);

~ 'Αζίαγος (0) = asiag = ос. æсæg; сюда же, возможно, 'Αζίαγος (Γ), Αζιαγος (0).

Hazahra 'тысяча' → azar, ос. ægzæ из æzæg, авест. hazaīgra-:

~ 'Αζαρίων (Γ) (Фасмер, 30).

Hu- 'хороший, добрый' (в сложных словах), греч. εὖ-:

~ "Οδατις 'женское имя' (Athenaeus, XIII, 36) = hu-dātā 'хорошо сотворенная' (Фасмер, 45); см. также: dā- 'создавать', 'творить';

~ Οὐστανος (Τ, Π) = др.-иран. hu-stāna 'хорошо сложенный' (ср. Фасмер, 47); см. stāna;

~ Χόμερος = hu + ос. mewæ 'занятие', 'работа': 'искусный в работе'; см. maiva;

~ Χόδαινος = др.-иран. hu-daina 'имеющий добрую веру', к др.-иран. daina 'вера', 'религия'; ср. Фасмер, 56;

~ Χόφαρος (Τ) = др.-иран. hu-farna 'носитель доброго farn'a' (Фасмер, 57); см. farna.

Hurma 'пашня', ос. хумæ; подробнее об этом слове см. Н. W. Bailey, Asica (согд. xwrm):

~ Οὐρζήβαρος (0) = hurm-bevar = ос. хум-bewtæ 'имеющий много пашен'; см. baivar 'много'.

Hunara 'способность', 'дар', авест. hunara-:

~ Χούναρος (0), очевидно в значении 'одаренный' (Фасмер, 57).

Huška 'сухой', ав. huška-, ос. хusk':

~ Φύζη 'приморский город восточнее устья Днестра' (Птолемей), ныне 'Сухой Лиман', ос. хusk' обозначает специально сухую бесплодную землю; начальное Ф в греческом — народнотимологическое приспособление: греч. φύζη 'пузырь' (Фасмер, 64).

Hvāh- 'бить', 'толкать' и пр., ос. хwajun; см. гахwāy-.

Hvah- 'звать', 'приглашать', авест. hvān-, ос. хонun:

~ Χανάκης (Π) = hvānaka = ос. хонæg 'приглашающий';

~ Χονδίαχος (Феод.) = ос. хundiag 'достойный приглашения'.

Hvar 'солнце', ав. hvar-, ос. хог:

~ Χοράδος (Τ) (Фасмер, 56); вторая часть -vāс, ос. was: 'вестник солнца' (?).

~ Χοράζαδος (Фасмер, 56); вторая часть = др.-иран. xšnāta-, ос. æxsad 'умытый': 'умытый солнцем';

~ Χόφραζμος, Χόφρασιος (Τ) вероятно метатеза из Χόρφαζμος- ос. хог-fæzm 'подражающий солнцу', 'подобный солнцу', ср. ос. fæzmun 'подражать'.

Hvar- 'повреждать', 'ранить', ос. æv-xwægum 'обижать', 'наказывать', ав-xwælsæ, æv-xwæls 'повреждение', авест. xwaga- 'рана', русск. *творый*, др.-в.-нем. swegan 'причинять боль':

~ Ἀνάχαρις 'знаменитый скифский мудрец' (Геродот и др.) = ana-hvarti (ana-xvarci) 'невредимый'; ср. ос. æpæv-xwæls.

Hvarz- 'хороший', ос. xwarz, xorz (из hu-varz-?):

~ Χωρζάμαντις 'массaget, копыеносец Велизария' (Прокопий Кес.) = ос. xorz-amond-, стар. ос. hvarz-āmānt: 'счастливый', 'наделенный хорошим счастьем'; см. mān-;

~ Χωρζάμανος 'массaget, копыеносец Велизария' (Прокопий Кес.) = hvarz-āmān 'хорошо наставляющий' (?); см. mān-.

~ Χωροφάδιος (Т) вм. Χωροφάδιος (?) ср. ос. xwærz-fæd 'имеющий хорошее потомство'; см. pada.

Hvata 'сам', 'свой' — xvad (xwδ), ос. xwæd, авест. hvata-:

~ Χωδαρξ (0) = ос. xwæd-arc 'снабженный копьем'; в сложных словах xwæd означает наделенность чем-либо, напр., xwæd-ægdaw 'благовоспитанный' от ægdaw 'обычай', xwæd-kīunugæ 'образованный', от kīunugæ 'книга' и т. п.; Χωδαρξ = xwædarc 'снабженный копьем' или 'искусный в пользовании копьем'; это имя до сих пор живет в осетинской фамилии Xædarcatæ.

i определенный артикль, авест. ya-, ос. i; нижеследующие примеры доказывают, что скифский артикль i, как французские le, la, мог входить в состав собственных имен:

~ Jodmangan 'иберский сановник II в.' [Церетели, 21 и сл.] = i-od-mang-an букв. 'тщедушный', современное осетинское mæng-od;

~ Ἰαζα(ν)δάναχος (1) = i.-as-andan-ak 'стальной ac'; см. andān 'сталь' и ās 'сарматское племя';

~ Ἰώδας (Π) = i-od, ср. ос. od 'душа', 'жизнь';

~ Ἰωδώραχος (0) = i-od-æsmag; ср. ос. æsmag 'запах', 'дыхание' и выражение od-æsmag ži næ jes 'в нем нет дыхания жизни'.

Insaz 'двадцать', см. vīnsati.

Kaina 'воздаяние', 'месть', 'возмездие', ав. kaēnā-, русск. *цена*, греч. *παινί*, ос. kenæ в выражении kenæ xatun 'мстить':

~ Καίναξαρδος (0) = др.-пран. kainā-xšadra = ос. kenæ-xsart 'доблестный (xsart) в мести (kenæ)'; несколько иное написание того же имени — Κτηξαρδος (0).

Kāma 'рот', 'отверстие', 'открытый', 'обнаженный', ос. kom 'рот', 'отверстие', gom, igon 'открытый' (из vi-kāma), перс. kām 'небо', нем. Gaumen и пр.

~ Καμαζαρόη 'женское имя' (Π) = kāma-sara = ос. gom-sær 'с непокрытой головой'.

Kana 'конопля', ос. gæp id., более старая форма kæn сохранилась в kættag 'холст', 'полотно' (из kæntag, ср. tag 'нить'); ср. также сванское (из осетинского?) kap 'конопля':

~ Κάναβις 'название конопли у скифов' (Геродот, Гесихий); скрещенное слово kan-piš, где каждая часть означала 'ко-

нопля' (O. Schrader); опираясь на осетинское kæn, думаем, что именно первая часть kæn была чисто скифской, а вторая, возможно, финской. Имя аланского царя V в. Kandak (Иордан) возможно = староос. kæn-dak 'холст' ('носящий холст').

Кара 'рыба' согд.* kar-, сак. kava, афг. kab, мунджан. kar, ос. kæf:

~ Παντικᾶπης 'название реки в Скифии' (Геродот, Скимн); по мнению Фасмера, 73, это же название носил у скифов Киммерийский Боспор, т. е. Керченский пролив, откуда:

~ Παντικᾶπαῖον 'Пантикапей', крупнейшая греческая колония, на месте нынешней Керчи; название разлагается на panti 'путь' + кара 'рыба': 'рыбный путь'; поскольку речь идет о Керченском проливе, трудно было бы подобрать более удачное название: пролив этот был путем массового хода рыбы, а Пантикапей едва ли не крупнейшим в древнем мире центром рыбного промысла, см. panti 'путь'.

~ Καφᾶς, Сафа, Саффа 'название города Фудосин в Крыму в источниках X—XV вв.'; быть может = алан. kafa 'рыба'; Фасмер, 72, производит, от др.-иран. kaufa 'гора'; однако о сохранении дифтонга au в эту эпоху не может быть речи: он перешел в о, и, и мы имели бы Kofa, Kufa, но не Kafa; о более старом аланском названии этого города 'Αρδάβδα см. под словом arta;

~ Καφάναγος (O) = kaf с наращением двух излюбленных в собственных именах суффиксов, -an и -ag; соответствующее осетинское *kæfonæd не засвидетельствовано, но звучит вполне естественно;

~ Κέφθος (Γ); суффикс не ясен;

~ Ὀκῆβας 'скиф' (Аппиан, Фронтин) = ос. wæl-kæf (с озвончением i → v) 'повелитель рыб' (?); ср. uragi, ос. wæl 'сверху находящийся', 'высший'; имя в целом можно сравнить с ос. Kæfti-sæg 'Глава рыб', герой нартовских сказаний;

~ σαπέρδης 'название рыбы у скифов' (Гесихий); мы исправляем в καπέρδης и разлагаем на kar-erd 'светлая, блестящая рыба', ср. ос. ird 'светлый, блестящий'.

Karsa 'резкий' (?), 'строгий' (?), ос. karz, авест. kərəsa- 'худой', др.-инд. krśa-;

~ Κάρσος (Γ) ср. (Фасмер, 42);

~ Κάρζεις (O) (Фасмер, 41 сл.);

~ Καρῶδας (O) = karsa-vāc = ос. karz-wac 'резкий на слово', 'чье слово грозно'; см. vāc 'слово'.

Karta 'меч', авест. karəta-, ос. kard:

~ Κάρδιος (Τ, Φ);

~ Carthasis 'брат скифского царя времени Александра Македонского' (Курций Руф, см. Латышев, Scythica, II, 131) = karlas 'меч асов'; см. as 'скифское племя'.

Kas- 'смотреть', ав. kas-, ос. kæsun:

- ~ Καζακος (O), Κάσακος (O) = ос. kæsæg 'смотрящий' (Фасмер, 42).
- Kazanak** 'запка' (?), ос. k'æzænæg id:
- ~ Καζάνακος (T); неточное написание вместо Καζάνακος (?)
- Kazār** 'дом', (?), ос. хæзаг:
- ~ καραρές 'скифские дома' οἱ Σκυθικοὶ οἶκοι (Гесихий); ос. хæзар побуждает исправить в καζαρές.
- Kuti** 'собака' → kus → kuз, ос. kuз, ягноб. kut, русск. диал. *кутя*, *кутенок* 'щенок'.
- ~ Κοῦζαίος (O); ср. ос. собственные имена Куза и Кузæg; возможно, что сюда же относятся Κοῦζοῦς (Π) и название местности в Крыму Кóζαιον (Птолемей).
- Liman** 'друг', см. friman.
- Madu** 'мед', авест. mād-, ос. mud:
- ~ Μάδος (Страбон), Μαδύης (Геродот) 'имя скифского царя';
- ~ Μάδωϊς (T);
- ~ Μάδακος (T); такое имя могло означать 'медолюб' или 'медовар': ср. 'Αλούθακος от alu 'пиво' и Σάνακος от san 'вино'.
- Mah** 'луна', 'месяц', авест. māh-, ос. mæj(æ):
- ~ Μάης (Π) (Фасмер, 43);
- ~ Μαίφαρνος (O) = ос. mæj-farn 'носитель лунного farn'a' (Фасмер, 43);
- ~ Ματωάρα 'женское имя' (Π) = ос. mæj-sæg 'луноглавая' (Фасмер, 43);
- ~ Στόρραις (T) = ос. stur-mæj 'напоминающий большую (т. е. полную) луну' (?); см. stura 'большой'.
- Maiša** 'овца'; авест. maēša-; в осет. не отмечено:
- ~ Μαίσης (Γ)? (Фасмер, 43).
- Maiva** 'действие', 'занятие', 'работа', ос. mewæ, ср. др.-инд. mivati 'он двигает', латин. movere 'двигать':
- ~ Μεύακος (T) = mew + суф. -ak;
- ~ Χέρμευος (T) = hu 'хорошо' + mew 'хороший, искусный в работе', др.-иран. *humaiva.
- Mān-** глагол, выражавший различные виды духовной активности: 'хотеть', 'стремиться', 'помышлять', 'думать', 'наставлять', ос. amonim 'наставлять', amond 'счастье', monc 'желание', mondag 'охочий', dælujmon 'демон', ср. авест., др.-инд. man-:
- ~ Χορσάραντις 'массагет, копьеносец Велизария' (Прокопий Кесар.) = ос. хорз-amond = стар.-ос. hvarz-āmānt 'имеющий хорошее счастье'; см. hvarz- 'хороший':
- ~ Χορσάρανος 'массагет' (Прокопий) = hvarz-āmān 'хорошо наставляющий'.
- Mang** 'ложный', 'тщетный', 'ненадежный', ос. mæng; ср. лат. mendax 'лживый':
- ~ Jodmangan имя иберского сановника II в. [Церетели 1942, 21 и сл.] = ос. i-od-mæng-on 'тщедушный'; ср. mæng-od с тем же значением.

Manu 'человек, мужчина', авест. manu-, др.-инд. manu- 'человек, мужчина', гот. manna 'мужчина', русск. *муж* (из* *manu-a-*), ос. mojnæ (из man-) 'муж':

~ Μάνμαρος (Π) из Μάνμαρος = стар. ос. man-mag 'мужеубийца', 'Ανδροκτόνος; для ассимиляции manmag → manmag ср. mætmæ 'ко мне' из mæn-mæ и др.; māg 'убивать';

~ Μάνιαρος (Θ) = ос. (стар.) mani-ag 'кому суждено стать мужчиной'; ср. современное осетинское læggag (из lægiag) с тем же значением, от læg 'мужчина'; новоосет. læg, кавказского происхождения, в значении 'человек, мужчина' вытеснило стар. ос. man-, которое удержалось только в значении 'муж' (mojnæ);

~ Μάνδαςος (Τ) = manu-dasa = стар. ос. man-das, по структуре (с перестановкой частей) = лат. decemvir по значению, вероятно, '(имеющий силу) десяти мужей'; см. dasa 'десять';

~ Μασσαγῆται 'скифское племя' 'массагеты' (Геродот), может быть = стар. ос. man-sag-a-la 'люди-олени' (manu-sāka), см. sāka, ос. sag 'олень'; для ассимиляции ns → ss ср. ос. xussag из xunsag 'юг' и мн. др.;

~ Ἀρδιέρμανος (Березань) = стар. ос. arcsæ[n]-man 'человек с копьем', 'копьеносец' (aršti-manu); см. aršti 'копье'.

Mār- 'убивать', ав. māg-, ос. marun:

~ marha 'боевой клич сарматов' (Аммиан Марцеллин), ср. ос. margæ! 'бей! убивай! смерть!'; ср. Фасмер, 44;

~ οἰόματα 'мужеубийцы', скифское название амазонок (Геродот); может быть вместо οἰόματα = víta-mār-la 'мужеубийцы', ср. ὀρίατοι 'мужеубийцы у скифов' (Гесихий);

~ Μάρμαρος (Π) из man-mag 'мужеубийца'; см. manu 'человек, мужчина';

~ Ἀνδρομάρος (Θ) = др.-пран. hamaga 'враг' + mar: 'врагоубийца';

~ Ὀσμάραχος (Τ) = ос. os-magæg 'женоубийца' (Фасмер, 46);

~ Μάρδακος (Τ)? (Фасмер, 44);

~ Ἀμάρδιαχος (Τ); ср. ос. amædtag (из amærddag ← a-mardi-ag) 'жертва',

Marz 'мести', 'сметать', авест. marəz-, ос. mærzun:

~ Μάρζαχος (Π) = ос. mærzæg 'сметающий' (Фасмер, 44).

Masta 'гневный', 'ярый', прош. прич. от mad- 'возбуждаться', авест. mastā-, ос. mæsti, mæst-gun id., перс. mast 'опьянение', 'пьяный':

~ Μάστας (Π) (Фасмер, 44);

~ Μαστός (встречается многократно в Т, Π, Γ).

Mātā 'мать', авест. mātā, ос. madæ:

~ Μάδα (Π) 'женское имя' (Фасмер, 43).

Matuka 'саранча', ос. mætx, авест. maḍaxa-:

~ Ματωχῆται 'скифское племя' (Гекатей по Стефану Визант.) = matuka + показатель множественности ta; вероятно тотемическое название как Σάκαι, Οἰρῆοι и др.

- Maz(a)** 'большой', 'великий', авест. maz-, в ос. не засвидетельствовано:
 ~ Μαζις (Π) (Фасмер, 43);
 ~ Μαζαία 'женское имя' (Лукнан) (Фасмер, 43).
 ~ 'Αταρμάζας (Γ), 'Ατταρμάζας (Γ) = ос. собств. има Асәтмәз (нартовский эпос); в первой части vāc 'слово' (с утратой v)?
 ~ 'Οσπιμαζος (Ο), первая часть (οσπιν) не ясна; ср. (Фасмер, 46).
- Mizda** 'вознаграждение' авест. mizda-, ос. mizdæ, старослав. мѣзда, греч. μιζδός;
 ~ 'Ραδμίσιτος (Τ, Φδ), Radamistus иберский царевич (Тацит) = radam-mizd = др.-иран. fratama-mizda 'получающий первую награду' (Фасмер, 48); см. fratama 'первый'.
- Mrga** 'птица', авест. marəya-, ос. marg, и рс. murǵ:
 ~ Μοργέται — скифское племя (Гекатей, по Стефану Визант.) = mrga + показатель множественности ta; такое племенное название могло иметь тотемическое происхождение.
- Muka** 'сперма', 'семя', 'порода' (?), ос. mugæ 'семя', muggag 'порода', греч. μύξα, лат. mucus 'слизь'.
 ~ Μογγίαχος (Ο), с перестановкой частей = ос. sag-mugg-ag 'оленьей породы'; см. saka олень'.
- Nāma** 'имя', авест. nāmā, ос. nom (из nām):
 ~ Φαζίναρος (Τ многократно), Φαδίναρος (Τ) = иран. pati-nāma- (?) (Фасмер, 54);
- Nāngen** (nam + суффикс -gen), ос. nomgin 'именитый':
 ~ Νάγγηρος (Ο) = стар. ос. nām-gin 'именитый' (Фасмер, 45).
- Nar** 'мужчина', 'самец', авест. nar-, ос. nǝr:
 ~ ἐνάρεις (Геродот), ἀνάρεις (Гипшократ) 'полумужчины, гермофродиты у скифов' = др.-иран. a-nar-ya 'не мужчина, лишенный мужества' (Фасмер, 13).
- Nāra** 'узкий', 'тесный', ос. narǝg, афган. paraī, англ. narrow:
 ~ Νάραχον στόμα 'один из рукавов Дуная в его дельте' (Ариан и др.), Naracustoma (Плиний), Νάρηκος (Аполл. Род.) = стар. ос. nārak, ос. narǝg (Фасмер, 60 сл.)
- Nāv** 'корабль', авест. nāv-, др.-перс. nāv-, ос. naw:
 ~ Νάβαζος (Γ) = др.-иран. nāv-āza 'управляющий кораблем, кормчий' (Фасмер, 45); см. āz- 'гнать', 'править'.
- Nava** 'новый', авест. nava-, др.-перс. nava-, ос. nǝwǝg:
 ~ Ναύαχος, Νάβαχος (Γ) = ос. nǝwǝg, до сих пор употребляется в Осетии как собственное имя (Фасмер, 45); ср. также слав. новак, встречающиеся и в качестве собственного имени.
- Nivāz-** 'пить' (?) ос. niwazun, nwazun:
 ~ 'Νίβωζος (Ο) = āv 'вода' + nwaz: 'водопицца' (Фасмер, 30), см. āp 'вода'.
- Nix** 'лоб', ос. nix из др.-иран. anika:
 ~ Νίχηκος (Γ) = nix + суф. -ak; 'лобастый' или 'счастливый' (счастье, по осетинским понятиям, 'написано на лбу'),
- Od** 'душа', 'жизнь', ос. od, лат. odor 'запах', арм. hot 'запах' и пр.:

- ~ 'Ιούδας (Π) = i (опред. артикль) + od; ласкательное имя: 'душа', 'жизнь';
- ~ 'Οδίαρδος (Τ) = ос. odi (род. падеж) + ard 'чья душа исполнена ard'a'; см. arla.
- ~ 'Ιούδασμαγος (Ο) = i (опред. артикль) + od-æsmag; ср. ос. æsmag 'запах', 'дыхание' и выражение 'odæsmag zi næ jes' 'в нем нет дыхания жизни';
- ~ Ιοdmangan 'иберский сановник II в. [Церетели 1942, 21 и сл.] = стар. ос. i-od-mængan 'тщедушный'.
- ~ 'Οχώδιακος, 'Οχώδιακος (Τ) = vahu 'добрый' + od + суф. ag, 'добродушный'? см. vahu 'добрый'; или к vāč?

Ors 'белый', см. auguša.

Os- 'жена', 'женщина', ос. osæ, us к др.-инд. yosit?

- ~ 'Οσμάρακος (Τ) = ос. os-maæg 'женоубийца' (Фасмер, 46); см. mār- 'убивать';
- ~ 'Οσσίγασος (Τ), 'Οσσίγασος (Ο) = ос. os-igas 'имеющий здоровую жену'; см. akas;
- ~ Δαλόσακος (Τ) = ос. dæl-os-æg 'уступающий женщине', 'подчиняющийся женщине'; см. adari (→ dæl) 'внизу', 'под', 'ниже'.

Pada 'след', также 'потомство' → fad, ос. fæd, авест. pada:

- ~ Φαδιαρόαζος (Τ) вероятно = ос. fæd-araz 'пролагающий след', 'прокладывающий дорогу'; см. āgāz- 'делать', 'направлять';
- ~ Χοαροφάδιος (Τ) вероятно неточное чтение вместо Χοαρσφάδιος = hwærz-fæd 'имеющий хорошее потомство'; см. hvarz- 'хороший'; выражения hwærzfæd 'имеющий хорошее потомство' и fudvæd 'имеющий дурное потомство' употребительны в осетинском.

Paisa 'вид', 'облик':

- ~ Αριαπειθης 'скифский царь' (Геродот) = др.-иран. aṛya-paisa 'имеющий арийский облик' (с древне-персидским оформлением θ вместо s) (Фасмер, 12); см. aṛya 'ариец', 'арийский';
- ~ Σπαργαπειθης 'скифский царь' (Геродот), Σπαργαπίσης 'массагет' (Геродот) = др.-иран. sparga-paisa 'подобный юной лозе' (?) (Фасмер, 16).

Panaka 'доска', ос. fæjnæg; от корня pa- 'ограждать';

- ~ Παρτάνακος (Ο) с перестановкой частей = ос. fæjnægvars 'крепкобокий', букв. 'у кого бока (vars) как доски (panak)'; ср. по образованию англ. ironside 'железнобокий'; см. parsu 'бок'.

Pant(i) 'путь', авест. panta, др.-инд. panthi-, русск. *путь* (из panti), ос. fændag:

- ~ Παντιάλης 'название реки в Скифии' (Геродот, Скимн); также назывался, по мнению Фасмера (73), Керченский пролив, откуда:
- ~ Παντιάκαλον 'Пантикалей, греческая колония на месте нынешней Керчи' = panti-kara 'рыбный путь'; см. kara 'рыба';

~ Φανδάραιος (Γ) = ос. fænd[ag]-araz 'устройствающий дорогу', 'пролагающий путь' (Фасмер, 54); ср. выше Φαδιάραιος (под pada); см. āgāz 'устанавливать', 'направлять'.

Paradāta (dā- 'устанавливать' + приставка para) 'предустановленный', 'исконни назначенный', авест. paraḍāta- id.:

~ Παράλᾱται 'царствующая скифская династия' (Геродот); λ вместо δ либо ошибка, либо звуковой перебой, наблюдаемый в ряде иранских языков (Фасмер, 15); см. dā-.

Pari- 'через', 'за' (обычно преверб), др.-инд. pari, авест. pairi, русск. *пере-*, греч. *περι*, лат. *per*, ос. fæg-, tæl-.

~ Παλδάρανος (Τ) = pari-darana, стар. ос. fældægæn 'сокрушатель';

~ Φάρζης (Ο) = ос. færzew 'тароватый', 'хлебосольный' (pari-jiva?); ср. ос. zew 'добровольная общественная взаимопомощь при каких-либо работах и сопровождающее ее угощение'.

Parsu 'бок', авест. parəsu, др.-инд. parsu, ос. fars.

~ Παρσάνακος (Ο) = pars-ranak 'имеющий бока (pars) как доски (panak)', 'крепкобокий', 'ironside'; ср. обычное осетинское выражение fæjnæg-fars с тем же значением, составленное из тех же элементов, но в обратном порядке.

Paru 'много-' (в сложных словах), авест. paru-, ос. fur:

~ Φοργάβακος (Τ) = ос. fur-gawæg 'много потребляющий'; см. gav 'потреблять';

~ Φορίανος (Τ) = др.-иран. paru-yava = ос. fur-jæw 'имеющий много проса' (Фасмер, 55);

~ Φορήρανος (Τ) = paru-aryana 'многоарийский'? (Фасмер, 55).

Pasu 'овца', авест. pasu-, ос. fus-:

~ Φόρᾱκος (Τ) = ос. fus + суффикс -ak (Фасмер, 55).

Paḍaka 'вождь', ос. fæṭæg, вероятно от корня paṭ-, paḍ- 'дорога', авест. paḍ-, др.-перс. paḍ-:

~ Πάτακος (Γ), Φιάτακος (Π).

Pati 'господин', авест. paiti-, др.-инд. pāti-:

~ Πάταις (Τ) (Фасмер, 48);

~ Πατίας (Τ) (Фасмер, 48);

~ Οἰόρπατα скифское название амазонок (Геродот) — обычно толкуется как vira-palayaḥ 'господствующие над мужами' (Фасмер, 15); однако Геродот переводит 'мужеубийцы'; мы думаем, что οἰόρπατα ошибка вместо οἰόρμαρτα = vira-mār-ta 'мужеубийцы'; ср. у Гесихия форму ὀρμάται οἱ ἀνδροκτόνοι. Σκόδαι. см. māg-.

Pay- 'пить', авест. paу- 'литься', др.-инд. pāti 'он пьет', в осетинском не засвидетельствовано:

~ σάναπτις 'οἰνοπότης' 'винопийца' на скифском языке (Гесихий); в первой части sana 'вино', для второй ср. др.-инд. pīti- 'питье', pīta- 'напившийся'.

Per- 'чесать шерсть' (?), ос. piryp id;

~ Πήρακος (Ο) = ос. piræg 'чесальщик' (?).

Pitā 'отец' → fid-, авест. pitār-, ос. fidæ:

- ~ Πιτοφάρνακης (Т), Πιτοφάρνακης (Т) = pit + farnak 'носитель отцовского farn'a'; ср. осет. выражение fidi-larnæ 'отцовский farn' (Фасмер, 48); см. farna.
- ~ Πίδανος (Тирас) = ос. fidon 'отцовский' (Фасмер, 48);
- ~ Πίδος (Березань) (Фасмер, 48);
- ~ Πίδει (О) (Фасмер, 48);
- ~ Φίδας (Т, Π) (Фасмер, 55);
- ~ Φιδάνους (Т, Π) = ос. fidon 'отцовский'; ср. выше Πίδαμος (Фасмер, 55).

Porata 'река', ос. ford 'большая река', 'море':

- ~ Πόρτα 'река Прут по-скифски' (Геродот), Alanus Fluvius 'Аланская река' на древних картах; судя по осетинскому ford, получило нарицательное значение 'большой реки'; в скифский язык попало, возможно, из какого-то другого языка, так как надежных иранских соответствий не видно; ср. Фасмер, 61.

Putra 'сын' → purt → furt, ос. furt, авест. putra-, др.-инд. putra-:

- ~ Πουρταίος (Ο) (Фасмер, 48);
- ~ Πουρτάκης (Ο) из putraka 'сыночек', как Βράδακος из brātaka 'братец' (Фасмер, 48);
- ~ Φούρτας (Τ) (Фасмер, 55);
- ~ 'Ραδαμόφουρτος (Τ) = стар. ос. gadam.-furt = др.-иран. fratama-putra 'первый сын', 'первенец' (Фасмер, 48); см. fratama 'первый'.

Radam- 'первый', см. fratama.

Rap- 'служить опорой', 'поддерживать', авест. rap-:

- ~ 'Ραπάκης = др.-иран. garaка 'тот, кто является опорой, поддержкой'.

Rasmā 'боевая колонна', 'фаланга', 'отряд', авест. gasman-, в осетинском не известно:

- ~ 'Ομράσμαχος (Τ), по Юсти (стр. 233) = ham + rasma-ka 'состоящий в том же отряде', 'боевой товарищ'; ср. ос. æmbal 'товарищ', букв. 'принадлежащий к тому же отряду (bal)'.

Rasog 'чистый', 'прозрачный', см. fasauka.

Rauka, rauča 'свет', 'светлый' → rok (ro3) → ruk; ср. авест. raočah-, др.-перс. gauča-, греч. λεύκος, ср. gauχsna:

- ~ 'Ρευκάναιοι 'сарматское племя', (Птолемей), метатеза из 'Ρευκάλαντοι = rauka + alan; параллельная скифская форма к названию 'Ρωξολανοί 'светлые аланы';

- ~ Asparuk основатель болгарского государства на Балканах, носивший иранское имя: асра-гаука 'имеющий светлых коней', греч. Λεόχιππος (с обратным порядком частей); также имя пантиаха (правителя) в Иберии, см. выше под асра 'лошадь'; Ασφόρουτος (Ο) = asfa-rug, дальнейшее звуковое развитие имени Asparuk;

- ~ Σώρωτος (Ο) = др.-иран. sava-rauča- 'утренний свет'; ср. для второй части ос. ro3- в ro3-ingæ 'окно' (← 'свет'); для первой части см. sava 'утро'.

Raupāsa 'лиса', др.-инд. *lorāṣa-*, ос. *robas, rovas*;

~ *Ропша* название реки в б. Орловской губернии; другое название этой же реки — *Лисичка* — представляет русский перевод старого скифского названия; что скифские влияния доходили весьма далеко на север, подтверждается и другими топонимическими данными; см. Фасмер, 75 и сл.

Rauksna 'свет', 'светлый' → *roxs*, авест. *raoxšna-*:

~ *Ρωξάνη* 'Роксана' женское имя (Π) = ос. *roxs* + суф. *-ana* (Фасмер, 49); иранская Роксана представляет, таким образом, точную параллель к славянскому имени Светлана; жена Александра Македонского, дочь Бактрийского князя, также называлась Роксаной;

~ *Ρωξάνακη* столица саков (Κтесий) = ос. *roxs* + суф. *-an* + суф. *-ak*;

~ *Ρωξολανοί* 'сарматское племя' (Страбон, Птолемей) = ос. *roxs* + *alan* 'светлый алан' (Фасмер, 49); ср. *Ἀλαγορροί* 'белые аланы'; см. агуа.

Rava 'легкий', 'быстрый', др.-иран. *rava-*, ос. *ræwæg*:

~ *Ραβαίτι*... (надпись *gralliti*)⁴ = ос. *ræwæg*.

Raxway- 'пронзать' из *fra-hvāh-*, ос. *ræxwajun*, *ræxojun* 'пронзать', ср. *hvāh-* 'бить', 'толкать'.

~ *Ραχοίσακος* (Γ) = ос. *ræxwaj-sag*, *ræxoj-sag* 'пронзающий оленя'; см. *sāka* 'олень'.

Rāy- 'радоваться', (из **frāy-*), ос. *irajun*, *rajun*, прош. прич. *rad*;

~ *Φάραδος* (Ο) = ос. *fæ-rad*, *fe-rad* 'получивший радость'.

Rāz- 'направлять', *ā-rāz-* 'направлять', 'устанавливать', 'делать', ос. *arazun id*, авест. *rāz-* 'направлять' и пр.;

~ *Φαυδάραζος* (Γ) = ос. *fændag-araz* 'устанавливающий путь', 'пролагающий путь' (Фасмер, 54); см. *rantī* 'путь', 'дорога';

~ *Φαδιάραζος* (Τ); если неточное написание вместо *Φαδιάράζος*, то = ос. *fæd-araz* 'пролагающий след', 'прокладывающий дорогу'; ср. предыдущее имя; см. *rada* 'след';

~ *Δαναράζμακος*, *Δαναράζμακος* (Τ) по Миллеру = *dān-ārāz* 'направляющий реку', но откуда *m*? (Фасмер, 38); иное толкование см. под словом *varāza* 'кабан';

Sāka 'олень', ос. *sag* 'олень' собств. 'ветвисторогий', 'сохатый', от *sākā* 'ветвь', 'сук'; ср. др.-инд. *śākhā-* 'сук', перс. *sāx* 'сук', 'рог', лит. *šaka* 'сук, ветвь', 'олений рог', латыш. *sakas* 'вилы', русск. *соха*, *сохатый* (олень) ср. ос. *sagoj*ное 'вилы' при *sag* 'олень'⁵; отсюда тотемическое племенное название *sāka* 'скиф', 'принадлежащий к тотему оленя':

~ *Σάχα* 'скифское племя' (Геродот), др.-перс. *sakā-* 'скиф' = 'принадлежащий к тотему оленя'; ср. *Σαχάται* (вместо *Σαχάται*?) племя в Азиатской Сарматии (Птолемей);

⁴ Любезно сообщено И. И. Толстым.

⁵ В соответствии с др.-инд. *śākhā-* ожидали бы и ир. *sāxa*, однако скифские факты указывают на существование параллельной арийской формы *sāka*.

- ~ *σάκια* 'скифский праздник' (Гесихий); вероятно, тотемический 'олений' праздник;
- ~ *Μασσαγῆται* 'скифское племя' (Геродот); в борьбе с ними, по Геродоту, погиб персидский царь Кир; по Диону Кассию и Аммиану Марцеллину — ближайшие родичи алан; разлагаем на *man-sag* + показатель множественности *ta*, буквально 'люди-олени' (из *manu* + *sāka*); см. *manu* 'человек', 'мужчина'; обычно связывают это племенное название с авест. *masya-* 'рыба' (см. Фасмер, 14); однако теперь известно, что для 'рыбы' на на всей восточноиранской почве (в скифском, аланском, сакском, согдийском) господствовало слово *кара*, *q. v.*;
- ~ *Θυσσαγῆται* 'савроматское племя' (Геродот), более старая форма *Thyrsagetae* (Валерий Флакк, VI, 135, 140) = *tur-sāga-ta* (← *tura-sāka-ta*) 'туро-саки' или 'быстрые олени'; см. *tura* 'быстрый';
- ~ *Τάξαις* 'скифский военачальник и царь' (Геродот) = ос. *tæx-sag*, др.-иран. *taka-sāka* 'быстрый олень'; см. *taka* 'быстрый', 'сильный';
- ~ *Σακεσάρης* 'царь саков-скифов по ту сторону реки Бактер' (Полиен) = ос. *sag-æfsær* 'имеющий оленью (*sag*) челюсть (*æfsær*)';
- ~ *Ραχοῖσακος* (Γ) = ос. *gæxoj-sag* 'пронзающий оленя'; см. *hwāh-* 'бить', 'толкать', *gaxwāu* 'пронзать';
- ~ *Μουρίσακος* (Ο), может быть из *mug* 'семя', 'порода' и *sag* 'олень', букв. 'оленьей породы', ос. *sagi muggag id*; см. *muka* 'семя';
- ~ *Σαγάρης* 'племя на Дунае' (из письма Юлиана Отступника к Василию Великому, см. Латышев. *Scythica*, I, 705) = ос. *sag-dar* 'имеющий оленей'; возможно сюда же (с метатезой) *Sadagarii* 'народ, поселившийся после смерти Аттилы в Нижней Мезии' (Иордан);
- ~ *Σάδωος* (Τ) = др.-иран. *sāka-daiva* = стар. ос. *sag-dew* 'демон-олень'; для второй части ср. ос. *æv-dew* 'демон' из *āp-daiva* 'водный демон';
- ~ *Sagaris* (Овидий), *Saggarius* (Плиний) 'р. Березань', букв. 'где находят (ar) оленей (*sag*)';
- ~ *Ἐπασάγρος* (Ο) возможно = ос. *xcsæz-sag-ar* 'находящий (ar) шесть (*xcsæz*) оленей (*sag*)' в смысле 'счастливый охотник за оленями'; см. *xšaš* 'шесть';
- ~ *Μηρόσακος* 'сарматский царь' (Полиен); во второй части *sak*, *sag* 'олень', первая часть не ясна; 'мидийский олень'?
- ~ *σακιδάκη* 'скифская одежда' (Гесихий) = ос. *sag-ḡun-dag* 'одежда из оленьей шерсти' из *sag* (← *sāka*) 'олень' + *ḡun* (→ *gauna*) 'шерсть' + *tag*, *dag* 'нить', 'ткань'; для последнего элемента и для всего образования ср. ос. *kættag* (из *kæntag*) 'холст' (см. *kana* 'конопля') и ос. *zæl-dag* 'шелк'.⁶

⁶ С точки зрения реалий уместно вспомнить пояснение Гесихия к слову *τάραδος*: 'похожее на оленя животное, шкуры которого скифы употребляют на одежду' (Латышев. *Scythica* I, 855).

San(a) 'вино'; скифо-фракийское слово: *σανάπαι οἱ μέθυσοι λέγονται παρὰ Θρακίην* (Схолии у Аполлония Родосского, цит. по Латышеву, *Scythica*, I, 854), ос. *sænæ* 'вино', кабард. *sanä* 'вино';

- ~ *σάναπτις οἰνοπότης*. *Σκῶσαι* (Гесихий), 'винопицца', для второй части (*pli-*) см. *paу-* 'пить' (Фасмер, 50);
- ~ *Σάναγος* (O) = *san* + суф. *-ag*; значение такого имени могло быть 'винолюб' или 'винодел'; ср. по образованию *Ἀλοῦθαγος* от *aluθ* 'пиво' или *Μάδαγος* от *madu* 'мед';
- ~ *Σανδάρσιος* (T); вторая часть (*darz-*) не ясна; возможно сюда же *Σανεία* 'женское имя' (Π) и *Σάκων* (Π).

Sara 'голова', авест. *sarah-*, ос. *særg*;

- ~ *Σάρον* название местности на Борисфене (Птолемей);
- ~ *Σάρακος* (T) = *sar* + суф. *-ak* (Фасмер, 50);
- ~ *Σαρόκη* 'женское имя' (Π) = *sar* + суффикс *-uk* (Фасмер, 51);
- ~ *Σαρώης* (Феофан Византийский), *Σαρώσιος*, *Σαρώδιος* (Менандр) 'аланский царь VI в.'; ср. ос. *sægoj* 'головастый'.
- ~ *Šaragaz* имя пштакша в Грузии II в. н. э. (в надписи из Армази, см. Г. Церетели. Армазская билингва, стр. 62) = ос. *særgægas* 'невредимый', 'имеющий невредимую голову', см. *akās* 'целый', 'здоровый', 'невредимый';
- ~ *Σαράξατος* (O) = ос. *særg-æxsæz* 'шестиглавый' может быть в смысле 'имеющий шесть детей'; ср. осетинское выражение *jæ særg æxsæz baci* 'его голова стала шестью' в смысле 'его семья достигла шести душ'; порядок частей (числительные позади существительного) как в *Ἀρδάβδα* = ос. *ard-avd* 'город семи ард'ов'; см. *xšaš* 'шесть';
- ~ *Ἀσαρς* (Π) = др.-перс. *a-sara* = ос. *æ-særg* 'безголовый' (Фасмер, 34); см. *a-* 'без-', 'не-';
- ~ *Μαιωσάρα* 'женское имя' (Π) = ос. *mæj-særg* 'луноголовая' (Фасмер, 43); см. *mah* 'месяц';
- ~ *Καρασαρόη* 'женское имя' (Π) = ос. *gom-særg* 'с непокрытой головой'; см. *kāma* 'отверстие', 'открытый';
- ~ *Στοσάρακος* (T), вероятно из *Στοσάρακος* = ос. *stur-særg* + *ak* 'большеголовый' (Фасмер, 53); см. *stura* 'большой';
- ~ *Σαράπαραι* 'фракийское племя', 'головорезы' (Страбон, XI, 14, 14): 'сарапары звероподобны и неукротимы, живут в горах подобно скифам, отрубают головы и снимают черепа, что означается словом 'сарапары'; название явно скифское, ср. ос. *særg-ærrag* 'сбрасывающий головы' = 'головорез';
- ~ *Chorsari* 'скифское наименование персов' (Плиний); во второй части *sar* 'голова'; первая часть не ясна (вряд ли хог 'солнце'); в целом название заставляет вспомнить позднейшее турецкое наименование персов *qazılbaş* 'красноголовые'.

Sata 'сто' → *sada*, ос. *sædæ*, авест. *satəm*:

- ~ *Σαδαίος* (O), может быть в значении 'сотник'.

Šāti 'радость', 'счастье', ср. ос. *-cad* (из *sad*) в *æn-cad* 'покой', др.-перс. *šiyāti-*:

- ~ 'Ραδαμίδης 'боспорский царь', букв. 'первая (radam) радость (sadi)', см. fratama 'первый' (Фасмер, 48).
- Sauka** 'огонь', др.-инд. śoka- id., ос. sog 'топливо', 'дрова':
- ~ Σόγος (Γ, Τ, Π) = ос. sog в старом значении 'огонь';
- ~ 'Ραζσογος (Τ) = ос. ræsg 'чистый' = fra-sauka q. v.
- Sava** 'утро', авест. sava-, ос. sæw- в sæwmæ 'утром' и др.:
- ~ Σεύραγος (Φη) = ос. sæw-rag 'утро', 'утренний', ср. ос. sæw-mæ-ragi 'утром рано'; см. frāk 'рано'; вряд ли сюда же Σφραχος (Π); см. sor- 'преследовать';
- ~ Σφρωζος (Ο) может быть = sav-roz (← sava-rauça) 'утренний свет', см. rauka, rauça «свет»;
- ~ Σαράγασκος (Φη) может быть = ос. sæw-ægas 'невредимый утром'; ср. осетинское выражение sæw-ʒavd 'пораженный утром' (sæwʒavd faul 'чтобы тебя поразило утром!' проклятие).
- ~ Σαβρακος (Χ) скиф, убивший Боспорского царя Перисада, = ос. sæwtag 'утренний'.
- Sāv[a]** 'черный', см. syava.
- Si-** 'зябнуть', ос. sijun:
- ~ Σιαγός (Γ) = ос. siag 'зябкий' (Фасмер, 52).
- Sir-** 'танцевать (плавно)', 'идти иноходью (о лошади)', ос. sirun, serun:
- ~ Σίρακοι 'сираки, скифское племя в области нижней Кубани' (Страбон), ср. ос. sirag 'идуший, танцующий плавно', 'иноходец' (о лошади); сюда же собственное имя из Ольвии Σίραχος.
- Skunx-** 'отличаться', 'совершать подвиг', ос. sk'wænxun, прош. прич. sk'unxt:
- ~ Скипха 'скифский предводитель, взятый в плен Дарием I' (по Бехистунской надписи).
- Sor-** 'преследовать', ос. sorun:
- ~ Σώρακος (Π) = ос. soræg 'преследователь' (Фасмер, 53).
- Spāda** 'войско' → sfad → fsad, ос. æfsad, авест. spāda-:
- ~ Σπαδακος (Ο) = spād + суф. -ak (Фасмер, 52);
- ~ Σπαδάγας 'царь санигов в Абхазии' (Арриан); иранское имя в неиранской среде, как во многих других случаях (Фасмер, 52);
- ~ Σπαδίνης 'царь сарматского племени аорсов' (Страбон) = spād + суф. -in, восходящий к древнеиранскому -aina (Фасмер, 53);
- ~ 'Αμώσπας (Ο) — ama-spāda 'имеющий мощное войско' (Фасмер, 32); см. ama 'мощный';
- ~ Βωρόψας (Ο) неточно вместо Βεοράψας (?), ср. ос. bewræfsad 'имеющий много войска'; колебание между δ и ζ наблюдается нередко: Φαδίναμος, и Φαζίναμος, Χοδίακος и Χοζίακος; baivar 'много'.
- Spanta** 'священный, святой' → sfand → fsand, авест. spāta, в осетинском сохранилось может быть в ævzændæg 'эпитет божества Alardy';

- ~ Ψευδαρτάχη (так читает Маркварт вместо Ψευδαρτάχι) 'название священного места в Скифии' (Стефан Визант.) = стар. ос. *fsand-ärt* 'священный огонь'; см. *ātar*, *āḡr* 'огонь'.
- Spar-** 'наступать', 'напирать', ос. *æfsærun*, авест. *spar-*, русск. *спор*, др. сев. *spora* 'попирать':
- ~ *Aspar* 'аланский вождь' (Иордан);
- ~ *Rasparaganus* 'rex Rhoxolanorum et Sarmatarum' (на двух надписях времени Адриана) = *ra-spara + ka + na* = ос. *ra-fsæt-æg-on*, ср. ос. *ra-fsætæg* 'тот, кто наступает' и суф. *-on*, употребительный в собственных именах; осетинская фамилия *Æfsæragtæ* (Афсараговы) предполагает существование собственного имени *Æfsærag* ← *Asparak*, а также фамильного имени *Æfsæragon* — *Asparagān*.
- ~ *Σπαρόφοτος* (I); во второй части ос. *fat* 'стрела' (?).
- ~ *Σπαρόβαις* (II); во второй части ос. *waj-* 'несть' ('несущийся наступающий') (?).
- Sparga** 'отпрыск', 'побег', 'лоза', авест. *sparəza-*, в осет. нет.
- ~ *Σπαργαπίδης* 'скифский царь' (Геродот), *Σπαργαπίτης* 'массагет' (Геродот) = др.-иран. *sparga-raisa* 'подобный юной лозе' (Фасмер, 16).
- Stāna** 'стояние', 'стоянка', 'место', 'стан', 'рост', 'фигура'; др.-инд. *sthāna-*, др.-перс. *stāna-*, ос. *-ston* (в сложных словах);
- ~ *Βορυσθένης* 'древнее название Днепра' (Геродот, Птолемей, Страбон) = др.-иран. *varu-stāna* 'широкая область'; ср. название 'Великий луг' в нижнем течении Днепра (Фасмер, 65 и сл.);
- ~ *Ὀστάνος* (I) = *hu-stāna* 'хорошо сложенный', 'стройный'.
- Stāv-** 'хвалить, славить', авест. *stū-*, *stav-*, ос. *stawun*:
- ~ *Σταβανός* (I) = ос. *stawæg* 'славящий' (Фасмер, 53).
- Stura** 'большой', авест. *stūra-*, ос. *stur*:
- ~ *Στόραχος* (I) = *stur + суф. -ak* 'Magnus' (Фасмер, 53);
- ~ *Στόρανός* (I) = *stur + суф. -an* (Фасмер, 53);
- ~ *Στοράνη* 'женское имя' (II), тождественно с предыдущим (Фасмер, 53);
- ~ *Στοράραχος* (I), вероятно вместо *Στοράραχος* = ос. *stur-sær* 'большоголовый' с суф. *-ak* (Фасмер, 53); см. *sara* 'голова';
- ~ *Στόραις* (I), вторая часть = ос. *mæj* 'луна'; 'подобный большой (т. е. полной) луне'.
- Suḡda** 'чистый', 'святой', ос. *suḡdæg*, из *sukta*, *suxta* прош. прич. от *suč-* 'жесть', собств. 'очищенный огнем':
- ~ *Σουγδαία* 'город на юго-восточном берегу Крыма', 'Судак' = ос. *suḡdæg* (Фасмер, 71 и сл.); название принесено по-видимому, скифами из Средней Азии, где была иранская область и народность того же названия, др.-перс. *Suguda*, Согдиана, среднеиран. *Soḡd*.
- Suxra** 'красный' → *surx*, авест. *suxra-*, перс. *surx*:
- ~ *Σόρραχος* (I) = *surx + суф. -ak* (Фасмер, 52).
- Syāva** 'черный' → *sāv-*, ос. *saw*, авест. *syāva-*:
- ~ *Σιάβος* (O) (Фасмер, 52);

- ~ Σαῦακος (T) = syāva + ka (Фасмер, 52);
- ~ Σεῶαχος (Π); тождественно с предыдущим, но с озвончением k → g (Фасмер, 51);
- ~ Σαῦαχος = ос. saw + ag (Фасмер, 51); или k saḥa 'утро'?
- ~ Σαυδαράται 'сарматское племя' (по Ольвийским надписям) = ос. saw-dar-a-tæ 'одетые в черное', 'Μελάγχλαινοι' (Фасмер, 51); см. dār- 'носить (одежду)';
- ~ Saurmag, Surmag, Sauromaces 'имя нескольких грузинских царей первых веков нашей эры' (Brosset, Аммиан Марцеллин), вероятно = ос. saw-arm 'смуглорукий' + суф. -ag; см. 'рука';
- ~ Σαυρομάται 'племенное название', 'савроматы' (Геродот), позднее — Σαρμάται (Скимн), Sarmatae (Плиний, Тацит и др.), может быть = ос. saw-arm-a-tæ 'чернорукие' или 'смуглорукие'; ср. выше Saurmag; существуют другие, мало удовлетворительные, по нашему мнению, объяснения (см. Фасмер, 51);
- ~ Βαγδάσιος (T) = baxta-syāva (→ bağda-sav) 'имеющий черный удел'; см. baxta 'удел', 'счастье';
- ~ Σοζίρασιος (T) = Sozir-saw 'смуглый Созир', ср. ос. собств. имя Sozir;
- ~ Σαυαίσιος (T); вторая часть не ясна;
- ¹Така 'быстрый', 'сильный' (от корня tak- 'течь'), авест. taka-, ос. tæx 'быстрый', 'стремительный', 'напряженный', 'сильный' ос. tæxun 'лететь';
- ~ Τάξαις 'скифский военачальник и царь' (Геродот) = tak-sāk- 'быстрый олень', см. saka 'олень';
- ~ Ὀλθαχός 'династ племени Дандариев' (Плутарх) = ос. wæl-tæx (urari-taka) 'сверх быстрый';
- ²Така 'нит', 'ткань', 'одежда' ос. tag id., в названиях тканей: kættag (из kæn-tag) 'холст', zæl-dag ('шелк') (к русск. *ткань*, *тачать*?);
- ~ σακυνδάκη 'скифская одежда' (Гесихий) = sak-gun-tak 'одежда (tak) из оленьей (sak) шкуры или шерсти (gun)', см. sāka 'олень' и gauna 'шерсть'.
- Тану 'тело', авест. tanu-id., ос. tæn 'нижняя часть живота';
- ~ Vaxtang 'грузинский царь V в.' (Brosset); это имя многократно встречается и в последующее время; вероятно из Varx-tang 'имеющий волчье (varx) тело'; ср. ос. собственное имя Wærx-tænnæg (в нартовских сказаниях); см. varka 'волк'.
- Тар- 'греть', авест. tar-, ос. tavun;
- ~ Ταῦτι (Геродот) 'богиня очага у скифов' (Фасмер, 16);
- ~ Θαρείς 'женское имя' (Π).
- Тарс- 'бояться', авест., др.-перс. tars- id., ос. tærsun 'бояться', ос. tas (из tars) 'страх';
- ~ Ἀτάσας (T) из a-tars 'бесстрашный', ср. ос. æ-das 'безопасный' (Фасмер, 34); см. a- 'без-', 'не-'.
- Тава 'сила', 'мощь', др.-инд. tavás-, авест. tavah-;

- ~ Ταρχίτας 'родоначальник скифов' (Геродот) = darg̃a-tava 'долгомошный' (Фасмер, 17);
- ~ Τιργατάω 'женское имя' (Полиен) = tigr̃a-tava 'стреломощная' (Фасмер, 54); ср. для первой части др. иран. tigr̃a- 'острый', 'стрела', ос. eig̃ 'острый'.
- Tura** 'быстрый', 'сильный', др.-инд. tur̃á-, перс., курд. tūr 'ярый':
- ~ Τύρας, Τύρης 'древнее название Днестра' (Геродот и др.) собств. 'быстрая' (Фасмер, 61);
- ~ Θυσσάγεται (Геродот), Thyrsaget̃ae (Валерий Флакк) = tura-sāka-ta 'быстрые олени'; см. sāka 'олень'.
- Tusk** 'клык', ср. англ. tusk id., ос. tusk'a 'кабан', собств. 'клыкастый':
- ~ Θυσσῆς (O) = 'клыкастый', 'кабан'.
- Ugra** 'сильный', 'мощный' → ugr̃, авест. ugra-, uṛta-, ос. -urg̃, в æfsurg̃ 'легендарный конь':
- ~ Ἀσποῦργος (Γ многократно) имя боспорского царя I в. = aspa-ugra 'имеющий сильных коней', ос. æfsurg̃, æfsorg̃ 'легендарная порода лошадей'.
- Upari** 'сверху', 'над', 'сверх-', авест. upairi, ос. wæl-, wæl̃æ, отсюда wællag̃ 'верхний', 'высший':
- ~ Ὀπαχός 'властитель племени Дандариев' (Плутарх) = ос. wæl-tæx (upari-taka) 'сверхбыстрый' (?); см. taka 'быстрый', 'сильный';
- ~ Ὀκάβας 'скиф' (Аппиан, Фронтин) = ос. wæl-kæf (с озвончением f → v), 'повелитель рыб'? см. kara 'рыба'.
- Upasta** 'местопребывание', 'место' → basta, ос. bæst̃æ 'место' 'страна', др.-инд. upastha-:
- ~ Βάσταχος (T) = ос. bæstag̃ 'местный', 'земляк'; сюда же Βοτάρων (Π)?
- Vāb-** 'ткать', др.-инд. vabh-, нем. weben, ос. wafun:
- ~ Αβαβα, Nababa аланка, мать римского императора Максимилиана (Иордан), может быть искажено из huvāba 'хорошая ткачиха'; ср. Ἀτοσσα = иран. Hutausa, где также Hu = A.
- Vāč-** 'слово' др.-инд. vāk-, vāčas-, авест. vāk, vačah-, ос. was 'слово', 'весть'; в осетинском слово имело религиозный оттенок (как Логос в эллинистических культах); оно служит эпитетом христианских святых: Was-Illa 'св. Илья', Was-Gergi 'св. Георгий'; ср. также Aciroxs (из Wasi-roxs) нартовская героиня, букв. 'свет Was'a' Aciamongæ (из Wasi-amongæ) 'название чудесной чаши в нартовских сказаниях' 'указательница Was'a':
- ~ Οδαταφάρνης 'божество' (из надписи, найденной в Кубанской области (см.: В.с. Миллер, Древности Восточные, I, с. 131 и сл.) = vāča-farna с передачей č через τ как в Ἀταράζας (см. ниже); видеть в первой части осет. wat 'комната' (вслед за Миллером) мы никак не можем и по семантическим соображениям и потому, что древность слова wat в осетинском не может быть доказана. Религиозный оттенок, присущий обоим сло-

вам, vāč и fagna, делает весьма естественным все образование как название божества; см. fagna;

~ 'Αταράζας, 'Ατταράζας (Γ) = vača-maza с утратой начального v, как в ос. Asiroxs, Asiamongæ (см. выше); не подлежит сомнению, что τ передает здесь ċ (или c), так как имя сохранилось в нартовском эпосе: Asæmæz; ср. выше Οβαραζάρης = vāča-fagna; в некоторых именах ċ передается через ζ;

~ Καρζάρος (Ο) = ос. karz-wac = др.-иран. karza-vāč 'чье слово резко, грозно'; см. karsa 'резкий', 'строгий';

~ Οβαχώλακος (Ο) = vahu-vāča-ka 'доброслов'; см. vahu;

~ 'Οξαρδωζης (Τ) = ос. æxsart-wac = xšadra-vāč- 'чье слово полно мужества', см. xšadra;

~ Χοράδος (Τ) = др.-иран. hvar-vāč = ос. хог-wac 'вестник солнца';

~ 'Αβρίζεος (Τ) = avra-vāča- ос. arv-wac 'носитель небесного wac'a'; см. avra 'небо'.

Vahu 'хороший', 'добрый', 'добро', авест. vohu-, др.-инд. vasu-:

~ 'Οχαρζάνης (Τ) = vahu + ос. warz- 'любить', 'добролюб'; см. varz- 'любить';

~ 'Οβαχώλακος (Ο) = vahu-vāča-ka 'доброслов'; см. vāč- 'слово'; сюда ли Οχώδιακος, Οχώλακος?

~ 'Αρσηόλακος, 'Αρσηάλακος, 'Αρσηόκος (Ο) = arša-vahu 'добрый медведь'; менее приемлемо видеть в первой части aršan 'мужчина' ввиду отсутствия этого слова в осетинском.

~ Αβχάται 'скифское племя', 'потомки Липоксая' (Геродот) = vahu + ta 'хорошие' (?).

Vaiti 'лоза', 'ива', авест. vaēti-, ос. widag 'корень':

~ Βιδάκης (ΙΙ) = ос. widag.

Van- 'побеждать', авест. van-, в осетинском не отмечалось:

~ Βανάδαπτος 'языгской царь' (Дион Кассий) = vanat-aspa 'победоконный' (Фасмер, 34).

Vara 'ягненок', 'баран', ос. wær, wærikk, перс. bar:

~ Οβάρας (Τ) = ос. wær (Фасмер, 46);

~ 'Οριζός 'пмя одного скифа' (Геродот) = ос. wærikk.

Varāza 'кабан', авест. varāza-, перс. gurgāz, в осетинском сохранилось только в собственных именах:

~ Οβαράζακος (Τ) = varāz + суф. -ак (Фасмер, 46); ср. ос. собств. имя Wægaz [Besati 1931, 30];

~ Αβράζακος (Τ) неточное написание предыдущего имени (Varāzak), как Αβχάται = vahu + ta;

~ Οβαροζβάλακος (Τ); в первой части varāz, вторая часть не ясна; м. б. к ос. bal 'группа', 'стая': varāz-bal-ak 'принадлежащий к кабаньей стае';

~ Δαναράζμακος, Δαναράζμακος (Τ) = Dan-Varazmak 'Донской Уаразмак', 'Уаразмак с реки Дон', где Varazmak собственное имя от varāza 'кабан' и сохранившееся в нартовском эпосе (Wægæzmæg),

Varka 'волк', др.-инд. *vṛka-*, авест. *vəhrka-*, ос. *Wærhæg* собств. имя в нартовском эпосе, ос. *Wærgon* 'Вулкан', 'бог-кузнец'; формы *varg*, *urg* являются дальнейшим развитием старого слова:

- ~ *Δόκος* 'один из скифских родоначальников, дед Анахарсиса' (Геродот); имя это представляет, по-видимому, перевод на греческий язык скифского имени, которое, судя по осетинскому *Wærhæg*, должно было звучать *Varka*;
- ~ *Οὐαρῦαδακος* (O) = *varg-adak* 'волкоед'; см. *ad-* 'есть';
- ~ *Οὐρῡοι* 'сарматское племя' (Страбон), 'урги', букв. 'волки', тотемическое название; ср. *Σάκαι* 'саки', 'скифы', букв. 'олени'; форма *urg* представляет закономерный вариант формы *varg*; ср. в осетинском такие чередования как *wærhæx/urux* 'широкий', *wæxst/uxst* 'вертел', *wæxsk/usqæ* 'плечо' и др.;
- ~ *Οὐρῡος* (T, Π);
- ~ *Οὐρῡβαῖος* (O) = *varka-bāzu* 'волкоплечий', 'у кого в плечах волчья сила', см. *bāzu* 'плечо';
- ~ *Vaxtang* 'грузинский царь V в.' из *warxtang* = *varkatanu* 'имеющий волчье тело'; ср. ос. *Wærxtænæg* 'имя героя в нартовском эпосе'.

Varu 'широкий' авест. *varu-*, ос. *wærhæx*, *urux*:

- ~ *Βορυσθένης* 'древнее название Днепра' (Геродот и др.) = *varu-stāna* (Фасмер, 65 и сл.); сюда же 'печенежское' название Днепра *Вароу* (Константин Багрянородный) = ос. *wærhæx*, *urux* (Фасмер, 66);
- ~ *Οὐαρδάνης* 'река Кубань' (Птолемей) = *varu-dānu* = стар. ос. *var(æx)-dan* 'широкая река'.

Vārz- 'любить', ос. *warzun* 'любить', авест. *varəz-* 'действовать';

- ~ *Ὀυαρζάνης* (T) = *vahu-vārz-ana* 'Добролюб' (Фасмер, 47); см. *vahu* 'добрый', 'добро';
- ~ *Οὐαρζάλακος* (O), в первой части ос. *warz-* 'любить', во второй ос. *bal* 'военная дружина': 'любящий дружину' или 'любимый дружиной', ср. [Миллер 1886, 254]; см. *bala*;
- ~ *Ὀαρζάβαλος* (T), из *warsta-bal* (с выпадением *r* перед *s* как в *Στοζάρακος*, см. *stura*); *warst-* — прош. причастие от *warz*; *warsta-bal* могло значить 'любимый дружиной'; см. *bala* дружина.

Vinsati 'двадцать', др.-инд. *viṁsati*, авест. *visaiti*, стар. ос. *insæz*, ос. *yssæz*, *insæj*:

- ~ *Ἰνσάατος* (O) = стар. ос. *insaz-ag* 'Vicentius' (Фасмер, 31).

Vir(a) 'мужчина', авест. *vīra-*, в осетинском никаких следов не видно:

- ~ *Οἰόρπαια* 'скифское название амазонок', 'мужеубийцы' (Геродот); опираясь на параллельную форму *οἰόρπαια* (Гесихий),

⁷ Об отношении осетинского значения к авестийскому см.: [Абаев 1949, 579].

мы находим возможным исправить *oīōrpatā* в *oīōrpatā* = *vīra-mār-ta* 'мужеубийцы'.

Хан- 'приглашать', см. *hvan-*.

Хара 'осел', авест. *хага-*, ос. *хæгæg*, перс. *хаг*:

~ *Χαράηνος* (O) = *хаг-axsen* = др.-иран. *хага-axšaina* 'темно-серый осел'; ср. перс. *gūr* 'дикий осел', как украшающий эпигет царя Бахрама; см. *axšaina*;

~ *Χάραξτος* (T), *Κάραξτος* (O), *Κάραξτος* (O) = *хаг-ašt* или *харакаšt* 'имеющий восемь ослов'; см. *ašta* 'восемь';

~ *Χάραξ* 'название местности в Крыму' (Птолемей).

Xod- 'смеяться', ос. *xodun*:

~ *Χοδείκιος* (Γ) = ос. *xodæg* 'смешной';

~ *Χωδόνυχος* (Γ) = ос. *xodujnag* 'достойный смеха' (Фасмер, 57).

Xšas 'шесть', авест. *xšvaš*, ос. *xsæz*, *æxsæz*:

~ *Ξαράξιος* (O) = стар. ос. *sær-æxsæz* 'шестиглавый'; см. *sara* 'голова';

~ *Ξηζάγαρος* (O) = ос. *xsæz-sag-ar* 'находящий (ar) шесть (xsæz) оленей (sag)'; см. *sag* 'олень'.

Xšadra 'власть', 'сила', 'победа', 'доблесть', 'отвага', авест. *xšadga-*, др.-перс. *xšassa-*, от *xšay* 'блистать' (см. ниже), ос. *xsar* 'сила', 'отвага', 'доблесть', ос. собств. имена (в нартовском эпосе) *Xsart* и *Xsærtæg*:

~ *Ξέρθανος* (O) = ос. *xsart* + суф. *-an* (ос. *-on*) (Фасмер, 45); ср. *Ağsartan* имя нескольких царей Кахетии и Ширваншахов XI—XII вв. (Brosset);

~ *Ξέρταμος* (O) = ос. *xsart* + суф. *-ama* (Фасмер, 45); ср. этот же суффикс в др.-перс. *Aršāma*;

~ *Ξαράνης* 'царь скифов, живущих к северу от Согдианы' (Арриан) = *xšadṛaka* = ос. *Xsærtæg* 'герой нартовских сказаний';

~ *Ξατραβάτης* (Фн IV в. до н. э.), в первой части несомненно *xšadṛa*; во второй *pati* 'глава' (?) или *vača* 'слово' (?).

~ *Ἀλέξανδρος* (Фн) = *arya-xšadṛa* 'носитель арийской доблести' (Фасмер, 31); см. *arya* 'арийский';

~ *Φαρνάξαρδος* (T) = ос. *farn-æxsart* = др.-иран. *farna-xšadṛa* 'чья доблесть полна *farn'a*' (Фасмер, 55); см. *farna*;

~ *Καινάξαρδος*, *Κηνέξαρδος* (O) = др.-иран. *kaina-xšadṛa*, ос. *kenæxsart* 'доблестный в мести' (Фасмер, 41); см. *kaina* 'возмездие';

~ *Δαντάξαρδος* (Березань) = *dantā-xšadṛa* 'сильнозубый' (?) другое возможное разъяснение см. выше под словом *dantā* 'зуб'.

~ *Δαρνάξαρδος* (T); первая часть не ясна;

~ *Δίδωμος* (T); в первой части — греч. *δίδωμος* (Фасмер, 38);

~ *Ὀξαρδωΐς* (T) = стар. ос. *æxsart-wac* 'чья речь (wac) полна отваги (æxsart)'; см. *vāč* 'слово', 'речь'.

Xšay- 'спясть', 'блистать', 'властвовать', авест. *xšay-*; в осетинском ср. *xsart* 'доблесть', *xsin* 'княгиня', *xsed* 'заря' и др.:

~ *Ἀπόξαις* 'один из родоначальников скифов' (Геродот); во второй части *xšaya*, первая не ясна (Фасмер, 14);

~ *Ἀρπόξαις* 'второй родоначальник скифов' (Геродот) = *ārga-xšaya*

- ‘повелитель Днепра’; ср. ārg- в скифском названии Днепра; Dan-arg-is ‘река Арг’; скиф. ārga, āgra=ос. arf ‘глубокий’;
 ~ Κολλῆαις ‘третий легендарный скифский родоначальник’ (Геродот); ῥαις=хšaya, первая часть не ясна (Фасмер, 14); может быть искажение вместо Χορῆῥαις; ср. др.-иран. hvar-xšaita ‘солнце’, перс. Xoršēd;
 ~ Χατορῥῆης (Π); вторая часть не ясна (Фасмер, 45);
 ~ Ἐη Φαρνούχος Xse-Farnug ‘царь Иберии II в.’ [Церетели 1942, 21 и сл.]; для второй части ср. farna;
 ~ Σαῖοι ‘сарматское племя’ (O) вместо Ἐαῖοι; для передачи хš через s ср. Σατράκης=Xšadaka под хšadga;
 ~ Σαῖος (Π) вместо Ἐαῖος (?).
- Xvar-** ‘кушать’, ‘есть’, авест. xvar-, ос. хwærun:
 ~ Εοchar ‘аланский предводитель V в.’ (Житие св. Германа)=ос. jæw-xwar ‘просоед’ (Фасмер, 38); см. yava ‘просо’.
- Xvar** ‘солнце’, см. hvar.
- Xvārna** ‘пища’, авест. xvarəna, ос. хвар ‘хлеб в зерне’, ‘ячмень’:
 ~ Χοάρχαρος (T) (Фасмер, 56); вторая часть не ясна;
 ~ Χουάρρατος (O); ср. ос. хвар и sazun ‘садить (растения)’ (Фасмер, 57).
- Yār-** ‘достигать’, ‘нагонять’ (из vi-ār-?), др.-инд. ār-, авест. ār- ‘достигать’, перс. yāstan, ос. æjjafun ‘достигать’, ‘нагонять’:
 ~ Ιάραχος (O)=ос. æjjafæg ‘нагоняющий’, ‘достигающий’ (Фасмер, 41).
- Yava** ‘просо’, др.-инд. yāva- ‘ячмень’, авест. yava- ‘ячмень’, ос. jæw ‘просо’:
 ~ Ιάβαχος (T); обычное оформление суффиксом -ak (Фасмер, 40);
 ~ Εοchar ‘аланский предводитель V в.’ (Житие св. Германа)=ос. jæw-xwar ‘просоед’ (Фасмер, 38);
 ~ Φορίατος (T)=ос. fur-jæw ‘имеющий избыток проса’ (Фасмер, 55).
- Yazata** ‘божество’, ‘небесная сила’, авест. yazata-, ос. izæd:
 ~ Ιαζάδαχος (O); оформлено суффиксом -ag (Фасмер, 40);
 ~ Ιέζδαχος (O) (Фасмер, 41);
 ~ Ιέζδραδος (O)=ос. izæd-radt ‘данный богами’ (Фасмер, 41).
- Zantu** ‘племя’ авест. zantu-:
 ~ Ζαντικός ‘языгский князь’ (Дион Кассий)=‘сын племени’ (ср. Фасмер, 39).
- Zarant** ‘старый’, др.-инд. jarant-, авест. zarant-, ос. zæronð:
 ~ Ζάρανδος (T)=стар. ос. zarand (Фасмер, 39).
- Zaranya** ‘золото, золотой’, авест. zaraŋya-, ос. zærinæ:
 ~ Ζαρίνх ‘царица саков-скифов’ (Ктесий); ср. ос. женское имя Zærinæ.
 ~ ζήριν по Лукпану (Tocharis) на языке савроматов означал ‘выкуп’; речь шла, очевидно, о ‘золоте’; неточная передача вместо ζάριν, ос. хærin(æ) (Фасмер, 39).
- Zevak** ‘ленивый’, ос. zevæg id., возможна связь с русск. *зевать*, *зевака*:

~ Ζεύαχος (T); ос. собств. имя Zevæg в нартовских сказаниях: сюда же возможно, Zevax имя сановника в Иберии II в. [Церетели 1942, 21 и сл.]

Zura 'сила', 'сильный' (?) авест. zurah-, др.-перс. zura- 'сила', 'насилие':

~ Ζούρης (Тирас).

УКАЗАТЕЛЬ РАЗОБРАННЫХ СКИФСКИХ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

Ababa Hababa:	hu и vāb?	Ἀρδαβούριος:	arta и baivar
Ἀρδάραχος:	ār и dār-	Ἀρδάγθακος:	arta и aḡdāk
Ἀβνωζος:	ār и nivaz-	Ἀρδάραχος:	ardār
Ἀβραγος:	abra	Ἀρδάρισκος:	ardār
Ἀγαρος:	gar-	Ἀρδαρος:	ardār (arma-dā-ra)
Aḡsartan:	xšadra	Ἀρδονάγαρος:	druna и agar
Ἀζίαγος:	hatya	Ἀρδόναστος:	druna и ašta
Ἀζίας:	hatya	Ἀρθάμων:	āthr- и mān- (?)
Ἀκάσας:	akās	Ἀρδιέμμανος:	aršti и manu
Ἀλανοί Alani:	aryana	Ἀριάντας:	arya
Ἀλανορσοί:	aryana и auruša	Ἀριαπειθης:	arya и paisa
Ἀλέξανδρος:	arya и xšadra	Ἀρι:	arya
Ἀλουθαγος:	alud	Ἀριφάρνης:	arya и farna
Ἀμάγη:	ama	Ἀρνάκης:	arna
Ἀμάδοκοι:	āma и ad-	Ἀρπόξαις:	āpra и xšay-
Ἀμαίαχος:	āmāy-	Ἀρσάκης:	arša
Ἀμαρδιάχος:	mār-	Ἀρσηρούαχος:	arša и vahu
Ambazuk:	ham и bāzu	Ἀσαίτοι:	ās
Ἀμβούστος:	Ambustan: am-bust	Ἀσαρος:	a и sara
	(→ ham-pust ?)	Ἀσπαχος:	aspa
Ἀμώμαιος:	ama и māya	Ἀσπάνδανος:	aspa и andān
Ἀμώσπαδος:	ama и spāda	Aspar:	spar-
ἄναριες:	a и nar	Asparuk:	aspa и rauka
Ἀνάχαρις:	ana и hvar-	Ἀσπαυρούκис:	aspa и rauka
Ἀνδάναχος:	andān	Ἀσπουργος:	aspa и ugra
Ἀξιεινος (Πον-τος):	axšaina	Ἀσφώρουγος:	aspa и rauka
Ἀορσοί:	auruša	Ἀταμάζας:	vāc и maza
Ἀργουάναγος:	ārgā-	Ἀτάσας:	a и tars
Ἀργουδας, Ἀργό-τας:	ārgā-	Ἀτέας:	hatya
Ἀρδάβδα:	arta и hapta	Ἀυράζαχος:	varāza
		Ἀύχεται:	vahu
		Ἀφθαίμαχος:	hapta

Ἄσφαχος:	aspa	Ζάβατος:	čyav-
Βαγδόταυος:	baxta n syāva	Ζαχάται:	sāka
Βάγδοχος:	baxta n vahu	Ζαντιός:	zantu
Βάγης:	baga	Ζάρανδος:	zarant
Βάδατος:	had (← upa-had)	Ζαρίνα:	zaranya
Bazuk:	bāzu	Ζεύατος:	Zevax : zevak
Βαιόρασπος:	baivar n aspa	Ζιρίν:	zaranya
Βαιόρματος:	baivar n māya	Ζούρης:	zura
Βανάδαςπος:	van- n aspa	ἼΗρακῆς:	arya
Βάνας:	bānu	Θαβείς:	tāp-
Βάσταχος:	upasta	Φιάγρος:	čākār
Beorgus:	baivar n gau	Θιάρμακος:	čarma
Βευραζούρια:	baivar n zur	Θουσῆς:	tusk
Βόρασπος:	bora n aspa	Θυσσαγέται,	tura n sāka
Βορύς:	bora	Thyrsagetae:	
Βορουσθένης:	varu n stāna	Ἰαζάδατος:	yazata
Βράδαχος:	brātā	Ἰασανδάνατος:	i, ās n andān
Βωραχος:	hora	Jassi:	ās
Βωρόφαζος:	baivar n spāda(?)	Ἰάβατος:	yava
Γάος:	gau	Ἰάφατος:	yāp- (āp-)
Γάστεις Γάστης:	gasti	Ἰέζδατος:	yazata
Γοδόταυος:	guta n syāva	Ἰέζδατος:	yazata n rāda
Γοργόσας:	garu n gauša		или fradāta
Γόσων:	gauša	Ἰνιάζατος:	vinsati
Γωδίγαστος:	guta n akās	Ἰρβιδ-:	brin (brita)
Γώσατος:	gauš-	Ἰσπακai:	aspa
Δάδατος:	dā-	Ἰώδας:	i n od
Δάλδατος:	adari n os	Ἰωδέματος:	i n od
Δάναπρις:	dānu n apra	Iodmangan:	i, od n mang
Δαναράζμακος:	dānu n varāza	Καδάνατος:	kazanak
Danastrus,		Καινάξατος:	kaina n xšaθra
Δάναστρις:	dānu n Istr	Καμασαρύη:	kāma n sara
Δανδάκη:	dantā	Kandak (Can-	kana n taka (?)
Δανδάξατος:	dantā n xšaθra	dac):	
Δανδάριοι:	dānu n dār-	κάνναβις:	kana
Δανούβιος:	dānu	Καπαρύς:	kažār (?)
Διδυμόξατος:	xšaθra	Κάρατος:	xara n ašta
Δοσυμόξατος:	xšaθra	Κάρεις:	karsa
Δουάρατος:	dvara	Καρζόατος:	karsa n vāē
Εισγουδίας:	(jes n) gutā	Carthasis:	karta n ās
ἐνάρες:	a n nar	Κάρσας:	karsa
Eochar:	yava n xvar	Κάσατος:	kas-
Εὐβαννάκης:	farna	Κάσατος:	kas-
		Καφάνατος:	kapa

Κηνέφαρος:	kaina η xšaðra	Οιορπατα (BM.	
Κυλάξαις:	hvar (?) η xšay-	Οιρόμαρτα)	vira η mār-
Κουζαίος:	kuti	’Οιδακός:	upari η taka
Κόφαρνος:	hu η farna	’Οικάβας:	upari η kapa
		’Ομράτομακος:	ham η rasmā
Λείμανος:	lriman	’Οξαρδωξίς:	xšaðra η vāč
Λίμνακος:	lriman	’Ορικός:	vara
Λιπόξαις:	xšay-	’Ορόντης:	arvant
Λόκος:	varka	’Οροφέντης:	arvant η farna
		’Οσμάρακος:	os η mār
Μάδα:	mātā	’Οσπίνημαξος:	aspaina η bāzu
Μάδακος:	madu	’Οσσίγατος:	os η akās
Μάδος:	madu	Ούάρας:	vara
Μαδύης:	madu	Ούαράζακος:	varāza
Μάδωις:	madu	Ούαργάδακος:	varka η ad-
Μαζαία:	maza	Ούαρδάνης:	varu η dānu
Μαζίς:	maza	Ούαρξβάλακος:	varz- η bala
Μάης:	mah	Ούαταφάρνης:	vāč η farna
Μαίσης:	maiša	Vaxtang:	varka η tanu
Μαίφαρνος:	mah η farna	Ούαχώλακος:	vahu η vāč
Μαιωσάρα:	mah η sara	Ούμβηρόαρος:	hurma η baivar
Μάμμαρος:	manu η mār-	Ούργβαξος:	varka η bāzu
Μάνδακος:	manu η dasa	Ούργροι:	varka
Μανίακος:	manu	Ούστανος:	hu η stāna
Μάρζακος:	marz-	’Οκοαρξάνης:	vahu η varz-
marha:	mār-	’Οχώξιακος:	vahu η vāč
Μασσαγεταί:	manu η sāka		
Μάστας:	masta	Παντικίπης:	panti η kapa
Μαστοῦς:	masta	Παντικίπατον:	panti η kapa
Ματυκέται:	matuka	Παραλάται:	paradāta (¹ dā-)
Μεύακος:	maiva	Παρσπάνακος:	parsu η panaka
Μουγίσαχος:	muka η sāka	Πάταικος:	paṭaka
Μυργέται:	mrga	Πάτεις:	pati
		Πατίας:	pati
Νάβαξος:	nāv η āz-	Πήρακος:	per-
Νάμγηνος:	nāma	Πίδανος:	pitā
Νάρακον (στόμα):	nara	Πίδεις Πίδος:	pitā
Νάναγος:	nava	Πιτφαρνάκης:	pitā η farna
Νίχεκος:	nix (anika)	Πόρατα:	porata
		Πουρθαίος:	puṭra
Ξάρθανος:	xšaðra	Πουρθάνης:	puṭra
Ξάρθαρος:	xšaðra		
Xse-Farnug:	xšay- η farna	’Ραβαιγ...:	rava
Ξησαάχαρος:	xšas, sāka η ar-	’Ραδάμασις:	fratama η ās
		’Ραδάμειστος,	
’Οαροξβάλακος:	varāza η bala	Radamistus:	fratama η mižda
’’Οδατις:	hu η dā-	’Ραδαμόφορτος:	fratama η puṭra
’Οδίαρδος:	od η arta	’Ραδαμσάδης:	fratama η šāti

Ῥαδάγωγος:	fraḥa и gauša	Σαύμαχος:	sava
Ῥαπάκης:	rap-	Saurmag:	syāva и arma
Rasparaganus:	spar-	Σαυρομάται:	syāva и arma(?)
Ῥάσσογος:	frasauka	Σεάυαρος:	syāva
Ῥαχοῖσακος:	raxwāy- (hvāh-) и sāka	Σεύραχος:	sava и frāk
Ῥευκάναλοι:	rauка и alyana	Σιαγός:	si-
Ῥωξανάκη:	rauxšna	Σιάουος:	syāva
Ῥωξάνη:	rauxšna	Σιαόακος:	syāva
Ῥωξολανοί:	rauxšna и aly- ana	Σιαόακεις:	syāva
Ponma:	raupāsa	Σίρακοι:	sir-
Σαγάδαρες:	sāka и dār-	Skunxa:	skunx-
Sagaris, Sagga- rius:	sāka и ar-	Σόγος:	sauka
Σαδαῖος:	sata	Σοζίρσαυος:	(Sozir и) syāva
Σαῖτοι:	xšay- (?)	Σόρχακος:	suxra
Σαιταφάρνης:	xšay- (?) и farna	Σουγδαία:	suxta
Σάκαι:	sāka	Σπαδάγας:	spāda
σακαία:	sāka	Σπάδακος:	spāda
Σάκδεος:	sāka и daiva	Σπαδίνης:	spāda
Σακεσφάρης:	šāka	Σπαργαπειθής:	sparga и paisa
σακυνδάκη:	sāka, gauna и ²taka	Σπαρόφοτος:	spar-
Σάναγος:	sana	Σταύακος:	stāv-
σάναπτις:	sana и pay-	Στοράνη:	stura
Sangibanus:	čang и bānu	Στόρμαις:	stura и mah
Σανεία:	sana (?)	Στοσάρακος:	stura и sara
Σάνων:	sana (?)	Στύρακος:	stura
σαπέρδης (вм. καпéрдης?):	kapa (и erd)	Στύρανος:	stura
Saragas:	sara и akās	Σφαρόβαις:	spar-
Σάρακος:	sara	Σώρακος:	sor-
Σαράξασος:	sara и xšaš	Σωχούβαζος:	sox (?) и bāzu
Σαράπαραι:	sara и appar- (?)	Ταβιτί:	tāp-
Σαρμάται:	см. Σαυρομάται	Τάναϊς:	dānu
Σάρον:	sara	Τάξακεις:	taka и sāka
Σαρύκη:	sara	Ταργίτας:	dargā и tava
Σαρώης:	sara	Τιργαταώ:	tigra и tava
Σαρώσιος Σαρώ- διος:	sara	Τύρας:	tura
Σατραβάτης:	xšaθra и pati	Φαδιαρόαλος:	pada и rāz-
Σατράκης:	xšaθra	Φαδίνομος:	nāma
Σαυάγασκος:	sava и akās (?)	Φαδίους:	pada
Σαύαγος:	syāva	Φαζίναμος:	nāma
Σαυάνων:	čyav- (?)	Φαλδάρανος:	pari и darana
Σαυδαράται:	syāva и dār	Φανδάραλος:	pant(i) и rāz-
		Φάραδος:	rāy-
		Φάρλιος:	farzev (pari- jiva ?)
		Φάρναγος:	farna

Φαρνάκης:	farna	Χαράξηνος:	xara и axšaina
Φαρνακίων:	farna	Χάραξτος:	xara и ašta
Φάρνης:	farna	Χοάρραρος:	xvārna
Φαρνόβαρθος:	farna и xšadra	Χοароφάδιος:	hvarz и pada
Φηδάναχος:	fedan (pati-dā- na ?)	Χόδαινος:	bu и daina
Φιδάνους:	pitā	Χοδέκιος:	xod-
Φιδας:	pitā	Χόδιος:	xauda
Φλειμναχος:	friman	Χόμευος:	hu и maiva
Φλίανος:	fri-	Χορόαθος:	hvar и vāč
Φλιμάναχος:	friman	Χορόξαθος:	hvarz и xšnāta(?)
Φόδαχος:	fud (pulaka ?)	Χορσάμαντις:	hvarz и mān-
Φοργάβαχος:	paru и gav-	Χορσάμανος:	hvarz и mān-
Φορήρανος:	paru и aryana	Chorsari:	hvar (?) и sara
Φορίαιος:	paru и yava	Χουάραζος:	xvārna
Φόρος:	fur	Χούναρος:	hunara
Φόσταχος:	pasu	Χόφαρνος:	hu и farna
Φούρτας:	puđra	Χόφρασμος:	hvar и fasm-
Φύσκη:	huska	Χάδαρλος:	hvata и aršti
		Χωδάναχος:	xod-
		Χωνδίαχος:	hvan-
Χανάκης:	hvan-		
Χάραξ:	xara	Ωευδαρτάκης:	spanta и aθr-(?)

КОММЕНТАРИИ

Как ни скуден добытый нами лексический материал (около 200 слов-основ), он не оставляет места для какой-либо ошибки или сомнения относительно языковой принадлежности разобранных имен и названий. Покойный наш коллега Н. В. Юшманов составил «Определитель языков», в который вложил немало эрудиции и остроумия. Он пытался дать перечень характернейших внешних признаков каждого языка, по которым его может определить и тот, кто не владеет им. Можно было бы говорить об «определителях» целых языковых семейств и групп. Иранская группа в своей лексике имеет достаточно яркую и своеобразную индивидуальность. Эту индивидуальность мы без труда распознаем в скифских именах и названиях. Далеко недостаточный для составления скифского словаря, наш материал больше чем достаточен как «определитель».

Известно, что в мировоззрении иранцев играли важную роль такие слова и понятия, как farna, xšadra, arta. Они мыслились как высшая, небесная сила, которая может проникать в человека и всю природу. Такие понятия отмечены у первобытных народов под названием «оренда», «мана», «вакан». О значении этих слов при образовании иранских собственных имен можно составить представление, взглянув хотя бы в *Iranisches Namenbuch* Ф. Юсти.

Многие десятки имен содержат в себе эти слова. Они встречаются не только в скифских именах. И удельный вес их именно таков, какого можно было ожидать: мы имеем *arna* в 15 именах, *xšaθra* — в 9-ти, *arta* — в 4-х. Некоторые из этих имен, как *Φαρνάκης*, *Φάρναχος*, встречаются много раз в самых различных местах, от Кубани до Днестра. К трем названным терминам, имеющим религиозный оттенок, можно присоединить из религиозной сферы *yazata* (3 имени). Возможность какой-либо ошибки здесь совершенно исключена.

Превосходным «определителем» является также широко известный иранский конь *aspa*, без которого нельзя себе мыслить иранский ономастикон. Десять скифских имен, содержащих это слово, могут удовлетворить самого взыскательного эксперта.

Иранское *dānu* 'река', сохранившееся в названиях Дона, Днепра, Днестра и Дуная, является также весьма убедительной «записью», оставленной скифами на карте Южной России.

Мы не будем останавливаться на классификации всего лексического материала, довольно пестрого по содержанию. Но стоит отметить некоторые важные группы слов, которые дошли до нас в скифских именах и названиях.

Термины родства: *pitā* 'отец', *mātā* 'мать', *puθra* 'сын', *brātā* 'брат'.

Социальные понятия: *manu* 'человек', 'мужчина', *os* 'женщина', *friman* 'друг', *arya* 'ариец', *ardār* 'повелитель', 'князь', *gasti* 'гость'.

Части тела: *sara* 'голова' (в 10 именах), *arma* 'рука', *bāzu* 'плечевая кость', 'рука', *parsu* 'бок', *gauša* 'ухо', *šarma* 'кожа', *dantā* 'зуб'.

Животные: *aspa* (см. выше), *sāka* 'олень', *arša* 'медведь', *varka* 'волк', *kuti* 'собака', *varāza* 'кабан', *vara* 'ягненок', *rasu* 'овца', *gau* 'корова', *xara* 'осел', *kapa* 'рыба'.

Растения : *yava* 'просо', *kana* 'конопля'.

Военные термины: *spāda* 'войско', *rasmā* 'отряд', *karta* 'меч', *aršti* 'копье', *druna* 'лук'.

Металлы: *zaranya* 'золото', *aspaina* (?) 'железо', *andān* 'сталь'.

Пища и напитки: *xvārna* 'пища', *ār* 'вода', *aluθ* 'пиво', *sapa* 'вино', *madu* 'мед'.

Название цвета: *syāva* 'черный' (ок. 10 имен), *auruša* 'белый', *axšaina* 'темно-синий', 'темно-серый', *bor[a]* 'желтый', *suxra* 'красный'.

Другие прилагательные: *nava* 'новый', *zarant* 'старый', *vahu* 'добрый', *stura* 'большой', *maza id.*, *hatya* 'правдивый', *karsa* 'резкий', *suxta* (*suθda*) 'чистый', 'святой' и др. Обращает на себя внимание обилие слов для понятий 'сильный', 'быстрый': *ama*, *arvant*, *ugra*, *taka*, *tura*, *tava*, *asu*. Удивлять это не должно. Сила и быстрота — залог победы в войне. А война и организация войны были, говоря словами Ф. Энгельса, нормальной функцией скифской жизни.

Числительные: aiva '1', xšaš '6', hapta '7', ašta '8', dasa '10', vinsati '20', sata '100', hazahra '1 000', baivar '10 000', 'много'.

Глаголы: ad- 'есть', āmau- 'строить', āgāz- 'направлять', 'делать', āz- 'гнать', 'убивать', 'управлять', dār- 'держат', 'носить', и пр., fri- 'любить', gauš 'слышать', kas- 'смотреть' māg- 'убивать', marz- 'мести', skunx- 'отличаться', sor- 'преследовать', spar- 'наступать', stāv- 'славить', varz- 'любить', xšau- 'сиять', 'властвовать', uār- 'достигать' и др.

Ряд важных в культурно-бытовом отношении слов распознан в скифском впервые: vāš 'слово', manu 'человек', sāka 'олень', varka 'волк', aṛša 'медведь', kuti 'собака', kara 'рыба', aluθ 'пиво', ranaka 'доска' и др.

Если учесть, что скифские племена от глубокой древности проявляли большую подвижность, весьма далеко отходили от остального иранского мира, соприкасаясь со многими народами не только азиатского, но и европейского круга, то можно утверждать с уверенностью, что в их языке должно было выработаться с течением времени много своеобразного, отличного от других иранских языков. Позволяют ли скифские имена подметить это своеобразие? В той мере, в какой это можно ожидать от столь ограниченного по объему и характеру материала, — да, позволяют.

Отрыв от остального иранского мира и общение со множеством неиранских племен: финских, славянских, германских, фракийских, кавказских и, может быть, других, о которых мы не знаем, объясняет прежде всего, почему значительный процент скифских собственных имен не удастся все же объяснить из иранского.

Но и в разъясненной части скифская лексика включает много оригинального отличного от «классических» иранских языков, авестийского и персидского. Вот несколько наблюдений и предположений. В значении «человек», «мужчина» скиф не знал, по-видимому, хорошо известного другим иранским языкам matya и употреблял manu, смыкаясь в этом отношении со славянскими и германскими языками ⁸. В других диалектах было в ходу слово viga. В осетинском слово manu удержалось в значении 'муж' mojnæ, тогда как в значении 'человек' закрепилось кавказское læg.

В значении 'рука' находим arma (ос. arm), bāzu (bazug), но никаких следов авест. zasta-.

'Собака' называлась, во всяком случае в некоторых диалектах, не spaṇ или spaka, а kuti (ягноб. kut, ос. kuž) ⁹.

'Рыбу' скифы называли не masya, а kara (ос. kæf).

⁸ Поэтому элемент mat- в финских языках и этнонимике (коми *морт* 'человек', удмурт, мордва и пр.) следует, вероятно, считать усвоенным еще в доскифские времена.

⁹ Вопрос о том, когда усвоено русск. *собака*, остается, таким образом, открытым.

Сами себя скифы называли *Sāka*. Это слово, как мы думаем, означало 'олень' (ос. *sag* 'олень'). Оно встречается в названии скифской одежды *σχιυδάκη*, что должно значить 'одежда из оленьей шерсти'. В других иранских языках *sāka* 'олень' не встречается, но по происхождению оно кажется арийским, означавшим 'сохатый'. *Sāka*, *sāg* 'олень' повторяется в других скифо-сарматских племенных названиях: *Zaxātai*, *Matasaxētai*, *Θοσασχέται*, *Σαχάδης*. Роль оленя в скифской этнонимике и ономастике, связанная, очевидно, с тотемистическими воззрениями этого народа, представляет один из важных результатов нашего разбора. Оленю, как тотему скифов, мы надеемся посвятить особую работу.

'Сталь' носила загадочное название *andān*. Это слово встречается в столь различных языках, как финские, осетинский, кавказские.

Два скифских алкогольных напитков вместе с их названиями не имеют также древнеиранских параллелей: *aluð* 'пиво' (ос. *aluton*) и *sana* 'вино' (ос. *sænæ*). Северноевропейское название пива хорошо известно: ст. англ. *alu*, *aluð*-, ст. слав. *олъ*, лит. *alus*, фин. *olut*. Скифская форма всего ближе к восстанавливаемой древнегерманской **alut*. Возможно, что мы имеем старое заимствование из готского. Но возможно и обратное: заимствование из скифского в северноевропейские языки. Таким путем прошли на север Европы ряд других слов [Brøndal 1928, 1—31].

Название вина *sana* далеко не ясно по происхождению. Опираясь на скифское *σάνατις* 'винопицца' (Гесихий) и, с другой стороны, на осетинское *sænæ*, можно быть уверенным, что это слово было в скифском. Но наряду с этим у древних авторов есть указание, что фракийцы называли вино этим же словом (см. Латышев, *Scythica* I, с. 854). Не заимствовали ли скифы это слово у фракийцев, которые по географическому положению должны были лучше быть знакомы с вином и винодельческим делом?

Сама Скифия представлялась древним грекам родиной важного культурного растения, конопли. Древнегреческое название конопли *χάνναβις* с его многочисленными разновидностями в языках Европы и Передней Азии, представляет скрещение двух элементов, из которых по крайней мере первый (*kan*) может быть назван скифским (ос. *gæn*).

Слово *yava* в других арийских языках означает 'ячмень'. Для скифского даем значение 'просо', опираясь, с одной стороны, на осетинский язык, с другой — на осетинские предания, по которым в старину культура проса преобладала над всеми другими. К тому же на территории, населенной скифами, культура ячменя никогда не имела серьезного значения.

Мы видим обычно, что там, где скифский язык оказывается оригинальным и противостоит другим известным иранским языкам, он смыкается с осетинским.

Для 'реки' мы находим в скифском малоупотребительное в других иранских языках *dānu* (ос. *don*), тогда как широко

распространенное на юге и востоке Ирана *gauda* не оставило, по-видимому, никакого следа.

Другим, уже совершенно оригинальным названием для 'реки' было *porata*, закрепившееся в древности за Прутом, а в осетинском сохранившееся в нарицательном значении: *ford* 'большая река', 'море'.

Такие слова, как *zarant* 'старый', *frasauka* 'чистый', хотя и относятся к общеиранскому фонду, особенно характерны для осетинского (*zarənd*, *gəsog*). Значение 'доска' для *rapaka* устанавливается на основе осетинского *fæjnæg*, как и значение 'небо' для *avta* (ос. *avv*).

Ярким примером лексического единства скифского и осетинского мы считаем скиф. *ardār* — ос. *ærdar* 'князь'. В иранском характере этого слова сомневаться не приходится, но в других иранских языках оно не встречается. И когда мы узнаем, что несколько граждан Танаиды носили имя 'Ардарос', то становится понятным и то, что река, у которой жили эти Ардары, носила одинаковое название с реками современной Осетии — Дон. Названия пива (*aluð*) и вина (*sana*), о которых мы выше говорили, также свидетельствуют о тесной и непрерывной связи и приемственности скифского и осетинского.

В некоторых случаях осетинский унаследовал от скифского не только отдельные лексические элементы, но и целые их комбинации — сложные слова:

'Ασποῦρος = ос. *æisurg* 'легендарный конь' (из *aspa-ugra*);

Σαυδάραται 'племя' = ос. *sawdar* 'одетый в черное';

Παρτάναχος = ос. *fæjnægars* 'крепкобокий' (с перестановкой частей) и др.

В названии Днепра Δάναρις и в имени одного из легендарных родоначальников скифов Ἀρτό-ξαις мы находим осетинское слово *arĭ* (из *ārga*, *āgra*) 'глубокий', в других иранских языках не отмеченное.

Весьма любопытно, что среди скифских личных имен мы встречаем такие, которые совпадают с именами героев в древних эпических песнях осетинского народа, известных под названием нартовских сказаний. Таковы:

скиф. Ἀταρῆας (Горгиппия, Кубань) = ос. *Asæthæz* 'чудесный певец нартовских сказаний';

скиф. [Οἱ]ἀράζμαχος в Δαναράζμαχος (Танаида) = ос. *Wægæzmæg* 'один из главных героев нартовского эпоса'; скиф. Ἐάρδανος (Танаида), Σαρῆτης (Арриан) = ос. *Xsægæg* (суф. -an и -ag чередуются) 'нартовский герой, родоначальник сильнейшей нартовской фамилии';

скиф. Ζεῖαχος (Танаида) = ос. *Zevæg* 'нартовский герой' (букв. 'ленивый');

скиф. Σοῖρζανος (Танаида) 'смуглый Созир', ср. 'смуглый Созирко' в нартовских сказаниях (Созирко — кабардинизация имени Созир);

скиф. Βόρος, Βόραχος (Горгиппия), ср. ос. Вогæ в нартовской фамилии Вогæ-тæ и в имени Вогæ-Фæгнуг.

скиф. Φάρναύρος, Φάρναχος (многократно), ср. ос. Вогæ-Фæгнуг 'один из героев нартовского эпоса'.

Δύος 'один из скифских родоначальников, дед Анахарсиса' (Геродот) представляет перевод на греческий язык местного имени Varka 'волк' = ос. Wærxæg 'родоначальник Нартов', в староосетинском 'волк'.

За параллелями к скифским именам приходится обращаться к нартовским сказаниям, которые по древности конкурируют с ними. Что касается современного живого осетинского ономастического, то он подвергся влияниям христианским, мусульманским, тюркским, кавказским и другим, и скифского осталось в нем мало. Все же некоторые разительные совпадения имеются, и их стоит отметить:

Ζαρίνα 'скифская царица' = ос. Zærinæ — женское имя, букв. 'золотая';

Βάδχος (Ο) = ос. Badæg — мужское имя, букв. 'сидящий';

Νάβαχος = ос. Næwæg — мужское имя, букв. 'новый';

Χώδαρος (Ο) = ос. Xwædarc 'снабженный копьем' в фамильном имени Xædarc-atæ;

Κουῶτος (Ο), ср. ос. мужские имена Kuṣa и Kuṣæg от kuz 'собака'.

Если на нашем материале мы видим прямую преемственность от скифского к осетинскому, то несомненно, с другой стороны, что в лексике осетинского языка с течением времени должно было утратиться много старого, скифского и появиться много нового, главным образом в результате смешения и под влиянием соседних кавказских языков. Некоторые из этих перемен прослеживаются при сопоставлении осетинских фактов с тем небольшим лексическим материалом, который дают нам скифские имена.

Иранское шапу в значении 'человек', 'мужчина' оказалось вытесненным кавказским læg; старое шапу удержалось только в значении 'муж' (mojnæ).

Иранское fratama (→ radam) в значении 'первый' вытеснено новым образованием fissaḡ, от fiṇzæ 'нос', по всей видимости кавказского происхождения.

Иранское aspa 'лошадь' удержалось только в более узком значении 'кобыла' (æfsæ), тогда как 'лошадь' вообще получила кавказское наименование бæх.

Из двух иранских слов для понятия 'еды' хвар- и ad-, которые мы распознаем в скифском, осетинский удержал только первый.

Иранское vahu 'хороший' вытеснено другим, тоже иранским xorz/xwarz.

Такие скифские слова как baxta 'счастье', maza 'великий', tura 'быстрый', varāza 'кабан' и некоторые другие не оставили, по-видимому, в осетинском никакого следа.

В другом месте стоило бы остановиться подробнее на скифских именах с точки зрения того, как и почему даются те или иные имена, иначе говоря — с точки зрения их культурного содержания. Здесь мы скажем об этом лишь пару слов.

Насколько мы можем судить, прежние исследователи (Мюлленгоф, Юсти, Вс. Миллер, и др.) при разъяснении скифских имен совершенно не считались с этой стороной дела и были озабочены только подбором сходных по звучанию слов, не задаваясь вопросом, мог ли данный народ в тех условиях давать такие имена. Отсюда множество чрезвычайно искусственных объяснений, основанных на произвольных и отвлеченных манипуляциях словами и понятиями, без учета эпохи, культурного уровня, путей мышления; не видно, чтобы у авторов явилась мысль о том, что собственные имена могут быть выражением определенного, исторически обусловленного жизненного уклада и мировоззрения.

Могут возразить, что мы слишком мало знаем об укладе жизни носителей рассматриваемых имен. Не совсем так. Ценнейшие описания и сведения Геродота, Страбона, Аммиана Марцеллина и других древних авторов дают достаточно живую картину быта и общественного строя скифов, савроматов (сарматов), массагетов, алан. Родо-племенной быт с пережитками матриархата (савроматы), военная демократия — вот как рисуется этот строй в переводе на современную терминологию. Это примерно — строй маргановских прокезов. Не случайно те и другие имели один жестокий обычай: скальпировать врагов. Мы вправе ожидать, что в скифских именах, в их «идеосемантике», будет много общего с именами прокезов и других народов, стоящих на том же уровне развития.

Культурные влияния, которым подвергались скифы в греческих колониях, не могли быть настолько глубокими, чтобы искоренить унаследованные обычаи и воззрения. Тотемизм, мифологические представления, вера в магическую силу имени, воинственные наклонности — вот что должно отразиться и отражается в собственных именах народов на этой ранней исторической стадии. И все это мы действительно находим в скифских именах. 'Волк', 'Кабан', 'Олень', 'Вестник солнца', 'Месяц', 'Многоконный', 'Многолучный', 'Крепкобокий', 'Железнорукий', 'Копьеносец', 'Мужеубийца', 'Истребитель волков', 'Пронзающий оленя' и т. п. — таковы наудачу взятые скифские имена.

Многократно встречающиеся в именах понятия *faḡna*, *arta*, *xšaḡra*, *vāš*, с которыми связывалось представление о какой-то возвышенной, всепроникающей, но трудно определяемой силе, стоят в несомненной близости к аналогичным понятиям меланезийцев, индейцев и других первобытных народов, отмеченным в этнологической литературе под названием 'мана', 'оренда', 'вакан' и др.

Мы позволяем себе думать, что в нашей интерпретации скифский ономастикон приобрел себе черты некоторого единства

и внутренней цельности, недостаток чего воспринимается как существенный минус старых толкований. Отсутствие стадияльной цельности подрывает доверие к исторической реальности предлагаемых объяснений, а потому ставит под сомнение и лингвистические предпосылки этих объяснений. В личных именах, как и в других фактах языка, отражается конкретная историческая действительность и определенное мышление, свойственное данному состоянию общества. Эта элементарная для нас истина совершенно игнорировалась прежними толкователями скифских имен, сводившими свою задачу лишь к подысканию внешне созвучных слов из других языков, мало заботясь о том, отвечает ли семантика этих слов реалиям и мировоззрению скифской эпохи.

На одном примере можно иллюстрировать разницу между нашим подходом и подходом наших предшественников: на разъяснении имени скифского вождя и царя Τάξαις (Геродот). Юсти и Вс. Миллер переводят его 'плотник' (др.-инд. takṣaka). При этом даже не ставится вопрос, могли ли существовать у кочевников-скифов профессиональные плотники. Мы переводим 'Быстрый Олень' (tak-sāka). Мы думаем, что 'Плотник' — мало подходящее имя для вождя воинственного племени, снимающего скальпы с врагов. Ни один индейский вождь, насколько мы знаем, не назывался 'Плотником'.

Полученные до сих пор результаты в разборе скифских имен и названий нельзя, разумеется, считать окончательными. Дальнейшие исследования могут пополнить наш «словарь», а также внести поправки в некоторые разъяснения. Однако, мы думаем, что уже сейчас создана база для того нового этапа в разработке скифских языковых памятников, о котором мы говорили в начале настоящей работы: для перехода от споров о языковой принадлежности скифов и сарматов к опытам систематизации лексических и грамматических фактов. Нижеследующие главы так же мало претендуют на название «скифской грамматики», как наш лексический перечень на название «скифского словаря». Немного фонетики, немного словообразования — вот все, что можно пока извлечь из материала. Однако, когда речь идет о языке, имеющем до сих пор репутацию чего-то дискуссионного, темного и загадочного, даже эти рудименты грамматики могут представить интерес.

ФОНЕТИКА

Восстановить звуковой состав скифской речи, имея перед глазами только скифские имена и названия в греческой и латинской записи, совершенно невозможно: слишком неточна и несовершенна передача скифских звуков греческими и латинскими знаками. Необходимо привлечь данные иранского языкознания,

в первую голову древнеиранских языков и осетинского. Опираясь на эти данные, можно представить исходное состояние скифской фонетики древнейшего периода в следующем виде: гласные — а, ā, i, u, ai (→ e), au (→ o); согласные — k, g, x, č, j (ǰ), t, d, θ, p, b, f, m, n, r, y, v, s, š, z, ž, h.

Достаточно сравнить этот состав звуков с греческим (и латинским) алфавитом, чтобы было ясно, насколько приближенной и неточной оказывалась по необходимости передача скифских слов греко-латинскими авторами и древними писцами из припонтийских греческих колоний.

Рассмотрим, как отразилось в дошедшем до нас скифском материале первоначальное состояние, а также позднейшая эволюция звуков скифской речи.

Г л а с н ы е /a/, /ā/. Имеются все основания думать, что краткое и долгое а различались в скифском. Фонематическое (смыслоразличительное) значение противопоставления исходных а и ā весьма велико на протяжении всей истории иранских языков. В осетинском старое количественное различие перешло в качественное: гласный а дал более закрытый и более передний гласный æ, как бы средний между /a/ и /e/, /ā/ дал открытый /a/. К сожалению это фундаментальное различие не передается греческой (и латинской) записью. Встречая, например, в скифских именах элемент saw (сх), мы не знаем подчас, скрывается ли за ним suāva 'черный' (ос. saw) или sava 'утро' (ос. sæw-). Единичные случаи передачи скифского а через ε или α¹ указывают, быть может, на наметившееся продвижение краткого а в сторону е, как в осетинском: напр., *ἐνάρεις* = др.-иран. *anarya*, *Σεβράχος* = ос. *sæwtag* 'утренний', *Πάτακος* = ос. *fætæg*, *Ῥαββαί*... = ос. *gæwæg* и др. В *Ἰεῦδαρος*, *Ἰεῦδαρος* (к др.-иран. *yazata*) переход а в е следует объяснять влиянием предшествующего /i/; этот процесс ассимиляции привел в дальнейшем к осетинскому *iæd*.

Гласный ā перед носовыми перешел в осетинском в о. Случилось это, по-видимому, не очень давно: осетинские заимствования в венгерском, балкарском, карачаевском, сванском, абхазском чужды этому переходу. Тем более трудно допускать его в скифский период. Действительно, в нашем «словаре», под словами *dānu* 'река' (ос. *don*), *andān* 'сталь', (ос. *ændon*), *zarant* 'старый' (ос. *zæronð*), *manu* 'человек', 'муж' (ос. *mojnæ*), *nāma* 'имя', (ос. *nom*) и др. мы видим неизменное сохранение а: *Δάναρις*, *Τάνας*, *Ζάρανδος*, *Νάρητος* и пр. Если наряду с этим, мы встречаем в некоторых иранских по виду именах ω или о перед носовыми, напр. *Ῥαδάωον*, *Ῥαδάωον*, *Σαυίωον*, то здесь надо видеть либо ограниченное диалектальное явление, либо неточное написание.

Г л а с н ы е /i/, /u/. Различение количества этих гласных уже в древнеиранском имело второстепенное значение. В осетинском оно не оставило никакого следа. Поэтому мы игнорируем его и для скифского.

В дигорском диалекте гласные /i/, и сохранились нерушимо от древнеиранского периода. В иронском они слились в один гласный неполного образования у (ə). Скифский смыкается здесь, как и в других случаях, с дигорским.

Передача скифского /i/ в эпиграфических припонтийских памятниках двоякая:

через ι: Ἰνσάχατος, стар. ос. insæʒ, др.-иран. vinsati, Φίδας = ос. fidæ, др.-иран. pitā;

через ει: Λείμανος = ос. liman (но ср. Λίμναχος от этого же слова); μείστος (в Ῥαδάμείστος) = ос. mizdæ, др.-иран. mižda.

Передача скифского /i/ через η, которую допускают Вс. Миллер [1913, 80] и М. Фасмер [Vasmer 1924, 368], для нас не очевидна. Имя Νάρκητος действительно соответствует осетинскому pomgin «именитый», но суф. -gin восходит, как кажется, к др.-иран. -kaina и в скифскую эпоху всего вероятнее звучал -gen, а не -gin; ср. Κηνέταρος = др.-иран. kaina-xšaθra. Первые признаки смещения η и ι в аттических надписях отмечаются с середины II в. н. э. Однако широкое распространение этого явления относится к значительно более позднему времени. В переводе библии на готский язык (IV в.) η передается преимущественно через ē, ai и ei через ei. В армянском в V в. η передается через e в 28 случаях, а через i только в шести. В Малой Азии и в понтийско-греческом различие η и ι удерживалось значительно дольше, чем в самой Греции [Sturtevant 1940, 37—38]. Нет поэтому достаточных оснований для допущения, что в скифских именах и словах η передает i. Передача i через η характерна для византийской эпохи, как мы видим, например, в зеленчукской аланской надписи.

Гласный u передается трояко:

через ου: Φούρτας = ос. furt, др.-иран. puθra; Ἀστούργος = ос. ælsurg ælsorg; Ζουρδαία = ос. suǰdæg; Κουζαίος = ос. kuʒ; Ἀλούδαγος к ос. æluton;

через ο: Ζόρχακος = ос. surx, др.-иран. suxra; Ζτοράνη, Ζτο(ρ)-σάρακος, Ζτόρμας к ос. stur; др.-иран. stura; Ἀρδόναστος к ос. ærdun, др.-иран. druna;

через υ: Ζτόρακος (ср. Ζτόρανη) к stur; Ματούχεται к ос. mælux, др.-иран. matuka; Вс. Миллер полагает, что в последних случаях скифский гласный приближался к у (ə) иронского диалекта [Миллер 1913, 89].

Д и ф т о н г и ai, au. В истории этих дифтонгов наблюдается закономерность, прослеживаемая в ряде иранских языков: вслед за первоначальным дифтонгальным состоянием, представленным в Авесте и древнеперсидском, наступает стяжение ai в ē, au в ō, («среднеиранское» состояние), после чего возможно еще эвентуальное сужение ē в ī, ō в ū. Дигорский диалект осетинского языка отражает вторую ступень (e, o), иронский диалект — третью (i, u). В положении перед n старые дифтонги сужаются обычно в i, u: zærinæ 'золото' (из zaganuа → zagina), ġun 'шерсть' (из gauna).

Какова картина в скифском? Учитывая большой период, охватываемый нашим материалом, мы можем ожидать, что в нем окажутся представленными не одна, а несколько ступеней развития иранских звуков, в том числе и дифтонгов. Так оно и есть в действительности. В *Καινάξαθος* (др.-иран. *kainaxšaθra*), (*Πόντος*) **Αἰεῖνος*, **Αορσοί* (др.-иран. *auguša*), перед нами, как можно думать, еще старые дифтонги *ai* и *au*. Но эти же слова (*kaina*, *axšaina*, *auguša*) встречаются в иной форме: *κην-* (в *Κηνέξαθος*), *αἰην-* (в *Χαρῆθης*) и *ορσ-* (в **Αλανορσοί*). Вполне возможно, что стяженные (*ai*, *au*) и стяженные (*ē*, *ō*) формы существовали некоторое время параллельно, как, например, в современном осетинском уживаются рядом *pæwæg* и *rog* 'новый', *gæwæg* и *rog* 'легкий'. Убедительным доказательством того, что не только *ai*, но и *ei* могли произноситься дифтонгально, служат скифские **Αφθαίμακος* и **Αφθείμακος*, которые нельзя, очевидно, отделять от ос. *ævdæj-mag* 'седьмой'¹⁰.

Скифские *ē* и *ō*, вышедшие из дифтонгов *ai* и *au*, передаются соответственно через *η*, *ε* и *ω*, *ο*:

Κηνέξαθος (см. выше); *Χαρῆθης* (см. выше); *Μεόακος* = *maivaka*, ср. ос. *mewæ*.

Γόσακος = *gaušaka* = ос. *gōšæg*; *Ρωξάνη* к др.-иран. *rauxšna*, ос. *roxš*; сюда же *Ρωξολανοί* = ос. *roxš-allon* и *Ρωξανίκη*; *Ράσσακος* = *rasauka* = ос. *gæsog*; *ορσοί* = *auguša* = ос. *ors*.

Многочисленными другими примерами можно было бы иллюстрировать пестроту и непоследовательность в передаче скифского вокализма греческими знаками. Что здесь следует отнести за счет диалектальной пестроты самой скифской речи и что за счет ошибок и неточности писцов, — сейчас трудно установить. По всей вероятности, имело место и то и другое.

В передаче согласных мы видим примерно такую же картину.

Лишь в отношении *k* (κ), *x* (χ), *d* (δ), *p* (π), *f* (φ), *m* (μ), *n* (ν), *ɾ* (ρ) можно чувствовать себя на твердой почве¹¹. В отношении всех остальных согласных греческая передача обычно оставляет место для тех или иных сомнений и неясностей.

Согласные *g* и *ǵ* могли передаваться только одним знаком γ. Поэтому мы не можем установить, совершился ли уже в скифское время переход всех старых *g* в *ǵ*, как это мы видим в дигорском диалекте осетинского языка; следует ли, скажем, имя *Γόσακος* произносить *gōsak* или *ǵōsak* и т. п.

¹⁰ Стяжение дифтонга *ai* в *ē* и *ei* в I началось в аттическом во II в. до н. э. и широко распространилось ко II в. н. э. [см. Lejeune 1948, 199—200; Sturtevant 1940, 40, 41, 49, 50]. Однако в греческих колониях северного Причерноморья фонетические процессы могли значительно запаздывать по сравнению с метрополией.

¹¹ Наблюдается, впрочем, колебание при передаче скифского *x(h)*; см. ниже, стр. 329.

Пытаясь представить себя в положении писцов, выписывавших «варварские имена» греческим письмом, можно предполагать, что больше всего неприятностей причиняли им аффрикаты *č*, *j*, чуждые, как известно, греческому (и латинскому) языку. На нашем материале распознаются пять способов передачи аффриката *č*: *τ*, *θ*, *θι*, *σ*, *ζ*.

Передача через *τ*: 'Αταράζας = ос. Asætæz (из Wācamaz)? «нартowskiй герой»; этот случай, благодаря тому, что имя целиком сохранилось в нартском эпосе, является совершенно надежным и позволяет расшифровать имя аланского божества Οβαταράνης как Wācāfarna. Уместно напомнить, что и в древнеперсидских именах *č* передается нередко через *τ*: Cissafarna — Τισσαφέρνης, Cīθratahma — Τριτανταίχρης, Cīspī — Τείσπης и др.

Передача через *θ*: Χοράδος = ос. xor-wac (hʷar-vāč) 'вестник солнца'; ср. такую передачу у Геродота: 'Ασπιδίνης = др.-перс. Aspačana.

Передача через *θι*: Θιάρμακος = čarmak, Θιάβωρος = ос. sæwæg 'ходок'? Θιάγρος = ос. saġar 'раб'? Из этих примеров первый во всяком случае надо считать бесспорным.

Передача через *σ*: 'Ανάχαρις = anaxvarci (из anaxvarti с переходом *ti* → *ci* как в осетинском) 'невредимый' (?); Σαύανων = ос. sawænon 'охотник' (?); Sangibanus = стар. ос. čangi-ban = ос. congibon 'сила длани' (?). Хотя в приведенных примерах анализ нельзя считать окончательным, однако, самая возможность передачи *č* через *σ* (*s*) вряд ли возбудит сомнения; ср. у Геродота Μεγασίδρας = др.-иран. Bagačīθra.

Передача через *ζ*: Ζάβαρος = ос. sæwæg, zæwæg 'ходок' (к čyav- 'идти'), Οβαχζάχος = vahu-vāča-ka, Καρζάδος = ос. karz-wac (kar-savāč) в этих примерах старое *č* имело, возможно, тенденцию к озвончению и, стало быть, *ζ* передает здесь не глухой *č*, а звонкий (или полувзвонкий) *j* (*ž*); ср. в осетинском рядом с *was* косвенный падеж *wažæp* (*wažæp altæ akænync* 'поговорка гласит'), а также слова *waž-imis* 'поэт', 'сочинитель' и *Waž-æftawæ* — женское имя в нартских сказаниях. Однако возможность соответствия *č* = *ζ* также не исключена, ср., например, пехл. *patbāč* — *potiβačis*.

Как видит читатель, наши соображения о передаче аффриката *č* основаны в значительной части на слове *vāč*. Это слово не было распознано в скифских именах нашими предшественниками. Для нас его существование в скифском представляется несомненным. Нашу уверенность мы черпаем в фактах осетинского языка. Важнейшие христианские 'святые' снабжены в осетинском эпитетом *Was*: *Was-Gergi*, *Was-Illa*, *Was-Totur*, *Was-Nikkola*. Это говорит о том, что в дохристианской Осетии *was* был одним из главнейших культовых понятий. Такое понятие имело все данные входить в состав личных собственных имен в дохристианскую эпоху. И действительно в замечательном народно-эпическом памятнике, восходящем к этой эпохе, мы находим два женских

имени Waciroxs 'Свет Was'a' и Wazæftawæ 'Умножающая Was' и название чудесной чаши Wacamongæ¹².

Эти примеры показывают, что was означал не только 'слово', но некую высшую 'божественную' силу, наряду с farna, arta, роль которых в иранском ономастиконе известна. В нартовском сказании «Песнь об Адамазе» говорится, что от небожителей исходит wasæ goxs 'свет Was'a' [Абаев 1939, 57]. Ясно, что значение 'слово' для was недостаточно. Was имел прямое и тесное отношение к тому, что мы называем 'религиозным'. Это был не λόγος с маленькой буквы, а Логос с большой. Вот почему мы считаем, что аланское божество Οὐαταφάρνης есть Vāsa-farna, ос. Wasæ-farn¹³. Возникает мысль, что 'христианские' названия Was-Illa, Was-Gergi и т. п. построены по готовым образцам названий дохристианских божеств типа Wasæ-Farn = Οὐαταφάρνης.

Принимая во внимание, что фонетические и палеографические данные не препятствуют видеть слово vāš во всех тех скифских именах, где мы его усматриваем, кажется, что, введя это слово в скифский лексикон, мы не совершили ошибки.

Возвращаясь к скифским аффрикатам, мы должны отметить, что греческое письмо совершенно маскирует еще одно важное различие: между шипящими (č, ž) и свистящими (с, з) аффрикатами. Поэтому из скифского материала нельзя извлечь ничего положительного для решения вопроса о происхождении и датировке осетинского цоканья. Известно, что в осетинском (кроме некоторых говоров) старые č, j (ž) заменились с, з. Произошел ли этот переход уже в скифскую эпоху? Не известно. Все знаки, которые служили для передачи č (τ, θ, θι, σ, ζ), могли передавать также с. Осетинские заимствования в соседних кавказских языках указывают на цоканье. Поэтому кажется, что современное осетинское цоканье — явление не очень древнее и, во всяком случае, не может восходить к скифским временам. Лишь в тех случаях, где аффрикат вышел из ti, мы можем предполагать с (з), а не č (ž): tsač=ос. *insæž (из vinsati) в Ἰσαζαγος, арз=ос. arc (из aršti) 'копье', в Χώδαρζος, αζιαγ=ос. æsæg (из hatyaka). В Κοζαίος (от kuti) можно, в согласии с осетинским kuз, предполагать звонкий з, как и в Ἰσαζαγος.

С о г л а с н ы е t и θ. Различались ли эти согласные в скифском, как они различались, скажем, в авестийском или древнеперсидском? Обращаясь к современному осетинскому, мы устанавливаем, что t в словах, например tæts- 'бояться' и factæp

¹² В Авесте vāš входит также в состав имен двух легендарных женщин, сестер родоначальника людей Имы: Etenaθas и Savañhavaθ (Yt. 5, 34; 9. 14).

¹³ Вс. Миллер видел в первой части ос. wat 'комната' ('бог комнаты'). Не говоря о том, что слово wat не прослеживается в скифо-сарматском, непонятно, о каком «комнатном» божестве могла быть речь у кочевого или полукочевого народа, для которого, по словам Аммиана Марцеллина, повозка была домом и «родиной».

‘широкий’, звучит совершенно одинаково, хотя первый восходит к др.-иран. *t*, а второй к др.-иран. *ð*. Однако перенести это состояние на скифский период и утверждать, что уже тогда эти согласные совпадали, было бы ошибкой. Петрудно доказать, что различие древнеиранских *t* и *ð* имело место в осетинском, но утрачено. Об этом говорит их различная судьба в Inlaut’e после сонорных. Старый *t* в этом положении озвончается (*madæ*, *ard*, *mard* из *mātā*, *arta*, *maṛta*), тогда как *ð* остается глухим (*fætæn*, *art*, *furt* из *raðana*, *āṛg-*, *ruðga*). Эта различная историческая судьба была бы необъяснима, если бы в древнеосетинский период между двумя согласными не было качественной разницы. Поэтому в восстанавливаемых нами скифских формах мы неизменно проводим это различие. Поэтому, например, скифское название пива мы восстанавливаем в виде *aluθ*, а не *alut*: в последнем случае в осетинском было бы *æludon*, а не *æluton*, как есть в действительности¹⁴.

Отражено ли различие *t* и *ð* в скифских именах, записанных греческим письмом? Наличие в греческом двух знаков, *τ* и *θ*, открывало для этого полную возможность. Картина, которую мы находили, лишь отчасти отвечает нашим ожиданиям. В слове *χθαῖγα* (ос. *xsart*) в восьми случаях стоит *θ*: *ἑαρθ* и лишь в двух *τ*: *Ἐάρταρος*, *Σαρτίτης*. Но в слове *ruðga* в двух более древних по форме (сохранение *r* без перехода в *f*) и по датировке свидетельствах из Ольвии стоит *θ*: *Πορθίτης* и *Πορθαῖος*, тогда как в двух более новых по форме (переход *r*—*f*) и по датировке случаях из Танаиды стоит *τ*: *Φορτας* и *Ραδρφόφορτος*. Не говорит ли это о том, что на почве Танаиды в этот период (III в.) уже определилось то состояние, которое мы застаем в осетинском: утрата различия между старым *t* и *ð*? И не этим ли объясняется, что в надписях из той же Танаиды мы встречаем обратные случаи: написание *θ* там, где следовало ожидать *τ*, например *Αφθαίρακος* = *hapta-ma-ka*?

Греческий *τ* мог передавать не только скифские *t* и *ð*, но в отдельных случаях и скифский *d*, в пользу этого говорят *Τάλας* (см. *dānu*) и *Ταρτίτης* (см. *darğa*).

П о л у г л а с н ы й в. Передается разнообразно — через *ou*, *o*, *β*, *υ* (после гласного). Группы *vā*, *va* могут принимать вид *oua*, *oa*, *ω*, *o*, *βα*. Примеры см. под словами *vāč*, *vahu*, *van-*, *vaga*, *varāza*, *varka*, *vagu*, *vārz-*, *syāva*, *sava*, *nāv*, *nava*.

В скифском уже намечилось одно характерное для осетинского явление: отпадение *v* в начале, а также внутри слова. Однако ни в осетинском, ни в скифском оно не имеет силы абсолютного закона. Перед гласным *i* неохотно терпелся *v*: др.-иран. *vin-sati*—скиф. *Ἰνιάτης* — стар.-ос. *insæz* — ос. *insæj yssæz*. Однако, в слове ос. *winun* ‘смотреть’ старый *v* удержался. Перед гласными *a*, *ā* старый *v* отпадал лишь спорадически: *Asiroxs* рядом с *Wasiroxs* ‘женское имя’, *Asamongæ* рядом с *Wasamongæ* ‘название

¹⁴ На этот раз и греческая передача поддерживает форму *aluθ*: *Ἀλού-θαρος*.

чудесной чаши', агул из *var- 'находить' и несколько других случаев. Эти случаи дают нам право восстановить ос. Asætæz = скиф. Ἀταράζας в waša-maza, а скиф. Δαναρῆζμοχος в Dan-Varazmak. Для последнего случая ср. ос. hunat 'место' из hun-wat, fudag из fud-wag, скиф. Φόδαχος.

Серьезным дефектом греческой (и латинской) графики с точки зрения обозначения скифских звуков было неразличение звуков s и š, а также z и ž. В современном осетинском старые s и š (а также z и ž) совпали в одном сибиллянте, который в различных диалектах приближается то к s (z), то к š (ž). Определилось ли это совпадение зубных и палатальных сибиллянтов уже в скифском или там они еще различались? Было ли, скажем, различие в значении σ в Μάστας (др.-иран. masta, ос. mast) и Ἀρόναστος (др.-иран. ašta, ос. ast)? На этот вопрос греческая графика не дает ответа.

Древнеиранский h удержался в осетинском только в положении перед i, u и в сочетании hv. В других положениях он исчез. На нашем материале можно видеть, что произошло это еще в скифскую эпоху. Приставка ham- в скифских именах звучит am-: Ambazuk, Ἀμβάζωτος и др.; haiya дало atya, асуа: Ἀτέας, Ἀζιάγος; hapta — aft, avd: Ἀφθαίμαχος, Ἀρόφθα.

В положении перед i, u старый h «сгустился» в осетинском в x; соответственно в скифском находим χ: др.-иран. hu- — скиф. χο- (χόβαρος, χόμενος и др.), др.-иран. vahu — скиф. βαχ-, οαχ-, οχ-, (Ἀρστροάχος, Ὀχσαρζάντης и др.). Однако в нескольких надежных случаях h (χ) перед u отсутствует, то ли потому, что он не был воспринят записывающим, то ли потому, что была допущена ошибка: Ὀύστανος = hu-slāna, Ὀδάτις = hu-dātā, Ὀμβηνωαρος = hum-bevar. Сочетание hvā (xvā) является в виде χοα, χοα, χω, χο (χοάρταρος, χοωάρσαος, χωδαρζος). В названии солнца скифский вместе с осетинским дает хог в соответствие древнеиранскому hvar.

Приводимый ниже материал дает представление о том, какие скифские звуки могут скрываться за греческими знаками ¹⁵:

α — ā, a,	μ — m
αι — ai, e	ν — n
β — b, v (w)	ξ — xś, xs, kś, ks
γ — g, ġ	ο — o, u, v, (w), va
δ — d	ου — u, v (w)
ε — e, a, i (y)	π — p, b
ει — i, ai	ρ — r
ζ — z, ž, ž, (dz), j(dž), c, č,	σ — s, š, z, ě
η — e, (i?)	τ — t, d, č

¹⁵ Мы опускаем единичные, неправдоподобные с фонетической и палеографической стороны соответствия, в которых можно предполагать ошибки, описки или неточное восприятие писцов или, наконец, «эллинизацию» скифских сочетаний.

ð — ð, t	u — u, v, (w)
ðt — č, (c ?)	φ — f
i — i, y	χ — x, h
x — k, x (в исходе) g	ψ — fs
λ — l	ω — o, u (?), va, vā

Звуковая форма скифских слов, как мы их находим в эпиграфических и иных источниках, не совпадает уже с тем «праскифским» состоянием, которое мы пытались восстановить в нашем «лексиконе». Ко времени, когда были зафиксированы скифские имена и названия, язык успел проделать известную фонетическую эволюцию, выявив ряд фонетических тенденций и процессов, определивших звуковую индивидуальность скифского языка среди других иранских языков. Как показали Вс. Миллер¹⁶ и М. Фасмер¹⁷, эти тенденции и процессы совпадают с теми, которые характерны для осетинского языка. В последнем они нашли свое дальнейшее развитие и завершение.

Из звуковых изменений, которые затрагивают не отдельные звуки, а целые ряды их, наиболее характерны для осетинского озвончение некоторых глухих после сонорных и спирализация некоторых смычных. Можно считать установленным, что оба эти процесса определились уже в скифский период.

Озвончение k → g. Это явление особенно обильно иллюстрируется примерами с суф. -aka, -āka, получившим в осетинском форму -æg, -ag. В скифский период этот переход еще не завершился, и мы находим параллельно формы с k и g: Βαδάκης || Βάδακος, Φαρνάκης || Φάρνακος, Ἀβνάκος || Ἀβνακος, Κάτακος || Κάτακος, Ναύακος || Ναύακος, Μηδάκος || Μηδακος, Σταβάκος || Σταβακος, Σπιδάκος || Σπιδάκας, Φλαβιάκος || Φλεβιάκος. Слова sāka 'олень', akāsa 'целый' мы также встречаем в двух вариантах, с k и g: sāk-, sāg, akās, agās, igās (см. в «словаре» под этими словами); ср. также Asparuk и Ἀσπρούρος. В тех именах, где нет параллельных форм, преобладает k: Ἀραίακος, Ἀρνίλης, Ἀρτίλης, Ἀπκκος, Βράδακος, Βώρακος, Γώτακος, Δαναρίμακος, Ζεδακος, Ιάβακος, Μάρτακος, Οἰαρίμακος, Σαρακος, Σταβάκος, Στόρακος, Σώρακος, Φόδακος, Φότακος, Χωδόνακος. Но и такие имена, которые дошли до нас только с g, весьма многочисленны: Ἀλοῦδακος, Ἀβρακος, Δουίρακος, Ἰαχάδακος, Ἰάρτακος, Ἰνχάδακος, Μανίακος, Rasparaganus, Ράσσορος (из frasauka), Σάντακος, Οἰαργ- (varg) из varka 'волк' и др.

Озвончение t → d. Поучительны и здесь те случаи, когда одно и то же слово представлено на двух этапах своего звукового развития: на более раннем с глухим согласным и более поздним — со звонким:

¹⁶ «Подавляющее большинство иранских имен представляет собой такие звуковые черты, которые роднят их с осетинским языком» [Миллер, 1886, 269—270].

¹⁷ [Vasmer 1924, 367; Vasmer 1923, 28—29].

aft 'семь' (в Ἀφθαίμακος) и avd (в Ἀρδάβδα) из hapta, ос. avd;
 pit- 'отец' (в Πιτταρνάκης) и pid-, lid- (в Πίδος, Φίδας) из pitā;
 ос. lidæ;
 pant- 'дорога' (в Παντικάπειον) и fand- (Φανδάραιος) из panta,
 panti, ос. fændag;
 ārgūt- (Ἀργότας) и ārgud- (Ἀργόδας) из āgruta? ос. argūd.

Некоторые слова дошли до нас только с глухим t: Πόρτα
 'река Прут', ос. ford 'большая река'; dāta 'созданный' (в Πορλάται,
 Ὀδατис).

В подавляющем большинстве случаев скифские имена отра-
 жают то состояние, когда переход t в d после гласных и сонор-
 ных уже совершился:

Φίδας и пр. из pitā, ос. fidæ;

Māda из mātā, ос. madæ;

Βράδακος из brātā, ос. ærvadæ;

Σαδαίος из sala 'это', ос. sædæ;

yazad, yez[a]d в (в Ιαζάδακος, Ιέζδακος) от yazata, ос. izæd;

irvid (в Gen. Ἰρβίδος) из brīta, ос. ilvid;

hvad- (в Χώδαρζος) из hvata, ос. xwæd;

radam (в Ῥαδάμφορτος и др.) из fratama;

ard (в Ἀρδάβδα и др.) из arta, ос. ard.

Ζάρανδος из zarant, ос. zæronð.

bağd (в Βάγδοχος) из baxta;

sugd- (в Σουγδαία) от suxta, ос. sugdæg и др.

Озвончение остальных глухих согласных в скифском наблю-
 дается лишь в единичных случаях. В словах Οὐαχῶζακис и др. ζ
 выражает, по-видимому, j (ž), вышедший из ě (vāĥ → vāj). Однако
 ζ мог передавать и глухой c, если мы только правильно разоб-
 рали имена Χώδαρζος = xwædarc, Ἀζίαρος = æsæg. Озвончение
 f → v имеем в Εὐβαρνάκης (eu-varnak) из eu + larnak; ср. в осетин-
 ском Bonværnnon из Bon-færn-on 'Вестница дневного farn'a' (= 'пла-
 нета Венера').

*

Обозревая имена, в которых наблюдается колебание между
 глухими и звонкими, а также те, где на месте старых глухих
 господствуют звонкие, мы видим, что они встречаются в надписях,
 относящихся преимущественно к II—III вв.¹⁸ Не будет большой
 ошибки утверждать, что в этот именно период происходил переход
 глухих в звонкие в определенных положениях. Но нет никаких
 оснований думать, что на всем пространстве скифских наречий
 перебой совершался одновременно. В отдельных диалектах он
 мог иметь место значительно раньше или позже. Примерами весьма
 древнего озвончения старых k и t могут служить Μασαγέται (Геро-
 дот), если из manu-sāka-ta, Thyrsagetai из tura-sāka-ta, далее

¹⁸ Ср. [Vasmer 1924, 372—373].

название Согдианы (др.-перс. Suguda, ср. Σουδαία в Крыму) из sukta. Так как и массагеты и Согдиана ведут нас в Среднюю Азию, то можно высказать предположение, что в тамошних скифских и скифо-согдийских говорах озвончение поствокальных глухих имеет большую древность. Дальше робкой гипотезы пойти нельзя ввиду скудости материала.

Спирантизации или переходу во фрикативы подвергались в осетинском не все смычные. Сплошная спирантизация, во всех почти положениях, захватила только смычные *g* и *p*, которые перешли соответственно в *ǵ* и *f*. Частичной спирантизации (в *in-laut'e*) подвержены *k* и *b*. Совершенно не коснулось это явление зубных *t* и *d*.

Имеется ли и тут единство между скифским и осетинским? Переход *g* в *ǵ* невозможно распознать на доступных нам источниках по уже отмеченной выше причине: греческая графика не различает *g* и *ǵ*, передавая и то и другое через *γ*. Тем не менее можно утверждать с большой долей уверенности, что перебой *g* → *ǵ* произошел в скифскую эпоху и притом до рассмотренного выше озвончения *k* → *g*. В самом деле, если бы перебой *g* — *ǵ* произошел после озвончения *k* → *g*, то он захватил бы и те *g*, которые возникли в результате озвончения старого *k*. Между тем, как видно из осетинского, *g*, вышедший из *k*, не подвергался спирантизации. Следовательно, ко времени перехода *k* в *g* после гласных, закон спирантизации *g* → *ǵ*, сделав свое дело, уже утратил силу.

Переход *p* → *f*, отлично фиксируемый греческим письмом, представляет одну из ярких звуковых черт, объединяющих осетинский со скифским в один фонетический тип, противостоящий всему остальному иранскому миру.

Другие иранские языки знают только частичную спирантизацию *p* (перед согласными). Только в скифском и осетинском всякое *p* (если только ему не предшествует *m*) переходит в *f*. Из других индоевропейских языков через такой сплошной перебой прошли германские языки и армянский, что дает право говорить об общем скифо-германо-фракийском звуковом перебое *p* → *f*.

Перебой *p* → *f* совершался как и озвончение *k*, *t*, в скифскую эпоху, и мы можем, так сказать, видеть его своими глазами. На некоторых именах особенно удобно проследить, как старый *p* уступает место *f*:

pid- 'отец' (в Πίδος) и *fid-* (Φίδας и др.) из *pitā*, ос. *fidæ*;

purt- 'сын' (в Ποурθατος, Ποурθαχης) и *furt* (в Φούρτας) из *puθra*, ос. *furt*;

pant-, *fand-* 'догора' из *panta*, *panti*, ос. *fændag* (см. выше);

asp- 'лошадь' (в Ἀσπαχος, Ἀσπορρος, Βόρασπος, Βαϊόρασπος и др.) и *asf-*, *afs-* (в Ἀσφόρουρος, Ἀφαχος) от *aspa*, ос. *æfsæ*;

spād- 'войско' (в Σπάδαχος, Ἀμώσπαδος и др.) и *fsād* (в Βορόφαςος?), ос. *æfsad*;

spar- 'наступать' (в Aspar, Rasparaganus и др.) и sfar- (в Σφα-
ρόβαις)?, ос. æfsærun;

кара 'рыба' (в Παντικάπαιον) и kaf (в Καφάναγος, Caffa), ос.
kæf.

Известное число слов засвидетельствовано только с p: paradāta
(Παραλάτται); ārga (Δάναγρις, 'Αρπόξαις), ос. arf; Pōrata, ос. forð;
pargu и ranaka (в Παρσπάναχος, ср. ос. fæjnægfares) и др.

В большинстве же имен старое p выступает уже как f: pasu
'овца' → fus (Φόσακος), ос. fus; pagu 'много' → fur (Φορίανος и др.),
ос. fur; pari (приставка) → fal (Φαλδάρανος), ос. fæl-; pūla → fud
(Φόδακος), ос. fud, fudag; hapta → aft, avd ('Αφθαίμαχος, 'Αρδάβδα),
ос. avd; āp → yāf- ('Ιάφαγος), ос. æjjafun и др.

В начале слова перед г согласный f имел в осетинском особую
судьбу: он исчезал. Это явление восходит также к скифскому
времени:

frasauka → rasog ('Ράσσογος), ос. ræsoγ 'чистый'; fṛāk- 'рано' →
rāg (в Σεύραγος), ос. tag-;

fṛatama 'первый' → radam (в 'Ραδαμόφορτος, 'Ραδάμειστος и др.),
в осетинском не сохранилось;

fṛiman 'друг' → ḥiman (в Λείμαλος, Λίμναχος), ос. ḥimæp; как
бы для того, чтобы у нас не осталось сомнений относительно
происхождения этого слова и относительно предшествующего зву-
кового состояния, надписи сохранили нам и более старую форму
ḥiman (в Φλιμάναχος, Φλείμναγος).

*

Специфическими для осетинского являются некоторые метатезы
согласных. Самый распространенный вид — метатезы с участием
г: в группе из двух согласных г не мирится с положением на
втором месте и перескакивает на первое. Это же самое явление
имеет место и в скифском.

θг → гθ: purθa → purθ → furθ: Πουρθαίος, Πουρθάκης, Φούρτας, ос.
furl;

xšadga → xšarθ-: Εάρθανος, Εάρθαμος, Αλέξανθος, Φαρνέξανθος, Καί-
νάρθανος и др., ос. xsart, xsar; сохранение группы θг имеем
в Σατράκης и Σατροβάτης;

āθr → ārθ: 'Αρθάμων, Ψενδαρτάκη, ос. art;

dr → rd: druna → ardun-: 'Αρδοναστος, 'Αρδονάγος, ос. ærdun;

xг → гx: suxra → surx: Σόρχακος, ос. surx;

pr → rp → rf: āpra → āpra: Δάναγρις, 'Αρπόξαις, ос. arf;

br → rb → rv: brīta → irvid: 'Ιρβις, 'Ιρβιδος, ос. ilvid.

В имени 'Αβραγος из abra, avra 'небо', ос. arv, метатеза еще
не произошла.

Из других осетинских метатез в скифских именах можно об-
наружить метатезу sp (sf) → fs:

asp → afs-: 'Αспаκος → 'Αφακος, ос. æfsæ;

spāda → fsad: Σπαδάγος → Βωρόψαζος, ос. fsad.

В нескольких случаях можно говорить, кажется, об ассимиляции согласных в скифском:

nm → mm: mammar (Μάμμαρος) из man-mar 'мужеубийца'; ср. такую же ассимиляцию в осетинском, например mæmmæ 'ко мне' из mæn-mæ и т. п.;

ns → ss: massag (Μασσαγέται) из man-sag 'человек-олень', 'человек-сак'; ср. в ос. fyssyn из fynsyn, диг. finsun 'писать' и т. п.;

rs → ss: tussag (Θυσσαγέται) из tur-sag (Thyrsagetæ) 'быстрый олень' → 'туро-сак'; ср. в ос. хæssyn из хærsyn, диг. хærsun 'нести'.

Переход г в l перед i представляет характерную черту исторической фонетики осетинского языка. Как видно из нижеследующих примеров, начало этого явления восходит к скифскому:

aryana → alyana → al[ɫ]jan: 'Αλανοί, Alani 'аланы', ос. allon;

arya → aly → ala: 'Ἀλέξανδρος = arya-xšāθra;

friman → fliman → liman: 'друг': Φλιμάννακος, Φλειμναγος, Λείμναος, Λίμνακος. ос. limæn;

upari 'над' → val: 'Οὐλακός, 'Ολλάβας, ос. wæl;

adari 'под' → dal: Δαλόζακος, Δαλάσιος, ос. dæl;

pari 'пере-' → fal: Φαλδάρανος, ос. fæl.

Во времена Геродота (V в. до н. э.) этот переход еще не имел места, судя по ἐνάριες, ἀνάριας 'евнухи' = др.-иран. anarya; ср. ос. næl 'самец' из narya.

К числу звуковых признаков, роднящих скифский язык с осетинским, относится ассимиляция ti → ci:

vinsati 'двадцать' → insaz: Ἰνσάζακος, стар.-ос. insæz, ос. insæj, yssæz;

aršti 'копье' → arc-: Χωδάρκος, ос. arcæ kuti 'собака' → kuз: Κουζατος, ос. kuз;

hatya 'правдивый' → асу-: Ἀζίακος, ос. æсæг; в имени скифского царя 'Ἀτέας (Плутарх, Страбон) мы видим более древнюю форму этого же слова [h]atya, где ti еще не перешел в ci; имя 'Ραδαμάδης = fratama-šāti указывает, что закон ti → ci действовал не во всех скифских наречиях (если только δ перед i не произносилось здесь как ζ (z), что также возможно);

anahvarti 'невредимый' → anaxvarci: 'Ἀνάχαρσις.

Сопоставляя др.-иран. aryana 'арийский' с 'Αλανοί, Alani, ос. allon, мы констатируем, помимо перехода г → l, исчезновение у после согласного. Это явление не случайное. Оно закономерно для осетинского; ср. hatyaka → æсæг, syava → saw и др. В скифских именах у иногда сохраняется, иногда выпадает, как в осетинском. Так от syāva 'черный' имеем с одной стороны Σιαβάκος, с другой Σαβάκος, Σαυδαράται и может быть сюда же Σαυρομάται. В 'Ἀζίακος, если это имя равно hatyaka (ос. æсæг), у также сохранено.

Допустимо ли, однако, чтобы в более древних по документации фактах у отсутствовал ('Αλανοί, Σαυρομάται), а в более новых сохранялся (Σιαβάκος)? Разумеется, ничего невозможного в этом нет. Звуковое развитие в разных наречиях могло идти с разной

скоростью, и в более новых по датировке источниках могут быть представлены более старые формы¹⁹.

О выпадении в определенных условиях звуков *v* и *h* говорилось нами выше (см. стр. 328—329). Напомним только, что и в этих явлениях скифский и осетинский смыкаются.

Характерное для осетинского появление протетического гласного перед группой согласных прослеживается в скифском только в редких случаях, именно перед *г*: 'Αρδύατος, ср. ос. *ardun*, др.-иран. *druna* 'лук'; 'Ιρβίτος, ср. ос. *ilvid*, др.-иран. *brita* 'бритый'. Но ср. Βράδαχος, ос. *aervad*, др.-иран. *brātā*; Ξάρδαχος, ос. *aexsar*, др.-иран. *xšāda* и др.

Что дал нам разбор скифских имен с фонетической стороны? Если учесть бедность материала и несовершенство греческой передачи, то надо признать, что удалось извлечь много ценного и важного.

Самое существенное заключается в том, что полученные данные позволяют в значительной мере заполнить пустоту между древнеиранским состоянием, с одной стороны, и современным осетинским — с другой, и набросать, таким образом, примерную картину звуковой истории осетинского языка. Охватывая большой период, около 1000 лет, скифские материалы зафиксировали не один определенный этап этой истории, а несколько этапов. В этом их особенная ценность. Они позволяют наблюдать не только фонетические факты, но и процессы, послужившие переходом от древнеиранской звуковой системы к осетинской. Скифские материалы для осетинского *mutatis mutandis* то же самое, что для новоперсидского — древнеперсидский и пехлевийский, вместе взятые.

Следующие переходные явления мы можем наблюдать на скифском материале: 1) стяжение дифтонгов *ai*, *au* в *e*, *o*; 2) озвончение глухих (главным образом *k*, *t*) после сонорных; 3) спонантизация *p* → *f*; 4) отпадение начального *f* перед *г*; 5) метатезы: *θr* → *гθ*; *dr* → *гd*; *xr* → *гx*; *pr* → *гp*; *br* → *гb*; *sp* → *fs*; 6) переход *gi* → *li*; 7) переход *ti* → *ci*; 8) выпадение *y* после согласных; 9) выпадение *v* в известных условиях; 10) исчезновение *h* в известных условиях.

Все эти скифские звуковые процессы обратились в дальнейшем в хорошо известные осетинские звуковые «законы». В скифский период они начали свое действие, в осетинском они получили

¹⁹ Ξαρόματα могло быть и неточным написанием вместо Ξίαν засвидетельствована параллельная форма Ξορμάται (Евдокс по Стефану Византийскому). Не является ли здесь *o* попыткой передать сочетание *uav* в *suāva*?

дальнейшее развитие. Насколько скифские факты удастся датировать, большинство указанных звуковых изменений определится ко II—III вв. [см. Vasmer, 1924, 368—373].

Звуковая история скифо-осетинского языка ставит еще ряд небезынтересных вопросов: 1) возникновение качественного различия между *a* и *ā*; 2) возникновение осетинского цоканья; 3) совпадение *s* и *š*, *z* и *ž*; 4) спонантизация *g* → *ǵ*. Об этих явлениях наш материал молчит: они завуалированы особенностями греческой графики.

МОРФОЛОГИЯ

Эта глава по необходимости должна быть очень краткой. Вне речевой деятельности нет словоизменения, и язык, от которого дошли хотя бы все слова, но ни одной связной фразы, остается для нас аморфным. Бесплезно поэтому искать в скифских именах ответа на вопросы по истории осетинского склонения или спряжения.

Кое-что можно выловить в материале, кажется, только по следующим вопросам: 1) о судьбе древнеиранских основ; 2) о родительном падеже; 3) о показателе множественности *t*.

1. Древнеиранские (и вообще древнеиндоевропейские) основы построены, как правило, по типу: корень плюс определитель основы (тематический элемент). В качестве последних выступают гласные *a*, *i*, *u*, некоторые согласные или целые слоги. Тематических элементов много; отсюда многообразие основ на древнейшей ступени.

Дальнейшая история иранских языков характеризуется стиранием и отпадением тематических элементов, стало быть унификацией основ с вытекающими отсюда последствиями: утратой именных и глагольных классов с их разнообразной и сложной системой склонения и спряжения.

Эту эволюцию проделал также осетинский язык. В частности, отпали по большей части древнеиранские конечные гласные, стало быть, и тематические гласные или целые слоги.

Распространенное в дигорских именах окончание именительного падежа *-æ* нельзя рассматривать как прямое продолжение древнеиранского тематического гласного *-a*, так как это окончание встречается и в таких словах, где в древнеиранском никакого *-a* не было (например, *arçæ* 'копье' ← др.-иран. *aršti*), а также в словах, не иранских по происхождению (например, *bolgæ* 'редиска' ← груз. *bolok'i*). С другой стороны оно может отсутствовать там, где в древнеиранском был *-a* (например, *sag* 'олень' ← скиф. *sāka*, *sog* 'дрова' ← др.-иран. *sauka*).

Сохранились ли в скифских именах следы старых тематических элементов? На этот вопрос можно, кажется, ответить положительно. Легко заметить, что «варварские» имена получают в гре-

ческой записи различное оформление; они оканчиваются на -ος, -ης, -ας, -ους, -ις. Это различие не случайно, не объясняется оно также произволом записывающего. Если в отдельных случаях писец-грек мог невольно приспособлять варварские имена к знакомым греческим словам или звуко сочетаниям, то в большинстве различие греческого оформления указывает на различие в окончаниях самих варварских имен.

Спрашивается, каким иранским окончаниям отвечает или может отвечать нормально то или иное греческое окончание? Все, что мы знаем о передаче греками древнеперсидских и других «варварских» имен, делает вероятным, что там, где в греческом оформлении стоит на конце -ης или -ας, а во мн. числе -αι, перед нами основа на -а, сохранившая тематический гласный²⁰. Стало быть:

Σάκαι	предполагает скиф.	sāka;
Παραλάται	—	paradāta,
Ἀριαπίδης	—	aryapaīsa,
Ἀτέας	—	/h/atyā и т. п.

Окончание -ους соответствует старым скифским основам на -и, а окончание -ις — основам на i:

Μάδος	‘скифский царь’ —	madu ‘мед’
-αδης	в ‘Ραδαμοαδης’ —	šāti ‘радость’

Окончание -ος указывает в большинстве на то, что скифское имя оканчивается на согласный, и что, стало быть, тематический гласный, если он был, — утерян. Поэтому:

Βόρασπος	предполагает скиф.	bōrasp (а не bōraspa),
Ζάρανδος	—	zarand (а не zaranda),
Ἀρδάρος	—	ardār (а не ardāra),
Λεϊμανός	—	liman (а не li- mana) и т. п.

При всех возможных ошибках этот критерий пригоден для общей ориентировки в материале с точки зрения сохранения или отпадения старых тематических гласных. Подавляющее большинство имен имеет окончание -ος, в особенности имена, относящиеся к I—III вв. Это значит, что к этому времени тематические гласные в скифском отпали и с этой стороны язык вступил в «среднеиранское» состояние.

²⁰ Ср. др.-перс. Xšayāršā — Ξέρξης, Artaxšassa — Ἀρταξέρξης, Artafarna — Ἀρταφέρνης, Bagacīdga, — Μεγασιδρας. Parsa — Περσαι и др. Бывают, впрочем, и нарушения: Bagabuxsa — Μεγάβυκος и др.

Напротив, имена, сохраненные в самых ранних источниках (Геродот, древнейшие надписи и др.), носят признаки наличия тематических гласных.

Если мы сравним Σαταφάρης и, скажем, Χόφρωνος, то первая форма, с указанной точки зрения, представляется более архаичной. Так оно в действительности и оказывается. Σαταφάρης встречается в надписи из Ольвии III в. до н. э., Χόφρωνος — в надписях из Танаиды III в. н. э. В этот промежуток и происходил, как можно думать, переход скифского языка от богато-флективного древнеиранского состояния к агглютинативно-аналитическому «средне-скифскому» состоянию.

2. В сложных словах типа tatpuruša, где первая часть представляет имя, стоящее по смыслу в родительном падеже и определяющее вторую часть, окончание родительного падежа в осетинском, как правило, опускается, и имя выступает в виде чистой основы. Это, собственно, и показывает, что синтаксическое сочетание обратилось в композиционное (словообразовательное), например sæg-pez 'головная боль' ('головы болезнь'). Однако есть несколько случаев, где обе части настолько тесно спаяны и все сочетание настолько лексикализировано, что трудно рассматривать его иначе, как в аспекте сложного слова, — и тем не менее, окончание родительного падежа i/u сохраняется: særi-gun 'волосы' ('головы волосы'), sæsti-sug 'слеза' ('глаза струя'), sæsti-xaw 'ресница' ('глаза бахрома'), topri-xwasæ 'порох' ('ружья лекарство'), xori-tunæ 'солнца луч', madi-rvadæ 'дядя по матери' ('матери брат').

Если не ошибаемся, в скифских именах есть несколько таких же случаев: 'Οδιάρδος = odi-ard 'души ard', Sangibanus = cong-i-bon 'руки сила'.

Трудно было бы подыскать элементу i в этих именах иное объяснение, как признав его за сохранившееся в композиции окончание родительного падежа, подобно вышеприведенным осетинским примерам. Имя 'Οδιάρδος относится к III в., имя Sangibanus — к V в. Если осетинское окончание родительного падежа i/u восходит, как мы думаем, к др.-иран. -huyā, то в результате отпадения конечного -a и исчезновения h это окончание в III—V вв. уже могло обратиться в i и в таком виде дожить до наших дней.

3. Давно уже обращено внимание (Миллер, Маркварт) на обилие в скифо-сарматских племенных названиях окончания -ta (в греческой передаче именительный падеж мн. числа -ται, -τοι): Αβυχάται, 'Αναρτοι, 'Αναρτόφρακτοι, 'Αγορέται, 'Αρσιήται, 'Ασιῶται, 'Εξοβυρίται, Ζαλάται, Θερεῶται, Θισαράται, 'Ιαζαράται, Καραῖται, Ουσσαγέται, Μασσαγέται, Μαιωκῆται, Μοργῆται, Μαῖται, Ναχάται, Παγορίται, Σαυδαράται, Σαυροράται, Σαρμάται, Σκόλοτοι, Σχύθαι, Τορεῖται, Τυρεγῆται и др.

Процент названий с таким окончанием настолько велик, что относить его за счет случайности совершенно не приходится. Вполне очевидно, что, если не во всех, то в большинстве подобных

случаев, элемент *t* относится не к корню названия, а служит каким-то формантом. Но каким? Когда речь идет о племенных названиях, ответ может быть только один: показателем множественности или коллективности. Так именно и объясняют элемент *t* Миллер и Маркварт, сближающие его с осетинским показателем множественности *-tæ*.

Другие северо-восточные иранские языки также имеют показатель множественности *t*: согд. *-t'*, *-t*, ягноб. *-t*, хорезм. *-с* (из *-t*). С возражениями выступает Фасмер (op. cit., p. 373—374). Указывая на то, что окончание *-tai* встречается уже в древнейших геродотовских свидетельствах (*Σαρροράται*, *Μασσαγέται*, *Αβχάται* и др.), Фасмер считает, что усматривать здесь осетинский показатель множественности *-tæ* — это значит допускать, что уже во времена Геродота скифы утратили флективное древнеиранское склонение и перешли на агглютинативное. А так как это представляется ему невероятным, то он и считает, что точка зрения Маркварта и Миллера «повисает в воздухе».

Нельзя сказать, однако, чтобы позиция Фасмера была неуязвима. Говорить что-либо определенное о скифской морфологии времен Геродота трудно ввиду отсутствия связных текстов. Весьма возможно, что уже тогда наметился переход к тому новому состоянию, черты которого мы находим в современном осетинском языке. Но если даже считать, что скифский язык той эпохи был еще близок к авестийскому и древнеперсидскому и имел флективные формы множественного числа, ничто не мешает допустить, что племенные названия, как особая категория, имели свое особое оформление, в данном случае *-ta*. Дело в том, что осетинский показатель множественности *-tæ*, по догадке Р. Готио, восходит к древнеиранскому коллективно-собирательному суф. *-tva* (*-δva*)²¹. Недифференцированно-собирательное восприятие племенных коллективов могло выделить племенные названия среди других именных групп оформлением суф. *-ta*. Со временем *-tæ* стал универсальным показателем множественности в осетинском.

Племенные названия в ряде языков выделяются особенностью грамматического употребления. В современном осетинском языке, например, чистая основа без всякого суффикса имеет уже значение множественное, точнее коллективное: *ir* 'осетины', *turk* 'турки' и т. п. (ср. русск. *чудь*, *весь* и т. п.). Возможно, что в древнескифском особенностью племенных названий было их оформление не обычной флексией множественного числа, а коллективно-собирательным суф. *-ta*.

Как бы то ни было, невозможно ни признать обилие названий на *-tai*, *-toi* случайностью, ни видеть в *t* что-либо другое, кроме элемента, указывающего на множественность, коллективность.

²¹ [Gauthiot 1916, 71 и сл.; Tedesco 1926, 149; Benveniste 1929, 79], оспаривая Gauthiot, производят согдийский показатель множественности *-t* из древнеиранского абстрактного суф. *-tā*.

Два примера в особенности убеждают нас в последнем: племенное название *Σαυδαράται* и собственное имя *Σαίταφάρνης*.

Название *Σαυδαράται* вполне прозрачно: ос. *sawdar* значит 'одетый в черное', а *t* может быть только показателем множественности (ос. *sawda-rataē*); все название представляет прекрасную параллель к греческому названию одного из скифских племен *Μελάγχλαινοι* 'одетые в черное'.

Имя скифского царя *Σαίταφάρνης* (III в. до н. э. в надписи из Ольвии) невозможно разъяснить вне связи с названием его племени *Σαῖοι* 'сайи' (м. б. из *шайи*). Это название, снабженное показателем множественности *-ta*, дало *saita*, имя *Saita-farna* может значить только 'носитель *farn*'а племени сайев'.

В этих двух примерах функция элемента *t* становится особенно ясной благодаря тому, что мы с несомненностью имеем те же слова без *t*: *sawdar* и *Σαῖοι*. Мюллер [1886, 282] приводит два таких же примера: *Μαζαάγης* (имя одного из военачальников Ксеркса) рядом с *Μαζαγέται* и *Σκόλης* (имя скифского царя), *Scolo-pitus* (имя скифского царя) рядом с *Σκόλοτοι*. Мы могли бы присоединить сюда такие пары, как *Σάκαι* и *Ζαχάται*, *Ἀσῖοι* и *Ἀσιῶται*, *vahu* и *Ἀβχάται*. На суффиксальном характере элемента *t* основаны также наши толкования племенных названий — савроматы, массагеты, тиссогеты, матикеты, которые предполагают, как мы думаем, существование слов *savarn* (ср. имя *Saurmag*), *mansag*, *tursag*, *matuka*. Объяснить все перечисленные выше племенные названия, не отделяя *t*, т. е. считая его частью основы, не представляется возможным, да никто и не пытался этого сделать. Напротив, исходя из отделимости *t*, можно удовлетворительно истолковать если не все, то многие из них ²².

Если представить параллельно формы без *t* и с *t*, то получается достаточно убедительная картина:

<i>Saurmag</i>	<i>Σαυρομάται</i>
<i>Σαῖοι</i>	<i>Σαίτα(φάρνης)</i>
<i>Ἀσῖοι</i>	<i>Ἀσιῶται</i>
ос. <i>sawdar</i>	<i>Σαυδαράται</i>
<i>Scolo(pitus)</i>	
<i>Σκόλης</i>	<i>Σκόλοται</i>
<i>Μαζαάγης</i>	<i>Μαζαγέται</i>
др.-иран. <i>matuka</i>	<i>Ματικέται</i>
<i>Σάκαι</i>	<i>Ζαχάται</i>
др.-иран. <i>vahu</i>	<i>Ἀβχάται</i>

Наш вывод таков. В значительной части скифо-сарматских племенных названий, имеющих в греческой передаче окончание

²² Скифское название амазонок *Οἰόρματα*, означающее по Геродоту 'мужеубийцы', мы склонны исправить в *Οἰόρματα* = *vira-mar-ta* 'мужеубийцы' (ср. *οἰμάται* у Гесиχия) = ос. *laeg-mar-tæ* 'мужеубийцы'; стало быть и здесь конечное *-ta* могло быть показателем коллективности.

-tai, -toi, элемент *t* принадлежит не основе, а представляет коллективно-множественный показатель, равный древнеиранскому -tva или -tā, осетинскому -tæ. В эллинизированной передаче мы имеем, таким образом, оформление греческим мн. числом того, что уже было мн. числом в скифском. Совершенно также, говоря *зулусы, индусы, эскимосы*, мы образуем русское мн. число от английского мн. числа *zulu-s, hindoo-s, eskimo-s*.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

По своему составу скифские имена и названия²³ могут быть разделены на две группы: простые, т. е. заключающие одну основу, и сложные, составленные из нескольких, обычно двух основ. Имена первой группы редко заключают чистую основу, обычно она осложнена каким-нибудь суффиксом, реже префиксом²⁴. Суффиксами снабжаются иногда и сложные, двусоставные имена. Мы рассмотрим сперва, какие словообразовательные аффиксы (суффиксы, префиксы) употребительны в скифских именах, а затем перейдем к вопросу сложения (композиции) в этих именах.

АФФИКСЫ

Два словообразовательных суффикса являются наиболее продуктивными в осетинском языке: -ag, (-æg) и -on (из -ān). И эти же два суффикса господствуют в скифских собственных именах. Особенно часто встречается первый из них, представленный как в более старой форме -ak, так и более новой -ag; -αχοϛ, -αχϛς, -αϛος. Он восходит к древнеиранскому -a-ka, -ā-ka. На древнеиранской почве он имел ограниченное употребление, насколько можно судить по дошедшим памятникам. Зато в средне- и новоиранских языках он получил широчайшее распространение, став своего рода одним из опознавательных признаков этих языков.

Все случаи употребления этого суффикса в скифских собственных именах и названиях можно разбить на две большие группы: 1) суф. -ak, -ag присоединяется к глагольной основе; 2) суф. -ak, -ag присоединяется к именной основе.

²³ В настоящей главе мы даем скифские имена в латинской транскрипции.

²⁴ Примерами неосложненных имен могут быть: Ateas, Azias (hatya), Azos (ati?), Bages (baga), Banas (banu), Borys (bor), Pharnēs (farna), Phoros (fur), Gasteis (gasti), Gaos (gau), Karsos (Karsa), Madys (madu), Maēs (mah), Mastas (masta), Mada (matā), Phidas (pitā), Phurtas (puθra), Sakai (sāka), Sogos (sauka), Skunxa (skunx), Tyras (tura), Uaras (vara), Saioi (xšay), Zarina (zaranya).

Рассмотрим сначала первую группу.

В осетинском языке суф. -æg, присоединяясь к глагольной основе, образует причастие настоящего времени, большей частью активного или среднего, но иногда и пассивного залога; например, *kærdæg* не только 'косящий', но и 'косимое' → 'трава' (от *kærdyn* 'косить'), *hodæg* не только 'смеющийся', но и 'смешной' (от *hodun* 'смеяться'). Такое употребление этого суффикса, по-видимому, очень древнее, например: др.-перс. *bandaka* 'раб' от *band-* 'вязать' ('тот, кто связан'). В осетинском образовании на -æg имеют чаще значение *nomina actoris*.

Тот же суффикс, но с сильным гласным, -ag означает (при основе глагола) постоянное свойство: *waġag* 'скакун' от *waġun* 'бежать', *kusag* 'работающий' от *kusun* и т. п. Обычный древнеиранский формант причастия настоящего времени -ant утратил в осетинском продуктивность и сохранился в нескольких старых лексикализованных образованиях, где он уже не осознается как суффикс: *zæġond* 'старый' (из *zar-ant*), *bæġzond* 'высокий' (из *barz-ant*) и др. Не только в иранских, но и других индоевропейских языках есть следы употребления суф. -ka в значении *nomina actoris*. Согдийские глагольные имена на -āk полностью примыкают к скифским и осетинским, например, **nipišāk* 'пишущий' (ос. *nyffyssæg*), **nigōšāk* 'слушатель' и т. п. Сюда относятся и такие русские образования как *писака*, *рубака*, *гуляка*, *зевака*, близкие по значению к осетинским отглагольным образованиям на -ag, не имеющим, однако, того иронического оттенка.

В скифских именах отглагольные образования с суф. -ak, -ag многочисленны:

ādak 'едящий' (в *Amadokoi*, *Uargadakos*);
āmāyak 'строитель' (*Amajakos*), ос. *amajæg*;
bādak, *bādag* 'сидящий' (*Badakes*, *Badagos*), ос. *badæg*;
baxšag 'наделяющий' или 'наделенный' (*Baksagos*);
savag, *zavag* 'ходок' (*Thiabogos*, *Zabagos*), ос. *sæwæg*, *zævæg*;
dadag 'дающий'? (*Dadagos*), ос. *dædtæg*;
dārak 'державший' и пр. (в *Abdarakos*), ос. *daræg*;
gāvak 'потребляющий' (в *Phorgabakos*), ос. *ġawæg*;
gosak 'слушающий' (*Gosakos*), ос. *iġozæg*;
kasak, *kasag* 'смотрящий', 'spectator' (*Kasakos*, *Kasagos*), ос. *kæsæg*;
mārak 'убийца' (в *Osmarakos*), ос. *maræg*;
marzak 'сметающий' (*Marzakos*), ос. *mærzæg*;
perak 'чесальщик' (*Perakos*), ос. *piræg*, с ар. ос. *peræg*;
rasparag 'наступающий' (в *Rasparaganus*), ос. *rafsæræg*;
siag 'зябкий' (*Siagous*), ох. *siag*;
sirak 'плавно идущий' (*Sirakoi*), ос. *sirag*;
sorak 'преследующий' (*Sorakos*), ос. *soræg*;
stāvak 'славящий' (*Stauakos*), ос. *stawæg*;
xanak 'зовущий', 'приглашающий' (*Chanakes*), ос. *xonæg*;
xodak 'смеющийся', или 'смешной' (*Chodekios*), ос. *xodæg*;

yāfag 'настигающий' (Iaphagos), ос. æjjafæg.

С большой долей уверенности можно отнести сюда же шевак (Meuakos) 'работящий', ср. ос. шewæ 'дело', 'занятие', 'работа'. Хотя в осетинском сохранилась только именная форма, но глагольная основа (др.-инд. *mivati*, лат. *movere*) могла еще жить в скифском и дать закономерное отглагольное имя со значением 'трудолюбивый', 'работящий'.

Если образование отглагольных имен на -æg, -ag мы находим в осетинском как живое и неограниченно продуктивное и как совершенно ясное по употреблению, то нельзя того же сказать об употреблении этого суффикса при именных основах. Факты других иранских языков указывают на то, что он мог придавать именам уменьшительное или ласкательное значение. Однако в осетинском эта функция мало выявлена, и -æg может присоединяться к таким именам, где понятия уменьшительности или ласкательности с трудом применимы, например: *zymæg* 'зима' от др.-иран. *zima* или *sygdæg* 'чистый' от др.-иран. *suxta*, *pæwæg* 'новый' от др.-иран. *pava*. Большинство подобных имен, дошедших до нас с оформлением на -æg, наводит на мысль, что этот суффикс мог быть просто «усиливающим» основу наращением, не придающим ей какого-либо особого семантического оттенка:

скиф. *arnak* (Arnakes), ос. *ærnæg* 'дикий';

скиф. *pavak* *pavag* 'новый' (Nauakos, Nauagos), ос. *pæwæg* 'новый';

скиф. *zevak* (Zeuakos), ос. *zevæg* 'ленивый' и др.

Ласкательный оттенок можно предполагать в скифском *brādak* 'братец' (Bradakos) из *brātā* и *purđak* 'сын' (Purthakes) от *puđra*.

Есть в осетинском случаи, когда наращение -æg служит для превращения нарицательного имени в собственное. Так, *kuз* 'собака' употребляется только в нарицательном значении, тогда как *Kuзæg* известно исключительно как имя собственное. От нарицательного *xзаг* (← *xsart*) 'доблесть', могущего служить и собственным именем, образовано *Xsærtæg*, которое может быть уже только собственным именем. От *хэзаг* 'дом' не известно образование *хэзагæg*, но фамильное имя *Хэзагæгатæ* (Хадзараговы) указывает, что *Хэзагæg* существовало как собственное имя или прозвище. Медведь зовется по-осетински *арс*, форма *arsæg* не засвидетельствована. Но фамилия *Arsæg-tæ* приводит нас к собственному имени или прозвищу *Arsæg*. Эти осетинские факты важны для нас, так как они позволяют объяснить значительное число скифских имен на -ak, -ag. Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что нижеследующие скифские имена построены по типу осетинских *Kuзæg*, *Arsæg*, *Хэзагæg*, *Xsærtæg*, т. е. формант -ak, -ag служит в них приметой собственного имени (в отличие от нарицательного):

Andānak (Andanakos) от *andān*, ос. *ændon* 'сталь', 'стальной';

Arsak (Arsakes) от *arša* 'медведь', ос. *Arsæg* в фамильном имени *Arsæg-tæ*.

Aspak (Aspakos) от aspa 'лошадь';

Fusak (Phosakos) от pasu, ос. fus 'овца';

Varazak (Uarazakos) от varāza 'кабан';

Borak (Bōrakos) от bor 'желтый', 'русый';

Syāvak (Siauakos) от syāva 'черный';

Sturak (Styrakos) от stura 'большой';

Farnak, Farnag (Pharnakes, Pharnagos) от farna;

Xšaθrak (Satrakes) от xšaθra, ос. Xsærtæg;

Duarag (Duaragos) от dvara, стар. ос. Duaræg, ср. выше ос. Xæzaræg;

Ardarak (Ardarakos) рядом с Ardar (Ardaros), ос. ærðar 'князь';

Dal-osak (Dalosakos), ср. ос. dæl-os 'находящийся в подчинении у женщины';

Несколько скифских имен образовано от названий напитков: Aluðag (Aluðagos) от aluð 'пиво'; Madak (Madakos) от madu 'мед' (?); Sanag (Sanagos) от sana 'вино'.

Для объяснения этих имен можно привлечь один факт из осетинского. Ос. æxsir значит 'молоко'. От этого слова образовано æxsiræg; так называется растение, выделяющее сок молочного цвета. Здесь суф. -æg означает, по-видимому, 'производящий что-либо' (в данном случае молоко). Если такая функция была присуща суф. -ak, -ag, то скиф. aluðag могло означать 'пивовар', madak — 'медовар', а sanag — 'винодел'. Сюда же можно было бы отнести Yavak (Iauakos) от yava 'просо', в смысле 'возделывающий просо', или 'богатый просом', и Ćarmak (Thiarmakos) 'кожевник' от Ćarma 'кожа'. В именах Sāv-argmag 'смуглорукий' (Saurmag) и Vah-vāčak 'доброслов' (Uachozakos) суф. -ak, -ag означает, быть может, 'наделенность', 'обладание (чем-либо)'.

Остающиеся, за вычетом перечисленных, скифские имена на -ak, -ag, легко могут быть объяснены, если исходить из функции осетинского суф. -ag, восходящего к -āk (тогда как -æg восходит к -ak).

В отличие от -æg, функции суф. -ag в отыменных образованиях в осетинском достаточно ясны:

1) он может означать 'происходящий откуда', 'принадлежащий к чему', например: dojuag 'водный', urussag 'русский', bujñag 'нижний' и т. п.;

2) 'предназначенный стать чем-либо', 'пригодный к чему-либо', 'достойный чего-либо', например: læggag 'предназначенный стать мужчиной', bændæjñag 'трава, пригодная для вития веревки (bændæn)', ходиujñag 'достойный осемяния';

3) этот же суффикс образует порядковые числительные, либо один (dukkag 'второй'), либо в сочетании с -æm (ævdæjñag 'седьмой').

Такое употребление суф. -ag (← -ak) поддерживается следующими скифскими именами:

Bastāk (Bastakos) 'местный', 'земляк', ср. ос. bæstæ 'место', 'страна', bæstæg 'местный';

Avrāg (Avragos) 'происходящий из неба', от abra, ср. (с другим суффиксом) ос. ærvon 'небесный';

Yazadāg (Iazadagos) 'божественный' от yazata;

Sarāk (Sarakos) 'головной', 'главный' от sara, ос. sæjrag;

Flimanāk, Limanāk (Phlimanakos, Limnakos) 'достойный быть другом', ос. limæjnag;

Spādāk, Spādāg (Spadakos, Spadagas) 'предназначенный для войска';

Maniag (Maniagos) 'предназначенный стать мужем', от manu; ср. современное осетинское læggag с тем же значением (от læg 'мужчина');

Fedanāk (Phēdanakos) 'достойный будущего', 'кому суждено будущее'; ос. fædæn 'будущий';

Xodunāk (Chōdonakos) 'достойный смеха', ср. ос. xoduɲnag;

Argāunāg (Argaunagos) 'достойный благословения', ср. ос. argauɲnag;

Aftaimāk (Aphtaimakos) 'Septimius', ос. ævdæjmag, ср. согд. *βtmyk;

Insažāg (Insazagos) 'Vicentius'.

Образования с суф. -ān (ос. -on, др.-иран. -āna) значительно малочисленное в скифских именах. Их можно также разбить на две группы: отглагольные и отыменные.

В осетинском отглагольные образования на -on имеют значение причастий настоящего времени, чаще пассивных, иногда активных. Примером пассивного употребления могут быть warzon 'любимый' от warz- 'любить', ew-daron 'постоянно носимый' (о платье) от dar- 'носить'. Примером активного употребления можно считать baron 'прощающий' от bar- 'прощать'.

Таковыми отглагольными образованиями в скифском являются: fliān 'милый' (Phlianos) от fri 'любить'; varzān- 'любящий' (Oxo-arganēs = vahu-varzān 'добролюб'), значение активное в отличие от ос. warzon 'любимый'; faldarān 'сокрушающий' (Phaldaranos), значение активное; ср. ос. dærgæn kænun 'сокрушать', 'громить'.

Отыменные образования на -on имеют в осетинском значение происхождения или принадлежности и, таким образом, параллельны по функции некоторым рассмотренным выше образованиям на -ag: kægægæn 'кабардинский' от kægæg, gæwwon 'сельский' от gaw и т. п.

Но, кроме того, -on широко используется для адъективных образований разнообразного характера: zumægæn 'зимний' от zumæg 'зима', hæston 'военный' от hæst 'война', syrdon 'звериный' от syrd 'зверь', ævdsægæn 'семиглавый' и т. п.

Для наших целей, т. е. для разбора скифских имен, особенно важно отметить употребление суф. -on как патронимического и фамильного: Сугухон Сомаг 'Цирихович Цомак', Færniön 'принадлежащий к роду Фарн' и т. п.

Наконец, в ряде случаев -on оформляет собственные имена, не прибавляя ничего к значению основы (ср. выше, аналогичное

употребление суф. -æg). Так, в грузинской поэме «Алгузиани» (начало XIX в.) имя осетинского царя Алгуза звучит то *Alguz*, то *Alguzon*. Один из сыновей этого царя зовется то *Qusæg*, то *Qusægon*, другие сыновья — *Sidæmon*, *Særazon*, *C'æxil* или *C'æxilon*. Много имен с этим окончанием в осетинской мифологии и эпосе: *Galægon*, *Aminon*, *Syrdon*, *Æfsæron*. В имени нартовского героя *Soslan* а перед носовым в виде исключения не перешло в о. В осетинском существует имя *Æmbal*. В известной зеленчукской аланской надписи это же имя имеет оформление -ап, причем о патронимическом значении не может быть и речи, так как отец *Анбалана* звался, согласно надписи, *Бакатар*.

Можно думать, что такое употребление развилось из патронимического. Ср. в латинском суф. -ап, сперва обозначавший принадлежность к фамилии (напр. сын Павла Эмилия назывался Эмилиан), а потом ставший универсальным оформителем имен (*Julianus*, *Octavianus*, *Claudianus*, *Aurelianus* и т. п.). Осетинские примеры говорят о том, что и здесь он имел в прошлом широкое распространение. Любое или почти любое имя могло получать оформление -ап.

Обозревая скифские имена на -ап, мы приводим примеры на каждый из выше отмеченных осетинских типов:

а) -ап указывает на происхождение или принадлежность: *alān* 'алан' (*Alanoi*) от *arya* 'арийский', ос. *allon*; *pidān fidān* 'отцовский' (*Pidanos Phidanoys*), ос. *fidon* 'отцовский' от *fidæ*;

б) -ап служит адъективным суффиксом: *Roksān* женское имя 'светлая', 'Светлана', от *goxs* 'свет', стар. ос. *goxsān*;

в) -ап только «оформляет» собственное имя: *I-od-mangān* 'тщедушный', ср. ос. *od-mæng*, *mæng-od* 'тщедушный'; *Sturān* (*Styranos*) от *stura* 'большой', ос. *stur*; *Xšarǝdān* (*Ksartanos*) от *xšarǝra*, ос. *xsart*.

Так же как в осетинском, суф. -ak и -ап могли чередоваться и заменять друг друга (ср. ос. *хохag* и *хæххон* 'горный', *qæwkkag* и *qæwwon* 'сельский' и т. п.): *Sturān* (*Styranos*) и *Sturak* (*Styrakos*), *Xšarǝdan* (*Ksartanos*) и *Xšarǝrak* (*Satrakes*).

Наконец, в некоторых случаях оба суффикса нарастают один на другой: -ān-ak или -ak-ān: *Kaf-ān-ag* (*Kaphanagos*) от *кара* 'рыба', ос. *kæf*; *Roxs-ān-ak* (*Roksanakē*) от *rauxšna* 'свет', ос. *goxs*; *Raspar-ag-an* (*Rasparaganus*) = *fra-spar-ak-an* от *spar* 'наступать'.

В языском собственном имени *Ambustan* суф. -ān нарос на причастие *ambust*.

Нижеследующие скифские имена пока не ясны по составу, но в высшей степени вероятно, что в большинстве их налицо суф. -ān:

Ardindian(os) Танаида,
Bardan(os) Пантикапей
Gagan(os) Горгиппия

Mathan(os) Ольвия,
Ksiamphokan(os) Танаида,
Reuroman(os) Ольвия,

Zōrsan(os) Ольвия,
Ēlman(os) Ольвия,
Thylogan(os) Танаида,
Irgan(os) Танаида,

Sauamōn Танаида,
Spōtagan(os) Ольвия,
Phorēran(os) Танаида,
Chozanīa Пантикапей.

По сравнению с именами на -ak, (-ag) и -an количество имен, имеющих иное суффиксальное оформление, ничтожно. Сюда относятся имена, имеющие форму прошедшего причастия на -t, -d (др.-иран. -ta): Ambust(os), Ambustan; Amōdast(os)?; Amardast(os); Argot(as), Argod(as), ос. argūd 'благословенный'; Amardiakos, ср. ос. amard 'убиный' и amættag- (из amard-iag) 'жертва'; Pharad(os)=ос. færad 'обрадованный' (от rajun 'радоваться'); Irbid(os) род. пад. от Irbis, ос. ilvid 'стриженный', др.-ир. brita.

Суф. -man присутствует в liman (Leimanos), ос. limæn из fri-man. Этот же суффикс «скрестившись» с -ak дал суф. -mak в Dapazmakos из Dan-Warazmak, ср. ос. Wægæzmæg 'нартовский герой' при ср.-иран. Varāzman.

Суф. -gen имеем в скифском namgen 'именитый' (Namgēnos), ос. nomgin, и может быть, в Kaskēn(os).

Суф. -am, др.-иран. -ama — в скиф. xšarðam (Ksartamos), рядом с xšadrak (Satrakēs), ос. Xšærtæg; ср. др. перс. Aršāma рядом с Aršaka.

Суф. -in надо предполагать в Spadin(ēs), от spada 'войско'.

*

Префиксальные образования встречаются в скифских именах несравненно реже, чем суффиксальные, что находится в полном согласии с известными нам структурно-словообразовательными нормами иранских языков. Глаголы с приставками (превербами) составляют большинство таких образований:

преверб ā: ā-gāz- 'направлять' и пр. (Phandarazos), ос. araz-; ā-spar- 'наступать' (Aspar), ос. a-fsær-;

преверб fra: fra-xvāy- 'пронзать' (Rachojzakos), ос. ræxwaj-/ræxoj-; fra-spar 'наступать' (Rasparaganus), ос. ra-fsær-;

преверб pari: fal-dar- 'сокрушать' (Phaldaranos);

преверб ham: am-buz- 'чваниться' (?) (Ambustos).

Последняя приставка может стоять не только при глаголах, но и при именах, например: Ambazuk, ос. æmbazug 'равноплечий'.

СЛОЖНЫЕ СЛОВА

Как ни значительно количество скифских имен односоставного типа, т. е. заключающих одну основу, излюбленным типом имен в скифском, так же как в древнеперсидском и древнегерманском, были имена двусоставные, т. е. образованные из двух самостоятельно значимых основ, короче говоря composita, или сложные

слова. Материал, который дают в этом отношении скифские имена, весьма богат и исключительно интересен.

Большинство имен этого рода представляет атрибутивные *composita* и относится к типу санскритских *bahuvrīhi*. Так, *Aleksarthos* (*Aryaxšaθra*) надо понимать не 'арийская доблесть', а 'носитель арийской доблести'. Однако есть случаи, где нельзя сказать с уверенностью, имеем ли мы дело с *bahuvrīhi* или, скажем, с *karmadharaya*. Так, *Wogaspōs* (*Bōgrasp*) может значить не только 'имеющий буланных коней', но и просто 'буланный конь' как прозвище или тотемическая кличка. Поскольку для разбора имен это различие не имеет существенного значения, мы будем его игнорировать.

Мы рассмотрим сперва наиболее простые, распространенные типы, а потом остановимся на менее обычных.

Основных групп намечается две: 1) во второй части сложного слова — глагольная основа, выражающая то или иное действие, в первой — именная основа, дополняющая или уточняющая выражаемое глаголом действие (тип 'водовоз'); 2) во второй части — именная основа, первая часть служит определением ко второй (тип 'златоуст').

Имена первой группы могут быть в свою очередь разбиты на две подгруппы: 1) глагол выступает в виде чистой основы; 2) глагольная основа оформлена каким-нибудь суффиксом.

Примерами на первую подгруппу могут быть:

mañ-mār- (*Mammāros*) 'человекоубийца', ср. ос. *lægmār* с тем же значением;

hamara-mār (*Amōromaros*) 'врагоубийца';

dān-dār- (*Dandarii*) 'владеющий рекой', ос. *dondar* с иным значением (ср. ниже *āv-dārak*);

sāu-dār- (*Saudaratai*) 'одетый в черное', ос. *sawdar* или *sawdaræg*;

ar-dār из *arm-dar* (*Ardaros*) 'рукодержец', 'Handhaber' 'князь', ос. *ærdar*, *ældar*;

sāga-dār- (*Sagadares*) 'имеющий оленей', ос. *sagdar*;

nāv-āz- (*Nabazos*) 'кормчий', авест. *nāvāza-*;

xor-fazm- (*Chophrazmos*) 'подражающий солнцу', ос. *xorfæzm*;

xvarz-āmān- (*Chorsomanos*) 'хорошо наставляющий'? или 'имеющий хорошую судьбу'? ос. *xvarz-amon*;

āv-nivāz- (*Abnozōs*) 'водопийца', ср. ос. *nwaz-/niwaz-* 'пить';

fand-ārāz- (*Phandarazos*) 'направляющий на (добрый) путь', ср. ос. *fəndarast* 'имеющий добрый путь';

xšaš-sāg-ār- (*Ksessagaros*) 'находящий шесть оленей' (?) ос. *xsæzsagar*;

go-ar- (*Gōar*) 'добывающий скот', ос. *gog-ar*;

hu-mev (*Chomeuos*) 'хорошо работающий', к др.-инд. *mivati* 'двигать', в осетинском сохранилось только как именная основа: *mewæ* 'занятие', 'дело', 'работа';

hu-vāba (Hababa, Ababa) 'хорошая ткачиха' (?). ср. ос. хæгг-
waf;

āgra-xšaya (Arpoksais) 'повелитель Днепра';

xor-xšaya (?) (Kolaksais) 'Солнце-царь';

(Lipo)-xšaya (Lipoksais);

yav-xvār- (Eochar) 'просоед', ос. jæw-xwar;

xvār-saγ- (Chuarsazos) 'возделывающий ячмень', ос. xwar-saγ;

bevra-γur- (Beurazuria) 'многогоречивый', ос. bewræ-γor.

В нижеследующих примерах глагол выступает не в виде чистой основы, а в форме какого-либо дериватного образования — помен actoris (-ak), прошедшего причастия (-t, -d) и др.:

āv-dārak (Abdarakos) 'поющий водой', ср. ос. dondaræg;

os-mārak (Osmarakos) 'женоубийца', ос. osmaræg;

fur-gavak (Phorgabakos) 'много потребляющий';

varg-adak (Uargadakos) 'волкоед';

amādaka (Amadokoi) 'сыроед';

vah-vārzan (Ochoarzanēs) 'добролюб';

hu-dāta (Odatis) 'хорошо созданная';

sana-pita (sanaptis) 'винопийца';

yazad-radāt (Iesdrados) 'данный богами', др.-иран. yazata +
fradāta, izæd + radt.

Теперь рассмотрим сложные слова, где вторая часть заключает именную основу, а первая служит определением ко второй (типы karmadharaya и bahuvrihi):

arya-raisa (Ariapeithēs) 'арийского облика'²⁵;

arya-farna (Aripharnes) 'арийский farn';

al(y)a-xšarθ- (Aleksarthos) 'арийская доблесть';

hu-farn- (Chopharnos) 'добрый farn' (= 'носитель доброго farn'a');

ev-farnak (Eubarnakēs) 'обладатель доброго farn'a';

hu-den- (Chodainos) 'добрая вера' (= 'носитель доброй веры');

hu-stān (Ustanos) 'хорошего сложения';

hu-mev- (Chomeuos) 'искусный работник'; в этом примере mev можно, впрочем, рассматривать и как глагольную основу (см. выше, стр. 313);

xvad-arc- (Chōdarzos) 'своекопейный', 'снабженный копьем';

ama-spād- (Amōspados) 'мощный военной силой';

ama-māy- (Amōmaios) 'сильноискусный';

sāv-arm- (Saurmag, Sauromatai) 'смуглорукий';

roxs-alan- (Roksolanoi, Roksalanoi) 'светлый алан';

bor-asp- (Boraspos) 'буланый конь';

beor-asp- (Baioraspos) 'многоконный';

beor-māy- (Baiormaios) 'многоискусный' или 'многогородный';

vanad-asp- (Banadaspos) 'победноконный';

farna-xšarθ- (Pharnoksarthos) 'доблесть полная farn'a';

²⁵ Термин aya 'ариец' был общим самоназванием индоиранских племен.

kena-kšarθ- (Kainaksarthos) 'доблесть в мести'; ср. также Dosymoksarthos и Didymoksarthos;
 fsand-ärt- (Psendartakē) 'священный огонь';
 radam-furt- (Radamophurtos) 'первый сын';
 radam-mizd- (Radameistos) 'первую награду (получающий)';
 radam-sad- (Radamsadis) 'первая радость';
 radam-ās- (Radamasis) 'первый из асов';
 raða-goš- (Rathagōsos) 'широкоухий';
 xvarz-amant- (Chorsamantis) 'доброе счастье';
 zvarz-fad- (Choraphadlios) 'имеющий хорошее потомство';
 kāma-sar- (Kamasaryē) 'с непокрытой головой';
 stur-sar- (Stosarakos) 'большеголовый';
 may-sar- (Maiōsara) 'с луновидной головой';
 fur-yav (Phoriauos) 'имеющий много проса';
 tur-sāg- (Thysagetai) 'быстрый олень' или 'туро-сак';
 taka-sāka- (Taksakis) 'быстрый олень';
 dargā-tava (Targitaos) 'долгомошный';
 vah-vāč- (Uachozakos) 'доброслов';
 karz-vāč (Karzoazos) 'строгий словом';
 Dān-Varazmak (Danarazmakos) 'Донской Варазмак';

В особую группу мы выделяем те случаи, где первая часть, определяющая вторую, представляет по смыслу родительный падеж имени существительного, причем форма родительного падежа чаще остается невыраженной, и имя выступает в виде чистой основы (тип tatpuruṣa):

Saita-farna (Saitapharnēs) 'farn племени Сайев';
 may-farn- (Maipharnos) 'лунный farn';
 vāča-farna (Uatapharnēs) 'farn слова';
 pīt-farnak- (Pitpharnakēs) 'носитель отцовского farn'a';
 varg-bāz- (Urgbazos) 'волчье плечо';
 varx-tan- (Vaxtang) 'волчье тело';
 čangi-bān- (Sangibanus) 'сила руки';
 odi-ard- (Odiardos) 'ard души';
 sāk-ğun-dāk- (sakyndakē) 'одежда из оленьей шкуры';

К типу копулятивных composita мы относим:

man-sāg- (Massagetai) 'человек-олень', ср. ос. læg-syrd 'человек-зверь';

tur-sag- (Thysagetai) 'туро-сак' или ('быстрый олень');

ārc-man- (Arthiemmanos) 'копье-человек';

sāk-dev- (Sakdeos) 'олень-демон';

ard-ağdak- (Avdagdakos) '(хранитель) ard'a и обычая'.

В Alanorsoi мы видим не dvandva (Алано-Аорсы), а karmadha-гауа с «инверсией» (Аланы-белые).

Особо надо отметить скрещенные греко-иранские имена:

Eubarnakēs из греч. εὖ- 'добрый', 'хороший' и иран. farnak (с озвончением начального f), 'обладатель доброго farn'a';

Didymoksarthos из греч. διδυμός 'двойной' и иран. xšaθra 'доблесть', 'власть', 'обладатель двойной доблести'.

Довольно обширная группа имен имеет необычную структуру и в силу этого до сих пор не получила удовлетворительного разъяснения.

Разобранные выше сложные слова типа *karmadharaya*, *tatpuruṣa* и *bahuvrīhi* в сущности одинаковы по структуре: одна часть служит определением к другой, причем определение всегда предшествует определяемому. Такой порядок частей является преобладающим как в древнеиранских языках, так, в особенности в осетинском, а в скифском, судя по работам предшественников, он казался единственно возможным. Так мы и сами думали вначале, пока разбор некоторых имен не привел нас к другим выводам.

Первое имя, которое заставило нас задуматься о порядке частей в скифских сложных словах, было аланское название города Феодосии *Argabda*. Анонимный автор Перипла Эвксинского Понта, относимого к V в., сообщает. *Ἡ Νῦν δὲ λέγεται ἡ Θεοδοσία τῇ Ἀλανικῇ ἤτοι τῇ Ταυρικῇ διαλέκτῳ Ἀρδάβδα, τούτέστιν ἐπτάθεος*. («Ныне же Феодосия на аланском или таврском наречии называется Ардавда, что значит Семибожный»). Не подлежит сомнению, что *Ἀρδάβδα* заключает два слова: *ard* 'божество' (ос. *ard* 'клятва') и *avd* 'семь' (ос. *avd*). Но постановка числительного не впереди, а позади существительного представляется по первому взгляду настолько необычной, что все без исключения авторы, разбиравшие название (Мюлленгоф, Вс. Миллер, Томашек, Фасмер), считали необходимым исправить *Ἀρδάβδα* на *Ἀρδάρδα*, предполагая, что автор Перипла допустил ошибку.

Внимательное изучение скифских материалов и осетинских данных привело нас к другому выводу: 1) никакой ошибки в передаче анонима нет, город назывался, если переводить точно, не 'семибожный', а 'богосемный', постановка числительного позади существительного была закономерна для скифского и поддерживается другими примерами; 2) числительное в этих случаях трактуется как определение, и подобные сложения представляют частный случай сложных слов, в которых определение стоит не впереди, а позади определяемого; таких сложных слов в скифском имеется значительное количество.

Начнем с фактов осетинского языка.

В синтаксисе современного осетинского языка есть железное правило: определение, чем бы оно ни было выражено — прилагательным, существительным, числительным, местоимением — ставится всегда впереди определяемого. Такое положение является общим для агглютинативных языков, к типу которых в процессе своей исторической жизни приблизился осетинский, отойдя от флективного древнеиндоевропейского типа.

Словообразовательные нормы в какой-то степени повторяют нормы синтаксические, и, обозревая осетинские сложные слова,

мы видим, что порядок частей в них подчинен тому же правилу, что порядок слов в развернутом предложении — часть сложного слова, являющаяся определением, предшествует части, которая является определяемым: Ors-don 'белая река', ærs-zarm 'медвежья шкура', saw-ærfug 'чернобровый', ævd-særon 'семиглавый' и т. п.

Однако, если мы привлечем достаточно обширный материал, то убедимся, что в сложных словах этот порядок не является таким же обязательным и универсальным, как в синтаксисе. В ряде сложных слов наблюдается колебание — определение может стоять и впереди и позади определяемого:

xi-bar и bar-hi 'произвольный', 'свободный' (xi 'свой', bar 'воля', 'право');

naræg-astæw и astæw-naræg 'с узкой талией';

luxs-zærdæ и zærdæ-luxs 'с светлым сердцем', 'радостный' (чаще употребляется вторая, т. е. «ненормальная форма»), ср. fyd-zærdæ 'со злым сердцем', 'враждебный', где порядок не может быть изменен;

xæliw-зух и kom-xæliw 'с разинутым ртом' (зух и kom) — синонимы, означают 'рот';

о счастливой дороге говорят и ræst-fændag и fændag-rast, букв. 'прямой путь'.

Наряду с этими примерами, где возможен и тот и другой порядок, встречаются случаи, когда употребителен только «ненормальный», «инверсированный» порядок: определение позади определяемого:

sær-gubur 'с опущенной головой' (sær 'голова', gubur 'опущенный');

wæng-mard 'вялый', букв. 'с мертвыми членами' (wæng 'член', mard 'мертвый') и др.

Весьма показательно, что такие «инверсированные» сложные слова встречаются часто среди старых мифологических наименований, унаследованных от глубокой древности, так что состав слова для современного осетина не всегда уже понятен:

Xur-zærin 'Солице-золотое', культовое название солнца;

Ært-xuron 'Огонь-солнечный', божество;

Kurd-Alægon 'кузнец-Алагон', наименование бога-кузнеца;

Kæf-qundar 'Рыба-шерстью-покрытая' — 'дракон';

Batyr-as 'Батыр асский', имя нартовского героя;

Æfs-urg 'легендарный конь' (из aspa-ugra) 'мощный конь' отдельно слово urǵ в осетинском не сохранилось).

Эти примеры наводят на мысль, что «инверсия» в сложных словах особенно характерна для отдаленного прошлого осетинского языка. Такая догадка находит подтверждение в некоторых сложениях хотя и не мифологического содержания, но весьма архаичных, так что в сознании современного осетина они уже неразложимы на составные части. Таково ос. ġunt'uz 'хмурый', 'взъерошенный' (ġun + t'uz) — «инверсия» др.-иран. duž-gauna 'дурного

цвета', 'дурной шерсти', 'дурного вида'. Действительно, мы находим в осетинском и «нормальную» форму *duz-ḡun* 'растрепанный'. Слово *ḡun* в значении 'шерсть' живет в современном языке, но *duz-*, *t'uz-* (← *duž-*) 'дурной' давно забыто и встречается только в данных, неразложимых в сознании осетина сочетаниях. Параллельно существует образованное по нынешним нормам и общепонятное *fud-ḡun* 'взьерошенный'.

Все эти факты отражают, как кажется, то более древнее состояние осетинского языка, когда и в развернутой речи (в синтаксисе) определение могло стоять позади определяемого. Пережиточно это состояние дошло до нас в нескольких сказочно-эпических и религиозных наименованиях, в которых украшающий эпитет стоит не впереди, а позади имени:

Agundæ-Ræḡugd 'Агунда-Красавица',

Boræ-Færnuḡ 'Бора — Наделенный *færn*'ом'.

Nikkola-Xwarz 'Никкола-Добрый' (св. Николай).

Стало быть, вышеприведенные «инверсированные» сложные слова возникли на основе «инверсированных» синтаксических сочетаний, которые когда-то были не инверсированными, а нормальными.

Выше мы говорили, что словообразовательная структура представляет как бы модель синтаксической. Теперь мы должны внести поправку в этот тезис: словообразовательная (да и словоизменительная) структура может быть отражением не нынешней, а прошлой синтаксической структуры языка.

Если постановка определения перед определяемым чужда вообще современному осетинскому языку, то особенно нетерпима она в тех случаях, когда определение выражено именем существительным в родительном падеже. Так 'луч солнца' можно по-осетински передать только: *xoḡi tuḡæ* (букв. 'солнца луч'). Обратный порядок совершенно немыслим. Естественно, что в соответствующих этим сочетаниям сложных словах (тип *tatpuruḡa*) порядок «определение — определяемое» кажется единственно возможным:

wæḡ-ḡun 'шерсть барашка' (букв. 'барашек-шерсть'), *sag-zarḡn*

'оленья шкура', *xwæḡi-furt* 'племянник' ('сестры сын') и т. п.

И все же сохранилось в осетинском несколько старых сложений, где даже этот, кажущийся абсолютно непреложным, порядок нарушен:

jæw-gæf 'икра', букв. 'рыбье (*gæf*) просо (*jæw*)';

dop-guron 'мельничная (*guron*) речка (*dop*)';

zḡællag-kom 'удила', букв. 'металл (*zḡællag* от *zḡær*) рта (*kom*)';

xæf-funz 'сопля', букв. 'гной (*xæf*) носа (*funz*)';

sæfxad из *sæḡ-fad* 'подкова', букв. 'кольцо (*sag*) ноги (*fad*)',

ср. «нормальный» порядок в *qus-sæḡ* 'серьга', букв. 'кольцо (*sag*) уха (*qus*)'.

Мы не привели пока примеров, которые бы точно соответствовали аланскому *Argdabda*, т. е. где в «инверсии» участвовало бы числительное. В осетинских текстах нам не попадалось таких

случаев. Но в нашем собственном языковом опыте есть такие фразы, как «særduwæ fæci» 'его голова раздвоилась (была рассечена надвое)'; sær-duwæ 'двуглавый', где числительное (duwæ) стоит позади существительного (sær), точно соответствует аланскому Ardabda 'семибожный', букв. 'богосемный'.

Если верно, что в этих «инверсиях» отражены нормы старосетинского языка с его более свободным синтаксисом и словообразованием, то мы вправе ожидать, что в скифских именах «инверсированные» сложные слова не должны быть редкостью. Так оно в действительности и оказывается. Название Феодосии Ardabda есть лишь один из многих примеров.

Мы рассмотрели несколько десятков скифских имен и названий, которые не получили удовлетворительного разъяснения в работах наших предшественников. Между тем, это в большинстве довольно простые и прозаичные образования. Единственная их «трудность» — необычный порядок составляющих частей: определение стоит не впереди, а позади определяемого.

Как на пример исключительно простого и ясного composit'a этого типа можно указать на Bagdoch(os). Не может быть сомнения, что это имя образовано из bağd 'удел', 'счастье' (др.-иран. baxta) и ox или vax 'добрый' (др.-иран. vahu). Естественный перевод: 'счастье-доброе (имеющий)' ²⁵. Однако Ф. Юсти, не допуская, очевидно, что vahu может быть определением к предшествующему baxta, переводит: 'добрый, благодаря счастью, кого счастье сделало добрым человеком' («gut durch Glück, den das Glück zu einem guten Menschen gemacht hat») ²⁷. Таким образом, у него, наперекор здравому смыслу, baxta оказывается определением к vahu, а не наоборот.

Нижеследующие имена и названия показывают, что bağd-ox — не случайное и не единичное явление, и, что «инверсия» в сложных словах была обычным явлением в скифском:

Aršēuachos = arša-vahu 'медведь-добрый';

Charaksēnos = xar-axšēn 'осел-темно-серый';

Aspurgos = aspa-ugta 'конь-мощный';

Asparuk = aspa-rauka 'конь-светлый';

Aspandanos = asp-andān 'конь-стальной';

Iasandanakos = i-ās-andānak 'ас-стальной';

İodmangan = i-od-mangan 'душу-слабую (имеющий)';

İaragas = sar-agās 'голову-невредимую (имеющий)';

Ossigasos = os-igās 'жен-здоровых (имеющий)';

Godigasos = ġud-igās 'мысль-здоровую (имеющий)';

Parspanakos = pārḡs-panak 'крепкобокий', букв. 'бококкрепкий' ['бока-как-доски (имеющий)']; это сложное слово живет до сих пор в осетинском, но только порядок частей приспособился к современному строю языка: fæjnæg-fars 'крепкобокий';

²⁵ Ср. перс. xuš-baxt с тем же значением.

²⁷ Justi J. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895, с. 416.

Mugisagos = mug-sāg 'к-породе-оленьей (принадлежащий)';
 Sozirsauos = Sozir-sāw 'Созир смуглый';
 Alanorsoi = ālān-ors- 'аланы-белые';
 Atamazas = vāča-maz- 'слово-великое (имеющий)';
 Dandaksarthos = dandāk-sārt (?) 'зубы как-долото (имеющий)' (?).

В особую группу можно выделить имена типа ardabda, т. е. имеющие во второй части числительное или количественное наречие:

Ardabda = ard-avd 'богов-семи (город)'; ср. название святилища в Осетии — в сел. Галиат: Avd-zuar 'семь божеств' [Миллер 1881—1887, II, 259]²⁸;

Saraksasos = sar-axšaš 'голов-шесть (имеющий)';

Mandasos = man-das 'decem-vir', букв. 'vir-decem';

Ardonastos = ardan-ast 'луков-восемь (имеющий)';

Ardonagaros = ardun-agar 'луков-избыток (имеющий)';

Umbeuaros = hum-bevar 'пашен-много (имеющий)';

Скифское название какой-то рыбы $\chi\alpha\pi\epsilon\rho\delta\eta\varsigma$ (Гесихий) мы исправляем на $\chi\alpha\pi\epsilon\rho\delta\eta\varsigma$ и разбиваем на $\chi\alpha\rho$ -erd 'рыба-блестящая'. Ошибка могла произойти у переписчиков под влиянием латинского написания $\chi\alpha\rho\epsilon\rho\delta$ (?).

Опираясь на добытые результаты по «инверсированным» сложным словам в скифском, мы можем подойти к объяснению названий Днепра и Днестра, а также знаменитой греческой колонии на месте нынешней Керчи — Пантикапея.

Если мы взглянем на карту современной Осетии, то легко заметим, что названия рек в ней оканчиваются на -don; Agydon, Fiagdon, Gænaldon, Orsdon и т. п. Don значит 'река', а предыдущий элемент определяет, конкретизирует, о какой реке идет речь: Ар-река, Фиаг-река, Белая-река и т. п. Порядок частей отвечает современным нормам осетинского языка: определение впереди определяемого.

Если мы взглянем теперь на карту северного Причерноморья, то заметим, что названия рек, включают в них тот же элемент, don в более старой форме dan, но только здесь dan стоит не в конце, как в осетинском, а в начале: Danagr-, Danastr-, Danuvi-. Сейчас никто уже не сомневается, что эти названия идут от скифских времен. Хотя они засвидетельствованы позднее, чем другие древние названия тех же рек, Βορροδώνης, Τύρας и Ἰστρος, это не доказывает, что они не существовали задолго до того, как они были зафиксированы тем или иным автором. Наличие в этих названиях иранского dānu «река» казалось в высшей степени

²⁸ Более старая форма названия Ardabda должна была звучать Artaita (см. выше в словаре arta и hapta). В раскопках Дура Европос обнаружено название, где первые четыре буквы читаются Artā... С. А. Жебелев (Изв. ГАИМК, 104) предлагает дополнить 'Artārtā, что и дало бы нам старую форму скифского названия Феодосии.

вероятным. Не вполне ясна была все же их структура. Теперь, когда мы познакомились с «инверсией» в сложных словах в скифском, эта неясность исчезла. Названия великих черноморских рек построены по известному нам теперь типу скифских «инверсированных» сложных слов: впереди общее понятие 'река', а за ним определяющее конкретное наименование. Скифское *Dan-arg* 'Река-глубокая' относится к осетинскому *aŋ-don* 'глубокая река', как скифское *Parg-panak* 'бококрепкий' к осетинскому *fæjnæg-farg* 'крепкобокий'. Стало быть разница в структуре в скифских и осетинских названиях рек есть разница между двумя историческими этапами развития одного языка, отраженная в способах образования сложных слов.

Итак, названия *Δανατρίς*, *Danastrus* представляют сложные слова и означают 'Река-Апр', 'Река-Астр'. Но что же представляют собой вторые части *Апр*, *Астр*? Только *Апр* мы отважимся объяснить из скифо-осетинского. Древнеосетинское **arg-* по законам осетинской исторической фонетики должно дать последовательно *agr-* и *arŋ-*. Последнее слово мы действительно имеем в осетинском, и значит оно «глубокий». Это название могло быть присвоено Днепру, так как он действительно намного глубже соседних рек. О связи этого названия Днепра (*Arg* → *Apr*) с именем легендарного родоначальника скифов *Argoksaïs* мы скажем ниже.

Что касается *Астр*, то здесь мы имеем, по-видимому, дело со старым, доскифским названием Днестра. По удачной догадке А. Соболевского, *Астр* вероятно тождествен *Истру* (*Ἰστρος*), древнему названию Дуная²⁹: одно и то же название часто присваивается нескольким рекам, ср. два Буга, две Двины и т. п.

Δανούβιος, *Δάουβις*, *Danuvius* мы рассматриваем как простое «удлинение» древнеиранского *dānu* 'река', восходящее к тому времени, когда конечный (тематический) гласный -и не был еще в скифском утрачен³⁰.

Мы не коснулись названия четвертой великой южнорусской р. Дона. Оно не является сложным словом и в данной связи нас не интересует. *Дон* назывался просто «Рекой», без всяких дальнейших определений.

Название *Παντικήατος* (нынешняя Керчь) относится к числу неразъясненных элементов древней южнорусской топонимики. Оно представляется производным от *Pantikara* [Фасмер, 73]. Действительно у Геродота мы находим название реки *Παντικήατος*, в котором видят современный Ингулец [Брун 1880, ч. 2, 15, 44]. Однако Керчь отстоит от Ингульца на большое расстояние, и непонятно, каким образом, город мог получить название от отдаленной реки.

²⁹ Archiv für slavische Philologie, 1905, t. 27, S. 242 и сл.

³⁰ Название Дуная пытались также объяснить из кельтского (см., например: Förster M. Zeitschrift für slavische Philologie, I). Но насколько вероятно, чтобы один и тот же элемент *dan* в названиях соседних рек был разного происхождения?

Поэтому Фасмер справедливо полагает, что название Pantikara применялось также к Керченскому проливу и отсюда-то город получил свое название.

Разъяснение термина Pantikara, в свете того, что мы узнали о скифских словах, не представляет никаких трудностей. Он включает общеиранское *pan̥ti* 'путь' и общевосточноиранское *ka-* 'рыба' и означает стало быть 'путь-рыбный'. Построение такое же, как в других «инверсированных» сложных словах (см. выше).

Значение «рыбный путь» делает понятным, почему такое название могло повторяться в разных местах: любая река или водный проток, где наблюдался массовый ход рыбы, могли называться 'рыбным путем', *pan̥tikara*.

К Керченскому проливу такое название подходит как нельзя лучше. С древних времен он славился своими рыбными богатствами, а рыбные промыслы Пантикапея, как показали археологические данные, получили такой размах, как, пожалуй, нигде в древнем мире ³¹.

В осетинском нартовском эпосе упоминается некий князь или владетель, то враждебный, то дружественный Нартам, носящий загадочное имя *Kæfty-sær-Xujændon-ældar*. *Kæfty-sær* значит 'Глава рыб'. *Xujæn-don* можно понять как 'связующая' или 'соединяющая вода' (от *xujun* 'спивать', 'связывать'), иначе говоря 'пролив'. *Ældar* значит 'князь', 'владетель'. Мы получаем, таким образом: 'Глава рыб — владетель пролива'. Не могло ли такое имя относиться к Боспорским царям, владевшим Боспорским проливом с его рыбными богатствами? Нартовские сказания, как это показано Миллером, Дюмезилем и нами, отражают во многом скифский быт и скифские дела. Отношения Нартов к «Алдару пролива» наминают отношения скифов к Боспорским царям, когда расчетливая дружба нередко сменялась открытой враждой и легко переходила во взаимные распри.

В начале настоящего раздела, классифицируя скифские сложные слова, мы разбили их на две основные группы: 1) содержащие во второй части глагол и 2) содержащие во второй части имя. Все перечисленные выше «инверсированные» *composita* относятся ко второй группе. Значит ли это, что «инверсии» был подвержен только этот тип? По-видимому, нет. На паре примеров можно показать, что и глагольные сложные слова в определенных слу-

³¹ См. по этому вопросу следующие статьи: В. Ф. Гайдукевич (ВДИ, 1937, № 1, с. 236 и сл.; ВДИ, 1940, № 3—4, с. 309 и сл.; ВДИ, 1947, № 3, с. 194 и сл.); Семенов-Зусер (ВДИ, 1947, № 2); Ю. Ю. Марти (Сов. арх., 7, с. 94—105); «Природа», 1941, с. 79 и сл. («Возникновение и развитие рыбного промысла в Азовско-Черноморском бассейне»). Ср. позднейшее тюркское название *Карыкалоу* (И. Цец), где во второй части — тюркское *balıq* 'рыба'.

чаях строились необычным образом: глагол стоял не на втором месте, а на первом (ср. греч. Κλέ-ανδρος рядом с 'Аνδρο-κλής);

Rachoisakos = raχvāy-sak 'производящий-олень';

Uarzbalos = warz-bal 'любящий-дружину'.

Насколько можно судить «инверсия» этого типа была гораздо более редким явлением. Подавляющее большинство глагольных сложных слов имеет «нормальное» строение: глагол стоит в конце.

Как ни характерны «инверсированные» сложные слова для скифского, они никак не могут считаться исключительной особенностью этого языка. Древние иранские языки допускали известную свободу в расположении частей в сложных словах; ср. например, в древнеперсидских именах: Ταυοῦζάρης — один из сыновей царя Кира = tanu-vazarka 'тело-великое (имеющий)'. Τιθραῖος — один из сыновей Ксеркса = čidra-vahišta 'из-рода-лучшего (приходящий)'.

Примером «инверсии» с глаголом может быть имя 'Дарий': Dāraya-vahu 'носитель-добра'.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История скифов составляет неотделимую, органическую часть истории народов Советского Союза. Вместе с другими ираноязычными народами, хорезмийцами и согдийцами, они составляли древнейший культурный элемент в Южной России и Средней Азии. Персия, которой ее правители присвоили теперь официальное название «Иран», была в древности не более как отсталой по культуре периферией иранского мира. Древнейшими областями культуры ираноязычных народов были области, принадлежащие ныне СССР.

В преданиях, восходящих к легендарным временам, колыбелью иранских народов называется страна «Еран-веж» (авест. airyaṇ-əm vaējō). Эта страна, как показали Маркварт³² и Бенвенист [Benveniste 1934, 268—274], есть ни что иное как Хорезм. Неутомимые изыскания советских археологов вскрыли, что это был в течение ряда веков неугасающий очаг высокой культуры в Средней Азии. Такой же культурной областью была много столетий соседняя Согдиана. В близком языковом родстве и в оживленном общении с ними находился и скифо-сакский мир. Его историческая роль, его культура выступают перед нами все более рельефно,

³² Marquart J. Eranšahr, с. 118, 155.

и здесь наибольшая заслуга принадлежит опять-таки русским и советским ученым.

Языки этих народов представляют для советской науки выдающийся интерес. Этот интерес выходит далеко за рамки узкой иранистики. Углубляясь в далекое прошлое Скифии, Хорезма, Согдианы, мы соприкасаемся, в сущности, с узловыми вопросами становления и развития народов советского Юга, их материальной и духовной культуры.

Народы и их культура не исчезают бесследно. Не исчезли бесследно и скифы, хорезмийцы, согдийцы. Дело не только в том, что осетинский язык на Кавказе и ягнобский язык в Средней Азии продолжают традицию скифского и согдийского языков. Более существенно то, что ираноязычные народы нашего древнего юга внесли заметный вклад в языки и культуру многих народов Советского Союза: славянских, угро-финских, среднеазиатских, кавказских. Чтобы выявить и оценить этот вклад в полном объеме, надо приложить все усилия к лучшему познанию скифо-сакского и вообще древнего восточноиранского мира.

Наш очерк о некоторых явлениях скифской речи весьма далек от того, чтобы его можно было назвать описанием языка. Он дает не более полное представление о всей системе скифской речи, чем несколько уцелевших обломков от разных частей тела могут дать представление о действительном строении древней статуи. Достаточно сказать, что из нашего описания почти полностью выпадает такой фундаментальный раздел грамматики, как морфология.

Ограниченность и специфичность материала — почти исключительно собственные имена, — полное отсутствие фразеологии, ставят исследователя в тесные рамки. А дефектность передачи вносит во многие предлагаемые разъяснения элемент неуверенности и гадательности.

Тем не менее, в каждом разделе нашего очерка — в лексике, фонетике, словообразовании — мы получили некоторую сумму положительных, твердых и бесспорных данных, которые не могут быть поколеблены никакими будущими изысканиями и открытиями. Эти данные характеризуют скифский язык как иранский язык, обладающий чертами своеобразной и хорошо выраженной индивидуальности. Из всех известных иранских языков он ближе всего к осетинскому. Эта близость настолько ярка и отмечена такими чертами преемственности, что скифский и осетинский языки могут рассматриваться как две ступени развития одного и того же языка.

Остаются две важные проблемы, которых мы не касались: 1) отношение скифского языка к другим иранским языкам; 2) отношение скифского языка к соседним языкам Восточной Европы и Кавказа древней эпохи.

Для широкой постановки этих проблем нет достаточных предпосылок в силу уже известной нам причины: крайней скудости

дошедшего до нас скифского материала. Но если привлечь также данные осетинского языка — что можно сделать с полным правом — то в деле освещения скифо-иранских, скифо-восточно-европейских и скифо-кавказских связей и отношений могут быть достигнуты существенные результаты.

Из иранских языков в первую очередь вызывают интерес в данной связи сакский, хорезмийский и согдийский языки, относящиеся вместе со скифским к одной, северо-восточной группе иранских языков. Успехи, достигнутые в деле изучения этих языков в последние десятилетия, открыли здесь такие возможности, о которых не могло быть речи раньше. Рамки иранской диалектологии намного расширились. Ценным вкладом в сравнительное изучение языков северо-восточной группы является работа Бейли «Asica» [Bailey 1945].

Привлекают внимание связи скифского с древнеперсидским. Уже отмечалось [Миллер, 1886, 276—278], что ряд скифских собственных имен имеет древнеперсидский облик: Achaemenes, Agiaramnes, Ariapeithes и др. С другой стороны, древнеперсидские элементы отмечены и в осетинском [Абаев, 1945, 7 и сл.] Не подлежит сомнению, что связи существовали. Вопрос лишь в том, относятся ли эти связи к древнейшему периоду иранского единства, когда праскифский язык мог непосредственно соседствовать с древнеперсидским, или речь идет о позднейших влияниях.

Все эти и другие вопросы скифо-иранских отношений не могли быть поставлены в рамках настоящей работы. Разработка их — дело будущего.

То же нужно сказать о скифо-восточноевропейских и скифо-кавказских отношениях. Давно уже отмечено значительное количество арийских и иранских элементов в угро-финских языках. Вряд ли могут быть сомнения, что львиная доля этих элементов идет именно от скифского. Именно скифы, как северный форпост иранского мира, могли и должны были, по территории своего расселения, в течение не одного столетия соседствовать с угро-финнами. Работа Р. Якобсона [Jacobsohn, 1922] не дает всей полноты материала. К тому же она отягощена сомнительными теориями геттингенской школы о древнеиранском вокализме.

Весь вопрос об ирано-финских отношениях следует пересмотреть в свете новых данных осетино-скифского и согдийского языкознания.

Скифы являются также тем единственным иранским народом, который долго и непосредственно соседствовал со славянским, в особенности восточнославянским миром. Вот почему проблема ирано-славянских отношений есть опять-таки в первую очередь проблема скифо-славянских отношений. Имеющиеся работы (Соболевского, Розвадовского, Младенова, Фасмера, Мсерианца, Фреймана) дали уже много ценного. Но все же это — только первые шаги. Многое говорит за то, что на этом пути вскроется еще немало интересного и важного.

С момента появления готов в Восточной Европе можно говорить о скифо-германских отношениях. Скифское *aluð* 'пиво' является, вероятно, не единственным свидетельством существовавших отношений. Скифские культурные влияния в Северной и Западной Европе послужили предметом обстоятельного исследования В. Брендаля [Brøndal 1928], но здесь также нужны более углубленные изыскания.

Среди неиранских скифских имен встречаются имена фракийские (Фасмер, 57 и сл.) С другой стороны, на фракийской почве отмечены иранские имена (Ariphagnes). В полном согласии с этими фактами стоят исторические сведения о соседстве и сношениях скифских и фракийских племен.

Н. С. Трубецкой (*Mém. Soc. Lingu.* 1921, № 22, p. 247—252) поставил вопрос о североиранских влияниях в кавказских языках. Привлеченный им материал представляет, несомненно, лишь небольшую часть того, что может быть здесь выявлено при более широком и глубоком изучении³³.

Было бы неправильно, однако, ставить вопрос только об ирано-скифских влияниях на соседние языки. Не менее важно выявление вклада этих последних в скифском. Здесь кое-что может дать анализ неразъясненных пока скифских собственных имен, в особенности же — выявление и изучение неиранских элементов в осетинском. Ведущаяся в этом направлении работа будет, как мы надеемся, завершена в близком будущем.

Одним из важных результатов нашего исследования является установление того факта, что скифы в языковом отношении не были какой-то бесформенной, хаотической массой, находящейся в периоде этно-языкового становления. Мы имеем дело с вполне определившимся языковым типом, который занимает свое определенное место в сравнительной грамматике иранских и индоевропейских языков. Иначе и не могло быть: еще за тысячу лет до скифов, в XV в. до н.э., в Малой Азии существовали памятники индо-иранской речи с вполне определившимися чертами этой языковой группы (числительные и имена божеств).

Ясно, что приурочивать к скифской эпохе глоттогонию Восточной Европы так же нелепо, как выводить млекопитающих животных непосредственно из первоначальной протоплазмы. Значит ли это, что нельзя ставить вопрос о скифо-славянских, скифо-кавказских и т. п. отношениях? Конечно, нет. Но эти вопросы должны ставиться и решаться в плане взаимодействия и взаимовлияния вполне определившихся и оформившихся языковых образований, а не в плане первоначального глоттогенеза.

Вопросы глоттогенеза ведут нас ко временам, на много столетий предшествовавшим появлению скифов в Южной России.

³³ Обращает на себя внимание обилие скифо-сарматских имен среди иберской знати в первые века нашей эры: Ксе-фарнуг (царь), Саурмаг (царь), Вахтанг (царь), Радамист (царевич), Шарагас (питиахш), Зевах (питиахш), Аспаурук (питиахш), Иодманган (начальник двора).

ЗАМЕТКА I

ЛЕГЕНДА О ПРОИСХОЖДЕНИИ СКИФОВ

(Геродот, VI, 5—6)

Геродот — единственный из древних авторов, который черпал свои сведения о скифах непосредственно из первоисточников. Поэтому его рассказы о скифском быте и обычаях, о легендах и мифах скифов заслуживают доверия³⁴.

«Скифы говорят, — пишет Геродот, — что их народ моложе всех и произошел следующим образом. В их земле, которая до того была безлюдной, родился новый человек, по имени Таргитай. Родителями этого Таргитая они называют, по моему мнению, неверно, Зевса и дочь реки Борисфена. Такого-де происхождения был Таргитай, а у него родились три сына: Липоксай, Арпоксай и младший Коласай... От Липоксая произошли те Скифы, которые носят название рода Ахватов, от среднего брата Арпоксая — те, которые называются Катиарами и Траспиями, а от младшего те, что называются Паралатами».

Деление скифов на три колена напоминает деление Нартов на три рода: Бораевых, Хсартаговых и Алаговых.

Другая, более интересная, параллель между нартской и скифской легендой, которую мы имели случай отметить в нашей работе о нартском эпосе, заключается в том, что главная нартская героиня Сатана, в образе которой ярко выступают мифологические черты первой женщины-родоначальницы, произошла от союза небесного Уас-Георги, христианского «Зевса», и дочери водного царства Дзерассы. По всей видимости, происхождение племени от союза неба и воды было стойкой мифологической традицией скифов, которая в устах осетинских рапсодов дожила до наших дней.

Теперь обратимся к именам трех скифских родоначальников, сыновей Таргитая. Все три имени заключают во второй части иранский корень хšaу-, означающий 'сиять', 'блистать', а также 'властвовать', 'повелевать'. Первые части этих имен до сих пор не вполне ясны. Элемент Agr- в Agrksais мы сопоставляем со скифским названием Днепра в Dan-Agr 'Река-Агр'. Agr, в свою очередь, сопоставляется с осетинским arf 'глубокий'. Итак, Agrksais = Agra-xšaуа могло означать 'Владыка Днепра' или 'Днепр-царь'.

Для объяснения Kola в Kolaksais мы обращаем внимание на случаи колебания, при передаче иранских имен, между K и X, в частности на передачу в отдельных случаях иранского h через k. Так, индийское имя Nuxahāda в греческой передаче звучит Κουξάρης. Среди скифских имен находим Χόφαρος и Κόφαρος, оба из Танаиды.

³⁴ Этого нельзя сказать, разумеется, о передаче им собственных имен и названий, которые и у самого Геродота и у позднейших переписчиков могли подвергаться и несомненно подвергались серьезным искажениям.

Трудно думать, что это два разных имени. Всего вернее, оба они отражают скифское *hu-fagna* 'носитель' доброго *fagn'a*. *Χάραξτος* (Г) и *Κάραξτος*, *Κάρατος* (О) также представляют, по-видимому, не что иное, как разное написание одного и того же имени.

Мы не беремся подыскать удовлетворительное фонетическое или палеографическое объяснение этому явлению — передаче *h(x)* через *k*, но самые факты стоят вне сомнения.

Если вдобавок к сказанному допустить колебание между *l* и *g*, что могло иметь место и на скифской почве, то, может быть, имя младшего родоначальника скифов *Kolaksais* можно восстановить в *Horaksais* как *Hvar-xšaia* 'Солнце-царь'. Такое имя было бы хорошей параллелью к перс. *Xoršēd* = *Hvar-xšaita* 'Солнце'.

Если один из скифских родоначальников оказывается олицетворением солнца, а другой (*Arpoksais*) — олицетворением Днепра, то выходит, что в легенде об этих братьях повторяется, в новых образах, уже известный нам миф о происхождении скифов от неба и воды, от Зевса и Днепра.

Остается третий брат *Lipoksais*, который тоже был, возможно, каким-нибудь мифологичеким образом. К сожалению, здесь нельзя даже строить каких-либо предположений: элемент *Lipo-* решительно не поддается объяснению.

ЗАМЕТКА II

ТЕРМИН «СКИФ»

Как мы отметили в начале настоящей работы, значительная часть «варварских» имен и названий из северного Причерноморья скифо-сарматской эпохи средствами иранских языков разъяснена быть не может. К числу таких терминов относится и термин «скиф» (греч. *Σκύθης*, мн. число *Σκύθαι*). Явно несостоятельна попытка В.с. Миллера объяснить *Σκύθα* как мн. число от *Saka* 'сак', 'скиф' [Миллер 1886, 181—183]. Выпадение коренного гласного а нельзя подтвердить примерами из осетинского, так как в последнем выпадение имеет место в многосложных основах, но никогда в односложных; так от *sag* 'олень' мн. число будет *sagtæ*, а не *sgutæ*.

Совершенно прав поэтому Н. Я. Марр, когда он ищет объяснение этому термину, а также ряду других, в доиранской «яфетической» речи местного населения [Марр 1935, 1—43]. Удачным кажется нам также восстановление *skuta* в *skul-ta*, где *ta* — показатель множественности [Марр 1935, 196]. В этом случае термин *Σκύθαι* (←*skul-ta*) оказывается разновидностью другого самоназвания скифов — *Σκόλοτοι*, о котором сообщает Геродот. В этом же ряду находят себе место собственные имена скифских царей: *Σκόλης* (Геродот IV, 78, 80), *Σκύλλωρος* (Страбон VII, 4, 3, 6),

Scolopitus (Юстин II, 4). Элемент skul, skol, наличный в этих именах, был, по всей вероятности, каким-то важным термином доиранского населения юга России.

Прослеживая изменения в составе «варварских» слов и названий от Геродота до II—III вв. н. э., можно констатировать, что иранский элемент усиливался постепенно, достигнув максимума к первым векам нашей эры. Не случайно, что у самого раннего автора, Геродота, мы находим наибольший процент терминов и слов, не имеющих удовлетворительного иранского объяснения. Иранизация проходила через ряд этапов. На начальных ее этапах удельный вес доиранских элементов был еще весьма значителен. Были, в частности, унаследованы, как это часто бывает, некоторые старые племенные названия. К числу их относился, надо думать, и термин skul, skol.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

КНИГИ, ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ И ДР.

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

- АВИ и СИЯ — Актуальные вопросы иранистики и сравнительного языкознания. Тезисы докладов (Ин-т языкознания АН СССР). М., 1970.
- АДД — Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора наук.
- АКД — Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата наук.
- ВДИ — Вестник древней истории. М.
- ВЯ — Вопросы языкознания. М.
- ДАН-В — Доклады АН СССР. Сер. В. Л.
- ДД СССР — Доклады делегации СССР.
- ДРАН-В — Доклады Российской академии наук. Сер. В. Л.
- ЗИАН — Записки Императорской академии наук по историко-филологическому отделению. СПб.
- ЗИВ — Записки Ин-та востоковедения АН СССР. Л.
- ЗКВ — Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской академии наук. Л.
- Изв. ИАН — Известия Императорской академии наук. СПб.
- Изв. ОРЯС АН — Известия отделения русского языка и словесности Академии наук.
- ИС — Иранский сборник. К 70-летию проф. И. И. Зарубина. М., 1963.
- ИТН — История таджикского народа. Т. 1. С древнейших времен до V в. н. э. Под ред. Б. Г. Гафарова и Б. А. Литвинского. М., 1963.
- ИТОРГО — Известия Туркестанского отделения Русского географического общества. Ташкент.
- ИФ III (тез.) — Тезисы докладов (III) Всесоюзной конференции востоковедов по иранской филологии (1963 г.). Баку, 1963.
- ИФ V (тез.) — V межвузовская научная конференция по иранской филологии (тезисы докладов). Душанбе, 1966.
- КСИНА — Краткие сообщения Ин-та народов Азии (АН СССР). М.
- МКВ — Международный конгресс востоковедов.
- НАА — Народы Азии и Африки. М.
- НСАК — Народы Средней Азии и Казахстана, т. 1—2. М., 1962—1963.
- ОИИИЯ — Очерки по истории изучения иранских языков. М., 1962.
- ПВ — Проблемы востоковедения. М.
- ПП и ПИКНВ — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока, т. 1—9. Л., 1965—1975 (годичные научные сессии Ленинградского отд. Ин-та народов Азии/Ин-та востоковедения АН СССР).
- ПС — Палестинский сборник. Л.
- СВ — Советское востоковедение. М.
- СЭ — Советская этнография. М.—Л.
- ТИЯЗ — Труды Ин-та языкознания АН СССР. М.
- ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
- УЗИВАН — Ученые записки Ин-та востоковедения АН СССР. М.
- ЭВ — Эпиграфика Востока. М.—Л.

НА ДРУГИХ ЯЗЫКАХ

- AM — Asia Major. London.
 AO — Acta orientalia. Leiden.
 APAW — Abhandlungen der Preussischen Akademie des Wissenschaften. Philosoph.-Hist. Kl. Berlin.
 BSL — Bulletin de la Société de linguistique de Paris.
 BSO(A)S — Bulletin of the School of Oriental and (African) Studies. London.
 DB — Бехистунская надпись Дария I. (Здесь, как и в других надписях, если это особо не оговорено, имеется в виду древнеперсидский текст).
 DNa — Накширустемская надпись «а» Дария I.
 DPe — Персепольская надпись «е» Дария I.
 DPg — Персепольская надпись «g» Дария I (только вавилонский текст).
 DPh — Персепольская надпись «h» Дария I.
 DSe, f — Сузские надписи «е» и «f» Дария I.
 EI — The Encyclopaedia of Islam, v. 1—15. Leiden—Leipzig, 1913—1936.
 GIPh — Grundriss des iranischen Philologie. Hrsg. von W. Geiger und E. Kuhn. Bd. 1, Abt. 1 (1895—1901), Abt. 2 (1898—1901); Bd. 2 (1896—1904). Strassburg.
 HbO—1—Handbuch der Orientalistik, hrsg. von B. Spuler... Abt. 1. Der Nahe und der Mittlere Osten. Bd. 4. Iranistik. Abs. 1. Linguistik. Leiden—Köln, 1958.
 HbO—2 — Handbuch der Orientalistik, hrsg. von B. Spuler... Abt. 1. Der Nahe und Mittlere Orient. Bd. 4. Iranistik. Abs. 2. Literatur, Lief. 1. Leiden—Köln, 1968.
 IC 1967 — Mayrhofer M. [et al.] Indogermanische Chronik. — In: Die Sprache, 1967, Bd. 13.
 IF — Indogermanische Forschungen. Zeitschrift für Indogermanistik und allgemeine Sprachwissenschaft. Berlin.
 JA — Journal Asiatique. Paris.
 JASB — Journal and proceedings of the Asiatic Society of Bengal. Calcutta.
 JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. London.
 LSI — Linguistic Survey of India, compiled and edited by Grierson, vol. 1—11. Calcutta, 1899—1928.
 MO — Le monde oriental. Uppsala.
 MIO — Mitteilungen des Instituts für Orientforschung. Berlin.
 MSL — Mémoires de la Société de linguistique de Paris.
 N. F. — Neue Folge.
 n. s. — Nouvelle série.
 n. s. — New series.
 NTS — Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap. Oslo.
 REArm — Revue des Études Arméniennes. Paris.
 RSO — Rivista degli Studi Orientali. Roma.
 SPAW — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosoph.-hist. Kl. Berlin.
 TPhS — Transactions of the Philological Society. London.
 Vid — Bugebgam.
 V(d) — Видевдат.
 XPh, f — Персепольские надписи «h» и «f» Ксеркса I.
 XV — Надписи Ксеркса I в Ваве.
 Y — Ясна.
 Yt — Яшты.
 WZKM — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Wien.
 ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig, Wiesbaden.
 ZII — Zeitschrift für Indologie und Iranistik. Leipzig.

ЯЗЫКИ И ДИАЛЕКТЫ

ав(ест.) — авестийский
 авар. — аварский
 ав. г. — авестийский язык Гат
 ав. п. — поздний авестийский
 авр. — авромани
 аккад. — аккадский

ар. — арийский
 арам. — арамейский
 арм. — армянский
 ассир. — ассирийский
 афт. — афтары (один из диалектов
 полосы г. Семнана)

бадж. — баджувский (говор шугванского)
баджал. — баджалани (один из диалектов гурани)
бактр. — бактрийский
барт. — бартагский
бахт. — бахтиярский
башк. — башкарди
бел. — белуджский (при отсутствии дополнительных помет — язык белуджей Туркменской ССР)
бел.-з. — белуджский (западный диалект)
берм. — говор сел. Бермова (Ибрахибабад) (к югу от Казвина)
бидж.-з. — один из говоров заза (говор. сел. Биджак)
бияб. — биябунеки (один из диалектов в полосе г. Семнана)
будд. — буддийские тексты на согдийском языке
бур. — бурунгуни (один из диалектов Фарса)
вав. — вавилонский
ван. — ванечи (диалект афганского)
вах. — ваханский
вед. — ведический санскрит
вел. — диалект селения Велатру (диалект мазандеранского)
вон. — воничуни (один из диалектов Центрального Ирана)
габ. — габри-диалект(ы) парсов Ирана (по GIPh)
гил. — гилинский
гр(еч). — греческий
груз. — грузинский
гур. — гураны
дав. — давани (один из диалектов Фарса)
дар. — дары (афганский дари)
дарг. — даргинский
джавш. — джавшакани (один из диалектов Центрального Ирана)
дигор. — дигорский
др.-вандж. — древневанджский (до-таджикский язык долины Ванджа, Памир)
др.-гр(еч). — древнегреческий
др.-инд. — древнеиндийский
др.-ир. — древнеиранский
др.-перс. — древнеперсидский
дф. — диалекты Фарса
зеф.(р). — зефрей (один из диалектов Центрального Ирана)
и.-е. — индоевропейский
ирон. — иронский
ишк. — ишкашимский
ишт. — иштихарди (диалект сел. Иштихард, к юго-западу от Казвина)

кадж. — каджали (один из «татских» диалектов Иранского Азербайджана)
каз.-з. — один из говоров заза (говор сел. Казана)
канд. — кандулай (один из диалектов языка гурани)
каф. — кафирские
каш. — кашанский
керанруд. — керанрудский (говор талышского)
керинг. — керингани (диалект Керингана, Иранский Азербайджан, область Тебриза)
кеш. — диалект селения Кеша (Центральный Иран)
кл. перс. — классический персидский
киг. — канигурамский (диалект языка ормури)
ки. ср.-перс. — книжный среднеперсидский язык
коми-зыр. — коми-зырянский
коми-перм. — коми-пермяцкий
конд. — кондази (один из диалектов Фарса)
кор.-з. — один из говоров заза (говор сел. Кор)
кохр. — кохруд (один из диалектов Центрального Ирана)
кумз. — кумзари
курд. — курдский
курд. (корм.) — курдский диалект Керманшаха
курдш. — курдшули (один из диалектов Фарса)
лакск. — лакский
лар. — ларский
ласг. — ласгерди (один из диалектов Центрального Ирана)
лор. — логарский диалект языка ормури
лур. — лурский
маз. — мазандеранский
ман. — манихейские тексты на согдийском языке
манд. — мандейский
манс. — мансийский
мас. — масарми (один из диалектов Фарса)
мах. — махаллати (один из диалектов Центрального Ирана)
мейм. — диалект селения Мейме (Центральный Иран)
мекр. — мекранский (диалект белуджского)
мид. — мидийский
мукр. — мукри (один из диалектов курдского языка)
мундж. — мунджанский

най. — наини (один из диалектов Центрального Ирана)
 нат. — натанзи (один из диалектов Центрального Ирана)
 н.-перс. — новоперсидский
 орм. — ормури
 орош. — орошорский
 ос(ет). — осетинский
 пап. — папуни (один из диалектов Фарса)
 пар. — парáчи
 парф. — парфянский
 перс. — персидский
 перс.-тадж. — персидско-таджикский
 перс. тег. — тегеранский диалект персидского языка
 пехл. — тексты пехлевийского письма
 позднеар. — позднеарийский
 руш. — рушанский
 сак. — сакский
 сангл. — сангелчи́ (диалект ишканимского)
 сарык. — сарыкольский
 сед. — седе(х)и́ — говор сел. Седе(х) (неподалеку от Исфахана)
 семн. — семнанский
 сив. — сивенди́
 сив.-з. — один из говоров заза — говор сел. Сиверек
 сир. — сирийский
 скиф. — скифский
 скр. — санскрит
 слав. — славянский
 совр. перс. — современный персидский
 согд. — согдийский
 согд.-будд. — согдийский буддийских текстов
 согд.-ман. — согдийский манихейских текстов
 согд.-христ. — согдийский христианских текстов
 сомг. — сомгунí (один из диалектов Фарса)
 ср.-перс. — среднеперсидский (при отсутствии дополнительных помет
 имеется в виду среднеперсидский язык пехлевийских текстов)
 ст.-сл. — старославянский
 сул. — сулаймани́ (диалект курдского)
 сурх. — сурхеи (один из диалектов Центрального Ирана)
 сэнг. — сэнгисэри (один из диалектов Центрального Ирана)
 тадж. — таджикский
 так. — такистанí (говор сел. Такистан, к юго-западу от Казвина)
 тал. — талышский
 талах. — говор сел. Талахедешк
 талм. — талмудический
 тат. — татский
 тс. — тумшукско-сакский
 турф. ср.-п. — среднеперсидский язык (турфанские тексты)
 удм. — удмуртский
 фар. — фаризанди (диалект сел. Фаризанд, к северо-западу от Наина)
 фариз. — фаризанди
 фе. — фейли (один из диалектов лурско-бахтиярской группы)
 ферр. — феррохи (один из диалектов Центрального Ирана)
 хант. — хантыйский
 хорезм. — хорезмийский
 христ. — христианские тексты на согдийском языке
 хс. — хотано-сакский
 хунс. — хунсары (один из диалектов Центрального Ирана)
 хуф. — хуфский
 шахр. — шахрудí (диалект Шахруда, юго-восточная часть Иранского Азербайджана)
 шир.-евр. — говор ширазских евреев
 шугн. — шугнанский
 элам. — эламский
 эшт. — эштехарди (один из диалектов группы южного татí)
 ягн. — ягнобский
 язг. — язгулямский
 яр. — яран(д)и (диалект сел. Яран(д) северо-западу от Наина)
 яран. — яранди́

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (В. С. Расторгуева)	3
ВВЕДЕНИЕ (И. М. Оранский)	10
Группа (семья) иранских языков. Основные определения	10
Краткий обзор иранских языков	12
Древнеиранские и среднеиранские языки (древнеперсидский, авестийский, сакские /скифские/, мидийский, среднеперсидский, парфянский, согдийский, хорезмийский, бактрийский /эteo-тохарский/, древние языки /диалекты/ Мавераннахра, Тохаристана и Систана) . .	12
Новоиранские языки (новоперсидский, современный персидский, таджикский, персидско-таджикские диалекты на территории Афганистана и язык дари, афганский /пашто/, осетинский, курдский, белуджский, татский, талышский, памирские, ягнобский, бесписьменные /или малописьменные/ иранские языки и диалекты на территории Ирана, Ирака, Турции и на Аравийском полуострове, бесписьменные иранские языки и диалекты на территории Афганистана и Пакистана)	17
Выделение иранских языков в самостоятельную языковую группу. Их отношение к языкам арийским и индоарийским	27
Область распространения иранских языков в различные исторические эпохи	34
Процессы взаимодействия иранских языков с неиранскими	38
Процессы взаимодействия между отдельными иранскими языками . .	51
Двуязычие, явления языковой конвергенции, субстрата и суперстрата	57
Вопросы периодизации истории иранских языков	62
Вопросы историко-диалектологической классификации иранских языков	81
ЯЗЫК АВЕСТЫ (С. Н. Соколов)	129
Введение	129
Состав Авесты	134
Рукописи Авесты	134
История изучения Авесты	135
Фонетика	136
Графика и транслитерация	136
Гласные	144
Гласные сонанты	145

Согласные сонанты	145
Дифтонги	146
Согласные	146
История фонем языка Авесты	148
Гласные	149
Сонанты	150
Чередование гласных	151
Согласные	153
Гуттуральные (153). Глухие простые (154). Глухие придыхательные (154). Звонкие простые и придыхательные (155). Палатальные (155). Фрикативные (156). Позиционные изменения согласных (156).	
Тон и ударение	159
Гаты и поздняя Авеста	160
Морфология	161
Морфологический анализ слова	161
Корень (161). Основа (162)	
Имя	163
Существительные и прилагательные (163). Именное основообразование (163). Именное словосложение (166). Именное словоизменение (167).	
Местоимения	184
Указательные местоимения (184). Относительные местоимения (188). Вопросительные местоимения (189). Возвратное местоимение (190). Местоименные прилагательные (190). Личные местоимения (190).	
Числительные	192
Количественные числительные (192). Порядковые числительные (194).	
Значение форм именного словоизменения	194
Род (194). Число (195). Падежи (196).	
Предлоги	203
Наречие	205
Глагол	206
Личные окончания (207). Система презенса (208). Система аориста (214). Система перфекта (216). Залоги (217). Наклонения (218). Смешение глагольных форм (224). Превербь (225). Отрицание (226). Глагольные имена (227).	
Краткие сведения о предложении	232
ДРЕВНЕПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК (С. Н. Соколов)	234
Введение	234
Памятники древнеперсидского языка	237
Письмо	239
Транскрипция	241
Фонетика	242
Гласные и дифтонги	242
Согласные	243
Ударение	245
Морфология	245

Именное словообразование	246
Степени сравнения прилагательных (246). Префиксальные образова- ния и словосложение (247).	
Именное словоизменение	247
Местоимения	252
Числительные	253
Наречия	254
Значения именных форм	254
Предлоги и послелоги	256
Глагол	256
Личные окончания (256). Презентные основы (257). Система спря- жения (258). Аорист (259). Залоги (259). Наклонения (260). Смеше- ние глагольных форм (263). Преверб (264). Глагольные имена (265).	
Предложение	267
Порядок слов	267
Однородные члены предложения	269
Сочинительные союзы	270
Подчинительные союзы	270
СКИФО-САРМАТСКИЕ НАРЕЧИЯ (В. И. Абаев)	272
Введение	272
Диалекты	273
Лексика	275
Словарь скифских слов	276
Указатель разобранных скифских имен и названий	311
Комментарии	315
Фонетика	322
Морфология	336
Словообразование	341
Аффиксы	341
Сложные слова	347
Заключение	358
Заметка I. Легенда о происхождении скифов	362
Заметка II. Термин «скиф»	363
БИБЛИОГРАФИЯ	365
На русском языке	365
На других языках	373
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	381
Книги, периодические издания и др.	381
Языки и диалекты	382

БИБЛИОГРАФИЯ

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

- Абаев В. И.* Из осетинского эпоса. М.—Л., 1939.
- Абаев В. И.* Надпись Дария I о сооружении дворца в Сузе. — В кн.: Иранские языки, т. 1. М.—Л., 1945₁.
- Абаев В. И.* Антидэвовская надпись Ксеркса. — В кн.: Иранские языки, т. 1. М.—Л., 1945₂.
- Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор, т. 1. М.—Л., 1949.
- Абаев В. И.* Этимологические заметки. — ТИЯЗ, 1956₁, т. 6.
- Абаев В. И.* Скифский быт и реформа Зороастра. — In: Archiv Orientalni, 1956₂, т. 24.
- Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. 1, 2. М.—Л., 1958—1973.
- Абаев В. И.* Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1959.
- Абаев В. И.* Об иранских названиях стали. — В кн.: Иранский сборник. М., 1963₁.
- Абаев В. И.* О тюркских элементах в осетинском языке. — ИФ III (тез.). Баку, 1963₂.
- Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965₁.
- Абаев В. И.* К алано-венгерским лексическим контактам. — In: Europa et Hungaria (Congressus Ethnographicus in Hungaria, 1963). Budapest, 1965₂.
- Абаев В. И.* О перекрестных изоглоссах. — В кн.: Этимология, 1966. М., 1968.
- Абаев В. И.* О развитии литературных языков иранских народов Советского Союза. — В кн.: Основные процессы внутривидового развития иранских и иберийско-кавказских языков. М., 1969₁.
- Абаев В. И.* [Рец. на:] Андроникашвили М. К. Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям, т. 1. Тбилиси, 1966. — ВЯ, 1969₂, № 4.
- Абаев В. И.* О некоторых лингвистических аспектах скифо-сарматской проблемы. — В кн.: Проблемы скифской археологии. М., 1971.
- Абаев В. И., Добыжудоев Р. Х.* [Рец. на:] Герценберг Л. Г. Морфологическая структура слова в древних индо-иранских языках. Л., 1972. — ВЯ, 1974, № 5.
- Аванесов Р. И.* Об очередных задачах диалектологического изучения языков Советского Союза. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1959, т. 18, вып. 3.
- Андреев М. С.* По этимологии Афганистана. Долина Пянджшир. Ташкент, 1927.
- Андреев М. С., Пещерова Е. М.* Ягнобские тексты (прилож.: Ягнобско-русский словарь. Сост. Андреев М. С., Лившиц В. А., Писарчик А. К. М.—Л., 1957).
- Андроникашвили М. К.* Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.; рез. на русск. и англ. яз.).
- Арриан.* Поход Александра. Пер. с др.-греч. М. Е. Сергеевко. М.—Л., 1962.

- Асланов М. Г.* Заимствования из тюркских языков в пушту. — Труды Московского ин-та востоковедения, вып. 4. М., 1947.
- Ахмедияни* 1963—1969 — Грамматика осетинского языка, т. 1—2. Под ред. Г. С. Ахвледиани. Орджоникидзе, 1963—1969.
- Баевский С. И.* Описание персидских и таджикских рукописей Института народов Азии АН СССР. Вып. 4. Персидские толковые словари (фарханги). М., 1962.
- Бакаев Ч. Х.* История изучения курдского языка в России и СССР. — ОИИИЯ, 1962.
- Бакаев Ч. Х.* Курдский язык (становление и развитие литературного языка). — В кн.: Основные процессы внутривидового развития иранских и иберийско-кавказских языков. М., 1969.
- Бакаев Ч. Х.* Язык курдов СССР. Сравнительная характеристика говоров. М., 1973.
- Бартольд В. В.* Ислам. Пг., 1918.
- Бартольд В. В.* К вопросу о языках согдийском и тохарском. — В кн.: Иран, т. 1. Л., 1927.
- Бернштам А. Н.* Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии. — СЭ, 1947, № 6—7.
- Бернштам А. Н.* Древнетюркский документ из Согда. — ЭВ, 1951, № 5.
- Бируни А.* Избранные произведения, т. 1. Ташкент, 1957.
- Вичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. 1—3. 2-е изд. М.—Л., 1950—1953.
- Боголюбов М. Н.* Древнеперсидский месяц *viyaxna* — СВ, 1956₁, № 1.
- Боголюбов М. Н.* Ягнобский (новосогдийский) язык. Исследование и материалы. — АДД. Л., 1956₂.
- Боголюбов М. Н.* Согдийские документы с горы Муг (языковые данные). М., 1960 (XXV МКВ, ДД СССР).
- (*Боголюбов М. Н.*) Язык документов. — В кн.: Согдийские документы с горы Муг. Вып. 3. Хозяйственные документы. Чтение, пер. и коммент. М. Н. Боголюбова и О. И. Смирновой. М., 1963.
- Боголюбов М. Н.* Ягнобский язык. — В кн.: Языки народов СССР, т. 1. М., 1966₁.
- Боголюбов М. Н.* Арамейская строительная надпись из Асуана. — ПС, 1966₂, 15 (78).
- Боголюбов М. Н.* Арамейский документ из Авромана. — Вестник ЛГУ, 1967₁.
- Боголюбов М. Н.* К чтению арамейской версии кандагарской надписи Ашокк. — Изв. АН СССР. Сер. лит.-р. и яз., 1967₂, т. 26, вып. 3.
- Боголюбов М. Н.* О нескольких терминах в распоряжении Аршама о ремонте корабля. — В кн.: Вопросы филологии стран Азии и Африки. Вып. 1. Сб. в честь проф. И. Н. Винникова. Л., 1971.
- Боголюбов М. Н.* Арамейские надписи на ритуальных предметах из Персеполи. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1973, т. 32, вып. 2.
- Боголюбов М. Н.* Арамейская версия лидийско-арамейской билингвы. — ВЯ, 1974, № 6.
- Боголюбов М. Н., Смирнова О. И.* Хозяйственные документы. Чтение, пер. и коммент. — В кн.: Согдийские документы с горы Муг, вып. 3. М., 1963.
- Болдырев А. Н.* Из истории развития персидского литературного языка. — ВЯ, 1955, № 5.
- Болдырев А. Н.* Зайнабдин Васифи. Таджикский писатель XVI в. Сталинабад, 1957.
- Борозков А. К.* Таджикско-узбекское двуязычие и вопрос о взаимовлиянии таджикского и узбекского языков. — УЗИБАН, 1952, т. 4.
- Брук С. И.* Население Китая, МНР и Кореи. Пояснительная записка к карте народов. М., 1959.
- Брун Ф. К.* Черноморье, ч. 1—2. Одесса, 1879—1880.
- Винников И. Н.* Арабы в СССР. — СЭ, 1940, № 4.
- Волин С. Л.* Новый источник для изучения хорезмийского языка. — ЗИВ, 1939, т. 7.

- Волин С. Л. К истории среднеазиатских арабов. — В кн.: Труды 2-й сессии арабистов (Труды Ин-та востоковедения АН СССР, вып. 36). М.—Л., 1941.
- Воробьев-Десятовский В. С., Воробьева-Десятовская М. И. Сказание о Бхадре (новые листы сакской рукописи «Е»). М., 1965.
- Гаджиева Н. З. Задачи и методы тюркской ареальной лингвистики. — ВЯ, 1975, № 1.
- Георгиев В. И. Проблема возникновения индоевропейских языков. — ВЯ, 1956, № 1.
- Георгиев В. И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию (Родственные отношения индоевропейских языков). М., 1958.
- Геродот. История в девяти книгах. Пер. с греч. Ф. Г. Мищенко, т. 1—2, 2-е изд. М., 1888.
- Герценберг Л. Г. Хотаносакский язык. М., 1965.
- Герценберг Л. Г. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках. Л., 1972.
- Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.
- Григорьев В. В. О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре. Записки Мирзы-Шемса Бухари. Казань, 1861.
- Грюнберг А. Л. К вопросу о языковом взаимодействии (на материале языка северо-азербайджанских татов). — КСИНА, 1961, т. 40.
- Грюнберг А. Л. Язык северо-азербайджанских татов. Л., 1963.
- Грюнберг А. Л. Татский язык. — В кн.: Языки народов СССР. М., 1966.
- Грюнберг А. Л. К диалектологии дардских языков (глангали и земиаки). — В кн.: Индийская и иранская филология. Вопросы диалектологии. М., 1971.
- Грюнберг А. Л. Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык. Тексты, словарь, грамматический очерк. Л., 1972.
- Грюнберг А. Л., Литвищ В. А., Стеблин-Каменский И. М. О генетических связях мунджанского языка. — В кн.: Актуальные вопросы исследования иранских языков и диалектов. Тезисы докладов. М., 1974.
- Гуриев Т. А. Влияние русского языка на развитие осетинской лексики. Орджоникидзе, 1962.
- Гуриев Т. А. О характере языковых контактов: суперстрат. — АВИ и СИЯ, 1970.
- Давидович Е. А., Литвинский Б. А. Археологический очерк Исфаринского р-на. Сталинабад, 1955.
- Дандамаев М. А. Древнеперсидские слова в вавилонских текстах. — ИФ В (тез.). Душанбе, 1966.
- Дандамаев М. А. Клинописные данные об ариях. — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
- Дандамаев М. А. Ахеменидское государство и его значение в истории древнего Востока. — В кн.: История Иранского государства и культуры. К 2500-летию Иранского государства. М., 1971.
- Дворянков Н. А. Язык пушту. М., 1960.
- Дворянков Н. А. Литературный язык и диалекты папшто в Афганистане. — НАА, 1964, № 2.
- Дворянков Н. А. Проблема классификации диалектов папшто в Афганистане. — Иранская филология. Материалы IV Всесоюзной межвузовской научной конференции по иранской филологии (Ташкент, 1964). Ташкент, 1966.
- Дворянков Н. А. О взаимоотношении папшто с индийскими языками. — В кн.: Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. М., 1968.
- Дворянков Н. А. К характеристике папшто-дардских контактов в Кунаре. — Генетические и ареальные связи языков Азии и Африки. Тезисы докладов. М., 1973.
- Чураев Г. Лахзаҳои арабҳои тоҷикзабон. Душанбе, 1975.
- Дорофеева Л. Н. Язык фарси-кабули. М., 1960.
- Дьяконов И. М. История Мидии. М.—Л., 1956.

- Дьяконов И. М. Восточный Иран до Кира (К возможности новых постановок вопроса). — В кн.: История Иранского государства и культуры. К 2500-летию Иранского государства. М., 1971.
- Дьяконов И. М., Лившиц В. А. Документы из Нисы I в. до н. э. Предварительные итоги работы. М., 1960.
- Дьяконов И. М., Лившиц В. А. Новые находки документов в Старой Нисе. — В кн.: Переднеазиатский сборник, т. 2. М., 1966.
- Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961.
- Дыбо В. А. О рефlekсах индоевропейского ударения в афганском. — Актуальные вопросы иранистики и сравнительного индоевропейского языковедения (тезисы докладов). М., 1970.
- Ригведа. Избранные гимны. Пер., коммент. и вступит. статья Т. Я. Елизаренковой. М., 1972.
- Ефимов В. А. Язык афганского хазара. Якаулангский диалект. М., 1965.
- Ефимов В. А. Категория рода. — Опыт историко-типологического исследования иранских языков. М., 1975.
- Жуковский В. А. Материалы для изучения персидских наречий. Ч. 1. Диалекты полосы города Кашана: Воншун, Кохруд, Кешэ Зэфрэ. СПб., 1888, Ч. 2. Диалекты полосы города Семна: Сянгисэр, Шемерзод. Диалекты полосы города Исфaghана: Садэ, Гяз, Кяфрон. Диалекты полосы города Шираз: Сивенд, Абдуи. Гуранский диалект деревни Талахедэшк. Наречие евреев города Кашана. Наречие деревни Таджриш. Вып. I. 1. Тексты; 2. Словарь. Пг., 1922. Ч. 3. Наречие бахтияров чехарлент и хейтлент. Вып. I. 1. Тексты и переводы; 2. Словарь. Пг., 1922.
- Залеман К. Г., Жуковский В. А. Краткая грамматика новоперсидского языка с приложением метрика и библиографии. СПб., 1890.
- Зарубин И. И. К списку памирских языков. — ДРАН-В, 1924₁, апрель — июнь.
- Зарубин И. И. О языке гератских евреев. — ДРАН-В, 1924₂, октябрь — декабрь.
- Зарубин И. И. К характеристике мунджанского языка. — В кн.: Иран, т. I. Л., 1927₁.
- Зарубин И. И. Вершикское наречие канджутского языка. — ЗКВ, 1927₂, т. 2, вып. 2. Л.
- Зарубин И. И. Отчет об этнологических работах в Средней Азии летом 1926. — Изв. АН СССР, 1927₃, № 5—6.
- Зарубин И. И. К изучению белуджского языка и фольклора. — ЗКВ, 1930, т. V.
- Иванов Вяч. В. Проблема языков centum и satem. — ВЯ, 1958, № 4.
- Исаев М. И. Дигорский диалект осетинского языка. М., 1966.
- Исаев М. И. Осетинский язык (становление и развитие литературного языка). — В кн.: Основные процессы внутриструктурного развития иранских и иберийско-кавказских языков. М., 1969.
- Исаев М. И. Очерки по истории изучения осетинского языка. Орджоникидзе, 1974.
- Калинина З. М. Очерки по лексикологии современного литературного пушту. М., 1972.
- Калонтаров Я. И. Таджикские пословицы и поговорки в сравнении с узбекскими. Душанбе, 1969.
- Капранов В. А. «Луғати фурс» Асади Туси и его место в истории таджикской (фарси) лексикографии. Душанбе, 1964.
- Каримов У. И. Китаб ас-сайдана («фармакогнозия») Беруни. — АДД. Ташкент, 1971.
- Кауфман К. В. Некоторые вопросы истории согдийского языка. — ТИЯЗ, 1956, т. VI.
- Каухчишвили С. — Сообщ. Груз. АН, 1941, вып. 2.
- Каухчишвили С. — Сообщ. Груз. АН, 1943, вып. 4.
- Керимова А. А. Таджикский язык (об основных изменениях в литературном языке). — В кн.: Основные процессы внутриструктурного развития иранских и иберийско-кавказских языков. М., 1969.

- Киселева Л. Н. Очерки по лексикологии языка дари. М., 1973
- Кислякова В. Н. Хозарейцы, аймаки, моголы (к вопросу об их происхождении и расселении). — СЭ, 1973, № 4.
- Климов Г. А. Вопросы методики сравнительно-генетических исследований. М., 1971.
- Климов Г. А., Эдельман Д. И. Язык бурушаски. М., 1970.
- Кляшторный С. Г. Древнетюркская руническая надпись на бронзовом перстне из Ферганы. — В кн.: Археологические работы в Таджикистане в 1957 г., вып. 5. Сталинабад, 1959.
- Кляшторный С. Г. К вопросу о подлинности древнетюркской надписи с именем Чингис-хана. — ПВ, 1960, № 1.
- Корпус боспорских надписей (Corpus inscriptionum Regni Bosporani). М.—Л., 1965.
- Коссович К. Четыре статьи из Зендавесты. — СПб., 1861.
- Кузнецов П. Е. Сравнительный грамматический очерк таджикского и сартовского наречий. — ИТОРГО, 1915, т. 9, вып. 2, ч. 1.
- Курдоев К. К. Грамматика курдского языка. М.—Л., 1957.
- Курилович Е. К вопросу о древне-персидской клинописи. — В кн.: Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.
- Кушеев В. В. Афганская рукописная книга (очерки афганской письменной культуры). — АКД. Л., 1974.
- Лившиц В. А. Согдийские слова в таджикском языке, 1. — Изв. АН Тадж. ССР. Отд. ОН, 1957, вып. 12.
- Лившиц В. А. Юридические документы и письма. Чтение, пер. и коммент. — В кн.: Согдийские документы с горы Муг, вып. 2. М., 1962.
- Лившиц В. А. К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе. — В кн.: Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969.
- Лившиц В. А. Хорезмийский календарь и эры древнего Хорезма. — ПС, 21 (84). Л., 1970.
- Лившиц В. А., Луконин В. Г. Среднеперсидские и согдийские надписи на тореутике. — ВДИ, 1964, № 3.
- Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.
- Люткевич Ф. Я. О некоторых торговых центрах Бухарского оазиса. — В кн.: Краткое содержание докладов годичной научной сессии Ин-та этнографии АН СССР (ИО), 1969 г. Л., 1970.
- Люткевич Ф. Этнографические особенности таджикского населения Бухарского оазиса (конец XIX—начало XX в.). — АКД. Л., 1975.
- Макаев Э. А. Проблема индоиранского языкового единства. — ВЯ, 1971, № 3.
- Маккензи Д. Н. Курманджи, курди и гурани. — НАА, 1963, № 1.
- Мандельштам А. М. О некоторых вопросах сложения таджикской народности в среднеазиатском междуречье. — СА, 1954, т. 20.
- Марр Н. Я. Избранные работы, т. 5. М.—Л., 1935.
- Массон В. М., Ромоданов В. А. История Афганистана, т. 1. М., 1964.
- Материалы 1926 — Материалы по районированию Средней Азии, кн. 1, ч. 1. Бухара—Ташкент, 1926.
- Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Л., 1938 (пер. с 7-го фр. издания 1934 г.).
- Миллер Б. В. Таты, их расселение и говоры (материалы и вопросы). — Изв. общества обследования и изучения Азербайджана (Баку), 1929, № 8, вып. 7.
- Миллер Б. В. Талышские тексты. М., 1930.
- Миллер Б. В. Талышский язык. М., 1953.
- Миллер Вс. Ф. Осетинские этюды, т. 1—3. М., 1881—1887.
- Миллер Вс. Эпиграфические следы иранства на Юге России. — ЖМНП, 1886, октябрь.
- Миллер Вс. Ф. Татские этюды, ч. 1—2. М., 1905—1907.
- Миллер Вс. Ф. К иранскому элементу в припонтийских греческих надписях. — Изв. Археологической комиссии, 1913, вып. 47.
- Миллер Вс. Ф. — Язык осетин. Пер. с нем. М.—Л., 1962.

- Миллер Вс. Ф. Осетинско-русско-немецкий словарь, т. 1—3. Под ред. и с дополн. А. А. Фреймана. Л., 1927—1934.
- Народы Кавказа, т. 1. М., 1960.
- Население СССР. Справочник. Под ред. А. Я. Боярского. М., 1974.
- Немет Ю. Список слов на языке ясов, венгерских алан. Пер. с нем. и прим. В. И. Абаева. Орджоникидзе, 1960.
- Неменова Р. Л. Краткий очерк грамматики таджикского языка. — В кн.: Калонтаров Я. И. Краткий таджикско-русский словарь. М., 1955.
- Неменова Р. Л. Сложение таджикского населения Варзоба. — СЭ, 1969, № 5.
- Низматов Х. Г. О классификации тюркских племенных языков М. Кашгарским. — ПП и ПИКНВ, 1969, т. 5.
- Оранский И. М. Введение в иранскую филологию. М., 1960.
- Оранский И. М. Научная командировка в Гиссарскую долину. — НАА, 1962, № 4.
- Оранский И. М. Иранские языки. М., 1963.
- Оранский И. М. Индийский диалект группы парья (Гиссарская долина). Материалы и исследования. Вып. 1. Тексты (Фольклор). (XXVI МКВ. Материалы делегации СССР). М., 1963.
- Оранский И. М. Indo-Iranica, т. 1. — ПП и ПИКНВ. М., 1970, т. 6.
- Оранский И. М. Индо-арийский язык гиссарских парья (Средняя Азия) и специфика его развития в таджикоязычной среде (парья-таджикское двуязычие и его воздействие на лексико-грамматическую систему языка гиссарских парья). — Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. Тезисы докладов и сообщений (Ереван, 1973). М., 1973.
- Оранский И. М. Древнеиранская филология и древнеиранское языкознание в СССР (1917—1970). — ВДИ, 1974, № 2.
- Оранский И. М. Индоарийские элементы в арготической речи гиссарских джуги. — В кн.: Актуальные вопросы исследования иранских языков и диалектов. М., 1974.
- Оранский И. М. О соотношении периодизации истории языка с периодизацией письменных памятников (на материале истории иранских языков). — ВЯ, 1975, № 2.
- Пахалина Т. Н. Ишканинский язык. М., 1959.
- Пахалина Т. Н. Сарыкольский язык (исследование и материалы). М., 1966.
- Пахалина Т. Н. Памирские языки. М., 1969.
- Пахалина Т. Н. Сарыкольско-русский словарь. М., 1971.
- Пахалина Т. Н. Ваханский язык. М., 1975.
- Пахалина Т. Н., Соколова В. С. Мазандеранский язык. — В кн.: Современный Иран. Справочник. М., 1957.
- Пейсинов Л. С. Лексикология современного персидского языка. М., 1975.
- Персидско-русский словарь в двух томах. Свыше 60 000 слов. Под ред. Ю. А. Рубинчика (Прилож.: Грамматический очерк персидского языка). М., 1970.
- Пирейко Л. А. Талышский язык. — В кн.: Языки народов СССР, т. 1. М., 1966.
- Писарчик А. К., Кармышева Б. Х. Опыт сплошного этнографического исследования Кулябской обл. — Изв. АН Тадж. ССР. Отд. ОН, 1953, вып. 3.
- Поливанов Е. Д. Вокализм гор. Самарканда (глава из описания двуязычной системы). — ДАН-В, 1928, № 14.
- Порций В. Членение индоевропейской языковой области. Пер. с нем. М., 1964.
- Рагоза А. Н. Существительное и прилагательное в среднеперсидских турфанских текстах. — КСИНА, 1963, т. 67.
- Расторгуева В. С. Об устойчивости морфологической системы языка (по материалам северных таджикских говоров). — В кн.: Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. М., 1952.
- Расторгуева В. С. Краткий очерк персидского языка. — В кн.: Миллер Б. В. Персидско-русский словарь. 2-е изд. М., 1953.

- Расторгуева В. С.* Краткий очерк грамматики таджикского языка. — В кн.: *Таджикско-русский словарь*. Под ред. М. В. Рахими и Л. В. Успенской. М., 1954.
- Расторгуева В. С.* Изучение таджикского языка в СССР. — ОИИЯ, 1962.
- Расторгуева В. С.* Опыт сравнительного изучения таджикских говоров. М., 1964.
- Расторгуева В. С.* Среднеперсидский язык. М., 1966₁.
- Расторгуева В. С.* Белуджский язык. — В кн.: *Языки народов СССР*, т. 1. М., 1966₂.
- Расторгуева В. С.* Диалектные данные при изучении процессов развития языка (на материалах иранских языков). — В кн.: *Лингвогеография, диалектология и история языка*. Кишинев, 1973.
- Расторгуев В. С., Бакаев Ч. Х., Исаев М. И.* Типы двуязычия у иранских народов Советского Союза. М., 1964.
- Расторгуева В. С., Керимова А. А., Мамедзаде А. К.* и др. Гилянский язык. М., 1971.
- Расторгуева и др.* 1975 — Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. 1. Фонология. Эволюция морфологического типа (Расторгуева В. С., Эдельман Д. И.). Т. 2. Эволюция грамматических категорий (Ефимов В. А., Керимова А. А., Молчанова Е. К. и др.). М., 1975.
- Расторгуева В. С., Керимова А. А.* Система таджикского глагола. М., 1964.
- Розенфельд А. Э.* К вопросу о памирско-таджикских языковых отношениях (на материале ванджских говоров). — ТИЯЗ, 1956, т. 6.
- Ромасевич А. А.* Лар и его диалект. — *Иранские языки*. Т. 1. М.-Л., 1945.
- Рубинчик Ю. А.* Современный персидский язык. М., 1960.
- Рубинчик Ю. А.* Грамматический очерк персидского языка. — В кн.: *Персидско-русский словарь*, т. 2. М., 1970.
- Семенов А. А.* К вопросу об этническом и классовом составе северных городов империи Хорезм-шахов в XII в. н. э. (по актам того времени). — Изв. АН Тадж. ССР. Отд. ОН, 1952, вып. 2.
- Смирнова О. И.* Карта верховий Зеравшана по мугским документам. М., 1960 (XXV МКВ, ДД СССР).
- Смирнова О. И.* Согд (к истории изучения страны и о задачах ее исследования). — ПС, т. 21 (84), 1970.
- Соболевский А.* Русско-скифские этюды. — ИОРЯС АН, 1921, № 26.
- Соболевский А.* Русско-скифские этюды. — Изв. ОРЯС АН, 1922, № 27.
- Современный Иран* (справочник). М., 1975.
- Соколов С. Н.* Грамматический очерк языка белуджей Советского Союза. — ТИЯЗ, 1956, т. 6.
- Соколов С. Н.* Историческое развитие каузатива в западноиранских языках. — АКД. Л., 1958.
- Соколов С. Н.* Авестийский язык. М., 1961.
- Соколов С. Н.* Язык Авесты (учебное пособие). Л., 1964.
- Соколова В. С.* Фонетика таджикского языка. М., 1949.
- Соколова В. С.* Очерки по фонетике иранского языка, т. 1. М., 1953₁.
- Соколова В. С.* Очерки по фонетике иранских языков, т. 2. М., 1953₂.
- Соколова В. С.* К уточнению классификации шугнано-рушанской группы памирских языков. — ИС, 1963.
- Соколова В. С.* Шугнано-рушанская языковая группа. — В кн.: *Языки народов СССР*, т. 1. М., 1966.
- Соколова В. С.* Генетические отношения мунджаанского языка и шугнано-язгулямской языковой группы. Л., 1973.
- Стаевский В. Я.* Хутталъ в сообщениях китайских путешественников Сюань-Цзяна и Хой-Чао. — Изв. АН Тадж. ССР. Отд. ОН, 1957, вып. 14.
- Стеблин-Каменский И. М.* Мунджаанские этимологии. — ПП и ПНКНВ, 1973, т. 9.
- Стори Ч. А.* Персидская литература. Библиографический обзор. В 3-х ч. Пер. с англ., перераб. и доп. Ю. Э. Брегея. М., 1972.

- Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968.
- Сухарева О. А. К истории городов Бухарского ханства. Ташкент, 1958.
- Сухарева О. А. Бухара XIX—начала XX в. М., 1966.
- «Собрание историй. Маджму ат-таварих». Подгот. к изд. А. Т. Тагирджанов. Л., 1960.
- Таджикско-русский словарь. Под ред. М. В. Рахими и Л. В. Успенской. Гл. ред. Е. Э. Бертельс. 40 000 слов (Прилож. В. С. Расторгуева, Грамматический очерк. М., 1954).
- Толстов С. П. Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит. — ВДИ, 1938, № 4.
- Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
- Толстов С. П. Итоги двадцати лет работы Хорезмской экспедиции. — СЭ, 1957, № 4.
- Толстов С. П. Датированные документы из дворца Топрак-кала и проблема «эры шака» и «эры Канишки». — ПВ, 1961, № 1.
- Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
- Томсон Дж. О. История древней географии. М., 1953.
- Топоров В. Н., Трубаева О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
- Фархади Р. Разговорный фарси в Афганистане. Пер. с фр. М., 1974.
- Фарханги забони тоҷикӣ 1969 — Словарь таджикского языка (X—начало XX в.). В 2-х т. Около 45 000 слов и словосочетаний с приложением арабского ключа. Под ред. М. Ш. Шукурова, В. А. Капанова, Р. Хашима, Н. А. Масуми. М., 1969.
- Фрейман А. А. Среднеперсидский язык и его место среди иранских языков. — В кн.: Восточные записки, т. 1. Л., 1928.
- Фрейман А. А. Находки согдийских рукописей и памятников материальной культуры в Таджикистане (Предварительное сообщение). — В кн.: Согдийский сборник. Л., 1934₁.
- Фрейман А. А. Опись рукописных документов, извлеченных из развалин здания на горе Муг в Захматабадском р-не Таджикской ССР около селения Хайрабад и собранных Таджикской базой АН СССР. — В кн.: Согдийский сборник. Л., 1934₂.
- Фрейман А. А. Хорезмский язык. — ЗИВ, 1939, т. 7.
- Фрейман А. А. Согдо-хорезмийские диалектологические отношения. — СВ, 1947, т. 4.
- Фрейман А. А. Хорезмийский язык. Материалы и исследования, т. 1. М.—Л., 1951.
- Фрейман А. А. Описание, публикации и исследование документов с горы Муг. — В кн.: Согдийские документы с горы Муг, вып. 1. М., 1962.
- Фролова В. А. Белуджский язык. М., 1960.
- Ханыков Н. В. Экспедиция в Хорасан. М., 1973.
- Хидоятов И. К вопросу о формировании населения южных районов Узбекистана. — В кн.: Из истории культуры народов Узбекистана. Ташкент, 1965.
- Хромов А. А. Согдийские слова в говорах таджикского языка. — Изв. АН Тадж. ССР. Отд. ОН, 1965, № 3 (41).
- Хромов А. А. Ягнобский язык. М., 1972.
- Церетели Г. Арзамаская билингва. Тбилиси, 1942.
- Цукерман И. И. Вариантность как диахронический лимит языковой системы. — ПС вып. 19 (82). Л., 1969.
- Цукерман И. И. Склонение имен существительных в хорасанском курманджи (Парадигмы). — ПП и ПИКНВ, 1973, т. 9.
- Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- Эдельман Д. И. Проблема церебральных в восточноиранских языках. — ВЯ, 1963, № 5.
- Эдельман Д. И. Современное состояние изучения памирских языков. — ВЯ, 1964₁, № 1.

- Эдельман Д. И. К современному состоянию изучения памирских языков. — Изв. АН Тадж. ССР. Отд. ОН, 1964, № 1.
- Эдельман Д. И. Основные вопросы лингвистической географии. На материале индоиранских языков. М., 1968.
- Эдельман Д. И. Язгулямско-русский словарь. М., 1971.
- Эдельман Д. И. Вопросы периодизации индоиранских языков, не имеющих древней письменности. — НАА, 1972, № 3.
- Эдельман Д. И. Три ряда европейских гуттуральных и типология консонантизма индоиранских языков. — Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. Предварительные материалы. М., 1972.
- Эдельман Д. И. К типологии индоевропейских гуттуральных. — Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и яз., 1973, т. 32, вып. 6.
- Эдельман Д. И. К географическому распределению дифференциальных элементов фонем (на материале индоиранских языков). — В кн.: Очерки по фонологии восточных языков. М., 1975.
- Эдельман Д. И. Эволюция фонетического типа. — Опыт историко-типологического исследования иранских языков, т. 1. М., 1975.
- Эйюби К. Р., Смирнова И. А. Курдский диалект мукри. Л., 1968.]

НА ДРУГИХ ЯЗЫКАХ

- Al-Kāšġarī — «Divanü lġat-it-türk terġemesi», 1. [Ankara], s. a.
- Altheim Fr. Awestische Textgeschichte. Halle, 1949.
- Andreas F. C. Die Entstehung des Awesta-Alphabets und sein ursprünglicher Lautwert. Hamburg, 1902.
- Andreas F. C. Zwei soghdische Exkurse zu Wilhelm Thomsens. Ein Blatt in türkischer Runenschrift. — SPAW, 1940, t. 15.
- Andreas F. C., Henning W. B. Mitteliranische Manichaica aus Chinesisch-Turkestan, I — SPAW, Philosoph.-hist. Kl., 1932, t. 10; II — Ibid., 1933, t. 7; III — ibid., 1934, t. 27.
- Anquetil du Perron. Zend-Awesta, ouvrage de Zoroastre, t. 1—3. Paris, 1771.
- Athenaeus — Dipsosopistarum Athenaei Naucraticae. Lipsiae, 1870—1890, v. 3, libri 13.
- Bailey H. W. The word «but» in Iranian. — BSOS, 1931, v. 6, pt. 2.
- Bailey H. W. Persia, II. Language and dialects. — EI, 1936, bd. 3, N 53.
- Bailey H. W. Zoroastrian problems in the ninth-century books. Oxford, 1943; 2 ed. London, 1971.
- Bailey H. W. Asica. — TPhS, 1945, (London, 1946).
- Bailey H. W. Khotanese Texts I (1945), II (1954), III (1956), IV (1961), V (1963). Cambridge.
- Bailey H. W. Khotanese Buddhist texts. London, 1951.
- Bailey H. W. Languages of the Saka. — HbO—1, 1958.
- Bailey H. W. Saka documents. Plates. (Corpus Inscriptionum Iranicarum. Pt. 2. Inscriptions of the Seleucid and Parthian period and of Eastern Iran and Central Asia. v. 5. Saka). London, 1960, pt. 1; 1961, pt. 2; 1963, pt. 3, 1967, pt. 4.
- Bailey H. W. Prolexis to the Book of Zambasta. Cambridge, 1967.
- Bailey H. W. Saka documents. Text volume. (Corpus Inscriptionum Iranicarum. Pt. 2. Inscriptions of the Seleucid and Parthian period and of Eastern Iran and Central Asia. V. 5. Saka). London, 1968.
- Bailey H. W. A half-century of Irano-Indian studies — JRAS, 1972, N 2.
- Barker Muhammad Abd-al-Rahman, and Mengal Aqil Khan. A course in Baluchi, v. 1. Montreal — Quebec, 1969.
- Bartholomae Chr. Vorgeschichte der iranischen Sprachen. — GIPh, 1895—1901, Bd. 1.

- Bartholomae Chr.* Awestasprache und Altpersisch. — GIPh, 1895—1901, Bd. 1.
- Bartholomae Chr.* Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904 (2 unveränderte Auflage. Berlin, 1961).
- Bartholomae Chr.* Die Gatha's des Awesta. Zarathushtra's Verspredigten. Strassburg, 1905.
- Bartholomae Chr.* Zum altiranischen Wörterbuch. Strassburg, 1906.
- Bartholomae Chr.* Zum Lautwert der Awestischen Vokalzeichen — WZKM, 1910, t. 24.
- Benfey Fh.* Die persische Keilinschriften. Leipzig, 1847.
- Benveniste É.* Essai de grammaire sogdienne, pt 2. Paris, 1929₁.
- Benveniste É.* Titres iraniens en arménien. — REArm, 1929₂, t. 9.
- Benveniste É.* Termes et noms achéménides en araméen. — JA, 1934, t. 225.
- Benveniste É.* Les infinitifs avestiques. Paris, 1935.
- Benveniste É.* Codices sogdiani, Manuscripts de la Bibliothèque National (Mission Pelliot) reproduits en fac-similé. Copenhagen, 1940₁.
- Benveniste É.* Textes sogdiens, édites, traduits et commentés. Paris, 1940₂.
- Benveniste É.* Etudes iraniennes — TPhS, 1945 (1946).
- Benveniste É.* Vessantara Jātaka. Paris, 1946.
- Benveniste É.* Mots voyageurs en Asie Centrale. — JA, 1948, t. 236.
- Benveniste É.* Éléments perses en araméen d'Égypte. — JA, 1954, p. 297—310.
- Benveniste É.* Mots d'emprunt iraniens en arménien. — BSL, t. 53, (1957—1958), fasc. 1, 1958.
- Benveniste É.* Remarques sur les composés arméniens en -pet (< ir. -pati). — In: Handés Amsorya, 1961, n.° 10—12, colonnes 631—640.
- Benveniste É.* Édits d'Asoka en traduction grecque. — JA, 1964₁, t. 252, fasc. 2.
- Benveniste É.* Éléments parthes en arménien — REArm, 1964₂, n. s., t. 1.
- Benveniste É.* Titres et noms propres en iranien ancien. Paris, 1966.
- Benveniste É.* Le système phonologique de l'iranien ancien. — BSL, 1968, t. 63, fasc. 1.
- Benveniste É.* Old Iranian. — In: Current trends in linguistics, v. 6. The Hague—Paris, 1970.
- Benveniste É., Renou L.* Vṛtra et Vṛṣṇagna, étude de mythologie indo-iranienne. Paris, 1934.
- Besatt T.* Džilli zaræg. Владикавказ, 1931.
- Blumhardt J. F., MacKenzie D. N.* Catalogue of Pashto manuscripts in the libraries of the British Isles. London, 1965.
- Bowman R. A.* Aramaic ritual texts from Persepolis. Chicago, 1970.
- Boyce M.* The Manichaean hymn-cycles in Parthian. Oxford, 1954.
- Boyce M.* A catalogue of the Iranian manuscripts in Manichaean script in the German Turfan collection. Berlin, 1960.
- Boyce M.* Middle Persian literature. — HbO—2, 1968₁.
- Boyce M.* The Manichaean literature in Middle Iranian. — HbO₂, 1968₂.
- Brandenstein W., Mayrhofer M.* Handbuch des Altpersischen. Wiesbaden, 1964.
- Brøndal V.* — Acta philologica scandinavica, 1928, 3.
- Cameron G. G.* The Persepolis treasury tablets. Chicago, 1948.
- Cameron G. G.* The old Persian text of the Bisutun inscription. — Journal of cuneiform studies, v. 5, N 2, New-Haven, 1951.
- Chardin.* Les Voyages de dean Chardin en Perse et autres lieux de l'Orient. Amsterdam, 1711.
- Christensen A.* Les dialectes d'Awromān et de Pāwā. Textes recueillis par Åge Meyer Benedictsén, revus et publiés avec des notes et une esquisse de grammaire. København, 1921.
- Christensen A.* Quelques notices sur les plus anciennes périodes du Zoroastrianisme. — AO, 1924, t. 4.
- Christensen A.* Contributions à la dialectologie iranienne: [1.] Dialecte guilāki de Recht, dialectes de Fārizānd, de Yaran et de Natanz (Avec un supplément contenant quelques textes dans le persan vulgaire de Téhéran). København, 1930; 2. Dialectes de la région de Sēmnan: sourkhēi, lāsguerdi, sāngesārī et chāmerzadī. København, 1935.

- Christensen A.* Le premier chapitre du Vendidad et l'histoire primitive des tribus iraniennes. København, 1943.
- Codices Avestici et Pahlavici Bibliothecae Universitatis Hafniensis, v. 1—12. Copenhagen, 1931—1944.
- Darmesteter J.* Le Zend-Avesta. Traduction nouvelle avec commentaire historique et philologique, v. 1—3. Paris, 1892—1893. 2 ed. Paris, 1960.
- Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd. 1—3. Wiesbaden, 1963—1967.
- Doerfer G.* Türkische Lehnwörter im Tadschikischen. Wiesbaden, 1967.
- Doerfer G.* Irano-Altaistica: Turkish and Mongolian Languages of Persia and Afghanistan. — In: Current trends in linguistics, v. 6. The Hague—Paris, 1970.
- Dresden M. J.* The Jātakastava or «Praise of the Buddha's former birth». Indo-Scythian (Khotanese) text, English translation, grammatical notes and glossaries. Philadelphia, 1955 (Transactions of the American Philosophical Society, n. s., v. 45, N 5).
- Dresden M. J.* Middle Iranian — Current trends in linguistics, 1970, v. 6.
- Driver G.* Aramaic documents of the V century B. C. Oxford, 1957.
- Duchesne-Guillemin J.* Les composes de l'Avesta. Paris, 1936.
- Duchesne-Guillemin J.* Zoroastre. Étude critique avec une traduction commentée des Gāthā. Paris, 1948.
- Duchesne-Guillemin J.* The Hymns of Zarathustra. London, 1952.
- Duchesne-Guillemin J.* L'étude de l'iranien ancien au vingtième siècle. — Kratylos, 1962, N 7.
- Dvoryankov N. A.* Pashto dialects and the literary language of Afghanistan. M., 1963 (XXVI International Congress of Orientalists. Papers presented by the USSR delegation).
- Eilers W.* Iranische Beamtennamen in der keilschriftlichen Überlieferung, T. 1. Leipzig, 1940 (Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes. Bd. 25, N 5). Reprint 1966.
- Eilers W.* Die altiranische Vorform des väspuhr. — In: A locust's leg. Studies in honour of S. H. Tagizadeh. London, 1962.
- Elfenbein J. H.* A vocabulary of Marw Baluchi. Napoli, 1963.
- Elfenbein J. H.* The Baluchi language. A dialectology with texts. London, 1966.
- Emeneau M. B.* Dravidian and Indian linguistics. v. 1—2. Berkeley, 1962.
- Emmerick R. E.* The book of Zambasta. A Khotanese poem of Buddhism. London, 1968₁.
- Emmerick R. E.* Saka grammatical studies. London, 1968₂.
- Emmerick R. E.* Saka documents, 5. (Corpus Inscriptionum Iranicarum. Pt. 2. Inscriptions of the Seleucid and Parthian period and of Eastern Iran and Central Asia). London, 1971.
- Farhâdi Abd-ul-Ghafûr.* Le persan parlé en Afghanistan. Grammaire du Kâboli. Paris, 1955.
- Friedrich J.* [Рец.:]. Cameron G. G. The Persepolis treasury tablets (Chicago, 1948). — Deutsche Literatur Zeitung, Januar 1950, 71 Jahrg, H. 1.
- Frye R. N.* The history of Bukhara. Cambridge, Mass., 1954.
- Frye R. N.* Remarks on Baluchi history. — Central Asiatic Journal, 1961, n 6.
- Frye R. N.* The Parthian and Middle Persian inscriptions of Dura-Europos (Corpus Inscriptionum Iranicarum. Pt. 3. Pahlavi Inscriptions. V. 3. Dura-Europas. Plates. Pt. 1. Plates 1—24). London, 1968.
- Frye R. N.* Sasanian seals in the collection of Mohsen Foroughi (Corpus Inscriptionum Iranicarum, Pt. 3. Pahlavi Inscriptions. V. 6. Seals and cvs. t. 2. Plates 31—54). London, 1971.
- Gauthiot R.* Essai de grammaire sogdienne, p. 1. Paris, 1914—1923.
- Gauthiot R.* De l'accent d'intensité iranien. — MSL, 1916, t. 20, f. 1.
- Gauthiot R.* Du pluriel person en -ha. — MSL, 1916, t. 20, f. 2.
- Geiger W.* Kleinere Dialekte und Dialektgruppen. — GIPh 1898—1901. Bd. 1/2.
- Geldner K. F.* Avesta, die heiligen Bücher der Parsen. . . , Bd. 1—3. Stuttgart, 1886—1895.
- Geldner K. F.* Awestalitteratur. — GIPh, 1896—1904, Bd. 2.

- Gershevitch I. A grammar of Manichean Sogdian. Oxford, 1954. (Reprinted 1961).
- Gershevitch I. The Avestan hymn to Mithra. Cambridge, 1959.
- Gershevitch I. Travels in Bashkardia. — Journal of the Royal Central Asian Society, 1959, v. XLVI, July—October.
- Gershevitch I. Dialect variation in Early Persian. — TPhS, 1964 (1965).
- Gershevitch I. The well of Baghlan. — AM, n. s., 1966, v. 12, Pt. 1.
- Gershevitch I. Die Erforschung des Awesta. Darmstadt, 1966.
- Gershevitch I. Bactrian inscriptions and manuscripts. — IF, 1967, Bd. 72, 1/2.
- Gershevitch I. Amber at Persepolis. — Studia Pagliaro. Roma, 1969, v. 2.
- Gershevitch I. Iranian nouns and names in Elamite grab. — TPhS, 1969, (1970).
- Ghirshman R. La terrasse sacrée de Masjid-i-Solaiman (Iran). — In: Académie des inscriptions et belles-lettres. Comptes rendus. Nor-Déc, 1970.
- Gignoux Ph. Glossaire des inscriptions pehlevies et parthes (Corpus Inscriptionum Iranicarum, Supplementary series, v. 1). London, 1972.
- Hallock R. T. Persepolis fortification tablets. Chicago, 1969.
- Hansen O. Berliner soghdische Texte. 1. Bruchstücke einer soghdischen Version der Georgspassion. Berlin, 1941 (APAW, Phil.—hist. Kl., 10); 2 — Wiesbaden, 1954 (Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Kl. d. AW. und d. Literatur in Mainz, N 15).
- Harmatta J. Studies in the language of the Iranian tribes in South Russia. Budapest, 1952.
- Harmatta J. A recently discovered old persian inscription. — Acta antiqua, 1953, v. 2, N 1, 2.
- Harmatta J. The Bactrian Wallinscriptions from Kara Tepe. — В кн.: Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969.
- Henning W. B. Das Verbum des Mittelpersischen der Turfan-Fragmente. — ZII, 1933, Bd. 9, H. 2.
- Henning W. B. Ein Manichäisches Bet- und Beichtbuch. Berlin, 1937 (APAW, Jg. 1936, 10).
- Henning W. B. Sogdian loanwords in New-Persian. BSOAS, 1939, v. 10, pt. 1.
- Henning W. B. Sogdica. London, 1940.
- Henning W. B. The disintegration of the Avestic studies. — TPhS, 1942.
- Henning W. B. Bibliography of important studies on Old Iranian. Tehran, 1950.
- Henning W. B. The inscription of Sar-Mashad (Corpus Inscriptionum Iranicarum. Pt 3. Pahlavi Inscriptions. V. 2. Private inscriptions of classical period. Plates. Pt. 1. Plates 1—24). London, 1955.
- Henning W. B. The Ancient language of Azerbaijan. — TPhS, 1954; Hertford, 1955.
- Henning W. B. The Inscriptions of Nagš-i Rustam (1—48) (Corpus Inscriptionum Iranicarum. Pt 3. Pahlavi inscriptions. V. 2. Private inscriptions of the classical period. Plates. Pt. 2. Plates 25—48). London, 1957.
- Henning W. B. The Inscriptions of Tangi-i Azao. — BSOAS, 1957, v. XX.
- Henning W. B. Mitteliranisch. — HbO—1, 1958.
- Henning W. B. The Bactrian Inscription. — BSOAS, 1960, v. 23, pt. 1.
- Henning W. B. Persian poetical manuscripts from the time of Rūdākī. — In: A Locust's Leg. Studies in honour of S. H. Tagizadeh. London, 1962.
- Herzfeld E. Paikuli. Monument and inscription of the early history of the Sasanian Empire. Bd. 1—2. Berlin, 1924.
- Herzfeld E. Altpersische Inschriften. Berlin, 1938.
- Hinz W. Altpersischer Wortschatz. Leipzig, 1942.
- Hinz W. Neue Wege im Altpersischen. Wiesbaden, 1973.
- Hinz W. Altiranisches Sprachgut den Nebenüberlieferungen. Wiesbaden, 1975.
- Hoffmann K. Altiranisch. — In: Handbuch der Orientalistik, Bd. 4, Leiden—Köln, 1958.
- Hoffmann K. Zum Zeichenwert der Avesta. — Festgabe deutscher Iranisten zur 2500 jährfeier Irans. Stuttgart, 1971.
- Horn P. Neupersische Schriftsprache. — GPh, 1901, Bd. 1, Abt. 2.
- Hübschmann H. Persische Studien. Strassburg, 1895.
- Humbach H. Die Gathas des Zarathustra, Bd. 1—2. Heidelberg, 1959.
- Humbach H. Neue chwaresmologische Arbeiten — ZDMG, 1973, Bd. 123, H. 1.

- Ivanow W.* Two dialects spoken in the Central Persian Desert. — JRAS, 1926.
- Ivanow W.* Notes on Khorasani Kurdish. — JASB, N. S., 1927, v. 23, N 1.
- Ivanow W.* Notes on the dialect of Khūr and Mihrijān. — AO, 1929, v. 8.
- Ivanow W.* Alamut. — The Geographical Journal, 1931, v. 77, N 1, January.
- Ivanow W.* The dialect of Gozārkhon in Alamut. — AO, 1931, 9.
- Ivanow W.* The Gabri dialect spoken by the Zoroastrians of Persia, 1—2. — RSO, 1935, v. 16, fasc. 1; 3 — RSO, 1937, 4 — RSO, 1939, v. 13, fasc. 1.
- Jacobsohn R.* Arier und Ugrofinnen. Göttingen, 1922.
- Johnson E. L.* Historical grammar of the Ancient Persian language. N. Y., 1917.
- Justi F.* Iranischen Namenbuch. Marburg, 1895.
- Kārang 'Abd al-'Alī.* Tābl va harzānī du lahja az zabān-i bāstān-i Azarbayjān. Tabriz, 1955.
- Kellens J.* L'avestique de 1962 a 1972. Kratylos, 1971 (1973): Addenda et corrigenda. Kratylos, 1975.
- Kent R. G.* Old Persian. Grammar, texts, lexicon. New Haven, 1953 (1st ed. — 1950).
- Kiyā S.* Vāza-nāma-yi tabarī («īrān-kūda» N 9). Tehrān, 1316/1947.
- Kiyā S.* Vāza-nāma-yi gurgānī («Intišārāt-i Dānišgah-i Tehrān», 133) Tehrān, 1330/1951.
- König.* Älteste Geschichte der Meder und Perser. — Der alte Orient, 33, 1934.
- Konow Sten.* Primer of Khotanese Saka (Grammatical sketch, chrestomathy, vocabulary, bibliography). Oslo, 1949.
- Kossowicz K.* Inscriptiones palaeo-persicae Achaemenidarum. Petropoli, 1872.
- Kuiper F. B. J.* The bliss of Asha. — IJ, v. 3, 7, N 2, 1964.
- Kurylowicz J.* Traces de la place du ton en gâthique. Paris, 1925.
- Lambton Ann K. S.* Three Persian dialects. London, 1938.
- Lazard G.* Caractères distinctifs de la langue tadjik. — BSL, 1956, t. 52, fasc. 1.
- Lazard G.* Grammaire du persan contemporain. Paris, 1957.
- Lazard G.* La langue des plus anciens monuments de la prose persane. Paris, 1963.
- Lazard G.* La dialectologie du judéo-persan. — In: Studies in bibliography and booklore, 1968, v. 8, p. 2—4.
- Lazard G.* Persian and Tajik. — In: Current trends in linguistics. 1970, v. 6.
- Lassen.* Die altpersischen Keilinschriften von Persepolis. Bonn, 1836.
- LeCoq P.* Le dialecte d'Abyāne. — In: Studia Iranica (Leiden), 1974, t. 3, fasc. 1.
- Lejeune M.* Traite de phonetique grecque. Paris, 1948.
- Lentz W.* Das neupersische. — HbO—1, 1958.
- Lommel H.* Die Religion Zarathustras. Tübingen, 1930.
- Lorenz M.* [Peч. на] Doerfer G. Türkische Lehnwörter im Tadschikischen. — MIO, 1968, Bd. 14.
- Lorimer D. L. R.* The phonology of the Bakhtiāri, Badekhsani and Madagiashti dialects of modern Persian. London, 1922.
- Lorimer D. L. R.* The popular Verse of the Bakhtiāri of S. W. Persia. I. Introduction. — BSOAS, 1954, t. 16; II. Specimens of Bakhtiāri verse. — BSOAS, 1955, t. 17; III. Further specimens. — BSOAS, 1963, t. 26.
- MacKenzie D. N.* Kurdish dialect studies, 1—2. London, 1961—1962.
- MacKenzie D. N.* The dialect of Awroman (Hawrāmān-i Luhōn). København, 1966.
- MacKenzie D. N.* A concise Pahlavi dictionary. London, 1971.
- Mann O.* (und Hadank K.). Kurdisch-persische Forschungen. Abt. 1—4. Berlin, 1906—1932.
- Marieq A.* La Grande inscription de Kaniska et l'étole tokharienne l'ancien langue de la Bactriane. — JA, 1958, t. 246, fasc. 4.
- Marquart J.* Untersuchungen zur Geschichte von Eran. — Philologus, 1895, N 54; 1896, N 55; Supplem. — 1905, N 10.
- Mayrhofer M.* Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, Bd. 1—2. Heidelberg, 1953—1976.
- Mayrhofer M.* Das Bemühen um die Surkh-Kotal-Inschrift. — ZDMG, 1962—1963, Bd. 112, H. 2 (N. F. Bd. 37).

- Mayrhofer M.* Die Rekonstruktion des Medischen. — Anzeigen der Phil.-hist. Kl. der Österreichischen Akademie der Wissenschaft, Jg. 1968, So 1.
- Mayrhofer M.* Das Altpertische seit 1964. — In: W. B. Henning Memorial Volume. London, 1970.
- Mayrhofer M.* Onomastica Persepolitana. Wien, 1973.
- Mayrhofer M., Dressler W.* (et al). Indogermanische Chronik. — Die Sprache, 1967, Bd. 13 [Периодическая библиография работ по индоевропейскому языкознанию, включая раздел «Indo-Iranisch» (M. Mayrhofer)].
- Meillet A.* La déclinaison et l'accent d'intensité en Perse. — JA, 1900, v. 15.
- Meillet A.* Observation critique sur le texte de l'Avesta. — JA, 1917.
- Meillet A.* Trois conférences sur les Gâthâ de L'Avesta. Paris, 1925.
- Meillet A.* Grammaire du vieux-perse. 2 éd., entièrement corrigée et augmentée par E. Benveniste. Paris, 1931.
- Menasce J. de.* Ostraca and Papyri. London, 1957 (Corpus Inscriptionum Iranicarum. Pt. 3. Pahlavi Inscriptions. V. 4. Ostraca. V. 5. Papyri. Plates. Pt. 1. Plates 1—24).
- Mokri 1966* — Légende de Bîžan-u Manîja, version populaire du sud Kurdistan. En langue gouranie. . . Texte établi, introduction traduction, thèmes folkloriques, notes linguistiques et glossaire par M. Mokri. Paris, 1966.
- Mokri M.* Le Chasseur de Dien et le mythe du Roi-Aigle (Dawara-y Dämyâri Wiesbaden, 1967) [non vidi].
- Mokri M.* Recherches de kurdologie. Contribution scientifique aux études iraniennes. Paris, 1970.
- Mokri M.* Cycle des fidèles, compagnons à l'époque de Buhlul. Etudes d'hérésiologie islamique et de thèmes mythico-religieux iraniens. Appendice. Dawra-y-Buhlul. Texte gourani établi, traduction, notes et commentaires (= M. Mokri. Contributions scientifique aux études iraniennes, t. 5, fasc. 4). Paris, 1974.
- Morgenstierne G.* Report on a linguistic mission to Afghanistan. Oslo, 1926.
- Morgenstierne G.* An etymological vocabulary of Pashto. Oslo, 1927.
- Morgenstierne G.* Indo-Iranian frontier languages, v. 1—2. Oslo, 1929—1938.
- Morgenstierne G.* Report on a linguistic mission to North-Western India. Oslo, 1932.
- Morgenstierne G.* Supplementary notes on Ormuri. — NTS, 1932, t. 5.
- Morgenstierne G.* Orthography and sound system of the Avesta. — NTS, 1942, t. 12.
- Morgenstierne G.* Neu-iranischen Sprachen. HbO-1, 1958.
- Morgenstierne G.* Notes on Sämnanî. — NTS, 1958, t. 18.
- Morgenstierne G.* Additional notes on Sämnanî. — NTS, 1958, t. 18.
- Morgenstierne G.* Stray notes on Persian dialects. — NTS, XIX, 1960. t. 19.
- Morgenstierne G.* Feminine nouns in -a in Western Iranian dialects. — In: A Locust's Leg. Studies in Honour of S. H. Tagizadeh. London, 1962.
- Morgenstierne G.* Indo-Iranian frontier languages, v. 3. The Pashai language. 1. Grammar. Oslo, 1967.
- Morgenstierne G.* Irano-Dardica. Wiesbaden, 1973 (Beiträge zur Iranistik. Hrsg. von G. Redard, Bd. 5).
- Morgenstierne G.* Etymological vocabulary of the shughni group. Wiesbaden, 1974.
- Müllenhoff K.* Über die Herkunft und Sprache der Skythen und Sarmaten. — Monatsberichte der Preussischer Akademie des Wissenschaft, 1866, Bd. 8.
- Müllenhoff K.* — Deutsche Altertumskunde, 1892, Bd. 3.
- Müller F. W. K.* Handschriftenreste in Estrangeloschrift aus Turfan, Chinesische Turkistan, 1. — SPAW, 1904, t. 9; 2 — APAW, (1904). Berlin, 1904.
- Müller F. W. K.* Eine Hermesstelle in manichäischer Version. — SPAW, 1905.
- Müller F. W. K.* Soghdische Texte, 1. Berlin, 1913 (APAW, 1912).
- Müller F. W. K., Lentz W.* Soghdische Texte, 2. Berlin, 1934 (SPAW, t. 21).
- Muqaddam M.* Gūyishā-yi Vafā va Āstiyān ba Tafriš. Tehran, 1318 (Yazd.)/1949.

- Nyberg H. S. Hilfsbuch des Pehlevi, Bd. 1—2. Uppsala, 1928—1931.
- Nyberg H. S. A manual of Pahlavi, pt. 1—2. Wiesbaden, 1964—1974.
- Oranskij J. M. Die neuiranischen Sprachen der Sowjetunion. 1—2. The Hague—Paris, 1975₁.
- Oranskij J. M. Indo-Iranica. 4. Tadjik (régional) buruj «bouleau». — In: *Mélanges linguistiques offerts à Émile Benveniste*. Paris, 1975.
- Pelliot P. Tokharien et Koutchéen. — JA, 1934, V. 224.
- Périkhanian A. Notes sur le lexique iranien et arménien. — REArm, 1968, t. V.
- Périkhanian A. Sur arm. PANDUCT. — REArm, 1969, t. 6.
- Rawlinson H. The persian cuneiform inscription at Behistun. London, 1846.
- Redard G. Le Palmier a Khur. Notes de dialectologie iranienne, 1. — In: *A Locust's Leg. Studies in honour of S. H. Tagizadeh*. London, 1962.
- Redard G. Other Iranian languages. — In: *Current trends in linguistics*, 1970, v. 6.
- Redard G. et al. L'Atlas linguistique des parlers iraniens: Atlas de l'Afghanistan. Bern, 1974.
- Reichelt H. Awestisches Elementarbuch. Heidelberg, 1909.
- Reichelt H. Avesta Reader. Texts, notes, glossary and index. Strassburg, 1911.
- Reichelt H. Zur Beurteilung der awestischen Vulgata. — WZKM, 1913, T. 27.
- Reichelt H. Iranisch. — Geschichte der indogermanischer Sprachwissenschaft (Berlin—Leipzig), 1927, Bd. 4, H. 2.
- Reichelt H. Die soghdischen Handschriftenreste des Britischen Museums. 1—2. Heidelberg, 1928—1931.
- Rosenberg Fr. Deux fragments sogdien-bouddhiques du Ts'ien-fo-tong de Touen houang (Mission S. d'Oldenburg 1914—1915). I. Fragment d'un conte. — ИРАH, 1918, m. 12; II. Fragment d'un sutra. — ИРАH, 1920, m. 14.
- Rosenberg Fr. Un fragment sogdien bouddhique du Musée Asiatique (Kr. IV. Soghd. 4). — Изв. АН СССР. Сер. 6, 1927, m. 21.
- Salemann C. Judaeo-Persica nach St.-Petersburger Handschriften. I. Chudai-dät. Ein judisch-bucharisches Gedicht. SPb., 1897 (ЗИАН. Сер. 7, т. 42, № 14).
- Salemann C. Zum mittelpersischen Passiv. — ИРАH, 1900, т. 13, № 3.
- Salemann C. Mittelpersisch. — GPh, 1901, Bd. 1, Abt. 1.
- Salemann C. Ein Bruchstück manichaeischen Schrifttums im Asiatischen Museum. — ЗИАН, 1904, m. 6, № 6.
- Salemann C. Manichaeica, 1—5. — ИИАН, 1907—1913.
- Salemann C. Manichaeische Studien. СПб., 1908, (ЗИАН, Сер. 8, т. 8, 10).
- Salemann C., Zhukovski Val. Persische Grammatik mit Literatur, Chrestomathie und Glossar. Berlin, 1889.
- Schaeder H. Iranische Beiträge. Halle, 1930.
- Schlerath B. Awesta-Wörterbuch. Vorarbeiten, Bd. 1—2. Wiesbaden, 1968.
- Schlumberger D., Robert L., Dupontsommer A., Benveniste É. Une bilingue gréco-araméenne d'Aśoka. — JA, 1958, t. 246, fasc. 1.
- Schmitt R. Medisches und persisches Sprachgut bei Herodot. — ZDMG, 1967, Bd. 117.
- Schmitt R. Iranica auf kleinasiatischen Inschriften. — Die Sprache, 1971, Bd. 17.
- Schuyzer E. Griechische Grammatik. 1. München, 1939.
- Senkowski J. Supplement a l'histoire generale des hunns, des turks et des mogols. SPb., 1924 (Прилож. к кн.: *Объявление публичного преподавания наук в Императорском Санктпетербургском Ун-те на сей 1824 г.* СПб., 1924).
- Siddiqi A. Studien über die persischen Fremdwörter im klassischen Arabisch. Göttingen, 1919.
- Sköld H. Materialen zu den iranischen Pamirsprachen. Lund, 1936.
- Smith M. Studies in the syntax of the Gathas of Zarathushtra together with text, translation and notes. Philadelphia, 1929, 2 ed. 1935.
- Sotoodeh M. Farhang-i gilaki. Tehran, 1954.
- Spiegel F. Avesta, die heiligen Schriften der Parsen. Zum ersten Male im Grundtexte sammt mit Huzvaresch-Übersetzung herausgegeben. Bd. 1—21. Wien, 1853—1858.

- Spiegel F.* Awesta, die heiligen Schriften der Parsen. Leipzig, 1862—1863.
- Sturtevant E. H.* The pronunciation of Greek and Latin. 2d ed. Philadelphia, 1940.
- Sundermann W.* Stand und Aufgaben der Iranistischen Turfanforschung. — MiO, 1969, Bd. 15, N 1.
- Sundermann W.* Mittelpersische und parthische kosmogonische und Parabeltexte der Manichäer (Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orient, 8). Berlin, 1973.
- Tavādia J. C.* Die mittelpersische Sprache und Literatur der Zarathustrier. Leipzig, 1956.
- Tedesco P.* Dialektologie der westiranischen Turfantexte. — MO, 1921, v. 15.
- Tedesco P.* a-Stämme und aya-Stämme im Iranischen. — ZII, 1923, Bd. 2, H. 2.
- Tedesco P.* Ostiranischer Nominalflexion. — ZII, 1926, Bd. 4, H. 1.
- Teufel F.* Quellenstudien zur neueren Geschichte der Chânate. — ZDMG, 1884, Bd. 38.
- Thomas B.* The Kumzari dialect of the Shihuh tribe, Arabia, and a vocabulary. — JRAS, 1930.
- Tolman H. C.* Ancient Persian lexicon and texts. Nashville, 1908.
- Tolman H. C.* Cuneiform supplement (autographed) to the author's Ancient Persian lexicon and texts. Nashville, 1910.
- Tomaschek W.* Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden, v. 1—2. — Sitzungsberichte der Wiener Akademie, 1887, N 116, 1889, N 117.
- Ungnad A.* Aramäische Papyrus aus Elephantine. Leipzig, 1911.
- Vasmer M.* Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Südrussland. Leipzig, 1923.
- Vasmer M.* Iranisches aus Südrussland. — In: Streiberg—Festgabe. Leipzig, 1924.
- Vasmer M.* Skythen Sprache. — In: Reallexikon der Vorgeschichte, Bd. 12.
- Wahby T., Edmonds C. J.* A Kurdish-English Dictionary. Oxford, 1966.
- Weissbach F. H.* Die Keilinschriften der Achämeniden. Leipzig, 1911. (Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe, Leipzig, 1968).
- Wolf F.* Awesta, die heiligen Bücher der Parsen, auf der Grundlage von Ch. Bartholomae's Altiranischen Wörterbuch übersetzt von F. Wolf. Strassburg, 1910.
- Yarshater E.* The dialect of Shāhrud (Khalkhāl). — BSOAS, 1959, v. 22, pt. 1.
- Yarshater E.* The Tāti dialect of Kajal. — BSOAS, 1960, v. 23, pt. 2.
- Yarshater E.* The Tāti dialects of Rāmand. — In: A Locust's Leg. Studies in honour of S. H. Tagizadeh. London, 1962.
- Yarshater E.* Iran and Afghanistan. — In: Current trends in linguistics, 1970, v. 6.
- Yusti F.* Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895.
- Zukā', Yahuā.* Gūyis-i karīngan-i «tāti». Tehran, 1954.
- Zgusta L.* Die Personennamen griechischer Städte der Nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955.